

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН

Зарубежные клондайки
РОССИИ

Владлен Сироткин

**Зарубежные
клондайки России**

ПРЕДИСЛОВИЕ

К началу XXI века Россия оказалась в долгу как в шелку, причем подлинная сумма внешнего долга тщательно скрывается. В СМИ поэтому фигурируют самые фантастические цифры – от 200 млрд. долл. на 1 января 2000 г. к началу президентства В.В. Путина, до 600 млрд. к 1 января 2004 г. т.е. к концу его первой легислатуры.

Даже думская Комиссия по государственному долгу не располагает достоверными цифрами: каждый бывший премьер называет ей «свою» сумму долга – Н.И. Рыжков – 35 млрд. долл. (1990 г.), покойный В.П. Павлов – 32-33 млрд. долл. (1991 г.), Е.Т. Гайдар – 70 млрд. долл. (1992 г.) и т.д.

Но та же комиссия в ноябре 2000 г. неожиданно установила: СССР юридически не существовал с 25 декабря 1991 г. (телевизионное «отречение» М.С. Горбачева от поста союзного Президента), а его внешний долг почему-то рос – с 1992 по 1994 г. на целых 19,6 млрд. долл. (?!).

Зато точно известно, что, например, в 1998 г. после дефолта Россия обязана была платить только одних процентов по внешнему долгу 18 млрд. долл. ежегодно (при всем российском бюджете в том году в 20 млрд.!).

Конечно, внешний долг постепенно выплачивается (в мае 2003 г. Путин сообщил – выплатили уже одну четверть). Содействует этому и высокая международная конъюнктура на экспорт энергоносителей, прежде всего нефти и газа (в 2000-2003 гг. рост на 18%). Но все же главный источник – старый лозунг царских министров:

«недоедим, но вывезем». В наших современных условиях – это экономия правительства на «социалке»: сохранении мизерных пенсий и зарплат бюджетникам, прежде всего – учителям, врачам, работникам культуры, инвалидам, матерям с маленькими детьми (детские пособия) и т.д. Причем с многомесячными задержками выплат и этих нищенских денег. При этом растет инфляция и оплата коммунальных услуг. В своем ежегодном Послании Федеральному собранию, 16 мая 2003 г. Путин поэтому вынужден был признать: «четверть российских граждан (т.е. около 35 млн. чел. – население целой Польши! – Авт.) по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума: четверть населения страны!»

Между тем у России есть огромные неиспользованные резервы, целые клондайки из золота, недвижимости и авуаров (ценных бумаг), которые в XX в. остались за рубежом и до сих пор ни правителями СССР, ни управителями России не востребуются.

Еще в 1993 г. известная британская разыскная юридическая фирма «Пинкертон» через автора этой книги (а я более десяти лет возглавляю общественный международный Экспертный совет по материальным и культурным ценностям за рубежом, с 2000 г. зарегистрированный как ассоциация «Эритаж» («Наследие») в Париже) предложила властям России использовать эти «клондайки» хотя бы для выплаты гигантских внешних долгов. Эта фирма, которая еще в 1923 г. начала по оплаченной просьбе наркомвнешторга Л.Б. Красина оценку российской недвижимости за рубежом, к 1993 г. накопила банк данных на 400 млрд. долл. (300 млрд. – недвижимость, 100 млрд. – золото).

Членам нашего экспертного совета «Эритаж» в 90-х гг. через отечественные и зарубежные СМИ удалось привлечь к этим «клондайкам» внимание общественности (перечень основных статей за 1992-2003 гг. см.: Краткая библиография; за пределами этого перечня остались более ста моих телевизионных выступлений за десять лет и пять документальных фильмов, практически по всем общенациональным российским каналам, а также за рубежом), а в январе 1995 г. и марте 1999 г. мне, как председателю Экспертного совета, удалось «озвучить» проблему на Правительстве и в Совете безопасности (официальные материалы см. в Приложении, док. 11, 16).

В 1994– 1999 гг. при поддержке президента Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) А.И. Вольского я и другие члены Экспертного совета побывали практически у всех первых лиц государства -президентов, премьер-министров, первых вице-премьеров, директоров ФСБ и СВР, но, кроме последнего случая, нигде не встретили поддержки августа-сентябре 2003 г. в секретариате премьера М. Н. Касьянова вновь был проявлен интерес к зарубежному золоту, в частности в Японии. Для подготовки соответствующей справки чиновники секретариата снова обратились в наш Экспертный совет.

Зато «цену вопроса» сразу уловили «олигархи». Два из них – Борис Березовский и Роман Абрамович – в 2000 г. обратились к новому Президенту РФ В.В. Путину, предлагая отдать проблему «клондайков» им на откуп. А они за это якобы вдвоем выплатят весь внешний долг России (?!).

Случись такое при «царе Борисе», вопрос был бы решен в пользу ловкачей-олигархов. Но они опоздали:

новые люди из Администрации Президента Путина обратились в наш Экспертный совет за консультацией, и мы дали разгромное заключение на эту «откупную аферу».

В результате появился указ № 1771 от 23 октября 2000 г. по которому российскими «клондайками» поручено было заниматься не «олигархам», а двум госучреждениям – МИДу и Управлению делами Президента, для чего в последнем было создано специальное подразделение «Госзагрансобственность» с сетью своих представителей за рубежом на базе торгпредств. К сожалению, этот очень важный указ ограничил «клондайки» только недвижимостью (хорошо еще, что в нее попало «недвижимое имущество бывшей Российской империи») – золото и авуары остались вне поиска и оформления «на баланс» Российской Федерации.

Впрочем, и в этом ограниченном объеме указ № 1771 выполняется очень слабо: МИД и УДП все три года после его издания больше заняты ведомственной бюрократической возней (кто главней?), чем делом. Сужу не понаслышке, а как бывший эксперт-консультант «Госзагрансобственности» УДП (подробней см. главу 7).

Между тем энтузиасты-общественники из нашего Экспертного совета продолжали поиски «клондайков» и к 2003 г. «намыли» одного зарубежного российского золота в два раза больше, чем указывала в 1993 г. фирма «Пинкертон» (у нее -100 млрд. долл. а у нас – 207 млрд. долл. т.к. англичане не учитывали набежавшие за 80 лет проценты; кроме того, они не установили наличие русского золота в некоторых странах – Швеции, Чехии, Швейцарии и других).

По основным странам только т.н. «военное золото», вывезенное в Первую мировую и Гражданскую войны (1914-1922 гг.), являет следующую картину:

Япония – 80 млрд. долл.;

Великобритания – 50 млрд. долл.;

Франция – 25 млрд. долл.;

США – 23 млрд. долл.;

Швеция – 5 млрд. долл.;

Чехия – 1 млрд. долл.

Характерно, что официальные лица в США и Великобритании не оспаривали эти цифры, но выражали недоумение – почему власти России не ставят проблему «клондайков» официально?

Ниже мы попытаемся дать свой авторский ответ на причины такой «скромности» российских властей, а также существенно дополним историю «бегства» русского золота за рубеж в XX в. в связи с деятельностью двух ныне хорошо известных монстров – МВФ и Всемирного банка, у истоков создания которых еще в начале XX в. стояла... Россия.

И в этом отношении книга – существенно переработанное и дополненное издание моих предыдущих работ на аналогичную тему Сироткин В.Г. Золото и недвижимое имущество России за рубежом. – М. «Международные отношения», 1997 (издание второе, исправленное и дополненное, вышло там же в 2000 г.); Зарубежное золото России. – М. ОЛМА-пресс, 1999, уже

встретивших сочувственный отклик как отечественных, так и зарубежных читателей (издание 2000 г. в 2003 г. было переведено в Болгарии).

Автор, сентябрь 2003 г.

I. ОТКУДА У ЦАРСКОЙ РОССИИ ОКАЗАЛОСЬ СТОЛЬКО ЗОЛОТА И НЕДВИЖИМОСТИ ЗА РУБЕЖОМ?

1. ЗОЛОТО И ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ

Когда с 1909 г. через частное туристическое товарищество известной Меценатки графини В.Н. Бобринской (предшественник «Спутника» и «Интуриста») сначала в «ближнее» (автономная Финляндия, Швеция), а затем и в «дальнее» (Германия, Франция, Италия) зарубежье (на основе дарованных манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. свобод проживания и передвижения его подданных «всех званий и состояний») поехали с 50-процентной скидкой массовые организованные группы провинциальной интеллигенции (земские учителя, врачи, фельдшеры, статистики и т.д. т.е. все те сорокарублевые сельские интеллигенты, которые за свой счет не могли бы купить билет до Парижа – 80 зол. руб. в оба конца), они с удивлением обнаружили: русскую ассигнацию без проблем меняют в любом банке Берлина, Вены, Рима или Парижа, а что касается «рыжиков» (золотых николаевских монет по 5 и

10 руб.), то в мелких лавках их охотно берут и без обмена на местные деньги, и даже в 2-3 раза выше официального биржевого курса (1 зол. руб. в начале XX в. равнялся 2,667 франц. фр.).

Знали бы эти российские туристы, в массе своей пылко осуждавшие «проклятый царизм» и составившие в феврале 1917 г. лидирующую прослойку революционной демократии в провинции, кто обеспечил такое уважение к русскому рублю за границей!

А обеспечили эту стабильность, комфортабельное и интересное путешествие три «царских сатрапа», три министра финансов с 1881 по 1903 г. – профессор Харьковского университета экономист Н.Х. Бунге, основоположник теории автоматического регулирования академик И.А. Вышнеградский и бывший билетный кассир с дипломом Одесского университета, а затем начальник службы движения частной Юго-Западной железной дороги математик Сергей Юльевич Витте.

Кратко суть их денежной реформы состояла в переводе с традиционного для XVIII-XIX вв. серебряного паритета бумажного рубля (ассигнации) на паритет золотой. Для этого необходимо было сначала накопить необходимый золотой резерв, чем и занялись Бунге и Вышнеградский.

Внутренних источников накопления было три:

– увеличение государственной золотодобычи на Урале и в Сибири. Рекордная цифра была достигнута в 1914 г. – 66 521,7 кг (для сравнения: в Советской России в 1920 г. – всего 1738,4 кг; в 1993 г. в РФ при неизмеримо возросших по сравнению с 1914 г. технических возможностях – электричество, драги,

экскаваторы и т.п. – всего 132 144 кг, а в 1996 г. и того меньше – 120 т);

- резкое увеличение экспорта сельхозпродукции (зерна, масла, мяса, меда, молочных изделий и т.д.);

- введение госмонополии на водку и табак и значительное повышение цен и налогов (акцизов) на них, учитывая, что тогдашней нормой учета и потребления было ведро водки (к 1914 г. акциз на водку давал 1 млрд. зол. руб. из всего госбюджета империи в 3,5 млрд.).

С 1881 по 1894 г. шло накопление золотых резервов. При Бунге в 1886 г. они поднялись до 367 млн. зол. руб. при Вышнеградском к 1892 г. составили 642 млн. И наконец, Витте, имея золотой запас в 895 млн. руб. в 1894 г. начал свою знаменитую «золотую реформу» – обмен старых бумажных ассигнаций на новые, «золотые», то есть имеющие золотой паритет.

К 1897 г. введение «золотого рубля» (в любом отделении Госбанка Российской империи старые бумажные деньги один к одному менялись на новые, а те при желании любого владельца – на золотые чеканные «пятерки» и «десятки») завершилось, и к 1900 г. старые деньги были окончательно выкуплены государством. Из старых в обращении осталась только мелкая серебряная и медная разменная монета.

Никогда больше ни до, ни после в России не проводилась подобная неконфискационная денежная реформа.

За неполные 30 лет, с 1886 по 1914 г. золотой запас России вырос более чем в 5 раз (!) и являлся самым крупным в Европе, превышая сумму в 1 млрд. 695 млн. зол. руб. Укрепление золотой стабильности рубля

открыло еще одну возможность пополнения казны – на этот раз иностранной валютой. Речь шла о золотых французских франках, которые с 1887 г. рекой потекли в Россию в результате русских внешних займов, предоставленных Францией: с 1887 по 1891 г. по 4 млн. в год, то есть за пять лет сразу 20 млн. зол. фр.

Что это за «золотой дождь» и почему французы при всей известной их скупости пачками начали скупать русские ценные бумаги не только государственных (скажем, «железнодорожного займа» 1880 г. – шесть выпусков облигаций), но и частных (например, Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, 1897 г.) российских компаний? Не были ли это столь знакомые нам по последним годам «пирамиды» типа пресловутых АО МММ или «Чары»?

Здесь необходимо сделать одно отступление.

Россия всегда, по крайней мере начиная с Петра I, охотно занимала деньги за границей (хотя не всегда в срок и не столь охотно отдавала: в 1768 г. в Голландии заняли 5,5 млн. гульденов, а вернули их, пусть и с процентами, лишь через 130 лет – в 1898 г.). Екатерина II набрала займов на 41 404 681 руб. и при жизни не вернула ни копейки – расплачивались ее преемники-цари. В период революционных и наполеоновских войн России с Францией главным кредитором выступала Англия: с 1792 по 1816 г. Россия получила более 60 млн. руб. расплачиваясь с англичанами последующие 50 лет.

Кстати, период наполеоновских войн (континентальная блокада 1806-1813 гг.) внес огромную дезорганизацию в европейское денежное обращение. Враги – Франция против Великобритании с союзной ей

Россией – активно использовали своих фальшивомонетчиков для фабричной подделки бумажных денег противника. У Наполеона под надзором министра полиции Жозефа Фуше на двух тайных монетных дворах в Париже день и ночь трудилась большая группа условно-досрочно освобожденных фальшивомонетчиков (некий первый вариант бериевских «шарашек», столь талантливо описанных А.И. Солженицыным), печатая вначале поддельные английские фунты стерлингов, а с 1810 г. – русские ассигнации достоинством в 25 и 50 руб. (ими в изобилии были снабжены офицеры и солдаты «Великой армии» Наполеона накануне вторжения в Россию, а в период оккупации Москвы в 1812 г. французская походная типография всю печатала фальшивые ассигнации на Рогожской заставе, в подворье старообрядческой церкви).

Наоборот, англичане в Лондоне "гнали на-гора" фальшивые франки, а русские в Риге – то фунты, то франки, то турецкие динары (в зависимости от того, с кем в данный момент воевала Россия).

Затем, до 1826 г. Минфин России вылавливал всю эту фальшивую валюту и даже «отрапортовал» Николаю I: задание выполнено. Но фактически вплоть до глобальной денежной реформы графа Витте в 1894-1897 гг. фальшивки периодически всплывали.

В основном внешние займы с Петра I и до Николая I шли на русскую армию (закупку вооружений, строительство «казенных» военных заводов, военного флота и т.д.). Скажем, Крымская война 1853-1856 гг. помимо того, что она закончилась позорным поражением, еще едва не привела Россию и к финансовому краху:

после Парижского мира 1856 г. бюджетный дефицит составил невиданную доселе сумму в 1 млрд. 155 млн. руб.!

Николай I скоропостижно скончался, не вынеся позора и унижения, а его сыну «царю-освободителю» Александру II пришлось выпутываться. Одним из методов этого выпутывания можно считать и отмену крепостного права в 1861 г. за... выкуп (дополнительный налог) с 80% населения империи – крепостных крестьян.

Известное дело – с русского мужика много не возьмешь, войска (налоговую инспекцию) за недоимками посылать надо... Поэтому следующий царь – Александр III – круто изменил фискальную политику.

Вот тогда-то и пригодились не сановные бюрократы, а ученые-профессора типа Николая Христофоровича Бунге на посту министра финансов. Это была очень интересная и противоречивая эпоха, когда для одних (Н.Г. Чернышевского, казненного брата Ленина – Александра и других «революционных демократов») обер-прокурор К.П. Победоносцев «над Россией простер совиные крыла» (А. Блок, поэма «Возмездие»), а для других (Бунге, Витте, Менделеев) Россия вступила в полосу индустриальной модернизации (по темпам железнодорожного строительства начала догонять США, а по золотому содержанию денег – и обогнала).

По рекомендации профессора Бунге царь лично в 1888 г. отправился в Париж (формально на открытие Всемирной промышленной выставки) и занял у французских банкиров 8 млн. зол. фр. на «железнодорожное строительство» в России. Но занял – и в этом было принципиальное отличие от всех предыдущих и последующих займов России (СССР) – не

под честное слово царя (президента), а под русское «залоговое золото», которое доставили во Францию и положили на депозит (в залог) в качестве гарантии.

С тех пор и при царях, и при «временных», и при Колчаке Россия стала применять эту практику В СНГ эту «царскую» традицию сегодня продолжают Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в своих внешнеэкономических связях с Западом и Востоком (Япония, Турция, Иран), поэтому накануне Октябрьской революции 2/3 золотого запаса оказалось за границей, преимущественно в Англии, Франции, США и Японии.

Но у Александра III особого выбора не было. Дефицит бюджета не уменьшался, выкупные платежи с крестьян за свободу поступали туго (а в 1883 г. по случаю своей коронации царь их вообще отменил, как позднее руководители СССР будут списывать недоимки с колхозов и совхозов).

А тут еще приспела государственно-стратегическая проблема выкупа скороспело построенных и большей частью убыточных частных железных дорог России в казну.

Помните знаменитую «Железную дорогу» великого русского поэта Николая Некрасова с ее «грамотеями-подрядчиками», грабившими неграмотных работяг? А вот еще одно четверостишие того же поэта, но из другого произведения:

Сплошь да рядом – видит Бог! – Лежат в основе состоянья Два-три фальшивых завещанья – Убийство, кража и подлог!

Нынешняя эйфория с приватизацией и акционированием – отнюдь не новость для России. Все

это уже было в 80-90-х годах прошлого века, только в обратном порядке: сегодня госсобственность делают «частной» (акционированной), тогда же из «частной» (но за выкуп) делали государственной.

При Александре II, сразу после Крымской войны, начался железнодорожный бум. Возникли сотни (если не тысячи) крупных и мелких «товариществ» по строительству железных дорог, иногда длиной всего в десять-пятнадцать верст (кто сейчас, кроме историков, помнит Подольскую, Новгородско-Великую или Моршанско-Сызранскую железные дороги?). Многие из них оказались «липовыми»: кредиты у казны выпросили, но ничего не построили. Другие – хотя и построили, но настолько плохо, что казенная железнодорожная инспекция их произведения к эксплуатации не допустила. А многие из тех, что допустила, оказались недолговечными. Сам Александр III на себе испытал, что получается, когда русский купец-подрядчик из тогдашних «новых русских» строит кое-как, лишь бы поскорее сдать объект и получить деньги.

...Незадолго до поездки в Париж Александр III со своими чадами и домочадцами отправился из Петербурга на отдых в Крым. Обратный путь лежал по Юго-Западной частной железной дороге. И надо же было такому случиться, что на одном из поворотов из-за «не по ГОСТу» положенной насыпи (да ее еще и подмыло дождем, а дренажа не было – подрядчики сэкономили) царский поезд 17 октября 1888 г. сошел с рельсов. Только чудо да недюжинная сила царя (он держал крышу вагона на своих плечах, пока не подоспела помощь) спасли царскую семью от гибели.

Назначенная министром путей сообщения комиссия из отечественных петербургских и иностранных инженеров установила, что целые участки этой железной дороги были построены с вопиющим нарушением технических норм. После этого устроили глобальную проверку всех железных дорог России. Картина выявилась ужасающая: как и в наши дни с 450 «частными» (виноват, «акционированными») компаниями, на которые растащили «Аэрофлот» (у иных было всего по два-три самолета, да и те не летали – то крыло отвалилось, то шасси нет), подавляющее большинство карликовых «дорог» оказалось нерентабельными и опасными в эксплуатации. К началу XX в. правительство выкупило у «частника» около 80% всех акционированных железных дорог, но некоторые, например стратегическая Брестская (ныне Белорусская), так до 1914 г. и остались в руках предшественников Мавроди. Стоит прочесть недавно вышедшие мемуары сына известного театрального деятеля и мецената Ю.А. Бахрушина (Воспоминания. – М. 1994), чтобы убедиться: не случайно частный русский капитал называли «ситцевым» – за пределами ворот текстильной фабрики он еще был слаб в эксплуатации таких сложных технологических и экономических комплексов, как железная дорога. Даже такая, казалось бы, благополучная частная дорога, как Московско-Ярославско-Архангельская (продававшая, кстати, свои облигации за границей), и та, подобно Приморской железной дороге в наши дни, к началу века оказалась банкротом, а председатель ее правления известный меценат-балетоман Савва Мамонтов – в тюрьме.

И здесь уместно процитировать отрывок из еще одного стихотворения Н.А. Некрасова времен железнодорожного бума второй половины XIX в. – «Доллар»:

Грош у новейших господ («олигархов»
минувшего века. – Авт.)

Выше стыда и закона.

Нынче (а сегодня? – Авт.) тоскует лишь
тот,

Кто не украл миллиона.

Что ни попало – тащат.

"Наш идеал, – говорят, -

Заатлантический брат:

Бог его – тоже ведь доллар".

Во всех советских хрестоматиях по русской классической литературе XIX в. на этом некрасовское стихотворение обрывалось: и так достаточно для критики и отечественного капитализма, и «заатлантического» империализма в США.

Но Некрасов-то вовсе и не критиковал капитализм как таковой, он критиковал отечественных жуликов и воров, особенно в период реформ и «прихватизации»:

Верно! Но разница в том: Бог его (американского «брата». – Авт.) – доллар, добытый трудом, А не украденный доллар!

И как сегодня Президент В. В. Путин собирает снова в кулак «Аэрофлот», так за 115 лет до него Александр III

деприватизировал железные дороги за выкуп. У царя на этот выкуп и деньги были, точнее, он их нашел – сразу 8 млн. зол. фр. (к слову, на эти деньги тогда можно было выкупить в казну не только русские, но и половину американских железных дорог) Кстати, выкупали не в один день, как потом поступали большевики (в 1918 г. – декрет о национализации) или позже «демократы» (1992 г. – разгосударствление и акционирование), а постепенно: более или менее рентабельные частные дороги не трогали, сам процесс выкупа не форсировали, он тянулся более десяти лет. Рачительному отношению к казенным деньгам способствовало и то, что в 80-90-х годах XIX века МПС не было еще «государством в государстве», а входило на правах всего лишь одного из департаментов в Минфин России.

Но деньги не просто взяли, как берет РФ сегодня кредиты у «семерки», Всемирного банка или Международного валютного фонда. Под эти «железнодорожные» займы выпустили «золотые» облигации из расчета 4% годовых (в самой Франции эта цифра и тогда, и сегодня редко превышала 3%), честно указав, что деньги идут на выкуп русских частных железных дорог, причем в их последующей реконструкции (и строительстве новых) будут участвовать иностранные банки и промышленные компании.

Это сразу повысило заинтересованность французских банков в инвестициях (к 1914 г. – 67% в металлургии и 75% в угольной промышленности на юге России). Такие финансовые гиганты Франции, как «Креди Лионнэ» (с 1879 г. обслуживал весь Дом Романовых), «Париба», «Сосьете женераль», вложили перед 1914 г. в русскую индустрию (уголь, нефть, химия, металлургия и

т.д.) до 2 млрд. зол. фр. Например, трамвай в Москве, Киеве и Одессе был построен и пущен франко-бельгийским обществом с участием русского капитала.

В железнодорожный бизнес в России включилось и государственное Национальное общество железных дорог Франции. Его крупнейшим подрядом стало участие в строительстве Транссибирской магистрали, побившем все мировые рекорды подобных гигантских строек: дорогу (за исключением небольшого участка вокруг озера Байкал) строили всего девять лет (1891-1900 гг.).

Вспомним, что БАМ строят вот уже 25 лет и все никак не закончат...

Конечно, свою благоприятную роль для займов, как обычных (семь в 1880-1896 гг.), так и «железнодорожных» (три только в 1888-1894 гг.), сыграла международная конъюнктура. Ведь вначале русские самодержцы ориентировались на Германию, монархический режим которой больше импонировал их политическим вкусам. И даже первый «железнодорожный» заем 1880 г. Россия вначале размещала не во Франции, а в Германии: и деньги у немцев есть, и техника посильней, чем у французов. Но канцлер Отто фон Бисмарк оказался, как и Наполеон Бонапарт, по меткому замечанию профессора А.З. Манфреда, «гениально ограниченным» человеком. Он не сумел преодолеть «крымского синдрома» – Россия навсегда осталась лично для него «жандармом Европы», и он не хотел ее финансового и технологического усиления.

Бисмарк, безусловно, понимал, что для русских царей вопрос – «частная» это железная дорога или

«казенная» – дело десятое; главное – ее военно-стратегическое значение. Тем более что все военные Европы знали, что царь Николай проиграл Крымскую войну в том числе и из-за железных дорог: ни одна из них к середине XIX в. не была построена не то что в Крыму, а даже близко к Крыму. Противники же России в короткий период осады Севастополя умудрились построить в Балаклаве собственный стальной путь, завезли паровозы и вагоны и добивали героев первой Севастопольской обороны матроса Кошку и медсестру Дарью Севастопольскую пулями да снарядами, поступавшими по этому железнодорожному пути, а русским подвозили все снаряжение на волах.

Поэтому и «национализация», и «железнодорожные» займы – это явно военная стратегия. «А зачем немцам усиление России?» – размышлял Бисмарк. И в 1880 г. он дает команду: провалить первый русский «железнодорожный» заем в германских банках, несмотря на его высокий процент.

И хотя в Берлин еще раньше, чем в Париж, завезли «залоговое золото», политика оказалась сильнее экономики. Как по команде, германская пресса подняла крик: и золото это-де «поддельное», и 4% – это «липа» и т.д. В итоге русские «железнодорожные» акции пошли на берлинской бирже ценных бумаг «с молотка» за 70% номинала.

В те времена это был гигантский всеевропейский финансовый скандал, надолго поссоривший Германию и Россию. Спасая лицо, Александр II приказал срочно перевезти «залоговое золото» из Берлина в Париж и туда же отправить остатки русских ценных бумаг.

А французам все это оказалось на руку. Франко-германские противоречия обострялись и в колониях, и в Европе, во французском обществе зрели настроения реванша за отторжение в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии, а тут готовый военный союзник сам просится в Париж да еще «залоговое золото» везет из Берлина!

Мудрено ли, что, когда новый молодой русский царь Николай II с супругой прибыли в октябре 1896 г. в Париж, им был устроен такой прием на улицах французской столицы, какой даже Н.С. Хрущев не устраивал своим космонавтам на улицах Москвы.

Тщетно социалисты и антимиитаристы Жюль Гед и Жан Жорес били тревогу по поводу «сближения свободы с абсолютизмом», а всемирно известный писатель Анатоль Франс предостерегал: «Пусть имеющий уши да слышит: мы предупреждаем – наших граждан ждет гнусное будущее, если они готовы и далее одалживать деньги русскому правительству, когда и после этих займов оно может убивать, вешать, уничтожать по своему усмотрению и игнорировать любое стремление к свободе и цивилизации на всем пространстве своей огромной и несчастной империи».

Увы, великий писатель, наверное, запомнил, что у французского обывателя сердце слева, но бумажник справа. Да и как можно было великому гуманисту, но наивному в политике писателю тогда догадаться, что крупнейшая за всю историю франко-русских отношений финансовая афера 1880-1914 гг. по перекачке сбережений мелких французских держателей акций «русских займов» в Россию имела мощнейшее, как бы сказали в советское время, идеологически-финансовое

прикрытие. Почти вся французская печать: парижская крупнейшая «Фигаро» (выходящая и поныне), «Тан» (ее с 1944 г. сменила «Монд»), «Пти журнал», «Эко де Пари», «Пти паризьен», «Орор» и еще два десятка газет и журналов, не говоря уже о провинциальных «Депеш дю миди» (Тулуза), «Марсельеза» (Марсель), «Свобода» (Лимож) и др. а также партийные издания («Радикал» – орган правящей с 1901 г. партии радикалов и радикал-социалистов, из которой вышли «тигр Франции» Жорж Клемансо, активный сторонник дипломатического признания СССР в 1924 г. Эдуард Эррио и другие видные политики довоенной и межвоенной Франции), профсоюзные (еженедельник «Синдикат») и даже всемирно известное телеграфное агентство Гавас (ныне его сменило Франс Пресс) – все они получали деньги от императорского российского посольства в Париже, действовавшего через некоего Артура Рафаловича, официального представителя (агента) Министерства финансов России в Париже в 1894-1917 гг.

Образчиком камуфляжа своекорыстных интересов рассуждениями о «великой политике» была, например, заказная статья в «Фигаро» 7 октября 1891 г. в которой говорилось: «Патриотизм и правильно понятый интерес французских сберкасс идут рука об руку и уже привели к окошечкам этих касс такое число держателей ценных русских бумаг, какое приходит туда только в часы всеобщего энтузиазма... Это – проявление спонтанных эмоций масс и одновременно сочетание великолепной финансовой операции с политическим актом высокой дипломатии». (Напомним, что 1891 г. – начало формирования франко-русского военного союза против Германии.)

Вся эта афера с подкупом не только журналистов, но и депутатов (Луи Дрейфус) и даже сенаторов от партии радикал-социалистов (Першо, владелец партийного органа «Радикал») всплыла в начале 20-х годов, когда большевики после октябрьского переворота обнаружили в архиве МИД России сверхсекретную переписку Рафаловича и тогдашнего царского посла во Франции с министрами иностранных дел В.Н. Ламздорфом, С.А. Сазоновым и министрами финансов – С.Ю. Витте, В.Н. Коковцовым.

О размерах подкупа говорит одна цифра: только за три месяца (сентябрь, октябрь и ноябрь) 1904 г. на подкуп прессы, депутатов и сенаторов было истрачено 3 млн. 345 тыс. 600 зол. фр.

Большевики весьма удачно использовали эти разоблачительные документы в 1918-1920 гг. как аргумент против уплаты «царских долгов», а с 1921 г. (нэп) – как средство шантажа продажных французских политиканов и давления перед Генуэзской конференцией 1922 г. по вопросу о «русском долге», а также для форсирования дипломатического признания СССР без «предоплаты» по «царским» долгам, хотя все тогдашние премьеры и президенты (Клемансо, Пуанкаре, Мильеран, Вивани и др.) с 1919 г. публично клялись с трибуны палаты депутатов или в интервью: «Если большевики не заплатят, мы их не признаем».

Признали в 1924 г. (лидер радикалов и премьер Э. Эррио). А большевики не все громкие имена назвали, кое-что припрятали про запас: первый полпред СССР Л.Б. Красин привез на всякий случай в 1920 г. в Париж секретное досье на всех купленных с 1880 г. французских политиканов и крупных журналистов.

Признали, ибо орган французской секции Коммунистического интернационала газета «Юманите» получила из Москвы часть этого досье и в ноябре-декабре 1923 г. начала публикацию серии разоблачительных статей, дозируя информацию и пока не называя все имена. Впрочем, одно – главное – было названо: Артур Абрамович Рафалович, из крещеных петербургских евреев, финансовый агент Минфина царского и Временного правительств России, жил в фешенебельном квартале на авеню маршала Фоша, 19, в двух шагах от Триумфальной арки (площадь Звезды, ныне – площадь Шарля де Голля).

Его секретный счет, писала «Юманите», открыт в «Париба» и в «Банк де Пари», счет в «Алжирском кредите» – на имя не существующего месье Ленуара. В 1894-1917 гг. он был вхож во все министерские кабинеты и известнейшие политические салоны Парижа. Был избран член-корреспондентом Французской академии, удостоен ордена Почетного легиона первой степени, являлся членом многочисленных научных сообществ (политэкономии, статистики и т.д.), директором собственного еженедельника, выходящего на французском языке, «Финансовый рынок» и пр.

Помимо прямого подкупа Рафалович искусно играл на Парижской бирже ценных бумаг в пользу России. Для этой цели у него была целая сеть заранее подкупленных дилеров во главе с неким де Вернеем. На такие операции МИД и Минфин не скупились: только в январе 1904 г. на подкуп дилеров и финансовой прессы министр иностранных дел Ламздорф передал Рафаловичу из секретного фонда министерства единовременно 200 тыс. зол. фр. (сегодня это 3 млн. 800 тыс. фр.).

Для Рафаловича все эти разоблачения в советской и французской прессе оказались пустым звуком: ведь с ноября 1919 г. (циркуляр адмирала Колчака по заграничным посольствам и консульствам) он стал единоличным распорядителем царских авуаров на сумму в 21 млн. 439 тыс. зол. фр. не считая собственных закрытых счетов.

К 1900 г. облигации «русских займов» расхватывали, как в России горячие пирожки на морозе, – их скупили уже более 10 млн. мелких (одна-три облигации) держателей. Люди продавали дома, участки земли, фамильные драгоценности и покупали «царскую бумагу». Особенно прельщал ловкий ход петербургских финансистов: они первыми (теперь-то в Европе и США это стало нормой) предложили покупать «русские займы» на детей и молодоженов. Еще бы, ведь доходы по таким «детским» бумагам достигали 10 и даже 14%!

В начале XX в. во Франции появился целый слой рантье, «стригущих купоны» от «русских займов». К 1910 г. продажа облигаций «русских займов» дала гигантскую сумму в 30 млрд. зол. фр. 21 млрд. из которых перекечевал в Россию. На Парижской бирже в тот же год из трех иностранных облигаций одна обязательно была русской.

Показателем стабильности и высокой доходности русских ценных бумаг стала их скупка не только мелкими рантье, но и, что было очень важным для инвестиционной политики России, крупными заграничными банками. Если в 1900 г. этот процесс только начинался, то к 1917 г. доля иностранных акционеров – держателей ценных бумаг русских банков достигла 1/3 (34%), причем конкурентами здесь

выступали французские (47%) и германские (35%) банки.

К проблеме «кто кому и сколько должен» мы еще не раз вернемся в этой книге.

Пока же затронем обратный процесс – отток золота и иностранной валюты из России после начала Первой мировой войны, с октября 1914 г. отток, который не прерывался ни всю мировую и Гражданскую войны (1914-1922 гг.), ни во время «перестройки» 1985-1991 гг. и не зависел от политической окраски отправителей золота – будь они белые, красные или розовые.

Накануне мировой войны золотой баланс России был явно в пользу внутреннего золотого запаса: 1 млрд. 695 млн. зол. руб. против всего 140 млн. в зарубежных банках. И вдруг за каких-нибудь неполных три года соотношение резко меняется: внутри страны остается только 1 млрд. 101 млн. а за границей втрое больше – 3 млрд. 604 млн. зол. руб. В чем дело?

Здесь возможны два главных объяснения.

Во-первых, за те недели, что прошли между объявлением Россией ультиматума Австро-Венгрии 11 июля 1914 г. в защиту Сербии и объявлением 31 июля всеобщей мобилизации, чиновники Минфина России провели молниеносную операцию по изъятию русских ценных бумаг и «залогового золота» (того немногого, что

осталось после финансового скандала 1880 г.) из берлинских банков и бирж.

Уже в ночь с 11 на 12 июля большая группа уполномоченных банковских служащих срочно выехала из Петрограда в Берлин и там за два-три дня изъяла русских ценных бумаг на 20 млн. зол. руб. и успела перевести эту валюту в Лондон и Париж (операция, о которой и не подумали до 22 июня 1941 г. сталинские финансисты, и все имущество и авуары СССР в Германии были конфискованы нацистами).

Гораздо хуже обстояло дело с изъятием золотых монет – «рыжиков» – из обращения внутри России: обмен бумажных ассигнаций на золото временно, до окончания войны, был прекращен, но в 1914-1916 гг. удалось изъять золотых «николаевок» всего на 58 млн. остальные 436 млн. остались «в чулках» у населения (деньги эти в зачет государственного золотого резерва царской России не вошли).

В 1918– 1920 и в 1930-1933 гг. большевики через ЧК и «торгсины» (магазины «торговли с иностранцами», предшественники хрущевско-брежневских «Березок») начнут выкачивать из населения эти золотые миллионы Супруга внука последнего председателя Государственной думы Олега Михайловича Родзянко Татьяна Алексеевна, живущая в США, рассказывала мне в 1991 г. что ее девчонкой в 30-х годах «выкупили» жившие в Эстонии родственники именно за золотые «николаевки» и она легально вместе с родителями поездом выехала из Москвы за границу, в Таллин.

Во– вторых, с октября 1914 г. царское правительство усиленно стало отправлять русское золото за границу. Официальная версия -на закупку вооружений

и амуниции. Подавляющее большинство исследователей и в прошлом (В. Новицкий, А.И. Погребецкий, А. Котомкин, П.Д. Климушкин), и в настоящем (С.П. Петров, Дж. Смеле) разделяет эту версию, но есть и несогласные с ней (например, Марина Горбова из Парижа). Одним из первых поставил версию под сомнение (на 250 млн. зол. руб. ушло золота за границу только через русский Дальний Восток) последний министр финансов белого правительства во Владивостоке в 1922 г. Валериан Иванович Моравский. Много лет спустя его сомнения, не подозревая об архиве Моравского в Гуверовском институте, разделил английский бизнесмен-журналист и историк-любитель Уильям Кларк. В своей научно-популярной книге «Потерянное сокровище царей» (1994 г.) он обратил внимание на любопытный факт: в пяти «золотых посылках», что были отправлены царским правительством за моря (в октябре 1914 г. на английском военном транспорте «Мантуа» под охраной крейсера «Драк» через Архангельск и Белое море – золота на 8 млн. ф. ст. или 75 млн. 120 тыс. зол. руб.; в декабре 1915 г. – 10 млн. ф. ст.; в июне 1916 г. – 10 млн. ф. ст.; в ноябре 1916 г. – 20 млн. ф. ст.; в январе 1917 г. – 20 млн. ф. ст. – всего на 68 млн. ф. ст. русского золота, см. Приложения), отдельными коносаментами (местами) грузилось личное золото семьи Николая II Согласно давней традиции, восходящей еще к первым Романовым, Николай II имел в личной собственности золотые шахты в Забайкалье (Нерчинский рудник, где, кстати, отбывали каторгу декабристы) и на Алтае. Алтай – личный домен царя – он в 1909 г. по просьбе П.А. Столыпина «отписал в казну» для расселения столыпинских хуторян, но золотые рудники оставил за собой. У. Кларк приводит со слов англичанки Лили Ден

(Dehn) свидетельство о том, что супруга царя Александра Федоровна, находясь под домашним арестом в Царском Селе в 1917 г. сразу после отречения Николая II (т.е. еще при Временном правительстве) говорила в присутствии фаворитки Анны Вырубовой о том, что царская семья располагает отныне достаточными средствами «в золоте и ценных бумагах» за границей, чтобы жить безбедно и в ссылке.

Сравнительно недавно один из наших соотечественников, живущих во Франции, князь Дмитрий Шаховской обратил мое внимание на то, что царица отнюдь не случайно упоминала о «ссылке» (эмиграции). Князь, систематически работающий все летние каникулы в архивах Москвы и Петербурга, не поленился еще раз прочитать оригинал второго варианта отречения от престола Николая II (не в пользу сына, а в пользу брата). Так вот, основной мотив отказа в пользу брата: моя семья вместе с детьми уезжает за границу.

Следует напомнить, что с началом мировой войны Николай II и все его родственники, великие князья, на семейном совете Дома Романовых решили закрыть свои личные счета за границей и перевести все средства в Россию – «на победу»; там же было решено передать свои дворцы в Петрограде под госпитали, а самим жить «на дачах» – в Царском Селе, Павловске, Гатчине, Петергофе и т.д. именно поэтому Зимний дворец превратился в гигантский госпиталь, где ни царь, ни Керенский практически не бывали.

В одном только Лили Ден ошиблась: она спутала «Банк оф Ингланд» (туда действительно частично пошло «казенное» русское золото, отправленное через Владивосток) с «Бразерс Бэрринг бэнк», личным

(подобно «Креди Лионнэ» во Франции) банком семьи Николая II.

Эта путаница, кстати типичная и для советских историков (многие из них считают, что все «царское» золото якобы принадлежало лично Николаю II, тогда как на деле он сам скрупулезно отличал собственную «золотую шахту» от «казенной»), сыграла позднее, в 20-х годах, злую шутку с самозванкой «Анастасией» Андерсон, мнимой дочерью царя Николая. Хотя она наняла в советники-адвокаты дипломата Глеба Боткина, племянника известного врача, и пыталась через суд завладеть золотом царя и царицы, дело она проиграла: «Банк оф Ингланд» ответил, что «личного» золота ее «отца» у них нет, а на «казенное» она претендовать не может.

Лжецарица напрасно беспокоилась: «личного» золота царя и царицы не оказалось не только в «Банк оф Ингланд», но и в уполномоченном банке императорской семьи «Бразерс Бэрринг бэнк»: его в марте 1917 г. похитили японцы вместе с последней «оружейной посылкой» в США и Канаду.

И тем не менее легенда о том, что 5,5 т «личного» золота Николая и Александры Романовых находятся в английских банках и его можно засчитать в уплату внешнего долга СССР или России, оказалась весьма живучей. В нее поверила «железная леди» Маргарет Тэтчер, когда 15 августа 1986 г. подписывала в Лондоне с Горбачевым и Шеварднадзе «нулевой вариант».

На нее клюнул и бывший министр экономики в правительстве В.С. Черномырдина Евгений Ясин, когда в 1995 г. на своей пресс-конференции в посольстве РФ в Париже ссылаясь на горбачевский прецедент 1986 г. в

обоснование аналогичного «нулевого варианта» с Францией.

Помнится, присутствуя на этой пресс-конференции, я весьма резко выступил там против таких «нулевых вариантов» и даже позднее написал в одном московском еженедельнике о капитулянтской политике российского министра экономики.

Однако, похоже, члены нашего Экспертного совета рано радовались: 26-28 ноября 1996 г. состоялся официальный визит премьер-министра В.С. Черномырдина во Францию, по итогам которого в Париже был подписан важный документ с мудреным названием «Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики относительно окончательного урегулирования взаимных требований между Россией и Францией, возникших до 9 мая 1945 г.».

Что означает сие «окончательное урегулирование» – уж не пресловутый ли «нулевой вариант»? – ни журналистам, ни общественности обеих стран участники этих переговоров, как обычно сверхсекретных и закрытых для прессы, не объяснили. Более того, уже в выступлениях на итоговой пресс-конференции в Париже и в комментариях официальных лиц в Москве начался разнобой в оценках «Меморандума». Французский премьер Ален Жюппе назвал этот документ «настоящим договором» между Россией и Францией, а не протоколом

о намерениях. Наоборот, тогдашний вице-премьер и министр финансов А.Я. Лившиц увидел в «Меморандуме» именно протокол о намерениях, некую политическую декларацию, ибо «численные параметры возможного соглашения (по „царским долгам“) будут определены на „последующих“ переговорах». Спикер Госдумы РФ Г.Н. Селезнев вообще осудил это соглашение как несвоевременную уступку правительства России, создающую опасный прецедент для выдвижения требований по долгам со стороны других стран.

Еще более резкие оценки этого «Меморандума» прозвучали во Франции. Руководитель одной из четырех ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг Франсуа Байль был настолько возмущен «этим триумфом технократии и махинации», что от имени своей ассоциации пригрозил подать на премьер-министра Жюппе в Европейский суд в Страсбурге, ибо «этот договор – второй грабеж владельцев российских облигаций во Франции».

Разумеется, на фоне требований этих владельцев выплатить им 40 млрд. долл. за «царские облигации» да еще 120 млрд. процентов по ним, набравших за 80 лет, упомянутые в «Меморандуме» 400 млн. долл. (по 500 фр. за штуку, или по 100 долл.), да еще с рассрочкой выплаты до 2000 года выглядели мизером. По мере того как французские журналисты докапывались до деталей этой явной сделки двух премьеров, термин «махинация» звучал все громче и громче. Выяснилось, например, что из этих 400 млн. долл. только 2/3 пойдут на оплату «царских» бумаг, а 1/3 – на компенсацию потомкам владельцев французской недвижимости в России, потерявшим там после октября 1917 года свои заводы, фабрики, магазины и косметические кабинеты

(ассоциация бывших владельцев объединяет сегодня около 2 тыс. членов, что намного меньше ассоциаций держателей русских ценных бумаг, насчитывающих более 200 тыс. потомков с 4 млн. облигаций и акций).

Но и эти потомки владельцев остались недовольны, ибо их компенсация – это всего около 120 млн. долл. чисто символическая сумма на фоне 2 млрд. зол. фр. вложенных в 1900-1914 гг. их предками в русскую промышленность и торговлю (заводы в Донбассе и рудные копи в Кривом Роге, трамвай в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, модные магазины на Кузнецком мосту в Москве и т.д.).

Но французские «разгребатели грязи» стали копать глубже, и вскоре после отъезда Черномырдина просоциалистическая оппозиционная газета «Либерасьон» выдала главную сенсацию: оказывается, еще в 1963 г. Н.С. Хрущев урегулировал проблему «царских» долгов путем зачета 47,5 т так называемого «ленинского» золота в уплату компенсации крупным владельцам и кредиторам во Франции (банкам «Креди Лионнэ», «Париба», «Сосьете женераль», Национальное общество железных дорог Франции и др.), оставив мелких владельцев и потомков держателей «царских» ценных бумаг (две-пять акций или облигаций) ни с чем. Якобы предшественники Е.Г. Ясина, О.Д. Давыдова и А.Я. Лившица в хрущевском окружении еще в 1963 г. подписали «нулевой вариант» (по сию пору остающийся сверхсекретным), по которому СССР отказывался на вечные времена от «ленинского» золота (а из него и набежавших за почти 50 лет процентов выплачивалась компенсация французским «китам»), но Франция, в свою очередь, снимала свои претензии по «царским» долгам.

Так ли это на самом деле – позволит установить знакомство с документами «нулевого варианта» 1963 г. чем сегодня и занимается наш Экспертный совет (об истории появления «ленинского» золота во Франции см. ниже, гл. 3).

Но, судя по тому, как В.С. Черномырдин неуклюже отбивался от вопроса настырного корреспондента «Комсомолки» в Париже М. Чикина, хрущевский «нулевой вариант» 1963 г. был подтвержден черномырдинской командой в 1996 г. Судите сами. Корреспондент спрашивает у премьера: «Как решилась судьба „ленинского“ золота?» Черномырдин: «Какое золото?» М. Чикин популярно объясняет (излагая мои публикации в прессе и документы по «ленинскому» золоту, опубликованные еще в 1995 г. в «Дипломатическом ежегоднике») какое. Черномырдин в ответ: «Все ленинское, колчаковское, сталинское и прочее золото... Нет его. И не будет. Все это вошло сюда (премьер постучал по папке с договором). Для кого к сожалению (жест в сторону Жюппе), а для кого и без сожаления (в свою сторону), но получилось так, как получилось».

Сразу после визита Черномырдина в Париж ко мне, как к председателю Международного экспертного совета по зарубежному золоту, недвижимости и царским долгам, обратились за комментариями представители СМИ: нескольких электронных (МТК «Субботний вечер с Андреем Леоновым», 30 ноября; ТВ-31, передача Владимира Мукусева «Не могу молчать!», 6 декабря) и печатных (еженедельники «Век», «Аргументы и факты», «Новая газета» и ежедневные «Российская газета» и

«Труд») – читателям и телезрителям был совершенно непонятен смысл визита В.С. Черномырдина во Францию.

Пришлось вначале рассказать обо всей долгой и сложной истории тянувшихся с 1922 г. переговоров о «царских» долгах, одновременно демонстрируя подлинники русских облигаций и акций за 1880-1914 гг. и объясняя: эти (облигации императорских государственных займов с подписью председателя Госбанка – примерно 25% от 10 млн. проданных во Франции) оплате подлежат, а эти (акции частных фирм, заводов и городов, ныне расположенных на территории южных соседей России по СНГ, – около 75%) – нет. Кроме того, пришлось пояснить, что и из этих 10 млн. на руках у потомков держателей русских ценных бумаг во Франции осталось не более 4 млн. остальные либо физически пропали (в ярости были порваны, сожжены или выброшены еще в 1919-1922 гг. мелкими владельцами акций), либо были скуплены крупными спекулянтами ценных бумаг. Одна мадам даже в 1995 г. скупила таких «бумажек» на 200 млн. фр. Но к оплате эти «спекулянтские» бумаги предъявлять нельзя, так как надо еще доказать, что твои дедушка или бабушка лично покупали «царские» бумаги на Парижской бирже до 1914 г. А чтобы спекулянты не наживались на горе мелких вкладчиков, французское правительство еще 10 сентября 1918 г. издало специальный декрет об обязанности владельцев ценных русских бумаг, если они или их потомки хотят когда-нибудь получить по ним их номинальную стоимость и проценты, лично зарегистрировать каждую такую облигацию или акцию в отделениях французского казначейства. На практике это выглядело так: на обороте каждой русской ценной бумаги ставился казенный штамп казначейства:

«заявитель номер такой-то», «заявил такого-то числа такого-то года». Такие штампы ставились с 1918 по 1927 г. и только эти облигации и акции можно сегодня предъявлять к оплате.

Как мне по секрету сказали в Париже в одной из ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг, из 400 тыс. претендентов менее 10% имеют такие «проштампованные» бумаги, остальные же надеялись на «чудо». И «чудо» свершилось. Российская делегация не стала мелочиться: сколько вас там, держателей? Ах, всего 400 тыс. а мы-то думали, что 10 млн. Ну так вот вам всем «на круг» по 100 долл. за акцию-облигацию, а есть ли на ней штамп или нет, нам неважно. Так и появились эти пресловутые 400 млн. долл. Словом, взяли уже готовую схему из «нулевого варианта» Горбачева-Тэтчер от 15 августа 1986 г. (там, если помните, «на круг» выдали по 90 долл. за облигацию).

На самом же деле, как я объяснил телезрителям и читателям газет, весь этот «Меморандум» и вообще вся шумиха относительно «окончательного» урегулирования «царских долгов» не более чем дымовая завеса для решения совсем других задач, которые по степени срочности делились на три группы.

Первая. С помощью Алена Жюппе уговорить директора-распорядителя МВФ Мишеля Камдессю снять эмбарго МВФ на предоставление очередного транша на 250-300 тыс. долл. и «угольного транша» ВБ (для реконструкции нерентабельных шахт России) на 400 млн. долл. что и было успешно совершено нашим премьером.

Вторая. Опять же при поддержке Жюппе добиться снятия эмбарго на распространение во Франции российских еврооблигаций (евробондов), незадолго до

визита в Париж удачно проданных на Нью-Йоркской бирже ценных бумаг на целый миллиард долларов. К концу 1996 г. подготовлен был к продаже еще один транш на 2-3 млрд. да бельгийцы с французами заблокировали свой рынок ценных бумаг – сначала заплатите «царские долги», у нас парламентские выборы на носу, а тут почти полмиллиона недовольных нашими правительствами избирателей. Вот наши и «заплатили», подписав для публики «Меморандум» – протокол о намерениях.

Третья, и самая главная. Головной болью В.С. Черномырдина и его министров стали вовсе не «царские долги», а долги текущие – 130 млрд. долл. с 1992 г. выплата одних процентов по которым в размере 9 млрд. долл. ежегодно делает в бюджете России огромную «дыру». И это вам не какие-то там «царские» облигации. Не случайно, прибыв в Париж, Черномырдин в сердцах бросил французским журналистам реплику: «Пусть подождут!» Банки «семерки», МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития ждать 80 лет не будут. Что же делать? В России полный развал экономики, налоги не собираются, зарплаты и пенсии не платятся, а президент, выздоравливая, грозил вызвать премьера и его министров «на ковер». И выход «мудрецы» из Белого дома на Краснопресненской набережной нашли: поступим-ка мы как большевики в 1927 г. в том же Париже, которые пообещали выплатить «царские долги» в рассрочку аж на 60 лет (т.е. до самой горбачевской перестройки!), а под это обещание заняли у европейских банкиров целых 225 млрд. долл. (в современных ценах) на индустриализацию. И тоже свой «меморандум» с французами уже было подписали, но, как всегда, вмешалась политика – борьба троцкистов со

сталинистами в партии. «Меморандум» же подписал полпред во Франции Христиан Раковский, видный троцкист да еще близкий друг самого Льва Троцкого. Ясное дело, Сталин немедленно дезавуировал «троцкистский» документ, а Троцкого, Раковского и еще 120 троцкистов исключил на XV съезде ВКП(б) из партии и сослал в Сибирь (а самого Троцкого в 1929 г. еще и выслал за границу).

Сегодня обвинения в «троцкистском уклоне» никому в России и СНГ не грозят, поэтому можно повторить старый эксперимент с отсрочкой, но не «царских долгов», а текущих: с помощью все того же Алена Жюппе вступить в Парижский банкирский клуб под флагом необходимости получить 100 млрд. долл. долгов от Кубы, Эфиопии, Бенина, Сомали, Мозамбика и др. а на самом деле – обеспечить 25-летнюю отсрочку по выплате текущих 130 млрд. долгов и начать занимать в эту четверть века по новой. Вот в чем весь смысл этой, как возмущаются французы, «махинации».

А через 25 лет, то есть в 2021 г. или кобыла сдохнет, или цыган помрет. Ясно, что многие фигуранты сегодняшней российской политики физически не доживут до этой благодати. Может статься, и будущие партнеры Запада по «русским долгам» (как царским, так и ельцинским) будут в 2021 г. уже совсем другими – независимые «штаты»: Республика Ичкерия, Республика Саха (Якутия), Татарстан, Нижегородское генерал-губернаторство и т.п. А эти «новые штаты» долги «проклятого режима» (т.е. Российской Федерации) платить откажутся и пойдут занимать по новой.

Может возникнуть вопрос (и он возникал в ходе моих телепередач в виде телефонных звонков из

российской глубинки): а разве партнеры России по «мировому экономическому пространству» и Парижскому клубу такие уж глупые? Мало им 60 лет, за которые обещали большевики вот-вот заплатить и «царские долги», и долги по военному ленд-лизу?

Нет, они далеко не глупые. Ведь бывший глава «Газпрома» в обмен на все эти «послабления» вновь твердо пообещал: русский газ в Западную Европу как шел, так и последующие 25 лет будет идти во Францию, Германию, Бельгию и другие страны Европейского союза, причем по ценам на 25-30% ниже мировых. А в этой «скидке» заложены и «царские долги», и большая доля текущих российских.

Такая вот у нас сегодня национально-государственная политика, совсем как у приснопамятных царских министров времен «царских займов» во Франции: «Недоедим, а Европу хлебом накормим, зерно вывезем». Теперь Европе хлеб не нужен, своего завались. А вот с природным газом слабовато. Тут-то и пригодился естественный русский резервуар размером в одну восьмую земного шара.

С «сильными мира сего» во Франции и России все ясно – они решают проблемы пребывания у власти успешно. А что же обманутые вкладчики в обеих странах?

Эти по-прежнему продолжают бороться. В России – с последствиями дефолта 17 августа 1998 г. Во Франции – «дефолта» 26 ноября 1996 г. (соглашения Чернобырдин-Жюппе). Только на этот раз потомки держателей русских ценных бумаг обращают свои претензии не к русскому, а к французскому правительству.

В апреле 1998 г. побывал я на одном из очередных съездов одной из ассоциаций в бывшем «красном поясе» Парижа – AFPEA (Французской ассоциации держателей акций русских займов), побеседовал со старыми знакомыми: президентом ассоциации Пьером де Помбрианом, советником Жоелем Фреймоном, ее новым адвокатом Мишелем Карлшмидтом, свободно говорящим по-французски, по-немецки и по-русски (предки были родом из «прибалтийских баронов»).

Картину они нарисовали нерадостную. Да, Россия выполняет соглашение Черномырдин-Жюппе: к концу 1998 г. 2/3 из обещанных 400 млн. долл. (или 250 млн.) будут выплачены. Но потомкам держателей акций от этого не легче.

Во– первых, «черномырдинские миллионы» все равно составляют всего один процент от тех 3 тыс. займов, что в 1822-1914 гг. Франция предоставила России.

Во– вторых, и из этих 250 млн. долл. держатели пока за два года не получили ни сентима: французское правительство положило эти деньги на специальный счет и заморозило до выяснения подлинного количества потомков (им предложено самим доказать во французском казначействе, что они не самозванцы и не спекулянты) Только к январю 1999 г. казначейство наконец переписало всех потомков и установило, что из 10 млн. держателей акций только 3 млн. 100 тыс. являются «подлинными» -все остальные «самозванцы». Это решение вызвало новую бурю протеста и очередное обращение в суд. Характерно также и то, что парламент Франции целый год – до декабря 1997 г. – «мариновал» протокол Черномырдин-Жюппе в своем «долгом ящике»,

ратифицируя его, хотя сам характер соглашения этого не требовал.

В– третьих, руководители ассоциации по-прежнему считают, что Черномырдин с Жюппе, а также Национальное собрание их «кинули», и намерены через французские и русские суды требовать не 400 млн. а почти 2 млрд. долл. компенсации.

Обнаружилась и новая тактика в деятельности ассоциации: на съезде было принято «Обращение к русскому народу», в котором предлагалось «обманутым вкладчикам обеих стран объединиться в конфедерацию и совместно оказывать давление на свои правительства, консолидированно обращаясь в суды двух стран».

Словом, страсти кипят, и судам Франции и России хватит работы, думаю, на весь XXI век.

2. НЕДВИЖИМОСТЬ

Если в отношении «российского золота» за рубежом с 1880 и по 1922 г. мы, по крайней мере, можем увидеть документальные следы его утечки, располагаем юридическими документами (соглашениями) или, как минимум, расписками (генерал П.П. Петров, атаманы Семенов и Калмыков и др.) о сдаче японцам ящиков или пудов золота на временное хранение, то в отношении российской недвижимости за рубежом все еще больше тумана, нежели ясности.

Судя по реакции официальных российских властей (совещание представителей министерств и ведомств у

вице-премьера О.Д. Давыдова в российском Белом доме 18 января 1995 г.), они все еще никак не определяются, о какой собственности идет речь, сколько ее и с какого конца приступать к ее переводу «на баланс» Российской Федерации.

Время от времени в российской прессе по этой проблеме публикуются отдельные сенсационные факты. То вдруг сразу два журналиста (один даже возьмет у меня интервью) заинтересуются «апельсиновым гешефтом» двух высокопоставленных хрущевских чиновников в Израиле, отдавших в 1964 г. в обмен на апельсины (на сумму 4,5 млн. долл.) уникальные объекты церковной собственности в Иерусалиме. То собкор «Московских новостей» в Париже, бывший пресс-атташе посольства СССР во Франции Владимир Федоровский напишет под рубрикой «Скандал» о некрасивой возне московских ведомств вокруг особняка графа Шереметева на ул. Буассьер в связи с тем, что арендовавшее его с 1975 по 1992 г. прокоммунистическое общество «Франция – СССР» (ввиду распада СССР и конца субсидий от ЦК КПСС) обанкротилось и особняк вдруг оказался «ничейным».

Или известный «разгребатель грязи» и борец с коррупцией Александр Минкин опубликует с приложением многочисленных документов сенсационную статью «Как заработать первый миллион долларов?», в которой в духе захватывающего детектива рассказывает, как три ответственных чиновника бывшего Министерства внешней торговли СССР лихо «на троих» «прихватизировали» в 1990 г. два старейших советских внешнеэкономических объединения – «Автоэкспорт» и «Тракторэкспорт», фактически присвоив себе их советскую собственность (здания, оборудование, счета и

т.п.) в Бельгии, Германии, Швеции, Финляндии и Чехии. Подобные журналистские расследования с наивным вопросом: почему именно этим конкретным чиновникам или даже отдельным вице-преьерам досталась за границей та или иная советская собственность? – оказались делом далеко не безопасным. Минкина, например, вскоре после его публикаций о коррупции генералов... избили возле его же дома.

Известную журналистку Елену Кожевникову-Эрикссон за ее статьи в журнале «Столица» о сомнительных махинациях людей из окружения О.И. Лобова с недвижимостью во Франции (в частности, вокруг особняка графа Шереметева в Париже) стали по телефону запугивать анонимы («Гляди, кирпич на голову упадет...»), и мать двоих маленьких детей, несмотря на то что у нее муж иностранец, норвежский журналист, работающий в Москве, в панике обратилась в наш Экспертный совет: дайте документы по «графскому особняку».

Впрочем, журналистка осталась жива, а вот журнал «Столица» вместе с главным редактором А. Мальгиным и всем журналистским коллективом скоро... «скушали» – не лезьте не в свои дела, разоблачайте коммунистов, империалистов, гомосексуалистов, а не окружение вице-премьеров.

И хотя кирпичи, слава богу, на головы журналистов пока не падают, но документы по недвижимости уже горят. Как сообщил в наш Экспертный совет руководитель группы архивных исследователей В.П. Никифоров, в ФРГ странными пожарами 21 июня 1992 г. (г. Потсдам) и 18/19 апреля 1993 г. (г. Барби) было уничтожено более 5 тыс. документов, «подтверждающих

права собственности Западной группы войск (ЗГВ) на недвижимое имущество».

Таких разоблачительных публикаций и справок за 1992-2003 гг. в различных печатных российских изданиях или поступивших в наш совет можно насчитать уже сотни, но они, увы, не дают, как правило, ответа на главные вопросы – о преемственности какой собственности (царской, советской или российской) идет речь, каков механизм ее возвращения (правовая база, юридические посредники, на чей баланс ее переводить) и какова вообще суммарная стоимость этой собственности?

Учет зарубежной собственности России первоначально был возложен на Мингосимущество (постановление Правительства РФ № 14 от 5 января 1995 г. «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом»).

Но, как отмечалось в аналитической справке Счетной палаты (1996 г.), Мингосимущество не выполнило указание правительства (1995 г.) о создании автоматизированной системы учета, поэтому оно так и не подготовило полный реестр принадлежащих России зарубежных объектов (добавим, что реестра нет и по сию пору). Не выполнено и другое постановление Правительства за № 1211 от 12 декабря 1995 г. «Об инвентаризации собственности РФ, находящейся за рубежом». В результате так и не разработана методика оценки зарубежной собственности, включая не только недвижимость, но и капиталы бывших советских заграничных банков (по подсчетам иностранных аудиторов, на 4 трлн. руб. в ценах 1996 г.), а также их акций в зарубежных СП (еще до 64,5 млрд. руб.).

Да и что могли сделать девять сотрудников управления собственности за рубежом и межгосударственных имущественных отношений Мингосимущества, не имеющих ни компьютерной техники для учета, ни своих представительств за рубежом!

В итоге разницей в подсчете объектов недвижимости за рубежом достигает огромных размеров: Счетная палата (1996 г.) полагает, что таких объектов всего 1509 в 112 странах мира (см. Приложение, док. 6), а бывший Российский центр приватизации (РЦП) бывшего вице-премьера и главы ГКИ Максима Бойко, одна из «контор» по перекачке средств из международных банков, созданная А.Б. Чубайсом, насчитала 2489 объектов недвижимости в 122 странах мира, да еще более 500 СП с участием российского капитала (1998 г.).

При этом и Счетная палата, и РЦП ссылаются на данные, полученные в одном и том же Мингосимуществе.

Стоит ли после этого удивляться, что пишущие по этому предмету журналисты совершенно запутались и поэтому выдвигают какие-то фантастические версии. Так, Наталья Самойлова написала, что «вполне может случиться так, что цена, которую придется заплатить России, доказывая право собственности, может сравняться со стоимостью объектов по выигранным делам». Эта же бойкая корреспондентка чуть ниже пишет, что цена зарубежных «объектов» по «различным неофициальным оценкам» их рыночной стоимости «колеблется от 10 до 300 млрд. долл.». То есть на 300 млрд. заявили и 300 млрд. нужно заплатить «судебных издержек»!

Так стоит ли игра свеч?

Могу с уверенностью сказать, что сама Наталья Самойлова, в отличие от членов Экспертного совета, ни с одним представителем зарубежных юридических фирм о «судебных издержках» не беседовала. Иначе она не допускала бы подобных «переборок». Скажем, мне довелось в Лондоне, Париже и Нью-Йорке вести предварительные неофициальные переговоры с руководством крупнейших английских и американских юридических фирм «Пинкертон» и «Скадден». У них – не у нас: гонорары начисляются не с потолка, а либо «по часам» (максимум 450 долл. за час), либо по проценту от стоимости выигранного в суде объекта недвижимости, причем чем дороже объект, тем ниже процент, но в любом случае, как правило, существует предоплата. Так вот, если бы одна из этих фирм взялась по поручению правительства России вести «дело о 300 млрд. долл.», более чем на 1% она бы не претендовала.

Согласитесь, такая «цена, которую придется заплатить России», вполне приемлема. Более того, директор службы консалтинга и расследования фирмы «Пинкертон» Николас Берч даже обратился ко мне с официальным письмом 26 февраля 1993 г. предлагая немедленно прибыть в Москву и начать переговоры с официальными лицами Правительства РФ без всякой «предоплаты».

Хуже другое. Озвученная журналистская идея о непомерной цене «судебных издержек» имеет широкое хождение в самых высоких кругах российского истеблишмента: от одного из министров Правительства РФ я лично слышал нечто подобное.

Впрочем, не обязательно искать солидные риэлторские фирмы за тридевять земель – есть они и в

Отечестве. Одной из таких фирм является ЮНИКОН (консалтинг и аудит), работающая на отечественном и зарубежном рынках с 1989 г. Ее клиентами являются более 200 компаний, годовой оборот (1997 г.) превысил 100 млрд. руб. Компания имеет свои филиалы в шести городах РФ, а в 15 регионах – своих уполномоченных агентов.

Показателем солидности компании является то, что в 1998 г. Госдума именно ЮНИКОНу намеревалась поручить проверку внутренних и заграничных счетов Центробанка, но лоббистам тогдашнего председателя ЦБ Виктора Геращенко, не желавшим объективного аудита, удалось торпедировать это намерение и передать проверку «ручной» иностранной фирме.

В значительной мере вина за всевозможные журналистские слухи и домыслы лежит на Госкомитете по имуществу Правительства РФ, который (и тут я полностью согласен с Натальей Самойловой) располагал «не реестром собственности России», а лишь «реестром претензий (выделено мною. – Авт.) России на собственность». Сей печальный факт был наглядно продемонстрирован на двух ответственных мероприятиях – межведомственном совещании вице-преьера О.Д. Давыдова в нашем Белом доме 18 января 1995 г. и пресс-конференции бывшего зампреда ГКИ – куратора департамента зарубежного имущества и экс-"сенатора" Валерия Фатеева 3 июля того же года.

На совещании у О.Д. Давыдова, где с основными сообщениями о царской собственности за рубежом выступили члены Международного экспертного совета М.В. Масарский и В.Г. Сироткин, в итоговом протоколе было записано: «1. Считать необходимым активизировать

работу министерств и ведомств по поиску и оформлению (?!) прав собственности РФ на имущество бывшей Российской империи за рубежом. 2. Поручить (далее следует перечень министерств и ведомств: МИД, СВР, Росархив и т.д. – Авт.) провести поиск архивных материалов, подтверждающих права РФ на собственность за рубежом, и ежеквартально докладывать об этих поисках в Правительственную комиссию по защите имущественных прав РФ за рубежом».

При знакомстве с этим уникальным документом возникают следующие мысли:

а) у всех министерств и ведомств на 18 января 1995 г. не было реестра царской собственности, которая могла бы принадлежать им как ведомственным правопреемникам; симптоматично, что в перечне «недоимщиков» по реестру зарубежной собственности числится и ГКИ. Стало быть, работу по составлению реестра царской собственности правительству надо начинать с нуля;

б) составители протокола весьма смутно представляют объем архивной работы по царской собственности (как минимум, надо изучить документы 10-15 архивов Москвы за 300 лет); отсюда вытекает бюрократический приказ – «докладывать ежеквартально».

В молодости мне доводилось работать в «царском» Архиве внешней политики России МИД СССР, на основе которого межведомственная Комиссия по изданию дипломатических документов с 1957 г. публиковала объемистые сборники «Внешняя политика России XIX – начала XX в.». Так вот, эта комиссия, аппарат научных и архивных работников которой в разные годы достигал

20– 40 человек, до настоящего времени – за 40 лет – выпустила всего 17 томов (в среднем на поиск документов только по одному тому уходило от двух до трех лет).

Тесно сотрудничающие с нашим Экспертным советом коллеги из ЗАО «Интерпоиск» сообщили, что, работая в архиве по сравнительно узкой проблематике – собственность Западной группы войск СССР в Германии, – они задействовали свыше 12 специалистов-архивистов, потратили более двух лет для просмотра свыше 60 тыс. дел по так называемому «оккупационному праву» и пока выполнили лишь 50% объема работы.

А ведь оба примера – это работа преимущественно в одном архиве на заранее определенном хронологически узком отрезке времени и при уже отработанной методике (ищут либо дипломатические донесения, либо незаконно проданное генералами ЗГВ имущество).

И вот еще одна деталь: через две недели после совещания у вице-преьера ко мне домой позвонила сотрудница секретариата тогдашнего председателя Росархива Р.Г. Пихои (его также упомянули в протоколе на предмет ежеквартальной сводки) и попросила «не в службу, а в дружбу» (мы с ней оказались однокашниками по учебе на истфаке МГУ) дать хоть какой-нибудь перечень царских объектов недвижимости за рубежом. «Зачем тебе это, Вера? – удивился я. – Возьми любую из моих публикаций, ну вот хотя бы в „Дипломатическом ежегоднике“ за 92-й год, и перепиши названия 37 объектов царской церковной недвижимости в Израиле, Ливане, Сирии и Египте». Нет, отвечает она, нам нужно

со ссылкой на архив, фонд, дело, чтобы все выглядело солидно...

Дал я, конечно, своей однокашнице пару-тройку названий с архивными шифрами, но подумал: а кого мы обманываем, разве вице-преьера, не себя ли?

Не меньшее огорчение вызвала у меня и уже упоминавшаяся пресс-конференция зампреда ГКИ Валерия Фатеева, на которой я присутствовал. Спору нет, конкретные цифры стоимости зарубежной собственности РФ – без разграничения на царскую, советскую или российскую в СНГ – впечатляли: 106 стран, от 3,3 до 300 (каков разброс цифр?!) млрд. долл. – недвижимости, на 5,9 млрд. долл. – доли капитала в СП.

Не были лишены интереса и чисто юридические аспекты. Например, по информации Фатеева (и это верно!), земельные суды в Германии упорно не признают РФ правопреемницей СССР (поскольку парламенты ряда стран СНГ до сих пор не ратифицировали межправительственные соглашения о передаче своих прав на советскую зарубежную собственность в пользу РФ в обмен на выплату их части внешнего долга СССР), но странным образом принимают иски, если они подаются от имени... несуществующего СССР (выходит, юридически для немецких судей СССР все еще существует?!).

Можно согласиться с Фатеевым, когда он констатирует, что «особую сложность вызывает подтверждение прав на имущество, ведущее свою родословную со времени царской России, и на собственность по итогам Второй мировой войны – реализация оккупационного права, репарации».

И все же эта длительная (включая вопросы журналистов) и несколько сумбурная пресс-конференция зампреда ГКИ породила больше вопросов, чем ответов.

Во– первых, вызвал вообще недоумение отказ Фатеева дать хотя бы какой-нибудь ответ на вопрос: намерен ли ГКИ заняться судьбой «царского» и «ленинского» золота на Западе?

Во– вторых, мне сразу стало ясно, что чиновники департамента зарубежного имущества ГКИ, подсунувшие своему зампреду конкретные цифры о царской недвижимости за рубежом (в частности, в Израиле), не владеют материалом (не 24 объекта, а целых 37, и принадлежали они не «одному из великих князей» Генерал-губернатору Москвы вел. кн. Сергею Александровичу, убитому террористом-эсером Каляевым в 1905 г, а российскому правительству, РПЦ, ИППО РПЦ -Русская православная церковь, ИППО – Императорское православное палестинское общество (1882-1917 гг.), воссозданное в 1992 г. постановлением бывшего Верховного Совета РСФСР и Дому Романовых).

В– третьих, неприятно покоробил намеренно бодрый тон бывшего зампреда. Признав, что решение проблемы зарубежного имущества РФ -не вопрос двух-трех недель и даже «не года и не двух» (что в принципе верно: уйдет не менее десятилетия), г-н Фатеев далее патетически воскликнул: «Еще два-три месяца назад мы не могли назвать даже прозвучавших сегодня цифр (?!). Но еще через два-три месяца комитет сможет представить уточненные данные по каждой отдельной стране и по каждому отдельному объекту».

Но «через два-три месяца» в ГКИ не стало ни зампреда Фатеева, ни самого председателя этого

комитета А.И. Казакова и, уж конечно, никаких «уточненных данных» журналистам представлено не было.

Насколько я информирован, никаких «ежеквартальных» отчетов о поисках в ведомственных архивах от большинства министерств в первую правительственную комиссию по защите имущественных прав РФ за рубежом О.Д. Давыдова также не поступало.

Да что там ежеквартальные отчеты! В правительственном протоколе от 18 января 1995 г. черным по белому было записано: Минюсту РФ (В.А. Ковалев) «осуществлять правовую экспертизу выявленных в архивах министерств, ведомств документов и документов профессора Дипломатической академии МИД России В.Г. Сироткина (выделено мною. – Авт.)».

Оставив на совести клерков секретариата вице-преьера формулировку о «документах профессора Сироткина» (они не «профессорские», а собственность нашего Международного экспертного совета), отмечу, что за минувшие годы ни Минюст, ни ГКИ (а он уже 18 января 1995 г. был информирован о «документах профессора Сироткина», даже если его чиновники и не читали свыше 30 моих публикаций в прессе за 1995-1998 гг. и не смотрели по ТВ за то же время по крайней мере 15 передач на ту же тему, одна из которых по московскому ТВ в февральский субботний вечер 1996 г. длилась целых 50 минут!) ни разу не обратились в наш совет, и тогдашнего начальника Департамента зарубежного имущества ГКИ В.П. Шумакова я впервые увидел только 8 июля 1996 г. в кабинете члена нашего Экспертного совета М.В. Масарского на Старой площади, да и то в связи с тем, что «сверху» поступила команда в

ГКИ заключить с нами договор на «генеральный подряд» по возвращению «российского золота» и недвижимости из-за рубежа (договор так и не был заключен).

Кстати, и первая Правительственная комиссия по защите имущественных прав Российской Федерации за рубежом (поручение правительства В.С. Черномырдина от 26 октября 1994 г. № А4-П6-33648) также ни разу не удосужилась пригласить «профессора ДА МИД РФ», обладателя столь уникальных документов, ни на одно из своих заседаний (если, конечно, они имели место), хотя сию комиссию поручено было возглавлять... вице-премьеру О.Д. Давыдову.

После того памятного межведомственного совещания 18 января 1995 г. в Белом доме под председательством Давыдова мы с М.В. Масарским еще три года ходили «по инстанциям», стучались во все двери, организовывали пресс-конференции (в американско-российском пресс-центре вместе с депутатами Госдумы, в пресс-центре «Аргументов и фактов» и др.), пока нам в руки не попала справка Счетной палаты (конец 1996 г.).

И стало ясно, что, несмотря на все самые строгие постановления правительства и указы президента за 1992-1996 гг. в деле учета и эксплуатации зарубежной российской собственности царит полная неразбериха, которой умело пользуются для личного обогащения ловкие чиновники различных министерств и ведомств (см. Приложения, док. 8).

Лишь в самом конце 1997 г. с помощью А.И. Вольского нам удалось прорваться к тогдашнему первому вице-премьеру Б.Е. Немцову и с его помощью получить в январе 1998 г. на специальной записке резолюцию Б.Н.

Ельцина о создании новой (вместо недействующей комиссии 1994 г. во главе с уже уволенным в отставку О.Д. Давыдовым) Межведомственной государственной комиссии по защите имущественных интересов России за рубежом во главе с министром иностранных дел Е.М. Примаковым.

Но прошел еще почти год, когда тот же Примаков, но уже в качестве премьер-министра, оформил резолюцию президента постановлением правительства № 1154 от 3 октября 1998 г. о создании такой комиссии во главе с председателем Мингосимущества Ф.Р. Газизуллиным (см. Приложения, док. 13). Но Газизуллин сначала надолго заболел, а затем ушел в отставку, потом по настоянию Б.Н. Ельцина вновь вернулся, а комиссия до января 1999 г. так и оставалась несформированной.

И тем не менее с упорством одержимых мы продолжали работу.

Сразу оговоримся: далее речь пойдет только о царской собственности, да и то далеко не обо всей, ибо и в нашем Экспертном совете отнюдь не самый полный ее реестр (хотя, безусловно, гораздо более детальный, чем в ГКИ).

Несколько слов о путях формирования нашего реестра. Систематически он начал создаваться, как и материалы по золоту, с 1991 г. Начали с Архивов внешней политики России, где при содействии тогдашнего заместителя начальника

Историко-дипломатического департамента МИД РФ В.И. Трутнева нашли и опубликовали уникальный «Список русских учреждений в Палестине и Сирии (1903 г.)».

Под «Палестиной» тогда, в начале нашего века, понимались Святые места вокруг Гроба Господня в городе Иерусалиме – монастыри, подворья (гостиницы для паломников), церкви с кущами (садами) при них, а также сопутствовавшая им «инфраструктура» ИППО – построенные за счет пожертвований россиян для православных арабов детские сады, школы, больницы, здания духовных миссий РПЦ и т.д. По сегодняшнему государственно-территориальному делению на Ближнем Востоке эта палестинская недвижимость находится в Израиле (главным образом в Иерусалиме), Ливане, Иордании, Сирии и в Северном Египте.

Значительную часть сведений я получил в результате поездок по зарубежным странам (Франция, Италия, Великобритания, США, Канада, Греция, Израиль, Ливан и др.). Скажем, летом 1993 г. в составе делегации Комитета по свободе совести бывшего Верховного Совета РФ во главе с протоиереем о. Вячеславом (Полосиным) как эксперт по международным делам я побывал в Салониках на Европейском конгрессе христианских парламентариев. В рамках конгресса была организована поездка на Святую гору Афон, в православную мужскую монастырскую общину, и там довелось посетить старейший на Востоке русский Свято-Пантелеймоновский монастырь (XII в.), вооружиться многими документами, побеседовать с монахами из России.

В сочетании с ранее опубликованными материалами о Святой горе Афон личный визит в Свято-Пантелеймоновский монастырь и последовавшие

за ним контакты существенно пополнили Текущий архив нашего Экспертного совета материалами о российской церковной недвижимости в Святых землях.

Много интересных данных по отдельным странам мы получили от добровольных помощников совета. Так, по Италии сведения сообщили собкор «Известий» в Риме Михаил Ильинский и его жена Татьяна. В частности, Ильинский подробно рассказал и мне, и читателям «Известий» о соборе Св. Николая Угодника в г. Бари, что на юге Италии, где он неоднократно бывал лично. Собор был освящен в 1912 г. и являлся до Первой мировой войны одним из Святых мест православия в Восточном Средиземноморье. До 1917 г. управлялся дирекцией дореволюционного ИППО, затем был заброшен, а в 1939 г. «подарен» полпредом СССР в Италии Б.Е. Штейном властям Муссолини; в 1945 г. возвращен СССР как фашистская собственность, но Сталин почему-то отказался взять его «на баланс» СССР.

Иногда информация поступала совершенно случайно. Например, в 1994 г. на приеме-обеде посла Франции в Москве Пьера Мореля в качестве одного из президентов «Ассоциации друзей Франции» я случайно оказался за столом рядом со статной дамой «третьего» (т.е. после 60 лет), как деликатно говорят французы, возраста. Дама оказалась Антониной Львовной Мещерской, дочерью княгини Веры Кирилловны Мещерской, основательницы (в 1927 г.) Русского дома – богадельни для престарелых русских эмигрантов, что находится рядом со знаменитым русским кладбищем в Сент-Женевьев-де-Буа. Подробнее об этом см.: Э. Шулепова. Русский Некрополь под Парижем. – М. 1993.

По условиям завещания американской меценатки в 20-х годах была выделена крупная сумма в долларах на обустройство и содержание дома-богадельни и он должен функционировать до тех пор, пока в нем живет хотя бы один представитель русской эмиграции первой волны. «Последний из могикан» умер в этом доме в конце 80-х годов (этот факт, а также сам Русский дом интересно описал Вячеслав Костиков в одном из своих последних романов) Костиков В. Последний пароход. – М. 1993. Автор, до того как стать пресс-секретарем Б.Н. Ельцина, а затем послом РФ при Ватикане и Мальтийском ордене, много лет провел во Франции, работая в ЮНЕСКО.

Княгиня Мещерская-дочь, познакомившись со мной, прямо за столом шепотом стала спрашивать, с кем бы в Москве переговорить, чтобы передать Русский дом России. Я вежливо поблагодарил княгиню за великодушный порыв, записал ее парижский телефон, но про себя подумал: бедная княгиня, ведь она даже отдаленно не представляет, что значит для наших чиновников «взять на баланс» – и даже даром – зарубежную недвижимость (большой дом с хозяйственными постройками и парком). А кто будет платить налог на недвижимость, за свет, телефон, воду, муниципальный налог? Как оплачивать уход за домом и парком? Нанять сторожа-смотрителя из французов? Так ему по 1200 долл. (гарантированный минимум зарплаты во Франции) нужно платить в месяц, да еще социальные, медицинские, транспортные, жилищные и т.д. надбавки. Кто пойдет на такие расходы, если даже сам российский посол в Париже получал тогда жалованье в 2 тыс. 400 долл.?

Аналогичная ситуация складывается сегодня и с другим домом для престарелых русских эмигрантов (богадельней) в г. Монтоне на французском Лазурном берегу у самой границы с Италией. Этот большой трехэтажный дом (спальный корпус на 60 чел. столовая, хозяйственные службы, включая гараж) был построен в 1907 г. и в 1913-1991 гг. перестраивался и расширялся. В настоящее время принадлежит православной Ассоциации Св. Анастасии (Русская православная зарубежная церковь).

Русских пансионеров-постояльцев в этом Русском доме давным-давно нет – все вымерли. Ассоциация готова продать дом и участок за 30 млн. фр. (5 млн. долл. США), желательно российским владельцам, под культурный центр, пансионат и т.д. иначе дом купят богатые арабские шейхи или американцы, и он потеряет свое значение исторического культурного памятника «русской Франции».

Проблемы все те же – кто в России возьмет дом «на баланс»?

Пытались же мы с протоиереем Вячеславом Полосиным еще в 1992-1993 гг. уговорить управление внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ «взять на баланс» собор Николая Угодника в г. Бари в Италии, прежде чем начать переговоры с итальянскими властями (М. Ильинский все подготовил для таких переговоров в Риме и в Бари). Тщетно – все уперлось в ту же оплату коммунальных услуг и налогов. Так все и ушло в песок...

Во Франции, особенно в Париже и на Лазурном берегу, сохранилось большое количество русской дореволюционной недвижимости и вообще «русских

мест». Выпущен даже специальный путеводитель по этим местам.

В 1995– 1998 гг. мне довелось особенно часто бывать в этих «русских местах» -я читал лекции в Сорбонне и, пользуясь случаем, посещал и дом Тургенева в парижском пригороде Буживаль, и домик Николая Бердяева в другом пригороде – Кальмаре. Оба дома нуждаются в финансовой поддержке, причем дому Тургенева вообще грозит снос – местная мэрия хочет построить на его месте доходный жилой дом.

Особенно много «русских мест» в Ницце – ведь с середины XIX в. она была излюбленным местом отдыха русской аристократии и дворянства. Дворец «Бельведер» – летняя резиденция великих князей, огромный православный собор постройки 1912 г. дворец бывшего управляющего императорскими железными дорогами «Вальроз» фон Дервиза, дворец Кочубея – вот далеко не полный перечень зданий «русской Ниццы».

Пришлось после этих поездок поправлять самого себя. В первом издании я писал о казенной даче графа Витте в Ницце. Ее больше нет, а на том участке другое здание – муниципальный музей Марка Шагала, открытый в начале 70-х годов XX века.

Были и сенсационные открытия, например «бухты графов Орловых» в городе Вильфранше, что в трех километрах от Ниццы. Причем в мае 1998 г. в этом городке мэрия даже установила братьям Федору и Алексею Орловым бюсты как бывшим владельцам бухты.

Оказывается, еще в 70-х годах XVIII в. братья облюбовали эту глубоководную закрытую бухту для стоянки русской военно-морской эскадры и откупили ее у местного князька (Лазурный берег до 1860 г. не

принадлежал Франции, а входил в конгломерат итальянских княжеств).

В 1856 г. история повторилась – на этот раз бухту арендовал Александр II. Русские построили здесь дороги, казармы, лазарет, угольный склад, а закрывающие бухту скалы и сегодня называются «русской батареей».

Позднее, в 1892 г. в казармах императорской российской академией наук была открыта русская лаборатория морской зоологии (задолго до аналогичного института Кусто в соседнем Монако), и она просуществовала до 1932 г. пока из-за отсутствия финансирования не была передана Сорбонне для летней практики студентов-зоологов.

Сегодня вице-мэр Вилльфранша Шарль Минетти предлагает возобновить прежнее русско-французское сотрудничество и открыть в городке русский культурный центр.

Я настолько был поражен «открытием» этой бухты, что написал и рассказал об этом в нашей печати.

Таких «открытий» было немало и в других странах. Скажем, на центральной площади в Лозанне (Швейцария) стоит импозантный дворец, в прошлом здание университета – ныне муниципальный музей. Спрашиваю: кто построил и когда? Отвечают: в конце XIX в. на деньги русского мецената графа В.Г. Бестужева-Рюмина. Если найдете хороших адвокатов, можете отсудить или получить компенсацию. Если найдете... В том-то и дело, что нашему общественному совету такие операции не по карману.

Не все, однако, столь мрачно, если усилия общественности типа нашего Экспертного совета

объединяются с усилиями государственных органов. Помнится, в январе 1995 г. на православное Крещение, отправился я с большой группой паломников из Московской духовной академии в Израиль, в Святой град Иерусалим. Туда же направило свои стопы и руководство ИППО во главе с его председателем, а затем послом России в Ливане проф. О.Г. Пересыпкиным. Даже телевизионную группу «Уходящая натура» Льва Аннинского из РТР взяли (они потом показали об этом паломничестве неплохой фильм по второму каналу ТВ).

По ходу поездки наши руководители имели встречи и беседы и с израильскими, и с арабскими (с оккупированных территорий) муниципальными властями, и даже с израильскими министрами. В ходе этих бесед вставал старый, еще в 1923 г. поднятый Л.Б. Красиным вопрос о российской собственности в Святых землях. К тому времени ИППО уже несколько лет по собственной инициативе вело переговоры о передаче части одного из подворий (гостиниц для паломников) обществу для организации более дешевого пристанища-ночлега для малоимущих православных паломников из глубинной России. В принципе израильские власти готовы были пойти навстречу, тем более что за пределами Иерусалима, например в Хевроне, Святые места все равно отходили от них к палестинцам-арабам, так уж лучше отдать их «московитам».

По возвращении мы составили в нашем Экспертном совете обширную справку о церковной недвижимости России в Палестине, особенно в тех районах, которые отходили к палестинской автономии. Записку заслали в «инстанции», правда без особых надежд, думая, что дело закончится очередным «апельсиновым гешефтом». Прошло почти два года, и вдруг из сообщений прессы

узнаем: министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков подписал с израильскими властями соглашение о «передаче на баланс» России двух крупных объектов русской церковной недвижимости ценой в 50 млн долл. – Кафедрального собора Св. Троицы и здания Русской православной духовной миссии (мы в своей справке предлагали еще четыре крупных объекта).

3. ВИТТЕ – НИКОЛАЙ II: ПРОЕКТ МИРОВОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ (ИЛИ ЧЬЮ ЭСТАФЕТУ ПРИНЯЛИ РУЗВЕЛЬТ И СТАЛИН В 1943-1945 гг.?)

Глубокой февральской ночью 2000 г. у меня в московской квартире раздался продолжительный междугородный звонок. Взяв трубку, я услышал голос, по-английски спросивший: «Это мистер Сироткин?» Услышав в ответ, что это именно я, голос представился: «Адвокат Тимоти Бэрроу, глава юридической фирмы в Нью-Йорке» – и сбивчиво и долго объяснял мне, что эта компания – Martha's Veneyard Scuba Heabquarters Ink – намерена поднять из морских глубин пароход «Республика» с грузом «царского золота» на 3 млн. долл. (в ценах начала XX в.), затонувший в результате

столкновения в тумане с другим пароходом – «Флорида» – в январе 1909 г. у атлантического побережья США.

Адвоката интересовало – что знают об этой истории в России и не имеют ли нынешние российские власти претензий на это золото, если оно будет поднято со дня морского? По правде говоря, я впервые услышал об этой истории, хотя об аналогичных примерах в других частях света был слышан. Например, о подъеме японцами после войны 1904-1905 гг. русского курьерского судна с жалованьем в золотых рублях офицерам и старшинам осажденного Порт-Артура, торпедированного японскими миноносцами на подходе к гавани.

Входить в детали истории гибели «Республики» ночью, да еще по телефону, я не стал, а предложил адвокату выслать весь имеющийся у него материал по электронной почте мне домой. Не прошло и суток, как я начал получать целые пачки посланий по-английски. В результате вырисовывалась следующая картина: 24 января 1909 г. у о. Нэнтукет на траверзе штата Нью-Джерси на восточном побережье США в густом тумане столкнулись два пассажирских парохода под американскими флагами – «Республика» и «Флорида». На первом из круиза по Средиземному морю возвращалось 460 чел. (из них 250 чел. – пассажиры первого класса, «миллионеры», как писала тогда пресса США), на втором плыли в Америку в поисках счастья 900 эмигрантов из Италии. Благодаря тому, что столкновение произошло в судоходном районе, пассажиров обоих пакетботов удалось быстро спасти на шлюпках, спущенных подошедшими судами, кроме четырех пассажиров «Республики», погибших в носовой каюте в момент столкновения.

Вся мировая печать (а о катастрофе писали даже «Архангельские губернские новости», № 10, 1909 г. январь) писала, что успеху спасения пассажиров и экипажей способствовал морской телеграф и сигнал SOS, впервые примененный радистом на «Республике»: сигнал был принят в Нью-Йорке и Бостоне и быстро передан на другие суда в районе катастрофы.

Кстати, после этой успешной морской спасательной операции конгресс США принял в 1909 г. закон, по которому отныне все американские океанские суда пассажирского типа не выпускались в море без наличия на них радиостанции и радистов, владеющих «азбукой Морзе».

Сильно поврежденную «Республику» без пассажиров спасательные суда США попытались было отбуксировать в ближайший морской порт, но сильное волнение помешало это сделать. Пробоина в носу судна оказалась слишком большой, и пароход, оборвав буксирные тросы, затонул.

Почти сразу же в американской прессе («New-York Tribune», 25.01.1909; «New-York Sun», 25.01.1909 и др.) появились будоражащие воображение обывателя слухи о несметных богатствах (золоте в виде американских золотых монет, в просторечье именуемых «American Cold Eagles» – «золотые американские орлы», по отпечатке на монетах орла с герба США), ушедших на дно вместе с «Республикой». Называлась даже сумма «цены вопроса» – 3 млн. американских долларов, правда, пока без упоминания имени тех, кто их отправил.

С тех давних, почти столетних, времен и по сию пору "золото «Республики» фигурирует во всех изданиях и справочниках США по «морской золотой охоте» – у

лейтенанта береговой охраны США Г.Е. Ризеберга «Охотник за сокровищами» (1945 г.), в его же с соавтором справочнике о погибших в мировом океане «золотых кораблях» (1965 г.), у двух других американских «береговых охранников» – А. Лонсдайла и Г. Каплана – в «Справочнике погибших в водах США кораблях» (1964 г.) и др. вплоть до недавней статьи в знаменитом журнале «Форбс» о «Золотых диггерах» («Forbs», 29.05.2000).

Однако очень долго, более 70 лет, все эти морские «золотоискатели» не догадывались, кому принадлежало это утонувшее вместе с «Республикой» сокровище в «американских золотых орлах», пока в 1981 г. отставной капитан Мартин Байерл в результате кропотливой работы в архивах США не установил: золото это принадлежало царю Николаю II (свои доказательства капитан позднее поместил в Интернете на своем собственном веб-сайте www.rms-republic.com; адвокат Т. Бэрроу 6 июня 2000 г. любезно переслал мне в Москву распечатку с этого веб-сайта). Более того, оборотистый капитан тогда же, в 80-х годах, запатентовал право подъема парохода «Республика» с морского дна и еще некоторое время спустя создал ту самую судоподъемную компанию, о которой упоминалось выше, став ее президентом.

С 1985 г. фирма М. Байерла состояла в интенсивной переписке сначала с посольством СССР, а с 1992 г. – России в Вашингтоне, пытаясь привлечь преемников России императорской к участию в подъеме «золота царя» на принципах раздела «продукции» («золотого клада»), но безуспешно: ни советские, ни российские дипломаты интереса к «цареву золоту» в пучине морской не проявляли, хотя условия раздела предлагались очень

выгодные – 90% России и только 10% – американцам (последнее во времени письмо российскому послу в США Ю.В. Ушакову было направлено адвокатом Т. Бэрроу 31 августа 2000 г. – вся эта переписка в копиях хранится в Текущем архиве нашего Экспертного совета).

О причинах нежелания МИД РФ (а до него – МИД СССР) заняться доставанием «царева золота» со дня морского можно только предполагать, но сам принцип такого отношения к государственным интересам известен давно, еще с царских времен: дипломат спит, а валюта (сиречь жалованье) идет.

Собственно, и сама русская идея создать перед Первой мировой войной мировую валютную систему именно как инструмент предотвращения этой мировой войны возникла не в МИДе, а в Минфине Российской империи в головах его министров Бунге, Вышнеградского и Витте (идею поддержал и его преемник в 1906-1911 гг. Коковцов); двум последним удалось убедить в этом Николая II. Судя по присланным мне вопросам, фирма Мартина Байерла и ее адвокат Т. Бэрроу до этого глобального русского финансового проекта не докопались: они ведь так и не выяснили – для кого предназначалось «царево золото» в США, утонувшее вместе с пароходом «Республика»?

Попробуем, опираясь на наши собственные расследования, ответить на этот ключевой вопрос.

Морская катастрофа 24 января 1909 г. в Атлантике и гибель парохода «Республика» с грузом «царева золота» (хотя и в золотых монетах США) поставила тогдашнюю мировую прессу в тупик – зачем Николаю II нужно было отправлять за границу такую кучу (напомним, на 3 млн. долл.!) драгоценного металла?

Недостатка в домыслах у журналистов всего мира не было. Писали и о русских закупках оружия в США, и, наоборот, о продаже новой порции территории Российской империи Америке (назывались даже Беринговы острова, хотя их «продаст» – безвозмездно отдаст шельф у Беринговых о-вов, равных трем Польшам, – только Шеварднадзе в 1990 г.) и т.п.

Но никто так и не докопался до сути дела. А суть эта была совсем в другом. Конец XIX – начало XX в. был отмечен подъемом пацифистского движения. Сам по себе пацифизм не был новостью для Европы: еще после окончания этих Наполеоновских войн сначала в США (с 1815 г.), а затем и в Англии (с 1816 г.) стали возникать гражданские «общества мира». К 1895 г. их число в мире достигло 126. С 1848 г. стали собираться международные конгрессы «друзей мира». На втором таком конгрессе в Париже в августе 1849 г. с яркой речью выступил великий французский писатель и пацифист Виктор Гюго. «Настанет день, когда единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей», – воскликнул писатель-гуманист.

С 1891 г. в Берне (Швейцария) начало работать Международное бюро мира – координационный орган для национальных «обществ мира». К пацифистскому движению присоединились парламентарии Европы. В 1889 г. в Париже они собрались на первый конгресс

Межпарламентского союза, существующего и поныне. Инициатор создания этого союза французский парламентарий-пацифист Фредерик Пасси стал первым лауреатом Нобелевской премии мира (1901 г.), с тех пор регулярно присуждаемой все последующие сто лет. Памятью в честь этого нобелевского лауреата в Париже стал квартал «Пасси», в межвоенный период – пристанище русских эмигрантов первой войны, и одноименная станция столичного метро.

Помимо общественных собраний и деклараций реальным практическим результатом пацифистского движения в Европе уже в XIX в. стала разработка законов о «правилах войны». Здесь особую роль стали играть «жневские конвенции», начиная с первой в 1864 г. – «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях». Для ее реализации было создано знаменитое ныне международное Общество Красного Креста и Красного Полумесяца (в исламских странах) со штаб-квартирой в Швейцарии.

Сегодня малоизвестно, что эпоха «великих реформ» Александра II была отмечена и рядом пацифистских демаршей на международной дипломатической арене. В 1868 г. в Петербурге по инициативе царя была собрана конференция европейских дипломатов, и на ней подписана конвенция о «правилах войны» – о запрещении применения разрывных и зажигательных пуль, а в 1874 г. Россия выступила инициатором международной конференции по кодификации «правил войны» в сухопутных сражениях.

Однако это было еще только начало. Инициативу деда подхватил его внук Николай II: именно он поддержал предложения как своих министров и банкиров

(С.Ю. Витте, миллионера-железнодорожника Ивана Блюха и др.), так и «общественников» (будущих кадетов-пацифистов акад. М.М. Ковалевского, проф. П.Н. Милюкова, кн. П.Д. Долгорукова и др.) о созыве в 1899 г. в Гааге крупного международного пацифистского конгресса 26 стран по общеевропейскому разоружению. В 1907 г. и снова по инициативе России конференция была повторена. На этот раз в ней приняли участие более 250 официальных представителей из 44 стран (приехали даже представители стран из заморской Латинской Америки).

Впоследствии мирные инициативы царя на двух Гаагских пацифистских конференциях были смазаны кровавыми событиями Первой мировой (а в России – еще и гражданской) войны. Сыграло свою роль и «предательство» недавних пацифистов – «рюриковича» князя Долгорукова, лидера кадетов Милюкова и многих других: в 1914 г. они «сменили флаги» и стали воинствующими патриотами, сторонниками войны до победы над «тевтонами». А ведь Милюков в 1911 г. выпустил целый пацифистский трактат «Вооруженный мир и ограничение вооружений». Именно в этой книге профессор-кадет впервые в мировой литературе выдвинул и обосновал модную ныне идею конверсии ВПК.

Между тем принятые на двух Гаагских конгрессах мира конвенции и декларации оказались весьма жизнеспособными и позднее, после Первой и Второй мировых войн, вошли в уставы Лиги Наций и ООН. Предложенная же русской делегацией на I Гаагской конференции идея моратория на пять лет для наличных вооруженных сухопутных и военно-морских сил и замораживания военных бюджетов на уровне 1899 г.

хотя и не была тогда принята, тем не менее после Второй мировой войны получила практическое развитие в отношениях США-СССР при гонке ядерных вооружений (мораторий, а затем и запрет испытаний водородных бомб в атмосфере, запрет на отдельные типы ракет и т. д.).

Но самым главным в этом пацифизме Николая II было другое: попытки не только продекларировать на конгрессах отказ от войны, но и создать эффективную систему предотвращения войны в Европе и мире с помощью т. н. «финансовой дипломатии», активными пропагандистами которой выступали министр финансов Российской империи в 1893-1903 гг. Сергей Юльевич Витте и его российские и зарубежные единомышленники.

Глубинной основой проектов «финансовой дипломатии» стало качественное изменение традиционно торгово-промышленного капитализма времен Адама Смита и Дэвида Рикардо, с середины XIX в. начавшего трансформацию в финансово-промышленный.

В СССР эта трансформация многими поколениями советских людей воспринималась сквозь призму ленинского трактата «Империализм как высшая (в первоначальном заголовке – последняя. – Авт.) стадия капитализма» (1916 г.). Именно из этой работы В.И. Ленина следовал главный вывод большевиков о загнивании и неминуемом крахе капитализма как социально-экономической системы. Левая

социал-демократка Роза Люксембург пошла еще дальше – у нее выходило, что капитализм на его последней стадии – империализме – рухнет автоматически.

Предостерегающие голоса, включая предсмертный голос самого Фридриха Энгельса, а также Г.В. Плеханова и Эдуарда Бернштейна, не были услышаны молодым поколением европейских левых социал-демократов, рвавшихся к власти через мировую пролетарскую революцию.

Между тем существовали и другие, весьма отличные от ленинско-люксембургских, точки зрения, в том числе и в России. Из факта трансформации «старого» (торгово-промышленного) капитализма в «новый» (финансово-индустриальный) эти мыслители делали прямо противоположный ленинскому вывод: не о «загнивании» и «крахе», а, наоборот, о прогрессе и возможности с помощью мировых финансов избежать традиционных войн за передел сырьевых колоний в мире.

Так, упоминавшийся выше крупный российский финансист и подрядчик в строительстве железных дорог Иван Станиславович Блюх (1836-1901) к концу жизни выступил еще и как теоретик перестройки международных отношений в мире на базе новой «финансовой дипломатии» (см. его шеститомный труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», переведенный на многие языки мира). Характерно также, что И.С. Блюх выступал и практиком пацифизма: на собственные деньги он создал в г. Люцерне (Швейцария) частный «Международный музей войны и мира», существующий и поныне.

С другого конца – через реорганизацию международной торговли – вышел на проблему использования финансового капитализма молодой русский экономист С.М. Житков.

Однако подлинным «мотором» использования «финансовой дипломатии» в интересах мира и соавтором проекта создания всемирной валютной системы на базе США выступил С.Ю. Витте. Как всякому талантливому администратору, его репутации не повезло ни у современников, ни у потомков. «Кабатчик» (П.Н. Милюков) – за введение госмонополии на продажу водки, «финансовый фокусник» (В.И. Ленин) – за приравнение бумажного рубля к золотому стандарту – вот далеко не полный перечень отрицательных эпитетов, которыми награждали современники талантливого финансиста.

И неудивительно, что ленинские оценки деятельности Витте переключались даже в серьезные труды советских историков («классовая ограниченность царского министра»), а вся многогранная работа Витте по интеграции России в мировую финансовую систему была сведена лишь к поиску иностранных займов, причем с прозрачным намеком – «царский министр» хотел превратить матушку-Россию в иностранную колонию.

На самом же деле Витте намного опередил свое время. Лучшее доказательство этому – «финансовая дипломатия» Германии и Японии, но уже после Второй мировой войны, через полвека после смерти ее отца-основателя.

И удивляться надо не тому, что дважды – в 1903 и 1906 гг. – Витте был отправлен царем в отставку (причем во второй раз – навсегда, вплоть до своей кончины в

1915 г.), а что за сравнительно короткий – всего десять лет – период своего пребывания на посту министра финансов он так кардинально изменил финансовую систему (ввел золотой рубль), форсировал железнодорожное строительство (Транссибирская магистраль, русские дороги – КВЖД и ЮМЖД – в Северном Китае, Турксиб в Средней Азии и т. д.), банки (Русско-китайский, Русско-корейский, Русско-персидский и др.) обеспечил финансово-экономическое присутствие Российской империи в сопредельных странах, особенно на Востоке.

Сановную военную и гражданскую царскую бюрократию раздражала, однако, не столько политика этого «выскачки» из железнодорожных билетных кассиров, сколько методы ее осуществления. Ведь Витте, хорошо изучив коридоры царской бюрократии, при помощи Александра III и, частично, Николая II, сумел отвоевать в этом хитросплетении чиновничества, интриг и амбиций довольно широкую «автономию», которую его злейший недруг министр внутренних дел В.К. Плеве, входивший с ним в одно правительство, называл «государством Витте».

Много позднее (1910 г.), когда граф Витте был уже не у дел, петербургская влиятельная газета «Новое время» справедливо писала об этом «государстве в государстве»: Витте-"государь" командовал «собственным войском» (многотысячным казачьим корпусом пограничной стражи, вооруженной пушками и пулеметами), имел «собственный торговый флот» с собственным флагом (подчинялся Департаменту морской торговли Минфина России), «свои железные дороги» (в Китае – КВЖД и ЮМЖД – и в Персии), «своих дипломатических представителей» (т. н. финансовых

агентов в крупнейших столицах мира). А если к этому добавить, что финансирование всех «казенных» железных дорог России шло через Департамент путей сообщения все того же Минфина, да вдобавок то же министерство непосредственно управляло Госбанком империи, Государственным дворянским земельным банком, Крестьянским поземельным банком и еще чеканило «рыжики» (золотые пятерки и десятки) на собственном Монетном дворе – фон Плеве, пожалуй, прав: «государство Витте» в 1893-1903 гг. действительно существовало.

Не прав был Плеве и его единомышленники, недруги министра финансов, в другом: Витте затеял всю эту «автономию» не из-за жажды административной власти или сановных амбиций, хотя и они были ему не чужды. Придя в высшие эшелоны власти «со стороны», как сказали бы сегодня, с производства (начальник службы движения и перевозок одной из крупных частных «чугунок» на юге России), он очень быстро понял: новое дело подъема экономики и финансов старая царская бюрократия делать не хочет и не сможет, какие грозные царские указы ни издавай. И Витте пошел старым проверенным византийским путем – добрался до «уха государева». Ему повезло – Александр III и сам хорошо понимал, что его чиновничий аппарат мало приспособлен для нововведений, т. к. озабочен чиновничеством – в каком вицмундире (зимой) или тужурке (летом) прийти к теще начальника с поздравлением по случаю тезоименитства, какие ордена надеть и в каком порядке и т. д. А какие-то там «Великие сибирские пути» строить, ломать голову о строительстве неведомой ГЭС на днепровских порогах на Украине, обсуждать проект строительства моста через Керченский пролив из Крыма

на Кубань – нет уж, батенька, нас увольте. Об этом пусть купчишки думают да разные там промышленники из староверов – им ведь к чинам и званиям путь заказан, из «чумазных» они, вот пусть и копошатся там в навозной жиже экономики, а мы – «государевы слуги», державный интерес блюдем.

А как все эти «Каренины» да «фон Плеве» блюли сей интерес, наглядно показала скрытая бюрократическая война между МИДом и Минфином еще в 90-х гг. XIX в. На состоявшемся 17 марта 1899 г. под председательством Николая II «особом совещании» министров правительства по проблеме иностранных инвестиций и допуска иностранцев в ранее закрытые «стратегические зоны» (между прочим, 21 губерния в Западном крае, вся Средняя Азия и часть Кавказа, а также Дальний Восток – почти 30% территории империи!) резко схлестнулись Витте и министр иностранных дел М.Н. Муравьев. Мининдел ни в какую не хотел допускать «иностраных шпионов» в военно-стратегические регионы, как ни доказывал Витте вздорность такой устаревшей политики «охраны забора».

МИД активно поддержал военный министр А.Н. Куропаткин. Царь, как обычно, занял половинчатую позицию: и Витте поддержал (инвестиции нужны), и Муравьеву – Куропаткину не отказал (иностранные фирмы могут покупать землю под свои заводы и фабрики в «закрытых зонах» лишь с разрешения местных «держиморд»).

А ведь Муравьев не был записным реакционером: широко образованный дипломат, он являлся одним из инициаторов созыва I Гаагской мирной конференции, работу которой активно приветствовал и Витте.

Истинная же подоплека этой полемики двух министров в марте 1899 г. коренилась в другом: кадровые царские дипломаты всячески отбояривались от финансовых и торговых вопросов, спихивали их на консулов, уклонялись от изучения технических проблем (какие вагоны и паровозы закупать за границей, как следить за курсом ценных бумаг на биржах и т. п.). Это вообще было характерно для русского дворянства и «чеховской» интеллигенции – вспомните пьесу «Вишневый сад», когда Раневская даже не понимает выгоду предложения купца Лопахина (разбить вишневый сад на дачные участки, а их с прибылью сдавать «нуворишам»), и все остается по-старому, т. е. на погибель и разорение.

Не один Чехов отразил этот отказ от «вещизма» русской интеллигенции. Кадетская газета «Речь» в начале XX в. опубликовала серию статей, в которой осуждалось чистоплюйство «чеховских» интеллигентов, не желавших «марать руки» игрой на бирже ценных бумаг, открывать свое дело, торговать и т. д. В лучшем случае она шла в «спецы» к «купчине толстопузому» (Н.А. Некрасов), которого, однако, жестоко высмеивала в куплетах:

Московское купечество Изломанный аршин. Какой ты сын Отечества, Ты просто сукин сын.

Большевики после 1917 г. очень умело использовали это чистоплюйство, загнав значительную часть этих «чеховских» интеллигентов в «военспецы» РККА и просто в «спецы» ВСНХ, Госплана, Наркомзема и др.

Однако задолго до Ленина и Троцкого на путь «спец»(иализации) встал Витте. Он не стал ломать весь

старый царский чиновничий аппарат, а добился приема у Александра III и убедил его создать свое «государство Витте», параллельное официальному. Причем особо оговорил, что прием в его «государство» пойдет не «по чину» и не «по старшинству» (выслуге лет), а «по уму», т. е. профессиональной компетенции. Царь согласился, издал соответствующие указы, и с 1893 г. Витте, к ужасу охранки, начал набирать в свое «государство» неблагонадежных инженеров-путейцев, техников и (о ужас!) даже евреев, правда крещеных в православие. Одним из таких «неблагонадежных» стал инженер Леонид Красин, будущий большевистский наркомвнешторг, одно время работавший техником-смотрителем на строительстве Транссиба.

Самым же главным новшеством в «государстве Витте» стало создание с 1894 г. за границей своего «МИДа» – сети т. н. «финансовых бюро» в основных столицах мира, подчинявшихся Минфину (кстати, именно на базе этих «бюро» с 1921 г. будут создаваться советские торгпредства). Кадровых царских дипломатов в такие «финансовые агенты» Витте брать не стал, зато широко использовал биржевых спекулянтов, лишь недавно появившихся в обеих столицах империи из-за черты оседлости. Об одном из них – Артуре Рафаловиче – мы уже писали выше. Под стать ему были И. Замена, затем Бернадский в Лондоне, К. Миллер в Токио, М. Рутковский в Нью-Йорке.

Именно с помощью этих агентов Витте еще в конце XIX – начале XX в. попытался осуществить свой самый крупный проект – создание мировой федеральной валютной системы как инструмента предотвращения войны.

Отличительной чертой этого проекта была его суперсекретность. При жизни ни Николай II, ни даже Витте (хотя он написал очень злые «Воспоминания», которые до самой смерти прятал в сейфе одного из французских банков, и в полном виде в трех томах они вышли лишь 45 лет спустя, в 1960 г. в период хрущевской «оттепели») не сказали об этом проекте ни слова.

Понятно, что и современные знатоки истории «царева золота» как у нас, в СНГ (И.А. Латышев, В.Г. Гузанов, В.А. Кашиц и др.), так и за рубежом (Сергей Петрофф, Даниэль Вильденштейн, Уильям Кларк и др.) ничего не знали об этом проекте, полагая, что речь идет либо о личном золоте царя и царицы (отправлено в январе 1917 г. через Японию в Англию), либо о т. н. «военном золоте» России за 1914-1916 гг. (в оплату военных поставок из США и стран Антанты). Это заблуждение разделял и я, когда в 1997-2000 гг. публиковал три свои книги о русском золоте и недвижимости за рубежом.

И лишь с весны 2000 г. когда нью-йоркский адвокат Тимоти Бэрроу начал по электронной почте присылать мне материалы по расследованию истории золотого груза пакетбота «Республика», погибшего в январе 1909 г. (характерно, что на каждом листке этих материалов, включая переписку с посольством СССР в Вашингтоне, стояло сакраментальное адвокатское «confidential» –

«доверительно»), история проекта Витте начала проясняться. Более того, история его возникновения благодаря усилиям фирмы капитана Байерла из США с 1985 г. стала достоянием дипломатических кругов в СССР (переписка с советским посольством в Вашингтоне), США (копии писем направлялись в Госдеп) и Франции (переписка с французским консулом в Нью-Йорке).

Конечно, только материалов судоподъемной фирмы капитана Мартина Байерла (а при ней с 1988 г. существует еще и исследовательская архивная группа) пока недостаточно, и я продолжаю исследование проекта Витте по отечественным архивам, надеясь в будущем написать о ней специальную книгу (небольшой отрывок из нее я опубликовал в «Литгазете», № 368 в сентябре 2003 г.).

А пока же – краткий очерк того, что удалось установить.

Хорошо известно, что с 1893 г. Витте как министр финансов слыл крупным «спецом» по внешним иностранным займам для российского правительства. Тогда, на рубеже двух веков, основные свободные для займов капиталы находились в руках крупных частных банковских домов – у французских и английских Ротшильдов, у банкирского дома Мендельсонов в Германии, у тогда уже мультимиллионера Дж. Моргана в США. Со всеми ними еще в 90-х гг. XIX в. через своих «финансовых агентов» в Париже, Лондоне, Берлине и

Нью-Йорке Витте установил тесный деловой контакт, не гнушаясь личными поездками для встречи с этими «гобсеками финансового мира». Мало того, он подключил к этой «финансовой дипломатии» и молодого царя. Осенью 1896 г. во время первого официального визита царской четы во Францию Витте убедил Николая II принять в Париже французского Ротшильда. Последний очень сильно помог Витте в размещении во Франции в 1894 г. крупного русского займа, почти целиком пошедшего на подкрепление денежной реформы в России (введение в 1894-1897 гг. «золотого рубля»).

Ротшильд же это удалось сделать благодаря тому, что вокруг собственного «Банк де Ротшильд» он сумел создать целый синдикат из других французских банков и ссудосберегательных касс – «Париба», «Лионского кредита», «Национальной сберкассы Парижа», «Сосьете женераль», «Национального индустриального и коммерческого кредита» и др.

Весьма характерно, что позднее именно этот «синдикат Ротшильда», заручившись гарантиями правительства Франции, взял на себя отправку «царева золота» на 3 млн. долл. в США, которое 12 января 1909 г. было доставлено из России на кораблях «Цесаревич» и «Слава» и в порту Гибралтара перегружено на пакетбот «Республика», через две недели потерпевшего крушение у американских берегов.

Удачу с «синдикатом Ротшильда» во Франции Витте попытался развить по ту сторону Ла-Манша – в Англии. В мае 1898 г. он выступил в Петербурге на заседании координационного собрания высших сановников империи – в Комитете министров при царе – и предложил развить «французский успех», но уже вокруг другого дома

Ротшильдов – английского. Предложение министра было одобрено, и вскоре в Лондон был направлен крупный финансовый сановник С.С. Татищев, начавший переговоры с английским Ротшильдом о размещении на Британских островах крупного русского займа. В полном объеме поставленную перед ним задачу, в отличие от Франции, Титащеву выполнить не удалось (все еще были сильны англо-русские дипломатические противоречия в Китае, Афганистане и Персии), но частичного успеха сановник достиг – часть ценных русских бумаг была допущена к котировкам на Лондонской фондовой бирже.

Витте пытался развить этот пока еще скромный успех: в июне 1899 г. он наладил в Лондон еще одного своего гонца – банкира А.Ю. Ротштейна, управляющего Петербургского международного банка, входившего в «государство Витте». На этот раз удалось добиться большего – разместить в Англии бумаги очередного железнодорожного займа (на строительство Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.). (А.В. Игнатъев. Указ. соч. с. 95).

И, наконец, настала очередь США.

С ними у России не было тех идеологических или геополитических противоречий, которые в конце XIX в. осложняли «финансовую дипломатию» Витте в его отношениях с Францией или Англией. Ведь французские и английские Ротшильды не раз намекали российскому министру финансов, что, если царизм будет поощрять политику антиеврейских погромов в России, они заблокируют все русские займы в Европе.

«Англичанка» же, по выражению русских славянофилов, продолжала «гадить» на Востоке, мешая финансовой экспансии Витте в Азии. Но не для того

Витте еще при Александре III в апреле 1893 г. создал при своем министерстве постоянное межведомственное «особое совещание» по торговле России с Персией, Афганистаном, Бухарой и Китаем, чтобы считаться с «англичанкой». В 1894 г. он нанес ей мощный финансовый удар – откупил у купца Я.С. Полякова за 11 млн. руб. его частный Учетно-ссудный банк в Тегеране, включил его в число банков своего «государства» и поставил перед новым инструментом своей «финансовой дипломатии» на Среднем Востоке задачу: «развитие активной торговли русских в Персии, сбыт туда изделий русских фабрикантов, распространение среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно и вытеснение из Персии английских промышленных произведений» (из «Наказа» новому руководству банка, написанного Витте).

И, действительно, как отмечали иностранные наблюдатели, современники Витте, его «персидский банк» очень быстро занял в Иране господствующее положение: начал чеканку «туманов» (персидских золотых монет), поддерживал братьев Лианозовых, владевших осетровыми промыслами на севере Ирана (в 1921 г. проданных ими Советской России), стал субсидировать строительство дорог в Персии и т.п. В конце концов в 1895-1899 гг. это привело к резкому обострению англо-русских финансово-экономических противоречий в Персии и, как следствие, к большим затруднениям для Витте в его попытках разместить русские займы в Англии.

Иное дело – США. С ними со времен продажи в 1867 г. Аляски давно не было территориальных споров. Более того, продажа Аляски облегчила царям приобретение другой «Аляски» – Средней Азии, ибо войны генерала

Михаила Скобелева в 60-70-х гг. XIX в. проходили в Туркестанском крае при благоприятном нейтралитете США, выгодном России и невыгодном «англичанке», главному сопернику России в этом регионе.

Поэтому осенью 1898 г. в самый разгар «персидского дела» Витте начинает усиленный зондаж американских банковских кругов на предмет займов в США. Формируется целая «бригада» его представителей: генконсул России в Вашингтоне В.А. Теплов, финансист Минфина в Нью-Йорке М.В. Рутковский и присланный им в помощь вице-директор секретной «Особенной канцелярии по кредитной части» Именно через эту «канцелярию» Витте и начнет предварительный зондаж по созданию консорциума мировых банков для реализации своего проекта международной федеральной валютной системы Минфина А.И. Вышнеградский-младший, сын бывшего министра финансов России.

На поверхности официальных переговоров этой «бригады» фигурирует крупный русский заем в 80 млн. долл. в США. Стопроцентного успеха «бригада» не достигает – глава «американского синдиката» мультимиллионер Дж. Морган заломил слишком высокий посреднический процент. Но частичный успех налицо: младшие партнеры Моргана банкиры Дж. Перкинс и У. Ингельсам через Петербургский международный банк весной 1899 г. соглашаются на заем в 10 млн. долл. на строительство Владикавказской ж. д.

Гораздо важнее «подводная» часть переговоров – о создании мировой федеральной валютной системы. Здесь Морган гораздо более активен, особенно в связи с тем, что посланцы Витте намекают – эта система будет

создаваться на основе «царского залогового золота», которое Николай II готов морем отправить в США.

Американский банкир сразу смекает: «цена вопроса» здесь – уже не какие-то там 80 млн. долл. а миллиарды! Морган дает сигнал Витте – готов продолжить переговоры о «подводной» части и лично выехать в Европу. Витте откликается: место продолжения переговоров – Брюссель, его личные представители – не какой-то там генконсул или вице-директор, а правая рука и особо доверенное лицо, соавтор проекта по созданию мировой федеральной валютной системы управляющий Петербургским международным банком Ротштейн.

Весной 1899 г. в бельгийской столице происходит тайная встреча Моргана с Ротштейном. Судя по отчетам последнего, Морган весьма заинтересовался проектом и готов «заняться „этим“ русским делом». Витте пытается развить успех и через Ротштейна приглашает Моргана в Петербург на личную встречу.

Морган пока осторожничает, но той же весной 1899 г. направляет в столицу Российской империи своего «Ротштейна» – банкира Ричарда Партера, с которым встречается и обстоятельно беседует Витте. По некоторым данным, министр финансов организует конфиденциальную аудиенцию Партера с Николаем II, который пока благоволит к Витте.

Окрыленный поддержкой Моргана, Витте стремится развить успех. В 1899-1902 гг. через своих «финансовых агентов» в Париже, Лондоне и Берлине он вступает в тайный контакт с другими влиятельными банкирами мира – французскими и английскими Ротшильдами и немецким домом Мендельсона. Всех он знает лично, всех соблазняет своей «финансовой дипломатией» и особенно

«царевым золотом», благо никто не сомневается – Россия наращивает добычу золота, у нее самый твердый «золотой рубль», за который уже в начале XX в. в Европе платят 2,5 французского франка и 3,5 немецкой марки.

Однако в реализации этого грандиозного проекта не все вышло так гладко, как писал Витте своим контрагентам – мировым банкирам.

«Финансовая дипломатия» Витте к началу XX в. вступила в объективное противоречие с дипломатией традиционной, основная заповедь которой, как известно, покоилась на древнеримском постулате – «хочешь мира – готовься к войне». Царские генералы и кадровые дипломаты не понимали финансовых хитросплетений «выскочки», но нутром чувствовали – для их карьеры, чинов и орденов такая внешняя политика ничего хорошего не сулит, тем более что Витте не раз пытался через свое министерство урезать бюджет военного ведомства, утверждая – один мой банк стоит десятков морских дредноутов.

Как это всегда было в византийской России «третьего Рима», атака на великого реформатора началась через первое лицо в империи: «хозяина земли русской» – царя. При Александре III Витте особо не опасался – царь и особенно его супруга Мария Федоровна в критических ситуациях всегда вставали на сторону «выскочки» (даже после смерти мужа в 1894 г. вдовствующая императрица до последнего пыталась

защитить министра финансов, пользуясь пока еще сильным влиянием на сына-царя).

Первоначально и Витте надеялся, что и Николай II пойдет по стопам своего отца, и даже в ежегодном отчете по министерству финансов за 1895 г. дерзко предостерегал его от «шатаний со стороны в сторону, наносящих кровавые раны государственному организму» (цит. по: Игнатъев А.В. Указ. соч. с. 81).

Но Николай II, увы, не унаследовал государственной твердости отца и как раз больше всего был подвержен «шатаниям» и воздействию ближайших родственников: в начале царствования – матери, в конце – жены (а между ними обеими с самого начала женитьбы Николая II крепла и разгоралась непримиримая женская вражда, которая к февралю 1917 г. приведет к «двоевластию» в царских верхах – «старому» и «молодому» дворам, каждый из которых начнет перетягивать на свою сторону генералов, дипломатов, руководителей спецслужб и т. д.).

Нет, Николай II вовсе не был таким солдафоном и выпивохой, каким его много лет изображали некоторые советские историки (см. например, явно заказную поделку Ксавинова «23 ступени вниз», выдержавшую в брежневские и горбачевские времена несколько переизданий).

Как пишет его младшая дочь Анастасия, царь много читал, в его библиотеке в Царском Селе она видела даже «Капитал» Карла Маркса и «Манифест Коммунистической партии» с пометками отца. Николай ведь окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в юности мечтал продолжить юридическое образование в британском Оксфорде. Царь

интересовался современным ему искусством: ходил в оперу и на балет. Особенно любил голоса Собинова и Шаляпина и даже приказал вылепить их бюсты и поставить их в саду царского Ливадийского дворца в Крыму. Интересовался он и первыми шагами кинематографа, где у него были свои любимые актеры – русский Мозжухин и американец Чарли Чаплин.

Было у Николая II и свое хобби – он умел чинить часы и часто тайно ремонтировал их даже для дворцовой прислуги. Младшая дочь царя сообщает и о других увлечениях отца – он мог сам сшить сапоги, шить одежду и даже самостоятельно сложить печь, причем учил всему этому любимого и единственного сына Алексея.

Не чужд был Николай II и современной техники. Он, например, выучился управлять автомобилем и нередко ездил на нем по парку Александровского дворца в Царском Селе: за пределы парка по соображениям безопасности не разрешала выезжать личная охрана. В том же дворце для семьи царя была сооружена первая в России «частная» радиостанция, и все дети часто через наушники слушали из Европы первые радиопередачи и музыку, благо все Романовы свободно владели несколькими иностранными языками.

Еще одно очень важное свидетельство дочери, помогающее понять и выступления царя на I и II Гаагских мирных конференциях в 1899 и 1907 гг. и поддержку проекта Витте по созданию антивоенной мировой федеральной валютной системы: «Государь не хотел войны, он был за мир и спокойствие, чтобы люди могли честно работать, не имели ни нужды, ни голода» (Романова А.Н. Указ. соч. с. 83).

Увы, одно дело быть лично честным и порядочным человеком, хорошим семьянином и рукодельником (чинить часы, класть печь, тачать сапоги). И совсем другое – сложить «печь» российской государственности в кризисные, переломные годы рубежа двух веков, когда в самой Российской империи шла крутая ломка традиционного патриархального уклада, вырубались дворянские «вишневые сады», а сама николаевская «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия для прошений, приносимых на Высочайшее Имя» в Мариинском дворце в Петербурге была буквально завалена письмами-жалобами матерей и отцов на своих детей: не призывают родителей, пьют, хулиганят, в «церкву не ходят». Чиновники канцелярии регулярно делали обзоры таких писем, и царь их внимательно читал с карандашом в руке. Особенно поразила его одна частушка, приложенная к письму матери-крестьянки из Псковской губернии (1908 г.):

Бога нет, Царя не надо. Губернатора убьем! Подати платить не будем И в солдаты не пойдём!

Он понимал – с такими настроениями среди молодых мужиков второй «отечественной войны 1812 г.» не получится. Витте, конечно, прав – лучше всего занять позицию вооруженного нейтралитета, подкрепленную золотым рублем через международную валютную федеральную систему (кстати, именно так, хотя и без валютной системы, поступит в 1914-1918 гг. Япония: примкнет к Антанте, но воевать на ее стороне не будет, хотя после поражения Германии, в отличие от России, и получит все выгоды державы-"победительницы").

Тем не менее, Николай II поддался на интриги своего военного дипломатического сановного окружения,

толкавшего его на войну с Японией, и в 1903 г. сместил Витте с должности министра финансов, тем самым затормозив реализацию его проекта.

С 1903 г. начались печально знаменитые «шатания» Николая II от войны к миру и обратно.

В 1904– 1905 гг. война с Японией закончилась для России позорным поражением. Царю вновь пришлось призвать Витте к рулю управления. «Выскачка» заключил с японцами почетный мир: территориальные и материальные потери оказались минимальными -Южный Сахалин, Курильская гряда, порты Порт-Артур и Дальний да одна из двух русских железных дорог в Северном Китае – ЮМЖД. За этот почетный мир Николай II возвел Витте в «Графское Российской империи достоинства».

В начале 1906 г. новоиспеченный граф спас царя еще раз от финансового краха империи, получив крупный займ во Франции, и вновь вернул внимание царя к своему международному финансовому проекту. Царь вновь «шатнулся» к миру – в 1907 г. лично выступил на II Гаагской мирной конференции. Одновременно (но уже без Витте, которого в апреле 1906 г. он вновь отправил в отставку, и теперь уже навсегда) Николай II через преемника бывшего министра В.Н. Коковцова начал с 1908 г. ту самую операцию по доставке золота в США, на основе которого он и намеревался подкрепить свои гаагские декларации о всеобщем мире созданием международной валютной системы.

Сколько всего пароходов типа «Республика» в 1908-1913 гг. было отправлено в Америку – предстоит еще уточнить. В 1997 г. сопредседатель американо-российской комиссии бывший вице-президент А. Гор назвал цифру в 23 млрд. долл. Но осталось

неясным – «довоенное» это или «военное» золото русского царя?

Судя по материалам исследовательской архивной группы капитана Байерла, пароход «Республика» был не единственным: в 1909-1913 гг. подобных кораблей было не менее двух десятков (?!).

Но без Витте общий глобальный проект с помощью русского золота (международная валютная федеральная система) предотвратить войну или, по крайней мере (как США до июня 1917 г.), избежать в ней активного участия не состоялся – 1 августа 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Но проект Витте не канул в Лету. Во время Второй мировой войны он вновь неожиданно возродился из пепла и в 1943-1945 гг. активно обсуждался; причем главные участники дискуссии остались те же – США и Россия (СССР).

Отрицательный опыт Первой и Второй мировых войн – разрушение промышленности и финансов, развал международной торговли, гигантские людские потери – вновь выдвинул на авансцену забытые было идеи пацифизма и превращения Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. в инструменты международного арбитража.

Неудачный опыт Лиги Наций в 1919-1939 гг. не похоронил идею арбитража – сразу после окончания

Второй мировой войны она возродилась в виде ООН. Однако до сих пор в исследованиях по истории создания Объединенных Наций остался в тени «финансовый вопрос», прародителем которого являлся граф Витте. Инициатором новой постановки этого вопроса выступил президент США Франклин Делано Рузвельт.

Он еще в 30-х гг. перед Второй мировой войной, практически оценил роль управляемых банков в своем «новом курсе», в основу которого было положено кейнсианство – теория управляемой государством экономики британского экономиста Джона Кейнса (1883-1946), руководителя английского казначейства (1915-1919 гг.) и члена Высшего экономического совета Антанты в 1919-1929 гг.

Тогда кейнсианство спасло США от Великой депрессии 1929-1933 гг. На этот раз Рузвельт решил спроецировать свой «новый курс» на экономику и финансы всего послевоенного мира. Очевидно, через банкирский дом Морганов он еще в 30-х гг. был осведомлен о проекте Витте-Николая II и, безусловно, хорошо знал о русском «довоенном» и «военном» золоте в США.

Между тем перед союзниками по антигитлеровской коалиции с 1943 г. (Тегеранская конференция) остро встал вопрос – как после победы обеспечить восстановление и стабильное экономическое развитие послевоенного мира? Важнейшую роль здесь должна была сыграть, в дополнение к собственно ООН, ее «финансовая сестра»: какую валюту сделать международной платежной единицей, какие международные инструменты для ее успешного

функционирования учредить, кто будет «командовать» этой «финансовой ООН»?

При этом Рузвельт мыслил включить в эту «финансовую ООН» и СССР, причем соглашался, что «командование» в послевоенном мире будет поделено между Москвой и Вашингтоном.

Впервые основные наметки этого плана, развивающие проект Витте, Рузвельт изложил Сталину при их личных встречах 28 ноября – 1 декабря 1943 г. в Тегеране. Рузвельт говорил о своем финансовом плане Сталину на Крымской (Ялтинской) конференции союзников 4-11 февраля 1945 г. Сталин тогда, в 1943-1945 гг. весьма сочувственно отнесся к этому проекту.

Позднее, когда из-за смерти Рузвельта в апреле 1945 г. и отказа его преемника вице-президента Гарри Трумэна от плана создания «финансовой ООН» (он был заменен с 1948 г. на «план Маршалла») началась «холодная война», о проекте Рузвельта в США забыли, а в СССР его сознательно замолчали.

В действительности же реальная картина была совсем другой: между Тегераном и Ялтой 1-23 июля 1944 г. состоялась еще одна конференция 44 стран антигитлеровской коалиции – в г. Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гемпшир, на восточном побережье США). И хотя сам Сталин, в отличие от Рузвельта и Черчилля, туда не поехал, но он послал на конференцию официальную делегацию во главе с замнаркома внешней торговли М.С. Степановым (впоследствии в официозных советских изданиях этот факт тщательно замалчивался – см. например, «Дипломатический словарь, А-И», т. 1. – М. 1984, с. 156). Между тем СССР не только участвовал в

этой финансовой «сходке империалистов», но и согласился войти в «финансовую ООН», для чего подписал уставы ныне хорошо известных МВФ и Всемирного банка (в 1944 г. – МБРР – Международный банк реконструкции и развития). Более того, СССР согласился на взнос в 1 млрд. 200 тыс. долл. в уставный капитал МВФ (США – 2 млрд. 750 млн. Китай – 550 млн.), а также подписал обязательство перечислить до конца 1944 г. 12% от суммы в 10 млрд. долл. которые образовывали уставный капитал МБРР.

Иными словами, Сталин принял правила игры, предложенные Рузвельтом в Тегеране, Бреттон-Вудсе и Ялте, подкрепленные обещанием президента США выделить СССР на восстановление разрушенной войной советской экономики 10 млрд. долл. (в дополнение к еще 10 млрд. которые СССР по решениям Ялты должен был получить с Германии и ее союзников в качестве репараций, – итого 20 млрд. долл. сумма по тем временам гигантская).

Сталин, со своей стороны, пошел на военно-политические уступки Рузвельту: он согласился вступить в войну с Японией сразу после разгрома Германии (что и выполнил).

Таким образом, в 1943-1945 гг. сложился тот «исторический компромисс» США и СССР, который мог изменить всю послевоенную геополитическую обстановку в мире, останься Рузвельт жив. Явно с подачи из Кремля советские экономические журналы с 1944 г. уже писали: «...мы заинтересованы в стабильности валюты зарубежных стран... Мы заинтересованы в развитии мировой торговли».

Сам глава советской делегации на Бреттон-Вудской конференции Степанов, подписав итоговые документы, в интервью американским журналистам раскрыл истинные цели Сталина: «Всех проблем, которые встанут перед Советским Союзом после окончания войны, МВФ не решит, и СССР видит для себя два полезных итога конференции: финансовая помощь (10 млрд. долл. от Рузвельта! – Авт.) и формальное признание СССР великой державой» (цит. по: Сироткин В.Г. Алексеев Д.С. Указ. статья, с. 248).

Увы, как и в случае с Витте в начале XX в. в его середине международному проекту создания мировой резервной валютной системы на базе доллара (но приравненного к золотому стандарту, в зачет которого пошло «царево золото» в США) помешали генералы, но уже не русские (советские), а американские.

Именно их ставленник вице-президент Гарри Трумэн, неожиданно после смерти Рузвельта ставший президентом США, уже на Потсдамской конференции 1945 г. сначала начал угрожать Сталину атомной бомбой, а затем фактически объявил об отказе от проекта Рузвельта по созданию «финансовой ООН» и замене этого проекта на «план Маршалла».

Но если у Рузвельта СССР входил в число равноправных управителей МВФ и МБРР, то у Трумэна уже всем заправляла администрация «плана Маршалла» (т. е. правительство США), и ни о какой международной валютной резервной системе речь уже не шла.

Фактически со времени правления Трумэна США стали создавать собственную национальную валютную резервную систему, под которую американцы начали подгонять международные финансы. Через 25 лет США

отказались от золотого обеспечения бумажного доллара, а в 1976 г. на очередном «бреттон-вудсе» (международной финансовой конференции в гор. Кингстоне, о. Ямайка) навязали западному блоку долларовые банкноты вместо золота: отныне все остальные валюты Запада исчислялись от этого «мавродика».

Разумеется, Сталин понял: «план Маршалла» – вовсе не тот проект, о котором говорил ему Рузвельт в Тегеране и который он начал реализовывать в Бреттон-Вудсе с 1944 г. Сталин отказался в декабре 1945 г. ратифицировать подписанные Бреттон-Вудские соглашения, а в марте 1946 г. обменялся (через «Правду») резкими репликами с Черчиллем в ответ на его антисоветскую речь в Фултоне 5 марта 1946 г. Из сталинских реплик следовало: надежды на рузвельтовский «исторический компромисс» США – СССР рухнули и начинается «холодная война».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Данные о добыче золота по дореволюционной и советской (до 1921 г.) России взяты из рукописи Владимира Новицкого «Происхождение золотого резерва России» (на фр. яз.), управляющего Петроградской конторой Госбанка России, а затем товарища (заместителя) министра финансов в «омском правительстве» Колчака. Полный текст рукописи был обнаружен в 1994 г. Сергеем Петровым в рукописном отделе библиотеки Лидского университета в Великобритании (Leeds Russian Archive) и любезно выслан в копии в текущий архив нашего Международного экспертного совета по золоту, недвижимости и царским долгам (далее: Текущий архив Экспертного совета).

Небольшие отрывки из этого обширного доклада под заголовком «Русский золотой резерв до и после мировой и Гражданской войн (1883-1924)» опубликованы В. Новицким в сборнике совместного американо-советского торгового предприятия 20-х годов в Нью-Йорке: Amtorg Trading Corporation // Russian Gold. – New York, 1928. – P. 9-25.

Это уникальное и редчайшее ныне издание было любезно предоставлено в начале 1999 г. в наш Экспертный совет М.М. Богуславским, профессором кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ и известного эксперта ЮНЕСКО по перемещенным культурным ценностям.

2 Финансовые известия. – 1994. – № 39. 1-7 сент. 1994 г. (публ. «Золотая промышленность России не

спасет экономику от кризиса, ей самой требуется помощь»).

3 См.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – М. 1992. – С. 470.

4 См.: Новицкий В. Происхождение золотого резерва России // Текущий архив Экспертного совета. – С. 4; Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914-1920 гг.? // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 242 (табл. I).

5 Gorboff M. La Russie fantôme (l'immigration russe de 1920 à 1950). – Lausanne, 1995. – P. 62.

6 Манько А. Жизнь в займы (из истории российских государственных долгов) // Век. – 1993. – Июнь. – № 24.

7 См.: Сироткин В.Г. Финансово-экономические последствия Наполеоновских войн и Россия в 1814-1824 годы // История СССР, 1974. – № 4. – С. 49-50.

8 См.: Из истории происхождения золотого запаса России (копия справки ФСБ от 17 янв. 1995 г. Передана секретариатом вице-преьера О. Давыдова в Текущий архив Экспертного совета, см. Приложения, док. 1).

9 Сироткин В.Г. Граф Витте, нэп и наша перестройка // Вехи отечественной истории (очерки и публицистика). – М. 1991. – С. 148.

10 Gorboff M. Op. cit. – P. 62.

11 Freymond J. Les emprunts russes (histoire de la plus grande spoliation du siècle). – P. 1995. – P. 25. Автор публикует длинный перечень из 47 парижских и провинциальных изданий, а также 25 имен политических деятелей, ученых и журналистов, которым только в октябре 1904 г. Артур Рафалович выплатил разовое

«вспомоществование» (от 500 до 5 тыс. фр.) (op. cit. – P. 22-24).

Характерно, что среди них оказался публицист-экономист А. Тьерри, на труд которого по финансам и экономике России (1914 г.) ссылаются ученые Франции и СССР (см. например, сборник Русские финансы и европейская биржа. – М.-Л. 1926. – С. 309-314). Фактически же это был лишенный объективности неумеренный панегирик, заказное и заранее оплаченное издание, все цифры которого в виде таблиц и справок Минфин России заранее пересылал автору через Рафаловича.

12 См.: Переписка Л.Б. Красина с женой (из семейного архива) // Дипломатический ежегодник. – М. 1990. – С. 367-368.

13 См. Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 253.

14 Freymond J. Op. cit. – P. 9-10.

15 Карр Э. Большевистская революция, 1917-1923. – Т. 2. – М. 1989. – С. 326.

16 Сироткин В.Г. Царские долги надо платить (весь вопрос в том – когда?) // Известия. – 1992. – 14 марта.

17 Из истории происхождения золотого запаса России (справка ФСБ от 17 янв. 1995 г. табл. 1) (см. Приложения, док. 1).

18 См.: Великая война России за свободу и объединение славян. Сборник материалов / Под ред. Д.И. Тихомирова. – М. 1914.

19 См.: Васильева С.Ю. Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. – М. 1994. – С. 83.

20 Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. – L. 1994. – P. 181.

21 Ibid.

22 Кирсанов Е. Собирается ли Токио возвращать долг? // Независимая газета. – 1988. – 5 авг.

23 Сироткин В.Г. «Нулевой вариант» // Век. – 1995. – Июль.

24 Комсомольская правда. – 1996. – 28 нояб.

25 Кривова И. Печальная развязка затянувшейся истории царских векселей // Русская мысль (Париж). – 1996. – 5-11 дек.

26 Чикин М. Законодательница мод носит кольцо из российского золота // Комсомольская правда. – 1996. – 28 нояб.

27 Сироткин В.Г. По долгам России заплатит не Россия // Коммерсантъ. – 1999. – 12 февр.

28 Щедрин В.Л. Апельсиновый гешефт (интервью с проф. В. Сироткиным) // Рабочая трибуна. – 1994. – 19 февр.; Бай Е. Российские паломники на Святой земле, которую Хрущев променял на апельсины // Известия. – 1994. – 29 нояб.

29 См.: Федоровский В. Российские привидения в парижском доме // Московские новости. – 1992. – 20 дек.

30 Московский комсомолец. – 1994. – 24 марта.

31 См.: Никифоров В.П. Справка о недвижимой собственности РФ на территории ФРГ (авг. 1996 г.) // Текущий архив Экспертного совета.

32 Российский центр приватизации. Техническое задание на проведение инвентаризации и рыночной

оценки недвижимой собственности РФ за границей. 23 февр. 1998 г. (Текущий архив Экспертного совета).

33 Самойлова Н. ГКИ провело ревизию зарубежной собственности России // Коммерсантъ-Daily. – 1995. – 4 июля.

34 ЮНИКОН. Консультационная группа. – М. 1999. Рекламный буклет (Текущий архив Экспертного совета).

35 Сегодня. – 1999. – 12 янв.

36 Протокол межведомственного совещания у О.Д. Давыдова от 18 января 1995, № ОД-П6-П26-5 (см. Приложения, док. 11).

37 Сегодня. – 1995 г. – 4 июля.

38 Трутнев В. Русская дипломатия и ИППО (по материалам АВПР) // Дипломатический ежегодник. – М. 1992. – С. 249-268.

39 Козлов В.Ф. Святая гора Афон и судьбы ее русских обитателей // Там же. – С. 227-248.

40 Среди документов, поступивших в наш Текущий архив в результате этих поездок и контактов, уникальный характер носит мидовская «Справка о приобретении недвижимого имущества в Палестине, Сирии и Ливане» от 3 февраля 1949 г. за подписью заведомо заграничного имущества управделами МИД СССР Прохорова (см. Приложения, док. 2).

41 См.: Т. Ильинская. Российские владения в Риме // Эмиграция. – 1993. – Авг. – С. 7.

42 Письмо торгпреда РФ в Париже В.Н. Ярошенко В.Г. Сироткину от 17 февр. 1999 г. с приложением

«Технического описания Русского дома в Монтоне»
(Текущий архив Экспертного совета).

43 Ponfilly R. Le Guide des Russes en France. – Paris, 1990.

44 Сироткин В. Бухта графа Орлова // Правда. – 1998. – 20 мая; Калашников Ю. Закон сохранения недвижимости (интервью с В.Г. Сироткиным) // Коммерсантъ-Деньги. – 1998. – № 28 (29 июля).

45 Reiseberg H.E. Treasure Hunter. – N.-Y. 1945; Rieseberg H. Mikalow A. Fell's Guide to Sunken Treasure Ships of the Word. – N.-Y. 1965; Lonsdale A.L. Kaplan Y.R. A Guide to Sunken Ships in American Waters. – Arlington, 1964.

46 Подробней см.: «Мир / Peace: альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны. Антология». – М. 1993; «Поиски мира: пацифизм в истории». Сб. статей. – М. 1994.

47 Хайцман В.М. Идеи и общества мира в России конца XIX в. // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 147-148.

48 Житков С.М. Разоружение и торгово-промышленная система. – Спб. 1899.

49 Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М. 1989. – С. 79.

50 См. например: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал, 1897-1914 гг. – Л. 1970.

51 Аналитическая справка исследовательской архивной группы фирмы капитана Баерла, 20.04. 1988 г. (адресована генконсулу СССР в Вашингтоне Л. Шупракову). – Текущий архив Экспертного совета.

52 Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. – Л. 1975. – С. 23, 25.

53 Arspach A. La Russie économique et l'ouvre de M. de Witt. – Paris, 1904. – P. 381.

54 Попытки С.Ю. Витте открыть американский денежный рынок для русских займов, 1898-1902 гг. (публикация документов)// Журн. «Исторический архив», 1959, № 1, с. 123-140.

55 Романова А.Н. Я, Анастасия Романова... М.: Воскресение, 2002. – С. 87.

56 Подробней о влиянии кейнсианства на политических лидеров см. в нашей статье «Мировой межвоенный этатизм: Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт» // Феномен «Сталин». Сб. статей. М.: Краснодар, 2003, с. 373-384.

57 См. в частности: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985 гг.). Новое прочтение. М. 1995.

58 Сироткин В.Г, Алексеев Д.С. Рузвельт и Сталин: к истории создания МВФ и ВБ // Журн. «Философия хозяйства», 2003, № 2, с. 248.

59 Подробней см.: Будс Р.Б. Бреттон-Вудская конференция Объединенных Наций // Журн. «Новая и новейшая история», 1992, № 2.

60 Трахтенберг И. Проекты международных валютных соглашений // Журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1944, № 1.

61 Подробней см.: Шенин С.Ю. Еще раз об истоках «холодной войны» // Журн. «США: экономика, политика, идеология», 1998, № 4-5.

II. «КАЗАНСКИЙ КЛАД», БРЕСТСКИЙ МИР И «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ» В ПОВОЛЖЬЕ

1. ГЕНЕРАЛЫ ИЗ «КУХАРКИНЫХ ДЕТЕЙ»

Судьба золотого запаса Российской империи оказалась тесно связанной с Гражданской войной красных и белых и иностранной военной интервенцией. Брест-Литовский мир, подписанный 3 марта 1918 г. главой большевистской мирной делегации Григорием Сокольниковым, окончательно расколол российское образованное общество на «пораженцев» (большевиков) и «патриотов», причем в лагере последних оказалось как большинство царского кадрового офицерства, так и «леваки» из эсеров и меньшевиков. Характерны признания левой эсерки-террористки Ирины Каховской в «Тюремной тетради», недавно обнаруженной молодым исследователем Ярославом Леонтьевым в одном из московских архивов: «Вообще после Брестского мира я уже была обречена и не здесь, так в другом месте погибла бы...»

В исторической литературе было широко распространено мнение, что за год – между Февральской революцией 1917 г. и мартовским Брестским миром 1918 г. – старая царская армия полностью разложилась и разбежалась по домам. Однако на деле все обстояло не так просто. Действительно, подавляющее большинство насильственно мобилизованных солдат из крестьян либо уже с осени 1917 г. «ударилась в бега» – дезертировали, либо после заключения в декабре того же года большевиками военного перемирия с «германцем» законно (с бумагой) «комиссовались» и подались в родные деревни, образовав тот слой из «человеков с ружьем», на который позднее опирались и красные, и белые, и зеленые (батька Махно и другие атаманы).

Иная картина сложилась в офицерском корпусе. За годы Первой мировой войны громадные потери понес младший и средний офицерский состав, и уже с 1915 г. царские власти вынуждены были снять прежние сословные ограничения для приема в военные школы прапорщиков (лейтенантов) и производства в офицеры – брали любого, лишь бы он был «грамотным» (т.е. имел за спиной четыре класса начальной школы). Так к февралю 1917 г. образовалась большая прослойка «офицеров военного времени», которые и стали основной ударной силой февральской «революционной демократии». Однако значительная часть этих штабс-капитанов «военного времени» все же чуралась политики, старалась держать нейтралитет, примыкая к другим «демократам» довоенной формации, также вышедшим из низов.

Типичный пример такого «генерала из крестьян» – один из главных героев этой книги Павел Петрович Петров (1882-1967). Выходец из бедной крестьянской

семьи Псковской губернии, он был, как говорят американцы, «self made man» («сам себя сделавший человек»). Рано пристрастившись к чтению, он сразу попал во второй класс сельской земской школы, да потом еще и сам в 11 лет «преподавал» (читал букварь) первоклашкам.

Грамотей в псковской деревне в конце XIX века был редким явлением. И нет ничего удивительного в том, что 12-летнего Пашу Петрова вскоре взяли в волостные писари – переписывать списки призывников, земских налогов, составлять протоколы сельских крестьянских сходов, записывать жалобы и даже... выписывать паспорта и заполнять векселя.

Мальчик на свое жалованье – целых 8 рублей в месяц (корову можно было сторговать за пять!) – содержал всю большую семью своих родителей, хотя мать и отец (вскоре он стал подрабатывать деревенским портным) трудились в поле и на подворье от зари до зари.

Через три года – новое счастье: в 15 лет Пашу берут письмоводителем (секретарем) к земскому начальнику – молодому помещику, «народному заступнику». Здесь уже платили почти состояние – целых 20 рублей в месяц, да на хозяйских харчах, да при своей комнате, да плюс роскошная библиотека, которой хозяин разрешил пользоваться без ограничений. Да еще «образованное» общество – начальник, его жена и ее сестра – все воспитывали мальчика, выправляли ударения в мудреных иностранных словах, учили пользоваться ножом, вилкой и салфеткой, сморкаться в платок, а не через колено. Словом, стал Паша настоящим «барчуком», не чета своим братьям и сестрам.

Понятное дело, в «крестьянство» юношу уже не тянуло, особенно после четырех лет работы у земского начальника и «барской» жизни не на полатях в избе, а в собственной отдельной комнате с кроватью при чистых простынях.

Вначале была мысль податься в учительскую семинарию, но в 1902 г. вышли новые правила для поступления в юнкерское училище (2-3 года обучения), значительно облегчавшие доступ в них «кухаркиным детям». И Павел рискнул: в 1903 г. накопив денег от жалованья, сам поехал в Петербургское юнкерское училище и начал поступать «с улицы». Сдал все экзамены успешно, но не добрал 1/10 балла (по закону Божьему) и... не прошел. Но не сдался, вернулся домой и той же осенью поступил добровольцем (вольноопределяющимся) в Иркутский пехотный полк, дислоцированный в Пскове. Прослужил год, а в 1904 г. вновь (но уже как солдат) был направлен в то же Петербургское юнкерское училище. На сей раз поступил! Проучился успешно два года и 24 марта 1906 г. был выпущен «прапором» (мл. лейтенантом) и причислен к 3-му Финляндскому пехотному полку.

И тянуть бы Павлу Петровичу всю жизнь лямку гарнизонного пехотного офицера, в лучшем случае – до выхода в отставку в чине подполковника, не будь Российская империя к началу XX в. странным конгломератом феодализма и буржуазной демократии. Оказывается, если ты – офицер с головой, не пьешь горькую и не просаживаешь казенную полковую кассу в карты (как в купринском «Выстреле»), то у тебя есть «калитка наверх»: можешь поступить в Академию Генерального штаба.

«По тогдашним временам, – много лет спустя писал П.П. Петров в своих эмигрантских мемуарах – завещании своим трем сыновьям, – попасть в Академию и закончить курс по первому разряду означало не только получить высшее военное образование, но и быть включенным в особый корпус офицеров Генерального штаба, из которого формировалась бо льшая часть высшего командного состава, а иногда делались назначения на высшие административные посты. Одним словом, окончание Академии вводило вас в высшее военное ученое сословие».

Павел Петров преодолел и этот барьер, хотя поступить в Академию ему было очень трудно: пришлось самостоятельно готовиться по двум иностранным языкам – французскому и немецкому.

И вот в 1913 г. за год до начала Первой мировой войны, «Генерального штаба штабс-капитан» Петров Павел Петрович (у которого в формуляре «академика» в графе «сословие» значится «из крестьян Псковской губернии») блестяще заканчивает учебу по первому разряду и направляется на годичную стажировку ротным в пехотную дивизию Виленского (Вильнюсского) военного округа, с тем чтобы уже после окончания стажировки быть «навечно» причисленным к штаб-офицерам Генерального штаба императорской армии.

«Навечно» не вышло. Получив назначение в штаб 2-го корпуса Западной армии в г. Гродно, Петров встретил там войну с германцем. А за ней была еще и Гражданская война с красными...

И Петров не был исключением в царской армии. Теперь, когда стали доступны и широко опубликованы

материалы из биографий белых генералов, уже хорошо известно, что и последний начштаба Николая II и один из организаторов Добровольческой армии на Юге России генерал М.В. Алексеев (сын солдата-сверхсрочника), и генерал А.И. Деникин (внук крепостного крестьянина), и генерал Л.Г. Корнилов (сын казака), да и многие-многие другие командиры-белогвардейцы были отнюдь не голубых кровей.

Даже их политический противник премьер-президент А.Ф. Керенский, упрятавший этих «кухаркиных генералов» под арест за участие в корниловском мятеже, спустя десять лет в своих мемуарах признавал: это не были дворцовые «паркетные» генералы «свиты Его Императорского Величества», свои генеральские погоны они заслужили упорным трудом и военным искусством во время Первой мировой войны.

Более того, Корнилов, Деникин, Алексеев, адмирал Колчак, как и более молодое поколение «Генерального штаба обер-офицеров» (Каппель, Петров и др.), вопреки тому, о чем много десятилетий писали советские историки Гражданской войны, вовсе не были заскорузлыми монархистами. Характерна здесь позиция кандидата в «военные диктаторы» Лавра Корнилова: он категорически отказался стать орудием монархистов (свергнув Керенского, провозгласить одного из убийц Распутина вел. кн. Дмитрия Павловича новым царем), заявив: «Нам нужно довести страну до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят, – я устраниюсь...»

Более того, сам Деникин не принял в свою Добрармию ни одного отпрыска Дома Романовых, а

Алексеев сыграл решающую роль в принуждении Николая II к отречению от престола.

Причем все упомянутые генералы проделали тот же путь, что и Петров, только раньше, и на первом этапе назревания и начала Гражданской войны (июль 1917 г. – ноябрь 1918 г.) почти все они были «учредилловцами».

Схожие «анкетные данные» были и у соратников Петрова по «золотой эпопее» – генералов В.О. Каппеля, Ф.А. Пучкова, С.Н. Войцеховского, В.М. Молчанова и др. Как писал в 1937 г. в эмиграции сын «бабушки русской революции» журналист Н.Н. Брешко-Брешковский, к началу Гражданской войны русский офицерский корпус лишь на 7% состоял из «потомственных (столбовых) дворян». Журналист иронизировал: «Семь процентов! Кастовая армия с 93% „золотопогонников“: крестьян, мещан, разночинцев, кантонистов и сыновей кантонистов».

Так что классическая, 70 лет внедрявшаяся в умы советских людей большевистская схема о том, что красные – это все сплошь крестьяне «от сохи» или пролетарии «от станка», а белые – одни «графья» да «князья», при соприкосновении с реальными фактами Гражданской войны не выдерживает критики.

Старшее и среднее поколение россиян помнит сцену психической атаки «каппелевцев» из знаменитого фильма «Чапаев», я сам мальчишкой до войны раз 20 бегал его смотреть, радуясь, как Анка-пулеметчица косит белогвардейцев, как траву. Помнит и высокого белого офицера в черной униформе, с сигарой в зубах, который в полный рост под барабанную дробь идет на пулеметные очереди.

Так создатели фильма Васильевы изобразили генерала Владимира Оскаровича Каппеля, главного белогвардейца. А на деле же Каппель, ровесник Петрова и с похожей военной биографией (разве что родился в семье офицера в отставке и не в Псковской, а в Тульской губернии), и не пехотинец, а кавалерист, но тоже штаб-офицер – окончил Академию Генерального штаба чуть раньше Петрова, – был тоже не голубых кровей и всей своей военной карьерой был обязан только себе самому да еще безудержной храбрости (дважды ранен в Первую мировую). И никакой черной униформы у «каппелевцев» отродясь не было. В народной армии КомУча (Комитет членов Учредительного собрания в Самаре), где «каппелевцы» составляли основное военное ядро, вообще никакой формы (погон, нашивок, кокард и др.) не было – обычная полувоенная одежда, донашиваемая после окопов мировой войны. Не было и царских обращений типа «Ваше превосходительство» (к генералам), «Ваше благородие» (к офицерам) – называли не по чину, а по должности: гражданин комбат, комбриг, комдив и т.д.

А когда стало известно, что основную ударную силу дивизии «каппелевцев» и при КомУче, и при Колчаке образовали восставшие против большевиков осенью 1918 г. пролетарии «казенных» военных Ижевского и Воткинского заводов, увезшие оттуда к Каппелю своих жен и ребятишек, прошедших с ними весь скорбный путь Белой армии Колчака «от Волги до Тихого океана» (так назывались первые мемуары П.П. Петрова, вышедшие в Риге в 1930 г.), то от версии из фильма «Чапаев» о «золотопогонниках» не осталось и следа.

Учитывая участие «низов» в сопротивлении большевизму, Каппель, по воспоминаниям «воткинца»

В.И. Вырыпаева, говорил: «Мы должны понимать, чего они (рабочие. – Авт.) хотят и чего ждут от революции. Зная их чаяния, нетрудно добиться успеха... Большевики обещают народу золотые горы. Нам же народу надо не только обещать, но и на самом деле дать то, что ему нужно, чтобы удовлетворить его справедливые надежды».

Я еще застал потомков «воткинцев» и «ижевцев» в США, когда при содействии сына генерала Петрова – Сергея Павловича – посетил в 1991 г. музей-клуб ветеранов Великой войны, что расположен в Сан-Франциско на улице Львов, выступал перед ними и познакомился с огромным мемуарным наследием их дедов и отцов, перебравшихся в 20-30-х годах из харбинской эмиграции в Америку. Я обнаружил немало свидетельств высокого мужества и любви к Отечеству! И низкий поклон американцам, которые приравнивали этих политых грязью и забвением «каппелевцев» и «колчаковцев» к собственным ветеранам Великой (Первой мировой) войны, выдали им еще в 30-х годах постоянные виды на жительство, установили небольшие пенсии как участникам войны, включив в военный «стаж» не только мировую 1914-1918 гг. но и Гражданскую 1919-1922 гг. (в Сибири и на Дальнем Востоке).

Статус американского ветерана дает ему и его детям ряд привилегий (бесплатное обучение в университете, преимущественный прием на работу в госсекторе).

Следует подчеркнуть, что как генералы, так и рядовые «каппелевцы» во время Февральской революции и в первые месяцы после большевистского переворота причисляли себя к «болоту», или, как писал

Павел Петров в своей второй книге мемуаров «Роковые годы» (Калифорния, 1965 г.), к «пассивной массе нейтральных, которые думали как-то отсидеться, пока „кто-нибудь“ разгонит новую власть; такие нейтральные были в большинстве».

Поэтому Генерального штаба полковники и подполковники Петров, Каппель и другие после Февральской революции не участвовали в корниловском мятеже против Временного правительства и лично против А.Ф. Керенского, не поддержали большевистский переворот, а после Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г. приняли к исполнению распоряжение большевиков передислоцироваться с русско-германского фронта в глубь России, в Поволжский военный округ с центром в Самаре Характерно, что большевики тем самым уже сознательно нарушили Брестский мир, ибо он предусматривал полную демобилизацию и роспуск по домам всей русской армии.

По- житейски понять этих «нейтральных» офицеров сегодня можно: они вообще раньше ни в какой «политике» участия не принимали. Все тот же Павел Петров в своем завещании сыновьям, вспоминая революционные события 1905 и 1917 гг. писал: «Несмотря на бурный 1905 год, ни старшее офицерство, ни мы -новоиспеченные, не были совершенно вооружены против тогдашней революционной пропаганды и революционного поветрия. Было какое-то легкомысленное пренебрежение к серьезности положения. Армию травили все, начиная с кадетской газеты „Речь“ в Петербурге. Мы презирали „шпаков“ за эту травлю... но сами по себе не были готовы дать твердый отпор, когда надо. Да и в 17-м году мы не были вооружены (пропагандистски. – Авт.)! Не видели близкой

опасности, не разбирались. Даже такие изображения бесовщины, какие были сделаны Достоевским, не производили должного впечатления».

Деться этим молодым и даже еще неженатым «нейтральным» штаб-офицерам было некуда: поместий они не имели, собственной недвижимости (домов, дач, квартир) – тоже, жили на жалованье в казармах либо снимали квартиры, а на войне – в блиндажах.

Поэтому, получив предписание от большевистского Совнаркома о передислокации, погрузились эти «безлошадные» офицеры и фельдфебели в эшелоны (солдат у них уже давно не было, они разбежались по домам), и потянулись эти эшелоны с остатками вооружений и армейским скарбом (походные кухни, телеграфные аппараты, ездовые лошади и т.п.) на восток, на Волгу, где от Нижнего Новгорода и до Саратова разместили их в теплых казармах довоенной постройки.

Лишь некоторые (как Павел Петров весной 1918 г.) успели заскочить по дороге к своим старикам-родителям и... расстаться с ними навсегда.

Весной 1918 г. в сонных поволжских городах еще было тихо, жизнь текла размеренно, совсем как до революции, но в лагерях и казармах бывших царских офицеров, не примкнувших пока в массе своей ни к красным, ни к белым (Деникин, Алексеев, Корнилов еще только собирали свою будущую Добровольческую армию), уже всюду чувствовался развал государства: жалованье «нейтралам» Москва не платила, продовольствия никакого не давала.

Боевые офицеры от безделья опускались, нередко меняли офицерские и трофейные вещи на хлеб и папиросы, некоторые начинали пить.

В лагерях по весне вскопали огороды, развели домашнюю живность (кур, уток, поросят). Сверхсрочники-вахмистры и ординарцы-денщики помогали господам офицерам.

«Судьба нашего офицерства глубоко трагична, – вспоминал в своей кратковременной эмиграции в Берлине в 1923 г. будущий советский писатель Виктор Шкловский, бывший комиссар Временного правительства в 8-й армии Юго-Западного фронта. – Это не были дети буржуазии и помещиков... в своей основной массе... Революцию (Февральскую. – Авт.) они приняли радостно, империалистические планы не туманили в окопах и у окопов никого, даже генералов... Мы сами не сумели привязать этих измученных войной людей, способных на веру в революцию, способных на жертву...»

А таких «измученных войной людей» только в Казани было несколько тысяч, не считая эвакуированной еще при Керенском той самой Академии Генштаба со всей ее профессурой и частью слушателей, которые пока, как Каппель, Петров и другие штаб-офицеры, соблюдали нейтралитет (Академия сначала дислоцировалась в Екатеринбурге, но в июне 1918 г. после мятежа чехов, была срочно переброшена в Казань).

И если «революционным демократам» типа комиссара Шкловского не удалось «привязать к революции» пассивное большинство бывшего царского офицерства, то еще менее это удалось сделать комиссарам большевистским.

Здесь необходимо одно важное хронологическое отступление. Широко разрекламированное в советской историографии «триумфальное мирное шествие» советской власти на деле было триумфальным только на бумаге: бывшая царская «тюрьма народов» – Российская империя – стала стремительно разваливаться. Еще в мае 1917 г. заявила о своей «самостийности» Украина (что вызвало первый кризис Временного правительства и отставку Милюкова с Гучковым). Уже при большевиках «самостийники» пошли на раскол единой делегации в Бресте и там же, но раньше большевиков, 9 февраля 1918 г. подписали с Австрией, Германией, Турцией и Болгарией свой собственный сепаратный мир, пригласив в качестве гарантии «самостийности» от «москалей» германские войска. Ленин и Троцкий, стиснув зубы, вынуждены были признать отделение Украины от Советской России и даже заключить с германским ставленником гетманом Скоропадским мир и установить официальные дипломатические отношения между Киевом и Москвой. Таким образом, уже с марта 1918 г. весь Юг России от Львова до Одессы и Ростова-на-Дону (включая Крым) для большевиков был потерян.

Потеряно было и Закавказье, где в 1918 г. возникли сразу три независимые республики, лидеры которых, как и на Украине, опирались на иностранные – английские, турецкие и германские (в Грузии до ноября 1918 г.) – штыки. Аналогичная ситуация сложилась и в прибалтийских губерниях и «русской» Польше: при поддержке германских штыков местным националистам удалось быстро подавить хилые ростки советской власти. Акт о независимости Финляндии Ленин сам подписал в декабре 1917 г.

Более того, весной 1918 г. возникла реальная угроза отделения от Москвы огромной Сибири и всего Дальнего Востока – в Томске и Омске активизировались сибирские «областники»-автономисты (23 июня в Омске они создают первое Сибирское автономное правительство).

Еще раньше вооруженное сопротивление советской власти стали оказывать войсковые атаманы на Дону (Каледин), Южном Урале (Дутов), в Забайкалье (Семенов), на Кубани (Филимонов) и др.

Для большевиков ситуация осложнялась явным вмешательством иностранных держав и их попытками путем вооруженной интервенции поддержать либо прогермански (Украина, Прибалтика, Дон), либо проантантовски настроенные антибольшевистские силы (9 марта 1918 г. – высадка английского экспедиционного корпуса в Мурманске; 5 апреля – оккупация войсками Японии, США, Англии и Франции Владивостока).

Однако окончательный удар по надеждам «кремлевских сидельцев» на мирное развитие социалистической революции, ожидавших со дня на день революцию мировую (не зря же Ленин в ноябре 1920 г. признавался, что он пошел на штурм Зимнего исключительно в надежде на мировую революцию, а Троцкий в 1921 г. на III конгрессе Коминтерна подтвердил, что большевики были уверены: через неделю-другую их «возьмет на буксир» мировая пролетарская революция), нанесли не белые и не иностранные интервенты, а их собственные союзники по социалистической коалиции – левые эсеры и левые меньшевики.

Сегодня много написано о разгоне большевиками 6 января 1918 г. Учредительного собрания. И почти ничего

не сообщается о том, что ровно через неделю открылось так называемое 2-е Учредительное собрание, больше известное под названием III Всероссийского съезда Советов (в прессе тех лет употреблялись оба названия) См.: Н.Н. Смирнов. III Всероссийский съезд Советов. – Л. 1988. Делегатами на этот съезд пришли все депутаты 1-го Учредительного собрания от большевиков, их временных союзников – левых эсеров и левых меньшевиков, а также «массы» от рабочих и крестьян.

Стенографический отчет этого 2-го Учредительного собрания – III съезда Советов, изданный в 1918 г. так с тех пор и не переиздавался. А он свидетельствовал о том, что это был короткий миг единения всех леворадикальных сил Советской России – большевиков, эсеров и меньшевиков (с большими речами выступали и Ленин с Троцким, и Мария Спиридонова, и Юлий Мартов), сошедшихся на платформе грядущей мировой пролетарской революции.

Съезд утвердил коалиционный Совнарком (большевики и левые эсеры) – до этого момента Совнарком назывался «Второе временное правительство», официально санкционировал функционирование трех фракций во ВЦИКе (парламенте), декларировал введение «классовой» Конституции (принята в мае 1918 г.) и «классовых» кодексов – гражданского, уголовного, процессуального и т.д. (любопытно, что самым мягким наказанием – нечто вроде хрущевских 15 суток – было заключение на срок «вплоть до начала мировой пролетарской революции»). И, самое главное, 2-е Учредительное собрание – III съезд Советов провозгласил проведение самых свободных

(конечно, с «классовыми» ограничениями: буржуям право голоса не дали) выборов в Советской России.

В феврале-мае 1918 г. выборы состоялись. На первое место вновь вышли (в деревне и малых городах) левые эсеры, в крупных городах (Москва, Петроград, Тула и др.) – левые меньшевики, большевики оказались лишь на третьем месте. На начало июля в Большом театре в Москве было намечено открытие V Всероссийского съезда Советов, он должен был утвердить состав нового коалиционного Совнаркома (в него на этот раз собирались войти и левые меньшевики, причем Юлий Мартов претендовал на портфель наркома иностранных дел вместо Г.В. Чичерина).

И начались закулисные интриги. Позже, в 1923 г. Н.И. Бухарин («Коля Балаболкин», как насмешливо называл его Троцкий) на партийной конференции РКП(б) проговорился, что «левые коммунисты» – противники Брестского мира – почти договорились с левыми эсерами и левыми меньшевиками о составе правительства: Мария Спиридонова – премьер (за 50 лет до Маргарет Тэтчер!), Юлий Мартов – наркоминдел, за Дзержинским, «левым коммунистом», – по-прежнему ЧК, остальным – по министерскому портфелю пропорционально голосам избирателей. В одном левые эсеры и левые меньшевики оказались непреклонны – Ленину с Троцким в этом новом коалиционном ультралевом Совнаркоме места не будет!

Дальше начинаются какие-то совсем фантастические события, и историки и у нас, и за рубежом вот уже почти 80 лет спорят – кто был инициатором всей этой фантасмагии?

Еще 25 мая 1918 г. (уже известны предварительные результаты выборов: большевики, Ленин и Троцкий их

проиграли) предвоенсовета и наркомвоенмор Лев Троцкий рассылает по всем городам и узловым станциям Транссибирской магистрали телеграмму весьма провокационного содержания: немедленно остановить и разоружить растянувшиеся от Пензы до Читы эшелоны с чехословацкими неразоруженными пленными (около 50 тыс. солдат и офицеров), мирно двигавшиеся с весны 1918 г. к Владивостоку. В случае сопротивления, приказывал Троцкий, арест, заключение в тюрьму или расстрел на месте.

С точки зрения белых, такой приказ мог отдать только сумасшедший (на что и намекает П.П. Петров в своих «Роковых годах»). Что могли противопоставить местные сибирские «советчики» вооруженной громаде чехословаков? Отряды юнцов с дробовиками да взятых на службу к большевикам ничего не понимающих ни по-русски, ни в политике «интернационалистов» – венгров, немцев или китайцев?

Как и следовало ожидать, чехословаки никакого оружия не сдали, а, нарушив молчаливый нейтралитет, повернули с востока на запад и обрушились на большевиков. Уже вечером 25 мая отряд капитана Гайды (4 тыс. штыков) смял слабые кордоны красногвардейцев в Новосибирске. 28 мая отряд поручика Чечека из хвостового эшелона (5 тыс. штыков) выбил красных из Пензы. Прикомандированный к чехословацкому корпусу еще Временным правительством однокашник Петрова и Каппеля по Академии Генерального штаба полковник Сергей Николаевич Войцеховский (из мелкопоместных дворян Витебской губернии, впоследствии генерал армии в Чехословакии, арестован Смершем 11 мая 1945 г. в

Праге и погиб в Воркутинском ГУЛАГе в 1954 г.) 26 мая 1918 г. почти без боя берет Челябинск.

К тому времени головные эшелоны (15 тыс. штыков) уже находились в Забайкалье и намеревались через КВЖД отправиться во Владивосток. Но второй русский генерал, прикомандированный к корпусу, Михаил Константинович Дитерикс (автор первой документальной публикации в 1922 г. во Владивостоке материалов колчаковской комиссии о расстреле царской семьи и предпоследний «премьер» Приморья) приказал повернуть назад.

С запада по Транссибу ему навстречу на всех парах двигался Гайда, по дороге выбив красных из Красноярска (10 июня) и Иркутска (11 июля). В Чите они встретились: с июля вся Транссибирская магистраль от Челябинска через Читу по КВЖД до Владивостока оказалась под военным контролем чехословацких легионеров.

За то время, что Гайда и Дитерикс двигались навстречу друг другу, Чечек с Войцеховским выбили красных из всех крупных железнодорожных узлов: были взяты Сызрань и железнодорожный мост через Волгу, а 8 июня 1918 г. пала Самара, временное пристанище наших генштабистов-"нейтралов". К середине июня чехословаки контролировали Урал (Уфа-Челябинск-Златоуст) и «столицу» Западной Сибири г. Омск.

Запомним эти имена – Гайда, Чечек, Войцеховский, Дитерикс, всем им еще придется сыграть исторические роли в трагедии с «золотом Колчака».

В это время, 6 июля, в Москве одновременно случились два чрезвычайных события: утром левыми эсерами-чекистами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым у себя в резиденции был убит германский

посол граф Мирбах (решение о теракте принял ЦК партии левых социалистов-революционеров 4 июля; «кураторами» теракта утверждены члены ЦК М.А. Спиридонова, П.П. Прошьян; знали о готовящемся покушении и другие лидеры левых эсеров – Карелин, Камков и Анастасия Биценко).

Днем 6 июля московский телеграф был неожиданно занят отрядом эсера-анархиста Попова под предлогом того, что якобы Мирбах готовит монархический переворот силами бывших немецких военнопленных (сотни их, выпущенных на свободу из лагерей после Брестского мира, действительно слонялись по Москве в надежде как-нибудь добраться домой).

Как это было на самом деле и действительно ли лидеры левых эсеров хотели свергнуть большевистское правительство (что утверждал Михаил Шатров в своей известной пьесе «6 июля» и в поставленном по ее мотивам одноименном фильме), пока до конца не ясно. Ясно другое: в унисон с событиями в Москве на Верхней Волге – в Ярославле, Рыбинске и Костроме – в те же дни действительно вспыхнул мятеж, только не «левый», а «правый»: монархист полковник Перхуров при участии бывшего эсера Бориса Савинкова перебил часть большевиков (а заодно и левых эсеров) и захватил железнодорожный мост через Волгу под Ярославлем. Две недели «перхуровцы» (в основном бывшие царские офицеры, никакого отношения ни к правым, ни к левым эсерам не имевшие) держали оборону моста, ожидая подмоги от англичан, которые якобы высадились в Архангельске и на всех парах мчат им на помощь по Ярославско-Архангельской (ныне Северной) железной

дороге (англичане действительно высадились в Архангельске, но только месяц спустя, 2 августа 1918 г.).

Далее события развивались стремительно: фракция большевиков на V съезде Советов 7 июля незаметно покинула Большой театр, а лидеры левых эсеров и меньшевиков фактически оказались там под арестом. 9 июля на том же V съезде Троцкий выступит с пространной речью, где обвинит недавних союзников – левых эсеров в контрреволюции, потребует их изгнания не только из Совнаркома, но и из всех Советов, которые, впрочем, большевики вскоре отменят совсем, заменив их на комбеды.

Так разом снималась проблема «коалиционного правительства» с Марией Спиридоновой во главе, да еще... без Ленина и Троцкого.

Если с «мятежом» левых эсеров в Москве 6-7 июля еще не все ясно, то с убийством графа Мирбаха картина на сегодняшний день существенно прояснилась. Конечно, не в немецких военнопленных было дело, а совершенно в другом – в секретных переговорах большевиков в Берлине по так называемому «второму» Брестскому миру (официальное название – «Дополнительные финансово-экономические соглашения»: опубликованы только в 1957 г.).

Эти сверхсекретные переговоры сразу после подписания Брестского мира в германской столице стали вести три уполномоченных лица – полпред Советской России Адольф Иоффе, а также Яков Ганецкий и Мечислав Козловский. На заключительном этапе в июле-августе к советской делегации присоединится Леонид Красин, будущий наркомвнешторг.

Речь фактически шла о том, что большевики в дополнение к ранее сделанным в Брест-Литовске территориальным уступкам и в обмен на дополнительную посылку в Германию 250 т золота, сырья (угля, нефти, леса), текстиля и продовольствия покупали у кайзера военный нейтралитет и даже, возможно, помощь кайзеровских войск против интервенции Антанты (существовал проект посылки немецкого корпуса через Финляндию на Мурманск для изгнания захвативших город англичан).

Левые эсеры, ярые противники Брестского мира и поборники революционной войны против кайзера, благодаря своему участию в Совнаркоме, ЧК и Наркоминделе, очевидно, узнали кое-что об этом готовившемся сверхсекретном соглашении и решили его сорвать... путем убийства германского посла.

Вполне вероятно, в том же русле шел и поднятый командующим Восточным фронтом левым эсером М.А. Муравьевым 10 июля 1918 г. в Симбирске мятеж против большевиков. Иначе как объяснить странные телеграммы Муравьева в германское посольство в Москве и командованию чехословацкого корпуса об... объявлении войны Германии, движении его армии на запад и «аннулировании» Брест-Литовского мира? И хотя «муравьевская авантюра» очень быстро закончилась (на другой день после мятежа, 11 июля, при аресте Муравьев был убит), вряд ли это была чистая самодеятельность. Похоже, что ЦК ПЛСР 4 июля 1918 г. обсуждал не только теракт против графа Мирбаха, но и более широкий план срыва нового соглашения большевиков с кайзером.

Наивные идеалисты-террористы просчитались. 27 августа 1918 г. «Дополнительные соглашения» были в

Берлине подписаны обеими договаривающимися сторонами. И, как мы покажем ниже, большевиками были скрупулезно выполнены: и четыре «золотых эшелона» уже в сентябре были подготовлены к отправке в Германию, и зерно с сырьем собрано, и текстиль.

Да только вот неожиданно вмешался в эту «большую политику» какой-то подполковник Каппель из бывших «нейтралов» – он возьми и захвати в ночь с 6-го на 7 августа 1918 г. половину золотого запаса России в Казани. И добро бы досталось сие золото чехам, тогда понятно: иностранцы, «шпионы» Австро-Венгрии – что с них взять?

А тут какая-то Народная армия неведомого КомУча, какие-то «демократические контрреволюционеры» без погон, но с мощной речной флотилией берут один за другим Самару, Симбирск, Казань. Того гляди и до «второго золотого кармана» в Нижнем Новгороде доберутся. И Лев Троцкий срочно выехал на Восточный фронт. Только после потери половины золотого запаса большевики наконец поняли: «триумфальное шествие» закончилось, пора создавать настоящую РККА и биться за власть насмерть. Иначе повесят – и мировой революции не дождешься...

2. В ПОГОНЕ ЗА «КАЗАНСКИМ КЛАДОМ»

Большевики со времени октябрьского переворота самым тщательным образом охраняли два российских

«золотых кармана» – в Нижнем Новгороде и в Казани, постоянно пополняя их за счет конфискации, национализации и перевозки ценностей из западных губерний в Поволжье. «Казанский клад» охраняли два полка латышских «красных стрелков».

А летом 1918 г. на Волге фактически началась Гражданская война. 8 июня в Самару вошли части чехословацких легионеров под командованием поручика Чечека. Формально здесь власть принадлежала губернскому исполкому Советов во главе с большевиком Валерианом Куйбышевым, но город был наводнен потенциальными противниками большевиков: правыми эсерами, где заправлял бывший член разогнанного Учредительного собрания и первый министр финансов КомУча Н.М. Брушвит (именно он первым тайно отправился к Чечеку в Пензу и обговорил условия перехода власти к «демократической контрреволюции»), сотнями безработных царских офицеров, которые уже создали тайную боевую военную организацию из 150 человек во главе с проэсеровски настроенным подполковником Галкиным, бродившими без дела бывшими австрийскими военнопленными – хорватами, венграми, словаками.

Словно по плану, за несколько дней до захвата Самары чехами туда прибыл из Старой Руссы штаб 1-й армии (в его составе находился и подполковник Павел Петров) с заданием большевиков усилить Поволжский военный округ, начав прием и обучение добровольцев для Красной армии. И штаб выполнил задачу, только не для красных, а для «демократических контрреволюционеров» – именно он формировал Народную армию КомУча.

Конечно, решающую роль в свержении советской власти в городах Поволжья сыграли чехословацкие legionеры.

Что же касается Чехословацкого национального совета во главе с профессором Томашем Масариком (будущим первым президентом независимой Чехословакии), то он, как европейский либерал, вообще тяготел к «революционным демократам» типа Керенского из Временного правительства. Именно с Керенским весной 1917 г. в Петрограде Масарик заключил соглашение о формировании на территории России из бывших австро-венгерских военнопленных (а их к концу войны набралось более миллиона человек!) трех дивизий с русским командованием во главе (именно тогда к legionерам были назначены русские командиры – генерал Дитерикс, полковник Войцеховский, капитан Степанов и др.).

Собирательный термин «чехи» был условным – в этих дивизиях чехи и словаки составляли большинство, но были там и другие подданные Австро-Венгрии: закарпатские русины-украинцы, словенцы, хорваты, даже словацкие венгры. Любопытно, что и будущий вождь СФРЮ хорват Иосип Броз Тито первоначально попал в legionеры, но на Урале от них отстал и перешел к большевикам.

Конечная цель соединения этих трех чехословацких дивизий была определена еще «временными» – Владивосток, там посадка на морские транспорты и далее вокруг света через Средиземное море на Салоникский или Западный фронт для продолжения войны на стороне Антанты против Германии, Австро-Венгрии или Турции. Оплату транспортировки и содержание дивизий брала на

себя Франция, поэтому к легионерам был прикомандирован французский генерал Жанен.

В марте 1918 г. Совнарком подтвердил решение Временного правительства о беспрепятственном пропуске трех дивизий легионеров на Дальний Восток, правда, дополнив его двумя условиями: чехословаки остаются нейтральными в междоусобной войне русских (и действительно, Масарик отклонил предложение генерала Алексеева помочь белым на Дону) и на сборном пункте в Пензе сдают все тяжелое вооружение (пушки, снаряды, пулеметы), оставляя не более 150 винтовок и один пулемет на эшелон.

Второе условие не выполнялось с самого начала: чехи в Пензе формально сдавали две-три винтовки или один пулемет и пушку, остальное прятали и увозили с собой. У большевиков же тогда не было ни сил, ни средств, чтобы заставить легионеров разоружаться. Конечно, большевики вели пропагандистскую работу среди легионеров, склоняя их вступить в большевистские «интернациональные» отряды (что уже удалось сделать с латышами, финнами, венграми, частично с немцами и особенно с китайцами), но большого успеха не имели.

27 марта 1918 г. первый эшелон с чехословаками во главе с генералом Дитериксом отбыл из Пензы во Владивосток.

Уже упоминавшаяся провокационная телеграмма Троцкого от 25 мая о принудительном и полном разоружении застала Чечека в Пензе, когда тот готовил к отправке последний эшелон. Чехам стало ясно, что пробиваться на восток придется силой, нужны антибольшевистские союзники, и тут как нельзя кстати в Пензе появляется эсер-учредиловец Брушвит со своей

идеей создания демократического правительства КомУча в Самаре.

Дальше все развивалось следующим образом: хорошо вооруженная дивизия поручика Чечека подкатила из Пензы к Сызрани в эшелонах, без боя взяла город, переправилась по мосту через Волгу и триумфатором вошла 8 июня в Самару. Малочисленные отряды красногвардейцев практически не оказали ей сопротивления, а главари советской власти во главе с Куйбышевым, побросав впопыхах свои кабинеты, в панике бежали на речных судах кто вверх, а кто вниз по Волге или попрятались в городе и его окрестностях.

Уже 9 июня все стены и заборы в Самаре были оклеены листовками: власть Совдепии свергнута, она перешла к законным народным избранникам в лице Всероссийского комитета членов Учредительного собрания (КомУча – пять человек), для защиты от большевиков и германцев КомУч создает собственную народную армию на добровольной основе (аппарат его составил штаб 1-й армии, только что прибывший в Самару, и подполковник Петров сразу становится начальником оперативного отдела) с командованием из трех человек: проэсеровского подполковника Галкина (начштаба) и двух его заместителей -эсеров В.И. Лебедева и Б.К. Фортунатова.

Если кратко определить суть нового режима КомУча, то она укладывается в лозунг более поздних антибольшевистских восстаний 1921 г. – Кронштадтского (матросы) и антоновского (крестьяне): «Советы без коммунистов» с добавлением «революционной» риторики и символов Временного правительства. «Комучевцы» сохранили даже советский красный флаг, введенный,

кстати, не большевиками, а меньшевистским Петроградским Советом с одобрения Керенского.

Почти сразу же после молнией распространившегося вверх и вниз по Волге, а также на Урале известия о свержении власти большевиков в Самаре потянулись со всех концов России бывшие депутаты Учредительного собрания, главным образом правые эсеры и меньшевики. В короткий срок их число достигло 60 человек.

Интересно напомнить, что в это время в Казани, с 7 августа занятой Народной армией КомУча, находился И.М. Майский Иван Михайлович – позднее видный советский дипломат и академик, бывший тогда членом ЦК РСДРП (меньшевиков). Он вступил в контакт с командирами Народной армии и принял предложение занять в правительстве «демократической контрреволюции» пост министра труда (сначала в Самаре, а затем в уфимской Директории). За «самоуправство» меньшевики исключили Майского из своего ЦК, а после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. и разгона Директории он вообще временно отошел от политической деятельности, уехав в научную экспедицию в Монголию. Именно Майскому принадлежит и сам термин, и первый анализ деятельности «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири.

В Самаре КомУч продержался недолго – всего четыре месяца, с 8 июня по 8 октября 1918 г. когда город вновь был сдан красным. Но его Народная армия, а в ней ударный отряд подполковника Владимира Каппеля и речная военная флотилия под командованием морского офицера каперанга Фомина основательно потрепали

красных и создали на Волге – от Самары до Казани – первый антибольшевистский фронт. Каппель сам вызвался стать командиром, заявив: «Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший по званию, разрешите мне повести части против большевиков». И Каппель повел своих солдат, да так удачно, что уже в июне-августе его имя стало известно по всей Волге, Уралу и Сибири. Каппель брал не числом, а умением, по-суворовски, что уже показала его первая блестящая операция в Сызрани.

Забрав в Сызрани все трофеи (несколько эшелонов), Каппель отвел свой отряд в Самару. Через две недели ему вновь пришлось брать Сызрань, на этот раз вместе с дивизией Чечека, которая вернулась в Самару из Уфы. И снова удача. Сызрань на время стала основной базой «каппелевцев». Именно здесь Каппель окончательно сформировал свой «летучий полк» – два батальона пехотинцев-добровольцев, два кавалерийских эскадрона и три батареи орудий.

На очереди стояла Симбирская операция. Она была успешно проведена 22 июля.

Между тем приближался звездный час Каппеля – взятие столицы бывшего Казанского ханства и захват половины российского золотого запаса, находившегося в Казани. История захвата «казанского клада» и его срочной переправки из Казани в Самару обстоятельно отражена как в мемуарах непосредственных свидетелей этого события («комучевец» В.И. Лебедев, участники событий П.Д. Климушкин, С.Н. Николаев, ген. П.П. Петров и др.), так и в работах отечественных исследователей, особенно А.П. Ефимкина (см. Дипломатический ежегодник. – М. 1995) и В.Г. Сироткина

(Знамя. – 1992. – № 8). Решающую роль в срочной переброске «казанского клада» в Самару сыграли управляющий Казанским отделением Народного (Государственного) банка П.А. Марвин, перешедший со службы большевикам на сторону КомУча, а также управляющий финансовой частью КомУча уже известный «учредиловец» эсер Н.М. Брушвит, контролер Казанского отделения Госбанка Ф.И. Гусев и управляющий Симбирским отделением Госбанка П.П. Устьякин.

Схема взятия Казани в ночь с 6-го на 7 августа была аналогичной взятию Сызрани и Симбирска: с трех сторон рано утром 7 августа отряд Каппеля, чехи и примкнувший к КомУчу отряд сербских добровольцев майора Благотича при поддержке все той же речной флотилии ударили по городу. Бой длился несколько часов, и в ходе его один из латышских полков был полностью уничтожен. Что касается красноармейцев, то о них лучше всего сказал лично Ленину командовавший Восточным фронтом И.И. Вацетис: «...в своей массе они оказались к бою совершенно неспособными вследствие своей тактической неподготовленности и недисциплинированности». При этом сам Вацетис чудом избежал плена.

Член комиссии ВЦИК и будущий советский дипломат А.П. Розенгольц, прибывший на Волгу для расследования причин падения Симбирска, был еще более категоричен: «Чехословацкие войска (об армии КомУча и сербах большевистский комиссар не упоминает. – Авт.) поднялись к Казани на пароходах, обстреляли город и почти без всякого сопротивления с нашей стороны взяли его в течение нескольких минут». Розенгольц несколько преувеличил скорость успеха Народной армии, но в главном он был прав: она (особенно «каппелевцы») вместе с чехами и сербами профессионально оказались

на голову выше необученных красноармейцев и даже латышских стрелков.

Характерно, что Каппель предложил Галкину, Лебедеву и Фортунатову развить успех далее – с ходу взять и Нижний Новгород, а с ним и второй «золотой карман», что наверняка лишило бы большевиков «золотого аргумента» в переговорах с кайзером (до подписания «Дополнительных соглашений» в Берлине оставалось всего 20 дней).

Но штабная «тройка», а также чехи, ссылаясь на отсутствие резервов для обороны Самары, Симбирска и Казани, категорически воспротивились смелому плану Каппеля. Впрочем, свою роль в этом решении мог сыграть и тот факт, что, несмотря на все призывы, приток добровольцев в Народную армию был слабым – даже преподаватели и слушатели Академии Генштаба в Казани уклонились от мобилизации, продолжая соблюдать нейтралитет.

В Казани же отряду Каппеля вместо продолжения броска на Нижний Новгород было предложено вернуться вниз по Волге и оборонять Симбирск, на который наседали М.Н. Тухачевский, а затем вновь возвращаться в Казань, ибо на противоположной стороне Волги, в Свяжске, засел со своим штабом и бронепоездами Троцкий.

И вновь отряд Каппеля отличился. Он скрытно переправился через Волгу и прошел огнем и мечом по тылам красных, едва не захватив в плен самого наркомвоенмора.

Затем Каппеля снова бросили под Симбирск против Тухачевского. Такие «челночные операции» ничего стратегически не давали, а лишь изматывали одну из наиболее боеспособных частей Народной армии. Тем

более что 8 сентября Казань, а 11 сентября 1918 г. Симбирск все равно из-за нехватки сил пришлось оставить. Чехи явно стремились уйти на восток, а с «всенародным отпором большевизму» в Поволжье у КомУча явно не получалось.

И хотя за свои успешные операции Каппель вновь и досрочно был произведен в очередной чин – стал генерал-майором, – своему соратнику полковнику В.И. Вырыпаеву он, получая новые погоны, с грустью сказал: «Лучше бы прислали батальон пехоты».

Как политический центр «демократической контрреволюции» КомУч, возглавлявшийся правым эсером В.К. Вольским

(в 1919 г. он перешел к большевикам), оказался несостоятельным. К тому же в сентябре 1918 г. после Уфимского государственного совещания КомУч фактически влился во Временное всероссийское правительство (Директорию) во главе со старым эсером Н.Д. Авксентьевым.

Колеблющаяся «средняя» линия КомУча и Директории не удовлетворяла ни левых, ни правых. В итоге правые 18 ноября 1918 г. совершили военный переворот, разогнали Директорию, арестовали многих «учредилловцев» (причем некоторых из них расстреляли без суда и следствия), провозгласив военного министра Директории адмирала А.В. Колчака Верховным правителем России.

Остатки Народной армии КомУча – Директории 8 октября оставили Самару, предварительно отправив несколько эшелонов с «казанским кладом» в Уфу. Затем они влились в армию Колчака, причем «каппелевцы» по договоренности их командира с адмиралом до конца

Гражданской войны в Сибири, Забайкалье и Приморье сохраняли большую военную автономию.

После операций в Поволжье большевики начали реорганизацию Красной армии: внедрение железной дисциплины и качественное улучшение ее оснащения оружием. В середине августа Каппель доносил в Самару, что Красная армия становится лучше, более дисциплинированной, «военспецы» грамотно ведут операции и прежним кавалерийским наскоком ее уже не возьмешь.

Итак, единственным реальным вкладом КомУча и его Народной армии в дело борьбы с большевизмом стал захваченный отрядом Каппеля «казанский клад», доставшийся затем, не без активного содействия Дитерикса и Войцеховского, Колчаку, что чрезвычайно укрепило международный авторитет последнего, позволило ему закупать оружие и амуницию, платить жалованье своим офицерам и солдатам, не прибегая к масштабным реквизициям у населения Сибири.

3. ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СЛЕД «КАЗАНСКОГО КЛАДА»

Для основной проблемы нашего расследования – можно ли вернуть российское достояние (золото и недвижимость), откуда и как – первым на очереди по хронологии оказывается чехословацкий след. Ведь именно чешские легионеры участвовали в захвате «казанского клада», они же обеспечивали его охрану при

перевозке и стоянках от Самары до Челябинска (а затем до Красноярска и Иркутска в декабре 1919 г. – марте 1920 г.), и именно официальные представители «чеховойск» подписывали протоколы о сдаче остатков «казанского клада» коалиционному политцентру Иркутска, который уже на последнем этапе (18 марта 1920 г.) окончательно передал «золотой эшелон» его командиру – большевику-чекисту Косухину, а тот в конце концов и доставил этот эшелон 3 мая 1920 г. снова в Казань.

Когда же в Казани большевики наконец пересчитали «наличность», то оказалось, что по сравнению с первоначальными размерами на июнь 1918 г. «казанский клад» заметно «похудел» – на целых 27 пульмановских четырехосных вагонов из тех 40, что были загружены полностью на момент отправки золота из Самары в конце сентября 1918 г.

В значительной мере это объясняется тем, что, как мы увидим ниже, расследуя японо-гонконгский след «казанского клада», Колчак в марте-октябре 1919 г. отправил во Владивосток четыре «золотых эшелона» (14-20 пульмановских вагонов) с 217 038 кг золота (из них 32 800 кг не дошли до Владивостока, будучи захваченными в Чите в октябре атаманом Семеновым).

И тем не менее, отступая под натиском красных, Колчак вывез из Омска в ноябре 1919 г. золота в 29 пульманах на 414 млн. 254 тыс. зол. руб. Однако чекист Косухин вернул из Иркутска в Казань золота всего на 409 млн. 620 тыс. зол. руб.

Вот вокруг этих «недостач» в миллионы золотых рублей уже много десятилетий кипят споры. Большинство очевидцев из числа белых (бывший

министр «омского правительства» Г.К. Гинс, управляющий военным министерством Колчака, генерал, барон А.П. Будберг, бывший главнокомандующий колчаковской армией К.В. Сахаров, журналист А. Гутман-Гун и многие другие) «грешили» на чехов: те-де украли немало, вот и вывезли из России от 600 (барон Будберг) до 2000 (С. Витольдова-Лютык) вагонов с золотом, картинами, церковной утварью, медью, мебелью, колясками-экипажами, иконами, моторными лодками и т.п. (Г.К. Гинс).

Понятное дело, что участники золотой эпопеи с чешской или словацкой стороны в 20-30-х годах и позднее утверждали обратное. Типичными здесь были документированные брошюры (1926 г.) начфина чехословацкого корпуса в Сибири Франтишека Шипа, а также журналиста Иозефа Куделы (1922 г.), к которым мы еще вернемся.

Грешным делом и я сам, когда писал для журнала «Знамя» (1992, № 8) свою первую большую статью «Вернется ли на Родину российское золото?», пошел по следу русских эмигрантов и несколько гипертрофированно подал в не всегда доказательных примерах разграбление легионерами «золотого эшелона» Колчака, чем вызвал справедливую критику Сергея Петрова (см.: Письмо в редакцию // Знамя. – 1992. – № 10). Ведь действительно, сначала правительство КомУча (2 октября 1918 г. Самара) само предоставило начфину Ф. Шипу «в кредит» с последующим возвратом (?!) 750 ящиков серебра на сумму в 900 тыс. зол. руб. для финансовых нужд легиона. Затем, после военного переворота 18 ноября, оставшийся не у дел уфимский совет управляющих ведомствами на своем последнем заседании 28 ноября принял постановление – «вверить»

весь «казанский клад» «чешскому народу в лице Чехосовета для охраны и затем передачи Учредительному собранию или общепризнанному Всероссийскому правительству, с тем чтобы до этой передачи никто этими ценностями распоряжаться не мог».

Но ни «вверить», ни «передать» чехам «казанский клад» Совет не успел. Как только это постановление и телеграмма в Чехосовет стали известны Колчаку, 3 декабря он приказал своему любимцу В. О. Каппелю немедленно арестовать и препроводить в тюрьму всех «уполномоченных», что Каппель (теперь уже генерал-майор) неукоснительно исполнил.

Однако при всей этой добровольной «передаче» (и тут я с С.П. Петровым по-прежнему не согласен) чехи вовсе не отказывались от попыток захватить весь «казанский клад» или хотя бы его часть.

Последующие десятилетия не внесли ясности в чехословацкий след. В партийной историографии Октябрьской революции и Гражданской войны с легкой руки будущего академика И.И. Минца (1932 г.) преобладало мнение: весь «казанский клад» большевики отбили у Колчака и целехоньким вернули трудовому народу. В 1959 г. был поставлен серенький художественный фильм «Золотой эшелон», в основу которого был положен «факт» полного возврата золота (в фильме немало и других фактических неточностей).

Впрочем, и другие поддерживали эту версию. Так, известная советская писательница Анна Караваева еще в 1938 г. написала, что вернул «золото Колчака»... венгерский интернационалист-коминтерновец Матэ Залка (вскоре этого героя сталинский НКВД репрессировал).

При Н.С. Хрущеве чуть-чуть приоткрылись архивы, и в книге А.П. Кладта и В.А. Кондратьева «Быль о золотом эшелоне» (1962 г.) имя героя было названо правильно – чекист А.А. Косухин.

Неправильно была оценена роль другого героя – адмирала А.В. Колчака. Именно на него авторы свалили все недостатки по «казанскому кладу». Будто бы даже при аресте в его личном вагоне представителями Политцентра в Иркутске были обнаружены «шесть пудов серебра, семь миллионов бумажных денег и целый мешок разных золотых и бриллиантовых вещей», якобы принадлежавших Колчаку и «его любовнице княгине Темировой».

Но и здесь нет ни грамма правды. Никаких драгоценностей и серебра с деньгами при адмирале не было, об этом свидетельствует стенографический отчет об аресте Колчака и его премьеры В.Н. Пепеляева в Иркутске.

И никакая А.В. Тимирева (а не Темирова), урожденная Сафонова, после расстрела Колчака – Книппер, не «княгиня», хотя и из дворян. Отсидела гражданская жена адмирала в ленинско-сталинском ГУЛАГе с 1922 по 1946 г. и с 1949 по 1954 г. реабилитирована в 1960 г. умерла в 1975 г. своей смертью в Подмосковье.

Любовь адмирала и «княгини» – трогательное общечеловеческое свидетельство возможности чистоты чувств мужчины и женщины посреди кровавой вакханалии смерти и погони за «золотым тельцом». На это обратил внимание известный эмигрантский историк Сергей Мельгунов в своей капитальной работе «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1931-1932). В начале 90-х

годов журнал «Минувшее» опубликовал личную переписку адмирала и его гражданской жены.

В 1991 г. дочь Сергея Петрова, ныне известный продюсер Голливуда, составила даже смету (я помогал ей в работе) будущего документально-художественного многосерийного телефильма «Любовь, золото и смерть – трагедия адмирала Колчака». Центральной линией сериала должна была стать история трагической любви двух русских людей: Тимирева требовала от чекистов расстрелять ее вместе с любимым, а получив отказ, пыталась покончить с жизнью в иркутской тюрьме.

И как бы легла в этот сюжет легенда о второй женщине – законной жене адмирала Софье, которая будто бы летом 1920 г. тайно прибыла в Иркутск искать могилу мужа. Она не знала, что Колчак и Пепеляев были расстреляны на берегу р. Ангары и их тела брошены в воду. А когда узнала, то в безутешном горе якобы наняла лодку с проводником и поплыла вдоль берегов реки, расспрашивая местных жителей, не вынесла ли матушка-Ангара на берег тела двоих казненных мужчин. Так ли было на самом деле, или все это еще одна легенда типа «кладов Колчака» в Сибири – для документально-игрового телесериала не так уж и важно, как и то, что Софья не бросилась с горя в Ангару, а доживала в эмиграции в Париже, получая пенсию от Союза русских послов, выделенную из «колчаковского» золота в Гонконге. Но какова любовная интрига старого как мир треугольника!

Увы, денег тогда мы с дочерью Сергея Петрова не нашли, и замысел так и остался пока на бумаге в виде финансовой сметы да набросков сценария в моем личном архиве...

Понятное дело, такие «задумки» не находили места в исследованиях советских историков о следах «казанского клада» и, уж конечно, о любви адмирала. Да и зачем? Все ведь вернули, а чего недосчитались – украл Колчак или его «любовница-княгиня»!

Гораздо честнее при всех субъективных оценках (никакие чехи, англичане, французы, американцы и японцы не защитники «белого дела», а обыкновенные грабители России, воспользовавшиеся Гражданской войной, чтобы набить свои карманы) оказались участники кровавой «золотой эпопеи» из эмиграции, которые не только пошли по «следам золота» – чешскому, японскому, китайскому, американскому, но и осмелились в 1923-1941 гг. публично судиться с японцами за возврат золотого достояния Отечеству (Валериан Моравский, генерал Павел Петров и др.).

Их эстафету как исследователей подхватили их сыновья (Сергей Петров, Никита Моравский, сын чешского легионера Игорь Немец. Именно Игорь Немец при содействии Сергея Петрова прислал в наш общественный Международный экспертный совет по российскому золоту за рубежом целую подборку копий чешских документов из архивов Министерства обороны и МИД бывшей ЧССР, где отражена подлинная роль легионеров в судьбе «казанского клада», чей отец был репрессирован и гитлеровцами, и сталинским Смершем), а уже в самые последние годы – совсем молодые исследователи из Великобритании и Новосибирского университета.

А теперь, после этого небольшого, но необходимого отступления, по чехословацкому следу дальше.

С весны 1920 г. после шестилетнего отсутствия в Чехословакию морем вокруг света, через Триест и Австрию, стали наконец возвращаться legionеры. И почти сразу сначала по стране, а затем и по всей Восточной Европе поползли слухи о несметных богатствах, которые они якобы привезли из Сибири и с Дальнего Востока необъятной России.

Одним из первых с белой русской стороны эти слухи озвучил в цифрах бывший царский заместитель министра финансов и управляющий центральной конторой Госбанка России в Петрограде при «временных», а затем заместитель министра финансов у Колчака В. Новицкий. В издаваемом в Лондоне на деньги бывшего царского финансового агента К.Е. Замены бюллетене «Рашен экономист» (1921, янв. с. 46-57) он опубликовал статью «Судьба императорского русского золотого запаса», в которой впервые среди русских эмигрантов назвал точные (правда, с оговоркой – «согласно настойчивым слухам») цифры увезенного legionерами «сибирского» золота Чехословакии «золото Колчака» переименовываемая прессой в «сибирское золото»: на 63 050 тыс. зол. руб. или 168 млн. франц. фр.

Для небольшой страны, финансовая и экономическая независимость которой еще только нарождалась, это было целое богатство, о котором, скажем, в наше время могла бы мечтать Эстонская Республика. В обычных условиях такая публикация товарища министра не вызвала бы никакого резонанса ни в Англии, ни во Франции, а в самой Чехословакии тех

времен разве что реплику какой-нибудь проправительственной газеты типа: «Ну опять эти русские эмигранты чем-то недовольны, а ведь толпами едут к нам, да еще денег на проживание просят».

Но публикация Новицкого в 1921-1922 гг. подоспела к сроку. Именно в этот период и в Европе, и в Советской России полным ходом шла подготовка к Генуэзской конференции (апрель-май 1922 г.), первого после Гражданской войны и иностранной интервенции мирного «круглого стола» вчерашних непримиримых противников.

Антанта хотела бы получить компенсацию по «царским долгам» и за национализированную иностранную собственность в Советской России, Советы – добиться дипломатического признания и кредитов на нэп. Эксперты обеих сторон усиленно искали аргументы. В.И. Ленин на Политбюро ЦК РКП(б) предложил признать только «царские долги» до 1914 г. (и Г.В. Чичерин в октябре 1921 г. разослал по столицам Антанты соответствующий дипломатический циркуляр), сам готовился поехать в Геную, но остальные долги (за национализацию иностранной собственности и за облигации частных дореволюционных компаний и обществ – сегодня только во Франции их оценивают в 48 млрд. долл.) категорически не признавал как «частные».

Чтобы усилить аргументацию, большевики выдвинули встречные претензии – по «военным долгам». В них вошли: посылка золота царским и Временным правительствами в страны Антанты в 1914-1917 гг. на закупки вооружений и амуниции (а поставлено было против оплаченного всего на 20-25%, причем Англия и Швеция вообще ничего не поставили в марте-сентябре 1917 г.) и материальный ущерб от иностранной

интервенции По подсчетам Наркомфина СССР в 1925 г. общая сумма ущерба от иностранной интервенции в 1918-1922 гг. (включая и экономическую блокаду) составляла свыше 50 млрд. зол. руб. из них на чехословацких легионеров падало не менее 10 млрд, в том числе и от чехословацких легионеров, в 1918-1920 гг.

В порядке инвентаризации «золотых дел» при начале нэпа и для подготовки к торгу с буржуазными правительствами по инициативе Ленина Советом труда и обороны была создана в конце 1921 г. специальная Комиссия по золоту. Она просчитала все движение золота с 1917 г. по конец 1921 г. и записала: 235 500 тыс. зол. руб. «были захвачены и израсходованы Колчаком».

И тут как раз появилась публикация Новицкого. Оказывается, Колчак израсходовал не 275 млн. а на 63 млн. меньше, и эта «недостача» находится в «Легио-банке» в Праге.

Эксперты Антанты заволновались. Опровергать аргументы (а главное – факты и документы по «военным долгам») было чрезвычайно трудно. Только-только на Версальской мирной конференции 1919 г. и серии «малых Версалей» 1920-1921 гг. сама Антанта за «военные долги» Первой мировой войны обложила Германию, Турцию, Болгарию огромной контрибуцией. Нельзя же было сказать: «Нам можно, мы победители». Большевики ведь тоже победители – и Антанту прогнали, и чехов, и своих белых разгромили. Да и зачем тогда вся эта катавасия с Генуэзской конференцией, если заранее считать партнера дураком и в грош не ставить его аргументацию?

Посыпались секретные запросы в Прагу. Президент Т. Масарик и его министр иностранных дел Э. Бенеш попали в деликатную ситуацию. Масарик на протяжении всей «сибирской эпопеи» чехословацкого корпуса официально требовал от его командования «соблюдать нейтралитет». Какой это был «нейтралитет», мы уже знаем.

Бенеш же в секретных инструкциях Чехосовету и командованию легиона рекомендовал «добывать» для новой республики как можно больше золота и драгоценных металлов. Позднее, в 1926 г. главный исполнитель этих инструкций начфин чеховойск Ф. Шип (к тому времени он из поручиков станет уже подполковником) проговорится: «Для нас сейчас выгодный момент для добычи, так что добываем, и изрядно...»

Член правления – учредитель «Легио-банка» По странному стечению обстоятельств «Легио-банк» (один из самых крупных в довоенной Чехословакии) был создан вскоре после возвращения легионеров. Долгое время живший в Праге Д. Мейснер, затем вернувшийся в СССР, в 1966 г. вспоминал: «...чехословацкие легионеры... вывезли из России немало золота... Тогда же на одной из главных улиц Праги было построено огромное здание нового „Легио-банка“. Все знали, что и само здание, и средства банка обязаны своим существованием все тому же золоту» (Знамя. – 1992. – № 8. – С. 201) Ф. Шип за такие откровения будет наказан, но пока бойкому пражскому журналисту Иозефу Куделе срочно заказывается брошюра «Чехословацкие легионеры и русское золото», которая точно к открытию Генуэзской конференции выходит из печати на чешском и французском языках. В ней говорится, что легионеры

ничего не присвоили, все сдали по акту в Иркутске еще 1 марта 1920 г. Остальное – домыслы и красных, и белых.

На Генуэзской конференции, как известно, ни до чего реально не договорились. Большевики за спиной Антанты предпочли заключить сепаратный мир с Германией в Рапалло. Но все же условились продолжить переговоры. И продолжили – сначала в Гааге (июнь-июль 1922 г.), затем в Лондоне (1924 г.) и, наконец, в Париже (1926-1927 гг.).

И все это время как дамоклов меч висел над Масариком и Бенешем вопрос о «сибирском золоте» в «Легио-банке». А тут еще подлили масла в огонь начавшие выходить на Западе и Востоке (Харбин) мемуары непосредственных очевидцев «золотой эпопеи» в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. И одними из первых в Мюнхене (1923 г.) увидели свет резко античешские воспоминания бывшего главкома Колчака генерала К.В. Сахарова.

Сахаров дополнил и детализировал скупую и осторожную информацию Новицкого. Вскоре до Праги дошли публикация В. Зензинова (Париж, 1919) и двухтомный труд Г.К. Гинса (Пекин, 1921), также полный конкретных фактов о том, как легионеры «добывали» (а не «скупали», как рекомендовал Бенеш) ценности в России. К середине 20-х годов «сибирским» золотом заинтересовалась пресса соседних государств: газета «Австрийский корреспондент» в Вене провела опрос рядовых легионеров и в 1925 г. опубликовала серию сенсационных разоблачительных статей.

Дело дошло до парламента. Левый депутат Лодгман сделал Э. Бенешу официальный запрос: правда ли, что чехословацкие легионеры при молчаливом одобрении

его, ныне министра иностранных дел, и Т. Масарика, ныне президента, вывезли в 1920 г. через Дальний Восток большое количество русского золота (в кулуарах парламента говорили – более 30 вагонов!) и несметное количество другого ценного имущества?

Разразился громкий скандал. Бенеш переслал запрос депутата в министерство обороны республики, настаивая на представлении оправдательных документов о передаче русского золота, вывезенного из Казани в 18-м году. Главное, министр задавал вопрос: «Не было ли в это время чехословацкими частями что-то (?!) взято из золотого запаса?» И такие документы минобороны в МИД республики в том же году были представлены.

И вот они передо мной благодаря любезному содействию Игоря Немеца – 20 страниц ксерокопий машинописного текста на чешском и русском языках за 1920 г. при сопроводительной записке генерала Миклоша Чилы от 22 сентября 1925 г. из архива нынешнего Минобороны Республики Чехии.

Подборка в основном состояла из актов (на русском языке) о контроле за сохранением пломб на вагонах «золотого эшелона», стоявшего на запасных путях станции Иркутск-1, да перечня номеров караульных частей (рот) чеховойск, которые поочередно несли совместно с другими частями (красноармейцы, румыны, югославы, иркутские партизаны, чекисты РВК и караул Политсовета) круглосуточную охрану эшелона в январе-марте 1920 г. В эмигрантской белой литературе и публикациях все это было хорошо известно еще с 20-х – начала 30-х годов, да и в советской литературе 50-60-х годов тоже, причем здесь фигурирует даже больше

документов, чем представил генерал Чила министру Э. Бенешу.

Ключевыми в сопроводительной Чилы от 22 сентября 1925 г. были два момента:

1) 1 марта 1920 г. был подписан «протокол, по которому русский золотой запас окончательно был передан советской власти в Иркутске в 1920 г.»;

2) в документе подчеркивалось, что «неприкосновенность русского золотого запаса в 1918-1920 гг. – до дня передачи – была и есть для чеховойск лишь предмет политического, но никак не финансового интереса».

К огорчению генерала Чилы, не все из его легионеров были искусными дипломатами и мастерами отписок. Уже упоминавшийся подполковник в отставке Франтишек Шип, бывший начфин чеховойск в Сибири и один из учредителей «Легио-банка», через год после скандала в чехословацком парламенте (1926 г.) в специальной брошюре (ее издание было осуществлено в собственной типографии «Легио-банка») «Несколько страниц о снабжении нашей сибирской армии (отповедь ген. Сахарову с его „Белой Сибирью“») попытался оправдаться, но это у него не получилось.

Начав, подобно генералу Чиле, с панегирика легионерам как рыцарям без страха и упрека, якобы спасшим «казанский клад» от разграбления и целиком передавшим его советской власти в Иркутске, далее начфин пошел совсем в другую сторону. Прежде всего он невольно опроверг версию генерала об отсутствии у легионеров «финансового интереса». Наоборот, все откровения начфина свидетельствуют об обратном, причем Ф. Шип не гнушался писать заведомую неправду:

«Золотой запас русского государства был захвачен (в Казани. – Авт.) нашим первым полком» (легенда, вошедшая затем в СССР во все кинофильмы о Гражданской войне).

Как известно, сводный отряд Каппеля, захвативший «казанский клад», не насчитывал и полного батальона, а от чехов вообще участвовала всего лишь одна неполная рота, да и та под командованием русского капитана Степанова. При этом легионеры не лезли под пули латышских красных стрелков, предпочитая, по воспоминаниям Степанова, отсиживаться в укрытиях, и все решила отчаянная штыковая атака взвода сербов под командованием майора Благодича.

А далее Шип разоткровенничался: «Когда в сентябре (1918 г. – Авт.) я и заместитель председателя (русского. – Авт.) отделения Чехословацкого национального совета находились в Самаре, то мы искали пути, как бы завладеть золотом (выделено мною. – Авт.)».

Возможность представилась очень скоро, когда началась эвакуация Самары (в конце сентября). Шип и зампред Чехосовета (фамилию его начфин не называет) решили сыграть на недоверии и борьбе за власть между разными правительствами – «самарским» (КомУч), «уфимским» (Директория) и «омским» (тогда в нем преобладали сибирские областники). «Золото и иные ценности везли в эшелонах к Уралу. Самарское правительство не доверяло сибирскому. Поэтому я договорился в Уфе с управляющим иностранными делами Веденяпиным и управляющим финансами Баковым, что золото будет передано нам (выделено мною. – Авт.). Что тотчас же и осуществилось» Шип подписал 2 октября

1918 г. с Веденяпиным и Баковым документ, на современном языке именуемый «протоколом о намерениях», на основании которого чехи получили те самые 750 ящиков серебряной русской монеты (на 900 тыс. зол. руб.), о которых речь шла выше.

В обмен на «серебряную предоплату» легионеры взяли на себя охрану «золотых эшелонов» КомУча от Самары до Уфы, ибо к тому времени вся его Народная армия (кроме отряда Каппеля) почти полностью развалилась.

«Комучевцы» не имели больше армии, но владели золотом, уфимская Директория не обладала ни тем ни другим, зато «омское правительство» (именно в него как военный министр осенью 1918 г. вошел адмирал Колчак) имело армию и совершенно расстроенные финансы.

Шип и здесь ловко использовал благоприятную чехам конъюнктуру. Он добрался до Омска и тайно встретился с министром финансов Сибирского правительства Иваном Михайловым, сыном известного народовольца и каторжанина А.Ф. Михайлова. Михайлов-сын, начавший свою политическую карьеру при «временных» как помощник министра продовольствия известного земца А.И. Шингарева, после октябрьского переворота бежал за Урал и быстро перекрасился в «областника», «беспартийного социалиста». Он был типичным «демократическим карьеристом» (А.И. Гучков), которого вынесла на поверхность политической жизни Февральская революция. В Сибири за ним очень быстро установилась кличка «Ванька-Каин», ибо при отсутствии твердых моральных и политических принципов он

руководствовался лишь личными симпатиями и антипатиями.

Работая в 1917-1918 гг. в антибольшевистском эсеровском подполье в Новониколаевске (Новосибирск), по отзыву его соратников, он «сдавал» в ЧК лично чем-то ему несимпатичных боевиков. Наоборот, в Омске он «сдавал» монархистам-офицерам из колчаковской контрразведки по тем же личным мотивам своих коллег (например, известного сибирского «областника» Новоселова, которого в сентябре убила группа офицеров) и был активным, но тайным участником государственного переворота 18 ноября 1918 г. направленного против «демократических контрреволюционеров» из КомУча и Директории.

Как министр финансов он оказался абсолютно некомпетентным, к тому же замешанным в коррупции и целой серии финансовых скандалов (в августе 1919 г. Колчак его выгнал, заменив на Л.В. Гойера).

И вот к этому «сибирскому Нечаеву», живому воплощению героев литературных «Бесов» Ф.М. Достоевского, и приехал Шип. Они быстро нашли общий язык. «Позже я говорил с министром финансов Михайловым, – вспоминал начфин в 1926 г. – о том, что возьму 2 тыс. пудов (золота. – Авт.) как основу для печатания чехословацких денежных знаков (выделено мною. – Авт.)».

По– видимому, никаких «протоколов о намерениях» на этот раз не заключалось, ибо вся операция по «изъятию» 2 тыс. пудов должна была совершиться на основе «захватного права» в Челябинске, куда, по свидетельству В. Новицкого, должны были прийти «золотые эшелоны» из Уфы (к ней подходили красные) и

где предполагалась перегрузка золота из вагонов в... элеватор близ горда. Почему надо было перегружать несколько эшелонов на 651 млн. зол. руб. (по другим данным, на 1 млрд. 200 млн.) в элеватор -до сих пор неясно. Может быть, из элеватора легче «взять» 2 тыс. пудов и даже больше?

Все дело Шипу и Михайлову испортил Михаил Николаевич Дитерикс М.Н. Дитерикс, предпоследний глава белого правительства во Владивостоке и председатель дальневосточного отделения РОВС – Российского общевоинского союза (объединение офицеров-эмигрантов), оставил воспоминания об этом эпизоде по спасению золотого запаса от чехов. Незадолго до смерти он запечатал их и другие интересные документы в конверт и отправил из Китая в Прагу, в Архив русской революции. С 1992 г. мы с С.П. Петровым ищем этот пакет в архивах Москвы и Праги, но пока тщетно. Будучи как начштаба чеховойск на Урале и. о. командующего (командующий генерал Сыровы находился в это время в Екатеринбурге на совещании чехословацких командиров), он приказал чешскому конвою, ничего не знавшему о тайной операции Шипа-Михайлова, срочно двигаться из Челябинска в Омск, не дав тем самым совершиться «элеваторной выгрузке».

Последняя в 1918 г. попытка завладеть золотым запасом России имела место в ноябре, уже после государственного переворота Колчака. Тогда под давлением чехов адмирал был вынужден временно освободить членов уфимского Совета управляющих ведомствами, которые считали себя законными распорядителями золота. Именно после этого они 28 ноября, о чем говорилось выше, издали свое знаменитое

постановление об окончательной и полной передаче «золотых эшелонов» под «охрану Чехосовета», но и эта акция (за которой снова проглядывался Шип) сорвалась. 3 декабря члены совета были арестованы, и с этого момента «казанский клад» окончательно перешел в руки адмирала Колчака.

Но легионеры все же добились своего. Осенью 1919 г. Колчак отклонил предложение союзных антантовских комиссаров ввиду наступления Красной армии срочно отправить оставшееся в Омске золото «под международным (чешским. – Авт.) контролем» во Владивосток. А 4 января 1920 г. адмирал в телеграмме на имя союзных комиссаров в Иркутске уже извещал, что с сего дня передает «золотой эшелон» под охрану чеховойск.

Для Колчака это стало началом его трагического конца. Чехи фактически с 6 января взяли его в заложники, а 16 января «сдали» в Иркутске большевикам.

Таким образом, с 4 января по день прибытия в Иркутск «золотого эшелона» с прицепленным к нему вагоном с Колчаком (всю остальную «свиту», включая конвой, «отсекли» еще 9 января) золото находилось исключительно под охраной чехословацких легионеров, правда при сопровождении небольшой группы служащих Госбанка во главе с начальником эшелона инженером А.Д. Арбатским.

Но и в Иркутске чехи до 7 февраля (дня подписания соглашения с исполкомом Иркутского Совета о передаче «золотого эшелона» в обмен на паровозы и свободный отъезд в Забайкалье на Читу и далее по КВЖД во Владивосток или в Китай) не допускали к эшелону даже

его начальника Арбатского. Последний писал управляющему Иркутским отделением Госбанка Ф.И. Громову гневные докладные, в которых справедливо утверждал, что у него «нет никакой уверенности в том, что охрана золота стоит на должной высоте, следствием чего может быть новая покража золота» (Арбатский имеет в виду кражу 13 ящиков с золотом на сумму в 780 тыс. зол. руб. 11 января на станции Тыреть, за 200 км от Иркутска, причем начальник чешского караула капитан Эмр фактически отказался признать, что кража произошла на перегоне станция Зима – станция Тыреть, т.е. в зоне ответственности его караульной смены).

Так присвоили чехословацкие легионеры золото из казанского эшелона Колчака или нет?

Самый надежный ответ можно было бы найти в архиве министерства обороны Чешской Республики, в фонде «Финансовые дела русского легиона» по адресу: Прага-2, пл. Флоренции, д. 5, откуда в свое время генерал Чила и извлек для Бенеша выгодные ему документы о «финансовой непричастности» легиона.

Но, увы, пока этот путь для нас не открыт. Остаются косвенные свидетельства участников событий и отдельные факты, собранные историками.

Если судить по документам, представленным генералом Чилой Э. Бенешу в ответ на запрос депутата Лодгмана в 1925 г. – разумеется, нет. Если же судить по действиям и по переписке Шипа в 1918-1920 гг. его публикации в 1926 г. – присваивали, и еще как (помните: «добывали, и изрядно добываем...»).

Уже не в белоэмигрантской, а в современной российской прессе появилась масса публикаций о «добыче» легионеров в Сибири и на Дальнем Востоке

(особенно интересные факты приводил в серии своих статей в газете «Владивосток» историк-краевед А. Буяков; он, в частности, ссылается на секретное письмо Э. Бенеша от 30 января 1920 г. командованию легиона в Иркутске, в котором сообщается о заинтересованности Минфина молодой республики в «закупке золота и других благородных металлов»).

Конечно, расследуя чешский след, нельзя сбрасывать со счетов и факты банального воровства. Прежде всего бросается в глаза крайне плохая организация охраны, частично связанная с вековой русской традицией «охраны забора» – вагона, склада, поезда (а не того, что в них). Караульные отвечали лишь за сохранность запоров и пломб на них и число «мест» (ящиков, сумок, мешков). Когда, по рассказам свидетелей, в конце октября в последнем, четвертом, «золотом эшелоне» Колчака, направлявшемся во Владивосток, случайно (на входной двери оказалась поврежденной пломба) была проведена проверка содержимого «мест», то выяснилось, что в 26 стандартных ящиках вместо золота находились кирпичи. До сих пор неясно, когда их положили в ящики – при отправке в Омск или в момент воровства на станции Тайга? Этот последний, четвертый по счету, «золотой эшелон» на Владивосток вообще окажется невезучим. Начав с «утраты» 26 ящиков на станции Тайга, на станции Чита он в начале ноября «утратит» и все остальные 616 ящиков. Их присвоит атаман Семенов

Впрочем, система «охраны забора» сыграла с многострадальным «золотым эшелон» злую шутку и на обратном пути его из Иркутска в Казань. Уж какие «кирпичи» или «железяки» подсунули чекисту Косухину в его эшелон в Иркутске или по пути его следования с 18

марта по 3 мая 1920 г. но по прибытии в Казань он недосчитался золота на еще большую сумму, чем колчаковцы, – на 35 млн. зол. руб. против той описи, что подписал с подачи Арбатского и Кулябко.

Скорее всего деньги (ящики с золотом) украли на перегоне между станциями Тайга и Зима (в этом районе до сих пор любители кладов буравят землю в тайге в поисках «золотых ящиков!»). Именно там, на станции Тыреть, в октябре 1919 г. и в январе 1920 г. обнаружилось, что у двух вагонов с золотым запасом РСФСР почему-то произошло «ослабление затворных болтов». А в этих двух вагонах было ни много ни мало 1040 ящиков с золотом!

Внутри ящиков снова, как и в Иркутске, заглядывать не стали, а пересчитали лишь «места», что «по проверке оказалось соответствующим количеству мест, показанному по приемочному акту с. г.».

Словом, все в ажуре, все «места» на месте. Вагоны снова закрыли и опломбировали. А приехали в Казань да вскрыли ящики и сумки в этих и других вагонах – а там золота-то оказалось на 35 млн. руб. меньше, чем должно было быть...

Особиста в 1939 г. арестовали и расстреляли – уж не за «недостачу» ли по 1920 г.? И не рассказал ли Косухин тогда на допросах что-то такое, что побудило НКВД СССР в следующем, 1940 г. завести целое дело по поводу украденного на станции Тайга «золота Колчака»? Тем более что показания бывшего чекиста наложились на заявление некоего новообращенного гражданина Эстонской ССР (Сталин только-только аннексировал Прибалтику) А.И. Лехта в «органы» о том, что он знает, где закопаны 26 ящиков золота, украденных на станции

Тайга из колчаковского эшелона в конце октября 1919 г. Лехт в своем заявлении назвал имена двух свидетелей, которые лично принимали участие в закапывании (а также, очевидно, и в воровстве) 26 ящиков, – бывшего старшего писаря 21-го запасного сибирского полка армии Колчака, своего соотечественника К.М. Пуррока и командира полка полковника М.И. Швагина, которые якобы еще с двумя солдатами (их имена Лехт не назвал) лично закапывали эти ящики южнее станции Тайга в три ямы глубиной 2,5 м в лесу, на пятой лесной дороге справа от Сибирского гужевого тракта. НКВД, конечно, проверило заявление Лехта, а заодно и личности Швагина и Пуррока. На Швагина материалов не нашли: то ли после кражи золота погиб, то ли сбежал в эмиграцию.

А вот относительно Пуррока (а заодно и Лехта) выяснились интересные подробности. Оказывается, еще в сентябре 1931 г. (!) Пуррок и Лехт, тогда граждане буржуазной Эстонии, нелегально приезжали на станцию Тайга и вдвоем вели самостоятельные раскопки. Будто бы Пуррок нашел одну из ям – место захоронения клада, хотя прошло уже 13 лет.

Но что– то спугнуло золотоискателей (не забудем, что приехали они в Сибирь нелегально в 1931 г. во время разгула ОГПУ, когда на железных дорогах хватали всех подозрительных), и они не стали искушать судьбу -ящики-то с золотом на месте, кроме них двоих, никто не знает этого места, так что лучше немного переждать, как следует подготовиться (у кладоискателей тогда из инструментов был только перочинный нож – ни лопаты, ни лома, ни мешков, ни транспорта) и действовать наверняка. Проведя на станции Тайга и в лесу 10-12 часов, они с тем и уехали снова на Запад. Но вернуться

за богатством вторично в 30-х годах им уже не довелось, видимо, помешали какие-то чрезвычайные обстоятельства.

Однако от мечты своей они не отказались и в марте 1940 г. как установил НКВД, подали в Генконсульство СССР в Таллине заявление на визы (Эстония до июля была независимым государством). Визу друзьям-кладоискателям выдали, но тут они вдруг стали гражданами СССР (Эстония вошла в состав СССР), и тогда Лехт форсировал события – написал прямо в НКВД о том, что он и Пуррок хотят снова приехать и на этот раз наверняка найти «клад».

Это сегодня «органы» на подобные предложения (найти клад, поднять затонувший корабль с золотом и т.д.) не обращают никакого внимания, разве что в нашем общественном Экспертном совете мы фиксируем такие предложения (скажем, письмо В.К. Коровина от 29 октября 1991 г. из Ленинградской обл. о том, что его отец, бывший колчаковский офицер, в августе 1918 г. принимал участие в тайной транспортировке из Самары в Крым «44 золотых слитков золота по 30 фунтов весом каждый», предназначавшихся для императрицы-матери Марии Федоровны; или письмо Ю.В. Кочева от 20 апреля 1993 г. со станции Немчиновка Белорусской железной дороги Московской обл. о том, как его отец и дядя, красные партизаны, 25 декабря 1919 г. окружили отступавший в Забайкалье колчаковский полк барона Враштеля, разоружили его и захватили «четырнадцать цинковых гробов с золотом, адресованных Колчаком атаману Семенову»). Тогда власти по-иному относились к «сигналам», но и ответственность за достоверность «сигнала» была другой.

За две недели до начала войны Кузьмин и Митрофанов, особисты из 2-го спецотряда, привезли Пуррока на станцию Тайга (Лехта, по-видимому, с собой не взяли; в 1950 г. он умер в Эстонской ССР своей смертью), и две недели, с 13 по 23 июня 1941 г. они втроем перерыли указанное эстонцем место, забив 248 шурфов, но золота так и не нашли (позднее оказалось, что шурфы были слишком мелкие – на глубину всего 1,75 м, а ящики должны были лежать ниже 2,5 м).

Скорее всего Пуррок за давностью времени и с возрастом (прошло все же 22 года, да еще и произошло изменение ландшафта: старый лес, который он еще помнил, в годы сталинских пятилеток спилили, а в новом молодом подлеске эстонец уже не ориентировался) так и не смог установить то место, где он якобы нашел в 1931 г. «клад».

Экспедиция ни с чем вернулась в Москву, но Пурроку его «забывчивость» обошлась дорого. Особое совещание при НКВД СССР 2 мая 1942 г. в Москве осудило его по ст. 169, ч. II УК РСФСР (злоупотребление доверием и обман «органов») и дало пять лет лагерей как «мошеннику». Отправили его – вот судьба! – в Приволжский ГУЛАГ, недалеко от Самары (там, где и началась вся эпопея с «казанским золотом»), но Пуррок просидел недолго – через четыре месяца он умер от разрыва сердца.

Но на этом история с поисками 26 ящиков золота в окрестностях станции Тайга не кончилась. В июле 1954 г. там же забили еще целых 360 шурфов два местных чекиста из Кемеровской области – Кулдыркаев и Бяков, и снова безуспешно, хотя шурфы уже бурились на требуемую глубину – 2,5 м.

Привлекли двух геофизиков с аппаратом Шмидта (электромагнитные волны для обнаружения металла в земле), и это тоже не дало никакого результата. В отчете особысты все свалили на Пуррока – обманул, мол, всех, место указал ложное.

Но «золотой телец» притягивал, да и валюта, как всегда, нужна была державе: что ни говори, а 26 ящиков – это все-таки 1440 кг золота, или почти 1,5 млн. долл. – да за такую сумму орден, а то и Героя Союза дадут...

И в ноябре 1958 г. уже при Н.С. Хрущеве, очередная – третья за последние 17 лет – экспедиция была отправлена на станцию Тайга, на этот раз по линии МВД СССР.

Целый месяц три милицейских чина от капитана до подполковника с помощью местных сотрудников допрашивали стариков и старух, уточняя детали и перепроверяя информацию бывшего старшего писаря, который вот уже 16 лет как отошел в мир иной. В результате родилась справка, из которой следовало, что либо по вине Пуррока, либо по собственной вине, но обе предыдущие экспедиции 1941 и 1954 гг. искали не там, а в противоположной стороне: клад спрятан не на западе от станции Тайга, а на востоке. В заключение предлагалось возобновить поиски летом 1959 г. с привлечением геофизиков.

Но вышло все по-другому: начальник 3-го спецотдела МВД СССР полковник Н.Я. Баулин... закрыл в июне 1959 г. «золотое дело» на станции Тайга, оставив легенду о 26 ящиках на усмотрение журналистов. Чем они и занимаются последние 45 лет.

И все же сколько и какие именно «драгметаллы» вывезли чешские легионеры?

Сразу бросается в глаза первое: генерал Чила в 1925 г. мягко говоря, лукавил, а вот начфин Шип говорил правду: «добыча» тянула более чем на 4 т серебра и почти на 8 т золота. И не так уж далек от истины краевед А. Буяков, когда пишет в газете «Владивосток», что эти тонны «драгметаллов» стали базой золотого и серебряного обеспечения чехословацкой кроны – одной из самых стабильных в межвоенный период валют, причем укрепилась крона именно с конца 1920 г.

Командование легионеров, и особенно начфин Ф. Шип, конечно, хотело бы «добыть» побольше «драгметаллов».

В фонде 197 колчаковского министерства финансов, что хранится в Москве в ЦГАОР, в «бухгалтерии общей канцелярии» я видел документы переписки Ф. Шипа за декабрь 1919 г. с последним начфином Колчака П.А. Бурьшкиным (кстати, автором вышедшей за границу и переизданной в столице книги воспоминаний «Москва купеческая» – весьма любопытного свидетельства о нравах «старых» и «новых» русских в торговле). Начфин просил продать «в кредит» еще 268 ящиков дефектной серебряной монеты на 15,3 млн. руб. по той же схеме, по которой была продана первая партия в 750 ящиков, оформленная «протоколом» министров КомУча 2 октября 1918 г.

По-видимому, на этот раз сделка не состоялась, ибо в отчете начальника эшелона А. Арбатского и старшего кассира Н. Кулябко, инвентаризировавших в Иркутске в начале марта 1920 г. содержание «мест» в эшелоне перед его передачей большевикам, все эти 262 ящика серебра оказались на месте и благополучно доехали до Казани.

Еще менее удачным был замысел забрать весь эшелон после того, как Колчак с 4 января 1920 г. лишился своей охраны и стал заложником легионеров. Ведь еще 25 декабря 1919 г. глава союзных комиссаров Антанты французский генерал Жанен, видя неуступчивость Колчака и его желание до последнего сохранить свой контроль (и свою охрану) над «золотым эшелон», дал шифрованную телеграмму чехам: задержать в Нижнеудинске эшелоны Колчака, разоружить его охрану и взять эшелон под свой контроль (как это напоминало телеграмму Троцкого от 25 мая 1918 г. относительно разоружения чехов!).

Колчак в последний раз отказался разоружаться, но тогда чехи заблокировали все его эшелоны в Нижнеудинске. Как уже отмечалось выше, адмирал капитулировал только 4 января. А 9 января «золотой эшелон» с прицепленным к нему вагоном Колчака под усиленной охраной чехов отправили наконец в Иркутск. Казалось бы, дело сделано – сдадут Колчака красным, а сами с золотом на всех парах вокруг Байкала к Тихому океану! Тем более что чешский командир конвоя майор Гачек держал в руках очередную телеграмму Жанена: главное – контролировать золото, а все остальное приложится... Одним из «приложений» в случае каких-либо осложнений генерал видел... сдачу «золотого эшелона» под охрану японцев. Он даже передал Гачеку

приказ: в Иркутске – восстание, золото под угрозой захвата большевиками, срочно гоните эшелон в обход города на станцию Мысовую Кругобайкальской железной дороги, где вас уже ждут японцы.

Но командующий чехословацким корпусом генерал Ян Сыровы был реалистом. В возникшей дилемме – «кошелек или жизнь» – он предпочел жизнь легионеров. «Невыдача золота (Политцентру в Иркутске. – Авт.) или передача его японцам так возбудит против нас все русское население, особенно большевистские элементы, – телеграфировал он Жанену, – что наше войско от Иркутска до Тайшета окажется в сплошном огне. На нас нападут со всех сторон». Чешского генерала поддержал и представитель Национального совета в Иркутске доктор Благож: «золотой эшелон» придется отдать.

Результатом этого и явилось военное перемирие чехов и Советов на станции Куйтун 7 февраля 1920 г. – золото в обмен на паровозы и вагоны. А ранним утром того же дня Колчака и Пепеляева расстреляли на берегу Ангары: своей смертью они заплатили за золото для большевиков и жизнь легионеров. Начфин Франтишек Шип рвал и метал, ведь «добыча» ушла прямо из рук. Мученическая смерть адмирала его мало волновала...

В мае 1990 г. находясь в Праге со съемочной группой тогдашнего ТВ СССР (Останкино), где мы снимали кадры вывода советских войск из Чехословакии

для документального телефильма, в свободный день я зашел на знаменитое Ольшанское кладбище – место упокоения более 20 тыс. белых эмигрантов.

Бродя от могилы к могиле, читал на надгробных плитах и памятниках: писатель Аркадий Аверченко, профессор Новгородцев (1870-1924), «евразиец» Петр Савицкий.

Но что это? В православном «отсеке», и вдруг... генерал Ян Червинка, умер в 1933 г. И рядом – Надежда Семеновна Карановская, русская, его жена, умерла почти 30 лет спустя.

Чудно, подумалось мне, протестант, «гусит»-чех и православная русская – в одной могиле. Что-то чехи не очень блюдут религиозные традиции...

Сзади послышались шаги. Кто-то подошел и встал за моей спиной рядом с могилой. Потом что-то спросил по-чешски. Я машинально ответил: «Не понимаю». И вдруг тот же голос на чистом русском языке: «Пан был знаком с моим отцом и матерью?» Я обернулся – пожилой чех в аккуратном, но уже поношенном костюме, при галстуке, с букетиком цветов в руке, который он бережно положил к памятнику своих родителей.

«Вы русский или чех?» – удивленно спросил я. «И то и другое: мать – русская, сибирячка, отец – чех, из легионеров, воевал у вас в России», – ответил он.

Я уже кое-что знал о легионерах в Сибири, как-никак закончил истфак МГУ по кафедре истории южных и западных славян, там профессора и доценты рассказывали о трагедии корпуса больше, чем было написано в учебниках по истории КПСС или официальной историографии Гражданской войны в Сибири и на

Дальнем Востоке. Да и после XX съезда партии многие мои однокашники по курсу – чех Франтишек Силницкий и словак Иван Лалуга – разговорились (оба, кстати, стали активистами «пражской весны» и оба пострадали после «братской помощи» войск стран Варшавского договора в августе 1968 г.: Франтишеку с женой Ларисой пришлось бежать через Австрию в Израиль, теперь они живут в США, а Иван остался в Братиславе и хлебнул соленого до слез).

Читал я и книгу историка-слависта А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и преданный корпус» (1965 г.), там упоминается некий полковник Червинка, бежавший из Сибири с мешком русского серебра.

«Так вы – сын того самого полковника Червинки?» – с изумлением спросил я.

"Да, – ответил пан. – Позвольте представиться: Ярослав Карановский, фамилия по матери, родился здесь, в Праге, в 1921 г. А маму мою отец вывез из Сибири. И не он один – многие легионеры привезли русских жен, особенно словаки.

Вы знаете, – прервал мои мысли собеседник, – в старой, довоенной Чехословакии очень хорошо относились к русским, не чета нынешним временам, особенно после августа 1968 г. Ведь Прага тогда чуть ли не наполовину была населена русскими – русский университет, русские гимназии, русские кадетские корпуса. А сколько выходило газет и книг на русском языке! Я ведь учился в чешской гимназии и в русской воскресной школе: отец и мать хотели, чтобы их сын впитал обе культуры. Да и чехи хорошо понимают по-русски, даже если они его никогда не учили. Обратном

сложнее – русским чешский надо для этого учить. Тогда ведь еще очень сильны были традиции панславизма и... иллюзии, что большевики – это ненадолго, не сегодня-завтра падут, нужны будут образованные кадры.

Иллюзии эти разделял Томаш Масарик, первый президент Чехословакии. Он немало помогал русским эмигрантам, особенно профессорам и молодежи. Деньги выдавал. Говорят, даже «Легио-банк» заставил раскошелиться на русскую эмиграцию.

Вы видели Русский дом в Праге? Нет? Сходите – там жили все русские профессора. А построили дом на деньги «Легио-банка». Первые русские эмигранты приезжали, как это по-русски, «в чем мать родила» – голые и босые. Так Масарик субсидию специальную установил – жилье давали бесплатно, даже одежду, еду, конечно. Знаете, совсем как сейчас в Израиле для советских евреев. Только у нас «евреями» были русские".

Я спешил – надо было идти на съемки, консультировать режиссера. Мы расстались, и с тех пор сына генерала Червинки я больше не видел. А вот слышать – слышал. По радио «Свобода» в репортаже Игоря Померанцева все с того же Ольшанского кладбища, причем сравнительно недавно – летом 1996 г.

И в тот поздний московский вечер, слушая чуть хрипловатый голос Ярослава, вдруг подумалось: может быть, морально этот чехословацкий след от «казанского» золота давным-давно окупился?

Ни японцы с китайцами, ни даже французы (у них тоже было немало белых эмигрантов) с англичанами не сделали для наших соотечественников в 20-30-х годах столько добра, сколько чехи и словаки.

Да, американцы в Калифорнии приравнивали белых офицеров к своим ветеранам. Низкий поклон им за это. Но школы русские не открыли, университет – тоже, а ведь в Праге учились тысячи гимназистов и студентов со всего «русского рассеяния».

Да, начфин Шип и генерал Чила вряд ли сняли бы с себя последнюю рубашку, чтобы помочь детям беженцев. Впрочем, и они приняли генерала Сергея Войцеховского в свою военную касту, присвоили ему, русскому офицеру, высший в довоенной республике чин генерала армии. И если бы послушался его Бенеш в 1939 г. и дал вооруженный отпор в Судетах войскам вермахта, еще неизвестно, стал бы Гитлер нападать на Польшу, заключать союз со Сталиным и вбивать клин между чехами и словаками (марионеточное государство попа Тисо, который, кстати, также взял даже в свой МИД десятки русских эмигрантов).

Да и судиться сегодня с чехами и словаками за «золото Колчака» уже никто не станет: документов слишком мало. Фактически один «протокол» от 2 октября 1918 г. на 750 ящиков серебра (900 тыс. зол. руб.). Остальное пока проходит по статье «военные трофеи».

Иное дело – Антанта и Япония. Здесь побороться можно. Вот и пойдём дальше по следам нашего «казанского клада» (и не только его).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Наиболее типичная реакция на «предательский» Брестский мир отражена в мемуарах штабс-капитана Э.Н. Гиацинтова (первого мужа будущей народной артистки СССР Софьи Гиацинтовой), окончившего свои дни на чужбине, в эмиграции. См.: Гиацинтов Э. Записки белого офицера / Публикация В.Г. Бортневского. – СПб. 1992.

2 Цит. по: Леонтьев Я.В. Новые источники по истории левоэсеровского террора // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. (материалы конференции). – М. 1996. – С. 143. И.К. Каховская возглавляла группу эсеров-террористов, которая 30 июля 1918 г. убила в Киеве главнокомандующего германской оккупационной армией на Украине фельдмаршала Г. Эйхгорна, после чего исполнители и организаторы покушения были арестованы. Судьба, однако, была милостива к террористке – ей удалось вырваться из Лукьяновской тюрьмы в Киеве. Затем она принимала участие в организации покушений на адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина (оба теракта не удались), прошла через сталинский ГУЛАГ и умерла уже в наше время (см.: Родина. – 1989. – № 12. – С. 90-96).

3 Петров П.П. Из крестьян – в генералы // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 262.

4 Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Т. 1. – М. 1991. – С. 97.

5 Цит. по: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России, 1905-1917. – М. 1990. – С. 189.

6 Бортневский В. Генерал Каппель // Белое дело (люди и события). – СПб. 1993. – С. 48.

7 Подробнее об участии воткинских и ижевских рабочих в борьбе против большевиков см.: Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919): документы и материалы по народному сопротивлению коммунизму в России / Составитель М. Бернштам. – Париж, 1982; Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы: борьба с большевиками, 1918-1920 гг. – Конкорд (Калифорния), 1975.

8 Цит. по: Бортневский В. Указ. соч. – С. 48.

9 Цит. по: Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 261.

10 Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. 1917-1922 гг. – М. – Берлин, 1923. – С. 5.

11 См.: Индивидуальный политический террор в России. – С. 140.

12 См.: Идашкина Ю.В. Были ли большевики куплены на золото германского Генерального штаба? // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 278-296.

13 См.: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. – Т. 1. – М. 1924.

14 Цит. по: Бортневский В. Указ. соч. – С. 47.

15 Цит. по: Петров П.П. Роковые годы. 1914-1920. – Калифорния, 1965. – С. 107.

16 Там же. – С. 116.

17 Справка о приблизительном весе чистого расцененного золота, отосланного во Владивостокское отделение Госбанка / ЦГАОР. – Ф. 198. – Оп. 2. – Д. 60. –

Л. 22. См. также. ЦГАНХ РФ. – Ф. 7733. – Оп. 37. – Д. 1958. – Л. 6.

18 Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914-1920 гг.? (доклад) // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 245.

19 Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов / Публикация В. Зензинова. – Париж, 1919. – С. 44; Знамя. – 1992. – № 8. – С. 202-203; Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. – М. 1994. – С. 84-85.

20 См.: Стенографический отчет переговоров о сдачи власти Омским Правительством Политическому Центру в присутствии высоких комиссаров и Высшего командования союзных держав. Иркутск, январь 1920 г. – Харбин, 1921.

21 Тимирева-Книпер А.В. Воспоминания // Новый журнал. – Т. 159. – Нью-Йорк, 1985. См. исторический альманах Минувшее. – Т. 1. – М.-Париж, 1990. – С. 177, а также документальную повесть: Карлов Ю. Допрос в Иркутске. – М. 1972.

22 Со временем история расстрела Колчака не без фантазий его палача, начальника Иркутской ЧК левого эсера С. Шудновского (Шудновский С. Как был расстрелян Колчак? // Сибирская деревня. – Новосибирск. – 1924. – № 9) также обросла красивыми легендами. Якобы адмирал потребовал, чтобы он (в лучших традициях бонапартистского офицерства – помните «Старого капрала» Беранже?) сам командовал собственным расстрелом при условии, что залп дадут «люди в русской униформе», а не комиссары-евреи в

кожанках. Ср.: Фельшинский Ю. Ленин и расстрел Колчака // Русская мысль. – Париж. – 1984. – 12 янв.

23 См. например: Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1920 гг.). – Мюнхен, 1923. – С. 324.

24 Моравский Н. Вольная Сибирь. Пражский сборник сибиряков-эмигрантов. 1927-1930, Прага // Записки русской академической группы в США. – Т. XXVI. – N.-Y. 1994. – P. 317-339.

25 Smele J.D. White Gold: the Imperial Russian Gold Reserve in Antibolshevik East (an Unconcluded Chapter in the History of Russian Civil War) // Europe-Asia Studies. – Vol. 46. -? 8. – Glasgow, 1994. – P. 1317-1347.

26 Аблажей-Долженкова Н.Н. Сибирская эмиграция в 1920-1930 гг. (дипломная работа). – Новосибирский ГУ, 1992.

27 То же самое Новицкий повторит во французском (1922 г.) и американском (1928 г.) изданиях этой статьи.

28 Вскоре чехи привыкнут к тому, что русский эмигрант – что белый, что розовый – хоть и ест их хлеб, но правду говорит все равно. См. например, разгромную брошюру Б. Солодовникова «Сибирские авантюры и генерал Гайда: из записок русского революционера» (Прага, б/г), направленную против мемуаров генерала (R. Gajda. Moje pameti: cheskoslovenska anobase zret na Ural proti bolshevikum. Admiral Kolchak. – Praha, 1925).

29 Часть этих экспертных справок для советских делегаций в Генуе и Гааге позднее была опубликована в сборнике: Гаагская конференция. Полный

стенографический отчет. Материалы и документы. – М.-Пг. 1922.

30 Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Указ. соч. – С. 86. На основе этого сверхсекретного «Отчета по золотому фонду» советскими экспертами в Генуе был представлен меморандум, в котором сумма «долга на Колчака» была увеличена на 41 млн. – 215 млн. считались непосредственно за Колчаком, а 60 млн. приходились на частные банки Японии, Китая – Гонконга, Англии, Франции и США за все то золото, которым адмирал расплатился за оружие. См.: Меморандум советской финансовой группы в Генуе от 8 мая 1922 г. // Внешняя политика СССР. Сборник документов. – Т. 2: 1921-1924. – М. 1944. – С. 360-361.

31 Ship F. Nekolik Kapitol o hospodarstvu nashi sibirske armady. – Praha, 1926. – S. 18.

32 Kudela J. Les l'ygions tch'ycoslovaques et l'or russe. – Prague, 1922.

33 См. в частности: Гинс К.Г. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент истории, 1918-1920 гг. – Т. 1-2. – Пекин, 1921; Ган-Гутман А. Россия и большевизм: материалы по истории революции и борьбы с большевизмом (ч. I: 1914-1920). – Шанхай, 1921; Климушкин П.Д. Чехословацкое выступление. – Т. 1: «Волжское движение» и образование Директории. – Прага, 1928; Витольдова-Лютык С. На Восток: воспоминания времен колчаковской эпопеи, 1919-1920 гг. – Рига, 1930.

34 Губельман М.И. Борьба за советский Дальний Восток, 1918-1922 гг. – М. 1955; Гак А.М. Дворянов В.Н.

Папин Л.М. Как был спасен золотой запас России // История СССР. – 1960. – № 1.

35 См. например, публикацию: Кладт А.П. Кондратьев В.А. «Золотой эшелон» (возвращение золотого запаса РСФСР, март-май 1920 г.) // Исторический архив. – 1961. – № 1. Публикация интересна и тем, что авторы получили доступ в ранее совершенно закрытый Пражский заграничный архив белой эмиграции, символически называвшийся тогда «Коллекция белогвардейских и белоэмигрантских фондов» (ЦГАОР, в 1961 г. – ф. 2881; в 90-е годы – ф. 143), откуда они и взяли большинство документов.

36 Текущий архив Экспертного совета.

37 Smele J.D. Labour conditions and the collapse of the Siberian Economy under Kolchak // Slavonic Study Group on the Russian Revolution. – Vol. 13. – 1987. – P. 31-32.

38 Ship F. Op. cit. – S. 31. См. также: Е. Черных. Злата Прага с «русской позолотой» // Комсомольская правда. – 1992. – 4 февр.

39 Колчак А.В. Последние дни жизни. – Барнаул, 1991. – С. 41-56.

40 Акт 12 янв. 1920 г. ст. Тыреть // Исторический архив. – 1961. – № 1. – С. 45.

41 А. Косухин, уполномоченный особого отдела ВЧК при 5-й армии РККА, принял «золотой эшелон» из 13 американских четырехосных вагонов «по весу» и «местам» (6815 ящиков), без досмотра их содержимого. См. Акт от 18 марта 1920 г. ст. Иркутск-I // Исторический архив. – 1961. – № 1. – С. 47.

42 Акт 31 марта 1920 г. ст. Зима //

Исторический архив. – 1961. – № 1. – С. 48.

43 В основу истории «золотого клада» у станции Тайга положена справка Архива ФСБ РФ «О розыске колчаковского золота» от 17 января 1995 г. переданная секретариатом вице-преьера Олега Давыдова в Текущий архив Экспертного совета (см. Приложения, док. 5). См. также: Жуков В. Золото Колчака надо искать на станции Тайга // Московский комсомолец. – 1992. – 4 апр.

44 ЦГАОР. – Ф. 197 (коллекция Пражского зарубежного архива русской революции). – Оп. 4. – Д. 17; Исторический архив. – 1961. – № 1. – С. 37.

III. «ЛЕНИНСКОЕ» ЗОЛОТО. «НИЖЕГОРОДСКИЙ КЛАД» УХОДИТ НА ЗАПАД

В предыдущей главе речь шла о движении оставшейся в России в годы Гражданской войны половины золотого запаса страны на Восток. Теперь рассмотрим, как вторая половина уходила на Запад.

1. «ЗОЛОТО ЛЕНИНА» – ГЕРМАНСКОМУ КАЙЗЕРУ (ИЛИ ПЕРВЫЙ «ПАКТ РИББЕНТРОПА– МОЛОТОВА»)

Ни левым эсерам, убившим графа Мирбаха и фельдмаршала Эйхгорна, ни правоэсеровскому КомУчу, захватившему «казанский клад» 7 августа 1918 г. не удалось сорвать секретные переговоры большевиков с представителями кайзера.

Как уже отмечалось выше, сорвать эти переговоры не удалось еще и потому, что в финансово-экономическом плане эта сделка кайзера и

большевиков была чрезвычайно выгодна Германии. Ведь февральско-мартовские сепаратные мирные договоры в Брест-Литовске с украинскими националистами и русскими интернационалистами не только закрывали для немцев Восточный фронт, но и фактически делали Украину гетмана Скоропадского аграрно-сырьевым придатком Германии (этот вариант в 1941-1943 гг. почти буква в букву повторит Гитлер), а Советскую Россию – экономическим союзником Германии против Антанты (и этот план будет в августе 1939 г. – июне 1941 г. благодаря второму аналогичному пакту успешно реализован Гитлером).

Брестский мир позволил Германии перебросить на Западный фронт больше половины своих дивизий, и весной 1918 г. немцы едва не взяли штурмом Париж. Лишь «чудо на реке Марна» (отчаянное сопротивление французов, впервые применивших «мотопехоту», – в столице были реквизированы тысячи частных автотакси, которые доставили прямо к окопам несколько свежих французских дивизий, остановивших, а затем и отбросивших германские войска) спасло тогда Францию.

Безусловно, финансовые и экономические ресурсы Германии (и еще больше Австро-Венгрии) были к середине 1918 г. на исходе. Вступление в апреле 1917 г. США в войну на стороне Антанты, наоборот, существенно усилило ее потенциал; Антанта получала военные кредиты, оружие и продовольствие, помощь мощного военного и торгового флотов.

В этой ситуации и «самостийная» Украина, и большевики-интернационалисты виделись из Берлина как противовес США и как прочный финансово-сырьевой тыл Тройственного союза. Следует подчеркнуть, что к лету

1918 г. Западный фронт снова стабилизировался, и еще далеко не было ясно, кто в конце концов победит в этой затянувшейся кровавой мировой войне?

У большевиков тоже был свой интерес к сделке с кайзером. По условиям Брест-Литовского мира от 3 марта 1918 г. они обязаны были демобилизовать всю старую царскую армию, а спешно созданная на ее руинах добровольческая Красная гвардия была партизанской, совершенно небоеспособной, особенно при столкновении с регулярной кайзеровской армией.

Советскую Россию спасли не Красная армия, созданная 23 февраля 1918 г. а соглашения от 27 августа того же года. Они гораздо более объективно отражали реальное соотношение сил.

С советской стороны в подписании соглашения участвовали три идейных большевика, три выходца из богатых буржуазных еврейских семей – полпред в Германии Адольф Иоффе, сын крупного крымского откупщика, и два финансовых советника полпредства – Яков Ганецкий (Фюрстенберг), сын богатого варшавского адвоката, и Мечислав Козловский, также из семьи адвоката и сам бывший присяжным поверенным задолго до революции 1917 г.

Характерно, что два последних участника проходили летом – осенью 17-го по делу о «большевиках – агентах германского Генерального штаба» наряду с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Коллонтай, Луначарским, Раскольниковым и др. причем Козловский был арестован и заключен в тюрьму М.Ю. Козловский (1876-1927) затем станет членом «малого» Совнаркома РСФСР и ВЦИК СССР, умрет своей смертью. Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг) (1879-1937) проделает типичный для функционера КПСС

путь: в 1919 г. – и. о. председателя Народного (Государственного) банка РСФСР, в 1920-1922 гг. – полпред и торгпред РСФСР в Латвии, с 1923 г. – член коллегии Наркомата внешней торговли, в 1932-1935 гг. – председатель Гособъединения по музыке, эстраде и цирку, с 1935 г. – директор Музея революции, в 1937 г. арестован как «троцкист» и расстрелян. Был, правда, и третий – самый главный участник этих переговоров – будущий наркомвнешторг Леонид Красин, но он формально этот пакт не подписывал, ибо имел статус всего лишь «эксперта». Подробнее об этом см. далее. Версия о «большевиках – немецких шпионах» так до конца не была ни доказана, ни опровергнута историками в течение почти 80 лет.

Но весьма симптоматично, что два ключевых «героя» этой эпопеи Козловский и особенно Ганецкий год спустя после шумного расследования вновь оказались в непосредственной близости от здания германского Генерального штаба.

Следует сказать, что материалы Брест-Литовских переговоров (22 декабря 1917 г. – 3 марта 1918 г.) довольно подробно публиковались в Советской России, в том числе рассматривался и их экономический аспект. При этом надо иметь в виду, что сам Брестский мир от 3 марта 1918 г. (всего 14 статей, пять с половиной страничек текста) в значительной степени был экономическим соглашением с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией (144 страницы приложений – дополнительных протоколов: подробнейшие тарифы, таможенные правила, консульские конвенции, соглашения о вознаграждении за убытки и т.п.).

Однако никаких конкретных цифр возмещения убытков в этих приложениях не было. Пробел и должен был восполнить еще один сверхсекретный «дополнительный протокол», но на этот раз подписанный в Берлине. В советской печати текст «дополнительных соглашений» от 27 августа 1918 г. не публиковался до 1957 г. (он отсутствовал даже в обстоятельных документальных изданиях 1920-1923 гг. под редакцией А.А. Иоффе и Б.Е. Штейна), хотя в Западной Европе они были известны почти сразу же после их подписания. Одним из первых ключевые статьи 2 и 3 изложил (с сокращениями) в своих публикациях на французском (1921 г.) и английском (1928 г.) языках В. Новицкий.

Только с началом хрущевской «оттепели» и решением лидеров КПСС начать публикацию документов из архивов МИД СССР (для чего в 1957 г. была создана Комиссия по изданию дипломатических документов во главе с А.А. Громыко) в самом первом томе «Документов внешней политики СССР», вышедшем в конце 1957 г. по архивному подлиннику этот «дополнительный протокол» под длинным и неудобопроизносимым названием «Русско-германское финансовое соглашение, служащее добавлением дополнительного договора к Мирному договору (от 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. – Авт.), заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой» был наконец опубликован в полном виде. От имени правительства РСФСР соглашение подписал полпред Адольф Иоффе, от имперского германского правительства – статс-секретарь МИД контр-адмирал в отставке Пауль фон Ганце и директор департамента МИД тайный советник Иоганн Криге. Через одиннадцать лет

тот же документ был перепечатан в сборнике о советско-германских отношениях 1917-1922 гг.

Следует согласиться с Владимиром Новицким: ключевыми в этом финансовом соглашении являлись вторая и третья статьи:

"Статья 2. – В целях возмещения германским подданным, в результате мер, принятых русским правительством (имеются в виду меры по национализации иностранного имущества и авуаров. – Авт.), и одновременно учитывая соответствующие русские контрпретензии, заявленные в ходе переговоров, о размерах и стоимости продовольствия, реквизированного в России германскими вооруженными силами после заключения мира (в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. – Авт.), Россия соглашается выплатить Германии сумму в шесть миллиардов марок Фактически это была контрибуция за национализированную германскую собственность и авуары, которая вытекала из «Русско-германского дополнительного договора» – приложения к Брестскому миру от 3 марта 1918 г. (см.: Брест-Литовская конференция. – М. 1918. – С. 71-79). Выходит, декреты большевиков в январе-феврале 1918 г. об отказе от долгов «проклятого царизма» носили весьма избирательный характер: выгодно – будем платить, невыгодно – не будем.

Статья 3. – Выплата шести миллиардов, упомянутых в ст. 2, будет осуществлена следующим образом:

1. Сумма в полтора миллиарда марок будет выплачена через трансферт 24 564 кг чистого золота и 545 440 руб. в кредитных обязательствах, то есть 363 628 000 руб. в купюрах по 50, 100 и 500 руб. Германии и Франции эти бумажные купюры, обеспеченные золотом,

называли «романовками» («billets de Romanoff»), и остальная сумма в 181 813 000 в купюрах по 250 и 1000 руб. Выпущенные в годы Первой мировой войны купюры-ассигнации достоинством в 250 руб. и 1 тыс. руб. под гарантию Государственной думы России там же называли «думками» («billets de Duma»).

Трансферт должен быть осуществлен пятью траншами, а именно:

а) первый транш весом в 43 860 кг чистого золота и 90 900 000 руб. кредитными билетами, то есть 60 000 000 руб. в купюрах 50, 100 и 500 руб. («романовки». – Авт.) и 30 300 000 руб. в купюрах 250 и 1000 руб. («думки». – Авт.), должен быть отправлен не позднее 10 сентября 1918 г.;

б) четыре следующих транша – не позднее 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г.; каждый из этих траншей будет включать по 50 675 кг чистого золота и по 113 635 000 руб. в кредитных билетах, то есть 75 757 000 руб. в купюрах по 50, 100 и 500 руб. и 37 878 000 руб. в купюрах по 250 и 1000 руб.

2. Сумма в миллиард марок должна быть выплачена в русских товарах в следующие сроки: 15 ноября и 31 декабря 1918 г. (каждый раз отправляемый груз не может быть по стоимости менее 50 000 000 марок); 31 марта, 30 июня, 30 сентября и 31 декабря 1919 г. (каждый раз на 150 000 000 марок, но 31 марта – не менее чем на 300 000 000 марок).

3. Сумма в два с половиной миллиарда марок должна быть выплачена до 31 декабря 1918 г. путем трансферта облигаций займа, который начиная с 1 января 1919 г. принес бы их германским держателям 6% и был бы амортизирован за счет 0,5%, включая

неоплачиваемый налог по вкладам. Этот заем будет распространен русским правительством в Германии, и принципы этого займа будут рассматриваться как уже включенные в настоящее соглашение. В гарантии этого займа будут даны специальные государственные привилегии, в особенности проистекающие из экономических преимуществ, предоставляемых в России германским подданным. Эти детализированные гарантии станут предметом обсуждения и заключения специальной конвенции, с таким расчетом, чтобы ежегодный доход держателей облигаций этого русского займа мог бы превосходить 20% годовых.

4. Оставшаяся сумма в один миллиард марок, при согласии Германии и в случае, если эта сумма не станет частью долей Украины и Финляндии в рамках их договоренностей с Россией о разделе национального достояния бывшей Российской империи, явится объектом заключения специального соглашения в будущем".

Прежде чем проследить, как на основе этого уникального для германо-русских отношений соглашения из России на Запад в сентябре 1918 г. ушли почти 100 т чистого золота и миллионы «романовок» и «думок», попробуем оценить этот «дополнительный протокол» с высоты сегодняшнего дня для понимания того, что мы вообще знали о последних месяцах Первой мировой войны.

Во-первых, из соглашения следовало, что кайзеровские власти в августе 18-го вовсе не собирались капитулировать перед Антантой, а, как минимум, воевать до полной своей победы, назначенной ими самое позднее к 1 января 1920 г.

Во– вторых, они явно хотели наверстать то, что Бисмарк так опрометчиво упустил в 1880 г. -сделать Россию как минимум своим финансовым союзником, о чем свидетельствуют все эти планы начать с 1 января 1919 г. распространение «русского займа» в Германии под гигантский процент (20%; напомним, что максимальный французский составлял 14%).

В– третьих, во имя этого блока Германия готова была пожертвовать одним миллиардом марок из шести, да бы привлечь к германо-русскому военно-политическому союзу Украину и Финляндию -«осколки» Российской империи.

И, наконец, в-четвертых, в геополитическом плане соглашение 27 августа 1918 г. по своей сути сохраняет основные идеи (но не цифры) и в последующих германо-советских соглашениях.

А пока же большевикам пришлось срочно выполнять график отправки золота, «романовок» и «думок» на 1918 г. ведь первый «золотой эшелон» должен был отбыть в Берлин из России через две недели – 10 сентября 1918 г.

Большевикам, безусловно, предстояло выполнить в очень краткие сроки – с сентября по декабрь 1918 г. – гигантскую работу: собрать, погрузить и отправить в Германию четыре эшелона чистого золота и четыре эшелона «романовок» и «думок».

Где взять такую гигантскую сумму? Единственным «золотым карманом» к сентябрю 1918 г. (после захвата КомУчем «казанского клада») у большевиков оставался нижегородский. В отличие от казанского по нижегородскому до сих пор существуют отрывочные и противоречивые сведения. Даже наиболее информированные исследователи В. Новицкий, проф. Л. Юровский, «отец» нэповского золотого червонца, и С. Петров почти ничего не сообщают о «нижегородском кармане», за исключением того, что там осталась половина золотого запаса России Л.Н. Юровский в своем капитальном исследовании «Денежная политика советской власти, 1917-1927 гг.» (М. 1996) считал, что на ноябрь 17-го большевики располагали золотым запасом ценой в 1 млрд. 101 млн. зол. руб. Стало быть, в Нижнем Новгороде находилось золота на 552 млн. зол. руб. При всех этих подсчетах почти никто из исследователей не учитывает «бумажное золото» (облигации займов, акции компаний, векселя, «романовки», «думки» и прочие обеспеченные золотом ассигнации 1897-1917 гг.), причем настолько, что все исследователи истории «золота Колчака» странным образом потеряли след 5-го эшелона адмирала, 45 вагонов которого были набиты «бумажным золотом».

До сегодняшнего дня единственным обстоятельным исследованием по «нижегородскому карману» в 1918-1922 гг. остаются две статьи доцента А.П. Ефимкина, опубликованные в 1987-1988 гг. в журнале «Волга» (Саратов).

3 сентября в Нижний прибывает правительственная комиссия из трех человек во главе с комиссаром бывшей царской Экспедиции заготовления государственных бумаг А.Е. Минкиным. С помощью местных властей и рядовых

служащих нижегородской конторы Народного (Государственного) банка, мобилизованных ЧК на круглосуточную работу по упаковке золота в ящики и погрузке на грузовики, уже через трое суток, в ночь с 6-го на 7 сентября (ровно через месяц после того, как отряд В.О. Каппеля захватил «казанский клад»), длинный конвой тщательно охраняемых грузовиков направился на Московский вокзал, где вдали от главного перрона на дальних запасных путях стоял состав с двумя паровозами в голове. 120 чекистов и милиционеров перетаскали 2400 ящиков с золотом в вагоны, и на рассвете 7 сентября первый «золотой эшелон» тронулся в путь на Москву. На встрече старых большевиков в Горьком в 1957 г. тогда еще живые участники этой акции вспоминали: состав так был загружен, что и два паровоза никак не могли стронуть его с места.

9 сентября точно таким же путем отправили и второй «золотой эшелон» еще с 2400 ящиками.

Ветеранам ленинской гвардии никто, конечно, не сказал, куда отправляется это золото. Так до самой своей смерти они и были уверены, что вагоны с золотом следуют в Москву (столица, кстати, и была указана для камуфляжа в накладных) – большевики спасают его от белочехов!

Оба эшелона в Москве остановили, пересчитали и переложили золотые слитки из деревянных ящиков в стандартные металлические по 50 кг в каждом, добавили «бумажного золота» на 90 900 тыс. зол. руб. в эшелон и точно по графику, 10 сентября, первый эшелон отправили по Брянской (Белорусской) железной дороге через Оршу в Берлин (42 860 кг золота).

15 сентября «Известия» на последней полосе поместили коротенькое сообщение: «Первая партия золота, подлежащего выплате Германии согласно русско-германскому добавочному соглашению, прибыла в Оршу и принята уполномоченными германского Императорского банка».

Любопытно, что левые эсеры, постоянно следившие за сделкой «кайзер – Ленин» и уже заславшие в Нижний своих лазутчиков, сделали последнюю попытку сорвать сговор и пустить первый «золотой эшелон» под откос.

Как признался эсер-боевик Г. Семенов (Васильев) на процессе 22 эсеровских вождей в 1922 г. в Москве, его боевая группа присмотрела даже место под Москвой, где она заложит динамит, и подготовила грузовик, чтобы после крушения состава забрать часть золота себе, но по каким-то причинам операция сорвалась, и эшелон без помех проследовал на Оршу.

Без помех прибыл в Оршу и второй эшелон с 50 675 кг «ленинского» золота в слитках и на 113 млн. 635 тыс. «романовок» и «думок».

Но на этих двух эшелонах отток «ленинского» золота (в металле и в «бумаге») в Германию прервался. Третий (срок отправления – 31 октября) «золотой эшелон», уже загруженный и готовый к отправке, не говоря уже о четвертом (30 ноября), и тем более пятый (31 декабря) так и не доехали до Орши.

11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу, недалеко от Парижа, были подписаны Акт о капитуляции Германии и военное перемирие с Антантой. Через два дня, 13 ноября, ВЦИК РСФСР денонсировал Брест-Литовский мир

от 3 марта и «дополнительные соглашения» от 27 августа 1918 г.

Однако 93 535 кг чистого золота и на 203 млн. 635 тыс. «бумажного» («романовки» и «думки») навсегда ушли из России, начав свою странную «жизнь», продолжающуюся и поныне. Понятное дело, что после 11 и 13 ноября ни о каких поставках товаров или размещении займа в Германии речь уже не шла. Но и отправленным «ленинским» золотом побежденной Германии воспользоваться не пришлось. В первом издании книги я писал, что «до сих пор до конца не ясно, каким путем победители забрали эти „золотые эшелоны“ у побежденных».

Но не случайно один из читателей моих публикаций в Женеве, Александр Самородов, писал о нашем патриотическом движении. Как-то в перерыве заседания Ассоциации историков Первой мировой войны, что при Институте всеобщей истории РАН, ко мне подошла скромная невысокая женщина – Светлана Сергеевна Попова, старейший архивист ЦХИДК (Центр хранения историко-документальных коллекций, бывший Особый архив: трофейные документы Особый архив (трофейные документы) с 1945 г. поступали архивы «третьих стран», захваченные нацистами в оккупированных странах и вывезенные затем в Германию. По решению Союзной контрольной комиссии эти «трофейные документы» были поделены между союзниками-победителями и СССР, в частности, достались архив французской контрразведки межвоенного периода, ордена и медали Наполеона I Бонапарта и многое другое. Именно в архиве контрразведки и оказалось франко-бельгийско-германское соглашение от 1 декабря 1918 г. о «ленинском» золоте). С.С. Попова давно

следила за моими публикациями и мягко указала на мою оплошность: дополнительный финансовый протокол от 27 августа 1918 г. изложен не только В. Новицким в 20-х гг. но и опубликован полностью в «Документах внешней политики СССР» еще в 1957 г.

И как бы мимоходом заметила: «А ведь я, просматривая фонд французских трофейных документов, обнаружила в нем протокол о передаче немцами 1 декабря 1918 г. „ленинского“ золота во Францию». Я едва не подпрыгнул – как обнаружила? Да французы 80 лет пишут, что никакого брест-литовского золота у них отродясь не было и никакого соглашения с немцами они не заключали!

Вскоре мы встретились вновь, и результатом нашей работы стала совместная публикация документов из ЦХИДК «А „ленинское“ золото все-таки во Франции!» в «Литературке» (28 января 1998 г.).

Наконец– то достоянием общественности стал текст итогового Протокола финансовой подкомиссии по перемирию и будущим репарациям, подписанный двумя французскими, двумя бельгийскими и тремя германскими представителями в гор. Спа (Бельгия) 1 декабря 1918 г. (ЦХИДК, ф. 198, оп. 17, д. 1122, л. 86. Типогр. экз. по-франц.).

Согласно его содержанию, капитулировавшая Германия якобы добровольно передавала Франции 93 т 542 кг «ленинского» золота ценой в 120 млн. зол. «царских» рублей, или 322 млн. золотых франков, которое в период с 5 по 11 декабря в одиннадцати четырехосных пульмановских вагонах под охраной французских войск через Саарбрюкен «будет перевезено в Париж и помещено в хранилище Французского банка,

который и будет обеспечивать его сохранность». Более того, протокол обязывал побежденную Германию сдать Антанте и все другое золото – русское, румынское и т.д. «которое могло быть захвачено или передано Германии согласно Брест-Литовскому и Бухарестскому договорам, дополнительным протоколам или по каким-либо другим основаниям». Причем этой безоговорочной конфискации в пользу Франции подлежало не только государственное, но и частное золото не только подданных бывшей Российской империи и Румынского королевства, но даже граждан Антанты, если только это частное золото оказалось на территории Германии.

Словом, еще не установив размеры репараций с Германии (что случится полгода спустя на Версальской мирной конференции 1919 г.), французы авансом подчистую подметали золотые немецкие кладовые, спеша вывезти все драгметаллы как «военные трофеи».

Столь откровенный грабеж побежденной Германии (помните слова «тигра Франции» Жоржа Клемансо: за все заплатят боши!) вызвал резкое противодействие моралиста и доктринера Вудро Вильсона, президента США. И тот настоял, чтобы по крайней мере судьба «ленинского» золота была отражена в итоговом Версальском мирном договоре, где в ст. 259, ч. 7 четко зафиксировано: данное золото «конфисковано» на временной основе.

Попытки французских властей, пользуясь тем, что ст. 259 не указывает, в каком банке конкретно находится «ленинское» золото, скрыть факт хранения золота в «Банк де Франс» (а обнаруженный С.С. Поповой финансовый протокол от 1 декабря 1918 г. опубликован лишь 80 лет спустя, да и то только в России) тем не

менее не удались. Французская и английская пресса еще в 20-х годах установила, что 9 апреля 1924 г. половина «ленинского» золота (47 т 265 кг) тайно была перевезена через Ла-Манш во все тот же «Банк оф Ингланд», где уже лежало с 1914-1917 гг. «царское казенное» золото.

Современные попытки французских властей убедить общественность, что золото это не «ленинское» (русское), а «кайзеровское» (немецкое), разбились об аргументацию парижской прессы со ссылкой на ту же ст. 259, но ч. 6: Версальский мир, как и постановление ВЦИК от 13 ноября 1918 г. аннулировал Брест-Литовский мир от 3 марта и дополнения к нему от 27 августа как обязательные для России и Германии международные соглашения. А если так, то Германия с 28 июня 1919 г. дня подписания в Версале Генерального мирного договора, завершавшего Первую мировую войну, обязана была вернуть в Советскую Россию два полученных ею в Берлине «трансферта». Почему не вернула – понятно. Золото-то лежало не в Берлине, а в Париже, «что ясно означает, – пишет французская журналистка Элен Атун, – что речь больше идет не о германском, а, безусловно, о русском золоте».

К перипетиям «ленинского», а также «царского золота» в связи с продолжающимися во Франции газетными публикациями – какую сумму по «русским займам» должна сегодня выплатить Россия – мы еще вернемся. Пока же обратим внимание читателя на странный феномен. Как и японская пресса о «золоте Колчака», так и французская с английской и немецкой как воды в рот набрали в почти 80-летней истории с «бумажным золотом». Куда же делись все эти

«романовки» и «думки», в 1916-1922 гг. оказавшиеся в Западной Европе, Японии и США?

Ведь и в страшном сне немцам, французам и японцам не могло присниться такое действо в Советской России, когда 14 октября 1919 г. «вождь мирового пролетариата» подписывает постановление Комиссии «малого» Совнаркома по использованию денежных бумажных ресурсов страны. В комиссию входят все тот же Я.С. Ганецкий, по совместительству и. о. комиссара-управляющего Госбанком РСФСР, Н.К. Беляков, член коллегии Наркомпути, и И.С. Тер-Габриэлян, член коллегии Главнефти. Задача: «...в срочном порядке уничтожить все аннулированные Совнаркомом процентные бумаги прежних правительств».

И с ноября 1919 г. в Нижнем Новгороде запылали печи – жгли кредитные билеты, облигации займов, акции, купоны царского казначейства, «романовки» и «думки». «Мешками с этими бумагами, – меланхолично пишет Андрей Ефимкин со ссылкой на госархив Горьковской области, – всю зиму отапливались две городские бани и здание губфинотдела. Прилегающая к нему часть Большой Покровки покрылась черными хлопьями бумажного пепла. Так в трубу котельной вылетел внутренний (только ли? – Авт.) долг царского и Временного правительств».

Чтобы мешками с «бумажным золотом» пять месяцев топить две городские бани и здание губфинотдела, надо было здорово потрудиться! В один банковский мешок вмещалось 2 млн. ценных бумаг. Судя по всему, сожгли раз в 100 больше, чем отправили кайзеру в сентябре 1918 г. А могли бы и выбросить через

Финляндию и Прибалтику на европейские биржи ценных бумаг, ведь царские «романовки» и «думки» были тогда еще в большой цене.

Не додумались, носились тогда с коммунистическим проектом декрета Михаила Ларина (Лурье), отца будущей жены Николая Бухарина Анны, об отмене денег в Советской России вообще. Ведь 19-й – самый «коммунистический» год эпохи «военного коммунизма»: декретировались запрет торговли, введение коммун, «социализация земли», 8-часовой день для работников сельского хозяйства, запрет держать на подворье домашних животных (даже кошек и собак) и т.п.

Тон задавал сам вождь: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира». Ему вторили теоретики рангом ниже. Председатель Коминтерна Г.Е. Зиновьев патетически восклицал в 1920 г.: «Мы идем навстречу тому, чтобы уничтожить всякие деньги».

Нет! На такое ни немцы, ни французы, ни японцы пойти не могли. Так куда же делись два «ленинских» и один «колчаковский» эшелоны с ценными бумагами общей стоимостью в 303 млн. 635 тыс. зол. руб.?

2. ПРИБАЛТИЙСКОЕ «ОКНО» БОЛЬШЕВИКОВ

История с утечкой золотого запаса России на Запад будет неполной, если не установить, сколько золота в

1918-1920 гг. из Советской России ушло через прибалтийское «окно».

Это тем более интересно, что проблема «долгов» России независимым Балтийским республикам в 1991-1992 гг. и позднее родилась как бы заново, причем в наше время – в экстремальном националистическом варианте – как требование компенсации за «оккупацию» Эстляндии, Курляндии и Лифляндии чуть ли не со времен Петра I.

История отношений Советской России с лимитрофами, к которым в межвоенный период в НКВД СССР относили Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу (все – «осколки» бывшей Российской империи) и долго, целых 20 лет, третировали как страны «ближнего» зарубежья (вот откуда пришло сегодня знаменитое козыревское деление на «ближнее» и «дальнее» зарубежье!), все еще объективно так и не написана. Между тем в самые тяжелые для большевиков годы военной, финансовой и экономической блокады, иностранной интервенции и Гражданской войны Финляндия и Прибалтика (особенно Эстония и ее порт Ревель/Таллин) сыграли исключительную роль «отдушины», через которую Москва могла покупать на Западе товары – от продовольствия до оружия, а с марта 1919 г. еще и помогать валютой братским секциям Коминтерна.

Сразу после подписания Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г. в балтийских столицах Ревеле, Риге и Вильно (Вильнюсе), все еще оккупированных германскими войсками, объявляются большевистские торговые эмиссары: наркомфин, затем полпред в Эстонии И.Э. Гуковский, наркомвнешторг Л.Б. Красин, все те же

неутомимые Ганецкий с Козловским. И не с пустыми руками – сумками везут золото и бриллианты и пока ищут (и находят) контрабандные пути проникновения на Запад, прежде всего в Швецию. Помогают старые довоенные и военные связи в Дании, Норвегии, Германии, Польше.

В качестве политического прикрытия используются большевистские декреты об отказе от «проклятого прошлого»: от 29 ноября 1917 г. о возврате художественно-исторических реликвий украинскому народу, от 25 января 1918 г. – польскому и т.д. На практике речь шла о возврате эвакуированных в связи с угрозой германского вторжения в 1914-1916 гг. из «русской» Польши, Белоруссии, Литвы, Латвии в глубь России (преимущественно, как и золото, в Поволжье) художественных ценностей. Например, пяти тысяч колоколов, снятых с польских костелов и отправленных в Саратов, или «драгметаллов» (скажем, 500 ящиков из частных банков Риги, привезенных в Нижний Новгород).

«Золотой поток» от большевиков особенно возрос с января 1920 г. когда Верховный совет Антанты, опираясь на Версальский мирный договор, официально отменил финансово-экономическую блокаду Советской России. И вскоре, 16 и 20 марта 1920 г. большевистский Совнарком принимает постановление – максимально использовать балтийское «окно» для импорта промышленных изделий (знаменитая сделка со Швецией 15 мая 1920 г. о ввозе одной тысячи паровозов и запчастей к ним, на что из «нижегородского кармана» было выделено 300 млн. «золотом в виде слитков и золотой монеты») и продовольствия, главным образом через Ревельский морской порт.

И «желтый дьявол» снова потек на Запад. Только в марте-апреле 1920 г. из Нижнего Новгорода в Ревель и в Вильно было отправлено восемь «золотых посылок» из 2200 ящиков с золотой монетой и 665 слитками чистого золота.

При этом большевики даже не стали предлагать шведам часть тех знаменитых паровозов оплатить из золота на сумму в 4 млн. 850 зол. руб. (или 2,5 млн. долл. США, или 13 млн. зол. франц. фр.), что в день штурма большевиками Зимнего дворца прибыло в Стокгольм из Петрограда на основе секретной (Швеция считалась нейтральной в Первой мировой войне) конвенции Временного правительства о поставках оружия (снарядов, патронов, броневикумов и т.д.), но так никогда больше и не вернулось в Россию и по сию пору лежит в подвалах шведского Риксбанка.

Безусловно, в 1920 г. балтийское «окно» стало главным для ввоза в Советскую Россию продовольственных и промышленных товаров. К концу того года через эстонскую, литовскую и финскую границы удалось провезти товаров на 105 млн. зол. руб.

«Окно» обходилось большевикам дорого: во всех дипломатических договорах с лимитрофами о «замирении» (Эстонией, Литвой, Латвией, Финляндией и Польшей Мирные договоры 1920 г. с Эстонией (2 февраля), Литвой (12 июля), Латвией (11 августа), Финляндией (14 октября) и Польшей 1921 г. (18 марта). Подробнее см.: Сироткин В.Г. Рижский мир // Международная жизнь. – 1988. – № 8) в 1920-1921 гг. фигурировали обязательства РСФСР поделиться частью золотого запаса бывшей Российской империи. В итоге из «нижегородского кармана» уплыло в Ревель 15 млн. зол.

руб. в Вильнюс – 3 млн. в Варшаву – целых 30 млн. (правда, половину внесла Украина); всего же лимитрофам большевикам пришлось уплатить 48 млн. золотом.

И тем не менее остатки золотого запаса (включая и возвращенное в Казань «золото Колчака») гнали и гнали эшелонами в Ревель и Вильно, только из одного «нижегородского кармана», и только в 1920 г. его «добыли» 148 т, а всего – на 274 млн. зол. руб.

В Нижний едут и едут комиссия за комиссией, и комиссары вскрывают подряд все «места» (ящики, сумки, баулы, коробки и т.п.) «на предмет извлечения из них золота в монете, слитках и изделиях» (из инструкции «поисковикам» Наркомфина и Гохрана РСФСР, январь 1921 г.). Похоже, к началу 1921 г. «нижегородский Клондайк» оскудел.

10 февраля 1921 г. из Нижнего в Москву отправляется очередной «золотой эшелон». Но везут уже не чистое золото в слитках или «рыжиках», а семь мешков с Георгиевскими крестами (золотыми, бронзовыми и солдатскими медными), шкатулку с конфискованными у некоей мадам М. Бубновой фамильными драгоценностями, 192 ящика залоговых ценностей петроградского ломбарда. Не брезгают и иностранной золотой и серебряной разменной монетой (200 ящиков персидских кранов).

4 июля 1921 г. забирают серебро (153 ящика) и более 1000 пудов чистой электролитической меди (уже тогда Эстония нуждалась в этом цветном металле). 5 марта 1922 г. грузят в вагоны остатки серебра (375 ящиков 10– и 20-копеечных серебряных монет) и еще 363 ящика разной «мелочовки»: столовое серебро на 200

кувертов с бывшей царской яхты на Волге, золотой кубок с крейсера «Рюрик», чарки и подносы из серебра, конфискованные в «домике Петра» в Петергофе, и т.п. 8 июля и 9 августа 1922 г. «нижегородский карман» очищают окончательно – вывозят ордена, медали, церковную утварь, не щадят и нижегородский художественный музей.

И тем не менее 17 сентября В.И. Ленин пишет записку замнаркому финансов М.К. Владимирову историю ВКП(б) Мирон Владимиров («товарищ Лёва») вошел как первый большевик, прах которого в 1925 г. был захоронен в Кремлевской стене. Вторым стал Л.Б. Красин (1926 г.) (Аргументы и факты. – 1997. – № 3): «Будьте любезны сообщить: 1) сколько у нас осталось золота?. 2) сколько других ценностей?». Ничего не осталось, дорогой Владимир Ильич, по крайней мере в Нижнем Новгороде – 9 августа 1922 г. вывезли последние ценности.

Почистили и все остальные «золотые кладовые» – в Казани и в Перми. И это несмотря на то, что в этих трех «кладовых» на май 1920 г. находилось помимо отбитых в Иркутске остатков «клада Колчака» еще 2 т 739 кг золота (успели вывезти из Омска до мятежа белочехов), на 408 млн. «рыжиков», припрятанных рабочими Нижнеудинска, и 32 т 800 кг золота в Иркутске, которое пришло ранее с сибирских приисков и не было обнаружено ни чехами, ни союзниками, ни Политцентром.

Куда же все это несметное богатство ушло? За границу через Ревель, главным образом в Швецию и Англию (с ней 16 марта 1921 г. заключили торговое соглашение, предусматривавшее свободную продажу русского золота на британской бирже «драгметаллов»). До этого соглашения большевики продавали золото в

Лондоне по цене на 15-20% ниже мировой (кстати, аналогичным образом поступали в 1919 г. представители Колчака во Владивостоке), а после заключения англо-советского торгового договора 16 марта – лишь на 6%.

По подсчетам В. Новицкого, только через эстонскую границу большевики вывезли золота на продажу на гигантскую сумму в 451 млн. зол. руб. (1 млрд. 202 млн. 660 тыс. зол. фр.), да через другие границы (в Иран и Турцию) еще на 74 млн. (192 млн. зол. фр.).

По мнению этого информированного царского финансиста, к концу 1921 г. большевики уже утратили 2/3 имевшегося у них золотого запаса при резком снижении добычи золота (в 1921 г. было добыто всего 2,5 т) и к моменту введения нэпа остались с пустой казной.

Иными словами, большевики, еще не победив в мировом масштабе, уже «озолотили» кладовые банков нескольких самых больших городов мира – Лондона, Стокгольма, Нью-Йорка, Парижа. И в этом деле насыщения послевоенного рынка золотом на Западе им активно помогли их непримиримые политические противники – белые монархисты и розовые учредилоры.

3. «ЗОЛОТО КОМИНТЕРНА»

Среди этих 451 млн. зол. руб. вывезенных в виде золота, бриллиантов, церковной утвари и т.д. через

прибалтийское «окно» в 1919-1922 гг. существенную часть составляло «золото Коминтерна».

В период суда над КПСС в Москве появилась целая серия разоблачительных публикаций о «золоте Коминтерна» как составной части «золота партии». Такого рода публикации могут стать сенсацией лишь для тех, кто начисто забыл подлинную историю создания СССР. И поэтому необходимо хотя бы вкратце осветить «коминтерновскую концепцию» строительства СССР и его внешней политики в 1919-1929 гг. в реализации которой огромную роль играло «золото Коминтерна».

В первой Конституции СССР 1924 г. провозглашалось, что «Отечество мирового пролетариата» – это лишь первый шаг по созданию Пролетарских Соединенных Штатов Мира, ибо образование СССР «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (из преамбулы-декларации к Конституции 1924 г.). Ни в одном календаре с 1918 по 1936 г. (год принятия «сталинской конституции») не было даже праздника Великой Октябрьской социалистической революции, вместо нее значилось: «7-8 ноября – дни начала Всемирной пролетарской революции».

Кажущийся сегодня абстрактным спор большевиков между собой в 20-х годах о возможности «победы

социализма в одной отдельно взятой стране» (в котором победили Сталин и его партийная «пехота») на деле означал гигантскую коллизию доктрины и реальной жизни.

Ленин в 1917-1920 гг. много раз говорил, что октябрьский переворот – это не национальная революция, а начало процесса мировой пролетарской революции. Выступая на I Учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. он утверждал: «...мы скоро увидим рождение Международной Советской Республики».

Как бы Сталин потом в интересах борьбы за власть в партии и государстве ни подгонял в «Кратком курсе ВКП(б)» марксистскую доктрину под свой национал-большевизм, на IV Всемирном конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.) он голосовал за следующую резолюцию: «IV Всемирный конгресс напоминает пролетариям всех стран, что пролетарская революция никогда не сумеет восторжествовать в пределах одной только страны, что она может восторжествовать только в международном масштабе, вылившись в мировую революцию».

В теоретическом плане это был грандиозный утопический проект передела всего мира, замены принципа «нация» (Лига Наций, июнь 1919 г.) на принцип «класс» (Коминтерн, март 1919 г.). И не случайно в газетах Запада тех времен была модной карикатура: на земной шар накинута две петли: за одну тянет президент США Вудро Вильсон («отец» Лиги Наций), за другую – Владимир Ленин («отец» Коминтерна).

У Ленина архимедовым рычагом был класс пролетариев и Коминтерн, у Вильсона – нация и Лига Наций. Любопытное совпадение: и Коминтерн, и Лига Наций были созданы в один год, 1919-й, и оба утописта – Ленин и Вильсон – по фатальному стечению обстоятельств тоже умерли в один год (1924-й).

Вильсон предложил классический вариант американской и французской революций XVIII в.: чтобы ослабить негативные классовые последствия мировой войны, надо снова сплотить буржуазию и рабочих в одну нацию. А для этого создать в Европе и Азии по возможности моно-, в крайнем случае бинациональные (как Чехословакия) небольшие государства по типу Латинской Америки при арбитражной роли Лиги Наций, где бы всем заправляли державы-победительницы (США, Франция, Англия).

Нетрудно заметить, что аналогичная схема (только не три, а пять «великих держав» – постоянных членов Совета Безопасности с правом вето) легла и в основу структуры ООН. Однако Лига Наций оказалась гораздо слабее ООН. Во-первых, она не имела Совета Безопасности как эффективного инструмента принятия решений и очень скоро превратилась в простую говорильню, с которой никто не считался, даже ее учредители. Во-вторых, с самого начала из нее выпали США, ибо американский сенат не ратифицировал Версальский договор и устав Лиги Наций как его составную часть. Это был смертельный удар по престижу Вильсона-политика, несмотря на то что за Лигу Наций ему была присуждена Нобелевская премия мира. Вопреки сопротивлению руководства собственной партии, Вильсон (здесь он был так же упрям, как и его антипод Ленин) ринулся в 1920 г. как «независимый кандидат» на

третий президентский срок (тогда это еще не запрещалось), но надорвался, тяжело заболел и досрочно сошел с дистанции. Выздоровев, Вильсон резко ушел из политики, оставив по себе память в родном Принстонском университете в виде «Вудро Вильсон скул» – политологической аспирантуры при университете, построенной на его личные пожертвования (в 1991 г. мне довелось вести занятия с тамошними аспирантами, а также поработать в личном архиве «отца» Лиги Наций).

В итоге в Лиге Наций стали соперничать Франция и Англия. Большевики до 1934 г. принципиально Лигу не признавали, называя ее не иначе как «Лига убийц», противопоставляя Коминтерн и его дочерние организации (КИМ, Крестинтерн, Спортинтерн, МОПР, Межрабпом и др.) этому «сборищу империалистов».

Когда они в 1934 г. все же вошли в Лигу, большого эффекта это не дало, так как в том же году из Лиги демонстративно вышли Германия и Япония, а в 1939 г. СССР вообще исключили из Лиги как агрессора за войну с Финляндией.

Самый же главный недостаток утопии Вильсона в его эксперименте с нациями коренился в другом: США настояли на развале двух многонациональных империй – Австро-Венгерской и Османской – и санкционировали отделение от третьей, Российской, ее западных окраин: Финляндии, Балтийских республик, Польши (со времен Венского конгресса 1815 г. и до 1917 г. 2/3 польских территорий вместе с Варшавой входили в состав Российской империи). Однако никакой эффективной экономической и политической помощи, как это делали США в Латинской Америке после провозглашения в 1823

г. «доктрины Монро», они, не признав Версальскую систему, не оказали.

Не удалось до конца провести в жизнь и принцип монациональных государств (типичный «анти-Вильсон» – конгломерат наций – Королевство сербов, хорватов и словенцев, будущая СФРЮ), а также извлечь «мины» замедленного действия – решить территориальные споры (Венгрии и Румынии – из-за Трансильвании, Польши и Литвы – из-за Вильно, Югославии и Болгарии – из-за Македонии и т.д.). Франция и Англия, ослабленные после Первой мировой войны и занятые внутренними проблемами, в лучшем случае шли лишь на создание антибольшевистских военных союзов типа Малой Антанты.

В итоге предоставленные сами себе малые восточно– и южноевропейские государства, разорвав традиционные экономические связи в рамках бывших империй, попали в полосу жесточайшего экономического и социального кризиса (ситуация, во многом повторяющаяся сегодня в Прибалтике, на Украине, в Молдове, в государствах Закавказья). Единственным фактором, который мог сохранить их государственность, стал авторитарный национализм, быстро принимавший форму фашизма. Достаточно проследить хронологию установления национал-авторитарных режимов в этих странах: 1919 г. – Венгрия, 1923 г. – Болгария, 1926 г. – Польша и Литва, 1929 г. – Югославия. В 30-х годах наступила очередь Финляндии и остальных Прибалтийских государств.

Таким образом, задолго до прихода Гитлера к власти в Германии национал-фашизм уже победно шествовал по Восточной и Южной Европе.

Одиноким островком классической буржуазной демократии здесь оставалась только Чехословакия.

Экономический кризис 1929-1933 гг. и заложенные в нем социальные угрозы усугубляют политическую ситуацию.

Общим для всех стран становится усиление роли государства в социальных вопросах. В США президент Франклин Делано Рузвельт начинает «новый курс». Он формирует его как глобальную концепцию «сочетания интересов». «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, – пояснял он в 1932 г. – а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства». Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества. «Отвлечься от этого означало бы шараханье от одной группы к другой, предлагая временные и, как правило, неэффективные меры... Каждой социальной группе надлежит осознать себя частью целого, звеном общего плана».

В другой форме аналогичный курс проводит правительство Народного фронта во Франции (в социальной сфере – введение оплачиваемых отпусков и организация коллективного отдыха по «соцстраховским путевкам»; в экономической сфере – национализация железных дорог, тяжелой и горнодобывающей промышленности, энергообразующих отраслей – «Электричество Франции», «Газ Франции» и т.д.).

Но «новый курс» начинается с 1933 г. и Гитлер: в Германии усиливается роль госаппарата, создаются «народные предприятия», на частные назначаются «хозяйственные комиссары», ликвидируется массовая безработица – бич Веймарской республики.

Сталинский «год великого перелома» (29-й) – это тоже «новый курс», который, как и в США, Франции и Германии, усиливает роль государства в экономике, но одновременно устраняет все элементы рынка (нэп).

Особенностью сталинского «нового курса» в 1929-1933 гг. является его «коминтерновское» идеологическое прикрытие – в сверхиндустриализацию и коллективизацию идут под лозунгами защиты «осажденной крепости» – СССР. Внешне сохраняются все атрибуты мировой революции: до 1943 г. официальным гимном СССР все еще является «Интернационал», первая программа радио носит название «имени Коминтерна», серп и молот по-прежнему осеняют флаг державы, а надписи на гербе СССР даются на европейских языках – немецком, английском, французском и т.д. (с 1936 г. их заменяют на языки союзных республик, входящих в СССР).

Именно поэтому печатный орган ЦК ВКП(б) в редакционной статье по случаю нового, 1941 г. продолжал публиковать такие сентенции: "...велика наша Родина, товарищи: самому земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная страна вступила в новый год своих побед. Будет время, когда ему понадобится для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый новый год – это ступень к коммунизму, к братству народов земного шара.

И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком

новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год?."

А комсомольский поэт Павел Коган, погибший в первые годы Великой Отечественной войны, поэтически озвучил эту партийную установку передовицы в «Правде»:

Но мы еще дойдем до Ганга, Но еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии Сияла Родина моя.

«Мировой» СССР все еще цепко держит души советских людей, уверенных, что Запад загнивает, а в случае войны «малой кровью на чужой территории» Красную армию поддержит восстание мирового пролетариата.

Для анализа проблемы «золото Коминтерна» исключительное значение имеет сборник документов «Коминтерн и идея мировой революции» под редакцией Я.С. Драбкина, вышедший в конце 1998 г. в издательстве «Наука», правда, мизерным тиражом всего в семьсот экземпляров. За минувшие без малого 80 лет, с 1929 г. это первое фундаментальное издание на русском языке о «коминтерновской линии» во внешней политике СССР 20-30-х годов.

Начиная с 5 января 1919 г. еще до создания Коминтерна, когда вождь Советской республики в Венгрии Бела Кун требовал у В.И. Ленина срочно выслать

в Будапешт денег на мировую революцию, поток банкнот и драгоценностей на разжигание «мирового пожара» в 20-х годах не иссякал.

Так, только в апреле-августе 1919 г. по статье «секретные суммы» ИККИ отправил в Англию, Францию, Германию, Италию, США и другие страны «братскую помощь» на 3 млн. 223 тыс. зол. руб. бриллиантами и деньгами на 200 тыс. Переправляли бриллианты нелегально – зашивали в специальные подошвы башмаков, для чего через Елену Стасову ИККИ добывал специальную кожу («кожа нам нужна для подметок, в которые мы будем заделывать ценности, главным образом бриллианты»).

Чаще всего в таких «башмаках Коминтерна» в качестве курьеров за границу отправляли женщин-большевичек, имевших опыт политической эмиграции (например, Галину Крулину, которая за один раз нелегально перевезла в Германию бриллиантов на сумму до 15 млн. зол. руб.!).

Внутри СССР доктрина мировой революции, несмотря на все гигантские идеологические усилия (революционные празднества, Пролеткульт, демонстративный разрыв с прошлым: «Термин „русская история“ есть термин контрреволюционный», – писал М.Н. Покровский), не привилась.

Совсем иное дело – внешняя политика и «деньги Коминтерна». Здесь с самого начала «временной, частичной стабилизации капитализма» (с 1921 г.) возник дуализм в политике, отразившийся в работе трех «контор» – НКВД, Коминтерна и ОГПУ.

Со времен XX съезда КПСС в нашей историко-дипломатической литературе сложился

устойчивый стереотип: с октября 1917 года СССР только и делал, что боролся за мирное сосуществование с «капиталистическим окружением». При этом изучалась исключительно деятельность НКВД (МИД), а Коминтерн и ОГПУ оставались в тени.

«Прорыв империалистического фронта» (Генуэзская конференция 1922 г.), «Полоса дипломатического признания СССР» (с 1924 г.), «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе» (30-е годы) – на эти темы написаны тысячи книг и защищены сотни диссертаций. Причем первой «моделью» мирного сосуществования изображался нэп.

А теперь при помощи краткой таблицы посмотрим, как обстояло дело фактически:

18 марта 1921 г. – Рижский мир с Польшей, Скандал с Л.Б. Каменевым в Англии (выслан за попытку передать бриллианты из Гохрана лейбористским депутатам), Декретом Совнаркома ЧК преобразуется в ГПУ (с 1924 г. – ОГПУ)

16 марта 1921 г. – Московский договор о дружбе и братстве с Турцией, По секретному приложению к этому договору туркам выделено 10 млн. зол. руб. (из денег нэпа) на закупки оружия, Подавление Кронштадтского восстания и антоновского мятежа на Тамбовщине

1921 г. – НКВД инициирует декрет Совнаркома о свободе выезда за границу (400 зол. руб. госпошлина), Создается секретная лаборатория Коминтерна по изготовлению фальшивых загранпаспортов, документов и т.д. (просуществовала до августа 1991 г.), ОГПУ

«дополняет» «Положение о въезде и выезде» (1925 г.) секретным приложением о нежелательных лицах (фактический запрет на выезд)

1922 г. – Дипломатическое признание Советской России Италией Муссолини и Веймарской республикой в Германии, Встреча «трех интернационалов» в Берлине. Ленин срывает компромисс коммунистов и социал-демократов, Процесс над эсерами в Москве. II Интернационал присылает защитников. Их избивают и выгоняют. ОГПУ без суда высылает около 200 чел. беспартийных интеллигентов,, (Н. Бердяев, П. Сорокин, М. Осоргин и др.) и «левых» меньшевиков (Ф. Дан, Н. Николаевский и др.) за границу

1923 г. – НКВД начинает переговоры о крупном торгово-экономическом договоре с Германией «Весной 1924 г. переговоры прекращаются (налет немецкой полиции 3 мая на советское торгпредство в Берлине, обыск, арест сотрудников – ищут „агентов Коминтерна“). Конфликт урегулируется лишь в июле (совместный берлинский протокол от 29 июля 1924 г.).» (подписан 12 октября 1925 г. в Москве), Коминтерн посылает в Германию «красные бригады». Задача – к 9 ноября (пятая годовщина Ноябрьской революции) поднять мировую революцию. Аналогичная акция в Болгарии. В обеих странах – полный провал, Бывший агент ОГПУ и Коминтерна Н. Мирский публикует разоблачения «За кулисами ЧК. Из архивов советской миссии Красного Креста в Болгарии» (София, 1923)

1924 г. – Дипломатическое (де-юре) признание СССР Англией (февраль) и Францией (октябрь), 1 декабря «красные бригады» атакуют здания правительства, центры связи и казармы в Таллине, затем

намерены «пригласить» стоящие у границы части РККА и установить советскую власть в Эстонии. Полный провал авантюры в течение нескольких часов (эстонские рабочие не поддержали путчистов), Создаются первые ОСО – «Особые совещания» («тройки»). Судят за шпионаж, контрабанду, валютные операции. Пока – с обязательным участием прокурора

24 апреля 1926 г. – Германо-советский договор о ненападении и нейтралитете (подписан в Берлине) «Подробнее о двойном значении этого договора см. ниже, гл. 6.»

Май– июль 1926 г. -Попытка использовать забастовку шахтеров для начала мировой революции в Англии. Деньги Коминтерна и «письмо» Г.Е. Зиновьева, председателя ИККИ, Расширение сети политизоляторов для политических противников («перевоспитание» эсеров, меньшевиков и т.д.)

1927 г. – Разрыв дипотношений с Англией (май). Восстановлены лишь в 1929 г. (июль), Декабрь 1927 г. – Попытка поднять мировую революцию в Китае (Шанхайское восстание). Разрыв Коминтерна с Гоминьданом. Столкновения на КВЖД, бои на советско-китайской границе. Разрыв дипотношений (июль 1929 г.), Продовольственная паника в СССР (население готовится к войне). Нэпманы переводят золотые рубли за границу. ОГПУ ловит «валютчиков», «спекулянтов», «паникеров». Массовые высылки в ГУЛАГ поборников мировой революции – троцкистов.

Сравнивая эту таблицу с впервые публикуемыми под редакцией Я.С. Драбкина документами Коминтерна, еще раз убеждаешься в надуманности перестроенной легенды о «двух» (военного коммунизма и нэпа) и даже «трех» (Юрий Буртин) Лениных. Ленин всегда был и умер одним Лениным – доктринером мировой пролетарской революции. И на эту революцию – мечту всей его жизни – никаких денег из «проклятого царского прошлого» ему было не жалко.

Именно Ленин в июле 1920 г. в период заседания II Всемирного конгресса Коминтерна, убедил колеблющихся членов ЦК РКП(б) продолжить наступление РККА, «бойцов Коммунистического интернационала, героев общей борьбы всего человечества» (из обращения IV «нэповского» конгресса Коминтерна в ноябре 1922 г. «К Красной армии и флоту РСФСР») на Варшаву и далее на Берлин. И именно он прямо с конгресса 23 июля 1920 г. направил члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта И.В. Сталину такую телеграмму:

«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии (?! – Авт.). Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно».

Ведь не случайно на сцене Большого театра во время II конгресса Коминтерна висела огромная электрифицированная «Карта Мировой Революции», и

Ленин с председателем Исполкома Коминтерна Зиновьевым поочередно включали ее перед заседаниями: лампочки вспыхивали в Берлине, Риме, Вене и т.д.

А что такое ленинская «советизация» Европы, разъяснил «любимец партии», автор «Программы мировой революции» Н.И. Бухарин на II, IV и VI конгрессах Коминтерна в 1920-1928 гг. «Мы живем на переломе, на грани между пролетарской обороной и пролетарским нападением на капиталистические твердыни, – писал он в журнале „Коммунистический Интернационал“ в 1920 г. – Революция может победить только как революция мировая. Поэтому всякая возможность ускорить крах капитализма в других странах есть революционная необходимость».

Даже в ноябре 1922 г. когда РКП(б) и Коминтерн официально провозгласили нэп (или «мирное сожитительство» с капиталистическим окружением), на IV конгрессе Коминтерна в Москве Бухарин требовал включить в одну из резолюций пункт: «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, поскольку распространение Красной армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции».

Да что там «Коля Балаболкин»! Сам Ильич, оказывается, целиком разделял эти химеры о мировой революции (разве что после поражения РККА под Варшавой постоянно напоминал: «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать»).

Уже войска Пилсудского, разгромив Красную армию под Варшавой, стоят в Минске, уже идут тяжелые переговоры о военном перемирии и будущем мире,

заключенном в Риге 18 марта 1921 г. (Советская Россия отдаст Польше всю Западную Белоруссию и Западную Украину с общим населением более 15 млн. чел. выплатит Польше большую контрибуцию, отдаст перемещенные культурные ценности и т.д.), а Ленин на IX партконференции в Москве заявляет 22 сентября 1920 г. делегатам: «Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной (чем? РККА разбита, часть ее в плену, часть погибла. – Авт.). Мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца».

Но умный противник большевиков конституционный монархист Виталий Шульгин примерно в то же время в своих воспоминаниях «1920 год» очень точно замечает: нет, Ленин с Троцким никогда не станут национальными лидерами России: «на этих господах висят несбрасываемые гири, их багаж, их вериги – социализм, они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца, и он их раздавит».

Однако справедливости ради надо сказать, что не все большевики из ленинской гвардии были фанатиками-доктринерами, имелось среди них и немало прагматиков. К последним, как мы увидим ниже, еще с 1918 г. принадлежал Леонид Красин, весьма скептически относившийся к доктрине мировой революции и называвший ее «универсальным запором». Став наркомвнешторга, Красин будет всячески противиться выбрасыванию казенных денег на мировую революцию, не стесняясь на пленумах партии делать такие публичные заявления: «Источником всех бед и

неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но не способных жить для нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность. Бесполезно и безнадежно пытаться убеждать 10 процентов фанатиков в необходимости этой новой экономической политики, поэтому я обращаюсь к остальным 90 процентам и честно предупреждаю: если вы не хотите, чтобы массы русского народа поступили с вами так же, как с царской челядью, отбросьте беспочвенные мечтания (о мировой революции. – Авт.) и повернитесь лицом к экономическим законам. Как указывает Маркс, доктрина не является началом и концом всего на свете».

Сокрушительный удар, который нанесла советско-польская война 1920 г. по доктрине экспорта мировой революции на штыках «армии Коминтерна» на Запад, вынужденное введение нэпа и поиски дипломатического компромисса с Антантой (Генуэзско-Гаагская мирная конференция 1922 г.) обострили борьбу прагматиков с доктринерами, что проявилось уже с 1921 г. во все углублявшемся ведомственном конфликте аппаратов НКВД и Коминтерна и их представителей за границей.

Так, 14 июня 1921 г. наркоминдел Г.В. Чичерин пишет возмущенное письмо секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову: советские профбоссы открыто ведут переписку с торгпредом Л.Б. Красиным в Лондоне о передаче через него 200 тыс. зол. руб. бастующим английским углекопам. По мнению Чичерина, осуществляя открыто такие акции, «мы рискуем немедленным разрывом с

Англией» и можем получить одностороннюю денонсацию торгового соглашения от 16 марта 1921 г. с таким трудом заключенного тем же Красиным. Чичерин настаивал на «тщательном уничтожении всех до одной копий упомянутой мною официальной бумаги (письма генерального секретаря Профинтерна С.А. Лозовского Красину. – Авт.) по поводу передачи английским шахтерам через Красина двухсот тысяч рублей золотом». Ленин пишет на этой бумаге: «Т. Молотову. Я за. Затребовать от Лозовского бумаги, что гарантирует, что все уничтожил».

И двух месяцев не прошло, как руководители ИККИ Г.Е. Зиновьев и К.Б. Радек шлют «телегу» в Политбюро на НКВД: его полпреды за границей вмешиваются в дела Коминтерна, ведут сепаратные переговоры за спиной коминтерновских агентов с коммунистическими лидерами в Германии и Чехословакии, Чичерин лично вмешивается в коминтерновские дела Туркестанского бюро (Сафаров, Рудзутак), а Литвинов блокирует посылку денег на мировую революцию через «прибалтийское окно» (Ревель). Конфликт Коминтерна с НКВД настолько обостряется, что Зиновьев и Радек грозят уйти в отставку с постов руководителей ИККИ.

Мудрый Ильич и здесь соглашается: нехорошо, батеньки, надо жить дружно. В итоге на коминтерновской «телеге» появляется следующая резолюция вождя мирового пролетариата: «По-моему, поручить Зиновьеву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент „закрытым“. 17.VIII. Ленин». Но «закрыть» подковерную борьбу НКВД и Коминтерна не удастся ни Ленину, ни Политбюро. И только Сталин, превратив заграничную структуру ИККИ в агентуру своих спецслужб, официально объявит в

интервью американскому журналисту Рою Говарду, опубликованном 5 марта 1936 г. в «Правде», что с «коминтерновской» линией во внешней политике СССР отныне покончено раз и навсегда.

Но пока, в 20-х годах, Политбюро и ЦК РКП(б), а также ИККИ были завалены предложениями типа «Тезисов Политбюро о взаимоотношениях между органами НКВД и Коминтерна», проектами решений Политбюро «О взаимоотношениях между аппаратом Коминтерна и НКВД», письмами все того же Лозовского на тему «О взаимоотношениях Советского Правительства и Коминтерна» и т.д.

Только в 1921 г. Политбюро с участием Ленина трижды обсуждало вопрос о взаимоотношениях НКВД и Коминтерна, принимая (14 мая 1921 г.) такие решения: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным должностным лицам Советских Представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим».

Но все было тщетно: факты асинхронных действий Коминтерна, НКВД и ОГПУ свидетельствуют, что, несмотря на однопартийный характер внешней политики СССР, она оставалась «многоподъездной».

В июне 1921 г. Чичерин бил тревогу относительно откровенного подкупа боссов английских шахтеров, дабы они продолжили стачку и приблизили Британию к мировой революции. Но в мае 1926 г. Политбюро, Профинтерн и ИККИ не менее вызывающе организовали гигантскую пропагандистскую кампанию в СССР в поддержку «английских углекопов» и послали им в десять раз больше денег, чем в 1921 г. что в конечном

итоге весной 1927 г. вызвало разрыв англо-советских дипломатических отношений.

В том же 1926 г. в ноябре-декабре, на расширенном Пленуме ИККИ (так называемом «малом» конгрессе Коминтерна) состоялась острая дискуссия о стратегии Коминтерна в условиях отлива революционного движения в мире, где вновь стал вопрос о взаимоотношениях Наркоминдела и Коминтерна. Найти консенсус между доктриной мировой революции и национальной внешней политикой участники дискуссии не сумели – увязли в спорах о соотношении мировой революции и социализма в одной стране, и конфликт Коминтерна и НКИД продолжался.

НКИД заботился о мирном сосуществовании, а Коминтерн продолжал подрывать «тылы империализма» изнутри, по-прежнему посылая братским секциям ИККИ не только деньги, но и террористические группы. Это хорошо показано в разделе «Военно-конспиративная деятельность коммунистов» в 1923-1928 гг. в сборнике документов «Коминтерн и идея мировой революции» (док. 110-141).

Впрочем, Чичерин все же не был столь твердым государственным деятелем, как Красин. О «коминтерновской» слабине наркоминдела свидетельствует его выступление на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. в котором Чичерин договорился до того, что объявил все полпредства СССР за границей «крышей» для агентов Коминтерна. Столь резкое расхождение наркома иностранных дел с официальной программой большевиков, нацеленной на «мирное сожительство» с капиталистическим окружением, побудило даже доктринеров мировой революции не включать речь Чичерина в

стенографический отчет съезда, и она увидела свет лишь 66 лет спустя, в 1991 г. в журнале «Кентавр». Впрочем, это только для нас, бывших советских людей, откровения Чичерина на партийном съезде были тайной. На Западе благодаря русской эмигрантской печати они ни для кого секрета не представляли. П.Н. Милюков в 1927 г. в эмиграции обнародовал в своей книге «Россия на переломе» еще более раннюю (1921 г.) директиву наркоминдела советским полпредам за границей: «Для нас лучше остаться на время в тени. Официальное признание наших представителей, развитие торговых отношений, постепенное распространение пропаганды и усиление нашего влияния на пролетарские массы: таковы задачи нашей деятельности».

Но от своих «наркоминделовцев» начальство не скрывало, что на Западе мало верят в мирные намерения большевиков. В выходившем для служебного пользования «Бюллетене НКВД», в обзорах иностранной печати в 20-х годах можно было прочитать такие откровения (из «Курьера Польского» от 4 октября 1921 г.): «За границей должны надлежащим образом оценить тот большой труд, с которым Польша старается сохранить и укрепить мирные отношения с большевистской Россией. Мир с государством, не признающим никаких норм цивилизованного мира, ненавидящим политическое устройство всей остальной Европы и желающим видеть ее объятай пожаром и бунтом».

Понятное дело, что, несмотря на все ухищрения Коминтерна по конспирации экспорта революции (листовками, бриллиантами, террористическими группами и т.д.) и запреты Политбюро («возку нелегальной литературы дипломатическим курьерам

запретить» – Протокол № 21, пункт 8 заседания Политбюро 4 мая 1921 г.),

Запад не верил в дипломатическую лояльность большевиков и их декларации о «мирном сожительстве».

Так, в Веймарской республике министр внутренних дел писал в германский МИД по поводу советско-германского соглашения от 18 февраля 1921 г. о дипломатической почте: его МВД категорически против этого соглашения, поскольку в советских дипломатических вализах «будет лежать не что иное, как материал для агитации за мировую революцию, так как у России не найдется ничего другого на экспорт».

Еще более скептически к внешней политике СССР были настроены американцы, не признававшие большевиков до 1933 г. Мотивируя отказ от дипломатического признания, государственный секретарь Чарльз Юз еще 18 декабря 1923 г. сделал в сенате следующее заявление: США не признают СССР до тех пор, пока Коминтерн не прекратит «пропаганды за ниспровержение существующего у нас строя».

Да и что говорить о доктринах мировой революции, когда даже царские генералы вроде Алексея Брусилова, во время польской кампании перешедшего на службу в РККА, поддерживали авантюристический план Л.Д. Троцкого о военном походе Красной армии на Индию.

Брусилов, по свидетельству Троцкого, еще в 1918 г. разработал свой собственный план «создания конного корпуса (30 000-40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию».

Более того, в марте 1921 г. (уже провозглашен был нэп, а Советская Россия капитулировала 18 марта в Риге перед Польшей Пилсудского! – Авт.) бывший главковерх Временного правительства Брусилов докладывал на закрытом заседании Совнаркома под председательством В.И. Ленина свой план «броска на Индию» (с картами, схемами, выкладками).

Вряд ли этот ученик и последователь известной русской оккультистки Елены Блаватской, занимавшейся также и теософией, воспитанник Пажеского корпуса генерал от инфантерии А.А. Брусилов (1853-1926) верил в марксистскую доктрину мировой революции. Но в способность Троцкого возродить былую силу и славу русской армии (пусть и в «красном» обличье), в ее скобелевские походы в Среднюю Азию – наверняка уповал.

Сам Брусилов не успел рассказать в деталях об этом старом проекте русских царей – ударе по Англии с тыла (в 1800 г. поход на Индию пытался осуществить Павел I, в 1808 г. – Александр I). Но это сделал в своих мемуарах «1920 год» В.В. Шульгин: "...они (большевики. – Авт.) восстановили армию. Это первое. Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», но это вздор. Им только так кажется. На самом деле они восстановили русскую армию. И это наша заслуга. Мы (белогвардейцы. – Авт.) сыграли роль шведов. Ленин мог бы пить «за» «здоровье учителей». Эти учителя – мы. Мы били их до тех пор, пока они не выучились драться. И к концу вообще всего революционного процесса Россия, потерявшая в 1917 г. свою старую армию, будет иметь новую, столь же могущественную.

Далее. Наш главный, наш действительный лозунг – Единая Россия. Когда ушел Деникин, мы его не то чтобы потеряли, но куда-то на время спрятали... А кто поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так – знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят. Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал. И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение «советских республик». Но это их армия была поляков (в 1920 г. – Авт.) как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области".

В отличие от большевиков Шульгин хорошо знал, чем кончаются все революции в мире – приходом нового «царя», ибо «сила событий сильнее самой сильной воли: Ленин предполагает, а объективные условия, созданные Богом, как территория и душевный уклад народа, „располагают“. И теперь очевидно стало, что кто сидит в Москве – безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов».

По мнению Шульгина, рано или поздно «социализм смоется, но границы останутся. Будут ли это границы 1914 года или несколько иные – это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши».

В одном Шульгин, Милюков, Николай Устрялов и другие мыслящие русские эмигранты ошиблись: сумеют ли наследники большевиков сохранить «границы 1914 года или несколько иные», когда социализм в СССР «смоется». Увы, для России посткоммунистическая номенклатура второго-третьего эшелонов сохранила в 1991 г. «несколько иные» – границы начала XVIII в.

Зато в другом – кто станет «царем» новой советской империи – Шульгин оказался более чем пророком: «И тогда придет Некто, кто возьмет от них их „декретность“, их решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям (выделено мною. – Авт.)».

Но пока до прихода этого Некто было еще далеко, и все три коммунистические «конторы» – НКВД, Коминтерн, ОГПУ – соревновались в борьбе за перехват «опаздывающей» мировой революции.

В наши дни Президент России издает указы о срочном создании всероссийской «национальной идеи». Целая бригада бывших консультантов ЦК КПСС на бывшей цековской даче почти год пытается сотворить нечто похожее на уваровскую триаду «самодержавие – православие – народность» (1832 г.).

Большевикам в 20-х – начале 30-х годов не было нужды заказывать «спецам» какой-либо текст: к VI Всемирному конгрессу Коминтерна в Москве (1928 г.) пером Н.И. Бухарина они его уже сотворили и единогласно приняли – «Программу мировой пролетарской революции».

И прав был бывший профессор Московского императорского университета П.Н. Милюков, когда в 1927 г. в Париже писал: «Те, кто думает, что эта навязчивая идея большевиков – мировая революция – может измениться или даже что большевики уже „отказались от мировой революции, вместе с коммунизмом и другими основами большевизма“, те

недостаточно углубились в понимание большевизма и рискуют серьезными ошибками в своих суждениях и разочарованием в последствиях своих отношений с большевиками. Не только к деяниям большевиков, но и к их идеологии надо относиться серьезно. В день, когда эта идеология будет потеряна, большевиков вообще больше не будет. Будет простая шайка бандитов – какими часто и считают большевиков их нерассуждающие враги. Но простая шайка бандитов не владеет секретом гипнотизировать массы. И что в конце концов потеря большевистской идеологии неизбежна и что большевики к этому фатально идут – это совсем другой вопрос!»

Но пока – и это крайне важно для нашего последующего изложения – они к этому «фатальному концу» еще не пришли. Наоборот, они уверены, что и «царское» золото 1914-1917 гг. и золото Брест-Литовска, и, уж конечно, «золото Коминтерна» они непременно вернут, как только революция разразится наконец «во всемирном масштабе», и все это богатство и так достанется «первому отечеству мирового пролетариата», которое к тому времени (зачем же принимали в 1924 г. первую Конституцию СССР?) охватит весь мир благодаря подрывной деятельности Коминтерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первым версию о «большевиках – немецких шпионах» выдвинул еще в апреле 1915 г. в швейцарской социал-демократической газете «Фольксштимме» бывший большевик, а затем меньшевик-"оборонец" Григорий Алексинский, историк по образованию. В июле 1917 г. он повторил это обвинение в плехановской газете «Единство» и в собственном издании «Без лишних слов», где прямо назвал Ленина и его попутчиков по «пломбированному» вагону «пассажирами германского военного поезда, мешающими русской армии защищать Россию». Ср.: Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. – М. 1996. – С. 95.

2 Из самых последних исследований на эту тему отмечу очень интересную (хотя и основанную на системе косвенных доказательств – расписок Ленина о приеме от Генерального штаба немецких денег автор не публикует) статью журналиста Ю.В. Идашкина «Были ли большевики куплены на золото германского Генерального штаба?» (Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 278-296). Главной сенсацией статьи Идашкина следует считать находку части материалов огромного, в 21 том, «дела о большевиках-шпионах» (все историки считали, что после октябрьского переворота «дело» было уничтожено по приказу Ленина), которые оказались приложенными к другому «делу» 1939-1940 гг. – следователя П.А. Александрова, ведшего расследование в 1917 г. (в 1940 г. был расстрелян, в 1993 г. – полностью реабилитирован).

3 Мирные переговоры в Брест-Литовске / Под ред. А.А. Иоффе с предисл. Л.Д. Троцкого. – Т. 1. – М. 1920. – 270 с.

4 Брест– Литовская конференция (заседания экономической и правовой комиссий) / Под ред. Б.Е. Штейна. -М. 1923. – 155 с. С учетом новых границ, определенных в Бресте, Украина, Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье отошли от России. Советская Россия по сравнению с Российской империей потеряла 26% населения, 27% – всех пахотных земель, 26% – железнодорожной сети, 33% – промышленности, 73% – добычи железной руды и 75% – каменного угля (см. также: Майский И.М. Внешняя политика РСФСР, 1917-1922. – М. 1922. – С. 37-40).

5 Брест– Литовская конференция (полный текст договора с картой и приложением дополнительных протоколов). -М. 1918. – 150 с.

6 Документы внешней политики СССР. – Т. 1. – М. 1957. – Док. № 320.

7 См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. – Т. 1: 1917-1918. – М. 1968. – С. 321.

8 Novitzky V. Les origines du stock d'or. – Paris, 1921. – P. 11-12. (Текущий архив Экспертного совета.)

9 Ефимкин А. Золото республики // Журн. Волга (Саратов). – 1987. – № 11; 1988. – № 4. Вторая часть статьи (1988 г.) перепечатана с сокращениями в «Дипломатическом ежегоднике» (М. 1995. – С. 227-240).

10 Цит. по: Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 10.

11 Янсен М.(Нидерланды). Суд без суда. 1922 год (показательный процесс социалистов-революционеров). – М. 1993. См. также: Семенов Г. (Васильев). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг. – М. 1922. – С. 32-33. Не все, однако, «экссы» эсеров сорвались: в 1919-1920 гг. в результате налетов на некоторые украинские банки они захватили немало золота, переправили его за границу, там поместили в банки и на получаемые кредиты и проценты создали свой эсеровский эмигрантский фонд, который содержал и эсеровское издательство «Скифы».

12 Цит. по: Куллудон В. (Франция). «Ленинское» золото во Франции // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 269; Le Point. – 1995. – 7 janv. См. также: Дипломатический словарь. – Т. 1. – М. 1984. – С. 195.

13 Atoun E. Emprunts russes: on raparle de remboursement // Le Quotidien de Paris. – 1995. – 12 avr.

14 Ефимкин А.П. Указ. соч. // Волга. – 1988. – № 4. – С. 62-63.

15 Никольский А.С. Власть и земля. – М. 1990. – С. 62-63.

16 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 226.

17 Цит. по: Карр Э. История Советской России. – Т. 2: Большевицкая революция, 1917-1923. – М. 1989. – С. 208.

18 Ефимкин А.П. Указ. соч. // Волга. – 1988. – № 4. – С. 231.

19 Novitzky V. Op. cit. – P. 25 (Текущий архив Экспертного совета). Правда, в 1922-1926 гг. советский полпред в Норвегии А.М. Коллонтай попыталась было нащупать по этому поводу почву для переговоров со шведами, но безуспешно.

20 Шишкин В.А. В борьбе с блокадой (о становлении советской внешней торговли). – М. 1979. – С. 80-82.

21 Лаур М. Паюр А. Таннберг Т. История Эстонии. – Ч. 2. – Таллин, 1997. – С. 54.

22 Социалистическое хозяйство. – Кн. V. – М. 1926. – С. 162.

23 Цит. по: Ефимкин А.П. Указ. соч. // Волга. – 1988. – № 4. – С. 184, 186-187.

24 Novitzky V. Op. cit. – P. 24 (Текущий архив Экспертного совета).

25 См. например, публикацию документов из архивов КПСС Э. Максимовой о передаче ИККИ 28 мая 1919 г. бриллиантов на 300 тыс. зол. руб. (Известия. – 1992. – 23 мая).

26 Цит. по: Иного не дано. Сб. статей. – М. 1988. – С. 371-372.

27 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 72.

28 IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. – М.-Пг. 1923. – С. 401.

29 Цит. по: Аргументы и факты. – 1996. – № 2.

30 Ср.: Пять лет Коминтерна в решениях и цифрах. – М.-Л. 1924; Десять лет Коминтерна в решениях и цифрах. – М.-Л. 1929. К сожалению, ответственный

редактор сборника о Коминтерне Я.С. Драбкин проигнорировал два этих ценных издания.

31 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М. 1998. – С. 79, 150-152.

32 Там же. – С. 153.

33 Там же. – С. 186.

34 Там же. – С. 227.

35 Цит. по: Иного не дано. – С. 374.

36 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 197. Из ранее никогда не публиковавшейся стенограммы выступления В.И. Ленина 22 сентября на IX конференции РКП(б). 1920 г. Ср.: Девятая конференция РКП(б). Протоколы. – М. 1972.

37 Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. – М. 1990. – С. 796-797.

38 Цит. по: Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории. – М. 1991. – С. 174.

39 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 287.

40 Там же. – С. 289.

41 Там же. – С. 306-307.

42 Там же. – С. 63 (предисловие Я.С. Драбкина).

43 Там же. – С. 273. См. также: Ленин В.И. Биохроника. – М. 1979. – Т. 10. – С. 414.

44 Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. (из «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б)) // Исторический архив. – 1995. – № 1. – С. 5-28.

45 См.: Пути мировой революции. Стенографический отчет. – Т. 1-2. – М.-Л. 1927.

46 Цит. по: Милюков П.Н. Россия на переломе. – Т. I. – Париж, 1927. – С. 290.

47 Бюллетень НКВД. – 1921. – 31 окт. – С. 9.

48 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 265-266.

49 Советско-германские отношения. – М. 1971. – Т. 2. – С. 305.

50 См.: Документы внешней политики СССР. – М. 1962. – Т. VI. – С. 547-548.

51 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 147 (записка Троцкого в ЦК РКП(б) о походе на Индию, 5 августа 1919 г.). В своих авантюрных прожектах Троцкий был не одинок. В июле 1927 г. бывший член партии «Бунд» и участник англо-бурской войны некто А. Лурье представил Сталину проект экспорта мировой революции в Южную Африку, что попутно позволило бы захватить в пользу Коминтерна золотые рудники, «которые большей частью принадлежат английским бандитам». – Там же. – С. 608-609.

52 См.: Октябрь. – 1993. – № 11. – С. 146-147.

53 Шульгин В.В. Указ. соч. – С. 795.

54 Там же. – С. 795-797.

55 Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 260.

IV. ЗОЛОТЫЕ КЛАДОВЫЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА НАПОЛНЯЮТСЯ ЧЕРЕЗ ВЛАДИВОСТОК

Среди той обширной корреспонденции, что я стал получать со всех концов бывшего Союза и из-за границы после моих статей о «зарубежном русском золоте» и первого издания этой книги, типичным стало письмо от А.В. Киреева из Калужской области от 16 апреля 1993 г. А.В. Киреев сообщал: с 1957 г. он работал в г. Шевченко (ныне Актау), что на полуострове Мангышлак восточного побережья Каспийского моря. В те времена он случайно наткнулся на книгу «Чекисты Казахстана», где вычитал следующее: «...после разгрома остатки армии Колчака под командованием генерала Толстого отступали через форт Александровский (там отбывал в свое время ссылку великий украинский поэт Тарас Шевченко. – Авт.) на Мангышлаке, плато Усть-Юрт, с тем чтобы прорваться на юг и уйти за кордон. При подходе к полуострову Бузачи ими был спрятан остаток золотого запаса России». (Киреев уточнил у старожилов-казахов, они подтвердили: целых «семь подвод».) Гурьевские чекисты затем в течение 15 лет безуспешно искали это золото.

Такого рода письма я получаю десятками, меняется лишь география «кладов колчаковского золота». То это станция Тайга Транссибирской железной дороги, то бывший православный мужской монастырь в Приморье на границе с Китаем, то железнодорожный разъезд

Раздольное Приморской железной дороги, то «золотой пароход на Оби в Западной Сибири».

Вот и весной 2003 г. мне сначала позвонил один «кавказец»-старатель из г. Зея Амурской области на Дальнем Востоке, а затем прислал целую папку вырезок-ксерокопий из местных газет и книг амурских краеведов о поиске очередной порции «сибирского золота», на этот раз – на севшей на мель на реке Зее большевистской речной канонерской лодке «Огорчанин» в сентябре 1918 г. с грузом золота, конфискованного «красными» в четырех коммерческих банках и трех страховых обществах Амурской губернии.

Судя по книге Ильи Безродного, участника Гражданской войны на Дальнем Востоке, «Амур в огне» (Владивосток, 1932), на борт канонерки было погружено несколько десятков ящиков с золотом.

На одном из перекатов р. Зеи лодка попала в колчаковскую или японскую засаду, была обстреляна и, маневрируя при уходе от огня, села на мель. Команда срочно покинула судно, причем якобы предварительно выкинула все ящики в воду, кроме трех, которые будто бы закопала на берегу.

С тех пор местные (газ. «Амурская правда», 1992 г.) и столичные («Комсомольская правда», 1993 г.) журналисты не раз призывали найти этот золотой клад с «красного галиона» (канонерки), но все розыски местных золотоискателей оказались безуспешными, как и предыдущие поиски японцев, колчаковцев, семеновцев, красных партизан и ОГПУ в 20-х – начале 30-х гг.

Интерес к золотому кладу с канонерки «Огорчанин» все эти 85 лет поддерживается еще и тем обстоятельством, что местные жители села

Новоандреевска, напротив которого на реке Зея села на мель канонерка, время от времени при огородных работах или вспашке действительно находят в земле золотые слитки. Так, еще в 1979 г. колхозница Мария Ефимова на своем приусадебном огороде нашла золотой слиток, на котором было выбито – «Благовещенск, 1917».

Следующий слиток, найденный трактористом того же колхоза им. Ленина Николаем Василенко из того же села во время вспашки, удостоился чести попасть в 80-х гг. XX в. в Книгу рекордов Гиннеса. В традиционном разделе этого британского справочника «КРУПНЕЙШИЕ КЛАДЫ» читаем: «Золотой слиток весом 12 кг 285,3 грамма нашел летом 1987 года механизатор колхоза им. Ленина Амурской области Николай Василенко. В банке этот стандартный золотой брусок, отлитый в 1918 году, был оценен в 588 тысяч рублей. Н. Василенко получил за свою находку самую крупную в России сумму – 147 тысяч рублей, предусмотренные законом 25% от оцененной стоимости клада».

Именно эти 25% от найденных золотых кладов вдохновляют нынешних «золотоискателей», один из которых – мой «кавказец» из г. Зея – и попытался соблазнить меня этой приманкой, предлагая возглавить новую экспедицию в Амурской области для поиска остальных слитков с канонерки «Огородчанин».

И тем не менее байки о спрятанных «кладах Колчака» в Сибири не сходят со страниц газет и журналов (см. например, статью журн. «Золото России», 1994, № 1-2, об очередном кладае, якобы спрятанном по приказу адмирала в районе «Черных озер» под Благовещенском зимой 1919 г.) Об участии

ОГПУ-НКВД-КГБ СССР в поисках подобных «кладов» см. Приложение № 5 к этой книге.

Написаны десятки рассказов и повестей о якобы уже найденных «кладах Колчака» в Восточной Сибири и в Приморье. Типичный пример такой «развесистой клюквы» являет собой историческая повесть Юрия Сергеева «Берегиня», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (1992, № 5-6).

Тем ценнее редкие свидетельства доживших до наших времен очевидцев, например деда Луки Павлова из той же Новоандреевки, зафиксированные в 1992 г. репортером «Амурской правды». В 1918 г. будущему деду было всего лет семь-восемь, он стоял на берегу и видел, как канонерка села на мель. Никаких ящиков с золотом, выбрасываемых за борт, он не узрел. Но видел другое: команда в панике попрыгала за борт (боялись преследований то ли колчаковцев, то ли японцев), а брошенное судно через несколько часов просто разграбили окрестные мужики. Вот они-то, по свидетельству Луки, действительно, кряхтя и матерясь, перли на себе какие-то тяжеленные ящики.

Свидетельство знакомое: ведь именно так в ноябре 1812 г. на подходе к Березине казачки атамана Платова разграбили «золотой обоз» Наполеона из Кремля, а затем замолили грех тем, что построили на личные пожертвования в столице Войска Донского – г. Новочеркасске – огромный кафедральный православный собор, второй по размерам после Исаакиевского в Петербурге.

А клады – то следует искать совсем не там, где указывает на них народная молва. Вот один из точных адресов, к тому же указанный на официальном бланке

колчаковского министра иностранных дел И.И. Сукина (шифровка из Омска российскому генеральному консулу в Шанхае Виктору Федоровичу Гроссе через посла царской России в Пекине князя Кудашева, 24 сентября 1919 г. № 688):

"Прошу сообщить Шанхай Гроссе. Министр финансов («омского правительства». – Авт.) просит передать: на Ваше имя высылается мною из Владивостока свыше 6000 пудов с пароходом, отбывающим из Владивостока около 26 сентября. Все подробные указания о дате прибытия и количестве имеющего быть выгруженного золота будут Вам сообщены директором Иностранного отделения Госбанка Владивостока. Русско-Азиатскому банку в Шанхае одновременно телеграфирую войти с Вами в соглашение о предоставлении в Ваше распоряжение кладовых банка для хранения.

Подпись: Сукин".

Это была далеко не первая «золотая посылка» из Владивостока на имя консула В.Ф. Гроссе. В мае того же года он уже получил коносамент в 600 пудов на русском сторожевом военном крейсере «Командор Беринг».

Так вот где надо искать «клады Колчака» – в Шанхае, Гонконге, Токио, Осаке и Йокогаме, далее за Тихим океаном – в Сан-Франциско, Ванкувере, Нью-Йорке и еще дальше, за океаном Атлантическим – в Лондоне, Стокгольме, Париже, Брюсселе и банках Швейцарии.

Тем более, что на все эти коносаменты с 1914 г. сохранились документы – от финансовых соглашений до

дипломатической переписки и расписок в получении груза.

1. ЦАРСКИЕ ЗОЛОТЫЕ КОНОСАМЕНТЫ НА ЯПОНСКИХ СУДАХ

Выше уже говорилось о том, как в 1914 г. – феврале 1917 г. царское правительство отправляло «залоговое золото» в Англию.

Но первая транспортировка в октябре 1914 г. из Архангельска в Ливерпуль едва не привела к катастрофе – потере золотого коносамента ценой в 8 млн. ф. ст. на дне Северного моря: немецкая разведка каким-то образом узнала о «золотом пароходе» (британский транспорт «Мантуа»), и германские субмарины разбросали на пути его следования у побережья Шотландии мины. Транспорт чудом избежал гибели (в 1942 г. судьба была не столь благосклонна к английскому крейсеру «Эдинбург» с «золотом Сталина», и он пошел ко дну, атакованный гитлеровскими подлодками почти в том же месте), а вот сопровождавшие «Мантуа» крейсер «Дрейк» и другое высланное навстречу британское военное судно подорвались на германских минах, хотя и остались на плаву.

Англия и Россия, однако, не стали вторично испытывать судьбу и с декабря 1915 г. по март 1917 г. начали осуществлять «золотую операцию» только через Владивосток: коносаменты железной дорогой шли на

Дальний Восток, там на зафрахтованных японских военных судах плыли в Ванкувер (Канада) или Сан-Франциско (США), далее через всю Северную Америку по железной дороге на восточное побережье и снова через океан в Ливерпуль или Лондон. Конечно, это был не самый короткий и не самый дешевый путь (японцам за фрахт надо было платить по 1-2 млн. зол. иен с каждого коносамент), но зато более надежный.

Вся эта перевозка золота 1915-1917 гг. на 60 млн. ф. ст. была оформлена сверхсекретными финансовыми соглашениями между Его Величества Британским казначейством и императорским Минфином России. Ее скрывали как от немецких шпионов, так и от русской Госдумы, где шумел лидер кадетов Павел Милюков, вопрошая в ноябре 1916 г.: «Что это – глупость или измена?»

Ясное дело, в 1915-1917 гг. секретный финансовый «пакт» Англии и России (как и «пакт» Ленина с кайзером от 27 августа 1918 г.) опубликован не был. Не был он опубликован и в горячке разоблачений большевиками тайных договоров царизма в ноябре-декабре 1917 г. (то ли матрос Маркин его не нашел, то ли так упрятали чиновники Минфина, что и найти было невозможно; не следует забывать, что до февраля 1918 г. госслужащие центральных министерств саботировали власть большевиков и ни ключей от сейфов, ни документов им не давали), но до сего времени этот «пакт» известен лишь в изложении В. Новицкого, который (судя по хорошей осведомленности о деталях, как тогдашний товарищ министра финансов России) если и не участвовал лично в подготовке этого «пакта», то хорошо

его изучил и, возможно, взял на память одну из его секретных копий.

Любопытно, что большевики, когда им самим потребовалось заграничное «царское» золото, охотно перепечатали в США разоблачения бывшего товарища министра финансов в изданном на деньги «Амторга» в Нью-Йорке информационном сборнике «Русское золото» (1928 г.).

Итак, судя по откровениям Новицкого, «пакт» был оформлен двумя финансовыми соглашениями между Британским казначейством и русским Минфином:

а) декабрь 1915 г. (под гарантию Франции, также отправившей в США часть своего золотого запаса) – Россия направляет через Дальний Восток в США, а также в «Банк оф Ингланд» (единственный в Великобритании банк, который всю Первую мировую войну менял бумажные деньги на золото даже физическим лицам, когда в России и Франции ни один банк этого уже не делал) три транша своего чистого золота в следующие сроки:

конец декабря 1915 г. – на 10 млн. ф. ст.; середина июня 1916 г. – на 10 млн. ф. ст.; начало ноября 1916 г. – на 20 млн. ф. ст. Всего: на 40 млн. ф. ст. (или на 375 млн. 590 тыс. зол. руб.).

В обмен на «залоговое золото» «Банк оф Ингланд» под гарантию британского казначейства предоставляет России кредит на 200 млн. ф. ст. для закупок оружия (в основном пироксилинового бездымного пороха для снарядов и патронов) и амуниции для русской армии. Оба ведомства договариваются хранить в строжайшем секрете эту сделку, а Минфин России даже уточняет, как он обманет бдительность думцев, кричавших об

ответственности императорского правительства перед парламентом, – в бюджете вся операция будет закамуфлирована глухой строкой: «золото за границей».

Новицкий дважды упоминает «специальные условия» («special terms for Russia») соглашения от декабря 1915 г. («было, однако, условлено, что золото вернется в Россию после окончания войны», в «пакте» даже был определен точный срок – через год после окончания), но сам текст этих «условий» ни в английском, ни во французском тексте своего опубликованного расследования не приводит;

б) февраль 1917 г. – второе финансовое соглашение о дополнительном «военном кредите» под залог четвертого транша золота на сумму еще в 20 млн. ф. ст. (187 млн. зол. руб.). Маршрут доставки и условия возврата залога те же. Этот последний транш до адресатов не дошел, ибо в марте 1917 г. был захвачен японцами.

«Как результат этих отправок, – пишет Новицкий, резюмируя отток „русского золота“ за моря, – золотой резерв России уменьшился на 68 млн. ф. ст. или 640 млн. 200 тыс. зол. руб. или 329 млн. 703 тыс. долл. США».

Что из этих траншей окупилось в виде поставок вооружений, что не окупилось и сколько «залогового золота» осталось в «Банк оф Ингланд» после окончания Первой мировой войны – об этом среди историков до сих пор идут горячие дискуссии, которые начались еще при Временном правительстве. Известно, однако, что в 1916 г. русскую армию на фронте потряс «снарядный голод» – на пушку выдавалось всего по три-четыре снаряда, тогда как у германцев не было недостатка в снарядах. Разразился гигантский скандал. Сказать, что снаряды,

несмотря на отправку в октябре 1914 г. и декабре 1915 г. «залогового золота» на 18 млн. ф. ст. (167 млн. зол. руб.), все еще не получены из Англии, правительство в Думе не могло – «пакт» оставался секретным. Кроме того, боялись признаться, что преступно просчитались: британские оружейные заводы технологически не могли в столь короткий срок выполнить такой гигантский «снарядный» заказ, сколько бы золота в Англию ни посылали. Уже после войны советские и британские военные историки подсчитали, что английская военная промышленность до марта 1917 г. сумела выполнить лишь 25% оплаченных заказов России (см.: Smele G.D. *White Siberia: the Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920.* – Cambridge, 1996). Однако далеко не все из этого оружия было кондиционным. Вот что писал сам А.Ф. Керенский с фронта послам Антанты и США 3 июля 1917 г.: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, т.к. 35% орудий не выдержали двухдневной умеренной стрельбы (разрывались стволы. – Авт.)» (Керенский А.Ф. *История России.* – Иркутск, 1996. – С. 423).

В августе 1916 г. срочно и тайно направили на военные заводы Великобритании «толкачей» во главе с одним из великих князей. Тот метался по заводам, грозил, умолял, но все было бесполезно: больше, чем станок мог дать, британский работяга выжать не мог.

Тогда царские власти перебросили ряд военных заказов из Великобритании в США, переведя часть «залогового золота» в американские банки. Заказ на русские винтовки был спешно размещен на оружейных заводах трех крупных фирм – «Винчестер» (300 тыс.), «Ремингтон» (1,5 млн.) и «Вестингауз» (1,8 млн.). Увы, и

американские оружейники не справились с авральной работой, к Февральской революции в России они успели изготовить только 10% от заказанного количества, причем и эти винтовки застряли до начала Октябрьской революции в Швеции, и большевики тщетно пытались заполучить их (переговоры со шведами через Норвегию в 1922-1926 гг. об этих винтовках вела А.М. Коллонтай).

Но больше всего, в чем нуждалась русская армия, – это не столько в собственно патронах и в снарядах, а в пироксилиновом бездымном порохе к ним. Именно из-за отсутствия такого пороха в армии и на флоте (цусимская катастрофа) Россия в военно-техническом отношении проиграла Русско-японскую войну 1904-1905 гг.

Великий русский химик и патриот Д.И. Менделеев незадолго до своей смерти в 1907 г. вместе со своими учениками теоретически восполнил этот пробел: ими была разработана технологическая химическая «формула Менделеева» по производству бездымного пороха на отечественных пороховых заводах. Тогда же в рамках реформы армии и ВПК был намечен план реконструкции существующих и строительство новых заводов для производства пироксилинового пороха по «формуле Менделеева», превосходившего даже порох по формуле «отцов» бездымного пороха – французов. В частности, началась подготовка технической документации для строительства такого нового порохового завода в Тамбове.

Но тут, как всегда случалось в России в период реформ и сопровождавшей их «прихватизации», вмешались «олигархи» начала века – «нефтяные короли» братья Нобели, финансово-промышленная группа Русско-Азиатского банка (председатель правления

А.И. Путилов, члены правления заводчики братья Беккеры и др.), владельцы Ковровского порохового завода Поссель и Царицынского – Виккерс и др.

Через своего лоббиста в III царской Думе фабриканта А.И. Гучкова, одно время ее спикера и председателя думского военного комитета, затем военного министра в первом составе Временного правительства, «олигархи» начали мощную кампанию в Думе и прессе против якобы «убыточности» казенных оружейных заводов, их «отсталой» технологии и т.п.

Особенно доставалось тогда царскому министру финансов и его министерству, в недрах которого с 1907 г. зрел проект «принудительного выкупа оружейных заводов в казну» (что в конце концов и случится в 1916 г. да будет уже поздно).

Но, на горе России, верх в этой борьбе за казенные деньги взяли упомянутые «олигархи»: в 1912 г. с помощью А.И. Гучкова они провели через Думу закон о перераспределении бюджетных ассигнований на оборону: 2/3 досталось «частникам» и только 1/3 – «казенным» заводам.

В 1913 г. очередной съезд российских частных металлзаводчиков, включая представителей правлений т.н. «Гранатного комитета» (девять путиловских частных заводов, отхвативших львиную долю «снарядного заказа»), торжественно рапортовали царю со съездовской трибуны, что не сегодня-завтра они завалят армию бездымным порохом, снарядами, патронами и вообще любым вооружением в избытке.

Увы, «получилось как всегда». Как и в 60-70-х годах предыдущего века со строительством железных дорог, частник-олигарх в очередной раз обманул и ДЕРЖАВУ, и

НАРОД. Вот свидетельство нашего современника «пороховых дел мастера» доктора химических наук Леонида Забелина, в свою очередь ссылающегося на отчеты русского инженера-пороховщика Александра Сапожникова, срочно посланного в 1916 г. в США на пороховые заводы концерна Дюпона: Первую мировую войну начали, когда «собственных запасов боевого снаряжения хватило лишь на четыре первых месяца войны. Такого провала страна не знала ни в турецких походах Петра и Екатерины, ни в наполеоновскую кампанию».

А вот свидетельство очевидца: в 1914-1915 гг. на одну русскую пушку выдавалось по три-четыре снаряда, тогда как германец колошматил русскую армию с утра до вечера (генерал А.И. Деникин. Очерки русской смуты).

Как потом оказалось, никакое производство вооружений «олигархи» и не думали развивать. Получив бюджетные деньги, через свои уполномоченные банки и финансово-промышленные группы – Русско-Азиатский банк, Петербургский международный банк, Донецкое общество железодельного и сталелитейного производств и т.п. – они начали печатать акции и «крутить» их за границей, главным образом на Парижской бирже ценных бумаг, наряду с официальными «царскими» государственными облигациями. Характерно, что в 1999 г. французское казначейство признало «законными» (т.е. гарантированными царским правительством) только 3 млн. 700 тыс. русских облигаций из 10 млн. сохранившихся на руках у потомков.

При этом, как отмечалось выше, подкупленная французская пресса не различала государственные

(гарантированные царской казной) и «частные» (не гарантированные) русские облигации.

Но нельзя сказать, что «олигархов» начала века (как, впрочем, и его конца) «бес попутал» и они в погоне за чистоганом не ведали, что творят.

Сохранилось свидетельство одного из участников этой предательской авантюры и виновника последующей катастрофы, разрушившей великую империю, фабриканта Путилова, сочетавшего, по образному выражению Мориса Палеолога, посла Франции в России в 1914-1917 гг. «качества американского бизнесмена и славянофила». «Необходима коренная перестройка (вот еще когда применялся горбачевский термин! – Авт.) всего административного аппарата, – говорил Путилов Морису Палеологу в мае 1915 г. в разгар „снарядного кризиса“, – иначе неизбежна революция... Тогда начнется ужасная анархия на десять лет. Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие».

Между тем именно Путилов и другие «олигархи» первыми спровоцировали предпосылки к этой «ужасной анархии», ибо к 1914 г. они оставили русскую армию без вооружений. Ведь те бюджетные деньги, что с 1912 г. пошли в их карман, не достались казенным оружейным заводам в Туле, Сестрорецке, Ижевске, Коврове и т.д. В результате даже Тамбовский завод бездымного пороха к началу войны не был построен, и лишь в конце 1916 г. (да и то по временной схеме) на нем было запущено производство.

«Как всегда», т.е. позже спохватились, с 1915 г. стали перераспределять бюджетные деньги с частных вновь на казенные заводы (в Туле это сразу дало возможность увеличить выпуск винтовок до 130 тыс.

штук в год, но лишь к январю 1917 г. – опять слишком поздно!).

Под флагом борьбы с «немецким засильем» в России в первую очередь секвестрировали военные заводы, владельцы которых носили иностранные фамилии: все еще строившийся в 1916 г. Царицынский пушечный завод (Виккерс), Ковровский винтовочно-пороховой завод (Поссель), медеплавильные заводы торгового дома Вогау и т.д. Затем дошла очередь и до Путилова: «Гранатный комитет» и его девять оружейных заводов тоже «отписали в казну», а к самому Путилову приставили уполномоченных из охраны и военной контрразведки (и заводчик осенью 1916 г. стал участником заговора Гучкова и его гвардейских офицеров – заговорщики намеревались захватить царский поезд, принудить Николая II к отречению, а при отказе – убить). Гнусность поведения Путилова (как и похожего на него «олигарха» почти век спустя), состояла в том, что он собирался убить человека (царя), судя по воспоминаниям его дочери Анастасии, запросто был вхож в семью. Но – «деньги не пахнут»...

Вслед за «Гранатным комитетом» после 22 октября 1916 г. правительство разогнало и все остальные «частные» объединения российских «олигархов»: «Продуголь», «Медь», «Продпаровоз», «Продвагон» и т.д.

Словом, за два года до захвата власти большевиками царское правительство национализировало всю тяжелую промышленность России, и большевикам осталось лишь заменить комиссаров Временного правительства на своих.

Так «олигархи» собственными руками (точнее – собственной жадностью) обеспечили «красногвардейскую атаку на капитал» и вырыли для русского капитализма могилу.

В то же время патриоты отыгрались на военном министре генерале В.А. Сухомлинове и начальнике военной разведки Генштаба полковнике Мясоедове. Сухомлинова в марте 1916 г. арестовали как «германского шпиона», а Мясоедова, не доказав даже его вины, повесили.

Но такая «национализация» вкупе со шпиономанией в разгар войны ни к чему хорошему, кроме дезорганизации военного производства, не привела: «секвестрированные» заводы «олигархов» лучше работать не стали, как, впрочем, и казенные (вспомним строительство Тамбовского завода бездымного пороха).

Между тем армия на фронте продолжала нести чудовищные потери – к 1916 г. был выбит почти весь довоенный кадровый младший офицерский корпус (пришлось срочно формировать новый, из так называемых «офицеров военного времени», т.е. из рабочих-мастеровых с четырьмя классами начальной школы за спиной и недоучившихся гимназистов да семинаристов).

В панике, видя, что, несмотря на обильную «золотую предоплату», американские заводы «Винчестер», «Ремингтон» и «Вестингауз» не справляются с заданием, чиновники военного ведомства придумали и добились от царя санкции на чисто российский ход: купить в штате Коннектикут один из пороховых заводов у химического концерна Дюпона, направить туда несколько сотен русских инженеров

(именно в их числе и оказался инженер А. Сапожников) и рабочих-оружейников (по некоторым данным, к концу 1916 г. за океан послали более 2 тыс. человек). Денег при этом не жалели – сверх «золотых посылок» в 1915-1916 гг. отправили золота, по сведениям А. Сапожникова и Л. Забелина, более чем на два с половиной миллиарда долларов. Недаром авторы истории становления концерна «Дюпон кемикл» позднее писали, что после 1916 г. капитал фирмы вырос с 50 млн. до 1 млрд. долл.!

Более того, Дюпон потребовал представить и «ноу-хау» – ту самую знаменитую «формулу Менделеева» по производству пироксилинового бездымного пороха, так как французы ни за что не хотели уступать ему свою.

И мало того, что Дюпону царские чиновники предоставили 2 млрд. долл. бесплатно дали четыре тысячи рук и две тысячи смекалистых русских голов, так еще подарили и «формулу Менделеева» до последнего расчета. Вот почему инженер Сапожников позднее, по возвращении из США, в отчете о своей командировке с горечью писал, что на такие деньги и с таким «ноу-хау» в 1907-1914 гг. можно было бы развернуть собственную оружейную программу, а не помогать американцам строить свой собственный боеприпасный потенциал.

Тем более что до Октябрьской революции даже путем авральной работы русских работяг на дюпоновском заводе все равно ничего не успели толком сделать: лишь летом 17-го пошли первые «пироксилиновые» снаряды и патроны, а также специальные цинковые ящики с порохом.

Но переправить готовую продукцию в Россию не успели – к власти пришли большевики. А неиспользованное «оружейное» русское «залоговое золото» все равно так и осталось в Англии и США, хотя по условиям сделки его остаток банки были обязаны вернуть в Россию (позднее, в 1944-1947 гг. это золото достанется МВФ и ВС, о чем мы уже писали выше).

В итоге ни через год после окончания войны, ни через 70 лет ни килограмма из царского «залогового золота» на фантастическую сумму в 637 млн. 710 тыс. зол. руб. или 329 млн. 703 тыс. долл. США в ценах до 1914 г. СССР (Россия) не получил. Как не получили ни с Дюпона остаток от 2 млрд. долл. ни со шведов – ни вооружений, ни денег, а им ведь за две недели до октября Керенский отправил золота на 4 млн. 850 тыс. зол. руб.

А мы еще удивляемся: откуда Международный валютный фонд, Всемирный банк (штаб-квартиры в Вашингтоне) и Европейский банк реконструкции и развития (штаб-квартира в Лондоне) берут средства на транши долларов в Россию и СНГ?

2. 1919 ГОД: «ЙОКОГАМА СПЕШИ БАНК» СТАНОВИТСЯ КРУПНЕЙШИМ БАНКОМ ЯПОНИИ

1994 год, V Государственная дума. Мы, с десятков экспертов, сидим на 13-м этаже нового здания, что по Георгиевскому переулку в Охотном Ряду, в который раз до хрипоты споря над проектом закона «О собственности Российской Федерации, находящейся за границей» (автор – тогдашний зам. председателя Комитета по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности депутат от ЛДПР академик Владимир Лисичкин).

Мы – это тогдашний председатель правления АО «Российское золото» Марк Масарский, юрист из ФСБ Николай Ралдугин, представитель МВД Аркадий Черник, профессор Фуат Новрузов из «Финист банка», я от Дипакадемии МИД РФ и др. – словом, рабочая группа по доработке законопроекта.

Душа моя ликует. Наконец-то от самодеятельности нашего Экспертного совета по золоту и недвижимости за рубежом переходим к государственному законопроекту. В принципе, на мой взгляд, законопроект неплох, особенно в части взятия недвижимости на баланс. Предусмотрено создание специального Российского агентства зарубежной федеральной собственности.

Группа старается максимально довести содержание законопроекта до общественности. 21 декабря 1994 г. устраиваем в Российско-американском пресс-центре в Хлебном переулке встречу с нашими и зарубежными журналистами (В.А. Лисичкин, М.В. Масарский, В.Г. Сироткин), даем интервью в газетах. Я даже публикую на той стороне земного шара в эмигрантской русскоязычной газете «Панорама» (Лос-Анджелес, США) большую статью «Царское золото и борьба за власть в России».

Увы, еще не догадываюсь, что логика думской политической борьбы фракций совсем иная, нежели логика здравого смысла. Казалось бы, ну что тут плохого – попытаться вернуть Отечеству его достояние, находящееся за рубежом? Но, оказывается, в Думе «хорошо» и «плохо» зависит не от интересов избирателей, а от того, кто предлагает законопроект. Если «элдэпээровец» – то заведомо плохо для «выбороссов» (а для ЛДПР, наоборот, – если инициатива исходит от «выбороссов»).

На Совете Думы не прошло, казалось бы, простейшее предложение: пригласить из США за счет Думы двух иностранных экспертов, уже включенных решением комитета в состав рабочей группы, – Сергея Петрова и Никиту Моравского. Раз предлагает депутат от ЛДПР – нельзя-с, слишком дорого, аж целых 3 тыс. долл. на два авиабилета. Дума такие расходы не потянет. Но от 100 млрд. долл. которые можно получить благодаря документам, что хранятся в личном архиве этих уже немолодых людей, Дума не отказывается (пусть высылают свои архивы факсом, шумел один из «выбороссов»).

Далее. Едва В.А. Лисичкин оформил бумаги по своему проекту и понес его тогдашнему спикеру И.П. Рыбкину на предмет включения в повестку дня пленарного заседания Думы для первого чтения, три «выборосса» – Г.А. Томчин, С.А. Маркидонов и М.Л. Горячев – быстренько подготовили контрпроект и тоже отдают Рыбкину: включайте в повестку! Еще вопрос о включении в повестку дня не решен, а уже в «Известиях» Алексей Портанский поместил антиэлдэпээровскую статейку «В Думе замышляют еще одну национализацию». Главный удар – по проекту создания

Российского агентства заграничной федеральной собственности. Оказывается, национализация – это всегда плохо, а вот приватизация «по Гайдару и Чубайсу» – всегда хорошо. А посему лучше приватизировать все эти ящики с золотом за границей да и продать их как ваучеры всем желающим (но лучше со скидкой одним «выбороссам») – то-то славно будет.

И.П. Рыбкин ни с ЛДПР, ни с «Выбором России» ссориться не стал, а... отправил оба законопроекта на согласование. А в комиссии по согласованию не только законопроект, но и саму идею что-либо вернуть из-за рубежа (ну зачем нам ссориться с Западом, он же кредиты на развитие демократии дает!) благополучно похоронили, и она в V Думе, как и сам закон, так больше и не возродилась. У VI Думы руки дойдут лишь через четыре года: только в июне 1999 г. она наконец примет этот законопроект, но ни о каком Агентстве в нем не будет ни слова. Но и этот облегченный вариант все равно не прошел – президент наложил на него вето.

Впрочем, некоторый позитивный результат от всей этой «думской возни» все же был. О законопроекте члены рабочей группы Лисичкина писали в газетах, говорили по радио и телевидению. И вот вдруг в Думу на мое имя приходят из Токио документы о том, где, сколько и какого («царского», «колчаковского», «семеновского», «калмыковского», «петровского», «подтягинского», «миллеровского») золота хранится в Японии. Среди этих документов три совершенно уникальных. Это соглашения от 4 сентября 1916 г. 7 и 16 октября 1919 г. об отправке в «Йокогама спешу банк» и «Чосен банк» «царского» и «колчаковского» залогового золота и «золотых векселей».

Как мы увидим ниже, дальнейший сценарий «игры в одни ворота» в точности повторяет историю с золотом России в США и Англии: золото возьмут, а обязательства не выполнят. Все государственное значение этих финансовых русско-японских соглашений мы с В.А. Лисичкиным полностью оценили, когда 11 августа 1995 г. попали в японскую миссию в Москве на беседу к заместителю главы миссии г-ну Кадзухико Того по его приглашению.

Едва я упомянул о соглашениях, а затем издали показал их ксерокопии, как Того-сан и его молодые дипломаты заволновались. Где вы их нашли? – застыл немой вопрос в их глазах. А когда мы добавили, что располагаем и документами из японских банков о том, как каждые десять лет начиная с 1927 г. проценты от этого русского золота регулярно перечислялись в японскую казну, Того-сан поспешил свернуть беседу, заметив, что такие проблемы он уполномочен решать не с Думой и ее экспертами, а только с МИД РФ. На том и расстались. Впрочем, не совсем. Когда я кратко изложил суть беседы в газете «Век», недовольными оказались некоторые японские дипломаты в Москве.

Конечно, японский дипломат Того-сан лукавил: ведь именно в 1995 г. в японскую миссию в Москве регулярно заходил для консультаций крупный японский архивист д-р Чихару Инаба, который готовил по Архиву внешней политики МИД РФ (АВП РФ) обстоятельный каталог в двух томах (вышел в свет в Москве и Токио на двух языках в феврале 1996 г.). Особый интерес представляет второй том – «Советско-японские отношения (1917-1962 гг.)». Именно в нем в виде кратких аннотаций опубликованы основные советские документы по «русскому золоту» в Японии, начиная с самого первого –

телеграммы Наркомфина РСФСР от 21 ноября 1918 г. в Японскую дипломатическую миссию при оккупационном корпусе в Хабаровске о захвате японцами в местном отделении Госбанка России 25 пудов золота (Каталог, т. 2, 1).

В каталоге фигурируют все субъекты нашего расследования о русском золоте в Японии, упомянутые в книге: военный агент (атташе) в Токио ген. Подтягин (1919 г.), быв. начальник тыла армии атамана Семенова ген. Павел Петров (1961 г.), финансовый агент России в Японии К.Миллер (1929 г.) и др. Более того, Ч. Инаба обнаружил в АВПР отчеты советских дипломатов и разведчиков о судебном процессе агентов Семенова против ген. Подтягина (1925 г.) в Японии (там же, т. 2, с. 330), а также последний по времени запрос Госбанка СССР от 27 мая 1960 г. о «колчаковском золоте» (с. 283).

Так что делать сегодня круглые глаза, слыша о «колчаковском золоте» в Японии, для современных дипломатов из Страны восходящего солнца в Москве – по меньшей мере странный прием.

Тем более, что еще в 1924 г. в ходе советско-японских переговоров об установлении дипломатических отношений между двумя странами именно японская сторона (визит японской делегации в Москву под предлогом посещения ВСНХ) поставила вопрос об учреждении Русско(советско)-японского банка (старая мечта графа С.Ю. Витте), который бы и «оприходовал» находившееся на японских островах «колчаковское золото» (Каталог, т. 2, с. 94).

Позднее (3 декабря 1995 г.) из комментария редакции к моему интервью на ту же тему газете «Токио симбун» довелось узнать, что документы за 1919 г. у

профессора Сироткина, конечно, подлинные, из японских архивов и библиотек, но они все равно не могут якобы служить юридическим основанием для требования вернуть золото России. Почему? Да потому, что режим Колчака ни Япония, ни Антанта, ни даже Тройственный союз (до ноября 1918 г.) и вообще ни одно государство мира дипломатически не признали, поэтому-де владивостокские соглашения от 7 и 16 октября 1919 г. носили как бы «частный» характер. «Частник» Колчак договаривался с «частниками» из «Йокогама спеши банк» и «Чосен банк». Не правда ли, ловко?! Привезли как «частное», а оприходовали как «казенное» – по 62 млн. иен каждые десять лет в государственную казну Японии, по свидетельству финансового советника «Йокогама спеши банк».

Но, несмотря на очевидные факты, комментаторы из газеты «Токио симбун», подобно своим соотечественникам-дипломатам в Москве, явно наводят тень на плетень. Не помешал же частный статут «Чосен банк» в 1945 г. в условиях капитуляции Японии передать Госбанку СССР часть «колчаковского золота»?! (АВПРФ, ф. 0146, оп. 29, папка 271, д. 30, 53 лл; Ч. Инаба. Каталог, т. 2, с. 237.)

И что сказать – только в 1919 г. в Японию, по словам того же советника, было ввезено 25 т золота!

Волнение японских дипломатов в Москве понять можно. Несколько десятилетий, начиная с заявления

Правительства СССР в 1956 г. советско-японские отношения напоминали «игру в одни ворота». Японцы методично забивали в них «мяч» о «северных территориях» (четырёх южнокурильских островах), а наша дипломатия лишь отбивала «пенальти», даже не пытаясь перебросить другой «мяч» (русское золото в Японии) на поле партнера-соперника.

Попытки отдельных российских политических деятелей (Г.Э. Бурбулиса, Ю.Н. Афанасьева, А.И. Вольского) найти нестандартное решение проблемы «северных территорий» вызвали бурные дебаты в печати. При этом редким сторонникам уступить Курилы японцам за выкуп возражает мощный патриотический хор во главе с бывшим губернатором Сахалинской области проф. В.П. Федоровым, усиленный активистами из общественного Комитета защиты Курил и территориальной целостности России, регулярно выступающих на секции истории Московского дома ученых и выпускающих сборники документов «Русские Курилы».

Но подумалось: а почему о Курилах буквально вопят, а о «русском золоте» в Японии у нас даже не шепчут? Не знают? Не верится: среди активистов Комитета защиты Курил – проф. И.А. Латышев, бывший собкор «Правды» в Токио, автор очень интересной брошюры «Как Япония похитила российское золото?» (М. 1996). Или команды сверху не поступало? Русское золото (или «романовское», как его еще называют в Японии) – это вам не «северные территории», здесь все чисто – все «накладные», русские и японские, в целостности: «отправил – получил – расписался». Даже грифа

«совершенно секретно», как с «пактами» 1914-1917 гг. с англичанами или 27 августа 1918 г. с немцами, нет.

Первую «накладную» подписал 4 сентября 1916 г. сам царский посол в Токио П.П. Крупенский, с японской стороны – представитель уполномоченного правительства Японии «Йокогама спешу банк» (после Второй мировой войны волился в «Банк оф Токио», а последний совсем недавно слился с «Мицубиси банк», финансовым гигантом мира).

Все было расписано в деталях: императорское российское правительство направляет в залог кредита на 70 млн. иен «золотые векселя» Государственного казначейства из расчета 2% годовых в пользу банка и единовременно выплачивает «Йокогама спешу банк» 0,4% комиссионных (на 17,5 тыс. иен). В обмен на это банк открывает специальный кредит (код «Tresor») на 64 млн. 750 тыс. иен, которым может распоряжаться только Особая канцелярия по кредитным операциям Минфина России в Петрограде (ст. 4).

Фактически же, как следует из перечня японских банков, приложенных к соглашению от 4 сентября 1916 г. речь шла о Синдикате банков Страны восходящего солнца (целых 18), а «Йокогама спешу банк» был лишь их полномочным представителем (ст. 7). Особой канцелярии запрещалось в течение трех месяцев после заключения соглашения от 4 сентября иметь дело с какими-либо другими банками на японском рынке ценных бумаг, кроме банков Синдиката.

По данным В. Новицкого и С. Петрова, из 20 млн. ф. ст. отправленных третьей «золотой посылкой» в ноябре 1916 г. через Владивосток в Северную Америку, по крайней мере 3 млн. ф. ст. остались на депозитах

Синдиката как плата за исполнение соглашения от 4 сентября 1916 г.

На аналогичных принципах 7 и 16 октября 1919 г. во Владивостоке были заключены еще два русско-японских финансовых соглашения о предоставлении правительству Колчака в Омске кредита под залог уже не только ценных бумаг (векселей, облигаций и т.д.) «заграничного отдела кредитной канцелярии Русского правительства в Омске» (соглашение от 7 октября, ст. 4), но и чистого золота в двух коносаментх, эквивалентных 20 млн. и 30 млн. иен.

Существенно повышался по сравнению с 1916 г. процент, получаемый японскими банками за хранение (и, как оказалось впоследствии, за использование) «залогового золота» адмирала Колчака – до 7,5% за ценные бумаги и до 3% в год за чистое золото.

Все снова было расписано до мельчайших деталей: куда сдавать залоговые ценные бумаги и золото (в «Матсуда банк» – филиал «Чосен банк» во Владивостоке, ст. 2 соглашения от 7 октября), куда затем везти (в г. Осака, ст. 8), сколько будет стоить такой трансферт (6% от стоимости золота, ст. 8), как будет называться код («Special credit») в «Йокогама спешу банк» (Токио) и «Чосен банк» (Сеул), открытый на представителей Госбанка России при наличии у них официальной доверенности на распоряжение кредитами (ст. 8), однако при условии, что кредитная канцелярия Минфина в Омске срочно сообщит в Токио, Осаку и Сеул заверенные образцы подписей этих представителей (ст. 4 соглашения от 16 октября) Впоследствии, в 20-х годах, когда русские эмигранты на Дальнем Востоке начнут судиться с Синдикатом, требуя деньги назад, отсутствие заранее

высланных из Омска их «заверенных подписей» станет для японских судов формальным основанием для отказа в приеме исков и рассмотрении, хотя сам факт наличия «романовского» золота в Японии ни один суд не отрицал.

Со стороны Госбанка России оба соглашения подписал (под патронажем уполномоченного Минфина правительства Колчака во Владивостоке по продаже золота Никольского) представитель Госбанка России в Токио И.Г. Щекин 1922 г. как знаток вопроса И.Г. Щекин будет привлечен атаманом Семеновым к его судебным процессам по возврату этого русского золота из японских банков, однако судьи отведут этого знающего суть дела эксперта, как не имеющего «надлежащим образом оформленной доверенности» (из приговора Токийского окружного суда 9 марта 1925 г.) (Текущий архив Экспертного совета), со стороны Синдиката – два его уполномоченных: за «Йокогама спешу банк» – Н. Кайивара и Накайи, за «Чосен банк» – С. Катаяма.

Для сегодняшних переговоров с Японией об этом «романовском золоте» и набежавших на него за 80 лет процентах чрезвычайно важна ст. 8, включенная в оба соглашения – и от 7, и от 16 октября: «Государственный Банк России остается распорядителем золотого депозита и по первому требованию может возвратить его из Осаки во Владивосток (выделено мною. – Авт.)», уплатив лишь 6% издержек за «обратный трансферт».

О том, что «обратного трансферта» в Россию больше никогда не будет, свидетельствует нижеследующая таблица:

Ввоз золота и серебра в Японию в 1916-1920 гг.

*В килограммах (из всех стран),
Годы, В золотых иенах (из России), Золото, Серебро*

*1916, 39 млн. 189 тыс. «Большую часть суммы
составили „золотые векселя“ царского казначейства.»,
41,4162, 14,311*

1917, 39 млн. 059 тыс. 1,3274141, 37,4394463

1918, нет данных, 2,3334855, 103,4723562

1919, 55 млн. 854 тыс. 25,8559121, 79,5231191

1920, 3 млн. 381 тыс. 12,8009, 3 08,3075916

Источники: Сводная ведомость экономического управления Минфина Японии (1925 г.); Сводная ведомость управления монетного двора Минфина Японии (1936 г.) (Текущий архив Экспертного совета, копии на яп. яз.).

3. ЯПОНСКАЯ АРМИЯ ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ НЕ ВОЗВРАЩАЕТ...

До сих пор речь шла о русском золоте, чья утечка за рубеж так или иначе оформлялась межгосударственными документами, включая и «ленинское» золото, отправленное кайзеру, а ныне находящееся во Франции и Великобритании.

Но было так называемое «разовое золото», которое в бурные годы Гражданской войны в Забайкалье и Приморье, а также в Китае передавалось на временное

хранение с припиской на расписках: «С последующим возвратом», как правило, представителям японского командования экспедиционного корпуса Квантунской армии, в 1918-1922 гг. действовавшего в регионе Восточной Сибири, Маньчжурии и Приморья.

Об одном из таких разовых даров в виде 20 ящиков золотой монеты и 2 ящиков золотых слитков, сданных 22 ноября 1920 г. на железнодорожной станции Маньчжурия КВЖД начальником тыла семеновской армии генерал-майором Павлом Петровым под расписку начальнику японской военной миссии полковнику Рокуро Идзомэ (Исомэ), я подробно рассказал и в своих публикациях (опубликовав и текст, и фотокопию этой расписки), и в телевизионных выступлениях начиная с 22 сентября 1991 г. по Российскому телевидению в документальной передаче «Примирение: послесловие к конгрессу соотечественников в Москве».

Интерес к таким дарам от разбитых белогвардейцев не утихает до сих пор, хотя по реальному удельному весу в сравнении с золотыми коносаменами, официально переданными от Николая II, Керенского, Ленина и Колчака Антанте, кайзеру и микадо, все эти «дикие ящики» составляют ничтожную долю – менее 1%!

И тем не менее интерес историков и журналистов (если, конечно, они не гоняются только за сенсацией) вполне оправдан.

Во-первых, он свидетельствует, что не все белогвардейцы были отпетыми жуликами и ворами (примеры генерала Петрова, колчаковского казначея Мелких, военного атташе в Токио генерала Подтягина это подтверждают): им «за державу было обидно», и они

все-таки надеялись, что рано или поздно золотое достояние Отчизны вернется на Родину.

Во– вторых, они не только в экстремальных обстоятельствах отдавали это золото, но и спустя годы, уже в эмиграции, пытались вернуть (и не себе, а в благотворительные фонды и союзы эмигрантов) эти «золотые ящики» (генералы П.П. Петров и С.Н. Войцеховский, посол Д.И. Абрикосов), не боясь в открытую судиться с японской военщиной. И это последнее, пожалуй, самое важное для нас, их потомков: если нам все же придется повторить этот путь, их ошибки и аргументация японских судей нам будут уже хорошо известны, как и те архивы в Японии, США и Китае, где еще можно найти подлинники (или копии) расписок.

Одна из таких расписок, от 13 февраля 1920 г. принадлежит перу командира 30-го японского пехотного полка полковника Слуга и касается приема на хранение от войскового старшины Уссурийского казачьего войска Клока «двух ящиков и пяти мешков» из тех 38 пудов золота, что атаман того же войска Калмыков экспроприировал при бегстве из Хабаровска в местной конторе Госбанка. Поспешно отступая под натиском Красной армии, атаман не смог взять все золото с собой и приказал своему адъютанту Клоку сдать его на хранение под расписку японцам. Что с этим золотом стало, до сих пор неясно. Калмыков вскоре был зверски убит в Харбине.

По косвенным данным, «калмыковское» золото в Хабаровске находилось сначала у командира японской дивизии генерала Ямады, который якобы затем передал его интенданту всего японского экспедиционного корпуса

Квантунской армии в Приморье. Тот, в свою очередь, поместил золото в «Матсуда банк» (филиал «Чосен банк» во Владивостоке), и уже из «Матсуда банк» при окончательной эвакуации японцев с Дальнего Востока золото будто бы было вывезено в японский город Симоносеки.

Однако наибольший интерес у исследователей и журналистов по-прежнему вызывает судьба «семеновского» золота: захваченного в Чите в октябре 1919 г. четвертого «золотого эшелона» Колчака, направлявшегося во Владивосток. Атаман при поддержке японцев присвоил тогда сразу 172 ящика со слитками и 550 сумок с золотой монетой на сумму в 42 млн. 251 тыс. зол. руб.

Долгое время в литературе, как советской, так и эмигрантской, бытовало мнение, что Семенов в ноябре 1920 г. спасаясь от красных, бежал с этими ящиками в порт Дальний, где безбедно жил до самого 1945 г. когда его арестовали «смершевцы» (затем его судил советский военный трибунал, по приговору которого в 1946 г. атаман был повешен).

В рамках своего научного доклада «Куда делось российское золото?», который в марте 1993 г. С.П. Петров распространил в Москве среди членов и актива нашего Экспертного совета, он провел специальное расследование судьбы «семеновского» золота.

И оказалось, что Семенов физически не мог бы забрать с собой все золото, кроме одной-двух сумок: ведь он бежал из осажденной красными Читы на аэроплане. На основе личного архива своего отца и материалов харбинской эмиграции Гуверовского архива Петров установил: в январе-августе 1920 г. на нужды

своей армии и гражданским ведомствам атаман роздал 37 млн. 340 тыс. зол. руб. из тех 42,2 млн. что он в октябре 1919 г. захватил в Чите. Причем лично начальнику тыла генералу Петрову выделил 7,7 млн. именно из этих почти 8 млн. 22 ящика на 1 млн. 270 тыс. зол. руб. Петров и передал под расписку полковнику Идзомэ, а остальное начтыла роздал по ведомости отступавшим в Китай командирам остатков семеновской армии – Пучкову, Бангерскому и другим «на непредвиденные расходы».

В распоряжении Семенова на конец ноября оставалось около 5 млн. зол. руб. Вот их-то и следует искать.

Часть нашел уже сам генерал Петров. В записке своим адвокатам в 1933 г. он указал, что 21 ноября 1920 г. в последний раз встретился с атаманом как с главнокомандующим и сообщил ему, что назавтра намерен сдать последние оставшиеся у него 22 ящика главе японской военной миссии на временное хранение. Семенов ответил, судя по записке Петрова, что он сам предпринял «аналогичные шаги и также передал все оставшиеся у него казначейские средства на хранение японской миссии».

Вот почему, очевидно, ни я, ни другие исследователи (в частности, аспирантка Н.Н. Аблажей-Долженкова, читавшая в 1995 г. в архиве Гумеровского института неопубликованную рукопись атамана Г.М. Семенова «История моей борьбы с большевиками») расписок полковника Идзомэ или других японских военных, аналогичных расписке, данной 22 ноября 1920 г. генералу Петрову, пока не нашли.

Тем не менее хорошо известно, что представители атамана в 1920 г. действительно сдавали японским властям в других местах «золотые ящики» под расписку, в частности еще в марте 1920 г. в порту Дайрен (Дальний) были переданы 33 ящика, они были срочно отправлены в г. Осака в филиал «Чосен банк», где «золото было обменено на японскую валюту» (из протокола Токийского окружного суда от 9 марта 1925 г.).

В связи с возросшим в 1992-1996 гг. интересом к судьбе «колчаковского» золота, в частности среди отечественных японистов, особое внимание привлекли две ценные публикации – корреспондента ИТАР-ТАСС в Японии Василия Головина «Загадка колчаковского генерала» в журнале «Эхо планеты» (1992, № 39) и брошюры бывшего собкора «Правды» в Японии, профессора И.А. Латышева «Как Япония похитила российское золото?» (М. 1996).

Оба автора, опираясь на недоступные большинству российских историков материалы на японском языке, подробно показывают, как в 1918-1922 гг. офицеры военной разведки японской оккупационной армии в Забайкалье и Приморье, два будущих генерала – Р. Исомэ (Идзомэ) и Х. Куросава, а также майор Синкэй Кураки (впоследствии он станет доверенным лицом атамана Семенова на судебных процессах в Японии), подобно начфину Ф. Шипу из Чехословацкого легиона, «добывали» русское золото у различных генералов и казачьих атаманов, переправляя его в Японию. Так, В. Головин, ссылаясь на материалы парламентского расследования в марте 1926 г. указывает на создание в Квантунской армии целого «секретного фонда», которым в 20-х годах распоряжался будущий премьер Гиити

Танака, бывший военный атташе при царском правительстве и представитель японского командования при «омском правительстве» Колчака. Общая сумма фактически награбленного золота, по данным парламентского расследования, превышала 10 млн. зол. руб. а всего к концу 1922 г. в «секретном фонде» имелось более 60 млн. иен.

И.А. Латышев, ссылаясь на статью японского журналиста Томаки Абэ из газеты «Акахата» от 11 сентября 1977 г. под заголовком «Исчезнувшие слитки золота. Их нынешняя цена – 13 миллиардов иен», дополняет драматическую историю «семеновского» золота. Оказывается, переданные в марте 1920 г. в порту Дальнем 33 ящика золота – это еще далеко не все. В том же марте Семенов передал в Чите под расписку полковнику Х. Куросаве еще 143 ящика с золотом, и оно в конце концов также оказалось в «секретном фонде» японского военного командования. Не за эти ли золотые россыпи оба полковника были затем произведены в генералы?

Однако все эти хищения бледнеют в сравнении с авантюрой колчаковского генерала Сергея Розанова, с помощью японцев взявшего в ночь с 29 на 30 января 1920 г. все оставшееся в подвалах Владивостокского отделения Госбанка «колчаковское» золото и переправившего его в Японию, о чем подробно рассказал в своей книге И.А. Латышев Это была вторая пиратская акция японской военщины. Первая совершена там же, во Владивостоке, 16 марта 1917 г. когда на двух японских крейсерах была увезена четвертая «золотая посылка» из 2244 ящиков на 20 млн. 2499 ф. ст. да еще 5,5 т личного золота Николая II. «Независимая газета». – 1998. – 5 авг.

Генерал Розанов являл собой тот тип дореволюционных царских генералов, которые в годы Гражданской войны решили «играть в политику». Будучи официально прикомандированным адмиралом Колчаком в 1918 г. к атаману Семенову для военной связи между Омском и Читой, Розанов вскоре решил исполнить самостоятельную политическую роль и, вступив в тесный контакт с японскими оккупационными войсками, фактически начал действовать и против Семенова, и против Колчака. Его идеей фикс стало создание с помощью японцев «буферной» Дальневосточной республики во главе с самим собой. Но на ту же роль претендовали и атаман Семенов, и эсеровские деятели из числа сибирских «областников» из так называемого 1-го Совета уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС-1).

В последнем окопались видные «областники» – Якушев, Головачев и Валериан Моравский, о которых речь еще пойдет ниже.

К осени 1919 г. когда стало ясно, что омский режим Колчака вот-вот падет под ударами Красной армии и она не сегодня-завтра появится в Забайкалье, Розанов решил действовать. Он перебрался из Читы во Владивосток, создал свои собственные вооруженные силы, заручился поддержкой японцев и добился благоприятного нейтралитета комиссаров Антанты.

Но решили действовать и «областники». Их военной опорой стали отдельные части чехословацких легионеров под командованием генерала Гайды, сочувствовавшего эсерам. Решающее столкновение произошло 18 ноября 1919 г. во Владивостоке: войска Гайды и войска Розанова вступили в бой друг с другом в борьбе за власть в городе

в надежде, что победитель и провозгласит себя вождем Дальневосточной республики.

И хотя в военном отношении верх взял Розанов – мятеж «областников» был подавлен, а сам Гайда был ранен и взят в плен, – политически проиграли обе стороны. Дело в том, что рядовые участники боев с обеих сторон понимали лозунг создания ДВР совсем не так, как их вожди: во Владивостоке появились листовки с призывом созвать дальневосточное Учредительное собрание, начать переговоры с Советской Россией, прекратить Гражданскую войну и, главное, выгнать иностранных интервентов из Приморья. Это сразу охладило интерес Антанты и особенно японцев к идее создания ДВР. А без японской вооруженной помощи у Розанова не было никаких шансов стать «дальневосточным диктатором».

Не вышло стать диктатором, и тогда Розанов пустился в открытый грабеж, полностью оправдав данную ему характеристику одного из министров «омского правительства» Г.К. Гинса: «сумбурный, нечистоплотный, окончательно подорвавший престиж омской власти на Дальнем Востоке».

29 января 1920 г. Розанов явился к командующему японскими оккупационными войсками в Приморье генералу Сигемото Ои. Формально речь шла об эвакуации подчиненных Розанову военных частей «колчаковцев» ввиду угрозы захвата Владивостока отрядами красных партизан и эсеров. Фактически же два генерала заключили сделку: японцы не будут мешать спешному бегству «розановцев» из Владивостока (и действительно, на другой день «розановцы» были погружены на два русских военных транспорта), но в

обмен на это японцы «спасут» остатки золотого запаса, хранившиеся во Владивостокском отделении Госбанка России.

И вот в ночь с 29 на 30 января к одному из пирсов владивостокского порта швартуется японский крейсер «Хидзэн», прямо напротив стоящего на горе здания Госбанка. Вся территория между банком и пирсом тотчас же оцепляется вооруженным десантом японских матросов. В само здание врывается вооруженная штурмовая группа под командованием самого генерала Розанова, для камуфляжа переодетого в форму японского офицера. Но фактически командует не он, а все тот же полковник Рокуро Идзомэ, главный «спец» по «колчаковскому» золоту и в Забайкалье, и в Приморье. Идзомэ почему-то отлично знает все закоулки подвалов русского Госбанка во Владивостоке и ведет штурмовую группу именно туда, где лежат ящики с золотыми слитками и сумки с золотой русской монетой. Десятки японских матросов по его команде перетаскивают золотой груз на крейсер. Никаких актов о приемке или расписок не составляется. Вся операция длится не более двух часов. Идзомэ и Розанов с маленькой группой его приближенных (семья Розанова уже находится на крейсере) поднимаются на борт, и военный корабль отплывает к берегам Японии. «Золотая операция», вторая пиратская акция в истории японской военщины на Дальнем Востоке, завершена.

Спустя несколько дней во Владивостоке происходит очередной политический переворот – власть в городе переходит в руки Временного правительства Приморской областной земской управы, состоящей в основном из местных эсеров, настроенных резко антирозановски и антияпонски, но и не пробольшевистски. Союзные

комиссары Антанты (Франции, Англии и США) заявляют о поддержке переворота, и генерал Ои вынужден объявить о своем нейтралитете. Впрочем, дело уже сделано – остатки «колчаковского» золота плывут в Японию, японский ставленник Розанов и его войско – тоже, и пусть теперь эсеры покомандуют в городе без золота.

Разумеется, Приморская управа 19 февраля заявила генералу Ои и правительству Японии официальный протест, требуя возвращения золота, а против генерала Розанова еще и возбудила уголовное дело о краже в особо крупных размерах. Но все было тщетно – из Японии даже не ответили на этот протест и, конечно, не выдали Розанова.

Последний, судя по первоначальным сообщениям японской прессы, благополучно проживал с семьей в Йокогаме и отнюдь не бедствовал – 55 млн. иен на личном счете в Гонконг-Шанхайском банке, появившиеся у него после «владивостокской операции», позволяли обеспечить и себя, и своих внуков-правнуков на много десятилетий вперед.

Правда, в январе 1921 г. в той же японской прессе вдруг появилось сообщение, что генерал Розанов якобы погиб... в Крыму при отступлении войск Врангеля. И.А. Латышев ставит эту информацию японской «Иомиури симбун» от 22 января 1921 г. под большое сомнение, ибо «в Японии в те времена не раз бывали случаи, когда на самой японской территории совершались таинственные убийства людей, причастных к российскому золоту, причем публикации сообщений о выезде этих людей за пределы Японии использовались для того, чтобы спрятать концы в воду».

Я склонен разделить эти сомнения коллеги относительно гибели Розанова на Крымском фронте барона Врангеля. Упомянутая в Текущем архиве нашего Экспертного совета сумма из ведомости личного счета генерала Розанова за 1920 г. в Гонконг-Шанхайском банке в 1925 г. странным образом оказывается в «Ведомости экономического управления Минфина Японии» – те же 55 млн. 854 тыс. иен.

Остался Розанов жив или он погиб, несомненно одно: деньги его оказались все равно в Японии, как и то золото, что с его помощью было похищено в январе 1920 г. из Владивостокского отделения Госбанка России. Характерно, что в официозном издании Генштаба Японии «История интервенции в Сибири, 1918-1922 гг.» (на яп. яз.), вышедшем в межвоенный период, об «операции Розанова» во Владивостоке нет ни строчки.

И тем не менее борцы за белое дело в Сибири и на Дальнем Востоке не испугались судьбы генерала Розанова и с 1922 г. начали серию самостоятельных расследований и процессов в судах Японии. Это сложная, во многом запутанная история, где наряду с правдоискателями с русской и японской сторон действовало немало проходимцев и авантюристов, желавших набить карманы русским золотом.

Расследование В.И. Моравского

Валериан Иванович Моравский (1884-1942) сыграл ключевую роль в сборе документальных свидетельств о

русском золоте, ушедшем за границу, по самым свежим следам событий. Во всяком случае, он был самым первым из эмигрантов, кто еще в 1923 г. составил сводную справку «Русское золото за границей» Справка неоднократно мною публиковалась. См.: Россия. – 1994. – № 43. – С. 6; Общая газета. – 1995. – № 46. – С. 7; Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 208.

Моравский представлял собой типичного либерального интеллигента «западнического» толка на рубеже двух веков. В молодости «баловался эсерством», но очень скоро отошел от всех экстремистских – левых и правых – течений и стал ярым поклонником гуманистических идей великого писателя Владимира Галактионовича Короленко, которого сегодня бы назвали великим правозащитником.

Как и он, не принял большевистского переворота и большевизма в качестве политического течения: после октября 17-го Моравский всю свою жизнь посвятил борьбе с большевизмом. В 1908 г. он впервые попал в Сибирь как корреспондент кадетской газеты «Речь», и через несколько лет Сибирь стала для него второй родиной, хотя родился Моравский в обедневшей дворянской семье в Бессарабии и там же окончил православную духовную семинарию (затем в Петербурге Агрономический институт и прослушал два курса Петербургского института восточных языков).

В годы Первой мировой войны – активный «оборонец»; как и многие другие интеллигенты-патриоты, пошел «в службу» – в 1914 г. поступил в Министерство путей сообщения, в 1916 г. стал экспертом Министерства сельского хозяйства, приветствовал Февральскую революцию, как и

подавляющее большинство интеллигенции, став заместителем начальника департамента Министерства продовольствия Временного правительства.

Октябрьский переворот активно не принял, был одним из руководителей забастовки служащих Минпрода, арестован лично Ф.Э. Дзержинским, но вскоре был отпущен и срочно уехал в Сибирь, в Томск. Там принял самое активное участие в движении сибиряков-"областников", в декабре 1917 г. был назначен управляющим делами 1-го Сибирского автономного правительства в Томске. В феврале 1918 г. избран в Сибирскую областную думу и назначен ее государственным секретарем.

Это правительство в Томске было первым и последним законно избранным правительством на территории Сибири и Дальнего Востока. После Уфимского совещания всех сил «демократической контрреволюции» сибирское правительство передало свои полномочия Директории, но после переворота 18 ноября 1918 г. в Омске «областники» отошли от адмирала, и Моравский вошел в 1-й Совет уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС-1). СУОАС выступал с идеей «третьей силы» между Колчаком (Семеновым) и большевиками, пытаясь создать правительство «буферной» Дальневосточной республики под контролем сибирских «областников».

К военной диктатуре Колчака Моравский относился резко отрицательно, работая по снабжению в Сибземгоре (Всесибирский союз земств и городов) на Дальнем Востоке. В 1920 г. вошел в комитет по борьбе с большевизмом во Владивостоке, издавал там антибольшевистскую газету «Вечер». В 1921 г. там же

вошел во 2-й Совет уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС-2).

Между тем в белом лагере началась чехарда власти: 4 января 1920 г. перед тем как его арестовали представители иркутского Политцентра, Колчак передал полномочия «Верховного» атаману Семенову. Очень распространенная ошибка в литературе о Гражданской войне в Сибири: Колчак якобы передал полномочия Верховного правителя России А.И. Деникину. На самом же деле – атаману Г.М. Семенову, но тот в ноябре 1920 г. эмигрировал и только 7 февраля 1922 г. де-юре передал свои «верховные полномочия» СУОАС-2 во Владивостоке.

За три дня до захвата Владивостока большевиками СУОАС-2 сформировал собственное так называемое 2-е Сибирское правительство, в котором Моравский получил портфель министра финансов, труда и промышленности. Но это правительство бежало, успев вновь передать «верховные полномочия» СУОАС.

К концу 1922 г. Моравский с третьей женой и ее двумя детьми от первого брака оказался в Шанхае в долгой, до самой смерти, 20-летней эмиграции. Все эти годы экс-министр был одним из руководителей СУОАС-2 (а после смерти старого народовольца-"областника" А.В. Сазонова – и его председателем), сочетая антибольшевистскую политическую борьбу с поиском денег на нее, главным из источников которых было русское золото в Японии и Гонконге.

Уже в августе 1923 г. с полномочиями от СУОАС-2 Моравский отправился в Токио и Осаку с целью получить 2 млн. 400 тыс. зол. иен, причем он повез с собой расписки (включая и «петровскую» от 22 ноября 1920 г.), полученные за сданные на хранение японцам

многочисленные ящики с русским золотом. Посредником в операции был избран некий японец Шюн Сузуки, мелкий коммерсант, до того промышлявший на русском Дальнем Востоке и выдававший себя за адвоката-"мэтра".

И надо же было такому случиться: 1 сентября 1923 г. в Токио произошло гигантское землетрясение. Моравский с двумя другими своими «суоасовцами» – профессором Томского университета и бывшим министром иностранных дел 1-го и 2-го Сибирских автономных правительств М.П. Головачевым и управделами СУОАС Г. Чертковым – едва успели выскочить во двор, как здание гостиницы рухнуло, погребя все личные вещи постояльцев, в том числе и подлинник расписки Идзомэ. Конечно, у генерала Петрова и других эмигрантов остались копии. Но между Петровым и Моравским пробежала «черная кошка» – землетрясение землетрясением, но документ на 1 млн. 200 тыс. зол. руб. мог бы и спасти. Эта неприязнь невольно перешла и к сыну генерала, не жалующего Моравского-отца в своих трудах (см. например, письмо Сергея Петрова в редакцию журнала «Знамя», 1992, № 10).

Утрата расписки еще раз сыграла злую шутку с Моравским, когда он в 1932 г. второй раз попытался получить «петровское» золото по расписке полковника Идзомэ. Суд вроде бы соглашался, но требовал подлинник, а его, как известно, уже не было. И дело снова сорвалось Два документа за 1923 и 1930 гг. по «золотым делам» из личного фонда В.И. Моравского в Гуверовском архиве см.: Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 208-209.

Поездки в Японию в надежде отсудить «петровское», «подтягинское» и «миллеровское» золото Моравский сочетал с поиском политических союзников в антибольшевистской борьбе в тогдашнем японском истеблишменте. Он встречался в 20-30-х годах с известным японским либералом, главой Конституционной партии Такеши Инукайем, с бывшим подполковником, заместителем начальника военной миссии Японии в Харбине в 1918 г. а затем влиятельным генералом Араки, в 1933 г. в марионеточном Маньчжоу-Го виделся с начальником императорской гвардии «императора» Пу И генералом Кудо, снова в Токио с главой тайного влиятельного самурайского общества «Кокурюкай» Мицуру Тоямой и многими другими.

Видимо, эти политические контакты Моравского в Японии не прошли бесследно. В 1932 г. он неожиданно переезжает из Шанхая в Харбин, где семью Моравских ждет роскошный особняк с горничной, кухаркой, поваром, садовником, учителями-репетиторами для сына Никиты. Нечто подобное происходит в 1934 г. с генералом Петровым: у него в Японии тоже появились особняк, прислуга, автомобиль, и это после хибарки в Мукдене, где он подрабатывал фотографией. Моравский начинает издавать в Харбине «Нашу газету». Но через год столь же неожиданно горничные и репетиторы исчезают, семью выселяют из особняка, мать с сыном ютятся несколько недель в какой-то халупе, пока ночью не приезжает Моравский и не увозит жену и сына в Шанхай. Сын Никита, которому тогда было десять лет (а Сергею Петрову – одиннадцать), конечно, ничего не понимал, но склонен сегодня, на закате жизни, предполагать, что такие житейские метаморфозы были связаны, разумеется, не с доходами от русского золота (его ни

Петров, ни Моравский так никогда и не получили), а с политической борьбой в японских высших кругах и ставкой одной из фракций японских политиков на русскую фашистскую партию.

И не случайно, что именно в 1928 г. СУОАС-2 раскололся на две организации – собственно СУОАС и просто СУСО – Совет уполномоченных сибирских организаций (без автономных). Первую по-прежнему возглавлял Моравский, а вот вторую – его недавний друг Мстислав Петрович Головачев. В расколе виделась умелая японская рука. Головачев вдруг стал ратовать за создание «буферного Сибирского государства» под протекторатом Японии как главного оплота борьбы с коммунизмом на Дальнем Востоке. Это вызвало раскол сибирских эмигрантов-"областников" на два лагеря – антияпонский и прояпонский. Впрочем, япономания Головачева длилась недолго: с 1931 г. как только Квантунская армия снова обосновалась в Маньчжурии, оттуда толпами повалили на юг Китая русские эмигранты – самураи их третировали как слишком розовых. Кончилось все тем, что Головачев с Моравским помирились, а СУОАС снова стал единым.

Спустя много лет в очерке об отце Никита Моравский, уже переживший отца на целых 15 лет, весьма объективно отметил его недостатки: он «не всегда держал слово, был непунктуален... и порой слишком поспешно судил о людях. Самым же серьезным его недостатком было легкомысленное обращение с деньгами и нередкое невозвращение долгов в срок».

Добавим к этой критике – и весьма легкомысленное отношение к женщинам.

Поэтому за Моравским в эмиграции всегда полз шлейф слухов – и что он будто фальшивомонетчик (деньги от «адвоката» Шюна Сузуки), и агент Коминтерна (его соратник по «золотым поискам» К.И. Славянский в середине 30-х годов неожиданно сбежит в СССР), да и вообще жидомасон Уникальную листовку русской фашистской партии начала 30-х годов, в которой его отец обзывается и «агентом Коминтерна», и «жидомасоном», обнаружил в фонде отца в Гуверовском архиве Никита Моравский (Текущий архив Экспертного совета).

И все же В.И. Моравский внес весомый вклад в продолжение эпопеи «золото России за рубежом»: он сумел собрать, систематизировать и, главное, осенью 1941 г. с оказией (в багаже американского бизнесмена Вулсифера, возвращавшегося из Китая домой) отправить в США свой уникальный архив за 1917-1941 гг. (тридцать коробок материалов). В 1948 г. Вулсифер передал архив В.И. Моравского в Гуверовский институт войны, революции и мира. И мы теперь располагаем ценнейшими документами.

Судебный процесс генерала М.П. Подтягина Из всех судебных процессов, которые когда-либо велись за границей в 20-30-х годах по делу о возврате «русского» золота, два были самыми громкими: девицы «Анастасии» Андерсон, лжедочери Николая II, – в британских судах и против военного агента России в Токио генерал-майора М.П. Подтягина – в японских.

«Лжедочь» нас мало интересует – это была типичная авантюристка, пытавшаяся завладеть личным золотом семьи последнего царя Сколько лет со времен аферы «Анастасии» Андерсон прошло, но не перевелись

на Руси самозванцы! Едва в печати появились сообщения о «царском» золоте за границей, как инстанции и наш Экспертный совет были завалены письмами «сыновей» и «внуков» Николая II, требующих свою долю золота. Последний по времени звонок из США от очередного «царя» раздался у меня дома в июне 2003 г. Подробнее о современных «августейших детях лейтенанта Шмидта» см.: Кашиц В. Кровь и золото царя. – Киев, 1998.

Михаил Павлович Подтягин был направлен Военным министерством еще в годы Первой мировой войны в Японию как военпред (размещение и приемка артиллерийского вооружения) и «причислен к императорской военной миссии в Токио» с правом открытия собственного «казенного» счета в банках.

По некоторым данным, на него была возложена задача воплотить в оружие (снаряды, патроны и т.д.) статьи русско-японской финансовой конвенции от 4 сентября 1916 г. о которой речь шла выше.

Бурные революционные события 1917 г. (дважды власть в России менялась) привели к тому, что «временные» сменили всю верхушку российского дипкорпуса в Японии: посла П.П. Крупенского заменил поверенный в делах Дмитрий Абрикосов (1876-1951), кстати потомок известной купеческой семьи Абрикосовых, «шоколадных королей» России, наследники которых сегодня пекутся о возвращении им знаменитой фабрики им. Бабаева в Москве, а царского военного агента, самовольно сбежавшего в США, – генерал Михаил Подтягин.

Оба пробыли в «послах без государства» в Японии по семь-восемь лет: Подтягин – до мая 1924 г. (затем уехал в Париж), а Абрикосов – до февраля 1925 г. до

того, как Япония и СССР 20 января установили официальные дипломатические отношения (посол уехал в Калифорнию, США, где в 1951 г. в возрасте 75 лет умер, успев, правда, написать очень интересные мемуары, вышедшие посмертно).

Оба – профессионалы, только один – дипломат (работал с 1904 г. в посольствах Лондона, Пекина, в центральном аппарате МИД в Петербурге), а другой – военный. Обоим в 1917-1925 гг. пришлось действовать на свой страх и риск, без директив из центра, да при этом еще единолично распоряжаться огромными валютными резервами в японских банках и их филиалах во Владивостоке, Сеуле, Пекине, Шанхае, Гонконге.

Положение Подтягина было особенно сложным, ведь именно через него шли «золотые коносаменты» Колчака на закупки оружия, его же бомбардировал телеграммами и слал к нему гонцов за оружием атаман Семенов, к нему попадали разные «случайные» ящики с золотом, там и сям всплывавшие в Японии.

Здесь следует сделать отступление. За исключением одного царского посла в Португалии Унгерн-Штернберга, одного поверенного в делах в Испании Ю.Я. Соловьева и одного военного агента во Франции генерал-лейтенанта графа А.А. Игнатьева (автора вышедшей еще в сталинские времена книги «50 лет в строю»), все остальные послы и военные атташе царского и Временного правительств большевиков не признали и выполнять их директивы отказались.

Учитывая, что Запад и Восток (Япония) большевистский режим не признавали, сложилась парадоксальная ситуация «двух России» (как позднее, после китайской революции 1949 г. «двух Китаев»).

Причем вторая, зарубежная, белая Россия фактически к 1921 г. (когда большевики окончательно разбазарили свою долю доставшегося им золотого запаса царской казны) стала распорядителем огромных валютных резервов в 3 млрд. 617 млн. зол. руб. не считая золотых коносаментов императорского, Временного, колчаковского, семеновского и прочих правительств, отправленных на Запад и Восток в 1914-1922 гг. (подробнее см. Приложения, табл. 1).

Заграничные банки и фирмы в этих условиях юридическими распорядителями русских денег признавали только послов, военных атташе да еще одну, чисто русскую, категорию российских представителей за рубежом – финансовых агентов (институт, введенный лично министром финансов графом С.Ю. Витте с 1894 г. для преодоления ведомственного соперничества за границей; об одном из первых таких агентов – Артуре Рафаловиче в Париже – мы уже писали выше).

И в Токио в 1917 г. был такой агент – Константин Константинович Миллер, имевший отдельный от Абрикосова и Подтягина валютный счет, причем на нем к 1920 г. находились огромные деньги (6 млн. 940 тыс. япон. иен, 25 млн. ф. ст. 424 тыс. франц. фр. 450 тыс. мекс. долл. Петров С.П. Доклад // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 253 (табл. V)). Понятное дело, японцы хорошо знали об этих богатствах на счетах российского финансового агента.

Дело в том, что на Парижской мирной конференции лета 1919 г. интересы этой белой зарубежной России (большевиков на конференцию не пригласили) представляла русская заграничная делегация во главе с бывшим царским министром иностранных дел С.Д.

Сазоновым. В ноябре 1916 г. в разгар Первой мировой войны, он был грубо отстранен Николаем II со своего поста за отказ санкционировать секретные переговоры «распутинского клана» (премьер Б.В. Штюрмер, банкир Д.Л. Рубинштейн и др.) в Швеции о сепаратном мире с Германией.

Больших успехов Сазонов, несмотря на все усилия, не достиг – Антанта упорно держала его в «предбаннике» конференции, но одно дело ему удалось: в Версале бывшие союзники России согласились временно признать прежний статус всех российских заграничных представителей – послов, поверенных в делах, консулов, военных и финансовых агентов «У России одно будущее – великая держава» (письмо С.Д. Сазонова и К.Д. Набокова колчаковскому премьеру П.В. Вологодскому в Омск, 1919 г.) // *Неизвестная Россия.* – Вып. 3. – М. 1993. – С. 9-40. И к 1919 г. сложилась парадоксальная ситуация: в Москве сидели большевики, а за рубежом – белые послы с огромными деньгами. Для Ленина и Троцкого (а также для всех желающих завладеть «русским золотом» в иностранных банках) дело осложнялось тем, что в ноябре 1919 г. узнав об этом «временном» решении Антанты в Версале, Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак разослал циркуляр по всем российским заграничным представительствам с требованием срочно перевести валюту с казенных на личные счета: вдруг Антанта передумает и дипломатически признает Советскую Россию?

Как в воду глядел адмирал! С 1924 г. началась «полоса дипломатического признания» СССР Западом и Востоком (не все, однако, это сделали слишком быстро: США – лишь в 1933 г. Швейцария – накануне Второй

мировой, а ряд стран Латинской Америки – и вообще после Второй мировой войны), но большевики не добились самого главного от этой «полосы»: денежки-то им (кроме графа Игнатьева и частично посольства в Лондоне) ни один бывший белый посол, консул или агент так и не вернул – как же, теперь они были на «частных» счетах!

Конечно, не все заграничные представители царской России оказались бессребрениками и избежали искушения поживиться в личных интересах такими гигантскими суммами бывших казенных денег. Не мучились угрызениями финансовый агент в Париже уже известный нам Артур Рафалович, наложивший руку сразу на 1439 тыс. зол. фр. и финансовый уполномоченный барона Врангеля в Лондоне профессор Бернатский (607 тыс. ф. ст.). Но подавляющее большинство «новыми русскими» не стали и на своих «частных» счетах ревниво берегли каждую копейку.

Другое дело, как они ими распорядились. Послы царского и Временного правительств помимо объяснимых затрат на содержание зданий дипломатических миссий и жалование персоналу оказывали огромную финансовую помощь русской эмиграции. Крупные суммы от послов-"частников" поступали на благотворительность через общественные и церковные эмигрантские организации, на школьное и вузовское образование молодежи (особенно в Праге, Белграде и Софии), на выплату пенсионных пособий, на «гранты» (стипендии) видным деятелям Белого движения (один такой крупный грант от посла Г.П. Бахметьева из США получил генерал А.И. Деникин на написание своих многотомных «Очерков русской смуты»).

В 1920 г. царские послы организовались под председательством Г.П. Бахметьева, в прошлом крупного русского инженера, несколько лет до 1917 года стажировавшегося в США, в Совет послов, который начал координировать из Вашингтона через Париж, Лондон и Токио всю финансовую помощь эмиграции.

Вскоре выяснилось, что у некоторых послов либо нет личных счетов (Василий Маклаков, известный адвокат и видный кадетский деятель, замешкался, а когда спохватился – французы не дали ему перевести казенные деньги на личный счет), либо открывать их было все равно бесполезно (в Германии или бывшей Австро-Венгрии казенные деньги еще перед войной 1914 г. изъяли чиновники царского казначейства).

Зато у других – генконсулов в Шанхае В.Ф. Гроссе и в Гонконге В.О. Эттингена – в 1919 г. благодаря золотым коносаментам Колчака накопились огромные остатки на миллионы фунтов стерлингов и золотых рублей. Виталий Гузанов, изучавший эту проблему по документам дипломатической переписки МИД «омского правительства» Колчака, высказывает продуктивную мысль, что с 1920 г. Гонконг-Шанхайский банк становится одной из «золотых кладовых» Совета послов, который постепенно перекачивает ее содержимое в США.

В Японии многие, и особенно военщина, точили зубы на «золото послов», явно используя в своих корыстных целях некоторых белых эмигрантов, в частности Моравского. Судя по документам, хранящимся в Текущем архиве нашего Экспертного совета, здесь дело не обошлось и без участия советской разведки в судебных процессах 20-30-х годов против Подтягина.

По крайней мере два фигуранта этих процессов – некто А.В. Балакин из СУОАС-2, которого посол Д.И. Абрикосов называл «типичным авантюристом, кои процветали на Дальнем Востоке в период Гражданской войны», и К.И. Славянский, бывший деятель Всероссийского крестьянского союза, – подозревались белой эмиграцией в том, что они – «тайные агенты ОГПУ».

В документах нашего архива есть туманные намеки (подтвержденные в 1993 г. Ф. Ватанабэ) на то, что и два главных японских фигуранта – все тот же «адвокат» Шюн Сузуки и второй посредник Синкэй Куроки, бывший офицер разведки японского Генштаба, прикомандированный в 1918 г. к штабу атамана Семенова в Забайкалье, – обхаживались агентами ОГПУ в Китае и в Японии. Иначе чем можно объяснить странные заявления свидетелей истцов в Токийском суде еще до официального (январь 1925 г.) признания Японией СССР типа: «Подтягин будет лишен права распоряжаться этими суммами, и они будут переданы Советскому государству». Впрочем, у части потомков эмигрантов той поры и сегодня бытует мнение, что игра была двойной – действовали и ОГПУ, и японская разведка; интересы последней, возможно, и представлял в процессах Куроки, скоропостижно скончавшийся в 1934 г.

И именно этим сомнительным посредникам – Балакину, Славянскому, Сузуки и Куроки – доверились генерал Петров (доверенность на ведение дела в Японии о 22 ящиках золота Славянскому от 7 декабря 1921 г.), публицист Моравский (доверенность Сузуки от 16 декабря 1923 г.) и атаман Семенов (доверенности Куроки от 15 июля 1922 г. и Сузуки от 29 октября 1923 г.).

Вчиненные этими авантюристами Подтягину и Миллеру, а также Гонконг-Шанхайскому банку (1 ноября 1930 г. доверенность Моравского Сузуки) в японских судах иски колебались от 1 млн. 61 тыс. 900 зол. иен (Подтягину) до 12 млн. зол. руб. (банку).

С формально-юридической стороны вначале речь шла о совершенно конкретной сумме – так называемых «семеновских» деньгах в 1 млн. 400 тыс. иен, перечисленных атаманом в сентябре 1920 г. за военное снаряжение для армии в 45 тыс. человек (примерно столько у атамана было под ружьем на тот момент в Забайкалье), которое в принципе было заказано еще Колчаком и им же через Подтягина оплачено из того самого «залогового золота», что было привезено в Японию по соглашениям 1919 г.

Поскольку все это снаряжение ввиду падения правительства Колчака и его отказа 4 января 1920 г. от всех полномочий в пользу атамана Семенова так и осталось на складах японского военного ведомства, Семенов еще в марте 1920 г. отправил в Токио к Подтягину своего порученца генерал-майора Сыробоярского, и тот подписал с военным агентом соглашение: за 1 млн. 400 тыс. иен Подтягин переуступает примерно 1/6 «колчаковского» имущества на японских складах в пользу забайкальской армии Семенова.

20 сентября 1920 г. чиновник Читинского отделения Госбанка Лосев привозит Подтягину чек на требуемые 1 млн. 400 тыс. иен. Осторожный военный атташе, посоветовавшись с послом Д.И. Абрикосовым, иск сразу не принимает, а требует от Лосева «бумагу», чтобы удостовериться, что деньги не ворованные, а законно

вырученные от продажи «русского золота» представителями Семенова во Владивостоке, то есть казенные. Лосев это и удостоверил с «приложением гербовой печати Читинского отделения Госбанка».

Запомним этот ход Подтягина-Абрикосова.

Никакого военного снаряжения Семенов, как и Колчак, в итоге так и не получил; в ноябре 1920 г. свою отступающую в Китай армию он бросил, улетел из Читы на аэроплане и... на несколько месяцев вообще пропал, скрываясь то ли в Китае, то ли в Японии (потом оказалось, что в США). Но в мае 1921 г. неожиданно объявился в Японии и с ходу предъявил Подтягину пока устное требование: верни 1 млн. 400 тыс. не грехи, ибо ты взял с меня за оплаченное уже Колчаком военное имущество (что действительно было так). Подтягин снова посоветовался с Абрикосовым, и они решили часть денег (338 тыс. иен), которые военный агент действительно взял из семеновской «предоплаты», вернуть, что и было сделано, но остальное не трогать.

Кто такой теперь Семенов? Частное лицо, бездарно проваливший белое дело в Забайкалье, ограбивший Колчака да еще торговавший ворованным золотом по бросовой цене во Владивостоке, – хватит с него и 338 тыс.! К тому же все генералы-"каппелевцы" (Петров, Войцеховский, Вержбицкий, Пучков) в один голос в эмиграции твердили, что весь штаб атамана состоял из «отпетых подлецов» (оценка Петрова).

В эмигрантской прессе В.И. Моравский напомнил, что, когда Семенов вернулся из США во Владивосток, ему даже не разрешили спуститься на берег с борта корабля, как «дезертиру», и он вынужден был отбыть в Японию, где временно осел в Нагасаки. Но атаман не сдается –

требует денег! В июне 1921 г. шлет в Токио к Подтягину и Абрикосову очередного гонца генерала Н. Магомаева. Ответ Подтягина однозначен: деньги – казенные, частным лицам я их не отдам, разве что российский посол в Токио письменно прикажет. А посол Абрикосов «не приказывает»...

Ситуация вокруг миллиона «семеновских» иен на счетах военной миссии еще более осложнилась, когда по рекомендации Семенова на них с августа 1921 г. стали претендовать две японские фирмы – «Тойо Сейка Джо» и «Фукуда Гуми», с которыми атаман не расплатился еще с забайкальских времен. Японские фирмачи не стали ходить по судам, а заявили в центральное полицейское управление в Токио и потребовали срочно арестовать все счета российского посольства и военной миссии. Видимо, у Абрикосова с Подтягиным за годы работы в Токио сложились неплохие отношения с полицией, ибо с арестом счетов дело не двигалось целый год. Но 24 августа 1922 г. начальник столичной полиции все же посоветовал Подтягину перевести спорный миллион со старых счетов на новый во все тот же «Йокогама спешу банк» и самому арестовать его, сделав приписку: «До решения компетентного суда». Военный агент так и сделал.

Вот тогда-то Семенов и спустил своих «борзых» – С. Куроки и Ш. Сузуки – на счета российской военной миссии, включая и только что открытый новый счет в «Йокогама спешу банк», о чем 5 июля 1922 г. атаман известил Подтягина письменно. При этом Семенов выдал Куроки 15 июля 1922 г. самую широкую доверенность, фактически делая его правопреемником «семеновских» миллионов.

В Токийском окружном суде этот первый процесс по «делу Подтягина» тянулся с 15 сентября 1922 г. (29 октября 1923 г. атаман подключил к делу и второго «концессионера» – Ш. Сузуки), почти два с половиной года, и 9 марта 1925 г. был вынесен вердикт: отказать истцу как частному лицу, желающему завладеть казенными деньгами (председатель суда – Хорита Кахичи).

Понятно, что Куроки и Сузуки с этим решением не согласились и, пользуясь тем, что у них в запасе была еще и доверенность СУОАС-2 от 27 февраля 1922 г. подали апелляцию в Высший суд Японии. Там дело тянулось еще четыре года и завершилось в октябре 1929 г. отказом не только Семенову, но и СУОАС-2. Вместе с тем суд внес «поправку» – 1 400 000 иен принадлежат не Подтягину, а Дальневосточной армии Забайкалья, но ее больше нет, а посему и деньги «ничьи» Такой «пассаж» – отказ «государственнику» Подтягину в распоряжении «казенными» деньгами – был явно связан с дипломатическим признанием 20 января 1925 г. СССР Японией, что автоматически делало военного атташе белого правительства «персоной нон грата», то есть пусть пока лежат в «Йокогама спешу банк». Где они лежат и по сию пору...

О последующих методах обмана японских судов «интернациональной» группой авантюристов свидетельствует такой факт. Проиграв к 1925 г. все процессы против военного и финансовых агентов в токийских судах, участники японского варианта фирмы «Рога и копыта» забросили исковой бредень в суды других городов Японии. И – о чудо! – в одном из них – суде г. Кобе (1926 г.) – решение оказалось положительным: «концессионерам» неожиданно

присудили «подтягинское золото» (более 1 млн. зол. иен). Но суд обусловил их окончательную выдачу двумя моментами:

- а) залогом в 300 тыс. иен;
- б) личной явкой генерала Подтягина в суд.

С залогом еще как-то можно было выкрутиться, а вот с явкой агента в суд дело обстояло совсем худо: не дожидаясь решения Токийского окружного суда, 9 марта 1924 г. военный атташе с санкции посла Абрикосова подал в отставку и в мае 1924 г. навсегда уехал из Токио в Париж. Генерал мотивировал свой уход крайним нервным истощением (с декабря 1921 г. он непрерывно судился), угрозами физической расправы с ним и членами его семьи (в «объяснительной» генерала по мотивам отставки делался намек, что здесь не обошлось без «руки Москвы») и явно назревающим дипломатическим признанием СССР, что автоматически лишило бы военного агента царской России дипломатического иммунитета.

Однако, прежде чем уехать, еще 27 февраля 1924 г. генерал пишет атаману Семенову, главному инициатору судебного процесса против него, полное достоинства, но категоричное письмо. В нем он стыдит Семенова как русского офицера за недостойное поведение, подчеркивая, что находящиеся на счетах русской военной миссии деньги – это не его, Подтягина, личные (хотя счета в соответствии с директивой Колчака в ноябре 1919 г. генерал переоформил на свое имя), а казенные деньги, и он никогда не допустит, чтобы некие куроки и сузуки наложили свои грязные лапы на государственное достояние России. Пока, как писал далее генерал, до окончательного решения суда деньги

военной миссии находятся под арестом, но, как только решение состоится (а Подтягин не сомневался, что он выиграет), военный агент намеревался сразу же перевести их из Японии в Югославию или во Францию на имя генерала барона П.Н. Врангеля РОВС (Российский общевойсковой союз) – созданное в Белграде в 20-х годах бароном Врангелем объединение офицеров-эмигрантов. На Дальнем Востоке отделение РОВС до 1937 г. возглавлял генерал М.К. Дитерикс, верховного председателя РОВС.

Что делают Сузуки с Куроки, пока их апелляция по решению Токийского суда пылится в Высшем суде Японии? Проводят параллельную операцию в лучших традициях нашего литературного героя Остапа Бендера: уговаривают безработного и всеми забытого бывшего аса японской авиации Н. Хирохичи, инструктируют его, гримируют, переодевают в форму дореволюционного русского генерала с аксельбантом и... приводят этого Лже-Подтягина в суд г. Кобе.

Самое поразительное: в июне 1926 г. суд поверил лжегенералу, а тот прямо в суде заключил со своими «противниками» мировую – деньги поделили 50 на 50. Да настолько талантливо сыграл японский летчик, что вызвал аплодисменты и у судей, и у публики в зале. Дело было выиграно, и с решением суда «концессионеры» отправились в отделение «Йокогама спешу банк», где, они были уверены, их ждал один миллион золотых иен «на блюдечке с голубой каемочкой».

Но то ли летчик на радостях хватил перед походом лишний стаканчик саке, то ли грим от жары потек, но в банке один из служащих, неоднократно ранее видевший настоящего Подтягина (он несколько лет подряд

приходил сюда оформлять свои военные счета), заподозрил неладное. Охрана банка вызвала полицию, и вся компания во главе с прославленным асом и национальным героем страны оказалась в полицейском участке. Там без труда установили, что «русский генерал» – не настоящий, а подставной. Афера попала в газеты. Замелькали имена атамана Семенова, генерала Петрова, «друга» японских генералов Моравского. Газетчики писали о «руке Москвы», якобы устроившей всю эту провокацию с Лже-Подтягиным.

Через три месяца, в октябре 1926 г. «концессионеры» сидели в том же суде г. Кобе. Оказывается, во всем был виноват... атаман Семенов. Это он, бес, их попутал, так как якобы подсказал идею с «лжегенералом» и даже через своих представителей будто бы руководил гримировкой и переодеванием японского летчика. За идею атаману выдан был «концессионерами» аванс в 60 тыс. иен, а он посулил за выигранное дело отвалить на пятерых всего 150 тыс. Ключевой в оправдательных речах жуликов была одна фраза: «Мы трудились не только за гонорар. Мы искренне верили, что, добывая деньги для атамана Семенова, мы вносим свой финансовый вклад в борьбу с большевизмом» (?!).

Иными словами, мы – воры, но «идейные». Просим поэтому суд о снисхождении. Жаль, что Ильф и Петров не знали в 20-х годах этот японский сюжет. То-то бы они повеселились всласть, поместив на место японского летчика Остапа Бендера (а может быть, наоборот?). Комбинаторы всего мира, как и пролетарии, национальности не имеют.

Впрочем, Сузуки и Славянский свои аферы не оставили. В 1932 г. оба появились вновь, и снова как «соавтор» иска здесь оказался замешанным Валериан Моравский, уже председатель СОУАС-2. Теперь речь шла о «петровском» золоте и расписке полковника Рокуро Идзомэ (или об 1 млн. 270 тыс. зол. руб.).

«Концессионеры» вызвали генерала П.П. Петрова из Мукдена в Токио, куда он и приехал осенью 1932 г.

Процесс генерала П.П. Петрова (1932-1941 гг.)

Это был последний судебный процесс, который бывшие белогвардейцы-эмигранты вели в Японии.

Предыстория процесса распадается на два этапа: 1932-1934 гг. – генерал Петров пытается выиграть дело внесудебным путем, но с помощью Сузуки и Славянского; 1934-1941 гг. – Петров судится один, привлекая профессиональных японских адвокатов с высокой репутацией. В обоих случаях речь идет о 22 ящиках золота.

Петров знал К.И. Славянского еще по Гражданской войне в России, ибо в качестве начальника тыла Дальневосточной армии контактировал с представителем Сибирского крестьянского союза (СКС) Славянским как главным поставщиком продовольствия в армию. Судя по расследованию сына генерала Петрова (а Сергей Павлович регулярно сообщал мне в Москву о нем в своих обстоятельных письмах в 1992-1994 гг.), еще в декабре 1921 г. именно ему, Славянскому, генерал доверил подлинник расписки полковника Рокуро Идзомэ на 22 ящика золота в надежде, что Славянский, пробивной сибирский делец, получит с японцев хотя бы часть (за вычетом комиссионных). Причина этой «слабинки» П.П. Петрова была самая что ни на есть житейская – у него

вот-вот должен был родиться ребенок, а у родителей не было денег даже на пеленки (именно тогда генерал стал подрабатывать любительской фотографией, интерес к которой пронес затем через всю жизнь).

Поехав в Токио в 1923 г. Славянский случайно встретил там Моравского с Сузуки, которые тоже искали пути, как бы «отовариться» за счет русского золота. Велеречивый Моравский уговорил Славянского не открывать отдельного судебного процесса по «делу Петрова», а присоединить его иск к уже начатому «делу Подтягина», показав кучу доверенностей от атамана Семенова и «досье», которое Сузуки уже подготовил по делу о «подтягинском» золоте.

В качестве вклада в «дело» (а оно верное, и двух месяцев не пройдет, как мы выиграем, уверяли Моравский с Сузуки Славянского в два голоса) Моравский одолжил под расписку подлинник документа Идзомэ, того самого, что через несколько дней во время сентябрьского землетрясения 1923 г. и погибнет в одной из гостиниц Токио, где остановились деятели СКС, СУОАС и Сузуки. Правда, как сообщал мне в ноябре 1991 г. Сергей Петров, когда я в первый раз посетил его коттедж в Милл-Вэлей, что под Сан-Франциско, его отец как фотограф-любитель снял в Мукдене несколько фотокопий с оригинала, прежде чем отдать его Славянскому (именно эти фотокопии с собственноручной росписью Идзомэ и будут фигурировать в судебных процессах Петрова с 1932 по 1941 г. и именно одну из них я опубликовал в журнале «Деловые люди» (1992, № 3 неопубликованном письме в редакцию журнала «Знамя» по поводу моей статьи «Вернется ли на родину российское золото?» (1992 г.) С.П. Петров повторил эту версию: «Несколько копий подлинника были сфотографированы отцом до отъезда

Славянского в Токио» (Текущий архив Экспертного совета)).

Мы столь подробно останавливаемся на выяснении такого, казалось бы, незначительного факта, чем является эта расписка – подлинником или копией, но от этого, по сути, зависел успех первого этапа судебного дела Петрова.

Вот как дальше развивались события. Весной 1932 г. Петров получает весточку от своего старого знакомого Славянского. Тот пишет со слов японского адвоката Хара Фуджиро, что общая политическая обстановка в Японии (обострение отношений с СССР на КВЖД, конфликты на дальневосточной границе в связи с фактической оккупацией Японией Маньчжурии в 1931 г.) становится снова благоприятной для белых, и можно попытаться вчинить иск о 22 ящиках золота. Х. Фуджиро брался возобновить дело, которое он намеревался вести еще в 1923 г. да помешали Моравский с Сузуки.

Правда, очередная попытка Славянского еще до приезда П.П. Петрова в Токио (18 июня 1932 г. Славянский дал Сузуки доверенность на 22 ящика) одним махом выиграть процесс и поделить выручку пополам с Сузуки с треском провалилась. Все дело уперлось в подлинник расписки Идзомэ. У Славянского с Сузуки его не было. Тогда оба «комбинатора» снова привлекли Моравского, полагая, что через знакомых тому японских генералов Тага и Минами тот «надавит» на суд и он примет иск на основе копии расписки. Не вышло – связи бессарабского бурсака с генералами микадо оказались сильно преувеличенными. Но зато Моравский узнал, что «концессионеры» его снова обманули и в «доле» его нет. Он поднял шум, созвал в Мукдене всех желающих

поживиться «петровским» золотом и устроил шумную пресс-конференцию. По-видимому, там был и генерал Петров, который окончательно понял, что с посредниками ему, мягко говоря, не повезло, и решил лично вести свой процесс.

Помимо постоянной нужды, которую все эти годы испытывала в Мукдене семья Петрова (а у него после 1923 г. родилось еще два сына, и генерал с трудом кормил пять человек), для открытия судебного процесса о золоте имелись и общеполитические обстоятельства.

На рубеже 20-30-х годов резко обострилась международная обстановка и в мире, и на Дальнем Востоке. «Мир капитализма», как писали тогда в СССР, потряс невиданный экономический кризис 1929-1933 гг. больно ударивший и по русским эмигрантам в Китае. В Германии рвались к власти нацисты. В США полиция расстреляла мирную демонстрацию ветеранов войны прямо у стен Капитолия.

В СССР Сталин искусственно нагнетал «обострение классовой борьбы»: в 1928 г. параллельно шли заседания VI конгресса Коминтерна и процесс «вредителей-инженеров» по сфабрикованному ОГПУ «шахтинскому делу».

Насильственная коллективизация всколыхнула всю деревню – в Сибирь, как и в царские времена, потянулись большие партии «раскулаченных». Как всегда, большевики искали врагов «внутренних» и врагов

«внешних». К последним, ясное дело, относились белогвардейцы-эмигранты, особенно из РОВС, во главе которого до 1929 г. (когда его в Брюсселе – есть и такая версия – отравили агенты ОГПУ) стоял генерал П.Н. Врангель.

Но если действительные обстоятельства смерти Врангеля стали известны лишь почти 70 лет спустя, то грубо сработанная чекистами из отдела борьбы с белогвардейской контрреволюцией ОГПУ (иностраный отдел) операция с похищением в Париже 26 января 1930 г. преемника Врангеля на посту председателя РОВС генерала Кутепова вызвала большой резонанс в мире, особенно в кругах русской эмиграции.

По существу, эта операция означала нечто гораздо большее, чем похищение и убийство одного белого генерала. Фактически с 1930 г. чекисты отказываются от прежних, достаточно гибких, а главное, политических методов нейтрализации наиболее активных лидеров эмиграции (операция «Трест», движение евразийства в Праге, вербовка «младороссов» и членов «Братства русской Правды») и переходят к «нейтрализации» ядом, кинжалом, пистолетом.

На Дальнем Востоке все эти события вызвали активную реакцию. Оживилось дальневосточное отделение РОВС со штаб-квартирой в Шанхае. Именно его председатель – уже хорошо нам знакомый генерал Михаил Николаевич Дитерикс подпишет 28 сентября 1933 г. удостоверение на имя генерала П.П. Петрова как официального представителя РОВС для ведения судебного дела о 22 ящиках золота.

По свидетельству Сергея Петрова, миссия его отца в Японию первоначально была связана с надеждами РОВС

и созданным в конце 20-х годов антибольшевистским «Союзом спасения Родины» на финансирование из «независимых источников» агентурной сети в Сибири и на Дальнем Востоке Инициатором проекта создания «анти-ЧК» еще осенью 1923 г. выступил известный фабрикант А.И. Гучков, военный министр при «временных», близкий к барону Врангелю. К концу 20-х годов Гучков создал при штабе РОВС нечто вроде «мозгового центра» (философ И.А. Ильин, генералы А.А. фон Лампе и П.Н. Шатилов, капитан А.П. Полунин, участник покушения на советского полпреда в Швейцарии А.А. Воровского в 1923 г. и др.). Под прикрытием альманаха «Белое дело» они начали с 1928 г. создавать глубоко законспирированную агентурную сеть в СССР. (Бортневский В. Был ли убит генерал Врангель? // Панорама (Лос-Анджелес). – 1995. – № 764. – С. 24-25.)», ибо очень многие из эмигрантов тогда, в 1929-1933 гг. были уверены: ну уж на этот раз большевики не перенесут такого катаклизма, как разгром собственного крестьянства, и их режим вот-вот рухнет, стоит его только чуть-чуть подтолкнуть. Тем более что в РОВС в Шанхае доходили сведения о недовольстве высших командиров РККА на Дальнем Востоке (Василий Блюхер и др.) политикой Москвы в крестьянском вопросе.

Словом, осенью 1932 г. генерал Петров с доверенностью от председателя ДальРОВС генерала М.Н. Дитерикса и небольшой суммой командировочных оказался в Йокогаме. Как считает один из весьма информированных современных знатоков истории «колчаковского золота» владивостокский исследователь Амир Хисамутдинов, у Петрова помимо доверенности от Дитерикса (а также от другого генерала – «каппелевца» Вержбицкого) имелось и официальное приглашение от

некоего очень влиятельного японского политического деятеля.

Как вспоминал Сергей Петров в 1991 г. уже летом 1933 г. его отец перевез всю семью из лачуги в Мукдене в роскошный особняк с садом в Йокогаме. «Мы, дети, поступили в колледж Св. Иосифа, частную американскую католическую школу. Дома у нас были повар и прислуга, – рассказывал мне Сергей Павлович. – Мать часто устраивала приемы для японцев и русских эмигрантов в Японии. Я хорошо помню адвокатов отца (Хиросиро Хада и Тосизо Яман. – Авт.)».

Сам сын генерала Петрова до сих пор не располагает документами, оказывали ли какие-то влиятельные японские лица финансовую помощь отцу и его семье, вызвавшую такую метаморфозу в жизни и быте их семьи, но, полагает Сергей, несомненно, что фактически такая помощь была, ибо «наши семейные расходы (в Йокогаме. – Авт.) вряд ли могли быть покрыты из тех ограниченных средств, которые выделил отцу РОВС на ведение процесса». Казалось бы, прибыв в Японию, генерал Петров должен был бы немедленно подать судебный иск о 22 ящиках. Но он почему-то тянул почти два года (осень 1932 г. – июнь 1934 г.), конечно не из-за того, что он был занят перевозкой и обустройством семьи в Йокогаме. «...Я почти уверен в том, – говорил мне в 1991 г. Сергей, – что отец сначала старался получить золото, не прибегая к судебному процессу».

Это совершенно точно, ибо генерал Петров тогда мог только догадываться, какой очередной тур «большой политики» Японии начинается на Дальнем Востоке и какая роль отводится «золотым пешкам» (Петрову,

Моравскому, Семенову) на этой большой геополитической шахматной доске.

Но вернемся в Омск 1919 г. В конце марта предсовмина «омского правительства» П.В. Вологодский срочно созывает внеочередное заседание правительства (присутствуют 8 министров) для решения по просьбе адмирала А.В. Колчака одного сверхважного вопроса: предложения японского правительства, официально переданного главой японской военной миссии при «омском правительстве» полковником Гиити Танакой (бывший японский военный атташе в царской России, он еще сыграет свою зловещую роль в будущей японской агрессии в Китае и всей Юго-Восточной Азии в 1931-1945 гг. и японо-советских отношениях), об оказании белому движению «бескорыстной помощи» в виде 5 дивизий (350 тыс. штыков) и 50 новеньких паровозов во имя союзнической совместной борьбы за «освобождение России от власти Красного Интернационала». Ситуация почти зеркальная той, что была за год до этого, в марте-августе 1918 г. где в Берлине делегация дипломатов-большевиков обсуждала аналогичную проблему – помощь (или, по крайней мере, военный нейтралитет) кайзеровской Германии в борьбе против белых.

Нечто подобное предложили год спустя Колчаку и японцы. Как с грустью отмечал генерал Касаткин в эмиграции много лет спустя, «кто знает, может быть,

помощь японцев спасла бы Россию, а с ней и весь мир от большевистской заразы?».

В ходе обсуждения предложения, переданного Колчаку полковником Танакой через начштаба генерала Д.А. Лебедева, отчетливо выявились две прямо противоположные точки зрения.

Первая (военные, минфин И.А. Михайлов). Помощь, безусловно, надо принять, ибо: а) армия Колчака еще только формируется, а вскоре предстоит общее наступление на Запад; б) пять дивизий в 350 тыс. штыков с полным вооружением (пушки, минометы, пулеметы, связь, транспорт) – это такая сила, что она тараном пройдет от Омска до Москвы и даже дальше; в) японские военные – это не славяне, чехи и словаки, их не распропагандируешь, так как, «не зная русского языка, японские солдаты не могут подвергнуться и заразиться коммунистической пропагандой» (генерал А.И. Андогский, бывший начальник Николаевской военной академии, в 1919 г. помощник начштаба генерала Лебедева) Колчаковские генералы явно извлекали уроки из тактики большевиков – опора на иностранных наемников, главным образом на отряды «китайских интернационалистов» в Сибири. Минфин И.А. Михайлов выступил тоже «за», поддержав военных. Его аргументация была весьма циничной, особенно в устах сына бывшего народника-каторжанина. «Обыватель и в Сибири, и на Урале, и за Волгой, – утверждал Михайлов, – смертельно устал от продовольственного и „ширпотребовского“ голода периода Гражданской войны. Надо привезти из Японии и Китая на 50 японских паровозах товары и продавать по городам и весям сразу после их отбития у большевиков – и „народ“ толпами повалит за нами, ибо ему (по крайней мере, в Сибири)

глубоко наплевать на политические программы и белых, и красных».

Вторая. Ее разделяли большинство министров, часть военных: как борцы за державность, мы не можем поступиться принципами, главный из которых – территориальная целостность России. Суть этой позиции изложил сам Колчак, когда, получив на утверждение итоговый протокол заседания Совмина с отрицательным решением (7 – «за», один Михайлов – «против»), заявил П.В. Вологодскому: «Несомненно, они (японцы. – Авт.), несмотря на все свои уверения, потребуют реальных компенсаций, а я на это никогда не соглашусь. Русская земля принадлежит не мне, а русскому народу, и я не имею права этой землей распоряжаться».

«Озвучил» мысли Колчака на заседании Совмина его министр иностранных дел И.И. Сукин (Колчак – Вологодскому: «Я много говорил с И.И. Сукиным, и он, безусловно, передал мои мысли»), сделавший фактически большой часовой доклад. Во многом концепция этого доклада (Сукин затем изложит его в своих неопубликованных «Записках», хранящихся ныне в архиве Земгора в британском университете в Лидсе) совпадала с мнениями других белых дипломатов, в частности и посла России в Токио Д.И. Абрикосова (см. его Откровения русского дипломата. – Сиэтл, 1964).

Вкратце внешнеполитическая концепция Сукина-Абрикосова состояла в следующем:

1. Геополитически Япония при ее долгосрочных противоречиях с США на Тихом океане не была в 1918 г. заинтересована ни в победе белых, ни в победе красных. Лучший вариант для нее – продолжение процесса территориального распада огромной Российской империи

и возникновение маленьких «самостийных» государств типа «государства» атамана Семенова в Забайкалье, с тем чтобы после окончания Первой мировой войны получить мандат на управление этим конгломератом «удельных княжеств» от Урала до Владивостока (аналогичный план реализовала в Версале Антанта, раздав в 1919-1939 гг. Англии и Франции «мандаты» на управление осколками рухнувшей Османской империи).

Пять японских дивизий в 350 тыс. человек на 50 японских паровозах «прошьют» Россию на запад насквозь, скомпрометировав, по словам колчаковского (а ранее – и у «временных») министра исповеданий профессора А.В. Карташева, известного богослова (его труды по истории Русской православной церкви сегодня переиздаются массовыми тиражами), присутствовавшего на этом судьбоносном заседании, «самую глубокую идею крестового похода против коммунизма» из-за «участия в Белом движении желтой расы». «Думать о том, – воскликнул министр-богослов, – что японские войска расположатся и будут хозяевами в нашей белокаменной Москве, непереносимо для моего русского сердца».

2. И хотя полковник Танака клятвенно обещал, что 350 тыс. японских штыков останутся под «верховным командованием» адмирала Колчака, опыт «русского командования» над чехословацким корпусом (и всего-то около 50 тыс. штыков) показал: стоит коготку увязнуть – всей птичке пропасть. И если японцы возьмут Москву, тогда уж совсем неизвестно – кто кем будет командовать?

3. Но и рубить сплеча Колчак не мог (пока его еще никто дипломатически не признал). Нужна была дипломатическая гибкость, постоянное согласование

позиций с дипломатами Антанты, игра на их противоречиях с японцами. Следует развить успех «владивостокского опыта» 1918 г. Тогда при активном участии русского посольства в Токио удалось превратить одностороннюю японскую военную интервенцию на Дальнем Востоке в многостороннюю – к Японии присоединились США, Англия, Франция, Канада. «И хотя японцы, – вспоминал в США много лет спустя Абрикосов, – были значительно активнее, присутствие других союзных держав японский темперамент, безусловно, существенно сдерживало».

В начале 30-х годов, в условиях мирового экономического кризиса, при новом витке обострения геополитических противоречий великих держав на Дальнем Востоке, в Японии оживились старые проекты 1918 г. о «подмандатных» территориях в Китае и в СССР.

В 1931 г. первую такую «территорию» – Маньчжоу-Го – японская военщина уже создала. Затем начались провокации на КВЖД – «подмандатной» территории СССР, доставшейся ей от царской России. В конце концов Сталин продаст КВЖД японцам в середине 30-х годов, а жившие в «полосе отчуждения», в Харбине и других городах, большинство – русские эмигранты – либо сбегут на юг Китая, ближе к Шанхаю, либо, меньшинство, вернуться в СССР, где позднее многие из них будут репрессированы как «японские шпионы».

Но в Японии были и другие политические силы, которые еще в 1926 г. (известный парламентский скандал, о котором мы уже упоминали ранее, с нашим знакомцем – теперь генералом и военным министром Г. Танакой, публично обвиненным депутатами в присвоении русского золота в Сибири в 1919-1920 гг.) пытались осадить набиравшую силу военщину.

С 1931 г. японские либералы начали новый тур публичных нападок на Квантунскую армию, становившуюся «государством в государстве» в Северном Китае и Корее. Русское золото использовалось как карта в этой опасной политической игре. Попытка военного переворота 26 февраля 1936 г. в ходе которого молодые офицеры-самураи убили нескольких либеральных министров и даже членов правящего императорского дома, знавших о русском золоте слишком много, показала, что японская армия просто так «золотых» военных трофеев никому не отдаст.

Разумеется, ни Петров, ни Моравский, почти в то же самое время обзаведшийся с японской помощью похожим особняком, но только в Харбине, еще не знали, в какие жернова сложной и опасной политической игры в Японии они попадают. Скорее всего обоим пытались использовать и та и другая сторона.

Моравскому, как мы писали выше, в конце концов пришлось, бросив и особняк, и семью, и газету, срочно бежать из Харбина снова в Шанхай.

У генерала Петрова, очевидно, в Йокогаме дело обстояло несколько лучше, хотя в 1932-1933 гг. ему и не удалось при поддержке своих японских покровителей вернуть 22 «золотых» ящика внесудебным путем. 25 июня 1934 г. он наконец подписывает доверенность на

ведение судебного дела двум своим японским адвокатам – Хоросиро Хада и Тосизо Яману – на возвращение ему, генерал-майору Петрову, денежного эквивалента за сданное на временное хранение золото на сумму 1 млн. 250 тыс. зол. руб.

Это было лишь начало долгого, изнурительного и опасного (ведь ответчиком выступало само могущественное военное министерство в лице министров Тэраути и Хага, которые, однако, сразу же отмежевались от сотрудника своего ведомства полковника Идзомэ, который якобы превысил свои полномочия, согласившись принять «подозрительные» ящики с золотом от генерала Петрова, да еще под расписку) для самого генерала и его семьи семилетнего судебного марафона, завершившегося в 1941 г. как и процесс по «подтягинскому» золоту атамана Семенова и СУОАС-2 в 1929 г. окончательным вердиктом Высшего суда 27 января 1941 г. за подписью верховного судьи Хисаси Есида: «В иске отказать и все расходы по процессу возложить на истца». Кстати, в этом приговоре русское золото в Японии впервые было названо «романовским», и с тех пор этот термин укоренился в Японии (т.е. это как бы не русское «казенное» золото, а «личное» золото семьи последнего царя Романова).

Окончательное решение японских судов совпало с очередным резким ухудшением финансового положения семьи Петровых. То ли прежние покровители потеряли интерес к русскому золоту и белому генералу (в 1939 г. в Европе началась Вторая мировая война, а в Азии она уже вовсю бушевала – японская армия громила Китай с 1937 г.) и прекратили финансирование «дела» (ДальРОВС после смерти Дитерикса в 1937 г. не послал ни копейки), то ли адвокаты выдохлись, но с 1939 г. (отрицательный

вердикт суда 2-й инстанции) дело катилось как бы по инерции.

Пришлось переехать из роскошного особняка в скромную квартиру, жена генерала пошла работать по основной профессии – медсестрой. «Среди лета, – записывает П.П. Петров в своем дневнике 16 июля 1940 г. – кризис по всем линиям. Денег на жизнь не хватает, дело (в суде. – Авт.) провалилось».

Выплатить огромные судебные издержки у генерала Петрова не было никакой возможности – грозила долговая тюрьма. Адвокаты генерала нашли ход: Петров отдает судьям (фактически – военному ведомству) подлинник расписки (чтобы уже никогда больше дело о 22 ящиках не всплывало), но за это японское правительство, то есть все то же военное ведомство, берет все расходы по уплате судебных издержек на себя. Подлинника, как известно, у Петрова не было, он пропал во время токийского землетрясения 1923 г. Японское правительство в конце концов заплатило судебные издержки. Сергей Петров объясняет (1993 г.) этот парадокс так: «Под давлением адвокатов и японских властей... отец приостановил судебное дело. Взамен японское правительство согласилось оплатить все судебные издержки. Так что „расписку“ отец никогда не возвращал. Это ключевой факт для переговоров с современной Японией».

Сергей Агафонов в первоначальном тексте своей корреспонденции от 12 марта 1992 г. из Токио «Прощание с легендой» (в «Известиях» был опубликован сильно урезанный вариант), ознакомившись не с полным «делом Петрова», а лишь с его составленным судебскими чиновниками конспектом (резюме), приложенным к

решению Высшего суда Японии от 27 января 1941 г. вообще выдвигает фантастическую версию: будто бы Петров судился... всего за один ящик № 3091, ибо полковник Идзомэ якобы через месяц после того, как он получил на хранение под расписку 22 ноября 1920 г. 22 ящика «петровского» золота, 21 из них... вернул лично Семенову в конце декабря того же года (расписку Семенова корреспондент почему-то не приводит).

При всей сенсационности утверждения С. Агафонова (а он на протяжении 1991–1995 гг. в своих корреспонденциях в «Известиях» из Токио постоянно ставил под сомнение правомерность требований возвращения «романовского» золота из Японии. Последующая журналистская карьера С. Агафонова, умудрившегося пробыть собкором «Известий» в Японии несколько лет (не зная ни японского языка, ни архивов), изгнанного вместе с командой Игоря Голембиовского сначала из «Известий», а затем – и из «Новых Известий», показала: закон исторического возмездия жестоко карает «сыновей лейтенанта Шмидта», к какой бы национальности они ни принадлежали) заочный спор между ним и сыном генерала Сергеем Петровым может разрешить лишь знакомство с полным текстом процесса генерала Петрова в японских судах в 1934-1941 гг.

С началом войны Японии с США и их союзниками семья генерала Петрова, как и все остальные белые эмигранты, была интернирована в Японии и всю войну провела в лагерях. После войны один американский юрист из штаба оккупационных войск генерала Макартура предлагал Петрову снова начать судебное дело о 22 «золотых» ящиках, но генерал отказался. В семейном кругу, по воспоминаниям его сына, Павел Петрович так мотивировал этот отказ: «Нет смысла снова

начинать дело. Даже если бы я начал процесс снова, Москва немедленно вмешалась бы, так как золото фактически принадлежит российскому народу... и это его право начинать дело, если он хочет».

Весной 1947 г. семья Петровых переселилась в США, генерал Петров получил место профессора в американском институте военных переводчиков (г. Монтерей, Калифорния). Умер он в 1967 г. в Сан-Франциско. Перед смертью успел передать фотокопии расписки полковника Рокуро Идзомэ в архив Общества русских ветеранов Великой войны и в архив Гуверовского института войны, революции и мира.

В заключение проанализируем чисто юридические итоги двух этих главных – «подтягинского» и «петровского» – судебных процессов 20-30-х годов, которые велись в Японии за возврат «романовского» золота.

«Если бы Москва вмешалась», как о том мечтал старый русский генерал, то с какими формально-юридическими аргументами с японской стороны встретился бы российский народ, которому фактически принадлежит золото:

1. Сам факт наличия в Японии «русского (романовского)» золота ни в одном суде не отрицался. Не отрицались и места, где оно может находиться (например, «Йокогама спешу банк»); более того, в ходе судебных разбирательств и опроса свидетелей в протоколах судов

зафиксированы очень важные факты, в частности со ссылкой на «Историю Йокогамского валютного банка» (Токио, 1927), что в 1919 г. руководство этого банка отметило в своем годовом отчете «возможность перевода русского золота в активы японских банков из-за Гражданской войны в России».

2. Все судебные инстанции Японии признали, что это золото не частное, а государственное и может принадлежать только «РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ» (так, с прописных букв, эта максима писалась, например, в приговорах Токийского окружного суда 9 марта 1925 г.).

3. Всем претендентам (Семенову, сибирским «областникам», генералу Петрову) было отказано в исках на владение как ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ, а бывшему военному атташе в Токио генералу Подтягину Высшим судом – и в распоряжении валютными суммами, поскольку он уже не представлял после 1925 г. (с момента дипломатического признания СССР Японией) интересы РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА и не имел от него на момент обсуждения иска в Высшем суде соответствующих полномочий (доверенности).

4. Новым претендентам на золото в Японии придется доказывать принципиальную разницу между понятиями «русское» и «романовское» золото (приговор Высшего суда от 27 января 1941 г.). Здесь пригодится английский юридический прецедент – разбор в британских судах иска лжецаревны «Анастасии» Андерсон, так как британские судьи весьма четко разделили понятие «романовского» (личного) и «русского» (государственного) золотого запаса Российской империи.

5. Все усилия частных юридических фирм (лиц) представлять интересы своих клиентов в японских судах подвергаются тщательной экспертизе, и любые попытки нечестной игры (как показал случай с «адвокатами» Семенова и СУОАС-2 Ш. Сузуки и С. Куроки) безжалостно пресекаются.

Иными словами, «если Москва вмешается», ей следует самым тщательным образом подготовиться, причем любой иск должен предъявляться в японском суде лишь под **ДОВЕРЕННОСТЬ ОТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ** как государства – правопреемника Российской империи.

Пока же переговоры МИД РФ с японскими властями о «романовском» золоте велись весьма пассивно, переписка шла по чеховскому принципу «на деревню дедушке», даже без привлечения документов из нашего Экспертного совета. Так, после «мероприятия» 18 января 1995 г. (см. Приложения, док. 11) МИД было поручено запросить японские официальные инстанции, сколько российского золота в Японии и где оно находится? Ни конкретного указания на архивы и фонды, ни даже упоминания о мемуарах японских банковских служащих, имевших дело с русским золотом в 20-х годах (обо всем этом я пишу выше) не было сделано.

А кто же будет добровольно отдавать то, «что с возу упало», – таких альтруистов в банковском мире нет. Вот и на ноту МИД в конце 1995 г. в духе чеховского Ваньки

Жукова японский МИД ответил в январе 1996 г. соответствующим образом: да, «некоторое (!) количество слитков русского золота было вывезено в Японию», но это «золото было возвращено(!) либо использовано в качестве залога при предоставлении займов японскими банками России, и у Японии нет обязательств возвращать царское золото».

Аналогичным образом, кстати, отреагировал и Английский банк на мое интервью о русском залоговом золоте 1914-1917 гг. данное в марте 1999 г. московскому корреспонденту британской газеты «Санди таймс» Марку Франкетти: «Банк Англии не располагает золотыми слитками, датированными до 1924 г. Мы не раскрываем какие-либо сведения о наших клиентах».

Понятное дело: газетное интервью – это не официальная дипломатическая нота, на него можно или не отвечать, или уверять не искушенных в истории британцев, что свои военные обязательства перед Николаем II и Александром Керенским правительство Ее Величества выполнило в 1914-1917 гг. на сто процентов.

Но когда ответственный мидовский чиновник, директор 2-го департамента Азии, а ныне замминистра Александр Лосюков дает в СМИ интервью о том, что наш МИД не может решать вопрос о российском золоте в Японии «на основе газетных публикаций или настроений отдельных писателей, которые готовы из этого сделать сенсационную историю», то становится грустно. Грустно вдвойне, ибо по указанию тогдашнего министра иностранных дел Е.М. Примакова в кабинете замминистра Г.Б. Карасина (ныне посла России в Англии) я встречался в 1997 г. со всем руководством 2-го департамента Азии, включая и А. Лосюкова, подробно

ознакомил это руководство с материалами нашего Текущего архива, включая и мои многочисленные публикации в отечественных и японских СМИ за 1991-1997 гг. подарив заодно первое издание этой книги.

Ведь именно в Текущем архиве нашего Экспертного совета «писателей» и якобы любителей «сенсаций» сосредоточены все основные документы о российском золоте в Японии. 2-й департамент Азии, однако, «не может использовать сенсации в качестве базы для своей работы» и в результате направляет в МИД Японии собственное творение без аргументов и фактов – ту самую пресловутую ноту 1995 г. которую японцы из-за ее бессодержательности просто высмеяли.

Складывается впечатление, что отдельные отечественные дипломаты дальневосточных департаментов МИД озабочены не столько проблемой российского золота в Японии, сколько пропагандистским противодействием «людям, стремящимся придать известный ажиотаж этому вопросу».

И, видимо, поэтому в пакете переговоров о мирном договоре с Японией, ведущихся с 1956 г. проблема золота до сих пор отсутствует.

Словом, и в «демократическом» МИДе России вновь возродилась та самая чиновничья традиция МИДа «царского», с которой долгие годы боролся граф С.Ю. Витте: «казенные» (государственные) интересы Державы могут отстаивать лишь «ранжированные» чиновники (к тому же по-прежнему не желающие заниматься «торговлишкой»), а не какая-то там «общественность», даже если она два десятка лет преподает в МГИМО и Дипломатической академии МИД РФ, обучая тех же

МИДОВСКИХ ЧИНОВНИКОВ ИСКУССТВУ ВЕДЕНИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Записки И.И. Сукина, приложения (дипломатическая переписка). – Leeds Russian Archives. – University of Leeds, UK / Текущий архив Экспертного совета.

2 Гузанов В. Уплывшее золото // Самурай в России. – М. 1999, с. 228-254.

3 Этот саботаж в МИДе в виде «итальянской забастовки» (по-русски «волынки») подробно описал сын писателя Гарина-Михайловского, видный царский дипломат, в своих сравнительно недавно опубликованных мемуарах. См.: Михайловский Г.Н. Записки. – Кн. 2. – М. 1993. – С. 9-21.

4 Кроме того, Новицкий, как товарищ (заместитель) министра финансов «омского правительства», ведал в 1919 г. всеми вопросами продажи «колчаковского» золота за границу (см.: Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 297; ЦГАОР. – Ф. 1. – Общая канцелярия. – Оп. 1. – Д. 317: телеграфная переписка Новицкого с уполномоченным омского минфина Никольским во Владивостоке).

5 Novitzky V. The Russian Gold Reserve before and during the World and Civil Wars (1883-1921) // Russian Gold: a collection of articles, and statistical data reporting the Russian Gold Reserve and shipments of Soviet Gold. – New York, Amtorg Trading corporation. Information Department, 1928. – P. 12-25.

6 Ibid. – P. 13.

7 Ibid. – P. 15.

8 Первым о «безвозвратных ссудах» союзникам начал говорить министр финансов «временных» известный земец-кадет А.И. Шингарев, зверски убитый пьяными матросами 7 января 1918 г. в Мариинской тюремной больнице в Петрограде. См.: Шингарев А.И. Финансы России во время войны. – Пг. 1917. – С. 2, 7.

9 Кризис самодержавия, 1895-1917 / Отв. ред. В.С. Дякин – Л. 1984. – С. 440.

10 Труд. – 1988. – 29 янв.

11 Палеолог М. Царская Россия во время Первой мировой войны. – М. 1991. – С. 172-173.

12 См.: А.И. Гучков рассказывает. – М. 1993.

13 Поликарпов В.В. Государственная власть и монополии в России // Первая мировая война (дискуссионные проблемы истории). – М. 1994. – С. 54.

14 Попов Ю. Не было пороха в пороховницах? (интервью с Л.В. Забелиным) // Труд. – 1998. – 29 янв.

15 Золотая лихорадка (интервью В.А. Лисичкина) // Российская газета. – 1995. – 31 янв.

16 Панорама. – 1995. – № 717. – 4-10 янв.

17 Известия. – 1995. – 21 февр.

18 Сироткин В. «Век» выступил – Япония взволнована... (еще раз о скандальной ситуации вокруг русского золота) // Век. – 1995. – № 33. – С. 10.

19 Сусуму Х. История Йокогамского валютного банка. – Т. 3. – Токио, 1927 (на яп. яз.). См. также: Сегодня. – 1997. – 14 июля. Хотелось бы уточнить: в 1919 г. правительство Колчака было признано одной страной – Государством сербов, хорватов и словенцев (с

1929 г. – Югославией) (см.: Грани. – 1995. – № 175. – С. 181).

20 Бондаренко О. Неизвестные Курилы (серьезные размышления о статусе Курильских островов). М. 1992.

21 Федоров В. Южные Курильские острова – неоченимый ресурс России // журн. «Вертикаль власти», 2002, июнь.

22 Русские Курилы. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М. 2002 (первое изд. – 1995 г.).

23 Русско-японские финансовые соглашения от 7 и 16 октября 1919 г. (копии на англ. и яп. яз.) В текущем архиве Экспертного совета в приложении к этим трем соглашениям 1916-1919 гг. имеется большая подборка документов на японском языке (62 с.), в частности полугодовой отчет (1.07-31.12.1919) «Йокогама спешит банк», его балансовый отчет за 1919 г. (только в ноябре 1919 г. в банк поступило русской золотой монеты на 2 млрд. 470 млн. иен), общая балансовая ведомость Ассоциации японских банков за 1918-1919 гг. (например, в банки г. Осака в том же 1919 г. прибыло на 2 млрд. 658 млн. русской золотой монеты) и др. из которых следует, что золотой депозит «Йокогама спешит банк» и других японских банков резко, на много порядков, возрос именно в 1919 г. См. также: Комсомольская правда. – 1996. – 15 дек. Как писал старейший работник «Йокогама спешит банк», его советник на протяжении многих десятилетий Хидеката Сусуму, «благодаря крупным заграничным денежным вложениям 1918-1919 гг. банк стал крупнейшим в Японии».

24 См.: Знамя. – 1992. – № 8. – С. 187; Деловые люди. – 1992. – Март. – С. 75. См. также Петрофф С.

Япония должна вернуть России 22 ящика золота // Известия. – 1992. – 19 февр.

25 На местонахождение некоторых из них уже указали Никита Моравский (его неопубликованный очерк «Мой отец В.И. Моравский», рассказывающий об этом, находится в Текущем архиве Экспертного совета, 1996 г.) и Амир Хисамутдинов, историк из Владивостока (см. Владивостокское время. – 1995. – № 70. – 22 июля. – С. 16).

26 Аблажей-Долженкова Н.Н. Новые факты в дискуссии о русском золоте (по материалам Гуверовского архива и Музея русской культуры в Сан-Франциско) (Текущий архив Экспертного совета). См. также: Ватанабэ Ф. Интервенция в Сибири. – Токио, 1993 (на яп. яз.).

27 Петров С.П. Доклад // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 248.

28 Там же. На судебном процессе в Хабаровске 24 июня 1946 г. Г.М. Семенов признался, что в 1925-1926 гг. бывший «координатор» золотых изъятий японской армии в Забайкалье и Приморье, а в 20-х годах премьер-министр Японии генерал Гиити Танака приказал отобрать у атамана все подлинники расписок, выданных в 1920 г. японской военной миссией на русском Дальнем Востоке.

29 Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 203-207.

30 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Т. I. – Пекин, 1921. – С. 402.

31 Латышев И.А. Как Япония похитила российское золото? – М. 1996. – С. 40-43.

32 Там же. – С. 43-44.

33 Моравский Н.В. Из архива моего отца. Рукопись, присланная 4 февраля 1993 г. В.Г. Сироткину (Текущий архив Экспертного совета).

34 Лидеры СУОАС А.В. Сазонов и В.И. Моравский настолько доверились «адвокату», что дали ему «конт-бланш» на ведение судебных дел не только по «петровскому», но и по золоту военного атташе генерала М.П. Подтягина и финансового агента Минфина России в Токио К.К. Миллера. За это Сузуки обязался выплачивать двум сибирским вождям-эмигрантам по 2,5 тыс. зол. иен ежемесячно, а также оплачивать их командировки в Японию (обязательство Шюн Сузуки, 22 сентября 1923 г. на рус. яз. копия из Гуверовского архива) (Текущий архив Экспертного совета).

35 Краткие характеристики всех этих деятелей в виде диктовок Моравского (в перев. на англ. яз.) сохранились в его личном фонде в Архиве Гуверовского института. Никита Моравский любезно предоставил в 1996 г. некоторые из них нам (Текущий архив Экспертного совета).

36 См.: Стефан Дж. Русские фашисты (трагедия и фарс в эмиграции, 1925-1945). – М. 1992. См. также: Огороков А.В. Фашизм и русская эмиграция, 1920-1954 гг. – М. «Русики», 2002.

37 Моравский Н.В. Мой отец В.И. Моравский (рукопись). – С. 5 (Текущий архив Экспертного совета).

38 Abrikosov D.I. Revelations of Russian Diplomat. – Seattle, 1964. Есть также русское издание, вышедшее

небольшим тиражом. См.: Агафонов С. Версия Дмитрия Абрикосова // Известия. – 1995. – 14 янв.

39 См.: Сазонов С.Д. Воспоминания. – М. 1991; Сироткин В.Г. Был ли Распутин «агентом влияния»? // Век. – 1996. – № 48. Подробнее о «царском Брест-Литовске» 1916 г. см.: Сироткин В.Г. Почему «слиняла» Россия? – М. 2003.

40 Гузанов В. Указ. соч. с. 229-250.

41 См. доверенность председателя СОУАС-2 А. Сазонова Сузуки от 6 марта 1924 г.; приговор Токийского окружного суда от 9 марта 1925 г.; доверенность Моравского Сузуки от 1 ноября 1930 г. (Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 208-209), а также материалы судебного процесса против генерала Подтягина из архива Гуверовского института. Калифорния, США (Текущий архив Экспертного совета).

42 См.: Приговор Токийского окружного суда от 9 марта 1925 г. Копия на рус. яз. из Гуверовского архива (Текущий архив Экспертного совета).

43 См.: Аблажей-Долженкова Н.Н. Указ. соч. – С. 7.

44 См.: Натаров В. Золотой след // Литературная газета. – 1995. – 24 мая. Собкор газеты в Токио обнаружил это письмо Подтягина в личном архиве С. Куроки на о. Кюсю; в архиве сохранились почти все материалы (в копиях) подтягинского процесса 20-х годов. Оригиналы же стенограмм хранятся в Парламентской библиотеке в Токио.

45 Письмо С.П. Петрова к В.Г. Сироткину от 23 мая 1992 г. (см. Текущий архив Экспертного совета).

46 См.: Бортневский В. Смерть генерала П.Н. Врангеля: еще одно преступление ГПУ? // Русская мысль (Париж). – 1995. – 28 сент. – 4 окт. – С. 16.

47 См.: Владивостокское время. – 1995. – 22 июля. – С. 6.

48 Знамя. – 1992. – № 8. – С. 207.

49 См.: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. – М. 1995.

50 Запись заседания сделана по памяти генералом Касаткиным, в то время начальником службы военных сообщений штаба армии Колчака. Хранится в Рукописном отделе библиотеки Колумбийского ун-та (Нью-Йорк); копия любезно предоставлена мне в феврале 1996 г. Никитой Моравским в США (Текущий архив Экспертного совета). Для сравнения см.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Т. 1. – Пекин, 1921; Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты (воспоминания). – Новониколаевск, 1925; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – Т. 1. – Белград, 1931.

51 Доверенность адвокатам Х. Хада и Т. Яману от 25 июня 1934 г. (копия на рус. яз.). Из личного архива ген. П.П. Петрова, хранящегося в доме его сына Сергея Петрова (папка с надписью «Золото») (Текущий архив Экспертного совета).

52 Цит. по: Письмо-замечания Сергея Петрова от 1993 г. на статью В.Г. Сироткина «Вернется ли на Родину российское золото?» – С. 9-10 (Текущий архив Экспертного совета).

53 Агафонов С. Прощание с легендой, или О том, почему не надо искать 22 ящика золота в Японии (12

марта 1992 г. машинопись, 8 стр.) (Текущий архив Экспертного совета).

54 Цит. по: Письмо-замечания Сергея Петрова... – С. 11. (Текущий архив Экспертного совета).

55 Цит. по: Казаков И. Вернется ли из Японии российское золото? // Интерфакс-АИФ. – Татарстан. – 1997. – 9-15 окт. – С. 3.

56 The Sunday Times. (L.) – 1999. – 15 March.

57 РИА. Новости российской экономики. – Лондон. – 1999. – 15 марта (Текущий архив Экспертного совета).

58 О «российском золоте» в Японии – ИТАР-ТАСС, 3 дек. 1997 (дипломат. кор.) (Текущий архив Экспертного совета).

59 Там же (Текущий архив Экспертного совета).

V. НЕОЖИДАННЫЕ СОЮЗНИКИ

С 1991 г. во время всех своих зарубежных поездок – будь то в качестве эксперта при парламентской (1992 г. Япония) или религиозной (1993 г. Греция; 1994 г. Израиль) делегации либо в качестве приглашенного университетского профессора (1991-2000 гг. Франция, Италия, Испания, США, Канада, Великобритания) – я продолжал собирать материалы о «российском золоте» и недвижимости за рубежом.

За время длительных, в течение месяца – трех, университетских командировок удавалось поработать в архивах и библиотеках, снять сотни страниц ксерокопий уникальных документов для нашего Текущего архива Экспертного совета.

Очень много дали личные архивы потомков первой волны русской эмиграции, долгие беседы с сыновьями и внуками участников российской драмы 1917-1922 гг.

...Никогда не забуду одной такой беседы в начале декабря 1991 г. в Нью-Йорке. Я только что закончил месячную стажировку в «Вудро Вильсон скул» Принстонского университета и по дороге домой заехал на один-два дня к своей московской знакомой Надежде Адольфовне Иоффе, дочери того самого советского полпреда Адольфа Иоффе, который 27 августа 1918 г. в Берлине подписал первый «пакт Риббентропа – Молотова» (Н.А. Иоффе только что, в 80 с лишним лет, эмигрировала в США по «еврейской визе»).

Во временное пристанище Надежды Иоффе в Бруклине, чтобы пригласить меня на несколько дней в гости, за мной заехал другой эмигрант, внук последнего председателя Государственной думы Олег Михайлович Родзянко, тот самый, жену которого Татьяну в 30-х годах «выкупили» у Сталина родственники. И вот они сидят друг против друга – потомки красных и белых отцов и дедов на одной кухне в чужой стране: один – проживший в США почти всю свою жизнь, другая – приехавшая туда на склоне лет из «первого Отечества мирового пролетариата».

И было невыносимо горько слушать беседу этих двух далеко не молодых людей на чужбине, отец и дед которых каждый по-своему боролись за счастье народов бывшей Российской империи. Они ведь и погибли почти в одно время: Михаил Родзянко умер в Белграде в 1924 г. от побоев группы молодых офицеров-монархистов как «предатель», а Адольф Иоффе застрелился в 1927 г. по официальной версии – в состоянии глубокой депрессии от неизлечимой болезни, по версии дочери – уже предвидя кровавые репрессии Сталина против троцкистов (ее отец был личным другом Л.Д. Троцкого).

И мне тогда подумалось: а стоило ли проливать реки человеческой крови в начале века, чтобы дети и внуки красных и белых к концу его оказались у разбитого корыта? И если невозможно вернуть миллионы загубленных жизней, то нельзя ли попробовать вернуть то, что прадеды и деды этих красных и белых заработали своим тяжелым трудом, но дали разбазарить амбициозным политикам, – народное достояние Отечества?

1. ПОТОМКИ ДЕРЖАТЕЛЕЙ ОБЛИГАЦИЙ «РУССКИХ ЗАЙМОВ» ОБВИНЯЮТ... ПРАВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ

К 1995 г. чисто исследовательская, розыскная работа в отечественных, зарубежных государственных и частных архивах и собраниях была в основном закончена – в нашем Текущем архиве было собрано солидное досье по золоту и недвижимости за рубежом. Причем не какие-то общие сведения, а конкретные номера счетов, копии расписок, купчие на недвижимость и т.д.

Наступал второй этап – изучение опыта решения аналогичных проблем в других странах: возвращение золотых резервов Албанией и независимыми республиками Балтии в 1992-1993 гг. Индонезией из Японии в послевоенные годы и т.д.

В качестве первой модели мы решили остановиться на Франции. Почему Франция? Да потому, что там с 1955 г. действует целых пять объединений потомков держателей русских ценных бумаг, выпущенных в 1882-1917 гг. в которые входит свыше 500 тыс. человек Национальное объединение защиты интересов держателей русских ценных бумаг (с 1955 г. франц. аббревиатура – GNDPTR); Французская ассоциация держателей русских займов (откололась от GNDPTR в 1994 г. – AFPER); Национальное объединение защиты потомков держателей русских займов (откололось от GNDPTR в 1993 г. – GNDTR); Объединение держателей

старых ценных бумаг (откололось от GNDPTR в 1991 г. – GPTR); Национальная ассоциация французских держателей акций недвижимости (ANPEVM), суммарные претензии их превышают 240 млрд. современных франков (или почти 50 млрд. долл. США). Внимательно изучив в 1995-1996 гг. деятельность этих объединений и побывав на отдельных их заседаниях, я пришел к выводу, что не все они равноценны с точки зрения интересующей нас проблемы.

С 1991 г. «головную» ассоциацию (GNDPTR) сотрясают скандалы, дележ портфелей, расколы. К 1994 г. из этой ассоциации выделились три «дочерние» организации. Основная причина неэффективности четырех из пяти объединений – мелкотравчатое провинциальное политиканство: большинство из них возглавляется мелкими лавочниками с северо-востока Франции (Лилль) или юга (предгорья Альп, департамент Юра). Так, бывший президент GNDPTR Эдуард Шампенуа, перебежавший как почетный президент в «раскольническую» GPTR (в молодости – владелец овощной лавки), не вернув из «русских займов» членам обеих ассоциаций ни франка, тем не менее в 1995 г. «выбил» себе престижный «Национальный орден за заслуги».

Многие рядовые члены этих ассоциаций тяготеют к правым, голосуют за Национальный фронт Ле Пена. К иностранцам, попадающим на их сборища, относятся с нескрываемым подозрением, а уж к русским – как к кровным врагам их семейств, как будто бы, скажем, я несу личную ответственность за то, что большевики в 1918 г. отказались платить проценты по «русским займам».

В конце концов выяснилось, что наиболее серьезной является Французская ассоциация держателей русских займов (AFPER – Париж, ул. Лормель, 75), бывший президент которой Жеральд де Дре-Брезе (кстати, потомок казначея Людовика XVI, голосовавшего против смертной казни короля во время Французской революции конца XVIII в.) был вхож во французские «верхи», благодаря чему в марте 1995 г. его ассоциации удалось временно заблокировать открытие филиала Центробанка РФ в Париже, а в феврале того же года через премьера Алена Жюппе (во время его встречи в Москве с премьером Правительства РФ Виктором Черномырдиным) протолкнуть было идею о возможности зачесть в квоту Франции для Международного валютного фонда... долги по «царским займам», висевшие на ельцинской России.

Несколько лет назад ассоциация пригласила в качестве адвоката скандально известного не только во Франции, но и во всем мире «мэтра» Жака Вержеса, защитника «лионского палача» гестаповца Клауса Барбье и красного террориста «Ильича» Карлоса.

Но самое главное, ее исследовательскую группу (нечто вроде нашего Экспертного совета) возглавил пишущий на финансовые темы журналист Жоель Фреймон – на сегодняшний день самый крупный во Франции «спец» по «русским займам».

Помнится, весной 1995 г. я ломал голову над тем, как подступиться к этой любопытной ассоциации. Во Франции с ее, можно сказать, ритуальным, почти мистическим отношением к деньгам нечего и думать о том, чтобы просто так, «с улицы» проникнуть, например, в подвалы «Банк де Франс», где (а я это знаю из рассказа одной из моих студенток в Сорбонне, некогда

инвентаризировавшей эти слитки) до сих пор хранятся бруски царского «залогового золота», клейменные славянской вязью. Допуск в эти святая святых может разрешить лишь один из регентов (управляющих) Французского банка, да и то лишь официальному лицу, имеющему полномочия либо от МИД, либо от Минфина РФ. А я – рядовой российский профессор, хотя и приглашенный по трехгодичному контракту для чтения лекций о русской цивилизации в Национальную школу живых восточных языков, одну из пяти «больших школ» при Парижском университете (Сорбонне).

Не буду утомлять читателя деталями, но 27 марта 1995 г. попадаю-таки на пресс-конференцию – обед (есть такая форма общения с прессой во Франции – либо завтрак, либо обед: платишь от 30 до 100 фр. за еду, жуешь, слушаешь и на десерт, под кофе, задаешь вопросы). И там узнаю: в AFPER произошла очередная смена президента – вместо потомка казначея Людовика XVI избран бизнесмен средней руки Пьер де Помбриан.

Основным докладчиком на встрече был тот самый «спец» Жоель Фреймон (в приглашении он был указан как «технический советник» ассоциации), о котором я упоминал выше (к концу года он издаст свой доклад отдельной брошюрой). Докладчик выступил эмоционально, хотя, на мой взгляд, не по всем затронутым проблемам достаточно аргументированно. Основная и самая интересная мысль доклада – ответственность за невыплату дивидендов по «русским займам» держателям русских ценных бумаг должны разделить оба правительства – французское и советское (российское). И в подтверждение Фреймон упомянул

старую работу 20-х годов некоего немца Гельмута Вельтера.

Я разыскал эту книгу (правда, в переводе на французский) в парижской Национальной библиотеке. Оказалось, очень любопытная вещь. Автор доказывает, что стоны всех французских правительств начиная с 1918 г. когда большевики отказались платить французским банкам проценты по «русским займам», совершенно необоснованны, ибо во Франции в подвалах ее банков оставалось к 1923 г. 93,5 т «злогового золота» (слитков и золотой монеты, а также других драгметаллов, включая и «ленинское» золото), то есть на 283 млн. зол. фр. (или 5,6 млрд. современных).

Спустя 75 лет разыскания дотошного немца, книгу которого французская пресса 20-х годов объявила «происками побежденных бошей», полностью подтвердились.

Как отмечалось выше, в самом конце 1997 г. одна из активисток нашего Экспертного совета Светлана Попова нашла подлинный франко-бельгийско-германский протокол от 1 декабря 1918 г. (г. Спа, Бельгия) о перевозке «ленинского» золота (93 т 542 кг в 1405 ящиках на 120 млн. зол. руб. или 322 млн. зол. фр.) из Берлина через Саарбрюккен в Париж в одиннадцати пульмановских вагонах в подвалы Французского банка «на временное хранение».

Я немедленно попросил Светлану Сергеевну оформить эти сведения в публикацию за своей подписью, снабдил ее своим комментарием и в январе 1998 г. опубликовал в газете.

Публикация вызвала лавину откликов как у нас, в России (в очередной раз меня пригласили и на радио, и

на телевидение), так и особенно во Франции. Еще бы: без малого 80 лет официальные французские власти тщательно скрывали этот факт, как и переписку тогдашнего французского министра финансов Луи Клотца с регентами «Банк де Франс».

«После совершения процедуры опознания золота прошу вас оставить его на хранение в ваших хранилищах (Париж, ул. де ля Круа-де-Пти-Шан, рядом с центральным зданием Французского банка. – Авт.), – писал министр. – Ввиду того, что французское правительство взяло на себя временное хранение для союзников, это золото не должно фигурировать в балансе Банка».

«Литературка», в отличие от многих московских «демократических» изданий, все еще доходит до Парижа и, главное, по-прежнему читается. Поэтому наша с С.С. Поповой публикация «А „ленинское“ золото все-таки во Франции!» не осталась незамеченной. Более того, известный еженедельник «Экспресс», отталкиваясь от нашей публикации, провел собственное расследование по архивам МИД, министерства экономики и финансов и особенно «Банк де Франс». И не только апробировал наши с Поповой выводы, но значительно их углубил и расширил, фактически документально подтвердив многие предположения Гельмута Вельтера, сделанные в 1923 г.

И вот что оказалось: поскольку вся операция с «временным хранением» (а этот статус подтверждается ст. 259 Версальского мирного договора 28 июня 1919 г.) носила сугубо секретный характер и не отражалась в балансах Французского банка, парижские власти полностью игнорировали Версальский договор и 4 ноября 1920 г. делят 5620 слитков «ленинского» золота на три

части: 2073 слитка отгружаются в Лондон, 1450 остаются во Французском банке, а еще 2097 слитков отправляются на переплавку (письмо министра финансов Поля Думера премьеру Аристиду Бриану 6 июля 1921 г.: золото должно быть переплавлено для уничтожения на слитках императорских двуглавых орлов, проштамповано клеймом «Банк де Франс» и отправлено теперь как якобы «французское» в Нью-Йорк в «Федерал резерв банк» для продажи, что и было сделано в том же году; напомним, что точно такую же операцию с «царскими» клеймами провернули в 1917-1920 гг. японцы).

Но и это не все – ведь 1450 слитков все еще лежат в хранилище на Пти-Шан. В апреле 1924 г. доходит очередь и до них: 7 апреля Великобритания забирает свою очередную долю в 724 слитка, а Франция – свою в 992 (и вскоре, 24 июля 1925 г. продает 744 из них – разумеется, переплавленных – все в том же Нью-Йорке за 3 млн. фр. или 600 млн. нынешних).

Оставшиеся 248 слитков лежат на Пти-Шан еще 12 лет, пока премьер левого правительства Народного фронта социалист Леон Блюм не оприходует и их: 21 января 1937 г. последние слитки «ленинского» золота переплавляют и как «исконно французские» зачисляют в казну Франции.

«Ленинское» золото во Франции перестает существовать физически. Куда делось во Франции «бумажное» золото на миллионы «романовок» и «думок», как и случай с Колчаком, так и осталось неизвестным.

Но в виртуальном воображении потомков французских держателей русских ценных бумаг «ленинское» золото осталось. И они и 60 лет спустя

водружают на сцене своего очередного съезда в Париже в апреле 1998 г. огромный плакат с таким текстом: «Французское государство! Верни нам 47 тонн золота», а также распространяют аналогичные открытки.

Вот как выглядела судьба 5620 слитков «ленинского» золота по 18 кг каждый, что в период с 5 по 11 декабря 1918 г. были доставлены из Берлина в Париж, а также (в отдельном эшелоне) «романовок» и «думок» на 204 млн. 535 тыс. зол. руб. (или на 10 млрд. современных франков).

И если бы французские власти действительно захотели хотя бы частично компенсировать потери мелких вкладчиков в 1919-1924 гг. им с лихвой хватило бы этих денег и еще кое-что осталось бы.

Не захотели, предпочли все списать на «большевика с ножом в зубах»...

Но деньги все же потратили: на финансирование военной интервенции в 1918-1920 гг. в Россию и помощь белым генералам, на содержание до 1924 г. бывшего царского посольства в Париже, на антибольшевистскую пропаганду в прессе и на тех же самых журналистов, которым Артур Рафалович платил за «любовь» к России и которые теперь изощрялись за те же русские деньги в ненависти к ней.

Такой поворот истории с «царскими долгами», признаюсь, был для меня тогда большой неожиданностью. Ведь вся отечественная пресса с 1990 г. (когда М.С. Горбачев впервые подписал в Париже Договор о преемственности обязательств царской России, переходящих к СССР) только и писала, что отныне мы должны погасить «царские долги».

По правде сказать, меня и тогда несколько удивляла такая односторонность наших собкоров в Париже. То Юрий Коваленко из «Известий» пускается на охоту за «золотом партии», предлагая покрыть «царские долги» с помощью «капиталов КПСС, упрятанных в парижских банках». То собкор «Правды» Владимир Большаков (кстати, мой бывший студент в Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза) вдруг напишет, что, заплатив долги, мы якобы можем «поставить, например, вопрос о возвращении Соединенными Штатами России Аляски или выплате соответствующей компенсации за нее». Увы, мой бывший студент явно был слабо знаком с историей продажи Аляски 30 марта 1867 г. США всего за 7,2 млн. зол. долл. включая и труды своего бывшего преподавателя Весной 1994 г. в одном из своих выступлений по радио «Эхо Москвы» я рассказал, как канцлер А.М. Горчаков «обменял» Аляску на Среднюю Азию (благожелательный нейтралитет США в войнах ген. Скобелева, что очень раздражало Англию). Позднее я оформил это радиовыступление в статью «Канцлер Горчаков и академик Примаков», включив ее в свой сборник статей «Демократия по-русски» (М. 1999).

Сопоставима ли такая компенсация за возврат Аляски с 1,1 млрд. долл. (цена части русского «залогового золота» во Франции в 1923 г.), если Аляску мы продали «навечно», как, впрочем, сделал и Наполеон с Луизианой, а Испания – с Флоридой, но вот, скажем, по «ленинскому» золоту у нас есть «расписка» о временном хранении – статья 259 Версальского мирного договора 1919 г.

Убедить собкоров двух крупных ежедневных московских газет в Париже не «играть в одни ворота» (хотя один из них, В. Большаков, и был на докладе Ж.

Фреймона 27 марта 1995 г. а в своем корпункте имел большое досье о «русских займах» во Франции, которым он поделился со мной) мне так и не удалось. И я ограничился тем, что дал Вячеславу Прокофьеву, другому собору в Париже – от газеты «Труд», обширное интервью, где пунктирно набросал тактику «игры в двое ворот».

Единственным утешением было то, что, в отличие от Ю. Коваленко и В. Большакова, их парижские коллеги охотно подхватили и развили тезис о равной ответственности двух правительств – французского и российского – за то, что проблема «царских долгов» и «русского золота» во Франции не решается или решается келейно, вдали от глаз общественности двух стран.

Так получилось, что я еще в 1992 г. в бытность свою экспертом Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям бывшего Верховного Совета РФ, оказался причастным к этой проблеме решения спорных российско-французских финансово-экономических вопросов. Как известно, в законодательные функции ВС РФ входила ратификация межгосударственных соглашений. В ноябре 1992 г. подошла очередь ратификации подписанного Президентом Б.Н. Ельциным 7 февраля того же года в Париже российско-французского соглашения о сотрудничестве, повторяющего основные принципы «преемственности» аналогичного соглашения 1990 г. подписанного М.С. Горбачевым там же, в Париже.

Тогдашний председатель комитета народный депутат РФ Е.А. Амбарцумов поручил мне, как эксперту, подготовить пояснительную записку к договору 7 февраля 1992 г. с тем чтобы она стала канвой для

выступления одного из зампредов комитета (им оказался И.И. Андронов) по мотивам ратификации. Надо сказать, что тогда, в 1992 г. в обстановке всеобщей эйфории от победы парламентской демократии, когда ВС РФ впервые начал обсуждать и рекомендовать на должности даже российских послов в ближнем и дальнем зарубежье, ратификации обставлялись весьма торжественно. Выступали один из заместителей министра иностранных дел, представитель Комитета по международным делам, приглашались чиновники соответствующего отдела (департамента) МИД, иностранные послы (в нашем случае – посол Франции), на галерее для публики находились журналисты, отечественные и зарубежные.

И надо же было так случиться, что за несколько дней до пленарного заседания ВС РФ, где должна была состояться ратификация, по каналам ИТАР-ТАСС из Парижа пришло изложение пресс-конференции Жака Вержеса в Национальном собрании (нижней палате французского парламента), на которой он резко напал на свое правительство за бездействие в вопросе «царских долгов», несмотря на то что соглашение от 7 февраля 1992 г. казалось бы, давало ему все юридические карты в руки.

Ж. Вержес изложил целую программу давления держателей облигаций «русских займов» на правительство и парламент своей страны. Среди предложенных им мер значились:

а) сбор подписей парламентариев в защиту держателей (к ноябрю удалось собрать более 100 подписей – 1/5 от общего числа депутатов Национального собрания);

б) давление на МИД Франции при обсуждении его бюджета в нижней палате (не будете давить на Россию – урежем ассигнования!);

в) введение специального налога на все коммерческие операции между Францией и Россией и перечисление сборов от него на особый счет в покрытие «царских долгов»;

г) блокирование «проекта века» – строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Петербург к 2000 году (проектная стоимость в 1992 г. – до 8 млрд. долл.) по типу французских ТЖВ (Train Grande Vitesse – поезда большой скорости – до 250-300 км/ч) на том основании, что Россия так и не расплатилась с Францией за «железнодорожные» займы 1880-1896 гг. хотя часть из них пошла в конце XIX в. именно на модернизацию старой Николаевской дороги.

В заключение «мэтр» Вержес объявил о предстоящем создании общественного агентства держателей, которое будет координировать всю эту программу давления на правительство и парламент. Создать нечто подобное этому агентству (но с противоположными целями) наш Экспертный совет предлагал в мае 1993 г. тогдашнему первому вице-премьеру Правительства РФ В.Ф. Шумейко. В 1994 г. та же идея возродилась в законопроекте депутата В.А. Лисичкина в V Госдуме о создании Российского агентства федеральной собственности за рубежом.

В своей справке к ратификации франко-российского соглашения от 7 февраля 1992 г. еще не зная, что к 1937 г. все «ленинское» золото было оприходовано правительством Франции, я специально обратил внимание на эти «золотые тонны», не забыв упомянуть и

22 млн. 500 тыс. зол. фр. что остались на счетах царского финансового агента Артура Рафаловича как плата за «залоговое золото» времен Первой мировой войны.

Следует, правда, отметить, что со времени эмоционального выступления Жака Вержеса во французском парламенте в ноябре 1992 г. много воды утекло, и в руководстве AFPER, а также в его политике произошли большие изменения.

Так получилось, что ежегодные съезды ассоциации в 1995-1998 гг. совпадали с моим пребыванием в Париже (в 1998 г. ОРТ даже передало из французской столицы мой комментарий прямо из зала заседаний съезда). Более того, удалось установить деловой контакт с новым президентом AFPER Пьером де Помбрианом, который весьма существенно отличался по своим взглядам на проблему решения «царских займов» от своего предшественника де Дре-Брезе.

Если предыдущий президент ассоциации во всем винил Россию, то новый публично, на съездах AFPER и в СМИ исповедовал принцип равной ответственности правительств двух стран за обман вкладчиков. За четыре года общения с Пьером в Париже я убедился: это не прежний президент, во всем обвинявший «большевика с ножом в зубах», а разумный французский общественник, честно отстаивающий интересы рядовых членов своей ассоциации.

Сменился и главный адвокат AFPER: от услуг Вержеса отказались за публичное использование трибуны ассоциации для саморекламы. В 1998 г. ежегодный съезд избрал главным адвокатом Мишеля Карлшмидта, родом из прибалтийских немцев, свободно говорящего по-французски, по-немецки и (большая

редкость в ассоциациях потомков владельцев «царских займов») – по-русски. Советником AFPER остался Жоель Фреймон, и этот тандем Карлшмидт-Фреймон существенно усилил историко-юридическую составляющую ассоциации.

Новая стратегия нового руководства и его советников отчетливо проявилась на последнем из съездов ассоциации, где мне удалось побывать, в апреле 1998 г. Именно на этом съезде впервые было принято «Обращение к русскому народу», в котором обманутым вкладчикам двух стран предлагалось объединиться в конфедерацию и совместно оказывать давление на свои правительства.

Однако вернемся к уже упоминавшимся выше франко-российскому культурному соглашению 1992 г. и истории с «Русским центром» в Париже, тесно связанным с проблемой зарубежной российской недвижимости.

По каналам МИД в наш Комитет по международным делам (ВС РФ) пришло сообщение о предстоящем подписании А.В. Козыревым в Париже 12 ноября 1992 г. российско-французского соглашения об учреждении государственных культурных центров в столицах двух государств под эгидой соответствующих посольств, которое развивало и детализировало приложенное к договору от 7 февраля 1992 г. «Соглашение о культурном сотрудничестве двух государств».

К ноябрю 1992 г. Франция уже открыла такой центр на базе Библиотеки иностранной литературы в Москве, а вот с нашим культурным центром в Париже получилась неувязка. Собственно, де-факто такой культурный центр СССР существовал в Париже давно, с 1975 г. когда советское посольство выкупило в центре французской

столицы по ул. Буассьер, 61, особняк, некогда принадлежавший графу Шереметеву. Не одно поколение членов аналогичного общества «СССР – Франция» (и я в том числе) побывало после 1975 г. в этом графском особняке, последний «десант» из 300 активистов высадился там в разгар перестройки, в 1989 г. Был особняк знаком и немалому числу наших писателей, художников, музыкантов.

В соответствии с тогдашней установкой здание было куплено на имя ВАО «Интурист СССР» и сдано в бессрочную бесплатную аренду прокоммунистическому обществу «Франция – СССР», которое благополучно там и обреталось целых 17 лет, до февраля 1992 г. когда обанкротилось из-за отсутствия субсидий из Москвы. Немалый штат его аппарата оказался не у дел. Но не случайно Францию иногда называют страной «рыночного социализма с человеческим лицом» – все-таки 14 лет ее президентом был социалист Франсуа Миттеран. Социальная защищенность граждан там высока. Уволить госслужащего просто так нельзя, нужно выплатить компенсацию за три года вперед со всеми социальными надбавками (между прочим, до 30 тыс. долл. на человека). Что и вынуждено было сделать французское правительство, выложив безработным клеркам общества «Франция – СССР» целых 8,5 млн. фр. Но в порядке частичной компенсации за бюджетные потери пустило имущество (компьютеры, мебель, оргтехнику и т.п.) общества как финансового банкрота с молотка на аукционе. Едва не продали и сам графский особняк, но в последний момент «казенная» ликвидационная комиссия остановилась и задумалась: а стоит ли? ЦК КПСС уже нет, но Россия-то осталась...

И тут возникла интересная ситуация – в самом центре Парижа, в пределах его бульварного кольца, роскошный особняк с гаражом и старинными залами в позолоте, с мраморными полами и... ничейный. Нет хозяина!

Но не забудьте, что 1992-й – год «сплошной приватизации». Что тут началось – и вообразить невозможно. Тотчас же объявилось не менее десяти «хозяев», не считая попыток «самозахвата» некими фирмачами из Сибири, с Северного Кавказа, Урала, а также дипломатическими партнерами по СНГ: Украины, Беларуси, Грузии, – все искали здания под свои посольства в Париже, а Литва уже начала судиться с РИА «Новости» за свое бывшее «буржуазное» здание посольства на площади генерала Катру, где обосновалось бывшее АПН.

ЦК КПСС больше нет, администрация Президента РФ еще только формировалась. В правительстве чехарда – то премьер Силаев, то Гайдар, то он же, но уже и. о. премьера, то, наконец, Черномырдин. Война «под ковром» Президента со Съездом народных депутатов РСФСР и его ВС РФ еще только начиналась, и многие потенциальные «прихватизаторы» особняка в Париже спешили заручиться поддержкой Р.И. Хасбулатова, а тот «футболил» просителей в наш Комитет по международным делам и внешнеполитическим связям. Скоро у его председателя Амбарцумова стала кружиться голова от ходатаев, он вызвал меня в сентябре как главного специалиста-эксперта комитета и заявил: «Ты – вице-президент общества „СССР – Франция“, вот и разбирайся, чей это особняк».

Хорошо сказать – разбирайся, когда вокруг лакомого куска зарубежной советской собственности столкнулись такие «киты». МИД в лице заместителя министра В.И. Чуркина утверждает: особняк наш, есть распоряжение Президента РФ № 102-РП от 24 февраля 1992 г. да и французы открывать там «частную лавочку» не дадут (письмо к зампреду Госимущества А.И. Иваненко от 25 мая 1992 г.). Нет, наш, утверждает первый зампред Моссовета С.Б. Станкевич (письмо Б.Н. Ельцину от 21 апреля 1992, № 4-63-518/2), нам его передал вице-премьер и куратор ГКИ А.Б. Чубайс (поручение правительства от 5 мая 1992 г.) под создание Дома Москвы в Париже. Как бы не так, парирует другой вице-премьер – А.Н. Шохин, Президент «отказал» (указ № 889 от 14 августа 1992 г.) этот графский особняк моему РАМСИРу РАМСИ Р – Российское агентство международного сотрудничества и развития (1992-1995 гг.), с уходом А.Н. Шохина с поста вице-преьера прекратившее свое существование, «скушавшему» бывший ССОД вместе с Валентиной Терешковой и присвоившему себе все его здания за рубежом. Обождите, ребята, пишет министр культуры РФ Е.Ю. Сидоров в МИД (10 июля 1992 г. № 294-01-45/5-31), а как же мы? Нет уж, отдайте особняк нашему министерству «для развития и укрепления всего комплекса культурных связей между Россией и Францией».

Наконец вмешивается Президиум ВС РФ. 1 июня 1992 г. за № 2889-1 выходит постановление за подписью первого зампреда С.А. Филатова «О Русском доме в Париже»: «Разработать концепцию функционирования Русского дома в Париже (улица Буассьер, 61) в качестве самоокупаемого культурно-делового центра, имея в виду

возможность его использования для развития межпарламентских связей между Россией и Францией, и представить ее на рассмотрение Президиума ВС РФ в срок до 1 августа 1992 г.».

Нет нужды говорить, что никакой «концепции» ни до 1 августа, ни позднее в Президиум ВС РФ так представлено и не было: вскоре Филатов, разругавшись с Хасбулатовым, стал главой Администрации Президента, а самому спикеру, вступившему уже на «тропу войны» с Ельциным, было не до Русского дома в Париже.

Зато дело, как оказалось, было для окружения тогдашнего председателя экспертного совета при Президенте РФ О.И. Лобова, по совместительству еще и председателя Фонда гуманитарных и экономических связей с Францией.

Что делал сей фонд, кроме организаций поездок своего председателя во Францию, и по сию пору остается загадкой, но в 1992-1993 гг. фонд активно включился в битву за графский особняк в Париже (письмо О.И. Лобова Президенту Б.Н. Ельцину от 5 мая 1992 г. № А5-104).

В качестве толкача он нанял некоего И.А. Коновалова, бывшего советника торгпредства СССР в Париже, а с 1992 г. – президента «Интурист холдинг компани», одного из осколков бывшего «Интуриста СССР», «приватизированного на троих» («Холдинг», ВАО «Интурист» и «Мосинтурист» – все трое вели между собой смертельную войну за особняк в Париже). Помнится, как созданная Е.А. Амбарцумовым во главе с его замом по комитету бывшим следователем А.П. Сурковым подкомиссия тщетно пыталась примирить

бывших коллег – ныне смертельных врагов (я присутствовал на этих заседаниях).

Ловчее всех оказался Коновалов. Он обошел и Амбарцумова, и Филатова и подписал 27 октября 1992 г. у Лобова письмо к Б.Н. Ельцину, где вместо федеративного государственного культурного центра под эгидой МИД РФ предлагалось разместить в особняке некую полукommerческую-полукультурную частную «ассоциацию пользователей» («Интурист холдинг компани» Коновалова, РАМСИР Шохина и фонд Лобова).

Президент и эту просьбу удовлетворил, начертав на бумаге Коновалова-Лобова резолюцию: «Согласен» (3 ноября 1992 г.).

В результате этой «подковерной» борьбы при дележе заграничной советской недвижимости (графского особняка) появилось такое количество прямо противоположных постановлений, распоряжений, резолюций и даже указов, что к 4 ноября 1992 г. – моменту ратификации российско-французского соглашения от 7 февраля 1992 г. – в них уже никто не мог разобраться. Распоряжение Б.Н. Ельцина от 24 февраля о передаче особняка МИД, его же «согласие» 3 ноября, наоборот, отдать дом частной «ассоциации пользователей», его же проект указа от 1 декабря вновь вернуть дом в федеральную собственность, постановление Президиума ВС РФ от 1 июня за подписью Филатова фактически подчинить дом российскому парламенту, указ № 889 от 14 августа отдать дом РАМСИРу Шохина, распоряжение Правительства 5 мая 1992 г. передать дом Моссовету и т.д. – вся переписка по графскому особняку в Париже сохранилась в Текущем архиве Экспертного совета.

И.И. Андронов, докладывая мнение комитета, кратко «озвучил» и историю с «ленинским» золотом во Франции (сразу после этого посол Пьер Морель, не дожидаясь голосования, покинул зал заседаний – пошел, очевидно, давать шифровку в Париж), поведал и всю безобразную историю с дележом особняка на улице Буассьер в Париже. Соглашение от 7 февраля, разумеется, ратифицировали, но Комитету по международным делам Р.И. Хасбулатов высказал пожелание разобраться с этим «чертовым особняком».

Надо сказать, что к концу 1992 г. скандал с дележом графского особняка уже попал в газеты – о нем писали «Коммерсантъ-Daily», «Московские новости», «Срочно в номер!», журнал «Столица», некоторые корреспонденты французских газет из Москвы, мне самому приходилось комментировать эту историю под перекрестным «допросом» Улисса Госсе и его коллег из московского бюро TF-1 – первого канала французского ТВ.

Снова вызывает Евгений Аршакович Амбарцумов (со спикером у него были не самые теплые отношения, он больше дружил с Филатовым): «Владлен, слышал, что сказал Руслан? Ноги в руки и марш в Париж – разберись с этой бодягой на месте да и узнай, что там думает посол Рыжов».

29 ноября прилетаю в Париж и сразу к послу. А он разве что на меня не с кулаками: «Что вы там творите в Москве? Какая такая „ассоциация пользователей“? Да французы ее выгонят как „частную лавочку“ к 1 января 1994 г. когда истечет срок аренды, формально записанный на уже не существующий „Интурист СССР“, и никакой Коновалов им не докажет, что он – прямой „наследник“. Тем более, что у вас в Москве еще два

таких „наследника“ – ВАО „Интурист“ и „Мосинтурист“. Объявят аукцион, продадут особняк, и мы его навсегда потеряем. Хотите такой вариант, пожалуйста. Но без меня», – отрезал Юрий Алексеевич.

Пошел к знакомым французским журналистам. Те, конечно, в курсе дела «шкуры неубитого медведя», смеются. «Знаешь что, – говорил мне Мишель Лабро из популярного еженедельника „Эвенман дю жёди“, – мы же знаем, что никакой „Интурист СССР“ (т.е. Коновалов и К. – Авт.) не владеет этим зданием, деньги-то выделены в 1975 г. по просьбе тогдашнего посла СССР во Франции С.В. Червоненко и наверняка оформлены решением Политбюро ЦК КПСС – кто бы дал какому-то „Интуристу“ столько миллионов? Вы хотите, чтобы снова пошли статьи о деньгах КПСС во Франции?»

Во французском МИД и разговаривать долго не стали: есть договор от 7 февраля, есть конвенция от 14 ноября 1992 г. Козырева – Дюма (тогдашний министр иностранных дел, затем председатель Конституционного суда Франции), везде четко записано: «Государственный культурный центр», то есть под эгидой МИД России. Что еще вам нужно? Лепечу что-то вроде: «Мы бедные, а там долги от почившего в бозе общества „Франция – СССР“ на 8 млн. фр. кто будет платить?» Усмехается чиновник, знакомый с таинственной славянской душой не понаслышке – четыре года изучал русский язык и литературу в Национальной школе живых восточных языков, работал в посольстве Франции в Москве: «Кто-кто? Как это у вас – платить будет Пушкин». Дал понять, что если будем соблюдать подписанные соглашения о культурных центрах, то и долги скостят – хорошие отношения с Россией дорожке стоят. А если по-другому, начнете «химичить» – за смену титульного

владельца недвижимости («Интурист СССР» ведь больше не существует) потребуем от вас от 10 до 20 млн. фр. по суду, никакая «ассоциация пользователей» такой кусок не проглотит, так-то, мон шер ами.

Доложил послу. Все правильно, ответил Рыжов, у них – не у нас, на козе не объедешь. Договорились о дальнейших действиях: он пишет в МИД, Козыреву, я – в комитет, Амбарцумову. Основной постулат один – «федеральный государственный культурный центр» под эгидой МИД РФ, и точка.

И все закрутилось в обратную сторону. МИД направил ноту в посольство Франции в Москве с просьбой «сообщить юридическую процедуру переоформления прав собственности на Русский дом в Париже на Российскую Федерацию» (а не на «ассоциацию пользователей» или мэрию Москвы). Е.А. Амбарцумов направил докладную записку в правительство. Но прошло еще долгих три года, пока все утряслось.

За эти годы многие «фигуранты» дележа «шкур» либо сошли с политической арены (Р.И. Хасбулатов, Е.А. Амбарцумов, С.Б. Станкевич), либо сменили ампула (А.Н. Шохин, Е.Т. Гайдар), «непотопляемым» остался лишь один О.И. Лобов.

В конце 1995 г. В.В. Терешкова сумела прорваться к президенту и уговорить его издать указ о восстановлении ССОД, правда, под другим названием, но с возвращением ему всей заграничной инфраструктуры и собственности. Шохинский РАМСИР тотчас же разогнали, и в графский особняк в марте 1996 г. въехал новый «комендант» – Алексей Рябов, бывший ответственный секретарь «Ассоциации друзей Франции» (экс-"СССР – Франция"). И

все в графском особняке вернулось «на круги своя» – под эгиду посольства РФ во Франции и державную длань Российского государства. К великой радости и моей, и моей активной помощницы и «тайной советчицы» Ольги Валентиновны Степановой из Управления (ныне Департамента) по культурным связям МИД РФ, с которой мы вместе бились в 1992-1993 гг. за графский особняк.

2. НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ БЕРЕГУТ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДУХ И... РОССИЙСКУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ

Канун православного Крещения Господнего, 18 января 1994 г. мы, первая после 1914 г. большая, почти 70 человек, группа православных паломников грузимся в огромный «Боинг» компании «Трансайро» в Шереметьево-2 и летим в Тель-Авив и далее к Святым местам, в Святую Палестину.

Ядро паломников образуют преподаватели и слушатели Московской духовной академии, что в Сергиевом Посаде под Москвой, во главе с епископом Дмитровским, ректором Академии, владыкой Александром (в составе слушателей – чудесный мужской церковный хор), несколько церковно-приходских батюшек из Тверской и Ставропольской губерний, руководство Императорского православного палестинского общества (ИППО) во главе с его

председателем профессором О.Г. Пересыпкиным и мы – небольшая пресс-группа в составе съемочной бригады РТР из передачи «Уходящая натура» (автор и ведущий Лев Аннинский) и спецкора «Независимой газеты» Евгения Александрова. Я при них нечто вроде куратора и консультанта от ИППО. Субсидирует поездку православный бизнесмен Александр Зражевский, бывший семинарист. После этой первой поездки А.В. Зражевский создаст Всемирный фонд паломничества и начнет регулярно отправлять группы христианских и мусульманских паломников в Иерусалим и Мекку.

Подавляющее большинство не только к Святым местам, но и вообще в Израиль едет впервые.

Это сегодня православие вошло в повседневную жизнь России и СНГ. Патриарх Московский и Всея Руси благословляет Президента РФ на второй срок правления, мэр Москвы ударными «стахановскими» темпами восстановил взорванный большевиками в начале 30-х годов храм Христа Спасителя на Волхонке.

А каких–нибудь 50-60 лет назад православие было гонимо. В конце 20-х годов большевики запретили не только крестить детей, но и встречать Новый год с наряженной елкой. И советский поэт Семен Кирсанов в первый день Нового, 1941 года опубликовал в «Правде» такие стихи:

И даже елка, блестками слепя, За время хвойной лапою задела, Все виффлеемское сняла с себя И все советское – надела.

А мы едем, наоборот, затем, чтобы снять с себя «советское» и надеть снова «виффлеемское». Едем возобновить традицию паломничества в Святой град Иерусалим, традицию, восходящую еще к XII в. когда в 1104-1107 гг. первый славянский паломник игумен Черниговского монастыря Даниил посетил Святую землю.

С тех библейских времен почти восемь веков Святая Палестина (помните – «вернуться к своим палестинам», то есть к истокам, к «отеческим гробам» – А.С. Пушкин) была мощнейшей струей в русской духовной культуре.

«С первым детским лепетом, – писал в 1881 г. первый секретарь ИППО, известный религиозный и общественный деятель XIX в. В.Н. Хитрово, – привыкли мы произносить священные имена: Иерусалима, Иордана, Назарета, Виффлеема, и имена эти в нашем детском воображении сливаются как-то с родственными для нас именами: Киева, Москвы, Владимира и Новгорода».

Человек, побывавший хотя бы раз в жизни в Святой земле, почитался на Руси почти как святой. Тот же Хитрово подчеркивал: «Расходясь по возвращении в Россию до отдаленнейших ее окраин, они желанные гости в любой крестьянской избе, где стар и млад заслушиваются их рассказами».

Более ста лет прошло со времени этих откровений. И совсем другой паломник, о. Ипполит из Пятигорска, бывший минометчик Советской армии, участник войны с Германией и Японией, контуженный и чудом выживший («Мать сильно молилась за меня всю войну, вымолила у Бога для сыночка жизнь», – говорит он Льву Аннинскому

в фильме-исповеди «Уходящая натура», показанному по российскому каналу ТВ в феврале 1994 г.), сидит на плитах у Храма Гроба Господня и... плачет. «Что ты, отче, кручинишься?» – спрашивает его епископ Александр. «Да от радости, владыко, – отвечает бывший сержант-минометчик. – Не зря воевал, теперь уже и помирать не страшно».

А о. Яков, в миру художник, паломник из другой группы, приехавший в Святую землю в начале 1996 г. так обрисовал свои ощущения от посещения Палестины: «Удивительно видеть своими глазами то, что знаешь наизусть. Это потрясает».

Заочно, «наизусть» мы знали о Святой Палестине даже в безбожное советское время. О Вифлееме и Назарете, об Иордане и Гробе Господнем писали в своих стихах Пушкин («Когда владыка ассирийский...», 1835 г.) и Лермонтов («Ветка Палестины», 1837 г.), в прозе – Гоголь и Бунин.

Более того, корифеи литературной классики сами совершали паломничество в Святую землю. Незадолго до смерти по дороге из Рима посетил Иерусалим Н.В. Гоголь («Видал я, как во сне, эту землю», – из письма к поэту и переводчику В.А. Жуковскому). В 1850 г. на Пасху приехал в Иерусалим с женой князь П.А. Вяземский, один из живших еще друзей Пушкина, оставив в память о своем паломничестве стихотворение «Палестина» и дневник, изданный уже после его смерти племянником.

Наконец, в 1907 г. припал к Святым местам И.А. Бунин. Приехал, чтобы найти умиротворение после кровавых крестьянских бунтов 1905-1906 гг. первой репетиции будущих «окаянных дней» 1917-1919 гг. которые вытолкнул гениального писателя и будущего

лауреата Нобелевской премии в эмиграцию. Очерки и стихи Бунина, написанные им в Палестине, – ценнейший источник для понимания духовного состояния писателя, мучительно размышлявшего: откуда из этой серой и богобоязненной толпы мужичков-паломников берутся Стеньки Разины да Емельки Пугачевы? Палестинская тема еще долго, почти весь эмигрантский период творчества Бунина, будет звучать в его прозе и стихах (см. например, его сборник «Роза Иерихона», 1924, Париж, а в нем рассказ-сказку «О дураке Емеле» из тех самых паломников-разбойников, что выгнали из России гениальных писателей и поэтов).

Однако заложили основы российского «укоренения» в Палестине (нынешние Израиль, Ливан, Сирия, Иордания, часть Египта) официальные власти России, императорский Дом Романовых и Священный Синод Русской православной церкви, начиная с царствования Николая I.

Вокруг царствования императора «Николая Палкина» (Л.Н. Толстой), «царя-фельфебеля» (А.И. Герцен), до сих пор в отечественном и зарубежном «русоведении» идут горячие споры. В СССР все советские годы преобладала резко отрицательная оценка этого «вешателя декабристов». В русском зарубежье, наоборот, господствовала позитивная оценка правления царя как эпохи «консервативной модернизации»

(Рязановский Н. Николай I. – Университет Беркли, Калифорния, США, 1994).

Фактически, как всякое крупное историческое явление, эпоха Николая I была сложным и противоречивым периодом, который, к примеру, Н.В. Гоголь заклеил в своем «Ревизоре» и «Мертвых душах» как эпоху реакции, взяточничества и жульничества. «Вся Россия – один большой монастырь», – говоря это, писатель имел в виду «николаевский порядок» даже в личной и семейной жизни своих подданных.

Наоборот, Ф.М. Достоевский, чье творчество началось при Николае I («Бедные люди», «Белые ночи»), приветствовал усилия царя по возврату к религиозным истокам, к соборности, утверждая, что «православие – это и есть наш русский социализм».

Что бы ни говорили и ни писали современники и потомки о «николаевской реакции», у царя была своя цельная концепция внутренней и внешней политики, чего так не хватало многим правителям России.

При общей политике сдерживания получения высшего образования лицами недворянского звания – из «кухаркиных детей» (двери откроются лишь в 60-х годах XIX в. с реформой университетов при Александре II) Николай I весьма поощрял среднее специальное образование. При нем в России открылось множество коммерческих училищ. Он же осуществлял политику протекционизма отечественных купцов и промышленников, не доводя их до банкротства, как это случилось в 1819 г. при Александре I, когда тот ввел либеральный тариф и английские и германские промтовары буквально разорили русских текстильных

фабрикантов. В 1822 г. первая попытка «войти в европейское экономическое пространство» закончилась провалом.

Не был «царь-фельдфебель» чужд и поощрению наук и ремесел. Именно при «Палкине» были открыты будущая знаменитая Пулковская астрономическая обсерватория (1839 г.) под Петербургом, Технологический институт (1828 г.) и Институт инженеров путей сообщения (1832 г.), создано Императорское русское географическое общество (1845 г.) и ряд других научных обществ.

Особой заботой царя была деятельность аппарата управления. Ни один царь из династии Романовых не издавал такого количества указов по чиновникам, как Николай I, за 30 лет своего правления. То он обязывает гражданских (вице-) губернаторов не сидеть сиднем в губернских столицах, а хотя бы раз в год объезжать лично все уезды (1827 г.), то вводит губернские правления, детально регламентируя их обязанности (1845 г.).

А уж какое количество царских и сенатских указов было издано в 1827-1851 гг. дабы поднять «исполнительскую дисциплину» чиновников, – и не перечесть. Здесь и вычеты из жалованья (пеня) «за медленность и нерадение по службе» (1831 г.), и увольнения необразованных чиновников, «не имеющих грамоты» (1831 г.), и запрет «принимать подношения от общества» (1832 г.), и об отдаче под суд чиновников «за нехождение к должности» (1847 г. – деньги получали, а на службу не ходили), и о «высылке из столиц чиновников, отставляемых за дурное поведение и нетрезвость» (1848 г.).

При Николае I впервые в России были созданы «курсы повышения квалификации» чиновников при университетах, а также разрешен экстернат на сдачу экзаменов «за весь университетский курс» (именно этим указом много лет спустя и воспользуется В.И. Ульянов для сдачи госэкзаменов экстерном в Санкт-Петербургском университете).

Впрочем, свою битву с чиновничьей коррупцией (как до него Петр I, Павел I и Александр I) Николай начисто проиграл, о чем незадолго до смерти с горечью признался своему сыну, будущему царю Александру II: «Ты думаешь, я управляю Россией? Управляют ею пятьдесят моих генерал-губернаторов». А 80 лет спустя П.А. Столыпин повторил: «Не могу найти 50 дельных губернаторов» (В.В. Шульгин).

Но зато Николай I в начале своего царствования явно преуспел во внешней политике, особенно на ее восточном (южном) направлении, и в обрамлении этой политики православной палестинской идеологией.

Со школьных времен знаем мы, бывшие советские люди, пресловутую формулу графа Сергея Уварова: «православие, самодержавие, народность» (1832 г.). Но почему попечителя Петербургского учебного округа, при Александре I весьма либерального и «западника», вдруг потянуло к соборности и Святой Палестине? Да потому, что именно в начале 30-х годов Николай I начал

фундаментальное оформление своей национально-религиозной «государственной идеи».

Идеологии царя предшествовали реальная военная политика и дипломатия. Именно к началу 30-х годов Россия окончательно вышла к «теплым морям» (Черному и Азовскому, а через проливы Босфор и Дарданеллы – к Средиземному). Две победоносные войны – с Персией (1826-1828 гг.) и Турцией (1828-1829 гг.) – закрепили за Россией восточное Черноморское побережье от Анапы до Батуми, ее контроль над Закавказьем (включая свободу мореплавания на Каспии) и через «дочерние» православные княжества на Балканах под фактическим протекторатом «белого царя» (Молдавия и Валахия – будущая Румыния, Сербия и Черногория, частично Греция) защиту западного Черноморского побережья от будущих посягательств Османской империи и ее покровителей на Западе (Англия и Франция) на случай новых войн (Адрианопольский русско-турецкий мир 2 (14) сентября 1829 г.).

Разумеется, царь отдавал себе отчет, что такой стремительный «бросок на юг», сопоставимый лишь с выходом екатерининской России к северному Причерноморью (Одесса-Херсон-Крым-Азов-Анапа), не останется незамеченным в Европе. И действительно, англичане отреагировали весьма быстро: Адрианопольский мир-де «нарушает европейское равновесие». На что российская дипломатия ответила достаточно резко: а когда Англия с 1814 г. начала завоевывать Индию, она это равновесие не нарушала?

Отношения с Англией осложнились еще больше в 1830-1833 гг. Дело в том, что военным и дипломатическим успехам Николая I в 1826-1829 гг. во

многим способствовал очередной внутривосточный кризис в Османской империи. В 1830 г. при поддержке великих держав из состава султанских владений вышла Греция, провозгласив свою независимость во главе с бывшим министром иностранных дел Александра I в 1814-1822 гг. Иоанном (Иваном Антоновичем) Каподистрия. В том же году султан Махмуд вынужден был подтвердить широкую автономию Сербии, вытекавшую из условий Адрианопольского мира.

Но и в тылу у султана все было отнюдь не спокойно. На этот раз восстал его вассал египетский паша Махмед-Али, и вооруженная и обученная французскими военными инструкторами египетская армия под командованием сына паши Ибрагима, заняв всю Палестину и Малую Азию, в 1831-1832 гг. победным маршем двигалась на Стамбул, встав лагерем на азиатском берегу Босфора к январю 1833 г. Султан оказался в ловушке. Армии у него почти не было (ее в 1828-1829 гг. разбили русские войска), традиционную «преторианскую гвардию» султанов – янычар – он, реформируя госустройство, незадолго до того разогнал.

В панике Махмуд обратился за помощью к Англии, Франции и России: срочно пришлите военный флот и войска для защиты султанского дворца. Определенного ответа от двух великих держав не последовало. Французы ограничились присылкой лишь нового посла, а англичане – популярного журналиста (затем он станет секретарем британского посольства в Стамбуле) Джеймса Уркарта.

В контексте европейской истории понять французскую и британскую дипломатию в начале 30-х годов XIX в. можно. Во Франции в 1830 г. произошла

очередная революция, и режим «короля-банкира» Луи-Филиппа Орлеанского еще только укреплялся внутри страны. А у англичан под боком вновь восстали собственные «египтяне» – в Ирландии в 1830 г. вспыхнул очередной мятеж против британского господства. Единственным, кто отреагировал молниеносно, был Николай I. Едва российский посланник в Стамбуле А.П. Бутенев получает паническое письмо о помощи (конец января 1833 г.), как уже 20 февраля русские военные фрегаты бросают якорь в Босфоре, прямо перед дворцом султана. Одновременно царь направляет к египетскому паше своего посланника по особым поручениям статс-секретаря Н.Н. Муравьева (его сыну будет еще ранее поручена другая, не менее деликатная миссия, но в Палестине) и добивается от паши приказа – пока не штурмовать Стамбул, который его сын Ибрагим неохотно выполняет. В апреле 1833 г. на берегах Босфора при посредничестве французских и русских дипломатов начинаются секретные мирные переговоры, которые завершаются в мае полной политической капитуляцией султана. В обмен на номинальное правление Махмуд отдавал египетскому паше в управление фактически весь Ближний Восток (нынешние Сирию, Ливан, Израиль, т.е. всю Святую землю).

Казалось бы, «полицейская миссия» России закончилась, пора поднимать паруса и отплывать из Босфора восвояси. Как бы не так! Оказывается, султан еще 20 марта 1833 г. все через того же Бутенева умолял прислать не только флот, но и русских морских пехотинцев. И это пожелание царь с удовольствием и молниеносно выполнил – в начале апреля три дивизии морских пехотинцев с полным вооружением (более 12

тыс. штыков) прибыли на Босфор и разбили лагерь на берегу Дарданелл.

Четыре месяца, с апреля по июль 1833 г. русские войска «охраняли» Черноморские проливы. В европейских столицах поднялась настоящая паника – «русские на Босфоре!», сбывается их вековая мечта о «щите на вратах Царьграда!». И вдруг к середине июля так же внезапно, как они прибыли, русские пехотинцы сворачивают свой бивуак, грузятся на десантные суда и отбывают в Россию.

Послы Франции и Англии срочно строчат депеши в свои столицы: «Слава богу, русские ушли, Черноморские проливы вновь свободны...»

Эйфория от «капитуляции царя» длилась лишь месяц. В августе одна из британских газет публикует сверхсекретный русско-турецкий договор от 8 июля 1833 г. подписанный с русской стороны особо доверенным лицом Николая I (к концу его царствования он сменит Бенкендорфа на посту шефа тайной полиции) графом А.Ф. Орловым в местечке Ункяр-Искелеси сроком на восемь лет.

Ункяр– Искелесийский договор фактически создавал военный союз Турции с Россией, свободный проход не только торговых, но и военных российских судов через проливы, причем дополнительный военный протокол обязывал султана по первому требованию России закрывать доступ в Черное море иностранным военным судам, а в случае угрозы -приглашать вновь русскую «морскую пехоту».

На деле это означало полный торговый и военный контроль России над Черноморскими проливами и всей акваторией Черного моря, тот самый «щит на вратах

Царьграда», прибить который на Босфоре тщетно пытались Екатерина II, Павел I и Александр I.

Многим в России стало ясно, что после такого договора Европа не оставит николаевскую империю в покое, и лучше всех это понимал сам царь. Вспыхнувшая через год после Ункяр-Искелесийского договора «большая кавказская война» (1834-1859 гг.) третьего имама Дагестана Шамиля, вызвавшая в советские времена столь противоречивые оценки, была отнюдь не случайной.

Не вдаваясь в существо этих идущих до сих пор споров, отметим следующие факты.

Снабженный секретными инструкциями и профинансированный премьером Великобритании лордом Пальмерстоном «писатель» Дж. Уркарт в 1833 г. совершил большую поездку на Ближний Восток с целью изучения сырьевых и торговых возможностей обширных провинций, формально входивших в Османскую империю.

Свои наблюдения и выводы английский разведчик изложил в книге «Турция и ее ресурсы», вышедшей в Лондоне в том же 1833 г. Главный вывод автора: Черное море отныне недоступно для английской торговли, особенно потому, что «побережье Абхазии и Грузии полностью закрыто для нас».

В 1834 г. летом на британском военном фрегате «Туркуаз» в порт Сухум-кале прибыл Уркарт для встречи со старейшинами кавказских горских племен. Русская военная разведка на побережье Черноморья сразу засекла британского «агента» (см. их обширные донесения в «Турецком столе» в АВПРИ МИД РФ за 1833-1835 гг.). В 1835 г. Уркарт был назначен секретарем

британского посольства в Стамбуле и развернул бурную деятельность по поддержке движения Шамиля (посылка оружия, военных инструкторов и т.п.).

Все это было хорошо известно и в российском посольстве в Турции, и в МИД в Петербурге благодаря работавшему в ближайшем окружении Уркарта «двойному агенту» карачаевцу Андрею Хайю, европейскому кавказцу (долго жил в Европе, принял протестантскую веру, свободно говорил на шести языках).

Ответные меры Николая I не заставили себя долго ждать. В конце 1834 г. побережье от Анапы до Батуми специальным указом царя закрывается для стоянки иностранных судов. И уже в мае 1835 г. русская морская береговая охрана задерживает английскую шхуну «Лорд Чарлз Спенсер» на траверсе геленджикского порта. По-видимому, англичане сумели скрытно выгрузить оружие и боеприпасы ранее, ибо таможенники ничего не нашли и отпустили шхуну с миром.

Однако чисто репрессивные меры на Кавказе были лишь частью обширной программы восточной политики Николая I, впоследствии вошедшей в литературу по Восточному вопросу под названием программы «военного православия».

Программу составляли:

– принятие решения (1832 г.) о строительстве второго (первый – на Воробьевых горах – к 1825 г. разворовали, что дало повод Н.М. Карамзину в 1826 г. сказать: «Ничего нового в России, кроме как по-прежнему воруют») Храма Христа Спасителя в Москве на Волхонке (строить начали с 1839 г. после того как

взорвали стоявший на этом месте Алексеевский женский монастырь XVII в.);

– оглашение триады «православие, самодержавие, народность» (1832 г.);

– начало реализации плана «монументальной пропаганды» Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии и ополчения в 1813-1814 гг. (Александровский столп в Петербурге в 1832 г. памятник-часовня с могилой П.И. Багратиона на батарее Раевского на Бородинском поле в 1839 г. Триумфальная арка в Москве, памятники в Смоленске, Можайске, Малоярославце, Вязьме и т.д.).

Существенное место в этой политике «военного православия» заняла Святая Палестина. Надо сказать, что еще в 1806 г. со времени начала активных русско-наполеоновских войн, при военном ведомстве и походной дипломатической канцелярии стали формироваться небольшие походные типографии, выпускавшие листовки и воззвания к солдатам и офицерам противника. В 1812-1814 гг. эта пропаганда «приравнивания пера к штыку» была существенно расширена. Целые толпы молодых «архивных юношей» из дворян, опасаясь идти на передовую, оттачивали свое перо именно в этих типографиях или в «особенной экспедиции» при МИД России, координировавшей всю эту антинаполеоновскую (или антианглийскую, или антитурецкую, в зависимости от того, с кем в этот момент воевала Россия) пропаганду, приобретая одновременно некоторый литературно-публицистический опыт. Подробнее см.: В. Сироткин. Наполеон и Александр I. – М. 2003 (Гл. 7. «Война перьев» двух императоров).

В 1813 г. «особенная экспедиция» начала издавать еженедельную газету «Conservateur Impartial» («Беспристрастный консерватор»). Кстати, к редакции этой газеты в 1817 г. был прикомандирован А.С. Пушкин.

Николай I не только не закрыл эту «экспедицию», а, наоборот, значительно расширил ее, создав нечто вроде хрущевского АПН. Именно к этому АПН и был в конце 20-х годов причислен (подобно Пушкину в 1817-1820 гг.) посредственный поэт (в 1826 г. его стишата высмеял Пушкин в ядовитой эпиграмме), но наблюдательный путешественник Андрей Николаевич Муравьев (1806-1874), сын русского дипломата. Вскоре после заключения Адрианопольского мира Муравьев как паломник и литератор, «путешествующий по частной надобности», отправился в Святые места.

Подобно англичанину Уркарту (но только на три года раньше), «паломник» Муравьев на «казенный кошт» объехал за полтора года весь Ближний Восток, написав по возвращении в конце 1830 г. очень обстоятельный и интересный отчет для своего начальства.

Когда же после Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. и восстания горцев Шамиля в 1834 г. англо-русские отношения на Востоке обострились, а в Россию еще и попала книга Дж. Уркарта о ресурсах Турции, начальство предложило Муравьеву литературно обработать свой отчет и выпустить его отдельной книгой, что он и сделал в 1835 г. Книга имела шумный успех и вдохновила М.Ю. Лермонтова на стихотворение «Ветка Палестины». Много лет спустя Муравьев вспоминал: «Жуковский и Пушкин наиболее хвалили мою книгу: первый – потому, что принимал во мне участие (помогал публиковать стихи молодому автору в журналах. – Авт.),

последний же – оттого, что чувствовал себя виноватым за эпиграмму, написанную против меня еще в 1826 г.».

Как установили позднее пушкинисты, великий поэт действительно собирался написать на книгу Муравьева позитивную рецензию и даже набросал ее план-черновик, но по каким-то причинам не закончил и не опубликовал.

Важно, однако, другое – палестинская тема в «военном православии» к концу жизни импонировала и Пушкину, и Гоголю, что уже отмечалось литературоведами (см. например, статью 1933 г. С. Франка «Религиозность Пушкина»).

Как бы то ни было, Муравьев нащупал «жилу» и всю оставшуюся жизнь от нее уже не отходил. Он еще несколько раз (но уже как действительно паломник – частное лицо) посетил Палестину и в 40-50-х годах выпустил еще два трактата по два тома в каждом.

После Муравьева палестинская тема становится в русской литературе XIX – начала XX в. одной из центральных (поэт и переводчик Петрарки А.С. Норов, П.А. Вяземский, bibliофил и первый издатель полного собрания сочинений Н.А. Некрасова, религиозный общественный деятель С.И. Пономарев, известный художник-баталист В.В. Верещагин, И.А. Бунин, поэты Н.С. Гумилев и В.И. Иванов – все они совершили паломничество в Святые земли) и не прервется для многих из них в эмиграции.

Между тем дипломатически палестинская тема как составная часть всего Восточного вопроса (как и движение Шамиля на Северном Кавказе) продолжала торчать занозой в русско-английских отношениях.

К началу 40-х годов случилось новое обострение международной обстановки на Ближнем Востоке. На этот раз войну там начал сам престарелый султан Махмуд: он двинул свои войска против слишком усилившегося египетского паши и в апреле 1839 г. вновь занял Сирию. Более того, ссылаясь на союзный договор 1833 г. султан начал требовать от царя военной помощи, главным образом русским Черноморским военным флотом.

Николай I вовсе не был намерен воевать на стороне Турции против Египта, и тут подвернулась идея Меттерниха урегулировать Восточный вопрос на международной конференции. Идея пришлась как нельзя кстати: Ибрагим-паша наголову разбивает армию султана в Сирии (не пережив позора, султан 30 июня умирает), а командующий всем военно-морским флотом Османской империи Капудан-паша Ахмед (из-за интриг с визирем-премьером и подстрекаемый Францией) уводит весь турецкий флот из-под Стамбула и сдает его... египетскому паше. Возникла уникальная в мировой практике ситуация – у дивана (правительства) империи не осталось для своей защиты ни солдат, ни матросов! Единственной защитницей стала «бумага» – нота от 27 июня 1839 г. пяти великих держав (ее подписала и Россия): отныне турецкое правительство берет под свою защиту «мировое сообщество».

Итогом этого коллективного демарша стал Лондонский протокол от 15 июня 1840 г. (Англия, Россия, Австрия и Пруссия; Францию не пригласили), по которому четыре великие державы брали под свою коллективную – дипломатическую и военную – опеку турецкого султана, предъявив египетскому паше ультиматум: в течение десяти дней вывести войска из

Сирии, Святых земель – Палестины и с о. Крит, но оставить за собой в наследственное пользование Египет.

В результате сложных дипломатических интриг Франции удалось сорвать выполнение этого протокола, но ровно через год, 13 июня 1841 г. опять же в Лондоне был подписан второй «восточный протокол» (на этот раз с участием Франции), состоявший из двух частей:

1) о широкой автономии Египта в рамках Османской империи;

2) о нейтрализации Черноморских проливов (т.е. фактически об отмене сепаратной русско-турецкой конвенции 1833 г. срок которой, однако, истекал именно в июле 1841 г.).

Для Святой Палестины самым важным было то, что она с 1841 г. освободилась от присутствия как турецких, так и египетских войск.

Лондонские протоколы 1840-1841 гг. не решили Восточного вопроса (и свидетельством этому станет Крымская война 1853-1856 гг.), но загнали его «под ковер». Прежняя борьба за наследие «больного человека Европы» (Османской империи) видоизменилась, приняв характер дипломатического и религиозного проникновения в Святые земли.

Пользуясь тем, что формально Турция с 1840 г. находилась под «коллективной защитой» великих держав, а египетские войска покинули Палестину, все они первым делом начали открывать свои дипломатические консульства в Иерусалиме, Бейруте, Дамаске, а также направлять в Святую Палестину своих миссионеров, для чего начали учреждать еще и духовные миссии (католические, протестантские, православные).

Первыми приступили к этому протестанты. Пруссия не только открыла дипломатическое консульство в Иерусалиме, но вскоре послала туда же протестантского епископа (открыла духовную миссию). Подобным же образом поступила Франция, открыв в Иерусалиме консульство и католическую духовную миссию.

Николай I также поспешил открыть в 40-х годах в Иерусалиме дипломатическое консульство. В 1847 г. наступила очередь духовной миссии.

Обе миссии возглавили два образованных и далеко смотрящих в будущее человека. Духовную – архимандрит Порфирий, начавший еще в 40-х годах скупать «впрок» земельные участки в Иерусалиме и вокруг него для будущего строительства церквей, подворий, больниц, школ. Он же составил и направил Николаю I обширную записку с конкретным планом расширения паломничества в Святые земли из России. К сожалению, всегда существовавшая в России «ведомственная дипломатия» помешала тогда, в 40-х годах, кардинально решить этот вопрос: царь направил записку архимандрита в МИД, а тот дал на нее отрицательное заключение: не дело-де «каких-то попов» лезть в «государеву вотчину» – дипломатию. В итоге Николай положил проект расширения паломничества под сукно.

Очень много сделал и первый дипломатический консул России в Иерусалиме К.М. Базили. Однокашник Гоголя по Нежинской гимназии, именно он принимал своего знаменитого земляка-писателя, возил его по Святой земле. Он же опекал в 1850 г. и Вяземского с женой. Трактат Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством...» (СПб. 1875) и сегодня почитается востоковедами как серьезный исторический труд.

Свою 30– летнюю политику «консервативной модернизации» в одной «отдельно взятой стране» Николай I с треском проиграл в Крымскую войну.

И хотя ни одного квадратного метра территории, отвоеванной у Персии и Турции в 1826-1829 гг. Россия по Парижскому миру 1856 г. не потеряла и границы Российской империи остались теми же, что и до Крымской войны, в морально-политическом плане «севастопольская страда» нанесла сильный удар по всей идеологии «православия, самодержавия, народности». Даже ее символ – храм Христа Спасителя в Москве – к началу Крымской войны так и не был достроен (и потребуются еще 25 лет, чтобы его завершить).

«Палестинская тема» – паломничество также в значительной степени осталось при Николае I на бумаге: с 1829 г. и до начала Крымской войны, то есть почти за 25 лет, Святые земли в Палестине посетило всего около 500 человек. Причем в основном ездили либо чиновники-"публицисты" за казенный счет, либо аристократы.

Василий Николаевич Хитрово, один из главных протагонистов и основателей ИППО, посетивший в первый раз Святую землю в 1871 г. позднее писал о полном «небрежении» и Русской православной духовной миссии, и Иерусалимского патриархата (где преобладали греки) к нуждам русских паломников, число которых «просто мизерно».

В той обстановке критики и обличения николаевской эпохи, которая охватила просвещенные круги России после позора Крымской войны, «палестинская тема» зазвучала очень мощно.

Новый царь Александр II откликается на чаяния общественности. В 1859 г. маломощный координационный Палестинский комитет (1853 г.) при МИД под тем же названием преобразуется в общественно-государственный орган при правительстве и Синоде. В него входят члены императорской семьи, в частности супруга Александра II Мария Федоровна. В 1864 г. его полномочия еще более усилятся, и он станет Палестинской комиссией, которая в марте 1889 г. волеется в ИППО.

Очень важным инструментом для организации массового паломничества во второй половине XIX – начале XX в. становится учреждение (с участием государства) в 1856 г. российской паровой компании в Одессе с задачей регулярного пассажирского сообщения со всеми Святыми местами (Палестина, Синай в Египте, Святая гора Афон в Греции).

Через два года, в 1858 г. Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) открывает в Иерусалиме постоянную контору по обслуживанию паломников. Результаты не замедлили сказаться: с 1857 г. число паломников из России резко возрастает и к 1882 г. (году учреждения ИППО) достигает уже почти 13 тыс. человек.

Тогда же, в конце 50-х – начале 60-х годов, стали поступать и крупные пожертвования. Одно из первых сделала жена царя Александра II Мария Федоровна на строительство на Оливковой (Масличной) горе в библейском «Гефсиманском саду» («Гефсимании»)

женского православного монастыря с восьмиглавой («московского чина») церковью Марии Магдалины с высокой звонницей («Русской свечой», как ее называют и сегодня). На участке помимо церкви и звонницы было построено еще два подворья (гостиницы) для паломников, поэтому иногда весь комплекс сегодня называют Мариино-Магдалинским подворьем. По современным ценам участок в 10 га с фруктовым садом и системой орошения (три цистерны для воды) был куплен всего за 14 тыс. франц. фр. (менее 5 тыс. долл. США сегодня), но на само строительство всего комплекса с окружающей его капитальной двухметровой стеной ушло свыше 300 тыс. фр.

Турецкое законодательство до 1914 г. не предусматривало купчей на юридических лиц, сделки совершались лишь лицами физическими. Поэтому эта покупка (как и все последующие) была оформлена на российского консула в Иерусалиме А.И. Васильева и лишь 20 марта 1897 г. была переведена на имя русского правительства, для чего потребовался специальный указ (фирман) турецкого султана. В свою очередь, правительство передало функции верховного управления и распоряжения этой собственностью Русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1897 г. все имущество вместе с участком и садом оценивалось в 402 260 фр.

... В январе 1994 г. вместе с российскими телевизионщиками я побывал в этом подворье. Оно явно разрослось по сравнению с 1897 г. ухожено. Во дворе большое количество надгробий над могилами монахов и мирян (последних особенно много за 20-е и 60-е годы, почти все – эмигранты первой волны). Подворье после карловацкого раскола (1921 г.) на белую и красную РПЦ попало под духовную юрисдикцию белой церкви. И по

сию пору красных попов туда не пускают, о чем нас предупредили в духовной миссии Московского патриархата в Иерусалиме заранее.

Но мы – не попы, мы – миряне, паломники, и после небольших переговоров у домофона в воротах нашу телегруппу впустили, хотя особо возиться с нами не стали. Ни экскурсию проводить, ни показывать какие-либо церковные раритеты (а они, мы знаем, были) – снимайте все, что снаружи, и все. Даже к трапезе «москвитов» не позвали, и мы все три часа были предоставлены сами себе.

Зато была другая интересная встреча. На крыше одного из подворий заметил я человека в черном строительном халате, но явно не монашеского вида, он перекрывал крышу жестью. Вскоре он спустился и... заговорил по-русски. Оказался паломником из Германии, помощником машиниста тепловоза, уже несколько лет проводившим часть своего отпуска в Святых местах, бесплатно работая «на Бога» (за кров и скромную монашескую пищу) в Мариино-Магдалинском подворье: помогает по хозяйственным делам – в этот раз перекрывает крышу.

Нет, он не эмигрант-диссидент и не уезжал из СССР по «еврейской визе», он вообще никогда не бывал в России, ибо родился в самом конце войны в Германии от русской матери и немца-солдата, который погиб в последних боях за Берлин. Набожная мать воспитала его в русско-православном духе, не дала забыть русский язык (хотя учился он в немецкой школе и немецком «паровозном» техникуме) и перед смертью взяла с сына слово обязательно посетить Святую землю. Один раз приехал и вот теперь приезжает каждый год за свой

счет, иногда даже делая небольшие пожертвования. Вот такой «неожиданный союзник» встретился нам в Иерусалиме.

Кардинальный перелом в «палестинской политике» официальных властей России и иерархов РПЦ наступает в 1880-1881 гг.

В 1880 г. в Святую землю в очередной раз приезжает В.Н. Хитрово. «Патриархию (Иерусалимскую. – Авт.) я нашел в очень невзрачном виде, – писал он в следующем году в первом номере нового „Православного палестинского сборника“, – заботы о патриархии сводятся к нулю, и положение последней более чем безотрадное. Школ ни одной, а про храмы лучше не говорить». Одна из основных причин неуспеха русского православного дела в Палестине – делящийся с 40-х годов ведомственный конфликт Русской духовной миссии (Священный синод) с Русским дипломатическим консульством (МИД), которые никак не могут определить, кто из них главнее в Святой земле.

В 1881 г. Хитрово представил в МИД и обер-прокурору Священного синода К.П. Победоносцеву очередную (с 1871 г. пятую) обстоятельную записку с предложением разграничить «ведомственные функции» многочисленных российских и зарубежных духовных миссий, у каждой из которых почему-то оказался свой «хозяин».

Традиционно исторически первые духовные миссии стали возникать при посольских церквях России за границей с XVIII в. Для этого с целью проведения религиозных служб по рекомендации Синода и с утверждением их МИДом стали отправлять русских священников (эта практика после 1988 г. возродилась в РФ вновь). Некоторые крупные церковные приходы при посольствах тогда же стали преобразовывать в целые духовные посольства (миссии), главами которых назначались не менее чем архимандриты, а членами – исключительно монахи («черное духовенство»). Постепенно эти духовные миссии и территориально отделились от светских российских посольств: в Риме при Ватикане, где при М.С. Горбачеве прежнюю духовную миссию возглавил советский посол при Папе римском и Мальтийском ордене, в Стамбуле, Афинах, Иерусалиме, Александрии, Сеуле, Токио и др.

Иногда такие духовные миссии исполняли сразу две функции – религиозную и дипломатическую, как, скажем, Пекинская православная духовная миссия с 1712 г. поскольку МИД России весь XVIII в. и половину XIX в. никак не мог установить с Китаем дипломатические отношения из-за неприятия китайского церемониала (правители Поднебесной империи требовали, чтобы иностранные послы вручали верительные грамоты... ползком, на коленях).

До середины XIX в. с управлением большинства заграничных миссий у российских властей не было больших проблем. Субсидировались они из бюджета МИД, по духовным делам находились в подчинении либо Санкт-Петербургской епархии, либо (Иерусалимская, Пекинская, Японская с 1871 г. и Сеульская с 1897 г.) непосредственно в ведении управления внешних

церковных связей Священного синода в Петербурге
Полтавская И. В. (Петербург). Русские православные
духовные миссии на Дальнем, Среднем и Ближнем
Востоке (обзор документов РГИАП) // Дипломатический
ежегодник. – М. 1995, С. 112-123.

Первый диссонанс внес... сам Николай I. В 1847 г.
рядом с Иерусалимским патриархатом он учреждает еще
и Русскую православную духовную миссию, а затем
открывает и дипломатическое консульство. Понятное
дело, три «хозяина» сразу начинают враждовать, что с
горечью отмечает В.Н. Хитрово. Дело доходит до того,
что на иерусалимского патриарха Никодима 19 марта
1888 г. совершается покушение – наемный террорист
едва не заколол его кинжалом. Хуже всего было, однако,
другое – распыление и воровство пожертвований
паломников. Как пишет наш современник протоиерей
Александр Кравченко, «более чем щедрые субсидии,
которые не раз получал Блаженнейший Никодим (в
1883-1890 гг. – глава Иерусалимского патриархата. –
Авт.), не окупались ничем; без какой-либо определенной
пользы разошлись они по карманам кредиторов
Иерусалимской патриархии».

«Военное православие» Николая I состояло еще и в
том, что он мало считался с иерархами РПЦ. Когда в 40-х
годах ему надо было смягчить позицию католических
держав в Восточном вопросе, он не побоялся лично
посетить Папу римского в Ватикане и даже заключить 22
июня 1847 г. с ним первый (и последний в истории
русско(советско)-ватиканских отношений) конкордат о
легализации положения католиков и униатов в России,
включая гарантию их религиозных свобод и имущества.

Еще большую путаницу в управление зарубежными духовными миссиями внесли реформаторские эксперименты 60-70-х годов.

С одной стороны, Александр II ужесточил свои отношения с Ватиканом за его поддержку восстания поляков в «русской» Польше в 1863 г. (отмена 22 ноября 1866 г. конкордата с Папой), а с другой – создал в 1865 г. по образцу Великобританского и иностранного библейского общества свое Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками (в 1870 г. его переименовали в Православное миссионерское общество с резиденцией в Москве), переподчинив новой непонятной «конторе» некоторые заграничные духовные миссии (как будто имеющих тысячелетнюю цивилизацию китайцев, японцев или арабов можно приравнять к «язычникам» – тунгусам или племенам людоедов в Африке).

Однако В.Н. Хитрово скорее всего и на этот раз ничего бы не добился (он уже десять лет бомбил «инстанции» своими предложениями создать мощное православное общество), если бы в России не случилось очередное трагическое событие – 1 марта 1881 г. террористы-народовольцы убили царя-освободителя Александра II.

Русские «качели» в третий раз за один неполный век качнулись вправо, от эпохи «великих реформ» 60-70-х годов Александра II к «реакции» Александра III, прочно связанной в либеральной дореволюционной и советской литературе с именем наставника царя с юности и до гробовой доски правоведа Константина Петровича Победоносцева (1827-1907), с 1880 по 1905 г. состоявшего в должности главного официального

идеолога – обер-прокурора Священного синода РПЦ Российской империи (см. его письма к Александру III с 1881 по 1894 г. в 1993 г. переизданные).

Как писал в прошлом веке один из его современников, «в его громадном кабинете... с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми бесчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы. Он все читал, за всем следил, обо всем знал». Это не был пропагандист «военного православия» граф Сергей Уваров, это был теоретик самодержавия, заменивший уваровскую триаду на другую: бог, отечество, родители. Очень точно назвал громадный обер-прокурорский кабинет на Литейном проспекте в Петербурге наш современник писатель А.П. Ланщиков: «Нет, это обиталище не чиновника, не ученого и не философа. Это обиталище ученого государственного колдуна, всемогущего и бессильного одновременно».

К.П. Победоносцев старался вернуть Россию к православным истокам, сочетая грамотность с религиозным воспитанием в школе. Именно он настоял перед Александром III на отмене древнего, еще времен Петра I, указа о запрете РПЦ заниматься обучением крестьянских детей в церковно-приходских школах (что через два столетия привело к почти поголовной неграмотности крестьян) и добился больших государственных кредитов на эти школы: с 1881 г. их число выросло с 273 до 43 696 (намного больше, чем светских земских школ), и в них обучалось в 1905 г. без малого 2 млн. крестьянских ребятишек. Победоносцев активно поддерживал – морально и материально –

сельских батюшек и разночинцев-интеллигентов, шедших «в народ».

Конечно, его «православное просвещение» было по-своему ограниченным. Победоносцев, например, ревниво следил за тем, чтобы в Великий пост все театры были закрыты. Как и Николай I, он не благоволил к университетскому образованию и в 1886 г. резко воспротивился приданию частному Томскому университету статуса государственного (по тогдашней терминологии – императорского).

Именно к Победоносцеву и попала докладная записка Хитрово. Обер-прокурор не только дал ход бумаге, но и заинтересовал идеями Хитрово трех великих князей – Сергея Александровича (будущего почетного председателя ИППО и генерал-губернатора Москвы), Павла Александровича и Константина Константиновича (будущего президента Императорской академии наук, драматурга и поэта), которые вскоре после гибели Александра II как паломники отправились в Святую землю.

Столь мощный «великокняжеский десант», снабженный к тому же всеми необходимыми справками Хитрово о засилье в Палестине «латинян» и «англикан», малом числе русских паломников, «войне» трех глав миссий и отрицательной позиции МИД, стал по возвращении на Родину таким тараном, что Александр III издал 8 мая указ об ИППО, и 21 мая 1882 г. в Петербурге состоялось первое заседание правления Императорского Православного Палестинского Общества. Его почетным председателем был избран великий князь Сергей Александрович, первым ученым секретарем – В.Н. Хитрово.

В число учредителей и членов правления наряду с членами Дома Романовых (семь человек!) вошли представители аристократии (князь Долгоруков, графы Игнатьев и Путятин), крупные ученые-востоковеды, поэты, писатели, путешественники. Широко была представлена профессура Петербургской и Московской духовных академий.

Словом, это была уже не карманная «особенная экспедиция» Александра I и Николая I, а мощное религиозно-общественное объединение со своей финансовой строкой в государственном бюджете – с 1889 г. по 30 тыс. зол. руб. субсидий, и это не считая так называемых «кружечных сборов» в церквях в Вербное воскресенье, что ежегодно давало еще по 75-100 тыс. руб.

Через десять лет ИППО превратилось в самую крупную в России религиозно-общественную организацию, тратившую на свои благотворительные нужды ежегодно более полумиллиона золотых рублей.

Куда же шли эти огромные средства?

I. На дотации паломникам (главным образом крестьянам) для поездки из России к Святым местам (Палестина и Святая гора Афон в Греции).

С 1884 г. ИППО начало создавать по всей России свои местные отделения. В них стали продавать так называемые «паломнические книжки» (по-современному – путевки) со значительной, до 35%, скидкой на проезд по железной дороге и на пароходе. Так, для малоимущего паломника дорога из Москвы до Одессы по железной дороге в третьем классе, морем на пароходе в трюме до Яффы и пешком в Иерусалим стоила в 1887 г. всего 46 руб. 50 коп. без питания (продовольствие брали

с собой). Для сравнения: тот же путь (без питания) в первом классе стоил 230, во втором – 160 руб.

В иерусалимских подворьях за место на нарах (койку), обед из двух блюд и вечерний чай (со своими припасами) с крестьянина до 1914 г. брали 13 коп. в сутки. В самой России такой ночлег на постоялом дворе стоил бы в 3-4 раза дороже.

И неудивительно, что к концу XIX – первом десятилетии XX в. паломничество приняло массовый характер: приезжали до 10-12 тыс. человек в год, особенно на православную Пасху (до начала сельскохозяйственных работ в деревне). За время довоенного существования ИППО (1882-1914 гг.) десятки тысяч простых русских паломников побывали в Святых землях, причем 72% из них составляли крестьяне. Напомним для сравнения, что аналогичное частное светское общество заграничного туризма графини В.Н. Бобринской для земских учителей в 1909-1911 гг. сумело отправить на схожих льготных условиях всего 4 тыс. «экскурсантов».

Специального социологического исследования состава паломников ни до революции, ни тем более в советское время никто не проводил. Некоторые элементы такого анализа содержатся лишь в статье В.Н. Хитрово «Откуда идут в Святую землю русские паломники?» (1900 г.) да в работе одного из основателей ИППО и его активного деятеля, профессора богословия А.А. Дмитриевского «Типы современных русских паломников в Святую землю» (1912 г.). Поэтому мы воспользуемся анализом университетских исследователей из США Г.Г. Ставроу и Питера Р. Вейсенсела «Русские

путешественники на христианский Восток за период с XII по XX век» (аннотированная библиография; Огайо, 1986).

По подсчетам этих авторов, только в 1883-1897 гг. из 22 238 паломников крестьяне составляли подавляющее большинство (72,1%), за ними шли с большим отрывом мещане-горожане (12,7%), духовенство (3,5%), мелкопоместное дворянство (3%) и купцы (1,7%). Данные американских исследователей подтверждаются архивными материалами фонда «Палестинского общества» в АВПРИ МИД РФ, в частности составленной управляющим подворьями ИППО в Палестине П.И. Ряжским таблицей «Распределение паломников и паломниц по сословиям за 1898-1899 гг.»:

Сословия, Мужчины, Женщины, Всего

1, Крестьяне, 2349, 3842, 6191

2, Мещане, 248, 588, 836

3, Дворяне, 26, 39, 65

4, Казаки, 197, 402, 599

5, Лица духовного звания, 19, 140, 159

6, Почетные граждане, 77, 84, 161

7, Купцы, 25, 24, 49

8, Лица военного звания, 53, 98 «Вдовы военных.», 151

9, Иностранцы «Преимущественно православные греки, сербы, болгары, румыны.», 74, 17, 91

10, Разночинцы, 13, 23, 36

Управляющий (подпись)

Распределение паломников по половому признаку в таблице П.И. Рязского было отнюдь не случайным – за исключением граф «купцы» и «иностранцы», по всем другим сословиям (но особенно среди крестьян и казаков) женщины составляли подавляющее большинство. Можно даже сказать, что в 1882-1914 гг. русское паломничество в Святую Палестину (на Афон в Грецию женщин не пускали и не пускают – там с XII в. и по сию пору была и есть чисто мужская православная община монахов) было по преимуществу женским. Некоторые из паломниц по возвращении на Родину опубликовали интересные наблюдения (например, паломница Капитолина Барсова).

Зная традиции русских крестьянских семей, в этом феминизме паломничества не было ничего странного. Многие русские женщины, особенно на склоне лет, когда подрастали дети и в доме появлялись невестки-помощницы, ходили на богомолье и в самой России. Генерал П.П. Петров в мемуарах приводит пример своей матери: «Под старость она отпрашивалась (у мужа. – Авт.) сходить пешком на богомолье в монастырь Никандровский, около 25 верст, или в Псково-Печерский, около 90 верст. Любила рассказывать по возвращении про путешествие и встречи».

Но многие паломницы, как пожилые (вдовы), так и молодые, из путешествия в Святую землю домой не возвращались. Оставались там навсегда. Этот феномен отмечал еще в 1859 г. «просвещенный паломник» М.Д. Волконский. Пожилые пристраивались уборщицами (за кров и пищу) в монастырях, подворьях, миссиях;

молодые искали женихов или даже «шли на панель» (что с возмущением отмечал паломник из Житомира А. Коровицкий в 1891 г.). Многие занимались продажей религиозных сувениров, шли в услужение к местным богатым арабам няньками, кухарками, горничными.

Разумеется, это не было осмысленным религиозным диссидентством, а скорее бегством от отупляющего быта русской деревни, заграничной «свободной» жизнью, без постоянного надзора (а часто и битья) мужа, свекрови, старших братьев, тем более что тогда по «книжке паломника» в Палестине довольно свободно можно было получить вид на жительство – достаточно было принести в турецкий околоток письменную рекомендацию местного батюшки.

Этих русских «невозвращенков» с 60-х годов позапрошлого века на Ближнем Востоке всех чохом называли «наташами», и это собирательное имя всех женщин из России (СССР) сохранилось до сих пор. Как сохранилось и староарабское название русских – «московиты». В разговорном арабском в Израиле, Ливане, Сирии вы и сегодня услышите – «московитская» (русская) литература, «московитская» политика, война, школа и т.д.

До 1917 г. большинство «наташ» – невозвращенок из крестьян, обслуживая Святые места, занимаясь мелкой торговлей или прося подаяние (тысячи паломников со всего света в год), могли, перебиваясь с хлеба на квас, существовать в Палестине годами. «Свободные от надзора со стороны своих родственников и старших, – писал профессор А.А. Дмитриевский, – они руководствовались только своими желаниями; в паломничестве они наконец-то обрели свободу».

Революционные события 1917-1920 гг. навсегда отрезали «наташ» от Родины. Более того, иссяк источник существования для православных Святых мест в Палестине: ни субсидий, ни подаяний от паломников – приезжали лишь единицы из белой эмиграции. И все-таки большинство «наташ» каким-то чудом выжило.

Мы встретили в январе 1994 г. одну из них – мать Валентину – совсем рядом с храмом Гроба Господня в ее крохотной келье с небольшим садовым участком. Она девчонкой, еще до Первой мировой войны, приехала из тульской деревни и в конце концов приняла монашеский постриг. Вместе с обращенной в православие арабкой-служкой она большую часть своей почти столетней жизни прожила рядом с Гробом Господним, где обе и состарились. Сколько ни «пытал» ее Лев Аннинский перед камерой и микрофоном, ни вздоха раскаяния «за бесцельно прожитую жизнь» он не услышал. Наоборот, силе духа этой женщины можно было только позавидовать...

Когда два года спустя я пришел снова к той келье, меня встретила лишь арабка-послушница: «Умерла Наташа, – сказала она на чистом русском языке, утирая слезы, – Бог позвал ее к себе».

II. Учебно-образовательная деятельность ИППО – второе крупное направление расходов общества. Об этой широкой просветительской деятельности «религиозных мракобесов» и «обскурантов» из ИППО (оценки А. Блока, большевиков) до 1992 г. года воссоздания Российского палестинского общества, в СССР не знал почти никто.

Между тем с 80-х годов и до 1914 г. ИППО открыло на Ближнем Востоке (Израиль, Сирия, Ливан, Иордания) более 100 двух– (на селе) и четырехкласных (в городе)

школ, две (мужскую и женскую) учительские семинарии, которые за 25 лет окончили более 10 тыс. учащихся.

«Русские школы и семинарии в Палестине, – отмечал в 1978 г. журнал „Палестинский писатель“, – оказали влияние на арабское литературное движение и многих палестинских поэтов и писателей – выпускников этих школ. Это Насар Иса, Шафик Насар, Халилл Бейдас». Именно из числа учеников этих школ вышли первые переводчики Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя на арабский язык.

Особенно заметный след оставила четырехклассная мужская педагогическая семинария-интернат им. В.Н. Хитрово в Назарете, построенная на средства ИППО и открытая в 1886 г. Фактически семинария в Назарете была не только педагогическим, но и медицинским (фельдшерским) училищем, ибо все семинаристы обязаны были дополнительно пройти медпрактику (санитары, помощники фельдшера) в русских медпунктах и больницах ИППО в Палестине. В ужасающих условиях отсутствия элементарной медицинской помощи, в которых находилось население тогдашней Палестины, учитель обязан был быть еще и фельдшером как минимум.

Душой Назаретской семинарии стал Искандер Кезма, обрусевший араб, окончивший Московскую духовную академию, которого ИППО по контракту отправило в Святую землю, где он проработал много лет.

Академик И.Ю. Крачковский, активный член правления ИППО, а затем и бессменный, до 1951 г. президент его советского «осколка» – Русского палестинского общества, крупнейший ученый-арабист,

посетив Назарет, писал еще в 1912 г.: «Хотя учащиеся не все свободно говорили по-русски, им всем был хорошо известен журнал „Нива“... У каждого в доме были сочинения Тургенева, Чехова... Более того, иногда у них оказывалась запрещенная в России литература».

В отличие от французов и американцев русские не успели создать в Святой земле своего университета. Но способные выпускники школ и семинарий обеспечивались до 1914 г. стипендиями ИППО и направлялись на продолжение учебы в Россию. Типична в этом отношении биография первого (с 1898 г.) переводчика Пушкина и Льва Толстого Халилла Бейдаса (родился в 1875 г. в Назарете). Сначала он закончил двухгодичную русскую сельскую школу, затем – четырехгодичную. Был рекомендован в Назаретскую семинарию. После успешного окончания ее работал директором сначала сельской (под Бейрутом), а затем и городской (в Хайфе) русской школы ИППО. Стал одним из духовных лидеров православных арабов, в 1908-1914 гг. издавал на арабском языке общественно-политический журнал «Ценности».

Интересна судьба одной из выпускниц русской школы ИППО палестинки Кульсумы Оде (в СССР – Клавдии Викторовны Оде-Васильевой). Окончив школу, она поступила в женскую педагогическую семинарию в Бейт-Джале (семинария вначале была создана в 1858 г. в Иерусалиме, но греки из Иерусалимского патриархата вытеснили ее из Святого града), затем преподавала в русской женской школе в Назарете. Здесь и вышла замуж за русского военно-морского офицера-врача И.К. Васильева.

Когда турки закрыли в 1914 г. все школы и семинарии ИППО в Святой земле (Турция, как известно, воевала в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии против Антанты), К.В. Оде-Васильева уехала с мужем в Россию и стала сначала в Петроградском, а затем в Московском университете преподавателем арабского языка и литературы. За полвека ее работы в СССР не одно поколение советских арабистов прошло через ее классы.

...В апреле 1996 г. по приглашению бывшего председателя ИППО и посла РФ в Ливане профессора О.Г. Пересыпкина я побывал в Бейруте, совершил поездку по стране. С историей русских просветителей в Святой земле встретился с первой минуты, ведь российское посольство размещается в... бывшем здании четырехклассной школы ИППО. «Школа» – этот привычный термин может звучать здесь лишь условно. На деле это огромный особняк, выстроенный в арабском (мавританском) стиле, с большим парком и немалым количеством хозяйственных построек.

Весь север Ливана и сегодня арабо-православный. Недалеко от г. Триполи расположен большой православный частный университет «Баламанд» с семью факультетами. Там и сям на севере Ливана натыкаешься на русские православные церквушки и кладбища, где на плитах – русско-арабские имена.

Но самый большой сюрприз преподнес мне российский консул в Бейруте А.В. Игнатов. Он пригласил меня на встречу выпускников – нет, не русских школ ИППО (они, увы, все давно уже умерли), а школ советских – на собрание членов Ассоциации выпускников вузов СССР. Их, оказывается, в Ливане вместе с русскими

женами и детьми несколько тысяч, целая колония, больше, чем в любой другой арабской стране. Многие стали у себя на родине видными адвокатами, врачами, учеными, мечтают о создании своего «Ливано-Российского дома» (прежний культурный центр СССР в Бейруте из-за отсутствия финансирования закрыли).

Все члены ассоциации по пять-шесть лет отучились в СССР, свободно говорят по-русски и... очень гневаятся, что преемники СССР в СНГ всех их начисто забыли – «хохлы» даже на письма не отвечают, требуют писать по-украински, а на весь Ливан нет ни одной пишущей машинки с украинским шрифтом.

Вот как спустя полвека преломилась «московитская» просветительская традиция в Святых землях!

III. Научно-издательская деятельность ИППО – третий канал расходования бюджета. Без преувеличения можно сказать, что с 1882 г. ИППО, находившееся под покровительством К.П. Победоносцева, собрало вокруг себя все лучшие светские и церковные умы – крупнейших арабистов И.Ю. Крачковского и Н.А. Медникова, грузиноведа А.А. Цагарели, византолога И.И. Соколова, археологов Н.П. Кондакова, А.А. Олесницкого, архимандрита Антонина (Капустина). Последний был еще и главой Русской духовной миссии в Иерусалиме в конце XIX – начале XX в. и лично руководил раскопками в «русском месте» (бывшая коптская «Деббота» на Елеонской горе), выкупленном еще в 1858 г. Палестинским комитетом.

Общество делало крупные пожертвования на большие научные экспедиции. В 1882 г. оно субсидировало экспедицию приват-доцента

Петербургского университета А.А. Цагарели на Синай (Египет), Афон (Греция) и в Иерусалим для изучения древних грузинских рукописей. Вышедший затем капитальный труд доцента «Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае» и сегодня остается уникальным источником по древней истории Грузии.

В 1886 г. ИППО субсидировало сразу две экспедиции – археологическую профессора А.А. Олесницкого в Иерусалим для изучения и раскопок того места, где, по преданию, находился Соломонов храм 22 марта 1915 г. Научный совет ИППО принял решение о создании в Иерусалиме Русского археологического института, но продолжавшаяся мировая война, а затем и захват власти в России большевиками помешали реализации этого выдающегося проекта, и этнографическую доктора А.В. Елисеева для изучения древних путей паломников, шедших в Святую землю из Руси «посуху» – через Кавказ и Анатолию к Иерусалиму.

Много средств выделяло общество на научные – светские и религиозные – издания. При его содействии видный арабист Н.А. Медников 15 лет работал над древнеарабскими источниками, результатом чего стало его всемирно известное четырехтомное исследование «Палестина от завоевания ее арабами и до Крестовых походов». В порядке «общественной нагрузки» профессор Медников разрабатывал учебные программы для русских школ в Святой земле.

Учебное сообщество ИППО с 1886 г. издавало свой академический журнал – «Сообщения Православного палестинского общества», быстро превратившийся не только в русский, но и всемирный печатный орган востоковедов (в 1954 г. его издание возобновилось).

Общество издавало также богословскую литературу, в частности «Жития святых». Одним из первых под редакцией М.А. Веневитова (в память о нем его именем названо одно из русских подворий в Иерусалиме) было издано «житие» первого на Руси паломника – черниговского игумена Даниила (XII в.).

В целом в России конца XIX – начала XX в. не было второго такого сообщества, которое сочетало бы «народную пользу» (паломничество), академические науки и религию.

Однако больше всего денег шло на содержание, как бы сказали сегодня, «паломнической инфраструктуры» в Святых землях: строительство соборов и церквей, монастырей, подворий, школ, больниц, детских садов и т.д. Особенно активно «паломническая стройка» началась с того времени, когда в 90-х годах XIX в. главой Русской духовной миссии в Иерусалиме был назначен архимандрит Антонин (Капустин). При нем были сооружены Троицкий собор и больница рядом со зданием Русской духовной миссии, четыре подворья (гостиницы для паломников), в 1896 г. – еще один храм во имя святого Александра Невского и Александрийское подворье. В Назарете были построены мужская учительская семинария, подворье, женская школа, амбулатория и детский сад, и это не считая десятков других сооружений по всей Святой земле.

В официальной справке русского консульства в Иерусалиме в МИД России сообщалось, что на 1903 г. только на территории нынешнего Израиля и Ливана находилось 114 объектов недвижимости (участков земли, церквей, приютов паломников, больниц, школ и т.д.), из них львиная доля (97) – в Иерусалиме и вокруг него.

По данным бывшего председателя ИППО профессора О.Г. Пересыпкина, «к 1917 г. общество на правах собственности имело в Палестине, Сирии и Ливане земельные участки общей площадью более 270 га, часть которых была приобретена на собранные в России средства, а часть получена в дар от православных арабов».

Спустя 46 лет в МИД, но уже советском, была подготовлена вторая справка о недвижимом имуществе в Палестине, Сирии и Ливане, некогда принадлежавшем русскому правительству, царской семье, ИППО и РПЦ (см. Приложение, док. 2).

Похоже, И.В. Сталин в 1949 г. рассчитывал получить от Израиля некую компенсацию в обмен на то, что СССР как постоянный член Совета Безопасности ООН поддержал в 1948 г. резолюцию о создании в Святых местах Государства Израиль. Вот только небольшой отрывок из этой справки, составленной отделом заграничных имуществ управделами МИД СССР (3 февраля 1949 г.): «8. Земельный участок „Старое подворье Московийе (московское)“, или „Русские постройки“, размером 71 678 кв. м, из которых 23 142 кв. м были подарены султаном Абу-уль-Меджидом в 1855 г. вел. кн. Константину Николаевичу, и 48 536 кв. м были приобретены... На приобретение участка и на подготовку его к постройке было израсходовано в 1855-1860 гг. 154 951 фр.».

В 1949 г. русские постройки образовывали 11 объектов недвижимости: 1) резиденция бывшего царского дипгенконсульства с садом и огородом (все вместе – 3426 кв. м); 2) консульская тюрьма (по-современному – КПЗ, для нарушивших общественный порядок соотечественников, которых местная полиция не имела права держать более двух суток); 3) домик для привратника (коменданта здания генконсульства); 4) дом для проживания прислуги генконсульства; 5) три подворья – Елизаветинское женское, Мариинское мужское и Николаевское смешанное – для паломников из крестьян на 300 койко-мест каждое и с комнатами для служителей; 6) собор Св. Троицы; 7) дом духовной миссии с домовою церковью; 8) здание общей «большой» русской больницы; 9) здание «малой» русской больницы для заразных больных; 10) здание-магазин религиозных сувениров ИППО; 11) большой бассейн.

Не все здания на этом «русском пятачке» сохранились до наших дней. Снесены после 1949 г. здания русского дипконсульства, консульская тюрьма, домик привратника и дом прислуги консульства (на их месте построено здание мэрии в стиле модерн), засыпан бассейн.

Законсервированы обе больницы, в подворьях – запустение (в одном – склад металлолома из израильской военной техники времен войны 1948-1949 гг.).

В 1994 г. когда мы с телегруппой РТР снимали этот «пятачок», функционировали лишь два объекта – собор Св. Троицы и Русская православная духовная миссия октября 1996 г. Е.М. Примаков как министр иностранных дел подписал с израильскими властями протокол о

полной передаче двух этих зданий Российской Федерации.

Между тем эти русские постройки – самая крупная бывшая российская недвижимость в Израиле, к тому же компактно расположенная на «русском пятачке». Судя по справке МИД СССР, на строительство одиннадцати объектов (последний – церковь Св. Троицы – закончили в 1897 г.) ушло 800 тыс. зол. руб. (или 2,7 млн. франц. фр.). Любопытно, что казна из этих 800 тыс. потратила 500 тыс. жертвователи из России дали 270 тыс. а одно РОПИТ (Русское общество пароходства и торговли) выделило 30 тыс. зол. руб.

В 1895 г. французы по просьбе ИППО проводили официальный кадастровый учет участка «Москобийи» и оценку зданий (без собора) – все вместе «потянуло» на 4 млн. 250 тыс. фр. Поскольку даже по тем временам (не говоря уже о наших) вся эта недвижимость представляла огромную ценность, учитывая тогдашний сюзеренитет Турции над Святой землей, ИППО через генконсульство в Иерусалиме и посольство в Стамбуле добилось в 1897 г. от султана именного указа (фирмана) о передаче всей этой недвижимости в собственность российского правительства (подлинник фирмана хранится в АВПРИ в Москве, а все купчие – в архиве Священного синода в Петербурге).

Но не все подворья ныне находятся в заброшенном состоянии. Скажем, подворье при церкви Св. Александра Невского (именно там после 1896 г. останавливались все именитые попечители ИППО во время паломничества в Святую землю) – так называемое Александрийское, что неподалеку от Храма Гроба Господня, – функционирует и в настоящее время как гостиница-музей. Мы обнаружили

там 11 апартаментов для высоких гостей, некое подобие музея русских паломников (под стеклом сложены тяжелые металлические вериги паломников, дары русских монахинь Богу – вышитые жемчугом кошельки и т.д.). В подворье висят подлинники полотен И.Е. Репина, И.Н. Крамского, В.А. Серова и других великих русских художников на библейские темы, портреты Александра III, Николая II, великих князей.

Вообще в уцелевших подворьях или монастырях в Святой земле немало таких картин, подлинников которых нет ни в Русском музее в Петербурге, ни в Третьяковке в Москве. Вернуть все это достояние на Родину или, по крайней мере, сделать доступным для обозрения через паломничество – задача весьма благородная, хотя и очень трудновыполнимая. Ведь за без малого сто лет, что прошли со времени создания всех этих – движимых и недвижимых – сокровищ, в Святой земле трижды менялись правители. Турок сменили англичане и французы, тех, в свою очередь, – режимы независимых государств. Скажем, в одном из русских подворий для паломников в Иерусалиме англичане учредили... тюрьму, а в русской больнице организовали госпиталь для своих солдат. Израильтяне, создав свое государство, наоборот, в «тюремном подворье» открыли музей истории борьбы евреев с английскими колонизаторами.

Кстати, в период своего «мандата» (1919-1948 гг.) англичане вообще никаких прав собственности не признавали (отказали в претензиях даже белой церкви в эмиграции) и создали в 1934 г. собственный благотворительный фонд, забрав под его опеку всю «спорную» собственность. В итоге такой «благотворительности» в Александрийском подворье разместился верховный «подмандатный» британский

комиссар, а в Николаевском – британская военная полиция.

Израильтяне же ведут осторожную политику. Юридически они признают сегодня обе духовные миссии в Иерусалиме – и белую, и красную, но ни одной из них дореволюционную церковную собственность пока не «отписывают».

Разгорается большой международный скандал вокруг Сергиева подворья (или «Москобийе эль-Джедидэ»). В свое время оно было построено на личные пожертвования почетного председателя ИППО великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители в Москве, и записано на имя великого князя (хотя управлялось ИППО).

Супругов постигла трагическая участь: Сергея Александровича в 1905 г. разорвала бомба эсера-террориста Каляева, а Елизавету Федоровну (родную сестру царицы) в 1918 г. в Алапаевске зверски убили большевики (Русская зарубежная церковь причислила ее к лику святых, и еще до Второй мировой войны ее прах был перенесен в один из православных храмов Иерусалима).

Сегодня в Сергиевом подворье размещаются две израильские «конторы» – министерство сельского хозяйства и Общество охраны природы. На Сергиево подворье претендуют и белая, и красная церковь, и воссозданное современное ИППО (именно оно до 1914 г. им управляло).

Но два– три года назад появился еще один мощный конкурент -супруг британской королевы Елизаветы II герцог Эдинбургский, являющийся «по крови» прямым

родственником семьи Романовых и на этом основании претендующий на недвижимость в виде Сергиева подворья. Пока дело до суда не дошло, но в Израиле очень взволновались – шутка ли, сам супруг британской королевы хочет судиться...

Правда, член президентского совета Ассоциации выпускников вузов СССР в Ливане доктор Сухейль Фарах настроен оптимистически. Он считает, что чем больше будет шума вокруг русской недвижимости на Ближнем Востоке, тем нам, россиянам, лучше. Израиль уже в принципе признал, что отнятую у арабов-палестинцев недвижимость (а их в 1948-1973 гг. выгоняли из домов и с участков без церемоний) он обязан вернуть – иначе в чем смысл палестинской автономии? Судебная тяжба супруга королевы лишь увеличит шансы России: ведь англичан, мягко говоря, не любят ни арабы, ни израильтяне за их межвоенную репрессивную «подмандатную» политику. В Ливане, говорит доктор Фарах, вы уже нашли союзников в нашем «Ливано-Российском доме», думаю, что найдете и в Израиле.

...А мы, паломники образца 1994 г. уезжали домой, переполненные впечатлениями и мысленно повторяя слова Ивана Бунина: «Есть ли в мире другая земля, где бы сочеталось столько дорогих для человеческого сердца воспоминаний?»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Freymond J. Les emprunts russes: de la ruine au remboursement. – Paris, 1995.

2 Welter G. Ce qu'il faut savoir de la Russie économique. – Paris, Dunod, 1923. См. также пресс-релиз Дйеuner de presse, lundi 27 mars 1995 (intervention de M. Freymond, conseiller technique de l'AFPER) (Текущий архив Экспертного совета).

3 Литературная газета. – 1998. – 28 янв.

4 Expresse. – 1998. – 7 sept. См. также: Трибуна. – 1998. – 17 сент.

5 Сироткин В. Где наши 47 тонн золота? // Правда. – 1998. – 8 апр.

6 См. например: Коваленко Ю. Будем ли мы платить царские долги? // Известия. – 1990. – 13 нояб.

7 Известия. – 1992. – 3 нояб.

8 Большаков В. Платить, судя по всему, придется, и Россия должна об этом знать // Правда. – 1994. – 6 июля.

9 История США. – Т. 1: 1607-1877. – М. 1983. – С. 505-506. См. также: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски (1834-1867). – М. 1990.

10 Прокофьев В. Русское золото, или Кто кому должен? (Интервью с председателем общественного Международного экспертного совета по российскому золоту и недвижимости за рубежом проф В.Г. Сироткиным) // Труд. – 1995. – 16 июня.

11 См.: L'Expansion. – 1995. – 14-27 avr.; Le Quotidien de Paris. – 1995. – 12 avr.

12 См.: Известия. – 1992. – 3 нояб. (краткое изложение Ю. Коваленко пресс-конференции Ж. Вержеса).

13 Справка к указу (распоряжению) Президента РФ по созданию фонда «Возвращение» (российское золото и недвижимость за рубежом), 25 мая 1993 г. / Сост. В.Г. Сироткин (Текущий архив Экспертного совета).

14 О собственности РФ, находящейся за границей (проект закона). – Ст. 15 (представлен на обсуждение Комитета по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности V Госдумы 13 декабря 1994 г.) (Текущий архив Экспертного совета).

15 См. например: Valeurs actuelles. – 1998. – 4-10 avr.

16 Коммерсантъ. – 1999. – 12 февр.

17 См.: О культурном центре России во Франции (Русский дом в Париже). Отчет о командировке в Париж с 29 ноября по 5 декабря 1992 г. эксперта комитета профессора В.Г. Сироткина, 10 декабря 1992 г. (Текущий архив Экспертного совета).

18 Цит. по: Ветка Палестины. Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине / Сост. Б.Н. Романов. – М. 1993. – С. 8.

19 Гранин И. Семь дней в вечности // Коммерсантъ-Daily. – 1996. – 13 апр. – С. 16.

20 См.: Шереметев С.Д. Путешествие на Восток кн. П.А. Вяземского. – СПб. 1883.

21 Бунин И.А. Собрание соч. в 9-ти томах. – Т. 3. – М. 1965. – С. 365-384.

22 См.: Государственная служба в России. – Т. 2. – Нижний Новгород, 1994. – С. 108-116.

23 Киняпина Н.С. Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – МГУ, 1984. – С. 128-130.

24 Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. Серия «Исторические науки». – 1958. – № 2. См. также: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). – М. 1978.

25 Ср.: Адамов Е. Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн (документы) // Вопросы истории. – 1950 – № 11; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. – Тбилиси, 1953; Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. – 1956. – № 3; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX в.). – М. 1955.

26 Цит. по: Киняпина Н.С. Блиев М.М. Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 132.

27 См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. – С. 174-179.

28 Красный архив. – 1940. – Т. 5 (102). – С. 192.

29 См.: Сироткин В.Г. Козлов В.Т. Традиции Бородина: память и памятники. – М. 1989. – С. 35-39.

30 Сироткин В. Г. Пушкин – дипломат. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи (Сб. докладов). – М. 1999, с. 42-59.

31 Муравьев А.Н. Путешествие по Святым местам в 1830 году. – СПб. 1835.

32 Муравьев А.Н. Мои воспоминания. – М. 1913. – С. 25-26.

33 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – Т. 7. – М. 1964. – С. 262.

34 Пушкин в русской философской критике. – М. 1990. – С. 380.

35 См.: Муравьев А.Н. История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших дней. – Ч. 1-2. – СПб. 1844; его же. Письма с Востока в 1849-1850 гг. – Ч. 1-2. – СПб. 1851.

36 См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. – Т. 1. – М. 1947. – С. 389-390.

37 См.: Коптилина С.В. (Н.Новгород). Проблема Святых мест во внешней политике России в конце XIX – начале XX в. // Палестинский сборник. – Вып. 31 (94). – М. 1992. – С. 131; Пересыпкин О.Г. Не прерывать добрых традиций // Дипломатический ежегодник. 1989. – М. 1990. – С. 193-194.

38 Перепеч. в сб. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. – М. 1991. – С. 254-309.

39 Волконский М.Д. Записки паломника. 1859 год. – СПб. 1860. – С. 118.

- 40 Хитрово В.Н. Неделя в Палестине. – СПб. 1871. – С. 3-5.
- 41 См.: Вейсенсел П. (США). Сообщения русских крестьян-паломников о Палестине как отображение жизни русской сельской общины // Палестинский сборник. – М. 1992. – № 31 (94). – С. 42 (таблица).
- 42 Список российских учреждений в Палестине и Сирии (1903 г.) // Дипломатический ежегодник. – М. 1992. – С. 263.
- 43 Хитрово В.Н. Православие в Святой земле // Православный палестинский сборник. – Т. 1. – Вып. 1. – СПб. 1881. – С. 81-83.
- 44 Выдержки из этой записки впервые опубликованы в Дипломатическом ежегоднике (М. 1995, с. 124-133).
- 45 Кравченко А. Взаимоотношения русской и иерусалимской православных церквей при иерусалимском патриархе Никодиме (1883-1890 гг.) // Палестинский сборник. – 1992. – № 31 (94). – С. 117.
- 46 Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М. 1994. – С. 133-137.
- 47 Полтавская И.В. Указ. соч. – С. 121.
- 48 Цит. по: Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М. 1993. – С. 9.
- 49 Ланщиков А. Предотвратить ли думою грядущее? (предисловие) // Победоносцев К. П. Указ. соч. – С. 9.
- 50 Пересыпкин О.Г. Палестина, близкая нам // Палестинский сборник. – 1992. – № 31 (94). – С. 150-151.

51 Извещение ИППО: тариф «до Яффы и обратно» (1887 г.) // Дипломатический ежегодник. – М. 1992. – С. 240-241 (фотокопия).

52 См.: Хитрово В.Н. Какими путями идут русские паломники в Святую землю? // Сборник ИППО. – 1901. – № 12. – С. 317.

53 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – М. 2003. – С. 84.

54 Вейсенсел П. Указ. соч. – С. 42 (таблица).

55 АВПРИ МИД РФ. – Ф. Палестинское общество. – Оп. 873/2. – Д. 23. – Л. 24.

56 Барсова К. Дневник иерусалимской поклонницы // Церковный вестник. – 1885. – № 5-8, 11/12.

57 Петров П.П. Из крестьян – в генералы (воспоминания) // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 258.

58 Салех Дж. (Палестина). Просветительская деятельность России в Палестине // Палестинский сборник. – 1992. – № 31 (94). – С. 146.

59 Дмитриевский А.А. Типы современных русских паломников в Святую землю. – СПб. 1912. – С. 32.

60 Касаб М.О. (Израиль). Просветительская деятельность Палестинского общества на территории Палестины // Палестинский сборник. – 1992. – № 31 (94). – С. 72.

61 См.: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. – М. 1979. – С. 9.

62 Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. – М. 1912. – С. 118.

63 Палестинский сборник. – 1992. – № 31 (94). – С. 151.

64 К вопросу приобретения недвижимого имущества в Палестине, Сирии и Ливане (справка МИД СССР, 1949). (См. Приложения, док. 2.)

65 Черток С. (Иерусалим). Русские паломники в Палестине // Русская мысль (Париж). – 1996. – 11-17 янв. – С. 17.

66 Бунин И.А. Собрание соч. в 9-ти томах. – Т. 3. – С. 384.

VI. ДОКТРИНЕРЫ И ПРАГМАТИКИ

1. ОТ ЛЕОНИДА КРАСИНА ДО ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВА: ПЛАТИТЬ ИЛИ НЕ ПЛАТИТЬ?

В то время как на дальневосточной оконечности Евразийского континента белые бились в японских судах в 1922-1941 гг. за возврат «колчаковского» и «семеновского» золота, на западной его оконечности почти в то же время (1922-1927 гг.) красные начали претендовать на «царское» золото и не прекращали своих попыток вплоть до развала СССР в 1991 г. (переговоры последнего премьера СССР Валентина Павлова с госсекретарем США Джеймсом Бэйкером в Москве по ленд-лизу и «царским долгам» состоялись незадолго до августовского путча ГКЧП).

Первым в этой плеяде большевистских «спецов» по русскому заграничному золоту и недвижимости стоит Леонид Борисович Красин (1870-1926), фигура в «коммунистическом иконостасе» до конца не изученная и во многом противоречивая. Родившись в небогатой, но

очень образованной и радикально-демократически настроенной семье разночинцев в Западной Сибири, Красин с детства вращался в среде польских ссыльных поселенцев, которые стали его первыми учителями (в 1863 г. Россия жестоко подавила очередное польское восстание, и тысячи поляков были этапированы в Сибирь).

С юности Красин интересовался техническими дисциплинами, и закономерно, что после окончания реального училища в г. Кургане в 1887 г. он поступил в Технологический институт в Петербурге, избрав только-только зарождавшуюся тогда специальность «электрохимия». Закончить институт в срок ему не удалось: как и многие студенты его поколения, он примкнул к социал-демократам, начал вести кружки среди рабочих заводов Петербурга (из одного из них вырос затем и прославленный в большевистской историографии ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»), оказался в 1891 г. участником студенческой демонстрации, был арестован и административно выслан из столицы с одновременным отчислением с четвертого курса без права восстановления (высшее образование инженера-технолога Красин завершит только в 1900 г. в Харьковском технологическом институте).

Ссылку ему заменяют «солдатчиной» – службой рядовым в Нижнем Новгороде. Там в 1892 г. (когда по старым марксистским «грехам» арестовывают руководителей его марксистского кружка в Петербурге, то и самого Красина берут заодно) он получает десять месяцев одиночки в Таганской тюрьме в Москве (использует «тюремное сидение» с пользой: в совершенстве изучает немецкий язык, читает немецких

классиков – Шиллера, Гете, Канта – в подлинниках), по освобождении дослуживает воинскую повинность в Туле.

Дальше биография Красина как бы раздваивается. С одной стороны, следуя призыву революционного демократа Дмитрия Писарева к молодежи «делать дело», он, подобно С.Ю. Витте, идет на «чугунку»: в 1894 г. поступает в г. Калаче Воронежской губернии на работу на железную дорогу, сначала простым рабочим (Витте начинал рядовым кассиром на полустанке), затем (все-таки четыре курса «Технологички», грамотный по тем временам) быстро становится десятником на строительстве полотна.

Но развернуться на железной дороге жандармерия не дает: за «старые заслуги» его вновь арестовывают и в 1895 г. ссылают на три года в Восточную Сибирь, в Иркутск. Как отмечал позднее философ В.В. Розанов, царизм сам себе плодил политических противников – один раз оступился, «хвост» неблагонадежности будет тянуться за любым талантливym человеком всю жизнь, толкая его в политическую оппозицию режиму.

Красин и в сибирской ссылке прибил к железной дороге. Начав чертежником, в конце ссылки он становится инженером-строителем. При катастрофической нехватке грамотных инженеров начальство Транссиба сквозь пальцы смотрело на политическую благонадежность специалистов (кстати, такую практику ввел С.Ю. Витте по всему Великому сибирскому пути). Отбыв ссылку, Красин экстерном сдает за пятый курс в Харьковском технологическом, и его сразу приглашают в 1900 г. в Баку, где на нефтепромыслах разворачивается к тому времени огромное строительство.

Здесь инженер устремляется в самую новейшую, электрическую, отрасль и четыре года строит электроподстанции – в Баку и окрестностях идет процесс электрификации нефтебурения. Но чисто инженерной практики Красину явно мало. Другая его ипостась – революция – снова зовет его к себе.

Наблюдательный психолог Л.Д. Троцкий, познакомившийся с Красиным еще в 1905 г. в Киеве, точно заметил: «Теоретиком в широком смысле Красин не был. Но это был очень образованный и проницательный, а главное, очень умный человек, с широкими идейными интересами». Добавим также, что не был Красин и партийным публицистом, как Л.Д. Троцкий, В.В. Воровский, А.В. Луначарский. Два последних в годы эмиграции были «штатными» публицистами при Ильиче, или, как писал Троцкий, «для экстенсивной работы, на которую Ленин не любил и не умел расходовать себя».

Для такой же «экстенсивной работы» на партию, но в сфере организационно-технической – создание подпольных типографий (именно в Баку Красин наладил первую мощную подпольную типографию для печатания ленинской «Искры» прямо с матриц, привозимых нелегально из Швейцарии), лабораторий по изготовлению динамита, перевозке оружия и т.п. – приспособил Ленин Красина. В Баку он (а не Сталин, как писали его клеветы позднее) был одним из главных организаторов знаменитой всеобщей стачки нефтяников 1903 г.

За такие заслуги «главного техника» партии по предложению Ленина на II съезде РСДРП заочно кооптируют в члены ЦК как «руководителя боевой

технической группы при ЦК партии» (так будут писать после 1917 г. во всех его официальных партийных биографиях).

Климат южного Прикаспия не способствовал здоровью Красина – он схватил малярию (впоследствии эта болезнь принесет трагические результаты: приведет к белокровию, от которого Красин и умрет в 1926 г.) и вынужден был, бросив все, срочно уехать в среднюю полосу России. Он устроился по своей инженерной специальности в крупном подмосковном текстильном центре – в Орехово-Зуево. Войдя в местную «элиту», Красин быстро свел знакомство с «белой вороной» русского купечества – Саввой Морозовым, начав его «доить» на нужды партии. Как писал позднее меньшевик-невозвращенец (в 1930 г. будучи советником торгпредства, он отказался вернуться в СССР) В.В. Валентинов (Вольский) в своих воспоминаниях «Малознакомый Ленин», «большевики оказались великими мастерами извлекать – с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов – деньги из буржуазных карманов во всех городах Российской империи. Большим ходяком по этой части был член большевистского ЦК инженер Л.Б. Красин».

Дружил Красин и с модным в начале века писателем Леонидом Андреевым, дававшим в своей квартире приют почти всему российскому ЦК РСДРП(б) (там его однажды всем составом и застали царские жандармы), но после Первой мировой войны и Октябрьской революции проклявшим большевиков.

В 1905 г. Красин впервые выезжает за границу – он избран от большевиков на III съезд РСДРП в Лондоне. На

съезде «главный техник» во всем солидаризируется с Лениным, выступает с двумя – по организационным и политическим вопросам – докладами, теперь уже очно избирается в ЦК партии большевиков.

По возвращении в революционную Россию Красин вновь «едет на двух лошадях»: как представитель крупнейшей германской электрокомпании «Симменс унд Шуккерт» (для этого Красин принимает германское подданство, сохраняя российское), глава ее Петербургского кабельного освещения, и как главный «динамитчик» партии. На предприятиях этого германского филиала в России подпольно всюду куется «оружие пролетариата»: самодельные бомбы, ружья, револьверы, печатаются прокламации и воззвания.

Долгое время полиция боялась тронуть «германскоподданного инженера». Лишь в 1908 г. Красина застали на конспиративной квартире большевиков в Финляндии, но ничего компрометирующего при нем не нашли. По его же жалобе Выборгский губернатор обязал полицию освободить «германскоподданного» Красина из-под ареста, и тот сразу же из Финляндии переехал в Швецию. В 1909 г. Красин вновь появился в окружении Ленина. Далее партийная историография начинала творить легенду. Действительно, Красин сам признавался: «не письменный (т.е. не пишущий. – Авт.) я человек». И в самом деле, в отличие, скажем, от Троцкого или Луначарского, все публицистическое наследие Красина – две-три тоненькие брошюры за 1919 и 1925-1926 гг. да несколько статей за рубежом. К антибольшевистской брошюрке 1919 г. мы еще вернемся, но что Красин вообще якобы не любил и не умел писать – неправда. Достаточно почитать огромное количество

писем его двум женам за 1917-1926 гг. Первая жена – Любовь Миловидова, с которой Красин был вместе с 1910 по 1920 г. после разрыва с мужем осталась в эмиграции, сначала в Берлине, затем в Париже. Их дочь Люба-младшая вышла замуж за известного французского общественного деятеля, лауреата Ленинской премии мира Э. д'Астье де ля Вижери (в 1967 г. он укрывал в Швейцарии от агентов КГБ Светлану Сталину после ее бегства из СССР, в 1974 г. – А.И. Солженицына). Всю переписку с мужем за 1918-1926 гг. Л.В. Миловидова продала в Амстердамский международный институт социальной истории, и ее активно используют зарубежные исследователи. Вторая жена (с 1920 г.) – Тамара Миклашевская – опубликовала часть писем из семейного архива за 1922-1926 гг. совсем недавно (см.: Дипломатический ежегодник. 1989. – М. 1990. – С. 358-370), чтобы понять, что это не так.

И тем не менее с 1927 г. с издания энциклопедического словаря «Гранат» «Деятели СССР и Октябрьской революции» (переиздан в 1989 г.), все биографы Л.Б. Красина не уставали повторять, что якобы в 1909-1916 гг. он временно отошел от работы «революционной» и занялся «инженерной», а в 1917 г. по первому зову Ленина будто бы вернулся в стан большевиков. На самом же деле Красин, ровесник Ленина, вовсе не желавший быть у «вождя» на побегушках, в 1909 г. отошел от «твердокаменных» большевиков и ушел к «отзовистам» и «ликвидаторам» во главе с А.А. Богдановым (Малиновским). Помимо Красина в ту же группу переместились Луначарский и меньшевик-интернационалист В.А. Базаров (Руднев), и всех их Ленин заклеил как «ренегатов» и

«богостроителей» в своей философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.).

Более того, как пишет А.А. Богданов в автобиографии (1927 г.), «летом 1909 г. был вместе с Л.Б. Красиным (курсив мой. – Авт.)... устранен из большевистского центра, а в январе 1910 г. при слиянии фракций большевиков и меньшевиков, и из ЦК партии». Красина восстановят в «цекистах» лишь 14 лет спустя, в 1924 г. на XIII съезде РКП(б), а Богданова – уже никогда, хотя он очень много сделал после 1917 г. и в сфере пропаганды коммунизма (возглавлял до осени 1921 г. «Пролеткульт», был действительным членом Коммунистической академии), и в организации и планировании науки (капитальный труд в трех томах «Тектология», установочная статья «Принципы единого хозяйственного плана»), и в медицине (создал первый в мире Институт переливания крови, существующий в Москве и поныне).

Поскольку философия и фракционная ругань «беков» (большевиков) и «меков» (меньшевиков) были Красину явно не по душе, он вновь пересел в 1909 г. на своего «инженерного конька» – «Симменс унд Шуккерт» с распростертыми объятиями приняла его в штаб-квартиру всемирного картеля в Берлине, положив огромный оклад, предоставив квартиру и транспорт.

Фактически Красин вышел из партии и Первую мировую войну встретил убежденным «оборонцем». «К ленинской позиции он относился враждебно, – вспоминал Троцкий в 1926 г. в некрологе-очерке на смерть Красина. -...Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал. Он не верил в способность

партии справиться с разрухой. К методам коммунизма относился и позже с ироническим недоверием, называя их „универсальным запором“».

Как свидетельствуют письма к его первой жене, в июле 1917 г. он даже склонялся к версии о «большевиках – германских шпионах», споря об этом в редакции газеты «Новая жизнь» со своим другом А.М. Горьким. Ленин неоднократно с ноября 1917 г. пытался привлечь Красина к работе в Совнаркоме, предлагая ему пост то наркома финансов, то торговли и промышленности, то путей сообщения. Троцкий так передавал слова вождя: «Упирается, рассказывал Владимир Ильич, а министерская башка». Это выражение он повторял в отношении Красина не раз: «министерская башка».

Ключ к раскрытию непримиримой позиции Красина в его отказе занять министерский пост в правительстве большевиков лежит в Амстердамском архиве. Знал бы «Никитыч» (партийный псевдоним Красина), какую злую шутку сыграет с его сугубо личными и доверительными письмами его первая жена, – теперь их читают все, кому не лень! Известный исследователь леворадикальных течений (эсеры, меньшевики, большевики) Ю.Г. Фельштинский, живущий в Бостоне и в Москве, обнаружил в этом архиве сенсационное письмо Красина жене от 25 августа 1918 г. оценки которого во многом совпадают с «демократической контрреволюцией» самарского КомУча: «Самое скверное – это война с чехословаками и разрыв с Антантой... Чичерин соперничал в глупости своей политики с глупостями Троцкого, который сперва разогнал, расстроил и оттолкнул от себя офицерство, а затем задумал вести на внутреннем фронте войну... Победа чехословаков или Антанты будет означать как новую Гражданскую войну,

так и образование нового германо-антантского фронта на живом теле России. Много в этом виновата глупость политики Ленина и Троцкого, так как определенно вижу – войди я раньше в работу, много ошибок можно было бы предупредить. Того же мнения Горький, тоже проповедующий сейчас поддержку большевиков, несмотря на закрытие „Новой жизни“...»

Самое же интересное (о чем умалчивает Фельштинский) – где написано это резко антибольшевистское письмо (в Берлине!) и что там делал Красин («...явился одним из авторов так называемого дополнительного соглашения, заключенного в Берлине в августе 1918 г.»).

Однако почему он не числится среди полномочных представителей советской дипломатической делегации (Иоффе, Ганецкий, Козловский)? И здесь ответ дают все те же письма Красина Любови Миловидовой (письмо 28 декабря 1917 г.): «Переговоры с немцами дошли до такой стадии, на которой необходимо формулировать если не самый торговый и таможенный договор, то, по крайней мере, предварительные условия его. У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта. Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались лишь мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литераторов одних значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться и на русской промышленности, и на русских рабочих и крестьянах».

Очевидно, Ленин и Троцкий приняли все условия «конспирации» Красина: эксперт-консультант, под псевдонимом (старым, партийным: Зимин), никакого упоминания в официальных отчетах. Скорее всего именно поэтому ни в официальном списке делегации во главе с А.А. Иоффе в декабре 1917 г. ни в делегации Г.Я. Сокольникова в марте 1918 г. ни на переговорах в августе 1918 г. фамилия Красин не значится (впрочем, как и псевдоним).

Зато имя и фамилия и даже специальность – инженер – прописаны на откровенно антибольшевистской брошюрке в 16 страничек, изданной пресловутым ОСВАГ ОСВА Г – Отдел пропаганды при Особом совещании Главнокомандующего Добровольческой армии: белым агитпропом Добровольческой армии А.И. Деникина в Ростове-на-Дону в 1919 г. (я случайно обнаружил эту брошюрку в отделе «Россика» Национальной библиотеки в Париже). Сам ли Красин ее сочинил в 1918-1919 гг. и отправил с оказией в Ростов, или это плод компиляций «лохматого Ильи» (так называл Н.И. Бухарин Эренбурга), скрывавшегося в Коктебеле (в Крыму) у поэта Максимилиана Волошина и делавшего вылазки в ОСВАГ в Ростове-на-Дону («для заработка»), где он компилировал такие антибольшевистские опусы (именно за этим «ремеслом» его застукал врангелевский дипломат Г.Н. Михайловский, о чем он и рассказал в своих «Записках»), установить не удалось. Но содержание брошюрки уж очень созвучно письмам Красина жене в 1917-1918 гг. относительно «глупости» политики Ленина и Троцкого.

Кстати, в этом деникинском агитпропе – ОСВАГ – подвизалось тогда немало безработных литераторов: от кадетствующей Ариадны Тырковой-Вильямс

(однокашница Н.К. Крупской по гимназии) до народнического писателя и бывшего толстовца Ивана Наживина, позднее, в эмиграции в Бельгии, выпустившего роман «Распутин» и целое собрание своих сочинений под общей рубрикой «Потухшие маяки».

Помимо Наживина в литературном отделе ОСВАГа трудился другой старый народник и писатель, Е.Н. Чириков, будущие «евразийцы» князь Евгений Трубецкой и Петр Славицкий, в художественно-плакатном отделе – такие дореволюционные художники-модернисты, как И. Билибин и Е. Лансере, и еще десятки бежавших на Юг петроградских и московских журналистов.

Кроме изданий ОСВАГа (газеты «Жизнь» и «Народная газета»), они подвизались в других местных газетах самых разных политических оттенков – от респектабельных кадетских «Свободная речь» (в ней писал сам Петр Струве, бывший «легальный марксист» и будущий врангелевский министр иностранных дел в Крыму) и «Донская речь», монархической «Свободной России» В.В. Шульгина и суворинского «Вечернего времени» до погромно-черносотенных листов В. Пуришкевича «Благовест» и особенно «На Москву!», девизом которой был лозунг: «Возьми хворостину, гони жида в Палестину» (в конце концов даже А.И. Деникин распорядился закрыть этот листок, опасаясь еврейских погромов в Ростове-на-Дону).

С высоты прошедших лет, читая воспоминания участников Гражданской войны с «красной» и «белой» сторон, начинаешь понимать, что оба «агитпропа» – в Москве и в Ростове-на-Дону – были зеркальным отражением друг друга, только с обратными знаками. В Москве висели «Окна РОСТА» со стихами Маяковского и

Демьяна Бедного, в Ростове – «Окна ОСВАГа» с виршами Наживина или «белого Демьяна» рифмоплета А. Гридина.

Там красноармеец протыкает штыком буржуя и белого генерала, здесь ражий доброволец – «жида» Троцкого. Вот как в 1921 г. в Берлине во втором томе «Архива русской революции» описывал деникинскую «наглядную агитацию» Александр Дроздов, в 1919 г. один из журналистов ОСВАГа, в 1923 г. вернувшийся в СССР:

«В соседней витрине висят аляповатые, как полотна ярмарочных паноптикумов, бесстыдные, как русская пошлость, скудоумные и лишенные всякой остроты лубки. Здесь Троцкий изображен не человеком и не евреем даже, а жидом, горбоносым жидом, с окровавленными губами, как у кладбищенского вурдалака, и карающий штык добровольца протыкает его несколько преждевременно. Здесь изображена Советская Россия в виде причудливого отвратительного спрута и просто Россия в виде откормленной молодицы в кокошнике. Кровавый Троцкий и добровольческий штык. Убедительно и показательно. А рядом ген. Деникин и другие генералы».

О политической установке всех этих бывших кадетов, народников, меньшевиков и эсеров, кормившихся вокруг деникинского агитпропа, довольно откровенно писала в своих агитационных брошюрках А.В. Тыркова-Вильямс:

«Наши практические задачи очевидны... Прежде всего поддерживать „Добровольческую“ армию, а демократическую программу отодвинуть на второй план. Мы должны создавать правящий класс, а не диктатуру

большинства. Универсальность идеи западной демократии – обман, который нам навязывали политики. Мы должны иметь смелость взглянуть прямо в глаза дикому зверю, который называется народ».

Очевидно, Троцкий знал кое-что о «колебаниях» Красина, поэтому его политические оценки в двух очерках о нем существенно разнятся. Если в первом «Красине» (1926 г.), написанном еще в СССР, критика приглушена, то во втором «Красине», написанном в изгнании в 1932 г. «Никитыч» остался «революционером и большим человеком», но «он не был большим революционером».

Иерархия ценностей «старых большевиков» у Троцкого весьма строгая. «Ленин, – пишет он во втором очерке 1932 г. – очень ценил Красина, но исключительно как делового человека, как техника, администратора, знатока капиталистического мира. Именно в кругу этих вопросов вращались отношения Ленина с Красиным: заказ паровозов за границей, отзыв по вопросу о бакинской нефти, подыскание необходимых специалистов и пр. Можно не сомневаться, что Ленин не совещался с Красиным по политическим и особенно по партийным вопросам, скорее всего избегал бесед с ним на партийные темы. Включение Красина, как и Кржижановского, несмотря на их „старый большевизм“, в ЦК партии Троцкий имеет в виду избрание Красина и Кржижановского в члены ЦК РКП(б) на XIII съезде (см.: XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет, 23-31 мая 1924. – М. 1924. – С. 719). На съезде впервые после долгого перерыва Красин выступил с речью о германо-советских экономических отношениях было бы при Ленине совершенно немыслимо».

«Комчванство» Троцкого в отношении Красина на фоне его изгнания в 1929 г. из СССР выглядит как трагикомический фарс. В плане понимания геополитических реалий положения Советской России в окружающем мире Л.Б. Красин стоял много выше доктринера мировой революции Троцкого. Да и Ленина он оценивал гораздо более объективно, чем Троцкий, не говоря уже о Зиновьеве, Каменеве и других «старых большевиках», которые еще при жизни начали творить «ленинскую икону».

Чего стоит впервые опубликованное в «Дипломатическом ежегоднике. 1989» письмо Красина своей второй жене Тамаре Миклашевской от 27 января 1924 г. по поводу смерти Ленина! Ни один «старый большевик» не оставил такого документа, где неизлечимая болезнь Ленина трактуется не с политических (что всегда и при всех обстоятельствах делал Троцкий), а с общечеловеческих, я бы даже сказал, бытовых позиций понимания личной трагедии человека: «Мука В.И. состояла в неспособности самому припоминать слова и говорить что-либо». Ленин все видит и все понимает, «но у него нет способа общаться с людьми, крикнуть о том, что видит и знает!».

Между прочим, в этом письме Красин пишет, что первоначально (по крайней мере, до 27 января) речь не шла ни о каком мавзолее и бальзамировании трупа. Оказывается, прощание с Лениным сознательно затянули, ибо «три дня ждал В.И. пока разогреют и взорвут землю на Красной Площади для могилы (выделено мною. – Авт.)». И действительно – есть кинохроника этого взрыва.

Ленину все же удалось постепенно втянуть Красина в упряжку «красных наркомов». После брест-литовских и берлинских переговоров (декабрь 1917 г. – август 1918 г.) его как «эксперта-консультанта» ставят осенью 1918 г. главой одной из многочисленных, но очень важных чрезвычайных комиссий – по снабжению Красной армии и в качестве такового вводят в президиум ВСНХ.

Постепенно Ленин включает Красина в работу на большевиков. Делается это шаг за шагом, путем «подкидывания» отдельных, разовых поручений. Троцкий верно замечает: «Но Красин сопротивлялся недолго. Человек непосредственных достижений, он не мог устоять перед „искушением“ большой работы, открывающейся для его большой силы».

В начале 1919 г. Ленин и Троцкий делают попытку назначить Красина наркомом торговли и промышленности. Тогда у большевиков была еще «производственная демократия» – в наркомы выдвигали ЦК отраслевых профсоюзов! Однако «блин» вышел комом – рекомендацию Троцкого на ЦК профсоюза металлистов отвергли. Вместо Красина в наркомы торговли и промышленности рабочие выдвинули «токаря по металлу» (из партийной анкеты) А.Г. Шляпникова, вскоре ставшего одним из лидеров «рабочей оппозиции» в партии.

Но нет худа без добра. В том же 1919 г. открывается «дипломатический фронт» – в сентябре в Пскове начинаются первые советско-эстонские переговоры. Л.Б. Красина и М.М. Литвинова «бросают на прорыв» – рубить «прибалтийское окно», а уже в декабре Совнарком назначает Красина главой официальной советской делегации для переговоров о подписании мира с

Эстонией (Юрьевский, или Тартуский, договор от 2 февраля 1920 г.). Но Красин до подписания мира в Тарту не досиживает – сдает полномочия главы А.А. Иоффе и срочно отбывает в Москву: надо готовиться к поездке в Лондон. Там открывается нечто вроде «временного посольства» Советской России.

С этого момента Красин уже не «эксперт-консультант» на договоре с большевиками, а в их «штате» – с полномочиями, финансами, письменными рекомендациями от Ленина. Возвращение «блудного сына» свершилось.

Троцкий, конечно, не прав, когда степень доверия Ленина к тому или иному «старому большевику» ставит в зависимость от членства в ЦК РКП(б). «Вождь мирового пролетариата» был и догматиком, и прагматиком одновременно. Для реализации доктрины мировой революции у него был один подбор кадров: Григорий Зиновьев, Карл Радек, Николай Бухарин, Мануильский, Пятницкий, «иностранные товарищи», мощный аппарат Коминтерна. Для национально-государственных дел – совсем другой: Красин, Раковский, Сокольников, Литвинов, Коллонтай, аппарат НКВД и Внешторга. Эти просвещенные, высокообразованные «национал-большевики» (среди них оказалось очень много бывших меньшевиков – советники торгпредств В. Валентинов-Вольский и Иван Литвинов, полпреды Трояновский, Суриц, Майский) начали уже загодя, с 1920

г. еще до введения нэпа, готовить «запасной аэродром» для социализма в одной стране на случай, если мировая революция «слишком запоздает».

Симптомом этой переориентации, закрепленной ленинским докладом на X съезде партии в марте 1921 г. о замене продразверстки продналогом, стало постановление Совнаркома от 3 февраля 1920 г. о создании святыня святынь Советской России – Гохрана РСФСР (Государственного хранилища ценностей). Гохран находился под личным контролем Ленина, и иметь с ним дело разрешалось только четырем ведомствам: ВСНХ, Наркомфину, Внешторгу и Рабкрину (последний нес функции текущего контроля).

В обязанности Гохрана входила «централизация хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделиях из них, бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга», причем в декрете Совнаркома специально подчеркивалось, что «все советские учреждения и должностные лица обязаны сдать в Гохран в течение трехмесячного срока все имеющиеся у них на хранении, в заведовании, в переделке или на учете вышеназванные ценности».

В уже упоминавшемся выше «Отчете по золотому фонду» сообщалось, что к 1 февраля 1922 г. в Гохран поступило «монет, слитков (золотых. – Авт.) из бывших частных банков, слитков и монет из сейфов, золота от Главзолото и т.д. – на 84 356 234 зол. руб. 95 коп.».

В основном все это богатство было конфисковано у «буржуев». Сначала ударили по отечественным «единовременным чрезвычайным революционным налогом» (октябрь 1918 г.) с целью отобрать те самые

436 млн. зол. руб. что с 1914 г. хранились по «чулкам» у населения. Летом 1919 г. дошла очередь до «буржуев» иностранных – Петроградская ЧК совершила налет на здания иностранных посольств. Именно там чекисты конфисковали «сейфы», в которых после взлома нашли на 13 млн. зол. руб. царских «рыжиков».

Затем в Петрограде и его окрестностях, а затем и по всей России прошлись по «закромам» бывшего министерства императорского двора – резиденциям великих князей, их детей и внуков.

Добрались и до музеев, забирая в Гохран все: слоновую кость, древние рукописи, археологические древности. Только восточные раритеты (из Китая, Японии, Персии) составили 437 предметов на 2 млн. 630 тыс. зол. руб.

При фантастической инфляции в период «военного коммунизма», когда деньги мерили метрами и носили мешками (даже само понятие «деньги» исчезло, говорили: «совзнаки»; один золотой царский рубль равнялся 20 тыс. «совзнаков»), Гохран стал основнымместилищем реальных ценностей и реальной («валютной») стоимости.

И когда надо было вручать реальные награды «стойким защитникам революции» (обычно это были именные золотые и серебряные наручные часы, вручаемые через Реввоенсовет Республики), выделять реальные средства на подрыв «тылов империализма» через Коминтерн, покупать продовольствие за границей через Наркомвнешторг (в обмен на бриллианты, жемчуг, изумруды и т.п.), промышленное оборудование (паровозы, вагоны, нефтетехнику и т.д.) через ВСНХ (за

золотые, платиновые, серебряные монеты царской чеканки) – все брали из Гохрана.

Но брали не только госучреждения. В.И. Ленин с момента учреждения Гохрана постарался окружить его тройным кольцом «надежнейших коммунистов», которым он доверял лично. Это уполномоченный ЦК по Гохрану Яков Юровский (да-да, тот самый, что командовал в июле 1918 г. расстрелом царской семьи на Урале и лично снял с убитых кольца, браслеты, часы, медальоны и по описи сдал их затем в Гохран), начальник «технического отдела» ЧК – ГПУ Глеб Бокий (организовал в здании Наркоминдела на Кузнецком мосту в Москве на последнем этаже и чердаке первую подслушивающую станцию – сначала по контролю телефонных переговоров из иностранных посольств, а затем и за «своими») и... Леонид Красин, имевший личную доверенность от Ильича на изъятие из Гохрана по первому требованию любых ценностей (главным образом бриллиантов). Кроме Красина, такие ленинские доверенности в 1918-1920 гг. имел только наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий.

В своей ставке на лично преданных революции людей Ленин не ошибся. Гохран приступил к деятельности 24 февраля 1920 г. а уже в апреле Юровский лично доложил Ленину о том, что в «конторе» что-то нечисто, много ценностей уходит «налево», видимо, действует какая-то организованная шайка жуликов.

Ленин поручил расследование сигнала Г.И. Бокию. Расследование подтвердило: шайка действует, но из-за полной неразберихи с учетом и отпуском ценностей поймать ее трудно. Ильич взорвался, главному куратору

Гохрана замнаркомфина А.О. Альскому 29 мая 1921 г. он пишет угрожающее письмо: не наведете порядок – посадим, ибо Гохран – центральное звено в экономике, так как «нам нужно быстро получить максимум ценностей для товарообмена с заграницей».

Одновременно Бокию было приказано:

а) найти организаторов хищений (а не «маленькую рыбешку» типа посыльных, учетчиков, рядовых оценщиков алмазов – в списке Бокия фигурировало свыше 100 человек);

б) составить полный список «комчиновников», которые забирали ценности без надлежаще оформленных бумаг или вообще по телефонному звонку;

в) дать перечень предложений по созданию системы защиты от будущих хищений.

Организаторов нашли быстро. Ими оказались три дореволюционных российских «бриллиантовых короля», взятые на работу в Гохран как ведущие эксперты: Пожамчи, из обрусевших греков, до революции владел целой «бриллиантовой фирмой» и имел фабрику по огранке алмазов в Антверпене (Бельгия); оценщик алмазов и бриллиантов Александров, а также другой оценщик – Яков Шелехес, брат которого работал в ВЦСПС завкультпросветом.

Всех троих взяли с поличным. На рабочих местах и дома при обысках нашли неучтенные или уже вынесенные из Гохрана бриллианты, «левые» накладные, переписку на бланках Наркомфина с заграничными партнерами. Главное же, все трое отвечали за оценку, сортировку и отправку (в том числе и за границу) драгоценных изделий. Общий ущерб был оценен ВЧК –

ГПУ как кража бриллиантов на 1500 каратов, и всех троих летом 1921 г. расстреляли.

Был составлен и второй список – тех, кто из «комчиновников» получил драгоценности без специальных разрешений.

Сигналы к чекистам о разбазаривании ценностей, доставшихся большевикам от «проклятого прошлого», поступали и ранее. Скажем, «военспец» Н.И. Раттэль еще в 1918 г. похвалялся золотой «екатерининской» табакеркой, усыпанной бриллиантами, которую ему якобы выдали вместо ордена. У начальника военных сообщений РККА М.М. Аржанова таким «орденом» была... инкрустированная золотом личная трость самого Петра Великого, которую «путеец» самовольно укоротил под свой рост, ибо был всего «метр с кепкой».

Большое недовольство у пуритански настроенного Ленина вызвала свадьба бывшего матроса П.Е. Дыбенко и генеральской дочери А.М. Коллонтай, с купеческим размахом проведенная в одном из реквизированных большевиками великокняжеских дворцов на великокняжеской посуде и с хрусталем, после которой многие ценные вещи из дворца пропали – многочисленные гости унесли их «на память».

Да что там «военспец» или матрос из «красы и гордости Революции» – Балтфлота! Сам великий пролетарский писатель Максим Горький не устоял. Несмотря на закрытие летом 1918 г. его газеты «Новая жизнь» (вспомним его слова о «поддержке большевиков»), он, как и Красин, пошел на службу к Ленину. В феврале 1919 г. он принял из рук большевиков важную должность председателя экспертной комиссии по

приему и оценке художественных ценностей при Петроградском отделении Комиссариата торговли.

Зинаида Гиппиус, летом и осенью 1919 г. близко наблюдавшая в Петрограде «работу» этой горьковской экспертной комиссии, оставила в своих дневниках такую ядовитую запись: «Горький жадно скупает всякие вазы и эмали у презренных „буржуев“, умирающих с голоду... Квартира Горького имеет вид музея или лавки старьевщика, пожалуй: ведь горька участь Горького тут, мало он понимает в „предметах искусства“, несмотря на всю охоту смертную. Часами сидит, перебирает эмали, любуется приобретенным и, верно, думает, бедняжка, что это страшно „культурно“!». В последнее время, заключает Гиппиус, Горький стал скупать «порнографические альбомы» и «царские сторублевки».

Вот и друг Горького Красин попал в «черный список» Бокия, который тот представил по разделу «комчиновники и бриллианты» 23 июля 1921 г. лично Ленину. Среди длинного списка «отоварившихся» в Гохране (например, прокурор РСФСР, бывший прапорщик Н.В. Крыленко) числилась и некая «тов. Красина-Лушникова», которой опять же по записке Альского от 14 марта 1921 г. предписывается выдать бриллиантов аж на целых 11 497,80 карат! В записке замнаркомфина указывается, что у просительницы есть письмо из Внешторга за номером таким-то от 14.03.21 и мандат «на личность» – номер такой-то, которые Альский будто бы оставил у себя на хранение. «Записка (Альского. – Авт.) не имеет печати. Несмотря на отсутствие мандата и печати, – говорится в отчете Бокия, – выдача производится и составляется акт на отпуск за № 33».

Авторы очень интересной и основанной полностью на партийных архивах (ранее почти совсем неизвестных публике) книжки «Красные конкистадоры» О.Ю. Васильева и П.Н. Кнышевский на основе одной лишь фамилии (Красина-Лушникова) делают вывод: «эта дама – жена Л.Б. Красина».

Но, во-первых, фамилия Красин не такая уж редкая в России. Во-вторых, настоящих жен Красина звали совсем по-другому, о чем я уже писал выше в этой главе. Возможно, авторы знают о «третьей жене», существовавшей одновременно со второй, и именно эта «третья» ходила за бриллиантами в Гохран? Сомнительная версия, тем более что в отчете Бокия вовсе не говорится, что «Красина-Лушникова» -жена наркомвнешторга. Наоборот, там содержится чисто «чекистская» фраза: «Выдачи, за редким исключением, производятся без справок, распоряжением по телефону лиц, разрешивших данный отпуск ценностей из Гохрана». Уж будьте уверены, если бы это была «жена Красина», Бокий не побоялся бы написать об этом в отчете и лично доложить Ленину. Думается, что сия дама была скорее всего подставной фигурой – посредником какой-то другой шайки воров, но уже из Внешторга.

Сегодня опубликовано немало свидетельств современников о переходе от аскетизма и распределитовки «военного коммунизма» к нэпу и «сладкой жизни». Не случайно в партийный лексикон с 1921 г. все активнее входит термин «буржуазное перерождение». Один из свидетелей этого «перерождения» – выпускник ИКП (Институт красной профессуры – «школы» Бухарина) И.И. Литвинов (однофамилец наркома Литвинова; до и после ИКП работал по внешнеторговой линии, а в 1933 г. вместе с

семьей стал «невозвращенцем») – в своем «Дневнике за 1922 год» записал 9 февраля: «...нужно сказать, что, несмотря на все переброски, произошла полная дифференциация коммунистов. В хозяйственных органах, в военно-снабжениеских и в дипломатических работают воры. Я уверен, что процент воров среди коммунистов ВСНХ, Центросоюза, Наркомвнешторга куда выше 99%. Там крадут все: от народного комиссара до курьера. Честные коммунисты сидят в культурно-просветительных и партийных органах».

«Икапист» Литвинов, очевидно, не подозревая, затронул самую болезненную для Ленина и других доктринеров мировой революции тему – как сочетать реальную жизнь с доктриной «учиться торговать» и исконным «воризмом», который «слишком близко сидит под шкурой каждого русского человека» (В.В. Шульгин, 1929 г.).

Ведь не случайны признания старой народоволки Миньковской, полжизни проведенной на царской каторге и в ссылке. «Во всем она и ее муж винят русский народ. Мы его не знали, говорит она, а то разве были бы народниками. Книжки рисуют народ не таким, каким он является в действительной жизни, – вспоминал Литвинов свой разговор с народоволкой. – Она заверяет, что на тысячу власть имущих коммунистов максимум один процент честных. Среди русских, сказала она мне, вообще нет нравственно стойких людей, у других народов – не то. Иностранцы – члены делегаций и т.д. приехавшие к нам, оказывается, приезжали главным образом за покупкой драгоценностей. И все они удивляются подкупничеству и взяточничеству

большевиков. Ей это рассказывали как сами иностранцы, так и люди, с ними имевшие дело».

Через 76 лет откровения старой народоволки нашли подтверждение в письме все того же А.О. Альского секретарю ИККИ И.Я. Пятницкому по поводу поведения иностранных делегатов на III Всемирном конгрессе Коминтерна и I Всемирном конгрессе Профинтерна летом 1921 г. в Москве. Оказывается, получив по три тысячи германских марок, или по 450 долл. США командировочных, борцы за мировую пролетарскую революцию немедленно бежали в бухгалтерию отдела международных расчетов ИККИ или Наркомфин РСФСР, где, по сведениям Альского, «многие делегаты обменивают часть иностранной валюты, выданной им ИККИ на дорогу домой, скупая на рубли золото на рынках» (выделено мною. – Авт.)".

Возмущенный замнаркомфин дает волю эмоциям: и это делается в «первом отечестве мирового пролетариата», в котором «голодают рабочие и крестьяне; целые тучи беспризорных детей торгуют ради куска хлеба на улицах и вокзалах».

Рекомендации Альского вполне ленинские («мы еще вернемся к террору, и террору экономическому»: Ленин – Каменеву, март 1922 г.), даже если это касается иностранных делегатов – братьев по классу: «Такое преступное отношение к делу со стороны не вполне сознательных тт. из числа делегатов дальше продолжаться не может. Необходимы меры решительные, вплоть до обысков у отъезжающих (выделено мною. – Авт.)».

Разумеется, руководство Коминтерна на вокзальный досмотр делегатов, отъезжающих из Москвы, не пошло.

Более того, Пятницкий в своей «Докладной записке отдела международной связи ИККИ о выдаче путевого довольствия делегатам III конгресса» (август 1921 г.) на имя председателя ИККИ Зиновьева начисто отрицает все факты спекуляции: «Делегатам деньги выдавались на дорогу в день отъезда, а потому они не могли эти деньги менять в Наркомфине на советскую валюту и еще закупать золото и серебро».

Конечно, бумаге Альского ход не был дан: Пятницкий отписался Зиновьеву, а секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов на обоих документах начертал: «В секретный архив. В.М. 31/Х».

Но спустя десятилетия один из первых «покупателей драгоценностей», как раз в 1922 г. начавший свое «дело» в Советской России, фактически подтвердит оценки и старой народоволки, и Альского о коррупции коммунистов. Вот что ответит американский миллионер Арманд Хаммер (в 1922 г. ему было всего 23 года) на вопрос, как это ему удалось разбогатеть на торговых сделках в нищей и разоренной Гражданской войной Советской России: «Вообще-то это не так уж и трудно. Надо просто дождаться революции в России. Как только она произойдет, следует ехать туда, захватив теплую одежду, и немедленно начать договариваться о заключении торговых сделок с представителями нового правительства. Их не более трехсот человек, поэтому это не представит большой трудности» (т.е. всех легко можно купить за взятки).

По третьей позиции – предложения по учету и контролю ценностей – Бокий также сообщил Ленину немало интересного. Во-первых, несмотря на все строжайшие распоряжения о «трехмесячном сроке»

сдачи из всех других «контор» имеющихся у них на хранении ценностей, за минувший год со времени этого постановления Совнаркома от 3 февраля 1920 г. дело продвигалось туго, особенно в провинции. Огромное количество возникших в период «военного коммунизма» всяческих «контор» не хотели выпускать из рук столь прибыльное дело, соперничали, писали в ЦК, ГПУ и Совнарком кляузы и доносы друг на друга (см. одну из них – лично Ленину от Горького 2 марта 1920 г. в книге «Красные конкистадоры», с. 107-108). Все эти «рога и копыта» типа Чрезучет, Бесхоз, Наследственно-охранный отдел и десятки других большевистских «контор» ни за что не хотели расставаться с награбленными ценностями.

Во– вторых, отмечал Бокий в своем обстоятельном докладе, сам Совнарком по незнанию «технологии дела» допустил крупный просчет: не вникая, утвердил подsunутую жуликами из Экспертного управления по координации работы экспертных комиссий на местах временную инструкцию по оценке, в которой разрешалось «во избежание задержки разборки ценностей временно согласиться на отбор (для Гохрана) без составления описи (курсив мой. -Авт.)». Можно представить, сколько ценностей «под честное слово» ушло таким образом сквозь пальцы «налево»! Инструкция же самого Гохрана об отпуске ценностей по запросам наркоматов и отдельных важных лиц предписывала делать это без реальной оценки стоимости (писали цену в не имеющих никакого значения «совзнаках»), указания веса (кроме алмазов, где отмечалось число каратов), в «штуках», словом – «на глазок».

Так, 26 июля 1920 г. по запросу ВЧК и Московской ЧК Гохран выдал для награждения чекистов 88

серебряных и 6 обычных металлических часов. Отпускал тот самый оценщик Александров, что через год теми же чекистами и будет расстрелян, хотя ревнители «революционной законности» могли бы уже при оформлении описи на выдачу заметить: стоимость часов не проставлена, фирма-изготовитель не указана, как и заводские номера часов.

Доклад Бокия имел далеко идущие последствия как для организации учета, хранения и выдачи ценностей, так и для всей внешнеторговой политики большевиков: введение «жесткой экспортной диктатуры» (Ленин) – госмонополии внешней торговли.

Уже 10 августа 1921 г. на Совете труда и обороны (СТО) под председательством Ленина принимается грозное постановление: отныне вся внешняя торговля (и валютные расчеты по ней с границей) идет исключительно по каналу Чрезвычайной комиссии по экспорту (Чрезкомэкспорт) при СТО – некий внешнеэкономический аналог ВЧК. Перед этим жесточайшей чистке подверглись Гохран, Рабкрин, Наркомфин. Последний усилили новым наркомом – членом Политбюро Н.Н. Крестинским.

В Чрезкомэкспорт представители Наркомфина за все время его существования (август 1921 г. – февраль 1922 г.) не войдут. Зато войдут люди из Внешторга, Рабкрина, ВЧК, Наркомпрода и ВСНХ. Во главе «экономической чека» поставили «твердого ленинца» Михаила Рыкунова, из рабочих-самоучек.

Учредили и «выносной пост» Чрезкомэкспорта – в Ревеле (Таллине), куда назначили «уполномоченного Совнаркома по валютным операциям» М.М. Литвинова,

он же торгпред РСФСР в Эстонии (в подчинении наркомвнешторга Л.Б. Красина).

Спустили план: в течение года скупить (фактически – конфисковать) у обывателей ценностей на 20 млн. зол. руб.; одновременно СТО обязывал Рыкунова вывезти за границу для продажи художественных ценностей на 29 645 842 зол. руб.

Далее пошла «инициатива с мест» – по предложению экономуправления ВЧК ЦК РКП(б) 5 сентября 1921 г. за № 65 принимает секретное постановление: Наркомфину через Гохран (председатель Аркус) под контролем ВЧК организовать тайную скупку золота, платины и иностранной бумажной валюты, для чего организовать по всей стране сеть тайных скупщиков под видом спекулянтов. И машина заработала... Но ненадолго – вскоре она начала давать сбои.

Фактически обе организации – политическая (ВЧК) и экономическая (Чрезкомэкспорт) – пали жертвами столь любимой большевиками «чрезвычайщины». Пока одни чекисты ездили по всей стране в поисках экспортных ценностей, другие устроили проверки на многочисленных экспортно-импортных складах в Москве. И обнаружили – совсем как в брежневские времена с импортным оборудованием, лежащим под снегом, – нечто вопиюще бесхозяйственное.

Оказалось, что на 14 московских складах в октябре 1921 г. лежало импортных товаров (бумаги, медикаментов, электроприборов и т.п.) в 4-6 раз больше того, что одновременно разные наркоматы требовали срочно закупить на золото за границей. Нашли даже импортные товары царского времени, привезенные еще в 1915-1916 гг. в обмен на «залоговое золото».

Неразобранными лежали кучи «худценностей», конфискованных у «буржуев» в 1918-1920 гг. И уж совсем «экспортные чекисты» опозорились, когда еще через полгода на складах самого Чрезкомэкспорта другие контролеры обнаружили... сгнившими или испорченными 2 млн. шкурок пушнины, 3632 пудов кости мамонта, 33 тыс. туш конины, 4 тыс. ковров ручной работы, 4 тыс. аршин кружев и вышивки.

Есть подозрение, что контролеров этих... направил Л.Б. Красин, выступавший за монополию внешней торговли, но без чрезвычайных «чекистских» методов в экономике.

Во всяком случае, при поддержке управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича Красин привлек к этой тотальной ревизии не только чекистов, но и «спецов из бывших» – царского сенатора Гарина и особенно бывшего «миллионщика» Алексея Яковлевича Монисова, откупщика царских «кабинетских промыслов» на Урале, Алтае и в Восточной Сибири (лес, руда, металлоизделия), а также владельца доходных домов в Петербурге (торговый дом Монисовых в конце XIX в. взял также подряд городских властей северной столицы на облицовку Невы и каналов гранитом; набережные сохранились и по сей день).

Вышедший из семьи крещеных евреев-купцов Харьковской губернии (отец Монисова консультировал еще великого писателя И.С. Тургенева, когда тому потребовалось продать свое имение, и тот характеризовал купца как «весьма дельного и честного человека»), Монисов-младший довольно критически относился к царской аристократии за ее хозяйственную бездеятельность. «Крупнейшие магнаты, владельцы

миллионных десятин на Урале и в Центральной России – графы и князя Строгановы, Абамелик-Лазаревы и др. ничего не предпринимали и ни в какие дела никогда не входили», – с горечью писал он в своем дневнике, делаясь опытом откупщика на землях этих аристократов.

Монисова тянуло к «людям дела», и инженер Красин, управляющий петербургским филиалом германской «Симменс унд Шуккерт», очень ему импонировал. Понятное дело, «ходок за деньгами» для большевиков Красин задолго до Октябрьской революции охотно поддерживал деловой и личный контакт с «миллионщиком». Не без содействия Красина Монисов в период первой русской революции уступил за символическую арендную плату один из своих доходных домов на Поварской улице в Петербурге под социал-демократическое издательство «Жизнь и знание», директором которого стал Бонч-Бруевич.

Именно к ним – Бончу и Красину – пришел искать работу Монисов, которого революция лишила всех прежних богатств. И вскоре стал одним из первых «спецов», работающих на мировую революцию. Сначала Бонч-Бруевич делает его управляющим кооперативом «Коммунист» при управлении делами Совнаркома по спецпайкам для «руководящих товарищей». Затем уже Красин приспособливает бывшего миллионера в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции чрезвычайным инспектором, и бывший купец, возглавив рядовых инспекторов «от станка» и «от сохи», за два года проводит свыше 80 ревизий в различных наркоматах и ведомствах советской власти, ужасаясь удивительной бесхозяйственности как русской аристократии, так и ее

антипода – пролетариата (в последнем случае прославившемуся еще и повальным воровством).

Наряду с Юровским, Бокием и чекистами Монисов был в числе бригады ревизоров РКИ, сделавшей «налет» на Гохран Наркомфина в 1920 г.

На этот раз чекисты и «ркаишники» совместно проверяли сигнал о том, что в Гохране и Наркомфине идет повальная кража сотрудниками этих учреждений содержимого сейфов, которые еще в 1917-1918 гг. были конфискованы в частных банках и иностранных посольствах. Сейфы простояли запертыми все эти три года, ибо ключи от них были утеряны. Но с началом нэпа и спросом на валюту о них вспомнили. Жулики из Гохрана и Наркомфина под предлогом поиска «бриллиантов для диктатуры пролетариата» договорились с чекистами, и те под честное слово выпустили из тюрем наиболее опытных уголовников-"медвежатников", спецов по взлому сейфов.

Те, конечно, соскучились по «работе» и быстренько взломали все сейфы. Но высыпавшиеся из них бриллианты, иностранная валюта, драгоценные украшения и т.д. достались не «диктатуре», а совслужащим Гохрана и Наркомфина: они сразу же все растащили по своим карманам.

И вот тут-то идея Альского о повальном досмотре, не удавшаяся с делегатами III конгресса Коминтерна, сработала на полную катушку: на выходе из зданий воров ждали «заградотряды» из сотрудников ЧК и РКИ.

Вот как описывал сам Алексей Яковлевич Монисов в своем отчете в РКИ это мероприятие: «При обыске сотрудников, выходящих из Гохрана, обнаружены были в их карманах бриллианты, золотые портсигары,

осыпанные камнями и с гербами, в общей сложности по довоенным ценам на 50 тысяч рублей. Между вынесенными вещами, между прочим, серьги по 8 карат. Всего взять не удалось. Выходящие сотрудники, заметив что-то неладное, начали выбрасывать бриллианты из карманов прямо на панель».

Спустя два года в том же качестве чрезвычайного инспектора РКИ Монисов оказался на складах Наркомвнешторга (уже непосредственного ведомства Красина), проверявшихся параллельно со складами Чрезкомэкспорта. Картина представилась не менее ужасная: в России свирепствует голод, а на складе Наркомвнешторга тысячи неотправленных продовольственных посылок гуманитарной американской организации АРА. Более того, охранники и грузчики склада, судя по отчету Монисова в РКИ за конец 1921 г. нагло вскрывают чужие посылки с галетами и шоколадом, консервы, в открытую запивая эти деликатесы кофе и какао из других пакетов.

Конечно, большевики типа Красина и Бонч-Бруевича крайне нуждались в таких честных «спецах», как Монисов, раз уж отечественные и зарубежные пролетарии не гнушались спекуляцией золотом и воровством шоколада у голодающих Поволжья. Поэтому Монисов-ревизор был нарасхват – в 1921 г. он уже не только главный ревизор РКИ (по-современному – аудитор Счетной палаты), но и главный ревизор ХОЗУ СНК, начальник снабжения Особого строительного комитета (Оскома) и даже хозревизор Московской ЧК и член хозколлегии ВЧК! Белоэмигрантская печать возмущена: бывший миллионер служит у чекистов. Одна из «белых» газет советует Монисову застрелиться, дабы не позорить честное имя русского купца. Впрочем, к чекистам пошел

не один Монисов: бывший злейший враг большевиков, не одного из них отправивший в тюрьму и на каторгу, Владимир Джунковский, царский генерал-адъютант, товарищ (заместитель) министра внутренних дел и начальник Особого корпуса жандармов, тоже служит «спецом» в ВЧК – изобретает паспортную систему СССР.

Независимо от Красина Монисов приходит к выводам о необходимости государственной монополии внешней торговли: уж если аристократы типа Строгановых оказались неспособными к эффективной экономической деятельности при царях, то чего ждать от новых «нэпманов» (они же сегодня «новые русские») из пролетарского жулья при большевиках.

И пишет в конце 1921 г. подробную записку Ленину о необходимости создания единого государственного импортно-экспортного органа – Госторга при Наркомате внешней торговли. Ленин передает записку Красину, тот ее полностью одобряет и позднее использует в своей полемике с наркомфином Г.Я. Сокольниковым на Политбюро и в Совнаркоме.

Зажатый между Сциллой воровства и Харибдой чекистских реквизиций и расстрелов, Ленин, очевидно, понял, что строить нэп при перманентном соревновании жуликов и чекистов бесполезно. 3 февраля 1922 г. Совнарком принимает уникальное решение, которым и следует по-настоящему датировать нэп, – Чрезкомэкспорт упраздняется. Но, что гораздо более важно, упраздняется и ЧК. Вместо нее создается Главное политическое управление – ГПУ (с 1924 г. – ОГПУ), которому отныне запрещено творить внесудебные расправы (реквизиции и аресты без санкции прокурора),

а тем более судить и казнить (отловил шпиона – сдай его в суд).

В немалой степени такой «пассаж» был связан с острой дискуссией в партийных верхах по вопросу о монополии внешней торговли, в которой Ленин и Красин (точнее, Ленин под давлением Красина) выступили вместе против всего Политбюро, ЦК и Совнаркома и... победили.

Но прежде чем писать об этом странном тандеме Ленин-Красин в вопросе о монополии внешней торговли, следует вернуться к тому моменту, когда Красин прервал в Тарту свои переговоры с эстонцами о мире и срочно вернулся в Москву.

Наступил 1920-й – третий год Гражданской войны. Хотя большевики разбили Колчака и отвоевали почти всю Сибирь до Байкала, в Крыму все еще сидел Врангель, в Польше пилсудчики точили ножи и готовились к атаке на «первое отечество мирового пролетариата» (в апреле 1920 г. они захватят Киев).

Хотя Антанта в январе сняла формально военно-экономическую блокаду Советской России, торговать все равно было нечем: промышленность была разрушена, транспорт не работал, деревня стонала от продразверстки. Единственной реальной ценностью для заграничных торговцев были золото, платина и серебро. Но и их еще надо было вывезти на Запад, узнать, что

почем, найти партнеров (пока хотя бы мелких «буржуев» – спекулянтов типа Хаммера).

И как раз в 1920 г. было прорублено маленькое «окошечко на Запад» – через Эстонию и ее морской порт Ревель. Там еще в 1918 г. обосновался бывший казначей РСДРП Исидор Гуковский в качестве торгпреда РСФСР де-факто (в 1920 г. его сменит М.М. Литвинов), постоянно крутились Ганецкий с Козловским – словом, вся большевистская «финансовая рать».

Одновременно с начавшейся еще в 1918 г. в Ревеле мелкой торговлей с европейскими спекулянтами золотом, бриллиантами, художественными раритетами шел поиск более широких возможностей.

Дело в том, что еще в 1918 г. большевикам удалось нащупать слабинку в едином антибольшевистском фронте Антанты – добиться признания своего «посла» («уполномоченного НКВД в Лондоне») М.М. Литвинова де-факто (Литвинов имел в Англии во время войны статус политэмигранта и работал техническим секретарем директора дореволюционного Московского кооперативного народного банка).

Этому предшествовал дипломатический скандал. За антивоенную пропаганду англичане арестовали и посадили в тюрьму другого политэмигранта – Г.В. Чичерина. После октябрьского переворота большевики потребовали выпустить из тюрьмы своего соратника. Англичане отказались. Тогда по команде Ленина и Троцкого чекисты заблокировали британское посольство в Петрограде, фактически посадив престарелого посла лорда Джорджа Бьюкенена под «домашний арест», не позволяя ему и персоналу посольства выехать на родину. Фактически предлагался обмен Чичерина на Бьюкенена.

Напуганный террором большевиков посол Британии отправлял в Лондон панические депеши. В итоге обмен состоялся: 3 января 1918 г. Чичерина выпустили из тюрьмы и выслали из Англии. Как только он приехал в Петроград, большевики отпустили Бьюкенена и персонал посольства.

Литвинов стал «уполномоченным НКВД» не случайно. Сначала англичане послали неофициальную дипломатическую миссию во главе со своим «уполномоченным» Брюсом Локкартом, бывшим британским генконсулом в Москве.

Литвинов в Лондоне сразу стал «расширять окно». Пользуясь своим полудипломатическим статусом (право посылки шифрограмм и дипкурьеров, получения диппочты), уполномоченный предпринял атаку на своего «двойника» – посла «временных» в Лондоне кадета Константина Набокова (родного брата Владимира Набокова, отца знаменитого писателя-эмигранта). Литвинов добился лишения К.Д. Набокова средств дипломатической связи («временному» посольству отключили даже телефоны), а затем на бланке «уполномоченного НКВД» направил в «Банк оф Ингланд» официальное письмо: требую лишить посольство Набокова и военно-закупочную миссию (военный атташат) права распоряжаться денежными суммами, направленными царским правительством в 1914-1917 гг. для закупок оружия, наложив на их счета арест.

И, к великому изумлению уполномоченного, банк такой арест наложил, правда, не дав и Литвинову права распоряжаться этими средствами (совсем как в случае с генералом Подтягиным в Японии в 1925 г.).

«Мы и до настоящего момента чрезвычайно страдаем от этого „ареста“, сопряженного со многими унижительными неудобствами», – жаловался К.Д. Набоков премьеру колчаковского правительства П.Д. Вологодскому 16 февраля 1919 г.

И хотя в 1920 г. Литвинов сидел уже «уполномоченным Совнаркома» в Ревеле, в Лондоне он оставил своих заместителей и всю дипсвязь. Во всяком случае, когда Л.Б. Красину из Лондона надо было 22 октября 1920 г. дать шифрограмму о срочной присылке оценщика алмазов с небольшой партией бриллиантов на продажу, он беспрепятственно послал шифровку в Москву.

Миссия Красина в Лондон в мае-ноябре 1920 г. до сих пор окрашена флером таинственности. Ясно, что он имел поручение расширить «эстонское окно» до «торгового моста» в Европу. Важнейшим результатом этой миссии стало подписание 16 марта 1921 г. там же, в Лондоне, и именно Красиным англо-русского торгового соглашения – фактически первой брешки в «империалистическом окружении».

Без скандалов удалось ему реализовать и бриллианты через присланную из Москвы «оценщицу» Марию Цюнкевич. Миссия Красина по своему профессионализму разительно отличалась от аналогичной миссии Л.Б. Каменева в Лондон в январе 1918 г. Ленин поручает Каменеву почти те же задачи – нащупать через Англию пути примирения с Антантой (как раз в это время наступил угрожающий перерыв в брестских переговорах с Германией). Было у Каменева и золотишко. Но вся миссия этого «уполномоченного» кончилась грандиозным скандалом: бриллианты он не

продал, а пытался подкупить на них депутатов-лейбористов, контакты не установил и с позором был выслан из Англии. Вдобавок на обратном пути через Швецию и Финляндию попал в руки белофиннов, те упрятали его в тюрьму и только в августе 1918 г. через восемь месяцев после начала своей неудачной миссии, он вернулся в Москву, будучи обмененным на партию заложников-белофиннов. См.: Рупасов А. Чистяков А. Красный «миссионер» // Россия. XXI. – 1996. – № 1-2. – С. 148-158.

Успеху Красина в Лондоне, несомненно, содействовал его образ «технократа», крупного инженера, известного в кругах иностранных специалистов с дореволюционных времен (представитель фирмы «Симменс унд Шуккерт» в Петрограде – это звучит). «Инженерная» репутация и «оборончество» в Первую мировую войну обеспечили Красину отдельные контакты и с представителями белой эмиграции, в частности с Ариадной Тырковой-Вильямс.

Эта «бабушка кадетской партии», которую в России начала века называли «единственным мужчиной в кадетском ЦК», как раз в 1920 г. вернулась с разгромленного деникинского фронта и вместе с мужем, новозеландским журналистом и филологом Гарольдом Вильямсом, писала для английского издательства роман о русской революции За свою долгую, почти столетнюю жизнь (1869-1962) А.В. Тыркова-Вильямс создаст немало литературных произведений. Среди них – двухтомное исследование жизни А.С. Пушкина (1928, 1936 гг.), трехтомные мемуары (1952-1956 гг.), несколько романов, сборники очерков «Старая Турция и младотурки» (1913

г.), неисчислимо количество публицистических статей в русской и зарубежной прессе.

Встреча с Красиным была встречей с человеком «ее круга», но с другой стороны баррикады. Хотя политические позиции двух собеседников были прямо противоположны, объединяло их одно – оба они были людьми действия. А еще – государственниками. Такой, по определению писателя-эмигранта Бориса Филиппова, «консервативный либерализм», идущий, по его мнению, от А.С. Пушкина, сближал Тыркову-Вильямс и Красина. Тем более что в эмиграции уже с осени 1920 г. (война с Польшей была воспринята большинством белых эмигрантов не как революционная, а как национальная война) зарождались семена «сменовеховства», которые расцветут пышным цветом в следующем, 1921 году, с введением нэпа См.: Краус Т. Н.В. Устрялов и национал-большевизм // Россия. XXI. – 1995. – № 11-12; 1996. – № 1-2.

Не во всем Троцкий в характеристике Красина был не прав. Конечно, писал он в 1932 г. Красин «не был пролетарским революционером до конца. Он искал всегда непосредственных решений или непосредственных успехов; если идея, которой он служил, не давала таких успехов, то он обращал свой интерес в сторону личного успеха...» Многие иностранные дипломаты того времени (в частности, министр иностранных дел Италии Сфорца) очень высоко ценили Красина, отмечая в нем «необычное сочетание преуспевающего делового человека. Всю войну Красин оставался управляющим петроградским филиалом фирмы „Симменс унд Шуккерт“, не дав ее секвестрировать, как другие немецкие фирмы, царским властям. „Февральская революция, – писал Троцкий в 1932 г. – застала Красина

богатым человеком». На Западе и сегодня бытует мнение о единственном „большевике-миллионере“ в окружении Ленина и неуступчивого революционера».

Троцкий, правда, забыл добавить, что, когда в 1924-1926 гг. он оказался отодвинут сначала «тройкой» (Зиновьев-Каменев-Сталин), а затем «двойкой» (Сталин-Бухарин) от большой политики, единственным человеком, который (во время своих редких наездов из Лондона и Парижа, где он был полпредом СССР) демонстративно садился рядом с Троцким (или напротив) на заседаниях Политбюро, ЦК или Совнаркома, был Красин.

По существу, Красин олицетворял «технократическую» линию внешней и внутренней политики России, он весьма скептически относился к «религиозно-идеологическим» изыскам властей предрержащих, будь то православие (при Александре III) или коммунизм (при Ленине). Последнему Красин прямо в лицо говорил, что вся эта коминтерновская идеология «мировой революции» – бред, химера. И не только говорил, но и порой, где мог, отказывался давать из Внешторга и Гохрана валюту (известный инцидент с М.П. Томским, в 1921 г. председателем Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, которому в сентябре 1921 г. он не выдал 100 тыс. зол. руб. на «мировую революцию» в Средней Азии).

Как человека делового и организованного, Красина возмущали головотяпство «мировых революционеров» и их абсолютная некомпетентность в вопросах мировой торговли, особенно бриллиантами и художественными ценностями «... До продажи драгоценностей организованным путем мы все еще не доросли, и падение

цен, вызванное на рынке бриллиантов более чем неудачной торговлей ими Коминтерном и другими учреждениями, имеет и в будущем под собою достаточные основания» (из письма в Наркомфин 20 марта 1922 г.).

Характерный в этой связи эпизод происходит уже через несколько месяцев после подписания торгового договора с Англией. 30 августа 1921 г. Красин отбивает торгпреду в Эстонии М.М. Литвинову, который начал переговоры с какими-то заграничными жуликами о продаже золота и бриллиантов на 20 млн. ф. ст. категоричную телеграмму: «Я решительно возражаю против продажи ценностей через Ревель. Произведенные продажи сопровождаются для нас крупными убытками, и продолжать подобную растрату казенного добра я не намерен».

Однако этот запрет явно не понравился кому-то в Коминтерне, тем более что хитрый Литвинов подстраховался – переписку с Красиным о запрете продаж на 20 млн. ф. ст. он в копиях переслал в Совнарком на имя Ленина. Тот не согласился с Красиным и вынес вопрос на Политбюро. Что сделал бы современный «нарком», узнав, что вопрос находится у «самого»? Сидел бы и молчал, ожидая «высочайшего» указания.

Не таким был Красин. Он тут же пишет письмо в Совнарком: что за безобразие, вы мне поручили внешнюю торговлю, а теперь по каждому вопросу лезете и даете указания? А Литвинов подчинен мне, и не его дело, минуя непосредственного начальника, сразу лезть на Политбюро. Как оказалось, Литвинов в обход Красина хотел выслужиться (он уже ранее безуспешно

«навоевался» с Чичериным за пост наркоминдела, теперь задумал свалить наркомвнешторга и сесть на его место) и начал переговоры с какими-то заграничными жуликами о продаже золота и бриллиантов на 20 млн. ф. ст. (стоимость одной «царской посылки» «залогового золота» в 1915-1917 гг.).

Красин дезавуировал Литвинова – на такую сумму бриллиантов во Внешторге уже давно нет, все выгребли подчистую. Для Литвинова его интрига против Красина кончается однозначно: к концу 1921 г. его освобождают в Эстонии сразу от трех должностей – полпреда, торгпреда и «уполномоченного Совнаркома по валютным операциям», но переводят с повышением – замнаркома иностранных дел к Чичерину, где он и работает последующие девять лет, до тех пор, когда наконец наступает его звездный час: в 1930 г. Сталин делает его «министром».

Другой эпизод относится к 1922 г. когда Красин схлестнулся с будущим наркомфином и «отцом» реформы рубля (червонца) Г.Я. Сокольниковым.

История этого конфликта такова. 6 октября 1922 г. пленум ЦК РКП(б) по предложению Сокольникова единогласно проголосовал за ослабление монополии внешней торговли (как писал в своих тезисах к пленуму «О режиме внешней торговли» Сокольников, можно разрешить «свободный вывоз» из РСФСР сахара, мехов, зерна, особенно в сторону Персии и Китая).

Из приглашенных на пленум только Красин решительно выступил против ослабления госмонополии на внешнюю торговлю. Ленина на пленуме не было – он болел. Красин поехал к нему в Горки и убедил: дело это крайне опасное, экономика России только-только встает

на ноги, «золотого червонца» еще нет, мы вновь потеряем контроль за экспортом, и снова придется на жуликов бросать чекистов.

Ленин и на этот раз согласился с доводами Красина и настоял, чтобы решение пленума приостановили на два месяца, до изучения опыта торговли Внешторга. А на декабрьском пленуме уже с участием Ленина предыдущее постановление столь же единогласно отменили – Красин снова победил!

Но не надо, однако, думать, что все эти большевики-интеллигенты и государственники – Ленин, Сокольников, Красин и другие – были абстрактными радателями за «народное дело». Нет, они продолжали старую российскую традицию государственности, точно отраженную историком В.О. Ключевским, – «государство пухло, а народ хирел». Когда Ленину нужны были дополнительные валютные ценности на торговлю с Западом, он не останавливался перед развязыванием грабежа церковного имущества: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным образом и самым быстрым способом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе

в особенности совершенно немыслимы. Сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс» (вот он – возврат к «террору экономическому»).

Нет, у Красина не было принципиальных разногласий с Лениным относительно грабежа монастырей и лавр Русской православной церкви: в конце концов Петр I снимал с колоколен колокола, переливая их на пушки, а Екатерина II за 25 лет до Великой французской революции провела секуляризацию, отобрав у монастырей 90% пахотных земель и угодий, оставив лишь по «шесть соток».

Здесь иллюзий у нас быть не должно: весь нэп, по сути, был восстановлением и продолжением старых дореволюционных реформ Витте (золотой рубль – нэповский червонец, монополия на продажу водки – восстановлена в 1922 г. большевиками). Даже акцизы (дополнительные налоги) по названиям почти совпадали с виттовскими – на сахар, чай, спички, табак, соль, свечи и т.д. Разве что ввели новый – «с резиновых калош» (26 коп. с пары отечественных и 56 коп. – с иностранных; «с детских калош взимается половина ставки»).

Красин не соглашался с Лениным тактически. Это наглядно видно из их переписки в августе 1921 г. об отношении к двум «Помголам» – всероссийским комитетам помощи голодающим: один официальный при ВЦИК и другой общественный, прозванный «прокукишным» (по начальным буквам фамилий его создателей, известных дореволюционных общественных

деятелей С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой и Н.М. Кишкина).

Ленин полагал, что «прокукишный» Помгол большевикам не нужен (и действительно, осенью 1922 г. супругов Прокопович и Кускову вышлют на «философском пароходе» за границу, а бывшего кадета Кишкина в том же году посадят в тюрьму).

Красин, наоборот, в своем письме Ленину 19 августа 1921 г. солидаризируясь с Г.В. Чичериным, писал, что «прокукишный» Помгол не только большевикам не помеха, а, наоборот, большое подспорье в «заграничном нэпе», который Красин довольно цинично определил как «столь успешно начатое втирание очков всему свету» (выделено мною. – Авт.).

И Красин расшифровывает эту новую тактику «кнута и пряника»: «Никакой опасности, чтобы Прокукишин стал чем-то опасным за границей, нет. Напротив, он поможет окончательному разложению белогвардейщины, а это важно и в вопросе о займах, и в переговорах о концессиях. Этот поворот политики (к репрессиям. – Авт.) очень неблагоприятно скажется. И чего ради?»

Действительно, «втирание очков» Западу у Красина покоилось на том, что он, как никто другой в высшем руководстве Советской России, понимал: внешнеторговый оборот страны в 1920-1922 гг. держался не на промышленности и даже не на традиционном дореволюционном экспорте сельскохозяйственных продуктов (только в 1924 г. удалось впервые после 1914 г. вывезти за границу 180 млн. пудов зерна), а исключительно на грабеже накопленных в дореволюционные годы ценностей – золотых и серебряных изделий, художественных произведений,

традиционного «русского экспорта» (меха, икра, водка). Даже промышленное сырье (уголь, руда, нефтепродукты – бензин, керосин, солярка) занимало тогда в экспорте незначительное место.

Единственный реальный источник дохода в 1921 г. был от продажи бриллиантов (выручили 7 млн. зол. руб.), художественных картин и раритетов (9 млн.) да черной икры (в 1922 г. одна Германия закупила 338 пудов зернистой и 2973 пуда паюсной икры).

Грабеж церквей, монастырей и лавр мог дать еще немало золота, серебра, ценных икон и т.д. но нельзя же, доказывая Красин Ленину, ехать на этом коньке вечно – когда-нибудь эти «клондайки» кончатся. Нет, отмечал Красин, надо всерьез поворачиваться к цивилизованной торговле с Западом.

В отличие от чекистов, всюду и везде искавших «контрреволюционеров», Красин отчетливо понимал – доктринерство коминтерновцев и примитивные «охранные» методы ОГПУ в отношении Прокукишина могут лишь сорвать всю ту тонкую дипломатическую игру на Западе, которую с 1920 г. он затеял в Европе.

Ведь всю весну и лето 1921 г. Красин провел в Германии, ведя сложные и сверхсекретные переговоры с немецкими финансистами и промышленниками о крупном кредите и германских концессиях в Советской России (к февралю 1922 г. более 40 немецких фирм заявили о готовности к экономическому сотрудничеству с большевиками), развивал успех от встреч в Париже в декабре 1920 г. (некий прообраз нынешнего форума в Давосе) с крупнейшими банкирами и фабрикантами Западной Европы, где, как мы увидим ниже, решится судьба Генуи и будет обсуждаться вопрос о создании

некоего международного экономического консорциума (Антанта-Германия-Советская Россия) как общеевропейского органа по выходу из послевоенного финансового и экономического кризиса.

Однако главным практическим результатом переговоров Красина в Берлине в 1921 г. стало не столько экономическое, сколько военно-техническое сотрудничество Веймарской республики с Советской Россией.

На Западе об этом секретном сотрудничестве в 1925-1932 гг. написано уже немало, в частности об авиационной школе рейхсвера в Липецке (с 1925 г.), танковой школе «Кама» под Казанью (с 1926 г.; именно там учился будущий «танковый маршал» Гитлера Гудериан), химической школе «Томка» и др.

С 1992 г. такие материалы стали появляться и в России, вплоть до публикации карт и схем для студентов о размещении семи советских военных заводов от Москвы до Самары, выполнявших до 1933 г. заказы германских военных.

Однако наиболее фундированными, основанными на архивах РФ и Германии, являются две книги российского дипломата С.А. Горлова Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. – М. 1999. См. также научно-популярное переиздание этого труда: Сергей Горлов. Совершенно секретно: альянс Москва-Берлин, 1920-1933 гг. (военно-политические отношения СССР – Германия). Предисловие В.Г. Сироткина. – М. Олма-пресс, 2001.

Но даже С.А. Горлов не установил, что у истоков этого германо-советского военного сотрудничества 20-х –

начала 30-х годов стоял Леонид Красин. Ведь именно он 26 сентября 1921 г. в письме к Ленину («строго секретно, никому копии не посылаются») впервые детально изложил программу этого сотрудничества.

В этом письме – весь Красин с его «втиранием очков всему миру», т.е. в данном конкретном случае Антанте и даже коммерческим германским финансово-промышленным кругам, пекущимся о прибыли: «План этот надо осуществить совершенно независимо от каких-либо расчетов получить прибыль, „заработать“, поднять промышленность и т.д. – писал Красин Ленину. – Тут надо щедро сыпать деньги, работая по определенному плану, не для получения прибыли, а для получения определенных полезных предметов – пороха, патронов, снарядов, пушек, аэропланов и т.д.».

Конечно, для такой грандиозной программы обучения и перевооружения не только рейхсвера, но и Красной армии (а именно эта задача составляла ЯДРО всей программы Красина) нужны большие деньги, причем золотом.

«Алтынники и крохоборы» из немецких гражданских торгашей, задавленные контрибуцией Антанты и смертельно ее боящиеся, таких денег, по мнению Красина, никогда внутри Германии не найдут. Иное дело военные: они жаждут реванша и «освобождения из-под Антанты». Поэтому немецкие генералы и полковники такие деньги найдут, «хотя бы, например, утаив известную сумму при уплате многомиллиардной контрибуции той же Франции» (выделено мною. – Авт.).

Расчет Красина оказался абсолютно точным: 25 сентября 1921 г. у него состоялось в Берлине тайное свидание с тремя представителями рейхсвера – одним из

них был кадровый офицер кайзеровской разведки Оскар фон Нидермайер, который уже съездил в июне 1921 г. в Петроград на предмет изучения русских оружейных заводов и их модернизации с помощью Германии.

Ленин одобрил план Красина, дополненный идеей Чичерина обеспечить военному сотрудничеству дипломатическое прикрытие (им станет германо-советское сепаратное соглашение в Рапалло 16 апреля 1922 г. выдержанное в духе дополнительного финансового протокола, подписанного 27 августа 1918 г. в Берлине, одним из авторов которого был как раз Красин), и даже намеревался заключить такую сделку с рейхсвером еще в январе-феврале 1922 г. для чего в Берлин была направлена целая бригада в составе Карла Радека, Красина и Раковского (на месте к ним присоединился полпред Н.Н. Крестинский). Но все дело испортил длинный язык Радека, который, как мы увидим ниже, не только оскорбил министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, но еще и проболтался о некоем сепаратном соглашении с Германией в интервью французской газете «Матэн», что вызвало возмущение Чичерина и распоряжение Ленина от 21 февраля 1922 г. Сталину отстранить Радека от дипломатической работы.

В итоге Радека в Геную не пустили, и секретная военная конвенция, как и ее дипломатическое прикрытие – Рапалльский договор, была заключена без него. Разумеется, в тексте «дипломатического прикрытия» ничего не говорилось о секретном военном сотрудничестве: лишь в статье 4 Рапалльского договора содержалось глухое упоминание о «доброжелательном

духе», с которым оба правительства будут «взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран».

Таким образом, благодаря Красину советская дипломатия «убила» сразу несколько «зайцев». Во-первых, на немецкие деньги начала уже с середины 20-х годов модернизировать военную промышленность, особенно важную в условиях военной реформы РККА (сокращение контингента в десять раз, переход на мобилизационный принцип подготовки, ставку на технические рода войск – танки, авиацию, химвойска).

Во-вторых, Рапалльское «прикрытие» стало моделью «нулевого варианта» решения спорных финансово-экономических вопросов: обе страны отказывались от взаимопетензий по государственным и частным долгам, включая отказ от компенсации за национализированную в Советской России германскую собственность.

Новый брест-литовский мир России и Германии существенно усилил позиции советских дипломатов на геновско-гаагских переговорах 1922 г. с Антантой, приблизив полосу дипломатического признания СССР.

И здесь трудно переоценить персональные усилия Красина как полпреда Советской России в Лондоне и Париже.

Англо– советский торговый договор от 16 марта 1921 г. открыл так называемую «полосу

дипломатического признания СССР» и проложил дорогу к первой широкомасштабной встрече «капиталистического» и «коммунистического» миров в Генуе на знаменитой конференции (10 апреля -19 мая 1922 г.).

Идею такой встречи с осени 1920 г. вынашивал Красин. Он неоднократно писал и говорил об этом Ленину. Последний колебался – в нем доктринер боролся с прагматиком. Наконец к началу 1921 г. «вождь мирового пролетариата» решился.

В марте 1921 г. происходят три важнейших события:

– 8-16 марта в Москве проходит X съезд РКП(б), на котором Ленин провозглашает «коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм» – поворот к нэпу;

– 16 марта Л.Б. Красин подписывает упомянутый выше торговый договор с Англией – первое нэповское соглашение с великой иностранной державой;

– 18 марта А.А. Иоффе подписывает в Риге мирный договор с Польшей, который де-факто присоединял Советскую Россию к «версальской системе» договоров о послевоенных границах.

В октябре 1921 г. Г.В. Чичерин рассылает по столицам европейских государств и в США дипломатический циркуляр о готовности советского правительства обсуждать проблему государственных «царских долгов» (до 1914 г.) на любой предстоящей встрече с Западом.

Вся эта серия дипломатических соглашений и заявлений создает почву для организации первого, как бы сказали сегодня, «саммита» Восток-Запад.

В январе 1922 г. получена первая реакция с Запада: Верховный совет Антанты с участием наблюдателей от США и Германии на своем заседании в Каннах (Франция, 6-13 января) в принципе одобрил возможность такого «саммита» при условии, что большевики согласятся обсуждать проблему компенсации национализированной в 1918-1920 гг. иностранной собственности и выплаты царских долгов. Соответствующее послание было утверждено Верховным советом и отправлено в Москву. 25 февраля 1922 г. Англия и Франция окончательно определили место и время встречи (Генуя, апрель) и тему конференции – исключительно «русский вопрос».

Обе стороны начали лихорадочную подготовку к конференции. 20-28 марта 1922 г. в Лондоне собрались западные эксперты, для того чтобы окончательно установить сумму валютных претензий к советским республикам (в 1922 г. это РСФСР, УССР, БССР, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм и Дальневосточная республика – все они 22 февраля делегировали свои полномочия представителям РСФСР).

Эксперты Запада рекомендовали: все займы и кредиты с момента начала Первой мировой войны с РСФСР и других советских республик списать, но зато «повесить» на них не только «царские», но и «колчаковские», «деникинские», «врангелевские», «семеновские» и прочие долги (не было лишь долгов батьки Махно и других «зеленых» атаманов, да и то по причине отсутствия документов). Само собой, вся иностранная собственность должна быть возвращена владельцам или их потомкам, на худой конец – выплачена валютная компенсация.

Большевики тоже не лыком были шиты и помимо теоретических установок Ленина к Генуе разработали стратегию переговоров:

– выйти единым фронтом советских республик (не допустить брестского раскола 1918 г. когда украинцы пошли в одну сторону, а русские – в другую; такая угроза могла возникнуть и в Генуе: предсовнаркома и наркоминдел УССР Х.Г. Раковский намеревался было потребовать у Германии компенсацию за разграбление Украины в марте-ноябре 1918 г.) и лимитрофов. Пролетарские республики сплотили 22 февраля, а лимитрофов (Эстонию, Латвию, Польшу) объединили 30 марта 1922 г. в Риге, подписав с ними протокол о согласовании позиций и «едином фронте» в вопросе дипломатического признания будущего СССР;

– срочно создать финансовую комиссию из «спецов» по долгам царского и Временного правительств, а также по «военным долгам» Запада (ущерб от иностранной интервенции 1918-1922 гг.); всего насчитали по «царско-временным долгам» 18 496 млн. зол. руб. а по «военным» в 2 раза больше – 39 млрд. Именно с учетом предстоящей в Генуе встречи с «империалистами» (а разговоры об этом велись весь 1921 г. сразу после подписания англо-русского торгового договора) и была создана та самая комиссия при СТО по золотому фонду, которая провела тотальную инвентаризацию хранения и движения золотого резерва с ноября 1917 г. по конец 1921 г. установив, что к началу 1922 г. РСФСР располагает следующими ценностями:

Всего ценностей на 251 414 792 зол. руб. 96 коп.,

В том числе, золота, серебра, платины, иностранных банкнот, 217 923 632 зол. руб. 95 коп. 22 986 314 зол.

руб. «Из них на 8 925 063 зол. руб. монеты дефектной, „нетоварной“ (лигатурной), годной только на переплавку и перечеканку.», 10 418 943 зол. руб. 77 коп. 685 900 зол. руб. 24 коп.

Остаток румынского золота 87 074 501 зол. руб. 5 коп.

И получалось, что даже если бы в обмен на дипломатическое признание большевики в Генуе согласились отдать весь золотой запас до копейки (251,4 млн. зол. руб.), то и тогда они не покрыли бы даже 1/5 «царских» долгов (18 млрд. 496 млн. зол. руб.).

Ситуация для большевиков перед Генуей осложнялась начавшимся в Поволжье и на Южном Урале осенью 1921 г. страшным голодом, невиданным доселе в России. Ленин и здесь «распределил роли»: Троцкий был брошен на борьбу с голодом (изыскание средств на закупку за границей продовольствия и семян), а Красин – на подготовку к конференции.

«Мето да» Льва Давыдовича осталась неизменной – «чрезвычайщина», ограбление не только церквей и монастырей, но и... музеев (в частности, знаменитой Оружейной палаты в Москве). В феврале 1922 г. Политбюро и Совнарком назначают Троцкого «особоуполномоченным Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей». В свои замы «демон революции» берет бывшего царского подполковника «военспеца» Г.Д. Базилевича, своего порученца в 1921 г. в Реввоенсовете Республики.

А уже 13 марта 1922 г. Базилевич пишет докладную с грифом «совершенно секретно»: «Ценности Оружейной палаты выливаются в сумму минимум 197,5 млн. максимум – 373,5 млн. зол. руб. т.е. больше, чем весь

ранее учтенный золотой запас на 1922 г. (см. вышеприведенную таблицу. – Авт.), если не будет сюрпризов „без описей“ в оставшихся неразобранными еще 1367 ящиках».

Совершенно иную программу пополнения бюджета и аргументации в Генуе разрабатывает в 1921-1922 гг. Л.Б. Красин:

1. Следует немедленно прекратить разовые продажи художественных ценностей и бриллиантов через сомнительных лиц, рекомендуемых начальником Гохрана Аркусом (некий швед Карл Фельд и др.), или через высокопоставленных «кремлевских жен» (жена Горького актриса Мария Андреева-Юрковская, жена Каменева и сестра Троцкого Ольга Каменева-Бронштейн, музейный руководитель). Вместо этого необходимо срочно создать картель для совместной продажи бриллиантов, лучше всего с Де Бирсом (вот когда, оказывается, появился нынешний многолетний «алмазный партнер» СССР – РФ!).

«Синдикат этот должен получить монопольное право (вот она, монополия государства на внешние связи! – Авт.), ибо только таким путем можно будет создать успокоение на рынке бриллиантов и начать постепенно повышать цену. Синдикат должен давать нам под депозит наших ценностей ссуды на условиях банковского процента», – писал Красин в Наркомфин 20 марта 1922 г.

2. В торгово-экономических дискуссиях в Генуе необходимо остро поставить вопрос о Добровольческом торговом флоте (Добрфлот) – о 340 гражданских и военных судах (из них 52 военных, включая 3 линкора, 3 крейсера, 12 эсминцев и 6 подводных лодок), которые

барон Врангель в ноябре 1920 г. угнал из Крыма за границу, перевезя на них остатки своей армии и гражданских беженцев. Позднее французы собрали большинство этих судов на своей военно-морской базе в Бизерте (Тунис), они там гниют и пропадают 1923-1925 гг. будучи полпредом во Франции, Красин будет вести с французским правительством активные (хотя и безрезультатные) переговоры о возвращении Добрфлота (см.: Дипломатический ежегодник. 1989. – М. 1990. – С. 368.) Его преемник Х.Г. Раковский в 1927 г. согласится на продажу Франции и Италии части военных судов на металлолом (одну подводную лодку СССР требовал вернуть безоговорочно), но вопрос так и не был решен. В конце концов французы сами продали на металлолом до 70% этих судов, а остальные перегнали в свои порты. По подсчетам Наркомфина СССР, в 1925 г. из общего ущерба Антанты по «военным долгам» 1918-1922 гг. в 39 млрд. зол. руб. и доли Франции в них в 14 млрд. зол. руб. суда Добрфлота тянули на 8,3 млрд. зол. руб. См.: Узники Бизерты. – М. 1998. – С. 222-224. (Список военных и вспомогательных судов русской эскадры в Бизерте.)».

3. Наконец, от царской России России советской досталась огромная недвижимость за рубежом, особенно церковная, в частности в Святых местах на Ближнем Востоке. Эту проблему, по мнению Красина, также следует поставить в Генуе 1923 г. в Лондоне Красин официально поставил вопрос о русских владениях в Святых местах перед британским МИД, требуя признать права собственности СССР над имуществом ИППО, но успеха не достиг. Тогда советский полпред обратился к известной разыскной фирме «Пинкертона», которая 70 лет спустя подтвердила готовность продолжить поиск российской зарубежной недвижимости.».

О самой Генуэзской конференции написано уже очень много. Фактически советская делегация превратила конференцию в пропагандистский форум, а сепаратным договором с Германией в Рапалло 16 апреля 1922 г. красные дипломаты отреагировали на неуступчивость своих главных партнеров – Д. Ллойд Джорджа (Великобритания) и Луи Барту (Франция) и дали им достаточный повод свернуть конференцию, фактически устроив в ее работе месячный перерыв.

15 июня 1922 г. конференция собралась вновь, но уже в Гааге (Голландия) в прежнем составе (не участвовала лишь Германия, которую не пригласили в «наказание» за Рапалло, а США, как и в Генуе, были представлены наблюдателем).

Вторая часть «саммита» Восток-Запад в Гааге была гораздо более конструктивной, ибо спор вели главным образом эксперты. Советскую делегацию на этот раз возглавлял не Чичерин, а его новый зам М.М. Литвинов. В состав делегации входили также Л.Б. Красин, Г.Я. Сокольников, А.А. Иоффе, большая группа советских «спецов» из бывших.

На этот раз Красину удалось поставить некоторые вопросы из его программы. Да и в целом позиция советской делегации в Гааге была менее жесткой. «Красные» дипломаты торговались как настоящие купцы на ярмарке. В принципе они согласились платить «царские долги» (не снимая своих контрпретензий по «долгам военным», которые их партнеры не отрицали), но при условии предоставления под них больших промышленных кредитов (впервые была названа их конкретная цифра – 3 млрд. 224 млн. зол. руб. в течение трех лет).

Не соглашаясь на реституцию, то есть на восстановление юридических прав иностранных собственников в России, большевики тем не менее сделали навстречу своим визави практические шаги.

Во– первых, партнерам был представлен список национализированных иностранных предприятий, на которых их бывшие владельцы могли бы организовывать концессии или взять их снова себе, но на правах долгосрочной аренды.

Во– вторых, в последний день заседаний в Гааге, 19 июля 1922 г. М.М. Литвинов, еще раз подтвердив принципиальную готовность РСФСР уплатить дореволюционные государственные «царские долги» в обмен на долгосрочные кредиты, представил второй список иностранных владельцев, которым (в случае отказа их от концессий или аренды) советское правительство готово выплатить денежные компенсации, но при условии переговоров с каждым «иновладельцем» в отдельности.

Словом, вопреки тому, что в советское время Генуэзская и Гаагская конференции трактовались как главным образом политическая трибуна, «саммит» 1922 г. имел в 1925-1927 гг. самые серьезные последствия. И если бы усилия Л.Б. Красина, Х.Г. Раковского, Г.В. Чичерина тогда увенчались успехом, кто знает, как бы вообще пошло экономическое и политическое развитие СССР в 30-40-х годах?

Как– то после большого перерыва, уже в начале перестройки, я вновь оказался в Париже. Дела занесли меня на улицу Гренелль, в резиденцию советского посла (до этого дом много лет служил царским послам и «временному» -В.К. Маклакову). У парадного входа во внутреннем двореке прямо против недействующего фонтана обнаружил прикрепленную к стене длинную белую мраморную доску с выбитыми на ней фамилиями послов СССР во Франции. Спросил: кто сотворил такой мемориал? Да Петр Андреевич Абрахимов, ответили, еще в начале 70-х годов. Смотрю, а на доске нет имен ни Л.Б. Красина (первого посла – 1924-1925 гг.), ни Х.Г. Раковского (посла второго – 1925-1927 гг.).

Удивляюсь, вроде бы наступили другие времена, а доски все еще старые, неисправленные. Наверное, троцкистами были, говорит мой собеседник, молодой дипломат, вот их и не упомянули. Хорошенькое дело – троцкисты. Это о Красине, которого в 1926 г. торжественно хоронили на Красной площади через несколько месяцев после похорон «железного Феликса», и урна с его прахом и сегодня покоится в Кремлевской стене.

Раковский? Он, пожалуй, да, троцкист, личный друг Троцкого, участник «левой оппозиции», исключен из партии в 1927 г. сослан, возвращен, вновь судим вместе с Бухариным и Рыковым в 1938 г. расстрелян НКВД в Орловском центре в октябре 1941 г. во время прорыва немцев к городу, вместе с эсеркой Марией Спиридоновой.

Но все равно, разве он не был послом (полпредом) СССР во Франции?

Еще через пару-тройку лет приезжаю снова в Париж, захожу в резиденцию. Нет больше доски: ее

сняли. Спрашиваю при случае коменданта здания: что такое? А демократия, отвечает, СССР больше нет, и послы советские больше нам не нужны.

Вот и с дипломатическим наследием этих двух большевиков случилось то же, что и с доской на здании резиденции советского посла, – оно выпало из истории советской дипломатии на долгие 60 лет официальной «Истории внешней политики СССР» (т. 1: 1917-1945 гг. – Изд. 3-е, доп. / Под ред. А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева. – М. 1976) о переговорах Л.Б. Красина и Х.Г. Раковского в 1924-1927 гг. в Париже о «царских долгах» и кредитах СССР, которые Франция намеревалась предоставить в рассрочку до 1988 г. (!), нет ни строчки.

Опыт трудных, но успешных переговоров Красина и Раковского в Париже в 1925-1927 гг. когда к ним на помощь не раз приезжал из Москвы Г.В. Чичерин, чрезвычайно интересен для сегодняшнего дня. По сути, именно в 20-х годах впервые встал весь комплекс проблем вхождения в то, что сегодня именуется мировым экономическим пространством. Тогда, правда, вся эта объективная, идущая от Петра I фундаментальная внешнеэкономическая проблема «Россия и Запад» подавалась большевиками в идеологической ленинской упаковке – речь шла прежде всего о «прорыве капиталистического окружения».

Фактически в 1921-1922 гг. большевики одновременно провели целую серию переговоров на Западе:

– сепаратные переговоры с Германией о «Бресте № 2», стержнем которых было военно-техническое сотрудничество на немецкие деньги, но на территории Советской России (начаты еще в сентябре 1921 г.

Красиным, продолжены Раковским и Крестинским в Берлине, почти сорваны Радеком в феврале 1922 г. и успешно завершены в Рапалло в апреле);

– зондаж во Франции в начале 1922 г. (Красин), который привел в 1924-1927 гг. к полномасштабным переговорам о кредите и выплате «царских долгов» (Раковский, Красин, Чичерин);

– Генуэзско-Гаагский «саммит» в апреле-июле 1922 г. положивший начало «полосе дипломатического признания» СССР;

– Берлинские переговоры «трех интернационалов» (Радек, Бухарин) в апреле-мае 1922 г. представлявшие собой первую (и последнюю) попытку найти политический компромисс между социал-демократами и коммунистами (графическое отображение этих переговоров с параллельно развивающимися событиями см. выше, гл. 3, в таблице НКВД-Коминтерн-ОГПУ, 1921-1927 гг.).

Основная линия водораздела была прежней – доктринерам-сторонникам экспорта мировой революции (К о м и н т е р н) п р о т и в о с т о я л и прагматики-государственники (НКВД, Внешторг), стремившиеся продолжить политику научно-технической модернизации России.

Впервые публикуемые в сборнике «Коминтерн и идея мировой революции» документы из архива Политбюро ЦК РКП(б) за 1921-1922 гг. отчетливо показывают борьбу доктринеров с прагматиками в большевистской верхушке тех лет.

Скажем, Адольф Иоффе в письме В.И. Ленину 13 февраля 1922 г. по поводу первого европейского

«саммита» пишет в духе своей позиции в Брест-Литовске в 1917-1918 гг. («ни мира, ни войны»): «Нельзя упустить такой трибуны, как Генуя, не изложив нашей программы, тем более что мы обязаны делать это в интересах мировой революции».

Иоффе вторит Е.А. Преображенский, соавтор Н.И. Бухарина по настольной книге пролетариев СССР «Азбука коммунизма». В своем письме от 18 октября 1921 г. в ЦК РКП(б) по поводу Генуи он признает, что большевикам нужен от «инострannого капитала широкий товарный кредит Советской власти».

Но добиваться его следует не путем дипломатических переговоров, а через воззвание от имени ИККИ и Профинтерна, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) с призывом «к массовому выступлению» европейских пролетариев взять «власть в свои руки „и“ самим осуществить хозяйственный союз с Советской Россией».

Карл Радек, как всегда, скаламбурил: Генуя – «не цыганский торг с надеждой всех обмануть, а крупная политика игры сравнительно открытыми картами». Но при этой «игре» открытыми картами большевикам в Генуе ничего не светит – ни дипломатическое признание, ни кредиты, ни «агитационная трибуна». Что же конкретно предлагал Радек в объемной записке «Генуэзская конференция и задачи РСФСР» 7 марта 1922 г. на имя Ленина и других членов Политбюро, так и осталось непонятным.

Словом, подобными бессодержательными бумагами Радек лишь подтверждал мнение Ленина о том, что исполнительный секретарь ИККИ «совершенно не годится в дипломаты».

Наркоминдел Г.В. Чичерин 25 февраля 1922 г. от имени большевиков-прагматиков ответил этим 10% фанатиков, способных умереть за идею мировой революции, но неспособных жить за нее (вспомним оценку Красина, которую мы приводили выше). «Стоящая перед нами дилемма, – пишет нарком, вспоминая записку Иоффе, – напоминает ту дилемму, которая стояла перед нами в момент Бреста: следует ли нам погибнуть вследствие непримиримости, завещав наши лозунги следующим поколениям, или подписать Брестский договор, т.е. вступить на путь лавирования и отступления?»

По Чичерину, главное – убедить «буржуев» в Генуе, что «наш курс на сделку с капиталом является прочной и длительной системой» и что «мы приглашаем иностранный капитал на долгосрочные концессии, например лет на 60».

Но для этого и большевикам надо пойти на уступки, как предлагает Красин, а именно: выплатить в рассрочку «царские долги» и выплатить компенсацию иностранным собственникам.

В последнем случае Чичерин полностью принимает план Красина о создании в Советской России «грандиозной сверхконцессии» на базе имущества бывших иностранных собственников государств Антанты. В этом случае, отмечал далее нарком, можно было бы выплачивать долги и компенсации «бумажным золотом» – «романовками» и «думками», акциями, царскими векселями и облигациями (как это делалось в отношении Германии по финансовому протоколу 27 августа 1918 г.).

Словом, это и была та самая ПРОГРАММА действий в Генуе и Гааге, якобы на отсутствие которой жаловался

Иоффе Ленину и о реальности которой каламбурил Радек, полагая, что Генуя все равно не станет «совещанием об экономическом восстановлении Европы».

По сути, Чичерин, Красин и Раковский действовали в тот период истории, когда Россия еще только начинала поворачиваться к Западу лицом, заново рубить петровское «окно в Европу». Выше мы уже писали, как в 1918-1920 гг. большевики прорубили «эстонскую форточку» через морской порт Ревель (Таллин). Торговый договор с Англией 16 марта 1921 г. Ленин назвал продолжением внешней политики «окошек»: «Нам важно пробивать одно за другим окошко... Благодаря этому договору (с Англией. – Авт.) мы пробили некоторое окошко».

Конечно, с позиций сегодняшнего дня нас интересует не столько история международных экономических отношений 20-х годов СССР и Запада, сколько методика ведения переговоров, их технология, использование различных приемов, и прежде всего Л.Б. Красиным, который, как мы уже отмечали, с мая 1920 г. имел от Ленина «карт-бланш» на единоличное принятие решений без ежеминутного согласования с центром всех сопутствующих факторов.

Вот только некоторые из приемов Красина в 1920-1925 гг.:

- 1 . И с п о л ь з о в а н и е и н т е р е с о в финансово-промышленных кругов. Миссия Красина в Лондон (он прибыл туда в мае 1920 г. как преемник «уполномоченного НКВД» М.М. Литвинова на полуофициальной основе, но вскоре добился признания своих полномочий как торгпреда РСФСР де-факто)

совпала с резким обострением англо-советских отношений из-за войны с Польшей: его официальные отношения с британским МИД были временно «заморожены». Но Красин не опустил руки – он развивал сначала неофициальные, а затем и все более открытые контакты с британскими фирмами (с автозаводами «Слау» о поставке в Советскую Россию 500 автомобилей, с компанией «Маркони» о торговле, с железнодорожной компанией «Бритиш райлуейз» о ремонте русских паровозов и т. д.). Результатом этого зондажа стало создание в октябре 1920 г. первого англо-русского СП АРКОС («All-Russian Cooperative Society»), через которое Москва уже к концу года разместила заказов на 2 млн. ф. ст.

Немудрено, что, когда в ноябре 1920 г. британские власти возобновили торговые переговоры (к тому времени уже случилось «чудо на Висле» – остатки советских войск были отброшены от Варшавы за Минск и 12 октября с Польшей было заключено военное перемирие), «русская делегация, – по словам Красина, – имела за собой довольно сильную группу в английском Сити».

В 1921 г. по схеме АРКОС было учреждено СП «Амторг» в Нью-Йорке.

Аналогичный прием, но в еще более широком – европейском – масштабе, был применен Красиным год спустя, в декабре 1921 г. в Париже (второй «Давосский форум»). Там по собственной инициативе второй раз собралась влиятельная группа банкиров и промышленников со всей Западной Европы. Они продолжали обсуждение плана создания крупного международного консорциума по экономическому

восстановлению Европы с обязательным участием в этом процессе Советской России как главного источника сырья. При этом мыслилось, что «мостом» между Западом и Востоком станет Германия.

Неофициально на этом совещании присутствовали британский военный министр Вортигтан-Эванс, германский министр хозяйственного восстановления Вальтер Ратенау и... торгпред Советской России Леонид Красин. За кулисами этой конференции стоял и внимательно наблюдал за ее ходом из Лондона сам британский премьер Д. Ллойд Джордж.

И немудрено, что после этой конференции окончательно родились и идея Генуэзской конференции, и секретный германо-советский протокол в Рапалло, и «ленинская» (а точнее – красинская) практика концессий в Советской России.

Почти наверняка можно утверждать, что без применения подобного метода современным россиянам нечего и думать о возвращении золота и недвижимости их Отечеству.

2. Защита прав собственности отечественных и иностранных владельцев и умение пойти на разумный политический компромисс. Первое «модельное» англо-русское временное (формально обе страны еще не имели официальных дипотношений – они их установят лишь 8 августа 1924 г.) торговое соглашение от 16 марта 1921 г. уже содержало очень важные, принципиальные юридические положения:

А. Великобритания обязывалась «не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами либо товарами, экспортируемыми из

России, в случае, если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях».

Б. Но, с другой стороны, советское правительство в принципе «признавало свои обязательства уплатить возмещение частным лицам, предоставлявшим России товары либо услуги, за которые этим правительством не было уплачено своевременно» (но урегулирование этого принципа было отложено на будущее. Именно опираясь на эту статью англо-русского временного торгового соглашения 1921 г. премьер Маргарет Тэтчер потребовала от М.С. Горбачева в 1986 г. оплатить услуги британских «частных лиц» (погасить долги по государственным «царским займам»)).

Характерно, что такой же метод решения проблемы «царских долгов» (признание в принципе, но урегулирование в будущем) был зафиксирован еще в трех аналогичных временных торговых соглашениях Советской России в 1921 г. – с Германией (6 мая), с Норвегией (2 сентября) и с Италией (26 декабря).

Политический же компромисс состоял в том, что Красин согласился на очевидно «антикоминтерновскую» статью в соглашении от 16 марта 1921 г.: Советская Россия берет на себя обязательство не вести революционную пропаганду в британской колонии Индии, а также в Афганистане и Персии (Иране). Особенно симптоматичным было отмежевание Красина от «Красной Персии», где в 1920-1921 гг. была уже создана на севере Ирана в портовом каспийском городе Энзели (Пехлеви) первая «азиатская советская республика» во главе с авантюристом Яковом Блюмкиным. Подробнее см.: Генис В. Красная Персия: большевики в Гиляне, 1920-1921 гг. – М. 2000. «Персидская авантюра» с

экспортом революции спустя 70 лет в еще более кровавом виде повторится при брежневских старцах в Афганистане. Демарш Красина привел к тому, что к концу 1921 г. Москва отозвала свои «добровольческие» части из Северного Ирана, и войска шаха быстро ликвидировали остатки «красных персов». В обмен на Персию Красин добился снятия «золотой блокады» в Англии (и, по английскому образцу, в США), что позволило ему отныне свободно торговать на Лондонской бирже золотом и бриллиантами не нелегально и не по бросовым (на 30-40% дешевле), а по мировым ценам.

Более того, Красин подкрепил свой явный «антикоминтернализм» беспрецедентным в тогдашней советской дипломатии шагом – он официально отмежевался от Л.Б. Каменева, когда того в очередной раз (первый, как мы помним, имел место в той же Англии в 1918 г.) английская тайная полиция схватила за руку на подпольной продаже бриллиантов «в пользу Коминтерна» и в сентябре 1921 г. снова выслала из страны (в 1926 г. когда НКВД попытается послать «левого оппозиционера» полпредом в Англию вместо умершего Красина, англичане не дадут ему агреман, и Каменев вынужден будет поехать полпредом в фашистскую Италию).

В феврале 1922 г. в Берлине аналогичным образом Красин и Раковский (хотя последний был членом Исполкома Коминтерна с марта 1919 г.) дезавуируют Карла Радека за его слишком длинный язык (проболтался французской прессе о секретных переговорах Красина и Раковского с германскими дипломатами накануне Генуи).

Позднее, в 1925-1926 гг. после смерти Ленина, Красину выйдут боком эти «антикоминтерновские штучки» и вообще его «барская» позиция в партии: на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. его уже не выберут в члены ЦК, в 1924-1925 гг. в просталинской партийной печати на него начнутся нападки, и можно не сомневаться, что, доживи он до XV съезда партии в декабре 1927 г. Сталин «пристегнул» бы его к троцкистам, исключил из партии и сослал бы на Алтай, как он сделал это с его коллегой Раковским.

3. Концессии (свободные экономические зоны) и права иностранных владельцев в СССР (России).

Красин стоял и у истоков советской концессионной политики, которой В.И. Ленин (его проект 300 концессий в Советской России) в 1921-1922 гг. придавал исключительное значение (в феврале 1921 г. он предлагает сдать в концессию «1/4 Донбасса (+ Кривого Рога)», а также нефтяные промыслы в Баку и Грозном).

Первая крупная концессия была оформлена 14 мая 1921 г. в Москве, но с Дальневосточной республикой (ДВР). Речь шла об американской нефтяной компании и ее праве на эксплуатацию нефтяных полей на шельфе Северного Сахалина, тогда еще оккупированных японцами. Концессия, однако, носила явно политический подтекст: вбить еще один клин между США и Японией и, возможно, через этот «жест доброй воли» добиться дипломатического признания США (затея не получилась: США признают СССР лишь в 1933 г. а Северный Сахалин в 1925 г. вновь вернется в СССР. Американцы не успели приступить к работе, а Москва уже аннулировала концессию). Характерно, что спустя 70 лет этот проект (и

снова с американцами) возродился вновь («Сахалин-1» и «Сахалин-2»).

Иная ситуация сложилась с английской концессией Лесли Уркарта, горного инженера, много лет проработавшего на свинцовом руднике на Урале, принадлежавшем англичанам и дававшем тогда, «при царе», 60% всего свинца в России. Уркарт создал свою компанию и в июне 1921 г. обратился к Красину. Но речь шла не о концессии «с чистого листа» и не о возврате права прежней собственности, а хотя бы о частичной компенсации за большевистскую национализацию.

Красин и Уркарт подготовили «модельный» проект детального концессионного договора из 27 пунктов. В августе английский инженер даже приезжал в Москву, но в октябре неожиданно отказался от своего проекта. Почему? На то были две главные причины:

а) Москву не устроили сроки концессии – 99 лет (как Гонконг у англичан в Китае!);

б) Уркарта – условия найма «рабсилы»: только по советским законам и только через советские профсоюзы.

Характерно, что и 70 лет прошло, а в 1990-1992 гг. та же проблема «рабсилы» возникла в Верховном Совете РСФСР при обсуждении законопроекта о концессиях и разделе продукции. Законопроект попал ко мне как эксперту Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям на заключение. Помнится, я написал разгромное резюме: «...в основу законопроекта положена старая ленинская идея о монополии большевистского государства на все виды собственности, или та самая „веревка“, которую большевики вынуждены покупать у капиталистов, но исключительно для того, чтобы, окрепнув, на этой „веревке“ этих же капиталистов

и повесить, но теперь уже – во имя величия свободной и демократической антикоммунистической России».

Вот какими «семимильными» шагами со времен Л.Б. Красина входим мы, россияне, в «мировое экономическое пространство»!

А сколько раз в 1990-1999 гг. повторялся в демократической России «казус Вандерлипа», этого американского горного инженера и золотоискателя, еще в начале XX в. побывавшего на острове Сахалин и полуострове Камчатка в поисках золота. В 1920 г. даже Ленин принял его за американского миллионера Ф.А. Вандерлипа, хотя лжемиллионер ничего общего, кроме фамилии, с настоящим миллионером не имел.

Горный инженер из Калифорнии, у которого не было никаких крупных капиталов, обманул Ленина как мальчишку. С «миллионером» в 1920 г. носились как с писаной торбой. И если в японском суде некий японский летчик талантливо сыграл роль «русского генерала» Подтягина, то почему бы авантюристу-американцу не сыграть роль «дядюшки Сэма» – тут и перевоплощаться не надо. Инженер скромно намекнул, что за ним стоит «вся республиканская партия» (в 1920 г. в США проходили очередные выборы, и действительно демократ Вильсон их проиграл, а выиграл республиканец Гардинг), хотя наш Вандерлип ни к той, ни к другой партии не имел никакого отношения (разве что как рядовой избиратель).

Проходимца принял лично Ленин, другие «вожди», зампред Совнаркома А.И. Рыков подписал с лжемиллионером договор о концессии (аренда – с планируемой прибылью в 3 млрд. долл. – всей Камчатки, которая в 1920 г. еще входила в состав ДВР; полуостров

ради дружбы с «миллионером» 15 декабря 1920 г. срочно «изъяли» из ДВР и «присоединили» к РСФСР). При этом «миллионер» наобещал Ильичу семь бочек арестантов, а главное, скорое дипломатическое признание Советской России. По некоторым данным, Ленин даже снабдил этого американского Хлестакова письмом в Вашингтон к «кому следует» о том, что большевики готовы отдать США... бухту Петропавловска-на-Камчатке для строительства там военно-морской базы (по типу Гуантанама на Кубе) сроком на 99 лет.

Все это оказалось аферой чистой воды. Новый президент США Гардинг заявил, что знает совсем другого Вандерлипа и ни о каких «камчатских концессиях» он от подлинного миллионера ничего не слышал.

Ильич выкрутится и, обозвав лжемиллионера в декабре 1920 г. «американским кулаком», тем не менее заявит, что он, как всегда, был прав: дело-де не в личностях, а в том, что «мы беремся восстанавливать международное хозяйство – вот наш план».

И снова обратимся к нашей эпохе. В 1991 г. при посещении С.П. Петрова США (Калифорния) мы вместе с ним поехали в архив Гуверовского института войны, революции и мира посмотреть архив его отца и архив В.И. Моравского. В институте он знакомит меня с соотечественником из Ленинграда Михаилом Бернштамом (в СССР короткое время – личный литературный секретарь А.И. Солженицына, затем – эмигрант в США по «еврейской визе»). Работает старшим научным сотрудником в Гуверовском институте, историк. За рубежом опубликовал несколько интересных работ по «демократической контрреволюции» 1918 г. на Урале и в Поволжье (я на них ссылаюсь в предыдущих главах).

Даже предложил мне поработать в архиве института, написал начальству письмо-рекомендацию (последствий не имело).

И вдруг год спустя встречаю Мишу в Москве, на Новом Арбате, 19, в помещении ВЭС – Высшего экономического совета ВС РФ. Почему, откуда? Оказывается, он и еще несколько американцев из бывших «советских» – иностранные экономические советники ВЭС (машина, охрана, люкс в гостинице «Россия», хорошие оклады в долларах).

Как историк попал в экономисты, да еще в советники? Да так же, как Вандерлип-2 к Ленину. Не спросили, «миллионер» ли (экономист), а сам по скромности умолчал, что он обычный историк. А кто пригласил? Тогдашний председатель ВЭС, дважды депутат Михаил Бочаров. Приехал в США искать светлые «экономические» головы в 1990 г. Языка не знает, переводчика нет. В Гуверовском институте подошел к нему бородач, по-русски говорит, понятное дело, очень бойко. Узнал, кого ищет член Межрегиональной группы Съезда народных депутатов СССР М.А. Бочаров. Быстренько, за вечер, отстучал (по-русски!) на компьютере целую программу экономического возрождения России даже не за 500 дней, а... за две недели!? Еще двух недель после этого не прошло – за подписью первого спикера ВС РСФСР Б.Н. Ельцина приглашение в иностранные экономические консультанты в «демократическую Россию». Современного Гардинга тогда в США не нашлось (правда, и М. Бернштам Камчатку в аренду не брал), вот и попал советский историк в выдающиеся американские экономисты...

С тех пор периодически встречал Мишу Бернштама то в Москве, где он снова консультирует, уж не знаю кого, то слышу его по радио «Свобода», где он постоянно выступает с проповедями, как «обустроить Расею».

И все–таки Леонид Красин достойно завершил свой жизненный путь. В 1920-1925 гг. он сделал очень много для успехов советской дипломатии в Западной Европе. Чего только стоило прорубленное им «окно в Англию» в марте 1921 г.! В начале 1922 г. он вместе с Х.Г. Раковским и К. Радеком вел секретные переговоры в Германии и с немцами, и с французами. С немцами они завершили сепаратным договором. Но немцы не могли в 1922 г. дать Советской России крупные кредиты.

В этой сфере, как и в XIX в. доминировала Франция. Поэтому после Генуи и Гааги Париж стал весьма притягательной столицей для большевиков. Как туда проникнуть, если в русском посольстве все еще сидел посол «временных» Василий Маклаков? В Москве снова выбор пал на Красина – его охотно аккредитовали по всей Европе.

Кончилось разыгрывание «французской карты» тем, что в Москве решили провести рокировку: Х.Г. Раковского послали полпредом в Лондон, а Красина – «уполномоченным НКВД» в Париж (июль 1923 г.) при сохранении прежней должности наркомвнешторга (до самой своей смерти в ноябре 1926 г. Красин так и остался «наркомом-послом», равным по служебной

иерархии Г.В. Чичерину, что вызывало большое неудовольствие последнего).

Конечно, нарком мало времени уделял своим посольским делам – что в Лондоне в 1921-1923 гг. что в Париже в 1923-1925 гг. бывая лишь наездами, часто пользуясь личным аэропланом. Но почву для франко-советских переговоров по «царским долгам» и кредитам он все же в 1923-1924 гг. успел подготовить.

Красин начал с того, на чем до Первой мировой войны остановился финансовый агент Витте Артур Рафалович, – с подкупа парижской прессы, в частности крупнейшей газеты «Тан». В 1960 г. во Франции вышел «Дневник ссыльного. 1935 год» (Л.Д. Троцкого), где впервые были изложены условия соглашения Красина с редакцией «Тан». Газета посылает в Москву своего собкора, тот публикует «критически-умеренные» корреспонденции, но общая линия газеты – «дружественная к СССР». Главная задача всей акции – добиться установления дипломатических отношений двух стран и тем самым признать Советы де-юре (это и произошло 28 октября 1924 г.).

За все это «советское правительство, – говорилось в „Дневнике ссыльного“, – перечисляет газете „Тан“ один миллион франков ежегодно».

Однако советские дипломаты оказались более прижимистыми, чем царские. Красин начал торговаться вокруг суммы – 500 – 700 тыс. фр. Валюту тогда уже распределяло Политбюро. Оно затребовало от Красина гарантии: к какому числу он обещает дипломатическое признание СССР? В результате бюрократической волокиты и многомесячной переписки сделка с «Тан» так и не состоялась.

И тем не менее почва к признанию была во Франции взрыхлена, хотя Красин и продолжал бывать в Париже лишь наездами. Именно Красин после дипломатического признания СССР Францией первым из советских послов во Франции вручал свои верительные грамоты французскому президенту. Вскоре после этого акта полпредство СССР переехало в старое царское здание посольства на улице Гренелль.

«Если веду сейчас жизнь вроде ватиканского затворника, – писал Красин жене Т.В. Миклашевской-Красиной 28 декабря 1924 г. из Парижа, – то только потому, что по новости дела не хватает времени даже на еду и прочее, не каждый день выхожу из своего кабинета...» «Не выходить из кабинета» побуждали и соображения безопасности. 10 мая 1923 г. в Лозанне белогвардеец Коверда убил полпреда в Италии В.В. Воровского, приехавшего на международную конференцию. «На днях тут перед нашими воротами задержали какую-то полусумасшедшую женщину, с револьвером, признавшуюся в намерении меня подстрелить, но, кажется, она действовала без сообщников, – продолжал Красин. – Впрочем, озлобление в белогвардейских кругах настолько велико, что не удивительно, если обнаружатся и более обстоятельные предприятия в том же роде. Я лично смотрю на все это с точки зрения фаталистической: чему суждено быть, того все равно не минуешь, а уберечься в этих условиях все равно нельзя (курсив мой. – Авт.)».

От белогвардейской пули Красин уберегся, а вот от страшной болезни – белокровия – нет. С 1925 г. здоровье его начинает резко ухудшаться, он целые месяцы проводит в парижских клиниках (только в мае-сентябре ему делают пять переливаний крови), но все было

бесполезно – в конце 1926 г. Красин скончался в больнице.

Эстафету подхватил Раковский. Он и в 1923-1924 гг. постоянно совершал «челночные поездки» из Лондона в Париж и обратно, а в ноябре 1925 г. официально был переведен из Лондона в Париж полпредом СССР.

Любопытно, что перед своим утверждением на Политбюро Раковский поставил ряд условий:

1) как некогда Ленин Красину, Политбюро дает ему «карт-бланш» на три года для проведения собственной линии во франко-советских переговорах;

2) он уполномочен вести «франкофильскую политику» и окончательно решить вопрос о «царских долгах»;

3) Коминтерн не вмешивается в его функции посла и не присылает своих агентов во Францию «без предварительной санкции Раковского».

Одним словом, в Париже оказался достойный преемник Красина на посту посла, вдобавок учившийся во Франции (диплом врача в университете Монпелье), написавший о стране не одну книгу (в 1900 г. в Петербурге он выпустил «Историю III Республики во Франции» объемом более 400 страниц).

Самым существенным дипломатическим актом «Рако» (так звали его французские друзья-коммунисты) стала советско-французская конференция по «царским долгам» и советским кредитам, которая с большими перерывами длилась с февраля 1926 г. по ноябрь 1927 г. когда французские власти фактически вынудили Раковского покинуть Францию.

В данной книге все перипетии сложной дипломатической миссии Раковского в Париже как посла СССР (ноябрь 1925 г. – ноябрь 1927 г.) не являются предметом исследования. Все они обстоятельно изучены в книге профессора Сорбонны Франсиса Конта «Революция и дипломатия (документальная повесть о Христиане Раковском)», к русскому переводу которой автор написал предисловие.

Оставляем мы в стороне и тогдашнюю стратегию советской дипломатии: ослабить «империалистический фронт», поочередно играя на противоречиях его участников и попеременно делая ставку то на Францию, то на Германию.

Нас, как и ранее, интересует технология решения проблем «царских долгов», «залогового золота», недвижимости и кредитов для СССР (РФ). Для этого (в целях удобства анализа) мы объединим рассмотрение двух дипломатических конференций: Парижской (первую ее часть, февраль-июль 1926 г.) и Берлинской (март-апрель 1926 г.).

Начнем с Парижской. Она торжественно открылась 25 февраля 1926 г. О серьезности намерений большевиков говорил сам состав советской делегации. Помимо Раковского (полпреда, члена ЦК и Исполкома Коминтерна, члена ВЦИК) в нее входили М.П. Томский (в тот момент – член Политбюро, один из руководителей ВЦСПС, член президиума ВЦИК), Е.А. Преображенский (член ЦК, председатель финансового комитета ЦК и Совнаркома, автор брошюры «Экономика и финансы современной Франции»), Г.Л. Пятаков (член ЦК, зампред ВСНХ) и еще 20 экспертов – экономистов, финансистов, юристов. Утвержденные Политбюро «указания»

требовали: решить проблему «царских долгов» с рассрочкой выплаты минимум на 50 лет и добиться крупных кредитов на индустриализацию.

Внутриполитическая обстановка во Франции в то время была сложной. Шла «министерская чехарда» (правительства сменялись иногда два-три раза в месяц), активизировалось мощное лобби держателей царских бумаг во главе с бывшим французским послом в России Ж. Нулансом, в «верхах» действовали две непримиримые фракции: Э. Эррио – сторонника компромисса, Р. Пуанкаре – сторонника жесткого давления на СССР, вплоть до разрыва дипотношений.

В активе у советской делегации был меморандум Л.Б. Красина председателю Комиссии парламента по «царским долгам» Даллье (лето 1925 г.): готовы уплатить 1 млрд. не золотых, а обычных «бумажных» франков, то есть на 25% меньше, чем требует Франция (один из мотивов: к 1921 г. территория СССР по сравнению с Российской империей сократилась на 25%).

Фактически тактика Раковского строилась на следующем: успеть подписать соглашение о долгах и кредитах с «партией мира» (Э. Эррио, А. Бриан, де Монзи). Забегая вперед, скажем, что это был шаткий расчет, в конце концов не оправдавшийся.

Почти одновременно в Берлине начались схожие переговоры, но только о кредитах (взаимопретензии по долгам сняли еще в Рапалло в 1922 г.). Берлинские переговоры не афишировались, их закамуфлировали как переговоры о нейтралитете, но они оказались более успешными.

Вот как графически выглядят результаты парижских и берлинских переговоров 1926 г.:

Париж (на 16 июля), +, Берлин (на 24 апреля), + долги, кредиты, долги, кредиты

СССР выплачивает 40 млн. зол. фр. «16 июля 1926 г. советская делегация согласилась увеличить сумму до 60 млн. зол. фр.» в рассрочку на 62 года (до 1988 г.): – выплата начинается с 1929 г. – сумма уменьшается на 25% по сравнению с требованиями Франции, – 65% выплат идет в довоенных царских ценных бумагах (золотых векселях, «романовках» и «думках»). Франция предоставляет кредит сроком на три года начиная с 1926 г. в размере 225 млн. долл. США, из которых:

75 млн. – чистая валюта, 150 млн. – товарный кредит. Товарный кредит: 40 млн. – на размещение заказов на текстильное оборудование,

27,5 млн. – на ГОЭЛРО, 20 млн. – модернизация ж.-д. транспорта, 20 млн. – горнорудное оборудование, 13,5 млн. – металлургия, остальное – на химию, бумагу, продовольствие. нет, Германия предоставляет заем на 300 млн. зол. марок. СССР дает германской промышленности преференции (в налогах, законах и т.д.). Заем обеспечивают три корпорации: – Немецкий банк, – Всеобщая электрическая компания, – промышленная группа Отто Вольфа. Целевое назначение: ГОЭЛРО, нефть, добыча минерального сырья, текстиль.

Источники: Борисов Ю.В. СССР и Франция: 60 лет дипотношений. – М. 1984. – С. 38-39; Конт Ф. Указ. соч. – С. 205-218.

Источники: Rakovski Ch. Le probleme de la Dette franco-sovietique. – Paris, 1927; Конт Ф. Указ соч. – С. 213-214; Карр Э. История Советской России. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 298-299.

Нетрудно заметить, что с финансово-экономической стороны германо-советское соглашение было, несомненно, выгодно СССР. В сочетании с ранее подписанным (12 октября 1925 г.) в Москве полномасштабным советско-германским торгово-экономическим договором (секретным приложением в него вошел протокол о военно-техническом сотрудничестве, о котором говорилось выше) соглашение «о нейтралитете» от 24 апреля 1926 г. явно поворачивало интересы СССР в сторону веймарской Германии.

Однако опыт Красина и Раковского во Франции по ведению в 1923-1927 гг. переговоров о «царских долгах» и советских кредитах не прошел бесследно.

В 1992–1993 гг. в связи со скандалом вокруг Русского дома в Париже довольно часто приходилось посещать резиденцию Красина-Раковского в 20-х годах и нынешнюю резиденцию посла России на улице Гренелль

и «бункер» -так прозвали новое здание посольства РФ на бульваре Ланн. Как-то зашел разговор об истории переговоров по «царским» долгам. Какая история, воскликнул один из моих бывших московских студентов, тогда трудившийся в экономическом отделе, вот она, история, смотрите. Гляжу – в шкафах куча пожелтевших папок о переговорах за последние 25 лет. Попросил разрешения полистать.

Ба, все те же вопросы и ответы, что и во времена Красина-Раковского, как будто бы само время остановилось. И главное, все с тем же нулевым результатом. Более того, кое в чем Запад даже вернулся на позиции довоенные, например в вопросе продажи русского золота в США.

В 1920 г. благодаря усилиям Красина запрет на операции с русским золотом был снят, а в 70-х годах (пресловутая поправка Джексона-Вэника о «запретных списках» на стратегическое сырье) восстановлен вновь.

И это при том, что все послевоенные годы велись переговоры с США о «царских» долгах (к ним добавились долги и по ленд-лизу за 1941-1945 гг.). Как пишет бывший премьер последнего правительства СССР Валентин Павлов, велись они вплоть до августа 1991 г. и пресловутого ГКЧП. Велись на тех же принципах, что и Красиным и Раковским: американцы дают нам кредит на 250 млн. долл. (советский вариант – 150-200 млн.), а СССР платит им из этого кредита «царские» долги с процентами. Госсекретарь Джеймс Бейкер, по словам Павлова, уже почти был готов подписать соответствующее соглашение, да ГКЧП помешал.

Вот так у нас всегда – то Раковскому помешает в 1927 г. урегулировать проблему «царских» долгов

внутрипартийная борьба троцкистов со сталинистами, то Валентину Павлову – его участие в ГКЧП...

2. РЕСТИТУЦИЯ: «НАЦИСТСКОЕ ЗОЛОТО» И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Увлечение любым делом сродни, вероятно, пристрастию к наркотикам. Таким «наркотиком» для меня стала проблема «нацистского золота» и перемещенных культурных ценностей, связанная уже не с Первой, а со Второй мировой войной.

И хотя историю «царского» золота от «нацистского» отделяют двадцать пять лет и они разнятся по характеру попадания золотых слитков на Запад (в первом случае – добровольная отправка, во втором – откровенный грабеж), проблемы их возврата домой имеют очень много общего.

Много общего и у проблемы перемещенных культурных ценностей, не только во Вторую, но и в Первую мировую войну (коллекция русских картин с 1914 г. в Швеции, так и не возвращенная в наше Отечество).

Словом, начавшись в 1996 г. как ручеек, впадающий в мощное русло реки российского золота за рубежом, сначала проблема «нацистского» золота в июне 1998 г.

привела меня из Парижа напрямик в альпийскую республику к «швейцарским гномам».

«Нацистское» золото. В истории реституции (возврата) этого золота, как и «царского», наблюдаются два аналогичных периода: первый и второй.

Первый для «царского» золота – это межвоенный период: судебные процессы 20-х годов атамана Семенова в Японии и лжецарицы Анастасии в Англии, ген. П.П. Петрова в 30-х годах в Японии.

Для «нацистского» золота первый период приходится на 1945-1947 гг. когда в развитие Декларации союзников о поражении Германии от 5 июня 1945 г. была создана в 1946 г. союзная Трехсторонняя комиссия по реституции нацистской собственности. По не выясненным до конца мотивам Сталин отказался войти в эту комиссию и начал силами МГБ СССР собственное расследование истории перемещения «нацистского», «царского» и прочего «бесхозного» золота – т.н. операцию «Крест» (1945-1953 гг.), архивные материалы которой нами пока не обнаружены в Германии и союзных с ней странах (Венгрии, Болгарии, Румынии, Финляндии, Австрии как части III рейха после 1938 г.). В орбиту своей деятельности комиссия включила и швейцарские банки, в 1934-1945 гг. сотрудничавшие с нацистскими банками, и к 1947 г. ей удалось обнаружить и вернуть небольшую часть (60 млн. долл. по тогдашнему курсу) «еврейского» золота из тех 6,7 млрд. долл. претензий,

что предъявляют сегодня Швейцарии международные и национальные (главным образом в США) еврейские организации.

Принципиальной разницей в предъявлении претензий по «царскому» и «нацистскому» золоту в первый период было то, что на «царское» золото претендовали ЧАСТНЫЕ лица, а «нацистское» требовали ГОСУДАРСТВА – участники антигитлеровской кампании (Нюрнбергский, Токийский и другие судебные процессы над нацистскими преступниками и японскими милитаристами).

По мере обострения с 1948 г. «холодной войны» и раскола победителей на два лагеря, образования двух германских государств – ФРГ и ГДР, вхождения их в два противостоящих военных блока – НАТО и ОВД – проблема «нацистского» золота стала сходиться на нет. Как следствие такой международной политической конъюнктуры замерла и работа Трехсторонней комиссии на долгие полвека, хотя юридически, как и вся Ялтинско-Потсдамская система международных соглашений, она продолжала существовать.

Главным техническим результатом деятельности Трехсторонней комиссии на первом этапе ее существования стала констатация того факта, что установить, какое золото «еврейское», а какое нет, даже путем экспертизы было невозможно: «швейцарские гномы» всегда были очень осмотрительны и не принимали золотые вещи жертв холокоста, так сказать, в натуральном виде. Поэтому вся «продукция» гитлеровских лагерей смерти – обручальные кольца, браслеты, серьги и т.п. – шла в Швейцарию только в переработанном виде, и доказать, что тот или иной

слиток «нацистского» золота – это золотые коронки уничтоженных евреев, уже тогда, в 1945-1947 гг. было практически невозможно.

Лишь отдельные «золотые посылки» нацистов весной 1945 г. когда им уже было не до переплавки золотых вещей жертв холокоста (например, два вагона колец, браслетов, коронок из Италии), были обнаружены агентами Управления стратегических служб США (будущее ЦРУ) при их перегрузке в подвалы Объединения швейцарских банков.

Второй период в истории с «нацистским» золотом наступает в 1995-1996 гг. когда ЦРУ в связи с 50-летием окончания Второй мировой войны рассекречивает значительную часть архивных материалов (главным образом донесений своих агентов в Швейцарии и других странах Европы периода войны о секретных финансовых операциях нацистов), а Госдепартамент США в преддверии президентской кампании Б. Клинтона и его переизбрания на второй срок придает этим рассекреченным материалам ЦРУ пропагандистское звучание (нужны голоса еврейской общины США). 4 октября 1996 г. Госдеп потребовал «полного и немедленного изучения» путей поступления «грязного нацистского золота в Швейцарию», угрожая в противном случае опубликовать списки швейцарских банков и их служащих, сотрудничавших в 1934-1945 гг. с нацистами.

Как и в первый раз, важную роль во «вдруг» вспыхнувшем снова интересе к «нацистскому» золоту сыграла международная конъюнктура. Именно с 1995 г. усилился процесс европейской интеграции, практически был поставлен вопрос о переходе на единую валюту стран – участниц Европейского союза (сначала ее

назвали экю, затем евро), а Швейцария, хотя и не является членом ЕС, самым тесным образом с ним связана. Евро явно угрожает монополии американского доллара в мире, и удар по «швейцарским гномам» – это удар по будущей стабильности евро, ибо швейцарские банки с их многолетним опытом международных финансовых операций и своими филиалами по всему миру (в том числе и в США) – готовая структура для евро. Об этом мне откровенно говорили в 1998 г. в Берне, Цюрихе и Женеве многие швейцарские банкиры, бизнесмены, дипломаты и журналисты.

Первоначально официальные швейцарские власти – канцелярия президента Швейцарской Конфедерации, МИД Швейцарии и министерство экономики – попытались было отбиться от этой пропагандистской кампании американцев под трафаретным предлогом угрозы вмешательства иностранцев во внутренние дела Гельветической Конфедерации (официальное название Швейцарии), заявив, что она сама разберется с «нацистским» золотом в своих банках. Действительно, в декабре 1996 г. швейцарский парламент создал «Независимую комиссию экспертов (Швейцария – Вторая мировая война)» во главе с историком, профессором Цюрихского университета Жаном-Франсуа Бержье. В комиссию кроме швейцарских были включены и иностранные ученые – историки и юристы из Польши, Германии, США и других стран (но представителей государств – бывших республик СССР там не оказалось).

Американцев, однако, такой поворот дела не устроил.

Дальнейшую историю борьбы стран Запада за получение «нацистского» золота из Швейцарии в

1995-1999 гг. рассмотрим по той же схеме, что и выше: методику пропагандистского давления через СМИ, мобилизацию общественных организаций, подключение правительств и, наконец, организацию антишвейцарских международных форумов.

СМИ и общественные организации. Едва в Швейцарии в 1995-1996 гг. выразили недовольствие давлением США, как на Альпийскую республику обрушились международные еврейские организации – Всемирный еврейский конгресс, Еврейское агентство, Центр Симона Визенталя в Вене и другие аналогичные объединения.

В США еврейская община срочно создала специальный фонд, он скопировал в архиве ЦРУ более 3 тыс. рассекреченных документов о «швейцарских гномах», на их основе были написаны заказные статьи и сделаны документальные телефильмы, и все это было выплеснуто в 1996-м в СМИ США и ЕС. При этом, как в случае с «царскими займами» во Франции и Бельгии, приводились фантастические цифры стоимости «нацистского» золота в Швейцарии – от 7 млрд. (близкая к реальности) до 30 млрд. долл.

Вслед за атакой в СМИ последовали резкие выступления лидеров еврейских организаций. Так, президент Всемирного еврейского конгресса американский миллионер Эдгар Бронфан пригрозил бойкотом Швейцарии в США, что могло бы оставить без работы 230 тыс. американцев, занятых в этих фирмах и филиалах.

Столь грубый нажим вызвал резкий протест в Швейцарии. Президент Швейцарской Конфедерации Арнольд Коллер назвал заявление Бронфана попыткой

«шантажа и вымогательства», а МИД Швейцарии направил в Госдепартамент США резкую ноту протеста.

Официальный Вашингтон вынужден был отмежеваться от деклараций Бронфана, заявив, что любые формы бойкота против швейцарских фирм в США неприемлемы для решения судьбы «нацистского» золота.

Но это была лишь дипломатическая уловка: Вашингтон поменял тактику.

Правительственное давление. На этот раз ставка была сделана на собственную американскую комиссию во главе с высокопоставленным чиновником госдепа Стюартом Айзенстатом, созданную в мае 1997 г. (к декабрю 1998 г. комиссия опубликовала целых два доклада – расследования о «нацистском» золоте в Швейцарии).

Одновременно американцы выделили 150 млн. долл. на оживление старой трехсторонней комиссии, благо во главе ее стоял Пол Уоркер, бывший директор Федеральной резервной системы США. П. Уоркер нанял целую армию аудиторов – 420 человек, но до конца 1998 г. они так и не завершили своей работы и не опубликовали ни одного доклада.

Под давлением США и международных еврейских организаций правительственные комиссии по «нацистскому» золоту стали создавать и другие правительства Запада. Так, в марте 1998 г. декретом президента Жака Ширака во Франции была создана аналогичная американской комиссия Жана Маттеоли, в тот период президента Фонда участников антифашистского Сопротивления. Любопытно, что два года спустя, в 1999 г. комиссия обнаружила такое «золото» в официальной резиденции самого президента

Франции – Елисейском дворце. Этим «золотом» оказались картины старых мастеров, конфискованные нацистами у французских евреев, вывезенные в Германию и возвращенные во Францию после 1945 г. как «военные трофеи» (вспомним «ленинский трофей» – золото Брест-Литовска в 1918 г.!).

Оказалось, что их владельцы погибли в нацистских лагерях смерти. Разумеется, Ширак немедленно распорядился снять эти картины со стен Елисейского дворца, где они провисели более 50 лет, и передать их безвозмездно потомкам жертв холокоста.

Международные конференции. Еще одним средством давления на Швейцарию стали международные конференции и симпозиумы по «нацистскому» золоту.

Одна из первых таких конференций с участием 26 экспертов из 17 стран (включая и делегацию Госдумы России) состоялась в мае 1997 г. в Женеве.

Вслед за женевской состоялось еще два крупных мероприятия – Всемирный конгресс по «нацистскому» золоту в Лондоне (декабрь 1997 г.) и аналогичный симпозиум в Вашингтоне (конец ноября – начало декабря 1998 г.).

Вопреки первоначальным замыслам организаторов свести все вопросы лишь к проблеме «жертв холокоста» (в прессе – «еврейскому» золоту) эти международные

встречи подняли целый комплекс других проблем, оставшихся нерешенными с послевоенных времен.

Например, на Лондонском конгрессе всплыл вопрос о так называемом «вашингтонском компромиссе» 1946 г. Оказывается, уже тогда три союзные державы – США, Англия и Франция (СССР, как уже отмечалось выше, в этом дележе не участвовал) – договорились и подписали в Вашингтоне со Швейцарией соответствующий секретный документ, по которому в обмен на размороженные в банках США швейцарские авуары на 6,3 млрд. швейц. фр. (они и были заморожены как кара за сотрудничество банков Альпийской республики с нацистами) Швейцария выплачивает «отступного» всего на 250 млн. швейц. фр. Но это «отступное» пошло не жертвам холокоста, а на послевоенное экономическое восстановление Европы.

Со своей стороны союзники выдавали «швейцарским гномам» индульгенцию: они отказывались «от всех требований к швейцарскому правительству или Швейцарскому национальному банку по золоту, приобретенному Швейцарией у Германии во время войны».

Более того, именно после этого «компромисса» и была создана Трехсторонняя комиссия из союзных участников этой сделки, на счета которой Швейцария обязана была перечислить эти 250 млн.

Но и это не все: именно этой комиссии, ныне так пекущейся о «еврейском» золоте, были переданы 337 т «нацистского» золота, захваченного союзниками (без СССР) на территории побежденной Германии. Как установлено экспертами Всемирного еврейского

конгресса, среди этих тонн оказалось не менее 50 т золота жертв холокоста.

Многие участники международных встреч 1997-1998 гг. задавали резонный вопрос: а почему тогда, в 1945-1946 гг. США, Англия и Франция так не пеклись об интересах 6 млн. погибших евреев?

Еще одной сенсацией таких конференций стали факты переправки «нацистского» золота не только в Швейцарию, но и в другие нейтральные в годы Второй мировой войны страны – Швецию, Испанию, Португалию, Турцию. Именно такую сенсацию содержал второй доклад правительственной американской комиссии Айзенштата, ставшего к тому времени заместителем госсекретаря США по экономическим вопросам. Почему, спрашивали с трибуны и в кулуарах Лондонского конгресса делегаты, ознакомившись с докладом, мы требуем «еврейское» золото с одной только Швейцарии?

И уже совсем запутались «поисковики» золота Третьего рейха, когда даже в странах – участницах Трехсторонней комиссии были обнаружены счета жертв холокоста. Так, еще в 1951 г. правительство Франции, оказывается, нашло т.н. «молчащие счета», т.е. счета, по которым не происходит никакого движения денег. Таких «молчаливых счетов» в «Банк де Франс» тогда было обнаружено 156, а в «Креди Лионнэ» – 476. На них хранились, как теперь оказалось, внушительные суммы жертв холокоста, но ни руководство этих двух крупнейших французских банков, ни само правительство с 1951 г. так и не предали эти авуары погибших в нацистских лагерях смерти французских евреев гласности, и они стали известны только в 1997 г.

Подобного рода разоблачительные факты поставили инициаторов финансового разгрома Швейцарии под прикрытием поисков золота жертв холокоста в сложное положение – ведь сказать, что они не участвовали в «вашингтонском компромиссе» после того, как многие газеты Европы и США опубликовали или изложили документ 1946 г. было уже невозможно.

Тогда с подачи США роль автора нового компромисса решил сыграть британский министр иностранных дел Робин Кук. Именно он на Лондонском конгрессе по «нацистскому» золоту в декабре 1997 г. предложил создать Международный фонд помощи жертвам холокоста и даже заявил, что лейбористское правительство Ее Величества выделяет в этот фонд один миллион фунтов стерлингов. Инициативу немедленно поддержала делегация США, передавая в фонд на ближайшие три года 25 млн. долл. Но остальные делегаты из 42 стран и без арифмометра подсчитали, что сумма эта мизерная, особенно учитывая набежавшие за 50 лет проценты от 337 т германского золота (из них – 50 т «еврейского»), которые США присвоили себе в 1946 г. и отказались участвовать в этой «благотворительной» акции.

Но основной удар по предложениям Кука нанесли делегаты двух главных контрагентов в компенсации жертв холокоста – Израиль и Швейцария.

Израильская делегация на Лондонском конгрессе заявила, что только ее государство может распределять деньги для жертв холокоста (и тут назвала сумму компенсации – 20 млрд. долл.), и поэтому никакие «международные фонды» она поддерживать не будет и денег в них не даст.

Отказалась участвовать в «фонде Кука» (так его назвала британская пресса) и Швейцария, мотивируя свой отказ следующими аргументами:

– еще в октябре 1996 г. парламент Швейцарской Конфедерации принял специальный закон о «прозрачности банковских счетов», на основании которого впервые в истории страны правительство начало тотальную проверку всех без исключения счетов всех швейцарских банков и их филиалов за границей;

– уже летом 1997 г. Швейцария создала собственный национальный Фонд помощи бывшим жертвам холокоста, в число учредителей которого вошли все швейцарские банки (уставный капитал – около 200 млн. долл. к 2000 г. планировалось собрать более 5 млрд. долл.);

– на 1 июля 1997 г. получены и проверены списки на один миллион еще живых узников нацистских лагерей со всего мира, а в ноябре 60 тыс. из них была выплачена первая небольшая компенсация.

Одновременно швейцарская делегация на конгрессе объявила, что заверенные списки жертв холокоста от государств, ассоциаций и частных лиц следует высылать в штаб-квартиру фонда в столице Швейцарской Конфедерации г. Берн до 1 января 2000 г.

В июне 1998 г. сию в вагоне скоростного поезда Париж-Лозанна, еду в Берн по приглашению старого

друга, бывшего ректора МГИМО, а тогда российского посла в Швейцарии Андрея Ивановича Степанова. Еду, чтобы ознакомиться с только что вышедшим объемистым докладом Комиссии Бержье «Швейцария и Вторая мировая война» (май 1993, Берн), а также переговорить с авторами этого доклада, встречу с которыми заранее подготовило посольство России в Швейцарии.

Надо сказать, что моя поездка по «нацистскому» золоту планировалась еще в 1996 г. в год моего второго приезда в Париж для чтения лекций в Сорбонне. Но два года подряд что-то мешало осуществить задуманное: то у посла Степанова напряженный график работы не совпадал с моими сроками приезда, то у меня возникали во Франции какие-то срочные дела (например, поездка на Лазурный берег на открытие бюста Александры Федоровны, вдовы Николая I, на набережной ее же имени в городке Вильфранш в 1996 г.).

Не теряя времени, я покупал в Париже все сколько-нибудь серьезные зарубежные исследования о «нацистском» золоте в Швейцарии: англичанина Артура Смита «Золото Гитлера», американца русского происхождения Сиднея Заблудова «Движение нацистского золота», немца Гиана Треппа «Банк для врага» – о швейцарском Банке международных расчетов, швейцарца Жана Зиглера о «нацистском» золоте и смерти и др.

Попутно знакомился в библиотеках Сорбонны со статьями в исторических журналах о советско-нацистском финансово-экономическом секретном сотрудничестве в рамках пакта Риббентропа-Молотова в августе 1939 – июне 1941 гг.

Поэтому встречи и разговоры в отделе экономического советника посольства РФ в Берне, с экспертами Комиссии проф. Бержье, а также в Федеральном архиве Швейцарии с его директором проф. Кристофом Графом (именно он вручил мне только что вышедший доклад комиссии) носили конкретный характер.

При этом мои швейцарские собеседники мягко сетовали, что Москва с трудом раскрывает свои архивы по «нацистскому» золоту (впрочем, как и США, которые в 1995 г. рассекретили архивы ЦРУ весьма выборочно), что, однако, не помешало авторам доклада выразить в его предисловии благодарность директорам Росархива В.П. Козлову и бывшего Особого архива трофейных документов В.Н. Кузеленкову.

Я, со своей стороны, посетовал на то, что в зарубежной историографии о «нацистском» золоте нет ни одной ссылки на работы российских авторов (как, впрочем, ни одной статьи на русском языке в библиографическом приложении к объемистому докладу комиссии), и по возвращении домой выслал проф. Графу из Москвы небольшую подборку ксерокопий статей из российских периодических изданий за 1997-1998 гг.

Хотелось бы остановиться на двух важных открытиях независимых экспертов Комиссии Бержье.

Первое. Из того «нацистского» золота, что после «вашингтонского компромисса» 1946 г. осталось в Швейцарии (330 т), далеко не все оказалось «еврейским», как утверждали представители Всемирного еврейского конгресса на Лондонской конференции в декабре 1997 г. требуя зачесть эти 330 т в уплату 20 млрд. долл. компенсации жертвам холокоста.

Фактически, как утверждается в докладе комиссии, «чисто еврейское» образует на сегодняшний день всего 120 т. А остальное – т.н. государственное золото, захваченное, как правило, на территории оккупированных нацистами стран.

Второе. Среди этого государственного золота Комиссия проф. Бержье обнаружила подлинные документы о переводе из нацистского Рейхсбанка в Швейцарский национальный банк в феврале и июле 1940 г. 10,5 т т.н. «сталинского» золота, осуществленном в развитие пакта Риббентропа-Молотова" своем отклике на мою статью «Золото и дипломаты» (Международная жизнь. – 1999. – № 1) читатель И. Королев (Москва), также ознакомившийся с докладом Комиссии Бержье, считает, что я даже занижил вес «сталинского» золота, попавшего в феврале – июле 1940 г. в различные швейцарские банки: на самом деле речь идет о 22,7 т (Международная жизнь. – 1999. – № 4).

Срок подачи заявок и на это государственное золото также истекал 1 января 2000 г. Государства, пострадавшие от нацистского грабежа, – Польша, Голландия, Бельгия, Люксембург, Чехия, Сербия (Югославия), Греция, Албания, Италия, – давным-давно, еще летом 1997 г. подали такие заявки. Нет среди них только заявок России, Украины и Белоруссии. Или они не потеряли более двух миллионов евреев из тех шести, что официально относятся к жертвам холокоста? Или России не нужны эти 10,5 т «сталинского» золота, которые Трехсторонняя комиссия предлагала отдать СССР еще в 1946 г. если будет оформлена соответствующая заявка? Сталин этого делать почему-то не стал. Но Б.Н. Ельцин как будто бы не Сталин. Так в чем же дело?

В чем дело – мы расскажем ниже, в главе 7. Пока же констатируем факт – ни на «еврейское», ни на «сталинское» золото российские официальные власти претензий до сих пор не заявляли, хотя для уплаты одних только процентов по внешнему долгу МВФ «сталинское» золото не было бы лишним.

Зато претензии на «нацистское» золото, как только началась шумиха в западной печати вокруг плохих «швейцарских гномов», сразу заявили общественные организации узников фашизма на Украине, в Белоруссии и России. По их подсчетам, на территории бывшего СССР (СНГ и страны Балтии) к октябрю 1997 г. еще проживало около одного миллиона жертв фашизма, из которых подавляющее большинство составляют угнанные на принудительную работу в гитлеровскую Германию и оккупированные ею страны – 780 тыс. человек.

Собственно узников концлагерей и гестаповских тюрем в живых тогда оставалось не более 95 тыс. а переживших нацистские еврейские гетто и того меньше – менее 30 тыс.

Однако наибольшую активность в вопросах компенсации от Германии и Швейцарии проявляют не «взрослые» общественные организации узников-стариков, а довольно странные объединения «малолетних узников фашизма» Международное движение бывших малолетних узников фашизма (президент В.В. Литвиненко), Международный союз

бывших малолетних узников фашизма, Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма, Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашизма, Украинский союз бывших малолетних узников фашизма.

В свое время «четверка» (ФРГ, Россия, Белоруссия, Украина в 1993 г.) определила общую сумму компенсации всем узникам нацизма в немецких марках – один миллиард. Но в полученных нашим Экспертным советом в 1997 г. документах всех этих «взрослых» и «детских» движений, союзов или ассоциаций четко была прописана другая цифра – 6 млрд. марок компенсации с Германии. Причем в обращении президентов всех восьми «взрослых» и «детских» организаций узников, адресованном в Правительство РФ 14 ноября 1997 г. накануне Лондонского всемирного конгресса по «нацистскому» золоту 2-4 декабря 1997 г. 70% этого золота следует отдать почему-то только этим ассоциациям узников.

Правительственной поддержки в России и Белоруссии «малолетние узники» так и не получили, но на конгресс в Лондон, в отличие от членов нашего Экспертного совета, поехали и там «озвучили» все свои претензии. Британская пресса, правда, с большим сарказмом описывала личности этих «малолетних узников», справедливо полагая, что повторение истории с лжецарицей Анастасией или похождениям «детей лейтенанта Шмидта» от атамана Семенова в Японии в 20-х годах может лишь дискредитировать благородную идею материальной компенсации действительным узникам фашизма.

История появления «малолетних узников» из России на конгрессе тем более скандальна, что МИД РФ все же направил на лондонскую встречу своего официального наблюдателя – одного из полномочных послов по особым поручениям.

Посол разговаривал со мной накануне отъезда по телефону, интересовался: а о чем, собственно, пойдет там речь? Оно и понятно: послы по особым поручениям – люди «на подхвате»: сегодня им поручают борьбу за «нацистское» золото, завтра – выступления против коровьего бешенства, послезавтра – переговоры по Косово.

Мне же в командировке в Лондон один из замминистров МИДа отказал – нет денег. И пришлось полгода спустя ехать за докладом Комиссии Бержье из Парижа в Берн за свой счет.

В отличие от России и Белоруссии украинские «малолетние узники» после Лондонской конференции развили в Киеве бурную деятельность. В мае 1998 г. читаю в «Известиях»: им удалось создать межведомственную комиссию во главе с тогдашним вице-премьером академиком Валерием Смолием по определению украинской доли в «нацистском» золоте. Можно не сомневаться, что доля эта будет значительной, раз уж «малолетние» узники, опираясь на свое участие в Лондонском конгрессе, увеличили в своих интервью СМИ общую стоимость «нацистского» золота с 7 до 30 млрд. долл. США!

Эта «доля» вообще возрастет до небес, если Украина, по словам этих «узников», поставит под сомнение «еврейский» характер этого золота, ибо «возвращение золота лишь евреям оскорбляет чувства

других жертв нацистских преследований». Правда, такие заявления, как пишет киевская корреспондентка «Известий», вызывают у официальных лиц тревогу: «вице-премьер В. Смолий не уверен, что дележ золота не спровоцирует волну антисемитизма на Украине».

И, пожалуй, правы авторы статей в британской прессе: появление «охотников» за компенсацией из «нацистского золота», неважно, жертв холокоста или «малолетних узников» из СНГ, отталкивающих друг друга локтями, может лишь дискредитировать гуманную идею материальной компенсации жертвам фашистского геноцида.

Я пытался объяснить это еще в 1997 г. в телефонном разговоре с В.В. Литвиненко, тогда – лидером Международного движения бывших малолетних узников фашизма в Киеве, но безуспешно. Вместо продуктивного контакта с нашим экспертным советом или московским обществом «Мемориал» на меня был организован донос в ректорат Дипломатической академии. В результате со мной была проведена «разъяснительная беседа» и ректорат попытался было запретить мне читать спецкурс по «нацистскому золоту». Разумеется, из этой старой «парткомовской» практики ничего не вышло: я продолжал читать и спецкурс, и на ту же тему выступать по ТВ и в газетах, ибо такая «самодеятельность» лишь на руку разного рода проходимцам, пытающимся нагреть руки на несчастье действительных узников фашизма, неважно, взрослые они или малолетние.

Но отрицательный эффект от деятельности такого рода самозванных «президентов» фондов или ассоциаций узников фашизма несомненен.

Ведь в Германии или Швейцарии внимательно следят за всей этой полемикой в СНГ о материальной компенсации «малолетним узникам» фашизма, увязывая ее с проблемой «перемещенных культурных ценностей» и нарочито задвигая проблему узников «взрослых» в тень.

А вот и первый крупный отрицательный результат грызни вождей «узников» в СНГ: в июне 2003 г. Берлинский суд отказал в иске двум пленным солдатам Красной армии из Армении, попавшим в нацистские концлагеря, на том основании, что они, оказывается, в 1941 г. не обладали «правами человека» – СССР до начала войны не подписал ни одного Женевского протокола о правилах ведения войны и правах военнопленных.

И хотя с формально-юридической стороны это действительно обстояло именно так (ведь до 1934 г. СССР не входил в Лигу Наций и в 20-х – начале 30-х гг. никаких ее протоколов не подписывал), в 1949 г. Сталин тем не менее согласился примкнуть к «Женевским конвенциям» («законам и обычаям войны»), в частности, к конвенции № 3 «Об обращении с военнопленными» (в 1977 г. СССР еще раз подписал эти «Женевские конвенции»).

Тем самым Берлинский суд поставил под сомнение материальные права 6 млн. советских красноармейцев (и их родственников), попавших в плен в 1941-1942 гг. из которых половина погибла в нацистских лагерях. Ясно, что претензии этих людей, число которых неумолимо сокращается, несопоставимы по своим моральным основаниям с претензиями лидеров ассоциаций

«малолетних узников», хотя и они достойны своей компенсации.

Главное же – в СНГ до сих пор нет единого координирующего центра по материальным претензиям к Германии и ее бывшим сателлитам периода нацистского господства, бывшие узники раздроблены по «национальным квартирам», борются между собой (например, «самостийники» с евреями на Украине), а в результате бесспорные узники – военнопленные бывшего СССР – умирают один за другим, так и не дождавшись справедливой материальной компенсации.

Реституция (от лат. *restitutio* – восстановление) в современном международном праве термин «реституция» означает возвращение одним государством другому имущества (трофеев), захваченного во время войны – этот ранее малознакомый подавляющему большинству читателей и телезрителей термин ныне не сходит со страниц газет и телеэкранов. По существу, речь идет о пересмотре «оккупационного права» антифашистских победителей во Второй мировой войне, что, впрочем, происходило уже не раз в мировой истории: после наполеоновских войн на Венском конгрессе в 1814-1815 гг. на Версальско-Вашингтонских конференциях в 1919-1922 гг. по итогам Первой мировой войны и особенно на заседаниях Комитета интеллектуального сотрудничества («Лига умов») в рамках Лиги Наций в 1922-1939 гг. «Лига умов», в которую вошли

выдающиеся научные (Альберт Эйнштейн, Мария Склодовская-Кюри, Зигмунд Фрейд и др.) и гуманитарные (Рабиндранат Тагор, Ромен Роллан, Дж. Голсуорси, Томас Манн и др.) умы, дала жизнь нынешней ЮНЕСКО.

Именно в «Лиге умов» начались первые дискуссии о «перемещенных культурных ценностях», продолжающиеся и поныне.

Дело в том, что, как минимум, со времен древней Римской империи существовала церемония триумфа: перед возвращавшимися с победой легионами гнали пленных рабов, которые несли на себе трофеи – награбленное золото, оружие, драгоценности и т. д. Древние римляне положили начало процессу «перемещения культурных ценностей» – целыми кораблями вывозили из Карфагена и Греции скульптуры, картины и даже детали знаменитых античных храмов.

Однако идеологическую окраску этому военному грабежу придали деятели Великой французской революции конца XVIII в. Отталкиваясь от идей Просвещения, они в мае 1791 г. создали в бывшем королевском дворце Лувре Национальный музей Франции. Сначала в него поместили для всеобщего обозрения произведения искусства из конфискованных частных коллекций королевской семьи, вельмож, католических монастырей. Затем революционный Конвент в июне 1794 г. расширил собрания за счет «трофеев» – художественных произведений, захваченных на оккупированных французской революционной армией европейских территориях. Для этого к армиям прикомандировывались специалисты-искусствоведы, отбиравшие в замках и музеях наиболее ценные «трофеи».

Наполеон Бонапарт значительно расширил эту практику, создав при своих армиях в Италии и Египте целые команды «искусствоведов в штатском». Командовал ими Доменик Денон, ставший с 1804 г. генеральным инспектором музеев Франции.

Денон был с Бонапартом в Италии и Египте, заслужив славу мирового искусствоведа – именно им была положена основа коллекции «трофейного искусства» в Лувре. В 1807 г. в период кратковременного франко-русского тильзитского союза, его пригласил в Петербург царь Александр I в качестве иностранного консультанта для научного размещения коллекции Эрмитажа.

После падения империи Наполеона в 1814 г. именно Денон, организовав экскурсию царя по Лувру, сумел убедить Александра I не «тербанить» уникальную коллекцию Лувра, ставшего культурным центром Европы.

Впрочем, после Ватерлоо и второго отречения Наполеона царь уже не смог противиться давлению Папы римского, Австрии и Пруссии и дал санкцию на вывоз (реституцию) части произведений из Лувра и других музеев Парижа (скандально известный в связи со своими публикациями на Западе о «золоте Трои» Григорий Козлов, бывший чиновник Минкульта РФ, полагает, что эта первая реституция охватила едва ли не 5233 предмета, преимущественно античного искусства). Денон не перенес такого, по его мнению, кощунства, демонстративно (уже при Бурбонах) ушел в отставку с поста генерального инспектора музеев Франции, тяжело заболел и вскоре умер.

Личную трагедию Денона понять можно – ведь он с 1804 г. пестовал коллекцию Лувра, к тому времени

переименованного в «Музей Наполеона», как свое любимое дитя. Для Наполеона же музей его имени стал идеологическим символом Первой империи, важным фактором режима бонапартизма и новой династии Бонапартов во Франции.

Характерно, что спустя 120 лет тем же путем пойдет Гитлер: в ничем не приметном, но родном для него австрийском городке Линц он приказал создать европейский «Музей Фюрера», который призван был стать художественным выражением «арийского духа». И у Гитлера был свой «Денон» – доктор искусствоведения и директор Дрезденской картинной галереи Ганс Поссе. Именно ему было поручено отобрать «трофеи», в том числе – и из музеев СССР на оккупированных территориях. И в Линц пошли эшелоны русских «перемещенных культурных ценностей», особенно из окрестностей осажденного Ленинграда.

Самое же поразительное – «свой музей» пытался было создать и Сталин. Сама эта идея оформилась еще до войны (в 1937 г. придворный сталинский художник Гавриил Горелов написал даже картину «Сталин и другие члены Политбюро осматривают макет Дворца Советов»).

Предполагалось, что экспозиция «Музея Сталина» разместится именно в этом гигантском здании, как только дворец будет, наконец, построен. Идея стала приобретать практические очертания уже в ходе Великой Отечественной войны, когда именно для «Музея Сталина» с октября 1943 г. Бюро экспертов-искусствоведов при Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистов на территории СССР во главе с акад. И.Э. Грабарем (советским «Деноном» и «Поссе») начало

формировать «поисковые бригады» и составлять списки будущих «трофеев» (1745 «предметов» из Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Румынии на 70,5 млн. долл. в ценах 1931 г.).

В марте 1944 г. В.М. Молотову был представлен детальный план экспозиции «предметов» отечественного и «трофейного» искусства для размещения в московском «Музее мирового искусства» (фактически – «Музее Сталина»), который он одобрил. По этому плану все остальные музеи Москвы (кроме «Третьяковки») закрывались, а их экспозиции перемещались в здание Дворца Советов (который надо было еще построить, поскольку в 1944 г. существовал только нулевой цикл).

С 1945 г. в новый «Музей мирового искусства» начали поступать «трофеи» из Германии, в частности, Дрезденская картинная галерея. Временно она была размещена рядом со «стройкой коммунизма» – Дворцом Советов – в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 1946 г. была даже подготовлена мини-экспозиция этого «музея Сталина» в том же самом музее Пушкина из отечественных и «трофейных» художественных произведений, назначен день открытия вернисажа и даже отпечатаны пригласительные билеты, но буквально за день до торжества из ЦК ВКП(б) раздался звонок – мероприятие отложить.

Тем не менее в конце 1946 г. экспозицию открыли, но только для очень узкого круга лиц из Кремля, которым по специальному разрешению позволялось взглянуть на «трофеи». Но вскоре и эту «алмазную комнату» закрыли, все «трофеи» засекретили, а в 1949 г. закрыли и сам музей Пушкина – вместо него в том же здании открыли

«Музей подарков товарищу Сталину» в связи с его 70-летием.

Так что из всех «музеев вождей» до наших дней дожил только «Музей Наполеона» – Лувр; музеи же Гитлера и Сталина канули в Лету.

В контексте современных дискуссий о реституции речь идет о так называемых «перемещенных художественных ценностях», проще говоря, о военных трофеях Советской армии, захваченных в 1945-1947 гг. в Берлине и на территории Восточной Германии (будущей ГДР). Причем в число «трофеев» попали не только шедевры живописи, рисунка или скульптуры из нацистских учреждений или музеев, но и такое общегерманское достояние, как «Дрезденская галерея», «Готская библиотека» и др. а также донацистские муниципальные («золото Трои» Шлимана) или частные (подлинники полотен Поля Сезанна и других французских импрессионистов из коллекции немецкого магната Отто Кребса) собрания.

Отдельную категорию претензий по этим реституциям являют художественные произведения, награбленные нацистами в оккупированных странах – во Франции, Голландии, Польше, Венгрии (15 марта 1944 г. германские войска оккупировали территорию своей венгерской союзницы и хорошо пограбили замки древних мадьярских аристократических родов). Все это также было вывезено либо в СССР, либо (из западной зоны оккупации) в США, Великобританию и Францию.

По данным хранителя «золота Трои» в Музее им. Пушкина Владимира Толстикова, всего в 1945-1948 гг. из Берлина и Восточной Германии было вывезено в СССР 1 млн. 700 тыс. наименований художественных

произведений (в литературе фигурирует и другая цифра – 2,5 млн.).

Следует подчеркнуть – вывезено официально, на основе Ялтинских решений трех «великих» (Сталин, Рузвельт, Черчилль), закона № 52 от 3 апреля 1945 г. Союзного командования и закона № 2 от 10 октября 1945 г. Союзного контрольного совета в Берлине.

Союзники согласились, что эти «перемещаемые художественные ценности» – плата (индомнизация) за награбленные или уничтоженные в СССР в 1941-1944 гг. художественные ценности, стоимость которых, согласно составленному советскими экспертами сразу после войны «Сводному списку наиболее ценных художественных экспонатов, погибших, вывезенных из музеев и разграбленных оккупантами», равнялась в 1946 г. 140 млрд. зол. «царских рублей», из них 23,9 млрд. зол. руб. (или 230 млрд. долл. в современных ценах) – только то, что целым и невредимым было вывезено нацистами из СССР в Германию.

Что из этого длинного сводного каталога уцелело после жесточайших англо-американских бомбардировок Германии в 1944-1945 гг. что «уплыло» за океан в частные коллекции любителей искусства в США (а некоторые зарубежные эксперты считают, что в 1944-1948 гг. в США «уплыло» 3/4 всего награбленного нацистами Предусмотрительные американцы еще в 1955 г. заключили с ФРГ договор о сроке давности поисков и возвращения «пропавших» художественных ценностей и теперь прикрываются им как щитом), что через «черный рынок» ушло на Восток (Япония, Тайвань, Южная Корея) – все это выясняют с 1992 г. члены Государственной комиссии РФ по реституции и ее эксперты.

Сама же проблема «реституции» (возврата «военных трофеев» Советской армии) возникла только в 1990-1992 гг. когда СССР и ФРГ, а затем ФРГ и Российская Федерация подписали сначала Договор о партнерстве (1990 г.), а затем Соглашение о культурном сотрудничестве (1992 г.), в которых содержались статьи (соответственно 16-я и 15-я) о «незаконно вывезенном культурном достоянии».

Вот вокруг этих двух статей и разгорелся весь сыр-бор.

Все началось с «золота Трои», с 1945 г. под грифом «совершенно секретно» хранившегося в запасниках Музея им. Пушкина в Москве (260 «предметов» из золота; изделия из бронзы коллекции Шлимана в том же 1945 г. были отправлены в ленинградский Эрмитаж).

В 1956 г. по решению Политбюро первая крупная трофейная коллекция – «Дрезденская картинная галерея» после ее публичной экспозиции в Музее им. Пушкина была безвозмездно передана «братской ГДР». С тех пор по разным политическим поводам Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев почти за 40 лет вернули безвозмездно из 1 млн. 700 тыс. «трофеев» почти 2/3 – 1 млн. 200 тыс. включая и большую часть «Готской библиотеки». Но остальные 500 тыс. «трофеев», судя по уникальной информации Владимира Толстикова, опубликованной 25 января 1996 г. в «Московском комсомольце», с середины 50-х годов настолько засекретили, что, например, к «золоту Трои» не имел доступа даже директор музея. Секрет сохранялся 36 лет.

Лишь в 1992 г. завеса секретности была приоткрыта. То ли немцы, подписав в 1992 г. с «демократической Россией» Соглашение о культурном

сотрудничестве (статья 15-я его говорит о «незаконно вывезенном культурном достоянии»), решили испытать «друга Бориса» на предмет возврата «трофеев», то ли сами российские демократы в благородном раже разоблачения «коммунистического прошлого» решили раздеться перед Западом догола (а заодно и подзаработать валюту на разоблачительных статьях), но в том же 1992 г. в немецкой прессе и других западноевропейских изданиях появилась серия сенсационных статей Г. Козлова и его соавтора Акинши о «золоте Трои» и других «секретных трофеях». С тех времен Г. Козлов заметно смягчил свою непримиримую позицию к «агентам КГБ» в российских музеях. Так, на очередной международной конференции о культурном сотрудничестве в Европе в мае 2003 г. в Царском Селе под Петербургом, в отличие от прежних времен, он промолчал и не поддержал агрессивно настроенных германских чиновников от культуры, хотя ныне Козлов проживает в Кельне. С тех пор дебаты о «перемещенных художественных ценностях» не утихают ни за рубежом, ни в России. Как это часто случается сегодня, проблема из чисто художественной быстро превратилась в откровенно политическую. Одни кричат: «Наши отцы за это кровь проливали, а мы должны это отдавать?» (Александр Севостьянов, «Правда», 1995 г.) Другие кипятятся: «Мы совершаем по отношению к своим солдатам настоящее преступление: мы как бы объявляем их продолжателями дела нацистов, а себя – правопреемниками гитлеровской Германии» (Алексей Расторгуев, «Литературная газета», 1991 г.).

Масла в огонь с «золотом Трои» подлил неуклюжий демарш советников Президента РФ, озвученный Б.Н. Ельциным во время визита в Грецию: дескать, Россия

сначала покажет «золото Трои» в Афинах, а затем уж у себя, в Москве апреле 1996 г. выставка «Золото Трои» действительно открылась в Музее им. Пушкина в Москве, но в Афины ее предварительно не повезли. В июне 1998 г. в Швейцарии один из менеджеров крупного банка ознакомил меня с проектом демонстрации «золота Трои» сначала в Альпийской республике, а затем и в странах ЕС, гарантируя правовую защиту от попыток «реституции» (т.е. от ареста «трофейного золота» полицией ФРГ). Тут уж всполошилась Турция – Шлиман нашел «золото Трои» на ее территории и тайно вывез (а попросту – украл) в Германию. Тогда возмутились в Бонне: как так, кто позволил Анкаре обзывать нас ворами? Словом, началась такая международная склока, что впору петь частушку, как «вор у вора дубинку украл».

В 1995 г. в России вопрос о реституции «военных трофеев» поднялся до законодательного уровня. Совет Федерации старого состава подготовил к маю 1995 г. жесткий вариант закона «О праве собственности на культурные ценности, перемещенные в результате Второй мировой войны». Бывший министр культуры Евгений Сидоров оценил этот законопроект в духе русской поговорки: «что с возу упало, то пропало».

V Госдума, наоборот, представила «мягкий» вариант, в частности возможность реституции (возврата) «военных трофеев» «третьим странам». Хотя ни тот ни другой законопроект до конца срока legislatur и Совета Федерации, и V Госдумы так и не были приняты, некоторые идеи «думского» варианта нашли свое практическое воплощение. В сентябре 1996 г. министр иностранных дел Е.М. Примаков передал князю Лихтенштейна «трофейный» семейный архив, а в обмен

получил архив колчаковского следователя Соколова об убийстве царской семьи на Урале, купленный князем на аукционе «Сотби».

В 1996 г. расстановка сил в обеих палатах изменилась – VI Госдума стала коммуно-патриотической, жесткой, а новый «губернаторский» Совет Федерации заметно «помягчел». В итоге 5 июля 1996 г. Дума приняла фактически вариант предыдущего состава Совета Федерации («ничего не отдадим!»), но губернаторы закон отклонили.

В конце концов через обе палаты в 1997 г. прошел мягкий «думский» вариант 1995 г. но президент Б.Н. Ельцин его заблокировал – наложил «вето» по конъюнктурным политическим соображениям (законом был недоволен «друг Гельмут», бывший канцлер ФРГ Коль).

И вопрос о реституции снова «завис», хотя в конце концов Дума приняла «соломоново решение»: «трофеи» из Германии и ее сателлитов не отдадим, а из «третьих стран» – посмотрим...

Словом, история с российским законопроектом о реституции очень сильно напоминала мучения с нашим законопроектом «О собственности РФ, находящейся за рубежом». Хотя между «золотом Трои» и, скажем, «золотом Семенова» в юридическом смысле принципиальной разницы нет: в первом случае это «советский военный трофей», во втором – «трофей японский».

В обоих случаях «трофейная проблема» осложняется проблемой политической. Для российских патриотов выдача «золота Трои» – все равно что «сдача» Берлина Гитлеру в мае 1945 г. Для японских

патриотов обсуждение вопроса о «романовском золоте» невозможно до «сдачи» Японии «северных территорий» (четырёх Южно-Курильских островов).

Как справедливо писала влиятельная гамбургская газета, «немецкие трофейные ценности становятся инструментом во внутрироссийской фракционной борьбе. Националисты называют трофеи „последним залогом победы после вывода российских войск из Германии“. Если их вернуть, получится, что Германия вроде бы никогда не проигрывала войну. Даже российские представители на переговорах уже не знают, кто же уполномочен решать вопрос о возвращении. Президент? Парламент?» («Ди Цайт», 1995 г.).

Справедливости ради следует сказать, что проблема реституции «перемещённых художественных ценностей» все же во много раз сложнее проблем зарубежного золота и недвижимости. В подавляющем большинстве случаев 90% русского золота перемещалось за границу в 1914-1919 гг. на основе юридических межгосударственных соглашений с Великобританией, Германией, Швецией или по межбанковским договорам (Владивостокское отделение Госбанка России – «Йокогама спешу банк» и «Чосен банк»).

С реституцией все гораздо сложнее. Нет международного акта хотя бы под эгидой ЮНЕСКО о принципах реституции, хотя ЮНЕСКО и приняла ряд важных конвенций такого рода, например, о предотвращении незаконного импорта, экспорта и перемещении культурной собственности (1970 г.) или о запрещении незаконного или нелегального перемещения объектов культуры – т.н. UNIDROIT (1995 г.).

Некоторыми юристами в СНГ и за рубежом с 1995 г. усиленно муссируется идея создания Международного арбитражного суда по реституции под эгидой ЮНЕСКО, хотя прообраз такого органа в Париже уже давно существует. Это – Межправительственный комитет при ЮНЕСКО по облегчению возврата культурных ценностей в страны их происхождения или их прямой передачи в случае их незаконного приобретения.

Проблема реституции, однако, хронологически гораздо глубже перемещенных культурных ценностей времен Второй мировой войны – вспомним хотя бы «Музей Наполеона» в Лувре. Поэтому споры о реституции между отдельными государствами не утихают.

Вот уже более 150 лет Греция требует вернуть архитектурные детали Парфенона из Великобритании. После Первой мировой войны поляки спорили с Германией и Советской Россией и часть своих ценностей вернули, мы писали об этом выше.

С 2000 г. например, вдруг всплыла забытая было проблема перемещенных художественных ценностей в Швеции как эхо Первой мировой и Гражданской в России войн.

15 мая 1914 г. в южном шведском городе Мальме открылась «Балтийская выставка» четырех стран – Швеции, Дании, Германии и России. На выставку на частной основе были отправлены свыше 90 картин и 14 скульптур. Среди выставленных в Мальме в 1914 г. картин находились такие шедевры, как:

– Валентин Серов – 39 картин, эскизов и рисунков; среди них – знаменитая «Похищение Европы», «Портрет

министра финансов С.Ю. Витте» (1904 г.), «Портрет Е.Л. Нобиля»;

– Василий Кандинский – пять картин в абстракционистском стиле;

– Кузьма Петров-Водкин – семь картин, включая «Купание красного коня»;

– Николай Рерих – 28 картин, а также скульптуры Голубкиной, Коненкова и Стеллецкого.

Но через два с половиной месяца, 1 августа 1914 г. вспыхнула мировая война, Германия и Россия оказались в двух разных воюющих лагерях, и «Балтийская выставка», работа которой намечалась до сентября 1914 г. фактически закрылась. Что стало с художественными ценностями Германии и Дании, осталось неясным, а вот русская картинно-скульптурная выставочная галерея надолго застряла в Швеции.

Нельзя сказать, что в Советской России не озаботились уже тогда, в 20-х годах, судьбой этой коллекции шедевров ценою в несколько десятков миллионов долларов. Первые переговоры через Норвегию еще в 1922-1926 гг. начала первая советская женщина-дипломат Александра Коллонтай, последовательно советник торгпредства, затем торгпред и одновременно полпред СССР в Осло. Однако оставшиеся в Швеции художественные ценности из России интересовали Коллонтай в последнюю очередь – на первое место стало «царское» оружие (винтовки, патроны, снаряды, броневики, аэропланы и т.п.), застрявшее в Швеции как посреднице между Антантой и царским правительством, да еще «золотой транш» А.Ф. Керенского на 4 млн. 850 тыс. зол. руб. отправленный в

шведский Риксбанк за две недели до октябрьского переворота большевиков на закупки оружия.

Шведские власти заняли на этих сверхсекретных переговорах в Норвегии жесткую позицию: оружие и золото они не отдали. Что касается культурных предметов русских художников и скульпторов с «Балтийской выставки», то шведы заявили советскому полпреду: выставка эта частная, Россия как государство в ней не участвовала (ссылка на пример частного балетного антрепренера Сергея Дягилева с «Русскими сезонами» в 1909 г. в Париже), а спонсорами «русского павилиона» в Мальме (транспортировка, страхование и т. д.) выступали частные русские меценаты, из частных собраний картин которых (фабриканта Михаила Рябушинского, сахарозаводчика Михаила Терещенко, московского галерейщика В. Цеккато и др.) и была сформирована в основном русская коллекция в Швеции.

Да и самим контрагентом «русского павилиона», утверждали шведы, выступила не «казенная» императорская Академия художеств, а частный, созданный в 1903 г. Союз русских художников, архитекторов и скульпторов, печатным органом которого стал журнал «Мир искусства».

Действительно, инициаторами сбора картин в «русский павилион» выступили два искусствоведа – шведский доктор Оскар Бьорк и русский реставратор Игорь Грабарь, будущий советский академик, в тот период – директор муниципальной московской Третьяковской галереи. Именно они вдвоем персонально отбирали картины на «Балтийскую выставку» и вели переговоры с художниками и скульпторами в Москве и Петербурге.

И именно они в 1923 г. оба появились в Мальме. Обстоятельства миссии Грабаря в 1923 г. в Швецию до сих пор до конца остались неясны, хотя сам академик в своих мемуарах позднее оставил свою версию этой миссии. Известно, что Грабарь вооружил руководство музея в Мальме адресами и телефонами русских художников – участников «Балтийской выставки», а также предложил показать часть картин на экспозиции «Русское искусство» в Нью-Йорке весной 1924 г.

Более того, Грабарь лично составил в Мальме список картин для нью-йоркской выставки, а позднее, уже из Москвы, консультировал аукционеров, которые почему-то после закрытия выставки в Нью-Йорке начали распродавать картины без письменного согласия самих художников или их родственников (так, по рекомендации Грабаря из Москвы в Нью-Йорке был продан за 4 тыс. зол. шведских крон эскиз Валентина Серова «В Финляндии»).

Сколько всего незаконно было продано картин в Нью-Йорке из «русского павильона» в музее Мальме, пока неясно. Но, судя по материалам, присланным из посольства России в Стокгольме в Департамент по сохранению культурных ценностей в октябре 2002 г. много – почти половина из 90 выставленных в 1914 г. картин.

Я сравнил печатный каталог картин «русского павильона», отпечатанный в мае 1914 г. со «Списком картин русских художников с Балтийской выставки 1914 г. находящихся в настоящее время (октябрь 2002 г. – Авт.) в художественном музее в г. Мальме», присланным посольством РФ в Стокгольме. Картин осталось удручающе мало: из 39 Валентина Серова – лишь три, из

картин Николая Рериха (28) – ни одной, как ни одной и из пяти картин Василия Кандинского.

Но и оставшиеся в музее картины сегодня не экспонируются: 26 из них упрятаны в запасники музея в Мальме из-за боязни дирекции быть обвиненными в... воровстве.

Сегодня Департамент по сохранению культурных ценностей и МИД РФ через свое посольство в Швеции ведут активную работу по возвращению этих оставшихся «перемещенных культурных ценностей» из Мальме в Россию. Хотя дело это очень непростое: ведь законы «оккупационного права» и даже конвенции 1970 и 1995 гг. (законы обратного действия не имеют) к Первой мировой войне неприменимы.

Лишь шведский закон 1937 г. о праве короля Швеции выступить моральным арбитром в этом споре, подкрепленный пиар-акцией в отечественных и зарубежных телевизионных СМИ, может ускорить дело.

Важно, чтобы к сложному и долгому делу реституции не примешивались амбиции политических деятелей, как это, в частности, случилось с «коллекцией капитана Балдина» (пиар-акция Николая Губенко в преддверии очередных думских выборов) или немецкого чиновника от культуры на международной конференции в Царском Селе в мае 2003 г. (чиновник тоже был намерен баллотироваться в германский бундестаг), когда сей германский культуртрегер в ультимативной форме потребовал вернуть еще сто аналогичных «балдинских коллекций», ссылаясь на то, что Янтарная комната была реставрирована на деньги Рургаза.

И в этой связи трудно переоценить тихую и кропотливую работу наших чиновников из Минкульта РФ

и музейно-библиотечных работников, который год составляющих и публикующих реестры утраченных в ходе Великой Отечественной войны и ранее культурных ценностей.

Пока же отдельные страны СНГ идут по пути художественного обмена: в апреле 1995 г. Украина вернула Германии одну «трофейную» картину из г. Бремена, а взамен получила 723 редкие украинские книги и подлинник письма Петра I одному из украинских гетманов. Тем же путем пошла и Грузия – вернула одну из немецкоязычных «трофейных» библиотек.

Кстати, на путь двустороннего обмена на уровне музеев вступили еще во времена СССР. Так, с той же «Балтийской выставки» в 1928 г. удалось вернуть две картины Павла Кузнецова, правда, путем «дарения» двух других картин художника музею в Мальме.

Дирекции Русского музея в Ленинграде много лет спустя после Второй мировой войны удалось «выцыганить» у дирекции музея Мальме картину Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня», а также знаменитую картину Валентина Серова «Похищение Европы», хотя еще в 1948 г. музей официально отказал Минкульту СССР в возвращении серовских шедевров как «частной собственности семьи Серовых».

Вообще проблема международной правовой базы всего вопроса реституции – одна из основных в спорах о «перемещенных культурных ценностях». С 1899 г. со времен первой Гаагской мирной конференции о «цивилизованных методах» ведения войны, когда впервые было высказано соображение о необходимости международного правового акта по защите культурного наследия (об этом, в частности, писал участник

конференции профессор П.Н. Милюков), юристы бьются над правовой базой реституции, пытаются подвести под нее существующие международные акты о защите культурных ценностей.

В контексте нашей книги важно отметить, что проблемы зарубежного российского золота и реституции культурных ценностей в правовом отношении во многом пересекаются. В самом деле, ведь под понятие «золото» очень часто попадали художественные изделия из драгметаллов и камней, золотые оклады икон, золотые часы и другие изделия. Как мы уже писали выше, зачастую (особенно в 1917-1922 гг. у большевиков) такое «золото» шло по весу, с оценкой «на глазок», без описей и детального описания.

И не случайно устроители третьей международной встречи в Вашингтоне 30 ноября – 2 декабря 1998 г. экспертов по «нацистскому» золоту уже объединили вопросы собственно золота (слитки, золотые монеты) с вопросами перемещенных культурных ценностей (картин, икон, золотых художественных изделий и т.д.).

Но пока судьба перемещенных после Второй мировой войны культурных ценностей определяется документами союзников по антигитлеровской коалиции, которые формально-юридически еще никто не отменял. Хотя бы следующими решениями от 21 января и 17 апреля 1946 г. Союзного контрольного совета (США, Англия, Франция и СССР) – «Определение понятия реституция» и «О четырехсторонней процедуре реституции» (инструкция), на основании которых в четыре союзных государства легально и официально вывозились немецкие, венгерские, румынские и т.д. произведения искусства в качестве репараций за

уничтоженные или вывезенные произведения из оккупированных стран Европы.

Несправедливо по отношению к немцам, венграм, румынам, финнам? Возможно, но, прежде чем кричать на вашингтонском форуме 1998 г. а также в печати или на телевидении о «грабеже», надо сначала через ООН, ЮНЕСКО или Европейский Совет отменить Ялтинско-Потсдамские соглашения Сталина-Черчилля-Рузвельта-Трумэна и все соответствующие документы Союзного контрольного совета в Германии.

Но осуществить сие могут, конечно, не «малолетние узники» нацизма, а все мировое сообщество в лице ООН или, как минимум, Европы, собрав вторую (после 1975 г.) Хельсинскую международную конференцию, благо и новые европейские границы пришла пора утверждать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Троцкий Л. Портреты революционеров. – М. 1991. – С. 218.

2 Цит. по: Валентинов В. Встречи с Лениным. – М. 1990. – С. 322.

3 Валентинов В. Малоизвестный Ленин. – Париж, 1972. – С. 88.

4 Красин Л. Советский счет иностранным капиталистам. – Л. 1925; его же. Монополия внешней торговли и нэп. – Харьков, 1926. См. также его статьи на английском языке «Ленин и внешняя торговля» (9 февраля 1924 г.) и «Будущее советских торговых отношений» (29 марта 1924 г.) в информационном бюллетене торгпредства СССР в Лондоне «Russian Information and Review». Наиболее полную подборку статей и выступлений Л.Б. Красина на международных встречах и конференциях 1918-1925 гг. см.: Krasin L. His Life and Work. – London, 1929; Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. – 2-е изд. – М. 1970.

5 Деятели СССР и революционного движения в России. – М. 1989. – С. 362. См. также: Шеррер Ютта. Большевизм на распутье: Богданов и Ленин // Россия. XXI. – 1996. – № 5-6. – С. 115-132.

6 Троцкий Л. Указ. соч. – С. 224.

7 Там же.

8 Там же. – Прим. 83. – С. 358-359.

9 Деятели СССР... (Красин. Авторизованная биография). – С. 462.

- 10 Цит. по: Троцкий Л. Указ. соч. – Прим. 82. – С. 358.
- 11 См. копию «Списка членов Российской делегации для переговоров о перемирии и состоящих при ней лиц» в кн.: С. Мстиславский (Масловский). Брестские переговоры. – Пг. 1918; Дипломатический ежегодник. – М. 1992 (иллюстрации).
- 12 См.: Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. – М. 1918. – С. 3.
- 13 См.: Леонид Красин, инженер. Обнищание России и большевистская коммуна. – Ростов-на-Дону, ОСВАГ, 1919.
- 14 Наживин И. Что нужно знать солдату? – Ростов-на-Дону, ОСВАГ, 1919; его же. Что же нам делать? – Ростов-на-Дону, ОСВАГ, 1919.
- 15 Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Новая Юность. – 1997. – № 22-23. – С.167-183 (перепечатка из Архива русской революции).
- 16 Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. – Вашингтон, 1964. – С. 125.
- 17 Троцкий Л. Указ. соч. – С. 295.
- 18 Цит. по: Дипломатический ежегодник. 1989. – М. 1990. – С. 365.
- 19 Троцкий Л. Указ. соч. – С. 225.
- 20 Декреты Советской власти. – Т. 7. – М. 1974. – С. 193.
- 21 Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. – М. 1994. – С. 97.

22 Троцкий в период внутрипартийной борьбы 1923-1927 гг. не раз демонстрировал подлинники и копии этих «ленинских доверенностей», выданных ему как вождю РККА (одну из них за июль 1919 г. см.: Троцкий Л. Портреты революционеров. – С. 353). Л.Б. Красин никогда такие доверенности не показывал и даже не писал о них в письмах.

23 Цит. по: Алексеева Т. Матвеев Н. Доверено защищать революцию. – М. 1987. – С. 243.

24 Бонч– Бруевич М.Д. Вся власть Советам. -М. 1964. – С. 351.

25 Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. – Нью-Йорк. – М. – 1990. – С. 261-262.

26 Васильева О.Ю. Кнышевский П.И. Указ. соч. – С. 121.

27 Цит. по: Неизвестная Россия. XX век. – Т. IV. – М. 1993. – С. 96.

28 Там же. – С. 97.

29 Коминтерн и идея мировой революции. – М. – 1998. – С. 305.

30 Там же. – С. 304.

31 Хаммер А. Мой век – двадцатый (пути и встречи). – М. 1988. – С. 97.

32 См.: Васильева О.Ю. Кнышевский П.И. Указ. соч. – С. 136, 150.

33 Цит. по: Сосков В. Миллионер, умерший в нищете // VIP. – 1998. – № 11-12. – С. 65.

34 См.: Зарницкий С. Трофимова Л. Так начинался Наркоминдел. – М. 1984. – С. 180-182.

35 Цит. по: Неизвестная Россия. XX век. – Т. III. – М. 1993. – С. 14.

36 Филиппов Б. Послесловие к книге воспоминаний А.В. Тырковой-Вильямс «На путях к свободе». – Лондон, 1990. – С. 431-432.

37 Троцкий Л. Указ. соч. – С. 296.

38 Цит. по: Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Указ. соч. – С. 132.

39 См.: Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика (на пути к твердой валюте). – М. 1991. – С. 17.

40 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 220-221.

41 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191-193.

42 Юровский Л.Н. Финансы СССР. – Гранат. Энциклопедический словарь. – М. 1927. – Т. 41. – Ч. II. – С. 520.

43 Цит. по: Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Указ. соч. – С. 140.

44 Документы внешней политики СССР. – М. 1961. – Т. 5. – С. 121-125.

45 См. например: Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России. 1925-1931. Федеральный архив Германии. – М.-Берлин, 1995.

46 См. в частности: Дьяков Ю.А. Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. – М. 1992.

47 Наука, техника и власть. Материалы к презентации спецкурса «Германо-советское военно-техническое сотрудничество 20 – 30-х гг.»

(кафедра истории науки РГГУ). – М. 1997. – С. 26
(Текущий архив Экспертного совета).

48 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 313.

49 Карр Э. История Советской России. – М. 1989. –
Т. 3. – С. 270-271.

50 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 336.
См. также: Конт Ф. Революция и дипломатия
(документальная повесть о Христиане Раковском). – М.
1991. – С. 46-52.

51 Ленин В.И. Биохроника. – М. 1982. – Т. 12. – С.
195, 197.

52 Цит. по: Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Указ.
соч. – С. 167. См. также докладную Базилевича Троцкому
и Ленину от 9 марта 1922 г. о «ящиках с имуществом
бывшей царицы» в Оружейной палате на 459 млн. зол.
руб. в книге: Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. – М.
1996. – С. 142.

53 См.: Гагская конференция. Полный
стенографический отчет. Материалы и документы. –
М.-Л. 1922. – С. 277.

54 См.: Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин – советский
дипломат. – М. 1962.

55 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 339.

56 Там же. – С. 321.

57 Там же. – С. 353-365.

58 Там же. – С. 346. См. также: Сироткин В.Г. Лицо
и маски Карла Радека // Вехи отечественной истории. –
М. 1991.

59 Коминтерн и идея мировой революции. – С. 347.

60 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 187-188.

61 Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. – М. 1970. – С. 271.

62 Krasin L.: His Life and Work. – London, 1929. – P. 184-186; Карр Э. История Советской России. – Т. 3. – М. 1989. – С. 266.

63 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 52. – С. 116; Ленинский сборник. – Вып. 20. – М. 1932. – С. 126-159.

64 Fisher L. The Soviets in World Affairs. – Vol. I. – London, 1930. – P. 302-303.

65 См.: Красин Л.Б. Указ. соч. – С. 325-327.

66 См.: Закон об иностранных концессиях или возврат к нэпу? (Экспертное заключение, 15 мая 1992 г.) (Текущий архив Экспертного совета).

67 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 62.

68 См.: Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. – М. 1921. – С. 57; Документы внешней политики СССР. – Т. III. – М. 1959. – С. 384-385.

69 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 69-70.

70 Конт Ф. Указ. соч. – С. 192.

71 Цит. по: Дипломатический ежегодник. 1989. – С. 367.

72 Там же.

73 Из перехваченной французской полицией переписки Раковского с Москвой («досье Раковского» в архиве МВД Франции) (см.: Конт Ф. Указ. соч. – С. 191, 364).

74 См. также: Сироткин В. Самый европеизированный из большевиков // Дипломатический ежегодник. 1989. – М. 1990. – С. 398-415.

75 Павлов В. Упущен ли шанс? (Финансовый ключ к рынку). – М. 1995. – С. 295-296.

76 Цит. по: Седых И. Швейцарский след «нацистского золота» // Московские новости. – 1997. – 7-14 дек.

77 Monde. – 1997. – 17 mars.

78 Commission Independant d'Experts. Suisse – Seconde Guerre mondiale. – Bern – mai 1998. – 193 pp. Текст доклада отпечатан также по-английски и по-немецки.

79 См.: Smith A. Hitler's Gold. The Story of the Nazi War Loot. – Oxford, New York, Munchen. 1989; Zabludoff S. Movements of Nazi Gold. – Washington, 1997; Trepp G. Bankgeschofte mit dem Feind. – Zurich, 1993; Ziegler J. Die Schweiz, das Gold und die Toten. – Munchen, 1997; Bower T. L'Or nazi. Les banques suisses et les Juifs. – Paris, 1997.

80 См. в частности: Bougeois D. «Barbarossa» und die Schweiz // Zwei Wege nach Moskau. – Munchen, Zurich, 1991. – S. 620-639.

81 В частности: Ланской В. Первый проблеск «нацистского золота». Почему молчит Россия? // Российская газета. – 1997. – 18 июля; Григорьев Е. Проблема «нацистского золота» обретает международный характер // Независимая газета. – 1997. – 30 июля; Орлов А. Золотая тень «третьего рейха» // Итоги. – 1998. – № 28.

82 Заявление международного совещания руководителей ассоциаций, входящих в «Международный союз жертв двух тоталитарных режимов», 14 ноября 1997 г.; Заявление Международного союза бывших малолетних узников фашизма по поводу «нацистского» золота и предстоящей конференции в Лондоне, 22 октября 1997 г. // Текущий архив Экспертного совета. – Документы получены из Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ.

83 Цит. по: Соколовская Янина. Украина претендует на часть «нацистского» золота // Известия. – 1998. – 29 мая.

84 См.: Илюхина Р.М. Лига Наций, 1919-1934. – М. 1982. – С. 79, 237; Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике, 1919-1946. – Ярославль, 1995. – С. 128-130.

85 Козлов Г. Супермузей для супервласти // журн. «Итоги», № 25, 30 июня 1998, с. 59.

86 Тавобова Л. Скандал вокруг золота Трои. // Московский комсомолец. – 1996. – 25 янв.

87 Пospelова Н. Святыни, золото и конъюнктура (беседа с министром культуры РФ Евгением Сидоровым) // Век. – 1995. – № 33. – С. 11.

88 Сироткин В.Г. О картинах русских художников в Швеции (по шведским и русским материалам в Департаменте по сохранению культурных ценностей Минкультуры РФ). Экспертная справка, 18.04.2003 г. //Текущий архив экспертного совета.

89 Сироткин В. Реституция к юбилею // «Литературная газета», № 21, 28.05-03.06.2003.

90 См. в частности: «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Том 3. Государственная Третьяковская галерея. Государственный Русский музей». Департамент по сохранению культурных ценностей Минкульта РФ. – М. 2000 (выпущено более десяти таких томов по другим музеям России); Том 11. Утраченные книжные ценности, кн. 1. – М. 2002. О проданных большевиками за границу в 20-30-х гг. XX в. художественных ценностях подробнее см.: Ю.Н. Жуков. Операция Эрмитаж. – М. 1993; А. Мосякин. Продажа // «Огонек», 1989, № 6, 7, 8.

91 Милюков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. – СПб. 1911. См. также: Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. – М. 1979; Долгий путь российского пацифизма. – М. 1997.

92 См. в частности: Конвенции и декларации, подписанные на Конференции мира в Гааге 17-19 июля 1899 г. – СПб. 1901; Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по вопросам охраны культурного наследия. – М. 1990; Международное право и охрана культурного наследия. – Афины, 1997 (на рус. и англ. яз.).

93 Абаринов В. Сокровища рейха: вопрос без окончательного решения. – Известия. – 1998. – 2 дек.

VII. В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ

Хождение по коридорам российской власти (Дума, Администрация Президента, Правительство, Совет безопасности) заняло у меня и некоторых других членов нашего общественного Экспертного совета (в первую очередь у Марка Масарского, ныне председателя Совета предпринимателей при мэре и правительстве Москвы) знак благодарности за бескорыстную помощь нашему Экспертному совету этого «ходока» по коридорам высшей власти России я написал о нем книгу. См.: Сироткин В. Марк Масарский. Путь наверх российского бизнесмена. – М. 1994 более десяти лет.

Но начали мы со СМИ, с того, что на языке современных имиджмейкеров и «пиаристов» называется информационной поддержкой проекта ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Мощным информационным толчком к привлечению внимания к российским богатствам за рубежом стал Первый конгресс соотечественников в Москве (я, как эксперт Комитета по международным делам бывшего ВС РСФСР, входил в его оргкомитет), по случайному стечению обстоятельств совпавший с путчем ГКЧП и «бархатной августовской революцией» 1991 г.

Впервые в Россию приехали не единицы, а сотни детей и внуков «белых» эмигрантов первой волны. Многие из них приняли участие в ночных бдениях у Белого дома (Сергей Петров, Никита Моравский), не побоялись выступить по полузапрещенной радиостанции «Эхо Москвы» (Олег Родзянко). «Революция» 19-21 августа 1991 г. содействовала патриотическому

сплочению бывших «белых» и вчерашних «красных». Самым важным результатом конгресса соотечественников стали личные контакты, переписка, поездки по местам «русского рассеяния» и, как результат, работа в личных архивах и «белоэмигрантских» фондах крупнейших архивов мира (именно осенью 1991 г. в США при содействии С.П. Петрова я впервые поработал в фондах В.И. Моравского, Д.И. Абрикосова и других в архиве Гуверовского института войны, революции и мира в Калифорнии).

Правда, первоначальные надежды российских демократов, что «русское зарубежье» поможет притоку иностранных инвестиций (подобно притоку капиталов от хуцяо – от зарубежных китайцев в КНР), не оправдались. Подавляющее большинство потомков эмигрантов первой волны крупными бизнесменами (кроме, возможно, армян) не стало: в большинстве это была «служилая интеллигенция» – профессора университетов, ученые, госслужащие, владельцы мелких «русских ресторанов» и т.д.

Зато косвенно, через информацию о тоннах русского «злогового золота» в зарубежных банках и тысячах объектов недвижимости наши соотечественники подсказали путь возможных инвестиций – создание совместных финансовых компаний на проценты, накопившиеся за 80 лет от этого «русского золота» или от совместной эксплуатации недвижимости.

1. ПРОБЛЕМА ЗАРУБЕЖНОГО ЗОЛОТА И НЕДВИЖИМОСТИ В СМИ (ПРЯМОЕ И КРИВОЕ ОТРАЖЕНИЕ). 1991-2000 гг.

Как уже говорилось выше, первым прорывом в дотолу почти неизвестной проблеме российских богатств за рубежом стала получасовая телевизионная передача в октябре 1991 г. «Примирение: послесловие к конгрессу соотечественников» на ВГТРК с моим участием. Именно в этой передаче участник конгресса Сергей Петров вкратце рассказал историю о том, как его отец передал 22 ноября 1922 г. 22 ящика с золотом «на хранение» японцам под расписку о возврате «по первому требованию».

В 1991– 1992 гг. последовала серия моих публикаций -в журналах «Деловые люди», «Столица», газетах «Неделя», «Известия» и других Основной их перечень см.: Краткая библиография, из которых заметный отклик читателей вызвала большая статья «Вернется ли на Родину российское золото?» с послесловием Марка Масарского, оперативно напечатанная редакцией журнала «Знамя» в августе 1992 г.

Не скрою – эти мои первые публикации носили известный оттенок сенсационности: возник интерес к моим статьям у зарубежных корреспондентов в Москве. Помнится, корреспондент популярной английской газеты «Дейли экспресс» Уилл Стюарт очень пристрастно допытывался у меня в 1992 г.: где находится подаренный

британским королем Эдуардом VII в 1908 г. Николаю II остров и не хочет ли Москва организовать на нем свою базу подводных лодок?

«Обмен островами» в 1908-1909 гг. между русским царем и английским королем носил чисто символический характер. По британским традициям, если король дарует титул «лорда», он обязан наградить его носителя недвижимостью, пусть символической. Символику в Англии нашли в виде торчащей из морской воды скалы в 1,5-2 м высотой. Примерно таким же подарком «отблагодарил» и Николай II – королю Эдуарду VII был подарен в 1909 г. скалистый островок у побережья Эстляндии (Эстонии). Никакого практического значения ни та, ни другая «недвижимость», кроме исторического курьеза, не имела, но английский репортер три месяца обзванивал все «инстанции» в Москве (МИД, МВЭС, Минфин, архивы), ища документы этого «великосветского обмена» и мучая меня расспросами.

Семь лет спустя курьез, хотя и иного свойства, повторился с другой английской газетой – «Санди таймс». За эти годы вокруг нашего Экспертного совета сложился целый «штат» московских журналистов, регулярно освещавших в своих печатных органах проблему зарубежного российского имущества. Это Юрий Калашнов из «Коммерсанта» и «Коммерсантъ-Деньги», Сергей Шараев из «Трибуны» (кстати, тогда еще «Рабочая трибуна» одна из первых начала освещать эту проблему в отечественных СМИ), Эльмар Гусейнов из «Известий» и др. Среди них оказалась и Юлия Малахова из «Российской газеты». Журналистка еще в сентябре 1998 г. взяла у меня материал и интервью, оформила это в статью на целую полосу – «Царское золото вместо советских долгов» (подпись – «записала Юлия

Малахова») и опубликовала в своей газете 26 февраля 1999 г. Суть статьи: Россия может покрыть часть своих текущих внешних долгов из зарубежного «царского» золота, в том числе и находящегося в Великобритании.

В Москве эту большую статью в «Российской газете» никто не заметил: ни в обзорах прессы Елены Выходцевой по РТР, ни на «Эхо Москвы» она не была даже упомянута.

Зато заметили статью в московском корпункте лондонской «Санди таймс», откуда мне позвонили от имени аккредитованного корреспондента газеты Марка Франкетти и попросили дополнить статью свежими фактами, в частности о прохождении вопроса в российских коридорах власти. Я сообщил, что готовлюсь к докладу на Совете безопасности РФ во второй половине марта 1999 г. где намерен обосновать ключевой тезис моей статьи: «царское» золото может быть предложено в зачет текущих внешних долгов России. На том и расстались.

14 марта в «Санди таймс» появляется большая статья М. Франкетти «Россия заявляет свои права на царское золото, отправленное в Лондон», фактически являющаяся изложением моей с Ю. Малаховой беседы, опубликованной в «Российской газете» от 26 февраля, с некоторыми дополнениями.

На этот раз английский вариант нашей статьи был замечен бюро Интерфакс и РИА «Новости» в Лондоне.

Интерфакс через день под заголовком «Российский историк предлагает правительству РФ начать переговоры с западными странами по возврату вывезенного золота» дал пересказ статьи «Санди таймс», а РИА «Новости»

пером своего собора в Лондоне Владимира Симонова – комментарий к статье.

Важнейшим в обоих материалах было то, что в Лондоне не отрицали получения во время Первой мировой войны и после нее значительного количества золота из России (до 45 т) и оценивали его стоимость вместе с процентами за 80 лет в 50 млрд. долл. но, со ссылкой на представителя Английского банка Джулиан Хилли, заявляли: «...это проблема не Банка Англии, а правительства, поскольку первоначальное соглашение (в сентябре 1914 г. – Авт.) было заключено между российским и британским кабинетами министров».

Таким образом, в отличие от французов и японцев, англичане наконец признали факт нахождения «царского» золота на Британских островах и косвенно подтвердили, что это золото только в Англии «тянет» на крупную сумму (напомним, что наш Экспертный совет вот уже ряд лет дает цифру в 100 млрд. долл. в которую оценивается все русское золото за рубежом, что, кстати, всегда вызывало скептические отзывы экспертов Минфина и ЦБ: преувеличивают-де ребята...).

Дальнейшие события в отечественных СМИ можно озаглавить так же, как сделала «Российская газета» 18 марта 1999 г.: «Пророка в своем Отечестве, похоже, как не было, так и нет...»

Когда какие-то сенсационные факты публикует отечественный автор в отечественной газете – это не сенсация. Подумаешь, собака укусила человека. А вот когда то же самое опубликовано в иностранной – это уже человек укусил собаку!

И сначала «Трибуна» (Сергей Шараев), а затем и «Известия» (В. Михеев, В. Скосырев) излагают мою

статью из «Российской газеты», но перепечатанную в «Санди таймс» как сенсацию! Правда, С. Шараев свою публикацию сделал в виде интервью со мной по телефону, при этом отметив в «шапке»: "Вчера шумиху в финансовых и правительственных кругах Великобритании вызвало выступление профессора Сироткина, председателя Экспертного совета по русскому золоту и недвижимости, на страницах «Санди таймс».

«Известия» же, также ссылаясь на мой материал в той же английской газете, дополнительно навела справки у одного из ведущих экспертов России по золоту. Тот подтвердил, что, действительно, из 48 тыс. т золота, добытого в XX в. во всем мире, 4-5 тыс. т на самом деле составляли золотой резерв Российской империи на 1914 г. и из этих четырех-пяти тысяч тонн Россия вполне могла отправить в Англию на закупки оружия в Первую мировую войну 45 т. Тот же эксперт подтвердил: это «царское» золото и в самом деле может сегодня стоить 50 млрд. долл.

Но больше всего меня потрясла редакция «Российской газеты». 16 марта по поручению одного из заместителей главного редактора мне позвонил ее спецкор Владимир Кучеренко и попросил прокомментировать статью Марка Франкетти в «Санди таймс». Я ядовито ответил, что с удовольствием это сделаю при условии, что уважаемые замглавного и спецкор ознакомятся с подшивкой собственной газеты и прочитают наш с Юлией Малаховой, штатной сотрудницей газеты, материал в номере от 26 февраля. Тем более что на него ссылается и «Санди таймс».

Мое сообщение повергло В. Кучеренко в изумление, и я понял – наши «демократы от СМИ» собственных

газет, даже если они начальники, не читают, а вот за «сенсациями» из-за рубежа следят по ИТАР-ТАСС, Интерфаксу и РИА «Новости» внимательно.

Словом, как во времена А.И. Герцена и его журнала «Колокол» в Лондоне: хочешь прославиться в Отечестве – пиши за границу, там прозвонят – здесь услышат.

Но надо отдать должное журналистам из «Российской газеты» – они вышли из щекотливой ситуации все же более элегантно, чем В.И. Ленин в 20-х годах после встреч с американским лжемиллионером Вандерлипом: 18 марта В. Кучеренко опубликовал с моим портретом в рубрике «По следам наших публикаций» (!) колонку с таким заголовком: «Как Владлен Сироткин Лондон взволновал» (помните, у М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Как мужик двух генералов прокормил») и подзаголовком: "Английская «Санди таймс» сделала сенсационное открытие, прочитав «Российскую газету».

Именно в этой колонке и содержался пассаж о пророках в своем Отечестве.

Справедливости ради следует сказать, что иногда и в отечественных СМИ замечали мои публикации. Именно так случилось с материалом «А „ленинское“ золото все-таки во Франции!» в «Литературке» в соавторстве с упоминавшейся уже Светланой Поповой. Сразу после этой публикации у меня состоялся очередной тур выступлений по радио и телевидению, а во Франции, как я уже писал выше, это вызвало ответные публикации.

И все же обстоятельная статья Марка Франкетти в «Санди таймс» по своему подходу к проблеме – скорее исключение, чем правило. Правилom чаще всего были попытки увязать объективную финансово-экономическую

проблему зарубежного имущества с некими скрытыми военно-политическими интересами России за границей. Это характерно, в частности, для публикаций итальянской «Джорнале» (собор Св. Николая Угодника в гор. Бари на юге Италии) или японской «Токио симбун» («колчаковское» и «семеновское» золото в Японии), о чем уже говорилось выше.

Общее отношение Запада и Востока к появлению в российской прессе проблемы золота и недвижимости откровенней всего отразила, пожалуй, французская журналистка в Москве Вирджиния Куллудон. «Многие сегодня в России, сгорая от нетерпения, – писала она 7 января 1995 г. в журнале „Пуэн“, – оттачивают националистические аргументы. Ибо перелом уже близится, и вполне возможно, что под давлением нового экстремистского электората Москва решит дать ход делу о забытых ящиках с золотом с целью отсрочить решение некоторых болезненных проблем. Так, например, в прессе высказывается мнение о том, что нельзя „отдавать“ Курильские острова Японии, не поднимая вопрос о золоте Колчака». Подобная попытка «притянуть за волосы» к чисто финансовой проблеме политику – наиболее типичный пример реакции зарубежной прессы на эту проблему.

Между тем члены нашего Экспертного совета с 1991 г. постоянно подчеркивали и в своих публикациях, и на пресс-конференциях, что они не хотят и не будут превращать объективно существующую проблему межгосударственных долгов в предмет политических спекуляций отдельных органов печати или политических партий.

Вспоминаю, как еще в 1992 г. известный «державник», бывший генерал КГБ СССР А. Стерлигов пытался уговорить нас вооружить его аргументацией по «зарубежному золоту» для программы своей партии, но мы категорически отказались. Члены нашего совета не стали «вооружать» противоборствующие партии ни на парламентских выборах 1993 и 1995 гг. ни на президентских 1996 г. хотя такие предложения делались (и с точки зрения финансовой они были весьма заманчивыми). В 1999 г. в преддверии думских и даже президентских выборов 2000 г. предложения поддержать нашей «национальной идеей» то или иное движение или партию стали повторяться. Вокруг нашего Экспертного совета снова появились «ходоки» – от ЛДПР, лужковского «Отечества» и даже «Яблока». Но ответ наш был по-прежнему категорическим – в политику не играем. Вам наша фактура нужна лишь до 1999-2000 гг.: выберут, и вы вновь о национально-государственных интересах России забудете до новых выборов. А нам работать и работать еще не один год.

«Сухой остаток» многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных СМИ за 1991-2000 гг. с точки зрения новых фактов достаточно скромнен по сравнению с публикациями членов нашего Экспертного совета (В.Г. Сироткин, М.В. Масарский, И.А. Латышев, Ю.М. Голанд, С.П. Петров, Н.В. Моравский и др.).

Но все же несколько публикаций – во французском журнале «Экспресс» в 1998 г. о переплавке «ленинского» золота во Франции и продаже этих «новых» слитков в Нью-Йорке, статьи Виктора Черепихина, редактора международного отдела газеты «Moscow Life», о «пражском следе царского золота» и «царском» золоте как основе капитала многих банков Запада после

Октябрьской революции в «Независимой газете» в 1997-1998 гг. сенсационная публикация политолога Евгения Кирсанова в той же газете 5 августа 1998 г. о том, как Япония по-пиратски захватила в марте 1917 г. последний транш «царского залогового золота» (включая и 5,5 т личного золота семьи Николая II Романова), и не менее сенсационное интервью «пороховых дел мастера», доктора химических наук Л.В. Забелина газете «Труд» 29 сентября 1998 г. о том, как в 1916 г. Россия «вбухала» в концерн Дюпона 2,5 млрд. долл. на строительство завода бездымного пороха в США (который так и не успели построить до 7 ноября 1917 г.), да еще бесплатно отдала «формулу Менделеева» как «ноу-хау» по производству такого пороха, что значительно обогатило «Дюпон кэмикл» (полное название публикаций см. ниже, в Краткой библиографии), – внесли существенные уточнения, и их учет стал одной из причин переиздания настоящей книги в уточненном и расширенном варианте.

В плане концептуальном все публикации 1991-2000 гг. делятся на три группы:

Первая – публикации членов Экспертного совета и вышеперечисленных авторов у нас и за рубежом, где исследуется на основе фактов история проблемы и предлагаются варианты ее практического решения.

Вторая, или «сенсационная», типа поисков островка у Британских островов, подаренного английским королем Николаю II в момент дарования ему титула лорда, или «апельсинового гешефта» хрущевских чиновников в 1964 г. в Израиле, обменявших русскую церковную недвижимость в Святой земле на два теплохода апельсинов (интервью Вл. Щедрина со мной в «Рабочей трибуне» 19 февраля 1994 г.).

Третья, или «заказная», когда противники возвращения российского золота и недвижимости под юрисдикцию России из числа «олигархов» через подконтрольные им СМИ выдвигают надуманные аргументы, а членов нашего совета обзывают «фантазерами» (как это сделали в моем присутствии бывшие министры Александр Шохин и Андрей Нечаев в передаче «Пресс-клуб» по ТВ-Центр 28 февраля 1999 г.).

Для «заказных» публикаций характерен такой пример. С 2000 г. у меня появился свой «Фаддей Булгарин» – некий доктор исторических наук Олег Будницкий, ведущий научный сотрудник Института отечественной истории РАН, лишь сравнительно недавно перебравшийся из Ростова-на-Дону в Москву.

Ранее не имевший никакого отношения к золотым клондайкам России за рубежом (темы его кандидатской и докторской диссертаций касались участия женщин-террористок и евреев в русском революционном движении XIX – начала XX в.), новоявленный «золотоискатель» вдруг в 2000-2003 гг. разразился целой серией статей в отечественных (журн. «Родина», журн. «Коммерсантъ-Власть», «Независимая газета» и др.) и зарубежных (парижская «Русская мысль») изданиях, в которых главным объектом неаргументированных нападок и просто грубостей («так называемый доктор», «с позволения сказать, профессор», «последователь Остапа Ибрагимовича» «Бендера» и т.п.) стал я.

Подтекстом же всех этих разносных статей была главная мысль: никаких золотых клондайков у России за рубежом нет (все это выдумки «так называемого доктора»), а то, что и было, – давным-давно потрачено лидерами белой эмиграции на свои нужды.

Разумеется, я немедленно ответил своему «фаддею» и в печатных, и в электронных СМИ, без труда выяснив заказчиков этого компромата (подробней о них см. ниже).

Следует сказать, что приемы контраргументации «будницких и Ко» довольно примитивны и рассчитаны на обывателя, плохо знакомого с отечественной историей. Вот некоторые из них:

– подсчет золота идет по его физическому весу, без учета набежавших за 80 лет процентов. Но даже эксперты Английского банка, откликаясь на публикацию в «Санди таймс», признали: в момент доставки «царское» золото стоило 4 млрд. долл. в ценах 1914 г. но в 1999 г. то же золото с учетом процентов за 80 лет уже «тянуло» на 50 млрд. долл.;

– за большевистскую национализацию в 1918 г. Россия якобы должна Западу в сто раз больше (40 трлн. долл.), чем у нее находится золота и недвижимости за границей (400 млрд. долл.).

Цифра этого долга взята «с потолка», ибо:

1) с Германией все взаимопетензии об имуществе были урегулированы соглашениями 1918, 1922 и 1926 гг. и сегодня ФРГ имущественных претензий к России не имеет (тогда как у России имеются претензии по советскому имуществу в бывшей ГДР и военному – по ЗГВ);

2) с Францией претензии крупных держателей «царских займов» (банков «Креди Лионнэ», «Сосьете женераль», «Париба», компании «Национальное общество железных дорог Франции» и др.) были урегулированы еще в 1922-1927 гг. и компенсация им

была выплачена (см. официальную справку по взаимопетензиям на основе данных бывшего Минфина СССР и нынешнего Казначейства Франции – Приложения, док. 17);

– при обсуждении проблем реституции ангажированные журналисты, особенно из германских СМИ, почему-то упорно ссылаются на Гаагскую конвенцию 1907 г. «О законах и обычаях ведения войны». Как уже отмечалось выше, никакого международного акта о реституции до сих пор не принято. Из 13 одобренных в Гааге в 1907 г. конвенций лишь одна – «Об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам» – имеет некий намек на желательность мирных реституций, но и этой конвенции явно недостаточно, чтобы юридически обосновать, например, возвращение «золота Трои» в Германию, Грецию или Турцию.

2. ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ. 1995-1999 гг.

Собственно, вопрос о желательности включения в финансово-экономический оборот для возрождения новой, демократической России ее огромных богатств за рубежом, впервые возникнув на Первом конгрессе соотечественников в августе 1991 г. в Москве, все последующие двенадцать лет время от времени всплывал в российских коридорах власти.

При этом в нашем Экспертном совете возникло нечто вроде разделения труда: по начальникам ходил Марк Масарский, а я писал всевозможные обращения и справки (их большая коллекция, адресованная Силаеву, Гайдару, Шумейко, Черномырдину, Немцову и, наконец, Ельцину, и сегодня хранится в Текущем архиве Экспертного совета).

Общее отношение властей предрержащих можно охарактеризовать старой поговоркой брежневских времен: все идут навстречу, но пройти нельзя.

Никто открыто не возражал против важных и нужных проблем (президент Б.Н. Ельцин трижды накладывал на наших бумагах положительную резолюцию, причем последний раз – накануне второго тура президентских выборов 1996 г. в присутствии М.В. Масарского, входившего в его избирательный штаб), но каждый раз бумаги тонули в бюрократическом аппарате Правительства и Администрации Президента.

Из всех высших должностных лиц на наши бумаги тогда откликнулся только Е.М. Примаков, в тот период директор Службы внешней разведки. В ответ на наше письмо и приложенную к нему справку весной 1994 г. Примаков принял меня лично. Состоялся обстоятельный часовой разговор о деятельности нашего общественного совета и путях подключения к этому благородному делу государственных органов, в частности путем создания специальной Межведомственной комиссии по защите имущественных интересов России за рубежом (в тот период ее создание мыслилось при Президенте, и Марк Масарский несколько раз обсуждал этот вопрос с тогдашним главой Администрации Президента С.А. Филатовым).

Однако и в деле создания такой комиссии еще четыре года «все шли навстречу». В конце декабря 1997 г. с помощью Масарского и А.И. Вольского и при их участии я «прорвался» к первому вице-премьеру Б.Е. Немцову в Белый дом. Борис Ефимович выразил большой скептицизм в реальной возможности возврата российских богатств из-за рубежа («что с возу упало, то пропало»), посетовал, что наши требования осложнят получение «траншей» от МВФ и других иностранных банков, но отказать А.И. Вольскому он не может – ведь батюшка Немцова когда-то в советские времена работал в промышленном отделе ЦК КПСС, возглавлявшемся всеильным тогда Вольским.

В итоге в начале января 1998 г. появились письмо Немцова Ельцину с очередным предложением создать Межведомственную комиссию и очередная положительная резолюция президента Черномырдину. После этого еще два месяца ушло на согласование кандидатуры председателя такой комиссии (Минфин и Центробанк отказались, Мингосимущество отказали), и в конце концов остановились на Примакове, в тот момент министре иностранных дел.

Но не успели мы возрадоваться, а Примаков – сформировать персональный состав комиссии и «Положение» о ней, как Президент отправляет в отставку правительство Черномырдина.

Масарский начинает «отлов» нового премьера – Сергея Кириенко. Составляем новое письмо, подписывают Вольский, Масарский, я и Михаил Прусак, сенатор и губернатор Новгородской области, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации.

С помощью торгпреда РФ Виктора Ярошенко – уже не в Москве, а в Париже «прорываюсь» весной 1998 г. во время официального визита нового премьера во Францию, к Кириенко, на ходу вручая свою книгу с вложенным в нее письмом нашей четверки о желательности ускорения создания комиссии. Премьер на бегу бросает – «разберемся» и улетает в Москву.

Но за оставшиеся у него три «премьерских» месяца разобраться не успевают: грянул дефолт 17 августа, и С.В. Кириенко, как и Черномырдин, оказывается в отставке.

И только Примаков, но не как министр, а уже как премьер-министр, подписывает наконец 3 октября 1998 г. долгожданное правительственное распоряжение «О Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации» (см. Приложения, док. 13).

Назначается и председатель этой комиссии – министр Мингосимущества Ф.Р. Газизуллин, которому в недельный срок поручается составить персональный список членов комиссии. Одновременно 3 октября 1998 г. утверждается и Положение об этой комиссии, в целом совсем неплохое (Приложения, док. 14), в котором ей поручается:

- проводить координацию деятельности органов исполнительной власти и разработку предложений правительству;

- осуществлять поиск и оформление прав собственности на имущество, находящееся за рубежом, включая недвижимое имущество, вклады и акции в

зарубежных компаниях, драгоценные металлы (золото!) и иные ценности;

- проводить защиту имущественных интересов в судебных и иных инстанциях за рубежом;

- осуществлять координацию работы по подготовке государственной концепции управления федеральной собственностью, находящейся за рубежом;

- делать предложения в правительство об изъятии и о перераспределении имущества РФ, находящегося за рубежом, в случае выявления правонарушений и фактов его использования не по назначению, а при наличии признаков злоупотребления комиссия информирует правоохранительные органы.

Было крайне приятно увидеть в этом Положении отражение предложений нашего Экспертного совета:

- комиссия «координирует осуществление мероприятий по отработке механизма проведения работ по поиску недвижимого и движимого имущества, принадлежавшего ранее Российской империи и бывшему СССР и находящегося за рубежом, по обеспечению правовой защиты имущественных интересов», включая оформление прав собственности на «царское» и «советское» имущество, а также «выделение средств государственной поддержки на осуществление этой деятельности (выделено мною. – Авт.)».

Ведь именно этим – поиском дореволюционного и советского имущества – более восьми лет занимался наш Экспертный совет, собрав в своем Текущем архиве самый полный пока банк данных.

И члены нашего Экспертного совета пришли в восторг, когда прочитали в Положении такую статью:

комиссия «организует проведение в Российской Федерации и за рубежом симпозиумов, семинаров, „круглых столов“ и конференций по проблемам, относящимся к компетенции комиссии, а также взаимодействует со средствами массовой информации в целях обеспечения гласности и информирования населения Российской Федерации о политике государства в области защиты имущественных интересов Российской Федерации за рубежом».

Именно «информированием населения» и занимались члены нашего Экспертного совета с 1991 г. (главным образом М.В. Масарский и я), правда, не всегда жалуя при этом «политику государства в области защиты имущественных интересов Российской Федерации за рубежом».

Ведь как раз в период создания этой комиссии две крупные частные телевизионные фирмы – НТВ-интернешнл и ТСН – обратились ко мне с предложением стать автором и ведущим двух очень крупных проектов (один – на 12 передач, другой – на 24, по 26 минут каждая), рассчитанных на отечественного и зарубежного (русская диаспора в США, Западной Европе и Израиле) телезрителя по «царскому» золоту и советской недвижимости именно «в целях обеспечения гласности».

Но, как водится на Руси, когда за реализацию дела национально-государственного масштаба берется отечественная бюрократия, любой даже очень хороший правительственный документ превращается в свою противоположность.

Во– первых, хотя в постановлении, подписанном Примаковым 3 октября 1998 г. указывался недельный

срок формирования персонального состава комиссии, чиновники Мингосимущества «формировали» его три месяца, и только к январю 1999 г. к первому организационному заседанию, комиссия была сформирована из 18 человек (никто из членов нашего Экспертного совета в список не попал, на что на заседании Совета безопасности 22 марта 1999 г. было указано представителю Мингосимущества).

Во-вторых, долго не могли определиться с председателем комиссии. По постановлению Примакова им был назначен министр Мингосимущества Ф.Р. Газизуллин, но тот сначала долго болел, затем подал прошение об отставке с поста министра по состоянию здоровья, а потом, в марте 1999 г. был неожиданно приглашен к Президенту и оставлен главой Мингосимущества.

За всеми этими бюрократическими аппаратными играми был, однако, глубокий подтекст, связанный с «чубайсовской приватизацией» и восходящий еще к 1994 г. к первой правительственной комиссии по зарубежному имуществу, во главе которой стоял другой министр и тогдашний вице-премьер – О. Давыдов.

18 января 1995 г. без всякой предварительной подготовки (беседы о целях встречи, подготовки справки от Экспертного совета и т.п.) Масарский и я неожиданно были приглашены на правительственное заседание в Белый дом к вице-премьеру О.Д. Давыдову. В одном из

залов заседаний, так знакомом мне по работе экспертом в бывшем Верховном Совете РСФСР, сидело человек пятьдесят чиновников разного ранга из МИД, Минфина, ГКИ, ЦБ, СВР и других министерств и ведомств.

После краткого вступительного слова вице-премьера слово для сообщений по 15-20 минут каждое было предоставлено Масарскому и мне.

Масарский вкратце рассказал о своих хождениях по коридорам власти в 1992-1994 гг. а я – о зарубежном российском золоте и основных регионах размещения «царской» и «советской» недвижимости, посетовав, что ГКИ до сих пор не имеет полного реестра этой недвижимости, особенно в странах «третьего мира» (я даже изложил письмо старика-негра из Танзании, случайно попавшее в наш Экспертный совет: я стар, охранять больше не могу – заберите обратно 20 домов-коттеджей, построенных в джунглях 30 лет назад ГКЭС для своих специалистов).

Помнится, поразила реакция зала: тишина, ни вопросов, ни реплик, ни выступлений (аналогичная реакция была и четыре года спустя, 22 марта 1999 г. на заседании Совета безопасности, о котором речь пойдет ниже). Давыдов попытался было расшевелить зал, сам начал задавать риторические вопросы, но тщетно – тишина.

В итоге был принят Протокол № ОД-П6-П26-5 от 18 января 1995 г. в котором министерствам и ведомствам предлагалось «провести поиск архивных материалов, подтверждающих права Российской Федерации за рубежом» и «один раз в квартал докладывать в Правительственную комиссию по защите имущественных прав РФ за рубежом, создаваемую (?! – Авт.) в

соответствии с поручением Правительства РФ от 26 октября 1994 г. № АЧ-П6-39648».

В части нашего Экспертного совета в протоколе была сделана запись: поручить юристам правительства осуществить «правовую экспертизу выявленных в архивах министерств, ведомств документов и документов профессора Дипломатической академии МИД России В.Г. Сироткина» (подробнее см. Приложения, док. 11).

Излишне говорить, что ни «поквартально», ни «погодично» ни одно ведомство или министерство в «Правительственную комиссию» ничего не доложило, если не считать обстоятельной справки архива ФСБ «Из истории происхождения золотого запаса России» от 17 января 1995 г. представленной к совещанию в Белом доме и переданной после совещания секретариатом Давыдова в наш Экспертный совет (см. Приложения, док. 1).

Между тем несостоявшаяся комиссия Давыдова могла бы значительно облегчить свою задачу, обратись она заранее в наш Экспертный совет за информацией о банке данных по недвижимости и золоту за рубежом или к таким энтузиастам, как выпускник МГИМО Ю.Н. Кручкин («советская» гражданская и военная недвижимость в Монголии), к ученому секретарю ИППО полковнику в отставке В.А. Савушкину (по церковной недвижимости в Святых землях на Ближнем Востоке) или отставным полковникам Е.И. Карабанову и В.П. Никифорову по «советской» военной и гражданской недвижимости: в Германии – 695 объектов, Австрии – 2415 объектов, Румынии – 295 объектов и Венгрии – 244 объекта (Приложения, док. 10).

Как отмечалось позднее в справке Счетной палаты РФ об итогах проверки работы ГКИ (Мингосимущество) в 1996 г. а также в подготовительных материалах к заседанию Совета безопасности 22 марта 1999 г. (в частности, в записке замсекретаря А.М. Московского секретарю Совбеза Н.Н. Бордюже в феврале того же года), эти «поручения выполнены не были» (см. Приложения, док. 8, 15).

Поручение правительства от 26 октября 1994 г. осталось на бумаге – Правительственная комиссия по защите имущественных прав за рубежом во главе с Давыдовым так и не приступила к работе, а вскоре, при очередной перетряске кабинета Черномырдина, и сам Давыдов был отправлен в отставку вместе с «отставленным» МВЭС (в 1996 г. в эйфории победы на второй президентский срок Б.Н. Ельцин упразднил это ключевое министерство, а «осколки» – торгпредства – «подарил» П.П. Бородину).

Понятное дело – никто и не намеревался «осуществлять правовую экспертизу» документов профессора Сироткина.

Между тем после бесплодного правительственного совещания 18 января 1995 г. у Давыдова ситуация с поиском, учетом и особенно с эксплуатацией (т.е. с отчислениями в федеральный бюджет валютной прибыли) зарубежной российской собственности ухудшалась день ото дня.

Это наглядно показала справка Счетной палаты за конец 1996 г. о проверке ГКИ-Мингосимущества. Отсылая читателя в деталях к несколько сокращенному тексту справки (см. Приложения, док. 8), а также к публикациям в российской прессе (как правило, они были сделаны в

1996-1998 гг. благодаря «утечкам» копий справки из самой Счетной палаты), подчеркнем лишь основные тенденции, объясняющие многолетнюю «пробуксовку» всех предложений нашего Экспертного совета по наведению порядка в деле государственного использования российских богатств за рубежом, в частности скрытый саботаж нашего ключевого предложения с 1994 г. – создание специального **ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЗАЩИТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ** Кстати, идею создания такого Агентства поддержал депутат Госдумы от КПРФ и соавтор законопроекта «Об имуществе РФ, находящемся за рубежом» Леонид Канаев («Российская газета», 27 мая 1998 г.), а также газета «Коммерсантъ-Daily» (21 мая 1998 г.). Важно также подчеркнуть, что аналогичные агентства по заграничному имуществу уже много десятилетий существуют в Великобритании и США.

Необходимость создания такого федерального органа, как Агентство, фактически вытекала из всего контекста справки Счетной палаты по проверке деятельности ГКИ за рубежом: ее общий вывод – ГКИ совершенно не справляется с возложенными на него функциями по заграничному имуществу.

Вот некоторые тенденции, получившие отражение в справке:

– у ГКИ нет ни необходимого штата (девять человек в главном управлении собственности за рубежом на 1509 объектов федеральной собственности в 112 странах мира на 3,24 млрд. долл.), ни зарубежного представительства, ни денег, нет методики оценки и поиска и даже полного реестра зарубежной собственности;

– ГКИ не располагает данными по финансовым вложениям – доли паев, акций, ценных бумаг юридических лиц. Между тем только во Внешэкономбанке на 1 ноября 1996 г. числились капиталы бывших совзагранбанков и их партнеров на фантастическую сумму в 4 трлн. 64,5 млрд. руб. После 1991 г. все эти капиталы остались за границей, и ГКИ ничего о них не знал, хотя еще 12 декабря 1995 г. правительственным постановлением № 1211 «Об инвентаризации собственности РФ, находящейся за рубежом» он обязан был это сделать в месячный срок (по данным депутата Л. Канаева, в 1998 г. пять бывших совзагранбанков с суммарным капиталом в один миллиард долларов вообще попытались уйти в «свободное заграничное плавание», освободившись от контроля Центрального банка РФ);

– ГКИ не выполняет одну из своих основных функций – контроль за поступлением в федеральный бюджет средств от использования зарубежной федеральной собственности (продажа, сдача в аренду, гостиничные и транспортные услуги и т.д.). Между тем, сообщается в справке Счетной палаты, только бывший МВЭС получил в 1994-1995 гг. от сдачи в аренду своего недвижимого имущества при торгпредствах 15,3 млн. долл. из которых перечислили в бюджет чуть больше половины – 7,65 млн. долл.;

– ГКИ фактически пустил в 1992-1994 гг. на самотек приватизацию бывших советских внешнеторговых объединений («Общешаэкспорт», «Разноимпорт», «Техностройэкспорт» и многие другие), что позволило нечестным внешнеторговцам искусно занизить величину уставного капитала, а разницу положить себе в карман

(до 16,1 млн. долл. только при приватизации «Нафта Москва» и ВО «Техснабэкспорт»).

Сомнительные махинации внешнеторговцев в конце концов привели к отставке их министра и ликвидации самого МВЭС.

Однако борьба за «внешнеторговую империю» Леонида Красина на этом не закончилась. Пользуясь тем, что с 1992 г. под флагом либерализации и демократизации экономики (упразднение Госплана, Госкомцен, Госкомитета по сырьевым ресурсам и др.) была фактически упразднена и государственная монополия внешней торговли, различные ведомственные кланы и объединения лоббистов бросились делить «жирный пирог» – зарубежную собственность бывшего СССР.

Выше мы уже писали, какая нешуточная борьба развернулась в 1992-1995 гг. всего за один объект недвижимости, оказавшийся «бесхозным», – Русский культурный центр (дворец графа Шереметева) в Париже.

После упразднения МВЭС (указ Президента за № 1135 от 2 августа 1996 г.) таких объектов (торгпредств и их инфраструктуры – школ, магазинов, дач и т.д.), как дворец Шереметева, оказалось в десятки раз больше. Добавьте к ним более 50 представительств «Совэкспортфильма» (офисы, квартиры), «Интуриста» и Морфлота СССР и другие «совзагранучреждения». По подсчетам Леонида Канаева, всего таких «бесхозных» советских объектов к 1998 г. насчитывалось 2559 единиц общей площадью в 2 млн. кв. м и балансовой стоимостью в 2 млрд. 667 млн. долл. Из них, полагает Канаев, лишь 78% используется в интересах РФ, 12% сдается «налево», а 255 объектов вообще брошены на произвол

судьбы и разворачиваются местным населением (большинство из них находятся в Латинской Америке или Африке).

Такое безобразие, по мнению депутата, стало возможным только потому, что:

а) этими 2559 объектами управляют целых 14 министерств и ведомств, а «у семи нянек дитя без глазу»;

б) отсутствует единая юридическая база управления зарубежной собственностью, фактически до июня 1998 г. опиравшегося на устаревший указ Б.Н. Ельцина «О государственной собственности бывшего Союза ССР за рубежом» от 8 февраля 1993 г. (по статье депутата Л. Канаева в «Российской газете» 27 мая 1998 г.).

Что касается законопроекта «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом», то он с 1994 г. с большими осложнениями обсуждался в Думе и только в июне 1999 г. был наконец принят; однако Президент тут же наложил на него «вето», и, как мы увидим далее, далеко не случайно.

Нельзя сказать, что Правительство РФ не пыталось решить судьбу бывшей советской собственности (о «царской» все эти годы речь вообще не шла). 5 января 1995 г. премьер В.С. Черномырдин подписывает распоряжение № 14 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом». Но спустя несколько месяцев то же правительство свое постановление дезавуирует, отменив центральный пункт о ГКИ как главном органе управления зарубежной собственностью.

Причина такой непоследовательности Черномырдина стала ясна год спустя, когда указом Президента № 1135 от 2 августа 1996 г. зарубежная собственность упраздненного МВЭС передавалась Управлению делами Президента РФ (УДП) и его начальнику П.П. Бородину.

«ИМПЕРИЯ БОРОДИНА»

Самый близкий исторический аналог УДП – министерство уделов Российской империи, обслуживавшее до 1917 г. членов императорского Дома Романовых (около 50 взрослых великих князей и княгинь во главе с семьей Николая II, а также их дети, внуки и правнуки – всего около 300 человек). Для «прокорма» такой оравы еще с 1613 г. года воцарения династии Романовых на троне, выделялись т.н. кабинетские (удельные) земли вместе с крепостными.

При постоянном расширении сначала территории Московского царства, а со времен Петра I и Империи из «новых земель» обязательно выделялись «кабинетские земли» – в Поволжье, на Алтае (личный домен царствующих императоров до 1909 г. когда Николай II отписал его в казну для расселения «столыпинских хуторян»), в Новороссии (Украина) и в Крыму, в Карелии и Прибалтике и т.д. На балансе министерства уделов находились также «зимние» и «летние» дворцы, дачи в Крыму, конные заводы, рыбные промыслы, алмазные и золотые рудники и т.д. не считая «служб сервиса» – ателье, мастерских Фаберже, а также императорских яхт

и парашютов, «царских» поездов и др. Всем этим огромным хозяйством в Петербурге и на местах управляла сеть императорских хозяйственных контор с огромным штатом чиновников.

Каждый взрослый член Дома Романовых, кстати, неподсудный обычному гражданскому суду (как в советские времена – члены Политбюро ЦК КПСС), имел «цивильный лист» (открытый банковский счет) и мог брать с него денег немерено. Но напомним одну важную деталь – члены Дома Романовых не обладали правом частной собственности на недвижимость: ни царь, ни его братья, сестры, дяди и тети не могли продать, заложить, скажем, Ливадийский дворец в Крыму.

В большинстве своем «неприкасаемые» члены Дома Романовых весьма рачительно относились к «кабинетским» деньгам, а некоторые большие средства отдавали на благотворительные цели: великая княгиня Елизавета Федоровна – на богадельни для больных, императрица-мать, вдова Александра III Мария Федоровна – на слепых, глухих и других «убогих» через т. н. «Императорское человеколюбивое общество», великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт К.Р.) – на театр и науку, другой великий князь – на развитие авиации и т.д.

Вот эта «царская» хозяйственная структура после расстрела Белого дома 4 октября 1993 г. и была восстановлена в виде УДП, куда вошли семь ранее самостоятельных «уделов»: Управления делами ЦК КПСС, совминов СССР и РСФСР, четвертые главки Минздрава СССР и РСФСР со всеми их дачами, санаториями, охотничьими хозяйствами, собственной авиакомпанией «Россия» и т.д.

Сам «кромвелевский завхоз» и бывший мэр г. Якутска не раз потом хвастался публично, что его УДП и есть отныне «министерство двора» «"царя Бориса"».

Хорошо информированный еженедельник «Коммерсантъ-Власть» (1999, № 12, 30 марта) так обрисовал это новое «министерство уделов»:

На балансе УДП находятся:

В Москве

– Кремль: реконструкция на 180 млн. долл. По данным «Московского комсомольца» (1999, 15 июня), реальные расходы на реконструкцию Кремля составили более одного триллиона рублей, причем только один кремлевский кабинет Б.Н. Ельцина «потянул» на 730 млрд. руб;

– Белый дом (правительство): реконструкция на 89 млн. долл.;

– «Президент-отель», гостиницы «Арбат», «Золотое кольцо» и др.;

– два здания парламента (Госдума и Совет Федерации).

Всего более 300 офисных зданий в одной Москве.

В Подмосковье и по всей России

– Дачные поселки, виллы, в том числе: «Серебряный Бор», «Архангельское» и др.;

– 15 подсобных хозяйств;

– 18 строительных трестов;

– 4 комбината питания, спецателье, прачечные, фотоателье, «кремлевский» детсад, мебельная фабрика;

– 10 автобаз, три поликлиники, две аптеки, аптечные склады, склады медоборудования и т.д.

Фирмы УДП

– У н и т а р н о е г о с п р е д п р и я т и е «Госзагрансобственность» (балансовая стоимость управляемых заграничных объектов, по оценке самого Бородина, 600 млн. долл.);

– «Госинвест» – внебюджетное финансирование и управление валютными активами;

– АОЗТ «Русь-Инвест»;

– Ф и н а н с о в о - п р о м ы ш л е н н а я к о м п а н и я реконструкции и развития (Кремля, вилл «Семьи», покупки драгоценностей и т.д.);

– Фонд президентских программ;

– ЗАО «Федеральная финансовая группа»;

– издательства «Пресса» (бывшая «Правда») и «Известия»;

– 60 т. н. «дочерних» фирм, среди которых ЗАО «Согласие» (крупнейшее в Европе алмазное месторождение им. М.В. Ломоносова под Архангельском – вспомним личные алмазные и золотые рудники Николая II).

Вывод:

– во время Бородина в аппарате УДП работало 350 чел. а на «хозяйстве» в этих 200 «фирмах» – более 110 тыс. подчиненных («крепостных»);

– все это хозяйство «тянет» на десятки миллиардов долларов (второе место после «Газпрома»), а бюджет УДП в два раза превышает бюджет России на 1999 г. (40

млрд. долл. против 20 млрд.), несмотря на сокращение Госдумой расходов на Администрацию Президента на 20%.

Счетная палата в своей справке 1996 г. отметила неконституционность такой передачи неправительственной хозяйственной организации (указ противоречит статье 114 Конституции 1993 г.), поскольку функция управления любой федеральной собственностью возлагается исключительно на Правительство РФ.

Возможно, позиция Счетной палаты вдохновила премьера С.В. Кириенко на попытку «осадить» П.П. Бородину в его претензиях стать еще и «министром» по внешнеэкономическим связям. Вскоре после своего трудного утверждения в Думе Кириенко обрушился с резкой критикой на Мингосимущество и в апреле 1998 г. вернулся к старому постановлению Черномырдина 1995 г. вторично обязав министерство подготовить «Положение» об управлении заграничным имуществом РФ.

Зажатое между премьером и Бородиным, Мингосимущество собрало свою коллегия, но никакого «Положения» не приняло. Тогда Кириенко пригрозил «вызвать на ковер» и назначил отчет Мингосимущества на ВЧК. Но до августа 1998 г. заседание ВЧК так и не состоялось.

29 июня 1998 г. Президент подписывает новый Указ № 733 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за границей». На этот раз, в отличие от указа 1996 г. речь уже идет не только о «внешнеторговой», а вообще обо всей федеральной собственности за рубежом, управляемой неким «акционерным обществом» с контрольным пакетом акций

у государства (фактически – у Бородина: см. Приложение, док. 12).

Надо отдать должное консультантам Управления делами Президента: на этот раз они замахнулись не только на 2 млрд. 667 млн. долл. во что оценивается бывшая «советская» недвижимость за границей, но и на золотовалютные активы бывших совзагранбанков, СП, ВО и других советских учреждений, что, по подсчетам Л.М. Канаева, «тянуло» уже на внушительную сумму – 130 млрд. долл.

В роли «толкача» нового проекта выступило само Мингосимущество в лице нового молодого руководителя Департамента собственности за рубежом А.А. Радченко.

В мае 1998 г. на очередной пресс-конференции Радченко «озвучил» коллективный доклад Мингосимущества и консультантов Управления делами, озаглавленный «О повышении эффективности использования федеральной собственности, находящейся за рубежом».

Справедливо констатируя уже набивший оскомину факт, что у 2559 объектов российской федеральной зарубежной собственности «семь нянек», он предложил вместо них учредить одну «няньку» – Управление делами Президента во главе с П.П. Бородиным. При этом бойкий руководитель департамента намекал, что Бородин уже с 1996 г. – самый крупный хозяин федеральной собственности за границей (715 объектов) после МИД (1541 объект). Все остальные владельцы сущие «нищие» – Валентина Терешкова с ее Российским зарубежным центром (бывшим ССОД) – 77 объектов, РИА «Новости» – 63 объекта, у остальных и того меньше.

Умело манипулируя цифрами, юный столоначальник из Мингосимущества доказывал, что все это богатство из рук вон плохо эксплуатируется, четвертая часть объектов вообще пустует, а прибыль приносят только объекты Управления делами Президента (750 тыс. долл. в год), остальные (например, терешковские «центры») наскребают едва-едва по 200 тыс.

Разумеется, о том, в чей бюджет идут доходы от «эффективных» объектов УДП, Радченко предусмотрительно умолчал.

И что же предлагалось соорудить вместо «семи нянек»? Третью «естественную монополию» – Российское Акционерное Общество (РАО), или сокращенно – «Росзагрансобственность», по типу «Газпрома» или РАО «ЕЭС»!!! Вот, оказывается, для чего был нужен Указ Б.Н. Ельцина № 733 от 29 июня 1998 г.

При этом, как мы в Экспертном совете вскоре поняли, в число главных учредителей новой естественной монополии должны были войти Управление делами Президента, Мингосимущество и Главное производственно-коммерческое управление по обслуживанию дипломатического корпуса (ГлавУПДК) при МИД РФ. Участие последнего учредителя нового АО вполне объяснимо – у МИД и ГлавУПДК вдвое больше заграничных объектов, чем у Бородина.

Судя по тому, что уже в начале сентября 1998 г. в наш Экспертный совет за консультациями обратились заместитель министра иностранных дел И.И. Сергеев и новый начальник ГлавУПДК В.С. Федоров (оба сегодня уже бывшие), дело о создании РАО «Росзагрансобственность» было поставлено на практическую основу, хотя некоторые члены

правительства Кириенко (в частности, первый вице-премьер Б.Е. Немцов) уже весной выступали против создания еще одной конструкции «бандитского капитализма» («Коммерсантъ-Daily», 21 мая 1998 г.).

С другого конца зашли «люди Чубайса» и его Российский центр приватизации (РЦП), возглавляемый в тот период Максимом Бойко, бывшим вице-премьером и главой ГКИ. С санкции все того же А.А. Радченко и на деньги ЕБРР (по некоторым данным, до 300 млн. долл.) РЦП подрядился реально оценить все ту же российскую зарубежную собственность, что затем должна была пойти на «эффективное использование» (читай – личное обогащение).

Но на этот раз П.П. Бородин крупно просчитался, свидетельством чего стали рейды следственных бригад Генпрокуратуры в марте 1999 г. в его ведомство для «выемки документов».

Подвел шаблонный подход к решению задачи «приватизации» заграничной собственности. Ведь все мыслилось по схеме 1996 г.: указ – разгон МВЭС – Давыдова в отставку – торгпредства наши.

И здесь так же: указ от 29 июня 1998 г. – Примакова в отставку – МИД если не разогнать, то отобрать у него хотя бы половину из 1541 для «эффективного использования» (сиречь обложения «данью»).

Но вышла осечка – дефолт 17 августа спутал все карты и всю прежнюю клановую расстановку сил «наверху». Примакова не только не выгнали, а, наоборот, назначили премьером, и Дума его с первого захода утвердила.

И вместо нового «Газпрома» в виде РАО «Росзарубежсобственность» Примаков утверждает нечто совсем другое – Межведомственную правительственную комиссию, но с прямо противоположными – государственными – задачами, нежели в «задумке» П.П. Бородина: «по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом», т.е. доходы должны идти не в «бюджет» Кремля, а в бюджет ГОСУДАРСТВА.

Впрочем, сторонники Примакова радовались недолго – 12 мая 1999 г. Президент отправил его правительство в отставку, и сторонники «третьей естественной монополии» оживились было вновь, но не надолго: новый Российский Президент В. В. Путин переместил Бородина, и его проект заглох.

Не все, однако, чиновники госаппарата «демократической» России сродни Радченко – иначе бы наше Отечество давным-давно разворовали (кстати, сам этот юный комбинатор вскоре сбежал с госслужбы в ГКИ в коммерческую структуру). Есть еще честные государственники и в правительстве, и в Администрации Президента, и в Совете безопасности.

Однажды, в самом начале января 1999 г. после моего очередного выступления по телевидению в программе Андрея Леонова «Слово и дело» по ТВ-Центр о российских богатствах за рубежом у меня дома раздался звонок. Мужской голос, слегка шепелявя,

представляется ответственным сотрудником Администрации Президента, выражает свой восторг по поводу моей гражданской позиции в телепередаче и интересуется – чем может помочь Администрация нашему Экспертному совету?

Спустя некоторое время встречаемся на Старой площади и вместе приходим к выводу – действовать надо через Совет безопасности как пока единственный в высших эшелонах власти России орган, координирующий работу «семи нянек». Конкретная задача – попасть к секретарю СБ Н.Н. Бордюже, минуя частокол его помощников и заместителей, объяснить генералу суть дела и получить резолюцию, разумеется, положительную.

Все дальнейшие действия сильно смахивали на эпизод из телесериала «Семнадцать мгновений весны». Помните, как во время воздушной тревоги Штирлиц-Исаев попадает в кабинет Бормана? (Поэтому-то я и не называю имен своих добровольных помощников, которых служба собственной безопасности все равно «вычислила», и уже после отставки Бордюжи с постов главы Администрации и секретаря СБ один из них по-житейски спросил меня – а как попасть в Дипакадемию МИД РФ на учебу?)

Итог многоходовой аппаратной интриги превзошел вначале все ожидания: Бордюжа не только прочитал бумагу, но и полностью одобрил ее основные идеи и даже назначил срок созыва СБ – через десять дней, поручив подготовку заседания своему заму А.М. Московскому.

За десять дней не получилось – аппарат СБ слишком громоздкая бюрократическая машина для того, чтобы

работать оперативно. Сначала мне пришлось писать кучу справок, участвовать в рабочих заседаниях с чиновниками СБ и у Московского.

Ключевым документом стал проект протокола заседания СБ, которое наконец состоялось через три месяца после резолюции Бордюжи, увы, уже без него: за несколько дней до того его «ушли» в отставку с обоих постов – главы Администрации и секретаря СБ, отправили послом РФ в Данию, и лишь в 2003 г. он вернулся обратно в Москву.

В итоге гора родила мышь – ситуация 18 января 1995 г. зеркально отразилась 22 марта 1999 г.: ничего кардинального Совет безопасности не принял, кроме общих деклараций (см. Приложения, док. 16).

В окончательном тексте протокола исчезло мое ключевое предложение о создании специального Федерального агентства по защите имущественных интересов России за рубежом (одна «нянька») и оставлены прежние «семь» (в рамках существующей структуры правительства – сиречь по-прежнему Мингосимущество, за спиной которого маячил П.П. Бородин). Пропала и координирующая функция МИД – тогдашний замминистра И.И. Сергеев (кстати, почему-то не пришедший на заседание СБ) отказался выступить в роли «координатора», поскольку его проект «третьей естественной монополии» в документе не был даже упомянут.

В окончательном тексте протокола осталось лишь одно конкретное предложение: рекомендовать Правительству РФ включить проф. Сироткина в состав Межведомственной комиссии по защите имущественных интересов за рубежом.

Но и эту, в сущности, частную задачу аппараты СБ и Администрации так и не довели до конца. Сначала долго шла «торговля» между замами Бордюжи (напомним, что к моменту принятия протокола 22 марта 1999 г. он был уже отправлен в отставку) – кто подпишет сопроводительное письмо на имя Примакова в правительство? При этом никого из них не интересовало существо протокола (400 млрд. долл. в уплату 200 млрд. внешнего долга), а тревожила лишь одна мысль – кто будет вместо Бордюжи и не попадает ли сей зам впросак со своей подписью...

В итоге бумагу отослали в секретариат к только что назначенному новому главе Администрации Президента А.С. Волошину. Там, в Кремле, ее долго держали (хотя и пригласили меня на беседу) и в конце концов отдали на экспертное заключение в Экономическое управление Президента РФ, где в конце концов и похоронили: назначение проф. Сироткина в Межведомственную комиссию, вопреки решению СБ, так и не состоялось...

Но и на этот раз моя эпопея с хождением по коридорам власти еще не кончилась, ибо после досрочной отставки Б.И. Ельцина на авансцену большой политики вышли уже другие люди: весной 2000 г. новым президентом России был избран В.В. Путин, и почти молниеносно последовали новые кадровые назначения. Одним из первых уже в апреле 2000 г. был перемещен «кремлевский завхоз» Бородин, а вместо него назначен

бывший крупный чиновник из валютно-финансового контроля ФСБ из «питерских чекистов» В.И. Кожин.

Поначалу для нашего Экспертного совета все вроде бы складывалось как нельзя более благоприятно: Кожин лично пригласил меня на беседу (чего никогда не делал П.П. Бородин). К тому времени с 1999 г. я уже был экспертом-консультантом бородинской «конторы» – унитарного предприятия «Госзагрансобственность», возглавлявшейся его якутским земляком неким Д.Е. Кычкиным, ничего, правда, не смыслившим в зарубежных делах и до этого «рулившим», как один из замов гендиректора, «Президент-отелем» в Москве.

На беседе присутствовал и новый начальник «Госзагрансобственности» – еще одна темная личность, но уже из Питера: бывший телепродюсер Владимир Левиев, как оказалось позднее, хронический алкоголик, через два года изгнанный из «конторы».

Вряд ли Кожин читал мои книги и статьи, возможно, лишь пару раз узрев меня по телевидению, но кто-то на самом «верху», очевидно, подсказал – да у тебя в Управлении делами есть один профессор, он зубы съел на этой самой зарубежной собственности. К тому времени я уже основательно «засветился» в коридорах власти – и месяца не проходило, чтобы из МИДа (по «румынскому золоту»), из Минфина, Счетной палаты и т. д. не следовали звонки или письменные запросы – дайте ваше экспертное заключение!

Еще в 1999 г. приглашал меня к себе зам. главы Администрации и помощник президента по международным делам С.Э. Приходько. Да и сам В.В. в бытность еще замом управления у Бородина в 1996 г. лично беседовал со мной, А.И. Вольским и М.В.

Масарским по зарубежным клондайкам России. С тех пор я регулярно отправлял в секретариаты директора ФСБ, премьера и Президента все свои книги о зарубежном золоте и недвижимости.

Словом, поначалу Кожин позитивно отреагировал на это «засвечивание» и пожелал успешной работы с новым начальником «Госзагрансобственности» Левиным, тем более что 23 октября 2000 г. подоспел указ № 1771 нового президента о ликвидации в этом деле «семи няnek» и учреждении двух – МИД и УДП. Отныне только два этих ведомства «рулили» зарубежной недвижимостью, хотя лишь советской – «царская» и все золото, а также ценные бумаги остались за рамками деятельности УДП.

Любопытна история появления указа № 1771. Пока наемный Будницкий, а также Анатолий Чубайс, Максим Бойко и даже «Геракл» (Виктор Геращенко – на РенТВ весной 2002 г.) витийствовали, что никаких «клондайков» золота и недвижимости у России за рубежом якобы нет, два знающих «цену вопроса» опытных «олигарха» – Борис Березовский и Роман Абрамович – в сентябре 2000 г. направили В.В. Путину секретное послание. По содержанию это был форменный плагиат: «олигархи» взяли нашу идею создания специализированного федерального агентства по управлению госсобственностью за рубежом (и даже оценку этой собственности указали нашу – 400 млрд. долл.), но предлагали создать это «агентство» не при Путине, а при них, любимых. За это «откупщики» готовы были выплатить весь внешний долг России и даже похвастались, что обещанный Чубайсу-Бойко кредит от ЕБРР в 300 млн. долл. на поиск и оформление прав

российской собственности уже перенацелен на них двоих.

Однако вся эта многоходовая операция сорвалась не без участия нашего Экспертного совета (досталось и Чубайсу с Бойко: их «контора» – Российский центр приватизации – как потенциальное «шпионское гнездо» по требованию одной из российских служб была закрыта).

И в итоге появился тот самый указ № 1771, на который вначале все мы, государственники, возлагали очень большие надежды.

Увы, реальная практика оказалась совсем иной. Хотя с приходом Кожина статус «конторы» был повышен до ФГУП – Федерального государственного унитарного предприятия «Госзагрансобственность», а сама «контора» переехала из двухэтажного домишки в районе Смоленки в Большой Черкасский переулок, поближе к Кремлю, эффективность ее работы по сравнению с «кычкинским периодом» не улучшилась: штаты возросли в пять раз, у гендиректора ФГУП появилось пять замов (и все – с огромными медными табличками), а мне, например, как эксперту-консультанту так и не нашлось ни при Кычкине, ни при его преемниках (а их только на моих глазах сменилось целых три, и все как один – случайные люди) не то что кабинета – стола и стула ни в одном из отделов, пока, наконец, в декабре 2002 г. меня не приютил начальник отдела поиска имущества и оформления прав собственности ФГУП полковник В.П. Никифоров (который, впрочем, вскоре из начальников ушел в рядовые, ввиду явной неэффективности работы своего отдела).

Тем не менее я на свой страх и риск продолжал составлять реестр «царской» недвижимости за рубежом, преимущественно в Западной Европе, для чего трижды выбивал себе служебные командировки во Францию. Но в тот самый момент, когда и само руководство ФГУП осознало – в указе № 1771 записано, что оно обязано переписать все бывшие царские дворцы, виллы, церкви и т. д. и начало шевелиться (ведь за трехлетнее безделье в этом вопросе президент по головке не погладит), – меня в июне 2003 г. уволили с должности эксперта-консультанта ФГУП «по сокращению штатов».

В моей уже долгой жизни это было далеко не первое сокращение: духовные предшественники Кожина «сокращали» меня в 1956 г. когда на уровне руководства МГУ я и еще 30 моих однокашников по истфаку были уже зачислены в аспирантуру и даже получили комнаты в общежитии, но не были утверждены Минвузом СССР (оказывается, Политбюро ЦК КПСС в ноябре 1956 г. приняло секретное постановление о «неблагонадежной молодежи» в СССР), в 1963 г. те же предшественники облыжно включили меня в список... пенсионеров (и это – в 29 лет!) при очередной хрущевской чистке АН СССР, сорвав тем самым мою защиту кандидатской диссертации, в 1987 г. завистливые коллеги из МГПИ им. В.И. Ленина пытались исключить меня из партии по организованному ими доносу студентов (и тем самым «сократить» как заведующего кафедрой новой и новейшей истории истфака этого вуза). И все тщетно – иных уж нет (умерли), а те – далече (в Израиле или США).

И когда В.В. Путин в очередном Ежегодном послании Федеральному собранию 16 мая 2003 г. заявил – «в стране тяжелейший кадровый голод; голод на всех

уровнях и во всех структурах власти, голод на современных управленцев, эффективных людей», – для меня этот пассаж его Послания ассоциировался прежде всего с Кожиным и его «питерскими» недоучками-гендиректорами из ФГУП «Госзагрансобственность» УДП.

Ведь они полностью провалили указ 1771 – не только не обеспечили доход от объектов российской недвижимости за рубежом (они ведь даже не ведают, что она не может использоваться в коммерческих целях, т. к. находится под дипломатическим иммунитетом, а сдача под жилье студентам и стажерам из СНГ большой прибыли не приносит), но и оказались в финансовой яме – только содержание объектов недвижимости (посольств, торгпредств, вилл, жилых домов и т.д.) обходится МИДу и УДП по 10 млн. долл. в год. И это при том, что оба ведомства, как и Минимущество РФ ранее, так и не составили полный реестр зарубежной собственности России, на что в очередной раз указала им и Счетная палата, и Совет Федерации.

Вдобавок между МИДом и УДП началась затяжная бюрократическая «война» – кто главней? Свою «партию на волынках» затянуло Министерство экономики и торговли – ведь оно по-прежнему назначает торгпредов, действующих параллельно с заграничными представителями УДП. А между «торгпредами» не всегда деловые отношения: в Германии, например, выяснение вопроса – кто главнее? – дошло до мордобоя.

Поскольку к моим рекомендациям ни один из новых гендиректоров ФГУП «Госзагрансобственность» не прислушивался и даже так и не обеспечил хотя бы рабочим местом, я начал сначала осторожно, а затем все

более резко критиковать эту «кормушку» в СМИ. За что меня не раз «вызывали на ковер» (Левиев, помнится, звонил даже по ночам ко мне домой, паникуя – «Кожин изволят гневаться», как будто я у нового «кремлевского завхоза» крепостной, а УДП – его личные «шесть соток»), и в конце концов уволили за заметку в «Известиях.Ru».

Но кому «завхоз», лично открывающий кафе в Кремле (и одновременно играя на гитаре у Ирины Зайцевой на ТВС в передаче «Без галстука») или выслуживающийся перед Президентом за реконструкцию Константиновского дворца в Стрельне к 300-летию Петербурга (куда он вбухал несколько годовых валютных бюджетов УДП), сделал хуже – эксперту-консультанту или Державе?

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Документ: Россия – Запад – Золото – Возврат. Интерфакс. «Новости», Лондон, 15 марта 1999; РИА. Выпуск «Новости Российской экономики», Лондон, 15 марта. Корр. РИА «Новости» Вл. Симонов // Текущий архив Экспертного совета.

2 Шараев С. Золотой блеск туманного Альбиона // Трибуна. – 1999. – 17 марта; Михеев В. Скосырев В. Царское золото спасло бы Россию // Известия. – 1999. – 18 марта.

3 Российская газета. – 1999. – 18 марта.

4 Литературная газета. – 1998. – 28 янв.

5 Куллудон В. «Ленинское золото» во Франции (перевод статьи из еженедельника «Пуэн») // Дипломатический ежегодник. – М. 1995. – С. 271. См. также: Coulloudon V. La mafia en Union soviétique. – Paris, 1991.

6 Будницкий О.В. Женщины-террористки в России. Сб. док. – Ростов-на-Дону, 1996; его же. В чужом пиру похмелье (евреи и Русская революция) // «Вестник еврейского университета в Москве», 1996, № 3, С. 21-29.

7 Сироткин В.Г. Бойтесь данайцев // «Русская мысль» (Париж, 1-7.06.2001; его же. МВФ живет на золото России // Еженед. «Мир новостей», № 5, 30.01.2001.

8 Сироткин В.Г. Наемный Будницкий (чьи деньги отрабатывает штатный «разоблачитель»?) // Еженед. «Россия», 11-17.06.2002.

9 Е.М. Примакову. Справка о возвращении золота и недвижимости из-за рубежа (к образованию президентской комиссии). Составил профессор Дипакадемии МИД РФ Сироткин В.Г. 14 марта 1994 г. // Текущий архив Экспертного совета.

10 См. в частности: Сироткин В. Казна – не мощна для частных займов // Российская газета. – 1996. – 28 дек.; Михайлов И. В поисках российского золота и недвижимости (беседа с проф. В. Сироткиным) // Русская мысль. – 1997. – 4-10 дек.; Самойлова Н. Загранинвентаризация // Коммерсантъ. – 1998. – 13 марта; Папилова Ю. Калашнов Ю. Мингосимущество включилось в борьбу за зарубежную собственность // Коммерсантъ-Daily. – 1998. – 21 мая; Канаев Л. Дворцами не бросаются // Российская газета. – 1998. – 27 мая.

11 Папилова Ю. Калашнов Ю. Мингосимущество включилось в борьбу за зарубежную собственность // Коммерсантъ-Daily. – 1998. – 21 мая.

12 Служебная записка проф. В.Г. Сироткина замминистра иностранных дел И.И. Сергееву, 15 сент. 1998 г. (о «царском» золоте и недвижимости за рубежом); Служебная записка проф. В.Г. Сироткина начальнику ГлавУПДК при МИД РФ В.С. Федорову, 7 дек. 1998 г. (основные регионы поиска российской недвижимости и возможные сроки реализации) // Текущий архив Экспертного совета.

13 Российский центр приватизации. Оценка недвижимого имущества РФ за границей и рекомендации по его эффективному использованию (техническое задание). Михаил Ермолов, главный менеджер РЦП, 23 февр. 1998 г. // Текущий архив Экспертного совета.

14 Сироткин В.Г. В Совет безопасности (справка-предложение), 17 февр. 1999 г.; Докладная записка секретарю СБ Н.Н. Бордюже от зам. секретаря А.М. Московского (проект, составленный Сироткиным), февр. 1999 г.; Протокол заседания СБ (проект Сироткина), 20 марта 1999 г. // Текущий архив Экспертного совета.

15 Протокол заседания Экспертного совета Комитета по международным делам СФ 27.03.2003 г. с участием представителей УДП, Минимущества, Счетной палаты и др. См.: Приложение, док. 18.

«О зарубежной собственности РФ» (справка). Подготовлена Аналитическим управлением аппарата СФ.

16 «Известия.Ru», 17.02.2003 г. Гнев Кожина вызвал мой комментарий к хвастливому заявлению пресс-секретаря УДП Виктора Хрекова электронному варианту газеты «Известия» о том, что в связи с новым распоряжением премьера М.М. Касьянова о передаче «на баланс» УДП ряда объектов заграничной собственности от РИА «Новости», бывшего «Интуриста», «Совэкспортфильма», Росзарубежцентра Терешковой и др. «мы (УДП) будем пытаться зарабатывать на собственности...». Я же по просьбе редакции прокомментировал заявление В. Хрекова так: а что мешало «зарабатывать» ранее, кроме вопиющей некомпетентности чиновников УДП? Да, отметил я, «у российской собственности должен быть один хозяин. УДП – это хорошо, но это полумера. Необходимо создать при президенте Федеральное агентство по защите собственности России за рубежом». Вот Кожин и воспринял это предложение, которое я публично выдвигал с 1991 г. как выпад в его адрес: ведь

как и П.П. Бородин, он считает УДП своими личными «шестью сотками».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наш рассказ об эпопее российского золота и недвижимости за рубежом завершился. И оказалось, что эта, казалось бы, частная финансово-имущественная проблема самым тесным образом связана с историей России, Европы и мира в XX веке.

В самом деле, если бы Николаю II удалось найти консенсус с «думской» оппозицией и тогдашними «олигархами», Россия лучше подготовилась бы к Первой мировой войне, а царскому и Временному правительствам не пришлось бы посылать 2/3 золотого запаса за границу для закупок бездымного пороха, снарядов, патронов и военной техники. Подробнее о политической обстановке в России в период «снарядного кризиса» и вызревании кризиса «верхов» накануне Февральской революции см.: Сироткин В.Г. Почему «слиняла» Россия? Кн. 1. – М. Алгоритм, 2003. И тогда, возможно, не было бы никакого Октября.

Проблема зарубежного российского имущества вновь стала в повестку дня во время переговоров большевиков с Западом в 20-х годах, а вопрос о выплате «царских долгов» стал главным условием дипломатического признания СССР. Технология ведения этих переговоров, одним из главных авторов которой был наркомвнешторг и посол Леонид Красин, и сегодня – наше национальное «ноу-хау».

Это «ноу-хау» Красина пригодится при ведении переговоров в Швейцарии по «нацистскому золоту» и в Германии - по реституции перемещенных культурных ценностей.

Вновь стала актуальной ушедшая, казалось бы, в историческое небытие проблема монополии внешней торговли, за внедрение которой в период нэпа яростно боролся Л.Б. Красин, перетянувший на свою сторону Ленина и большинство в ЦК РКП(б).

Псевдолиберализация внешнеэкономической политики, формальным проявлением которой стало упразднение в 1996 г. МВЭС, привела к гигантскому бегству ворованных капиталов за границу (по данным Е.М. Примакова, в 1999 г. – до 20 млрд. долл. в год).

«Прихватизация» внутри страны перекинулась за границу – различные министерства и ведомства начали ускоренно делить зарубежную «советскую» собственность. Ключевую роль в этом дележе играли разные государственные и «акционированные» ведомства – Мингосимущество, Российский федеральный фонд имущества (РФФИ), Российский центр приватизации.

Приватизация зарубежной «советской» собственности для всех этих «контор» облегчалась отсутствием научной международно признанной методики оценки недвижимости, хотя, как отмечалось в справке Счетной палаты РФ в 1996 г. еще 12 декабря 1995 г. правительство специальным постановлением «Об инвентаризации собственности РФ, находящейся за рубежом» обязало Мингосимущество разработать такую методику «в месячный срок».

Конечно, принимать такие постановления может, в отличие от остального мира, только правительство Черномырдина, которое, как известно, всегда «хотело как лучше».

Тысячу лет существует Русь, и никогда в ней не было ни методик, ни оценок (отсюда – «умом Россию не понять»). Всегда было как в песне: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». А сколько стоят эти поля (и сегодня их оценочный кадастр – не более 15%), почем леса – никто никогда этого не знал. Да и Православная церковь освящала это неведение: «земля ничья, она Божья».

Отсюда с таким трудом прививалась на Руси частная собственность на землю, отсюда – и византийская «безоценочная элита» (чиновники), сами «с потолка» или исходя из интересов собственного кармана определявшие цену «лесов, полей и рек», а также оплату коммунальных услуг, проезда в общественном транспорте, соотношение доллара и рубля. Ведь реальная оценка национальных богатств грозила российским чиновникам самым страшным – разделением власти и собственности, что в XVIII в. уже произошло в Западной Европе и в США.

Такие попытки делались и в России (Николай I, граф Витте, Столыпин). Скажем, первое Министерство государственных имуществ было создано не при «царе Борисе», а при царе Николае I еще в 1837 г. успев оценить около пяти процентов «казенных» лесов и полей. Но едва в стране началась первая «приватизация» в связи с отменой крепостного права в 1861 г. как в 1866 г. тогдашние чиновники убедили нового царя Александра II упразднить это первое «Мингосимущество», ибо реальная оценка стоимости «лесов, полей и рек» мешала им воровать.

И только 160 лет спустя после николаевского эксперимента, в июне 1997 г. методика оценок

возродилась на Всероссийской научно-практической конференции «Оценка национального богатства страны» в Парламентском центре в Москве благодаря усилиям академика РАН Д. Львова и бизнесмена М. Масарского.

Именно на этой конференции впервые публично прозвучали такие цифры и факты:

30 трлн. долл. – разведанные запасы минерального сырья;

17 квадриллионов руб. – основные фонды;

100 млрд. долл. – самая скромная оценка зарубежной недвижимости.

В 1972 г. была предпринята последняя по времени попытка оценить национальные богатства страны, так и не доведенная до конца.

Все участники конференции в один голос изумлялись, что, строя рыночную экономику (капитализм), наши рыночники-демократы за семь лет своего правления умудрились обходиться без основополагающего инструмента такой цивилизованной экономики – закона об оценочной деятельности.

Те же лоббисты, что добились упразднения МВЭС в 1996 г. в 1997 г. попытались было заблокировать закон об оценке (госорганы и независимые оценщики с лицензией, по типу нотариусов), принятый обеими палатами Федерального собрания (6 мая Президент наложил на закон «вето»).

Однако год спустя справедливость восторжествовала, а лоббисты-"приватизаторы" и чиновники-коррупционеры были посрамлены: 29 июля 1998 г. Б.Н. Ельцин все же утвердил важнейший

Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Конечно, и при таком хорошем «оценочном» указе путь не будет слишком легким, коль скоро даже с переводом уже законной федеральной собственности (зданий посольств, торгпредств, бывших совзагранбанков и т.д.) из-под юрисдикции несуществующего СССР на баланс Российской Федерации возникают проблемы. Как сообщил начальник отдела Юридического управления МИД РФ С.В. Шитьков, на 1 мая 1999 г. в 34 странах «советская» недвижимость юридически все еще числится... за СССР. Препятствуют этому главным образом Украина и Грузия: они разослали даже специальные ноты с требованием заблокировать процесс переоформления, ссылаясь на то, что их парламенты не ратифицировали соглашение глав государств СНГ от 30 декабря 1991 г. При этом вопрос о перерегистрации с 1997 г. (18 февраля 1997 г. Верховная Рада обусловила свое согласие на ратификацию «предоставлением российскими властями Украине полной информации об активах и долгах бывшего СССР за рубежом») из чисто юридического трансформировался в политический: дележ совзагрансобственности превратился в украинско-российских отношениях в дележ «второго» Черноморского флота.

Масло в огонь начали подливать и другие державы – Германия, Австрия, Польша, Румыния. Ссылаясь на дипломатические ноты Украины и Грузии, они стали чинить препятствия переоформлению, и в 1997-1999 гг. этот процесс забуксовал. Пробуксовка усилилась с марта 1999 г. – с начала агрессии НАТО против Югославии.

Саботаж с переводом с баланса на баланс принимает зачастую весьма изощренную форму. Турки, например, готовы согласиться на перерегистрацию, но требуют списать их долги за аренду зданий в Москве за 25 лет, а это, между прочим, 300 тыс. долл.!

В этой связи, как справедливо отмечает С.В. Шитьков, «есть большая опасность „увязнуть“ в переговорах, в то время как промедление в данном вопросе оборачивается для нашей страны существенными убытками, связанными с неиспользованными возможностями распоряжаться загрансобственностью с целью извлечения дополнительных средств для федерального бюджета» Шитьков С. О российском загранимуществе // Международная жизнь. – 1999. – № 5. – С. 75.

Критически разобрав также принятый Думой во втором чтении в конце 1998 г. закон «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом», опытный мидовский юрист делает важный вывод, с которым трудно не согласиться: «Вместе с тем сам факт того, что и исполнительная, и законодательная ветви власти осознают необходимость наконец навести порядок в своих собственных зарубежных хозяйственных делах и начать получать доходы в бюджет, управляя российским загранимуществом и используя его излишки в коммерческих целях, настраивает на оптимистическую волну. Главное, чтобы высокие порывы и государственные подходы не были сведены к обыкновенной дележке того, что контролировать достаточно трудно в связи с естественными причинами. Думается, что вопросы контроля за использованием государственного имущества, находящегося за рубежом, а также закрепления и подтверждения прав России на

него сегодня являются основными, и именно на них следует сконцентрировать главные усилия» Там же. – С. 78.

А между тем шкуру «неубитого медведя» (неперерегистрированную с баланса СССР на баланс РФ недвижимость в Великобритании, ФРГ, Франции, Австрии, Турции, Японии, Индии и других странах) уже «делит» премьер М.М. Касьянов: еще в 2000 г. на переговорах с канцлером ФРГ Шредером он предложил передать эту юридически «бесхозную» недвижимость в зачет внешнего долга РФ, из которого 40% мы должны именно Германии. Более того, премьер в тот же «зачет» готов был отдать и «перемещенные культурные ценности» – вот какие мы щедрые, «пальто (победы над фашизмом) нам не надо»?!

Добавим к этому выводу лишь одно предложение, уже неоднократно звучавшее на страницах этой книги: даже при «двух няньках», да еще в сложной международной обстановке в дальнем и ближнем зарубежье, эта важнейшая государственная проблема без кардинальных организационных мер – создания мощного, наделенного полномочиями Федерального агентства по защите имущественных интересов Российской Федерации за рубежом при Президенте РФ – решена не будет.

Как бы на такое предложение ни обижался нынешний «кремлевский завхоз» и сколько бы экспертов-консультантов он из своей «конторы» ни увольнял, другого решения нет.

Семилетний негативный опыт управления «семью няньками», а с октября 2000 г. – двумя с половиной (УДП, МИД и Минэкономразвития) показал: не по «сенькам» оказалась «шапка».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

1

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РОССИИ. СПРАВКА ФСБ. 1995

Передана в Текущий архив Экспертного совета 18 января 1995 г. секретариатом вице-преьера О.Д. Давыдова и является компиляцией из справок 1922-1926 гг. экспертов Наркомфина на переговорах с Антантой по «царским долгам». – Прим. публ

Со времени Крымской кампании создание твердого металлического запаса, позволяющего России возобновить платежи в звонкой монете, было задачей, к которой стремились все министры финансов. Политику накопления золота продолжали все последующие министры финансов России.

При министре финансов Витте Россия располагала необходимыми суммами для оплаты золотом и создания золотой единицы на основе 1 рубля, равного 2,667 франка. Денежная реформа Витте была облегчена благодаря золотодобыче в Сибири и займам за границей.

При последователе Витте Коковцове был создан твердый золотой запас, установлена значительная денежная наличность, которую можно было бы использовать в случае непредвиденных обстоятельств (неурожая, войны). Эта наличность оказалась кстати в

начале войны с Японией в 1904 г. Золотой запас накануне войны достигал 604 млн. руб. не считая золота, различным образом за границу помещенного (ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 833, л. 1,2).

Движение золотого запаса выражается в следующих цифрах (в млн. рублей):

1914 г. 1915 г. 1916 г. 1917 г. 8 октября 1917 г.

Золото внутри страны, 1604, 1560, 1614, 1476, 1101,1

Суммы золота за границей, 140, 170, 646, 2141, 2503,1

Всего: 1744, 1633, 2260, 3617, 3604,2

См. ЦГАНХ СССР, ф. 2324. оп. 1, ед. хр. 769, л. 9.

За исходную точку отсчета взят 1913 г. как последний стабильный в финансовом отношении довоенный год.

1914 г. явился рубежом, с которого начались существенные изменения в составе и количестве российского золотого запаса.

За время войны царское правительство передало Англии 650 млн. руб. под обеспечение своих займов для оплаты военных заказов, сделанных в Англии и США. Кроме того, Временное правительство отправило в Стокгольм 5 млн. руб. (ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 12, л. 29).

Под давлением обстоятельств военного времени имперское правительство России эвакуировало примерно половину золотого запаса в Саратов и Самару. Другая

половина хранилась, в более или менее равных долях, в Петрограде и Москве.

Стремясь лучше укрыть золотые запасы, правительство начало концентрировать их в Казани, подальше от линии фронта. Выбор места хранения золота не случаен – Казанский банк располагал обширными кладовыми. К тому же город занимал удобное географическое положение, имел железнодорожное сообщение с центром страны.

В начале 1915 г. в Казань было эвакуировано золото из Петрограда – российская и иностранная монета Монетного двора, золото в слитках частных аффинеров и частных банков.

Начиная с 1915 г. все отделения Банка Сибири и ближайшие к Казанскому отделению прислали сюда всю свою наличность и высылали таковую ежемесячно по мере накопления (ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 758, л. 52 об.).

С наступлением немцев в глубь России в начале 1918 г. Совнарком РСФСР решил сосредоточить весь золотой запас России в Казани. Сюда началась эвакуация золотых запасов из Москвы, Самары, Тамбова, Козельска и других городов России. Из Петрограда стали поступать ценности Монетного двора, Главной палаты мер и весов, Горного института.

Сосредоточение в Казани золотого запаса России, румынского золотого фонда, хранившегося во время войны в Москве, запасов серебра и других ценностей продолжалось до того времени, пока не стало очевидным, что в Казани небезопасно.

Контрреволюционный заговор изменил обстановку в этом районе. Совнаркомом рассматривался вопрос относительно нового места хранения золотого запаса. Срочно была сформирована группа, ответственная за осуществление эвакуации золотого запаса из Казани, под руководством К.П. Андрушкевича. В эту особую экспедицию входили: С.И. Добринский, Богданович, Н.В. Наконечный, Леонов, симбирский комиссар финансов С.М. Измайлов (ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 865, л. 382 об.).

Экспедиция прибыла в Казань 28 июля 1918 г. и приступила к подготовке эвакуации. Решено было погрузить золотой запас на пароходы и баржи и отправить вверх по Волге до Нижнего Новгорода и дальше по Оке. Но в разгар работ, 5 августа, когда началась эвакуация золота, в районе пристани был высажен белогвардейский десант, а в городе вспыхнул контрреволюционный мятеж.

Тогда была предпринята попытка вывезти золото по железной дороге, но не оказалось ни одного паровоза. Андрушкевичу К.П. Измайлову С.М. и казанскому министру финансов Бочкову А.И. в сопровождении дружинников удалось вывезти в Москву на четырех автомобилях 100 ящиков с золотом.

Весь оставшийся в Казани золотой запас попал в руки контрреволюционеров и в конце августа 1918 г. был перевезен в Самару.

Нарицательная стоимость вывезенного из Казани в Самару золотого запаса, по сведениям Самарского правительства КомУча, составляла 657 млн. руб.

В сентябре 1918 г. по распоряжению Самарского правительства золото было эвакуировано в Уфу.

На совещании в Уфе было избрано так называемое Всероссийское Временное правительство в виде пятичленной Директории, которой подчинялось Самарское правительство.

Опасаясь, что при дальнейшей эвакуации на восток золотой запас может попасть в руки образовавшегося Омского правительства в Сибири, Уфимская Директория обратилась к членам верховного политического органа чехословацкой армии – Отделу Чехословацкого национального совета с просьбой дать охрану для конвоирования золотого запаса в Челябинск.

К эшелонам с золотым запасом были приставлены чехословацкие караулы. Право распоряжаться золотом формально перешло от Самарского правительства к Директории.

В Челябинске золото было перегружено из вагонов в подвалы элеватора.

Авторы справки пользуются устаревшими данными. Золото в подвалы челябинского элеватора не перегружалось, и минфин Омского правительства Михайлов распоряжения о перевозке «золота КомУча» из Челябинска в Омск не отдавал – всю операцию осуществил ген. М.Н. Дитерикс. Подробнее см. гл. II, с. 87-88. – Прим. публик.

Уфимская Директория избрала своей резиденцией Омск и в качестве исполнительного органа приняла в свой состав Омское министерство, в котором министром финансов был Михайлов И.

Позднее по распоряжению Михайлова золото было перевезено из Челябинска в Омск, в Госбанк.

В ноябре 1918 г. в результате переворота в Омске при поддержке Антанты, на всей территории Сибири была установлена диктатура Колчака. В знак благодарности Колчак признал все долги царского и Временного правительств, составлявших 16 млн. руб. золотом. Весь золотой запас перешел к колчаковскому правительству. Омским министерством финансов было официально опубликовано:

"Всего из Казани вывезено запасов золота:

а) в русской монете на 523 458 484 руб. 42 коп.

б) в иностранной монете на 38 065 322 руб. 57 коп.

в) в слитках на 90 012 027 руб. 65 коп.

Всего: 651 535 834 руб. 64 коп."

Здесь впервые обнаружилась разница в номинальной стоимости золотого запаса, определенной в Казани в 657 млн. руб.

С мая 1919 г. началась продажа и вывоз золота за границу в качестве гарантий союзникам за покупаемое Колчаком оружие и снаряжение.

Из Омска во Владивосток для продажи и депонирования в виде гарантий было отправлено 217 038 кг золота на сумму 279 508 835 руб. из которых по назначению прибыло только 184 238 кг на сумму 237 251 815 руб. (ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 37, ед. хр. 1958. л. 6).

32 800 кг золота на сумму 42 251 020 руб. были захвачены атаманом Семеновым. Часть золота была истрачена на покупку оружия, а с остальными 33 млн. руб. золотом он бежал за границу, но воспользоваться

этим золотом ему не удалось. Он вынужден был отдать золото на хранение японцам, которые впоследствии его не вернули (Гос. архив Иркутской обл. ф. 260, ед. хр. 225, л. 8).

Устаревшие сведения. По данным С.П. Петрова (1993 г.), из 42 251 020 зол. руб. атаман Семенов к ноябрю 1920 г. раздал по ведомости командирам дивизий своей Дальневосточной армии 37 млн. 300 тыс. зол. руб. «на непредвиденные расходы». Бежать за границу «с остальными 33 млн. руб.» (около 30 т золота в слитках и золотой монете) Семенов физически не мог, ибо улетел из осажденной Красной армией Читы на двухместном одномоторном аэроплане, грузоподъемность которого не превышала 200 кг, включая летчика и пассажира. Подробнее см. гл. 4. – Прим. публик

Из 184 238 кг золота, прибывшего во Владивосток, 32 800 кг были помещены в Госбанк, а остаток в размере 151 438 кг был использован для кредитных операций (ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 73, ед. хр. 1958, л. 6; ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 760, л. 17 об; ЦГАОР СССР, ф. 3985, оп. 1, ед. хр. 105, л. 4).

В продажу было пущено 53 005 кг золота на сумму 68 261 497 руб.:

1) в мае 1919 г. во Францию через Китайский Промышленный банк – 126 пудов на сумму 2 661 185 руб.;

2) в мае 1919 г. в Англию через Гонконг-Шанхайский банк – 516 пудов на сумму 10 898 182 руб.;

3) в июне 1919 г. в Англию и Францию через Гонконг-Шанхайский банк и Китайский Промышленный банк – 698 пудов на сумму 14 753 114 руб.

4) в июле 1919 г. в Японию через «Йокогама спеш банк» – 140 пудов;

5) в августе 1919 г. в Японию через «Йокогама спеш банк» – 502 пуда.

Пункты 4, 5 – всего 642 пуда на сумму 13 559 381 руб.;

6) в сентябре 1919 г. в Японию через «Йокогама спеш банк» – 500 пудов на сумму 10 550 524 руб.;

7) в августе 1919 г. во Францию через Китайский Промышленный банк – 750 пудов на сумму 15 839 381 руб.

Всего: 3232 пуда на сумму 68 261 497 руб.

В качестве гарантии депонировано 98 433 кг золота на сумму 126 765 304 руб.:

1) в Японию в обеспечение займа на Монетном дворе в Осаке кредита в размере 30 млн. иен – 1500 пудов на сумму 31 680 765 руб.

2) для операций с Англо-Американским синдикатом в Гонконг-Шанхайском банке – 3937,5 пуда на сумму 90 860 437 руб.;

3) для приобретения винтовок в Америке через Русско-Азиатский банк – 150 пудов на сумму 4 224 102 руб.;

4) для приобретения пулеметов Кольта – 50 пудов.

Всего: 5637,5 пуда на сумму 126 765 304 руб.

(ЦГАНХ СССР, ф.7733, оп. 37, ед. хр. 1958, л. 5;
ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 760, л. 54 об, л. 55.)

Накануне своего падения Омским правительством были взяты следующие займы:

1. 50 млн. иен у «Йокогама спешу банк» и у «Чосен банк». В Осаке на депозит этих банков было отправлено золота на 30 535 434 иен русской золотой монетой. В счет этого займа было получено валюты на 29 500 000 иен.

2. 7 500 000 ф. ст. у Англо-Американского синдиката «Кидер Пободи» в Нью-Йорке, «Бр.,атя» Бэрринг» в Лондоне. В Гонконге в Гонконг-Шанхайском банке было депонировано золота в разной иностранной монете и в слитках на сумму 8 621 171 ф. ст. т.е. по паритету 9,4575 на сумму свыше 81 500 000 золотых руб.

(Из материалов по контрпретензиям СССР к странам Антанты и Франции. ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 37, ед. хр. 1958. л. 5.)

Часть этого займа была использована, а часть зачислена на личные счета представителей Сибирского правительства за границей:

1. В Токио у К.К. Миллера:

- 6 940 000 иен;
- 170 000 американских долларов;
- 424 000 франков;
- 450 000 мексиканских долларов.

2. В Лондоне у К.Е. Замены – 517 000 ф. ст.

3. В Лондоне у профессора Бернацкого – 607 000 ф. ст.

4. В Нью–Йорке у С.А. Угета -27 227 ам. долл.
5. В Париже у Рафаловича – 21 439 000 драхм.
6. В Париже у «Унион» – 256 000 фр.
7. В Шанхае у б«ывшего» консула Гроссе – 40 000 ф. ст.

8. Кроме того, во Владивостокской кредитной канцелярии числилось за банками:

- «Бр„атя“ Бэрринг» – 2 000 000 ф. ст.;
- «Ландманс Банк» – 9 000 000 датских крон;
- «Русско-Азиатский» – 113 000 иен, 8000 ам. долл. 4000 ф. ст.;
- «Индо-Китайский» – 15 680 000 фр.

Общая сумма всех остатков достигала почти 100 млн. золотых руб.

К моменту падения Омского правительства в его распоряжении оставалось:

- у генерала Юденича свыше 8 053 000 франков;
- у военного агента в Японии генерала Подтягина свыше 6 275 000 иен.

(Из материалов по контрпретензиям СССР к странам Антанты и Франции. ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 37, ед. хр. 1958, л. 4.)

Дальневосточным правительством в 1920 г. была сделана безуспешная попытка получить эти суммы через посредство японского правительства.

Безуспешной была попытка получить через «Чосен банк» и «Йокогама спешу банк» суммы от реализации золота, депонированного в Японии Омским

правительством в обеспечение своего займа (ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 37, ед. хр. 1958, л. 4).

Омск оказался недостаточно надежным местом хранения золотого запаса, который значительно сократился из-за крупных переводов за границу правительством Колчака.

В конце октября 1919 г. работники, сопровождавшие золото, – Казановский Н.С. Кулябко Н.П. Племянников А.М. Арбатский А.Д. провели неофициальную ревизию золота и подвели баланс. Было установлено, что Колчаком и его людьми истрачено более 11 500 пудов золота. Но собрать всю необходимую документацию о выемках золота не удалось, поэтому цифра безусловно занижена.

Собранные Казановским, Кулябко и Арбатским документы по расходу Колчаком золотого запаса отразили следующее положение вещей:

К 31 октября 1919 г. золотой запас был погружен в вагоны и подготовлен к вывозу на восток. При этом исчез один мешок с 60 тыс. золотых руб.

12 ноября 1919 г. «золотой эшелон» двинулся на восток. Колчаковское правительство стремилось доставить это золото во Владивосток и передать его на хранение правительству США.

1 января 1920 г. состоялось совещание союзных представителей в Иркутске – англичан, французов, американцев, японцев, чехословаков, которое пришло к следующему заключению:

«Золотой запас Российского правительства оказывается в опасности и может попасть в руки лиц, не имеющих прав распоряжаться от имени русского народа,

а потому долгом союзников является совместно с Российским правительством принять меры к обеспечению охраны этого золотого запаса. Для неприкосновенности золота и хранения его, пока союзные правительства в согласии с представителями Российского правительства не решат об окончательном его назначении, совещание решило перевезти золото под охраной союзных сил во Владивосток».

(ЦГАОР СССР, ф. 5856, оп. 1, ед. хр. 394-6, л. 6.)

4 января 1920 г. Иркутск был занят большевиками. Колчак перешел под охрану чехословацких войск и подписал отречение от поста Верховного правителя в пользу Деникина

Распространенная в советской литературе о Гражданской войне ошибочная версия: не в пользу А.И. Деникина, а в пользу атамана Г.М. Семенова. – Прим. публик.

5 января 1920 г. началась передача золотого эшелона под охрану чехословацких войск. Но попытка чехов полностью взять на себя «охрану» золотого эшелона успеха не имела, т.к. русские солдаты отказались оставить свои посты. Решение солдат поддержали Казановский, Кулябко и другие банковские сотрудники, бывшие в эшелоне. Золотой эшелон под смешанной охраной медленно продолжал путь на восток. На станции Тыреть была обнаружена пропажа 13 ящиков с золотом. Судьба этого золота неизвестна Версию о «чешском следе» этих 13 ящиков с золотом на 750 тыс. зол. руб. см.: Сироткин В.Г. Вернется ли на родину российское золото? // Знамя. – 1992. – № 8. – С. 198-203.

В конце января 1920 г. золотой запас был отбит у колчаковцев партизанами и рабочими. Хотя фактически

золотой запас находился в ведении Иркутского ревкома, его охрана была смешанной и состояла из представителей иностранных держав, аккредитованных при правительстве Колчака, отряда белочехов и югославов, а также бойцов красных партизанских отрядов Сибири. Эта охрана выполняла свои задачи вплоть до 4 марта, когда из Иркутска на восток ушла последняя чехословацкая часть.

Сибирский ревком информировал о захваченном у колчаковцев золоте:

«17 февраля 1920 года... Для Вашего сведения сообщаем „о“ находящихся в нашем распоряжении ценностях, захваченных от павшей власти. На вокзале в Иркутске находится в вагонах под смешанной охраной нашей и чехов запас золота по оценке 5 руб. 50 коп. золотник в слитках – на 13 005 359 руб. 45 коп. в монете – на 396 062 руб. 78 коп.; всего на 409 068 103 руб. 23 коп.».

(ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 1, ед. хр. 1346, л. 17.)

18 марта 1920 г. была произведена приемка поезда с золотым запасом. В 13 вагонах «золотого» поезда оказалось 6815 ящиков, из них: в 197 ящиках – золотые слитки, в 6354 ящиках – полноценная российская золотая монета, в 262 ящиках – дефектная золотая монета и в 2 ящиках золотые слитки из Пермского Нарбанка. Общая стоимость золотого запаса РСФСР составила 409 625 870 руб. 23 коп. по номинальной оценке (ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 1, ед. хр. 1356, л. 56 об.).

Золотой запас, оставшийся в европейской части РСФСР после вывоза казанского золота в Омск, составлял 450 млн. руб. (1101,1 – 651 = 450 млн. руб.) и был сосредоточен в Москве. Часть его в 1918 г. была

передана Германии во исполнение статей 2 и 3 финансовой конвенции (от 27 августа 1918 г. в Берлине. – Прим. публик.), присоединенной к Брест-Литовскому мирному договору. Всего до 11 ноября 1918 г. когда Германия, подписав перемирие с союзниками, отказалась от всех выгод, связанных с Брест-Литовским договором, было передано Германии 93 526 849 кг золота на сумму 12 799 240 руб. 63 коп. по оценке 5 руб. 50 коп. за золотник (ЦГАНХ СССР, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 760, л. 21.).

Во исполнение статьи 259 Версальского договора Германия обязалась передать союзникам все наличные деньги и ценности, которые она получила в виде платежей по Брест-Литовскому договору. Союзные державы сохранили за Россией право получить от Германии всякие восстановления и возмещения, которые соответствуют началам Версальского договора.

В силу этого Брест-Литовское золото, разделенное на две почти равные доли между Францией и Англией (доля Франции – 46 791 165 г; доля Англии – 46 735 801 г), было помещено на хранение во Французский банк. Золото это является собственностью СССР как преемника Российской империи. Оно рассматривается начиная с Генуэзской конференции как один из главнейших и наиболее бесспорных золотых активов, подлежащих возвращению СССР.

В качестве такого актива брест-литовское золото было выдвинуто на Лондонской конференции в 1924 г. и на Парижских переговорах 1926 года.

Примечание: 1 золотник = 4,266 г стоимость 1 золотника золота составляла 5 руб. 50 коп. стоимость 1 г золота составляла 23 руб. 46 коп.

17 января 1995 г.

2

К ВОПРОСУ ПРИОБРЕТЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ПАЛЕСТИНЕ, СИРИИ И ЛИВАНЕ СПРАВКА МИД СССР. 1949 г.

Копия справки передана в Экспертный совет в 1996 г. бывшим председателем ИППО проф. О.Г. Пересыпкиным. – Прим. публик

В силу разных причин царское правительство было вынуждено в 1843 году послать в Палестину своих представителей, которые в 1847 г. организовали там Русскую Духовную Миссию.

В 1853 г. наряду с Миссией был учрежден Палестинский комитет. С этого времени Палестинский комитет приступил в разных местах Палестины, Сирии и Ливана к приобретению в свою собственность земельных участков и возведению на них разных зданий и подворий для русских паломников. В 1864 г. Палестинский комитет был упразднен и вместо него была образована Палестинская комиссия, реорганизованная в 1882 г. в Императорское Палестинское Православное Общество (фактически Палестинская комиссия существовала до 1889 г.).

С 1889 г. по возбужденному Палестинским Обществом ходатайству оно стало получать ежегодно субсидию из Государственного Казначейства в сумме 30 000 руб.

Поскольку основная деятельность Палестинского Православного Общества и его предшественников начиная с 1853 г. заключалась в приобретении земельных участков в разных «святых местах», а также в постройке зданий, подворий, храмов и т.д. то уже в 1914 г. Палестинское Общество имело в своем распоряжении на правах собственности большое количество зданий и земельных участков с общей площадью более полумиллиона кв. саженей, из которых значительное количество земельных участков было принесено в дар Палестинскому Обществу со стороны местных граждан, а в свою очередь Палестинское Общество ряд земельных участков принесло в дар Русскому государству, юридическим и фактическим представителем которого выступал консул в Иерусалиме.

Следует иметь в виду, что правовое положение нашей собственности в Палестине характеризовалось наличием одного ограничения (вакуфа), смысл которого заключался в следующем:

Турецкое мусульманское законодательство до 1-й империалистической войны не признавало юридических лиц; оно считалось только с правами отдельных физических лиц, а не с их союзами и обществами. Поэтому в Турции в те времена (в период деятельности Палестинского Общества) все общества, компании, союзы, товарищества, религиозные и проч. учреждения во всех сделках по недвижимым имуществам прибегали к посредничеству своих членов, служащих или

посторонних лиц, на имя которых записывались и оформлялись эти покупки. В силу этих обстоятельств значительное количество недвижимого имущества иностранных благотворительных учреждений было записано на имя частных лиц.

В 1913 г. турецкое правительство издало новый временный закон, срок действия которого был ограничен 6 месяцами, по которому было разрешено религиозным и благотворительным учреждениям переписывать на свое имя те имущества, которые были записаны на имя частных, третьих лиц.

Также на имя третьих лиц, в частности на имя вел. кн. Сергея Александровича и других, было записано большое количество участков, и поскольку последний после смерти не оставил никаких завещательных распоряжений относительно записанного на его имя имущества общества, а выданные им доверенности на право распоряжения этими имуществами потеряли силу, и учитывая, что Палестинское Общество не могло быть назначено его правопреемником, т.к. оно не могло приобретать имущество, – трудно сказать, какое из этого имущества в Палестине, Сирии и Ливане было с 1913 г. переоформлено за Палестинским Обществом, Духовной Миссией или Русским государством.

1. Два смежных земельных участка: большой участок «Дохра» размером 6300 кв. м и меньший без названия размером 2700 кв. м на склоне горы Рас-она около деревни Бейт-Джала недалеко от г. Вифлеем. (По сведениям б. секретаря Палестинского Общества Хитрово, размер их 14 640 кв. м.) Один из них был приобретен в 1866 г. и второй в 1872 г. – Антонином Архимандритом Антонин (Капустин) – глава Русской

духовной миссии в Иерусалиме в конце XIX в на свое имя за 3 тыс. франков. На участке расположены:

1. Два двухэтажных каменных дома, в которых помещалась женская семинария.
2. Одноэтажный каменный дом для служащих семинарии.
3. Домик– особняк архимандрита Антонина.
4. Одноэтажный дом – амбулатория.
5. Конюшня.
6. Три цистерны для воды, прачечная и фруктовый сад.

Оба участка окружены общей капитальной стеной стоимостью в 10 000 франков. В 1895 г. стоимость построек определялась в 142 800 франков и земельных участков в 12 000 франков. В 1897 г. оба участка переведены на имя Российского правительства, после чего были получены два фирмана турецкого султана, подлинники которых хранятся в Архиве внешней политики. В делах НКВД имеются две незаверенные копии указанных фирманов, два плана участка и несколько планов зданий, расположенных на участке

Часто упоминаемое в публикуемом документе выражение «в делах НКВД» (копий фирманов, купчих, планов участков и т.д.) связано, по-видимому, с присылкой в 20-х гг. в НКВД копий документов о «святых землях» из британской разыскной фирмы «Пинкертон», начальный этап работы которой еще в 1923 г. оплатил полпред СССР в Лондоне Л.Б. Красин. – Прим. публик.

2. Земельный участок размером около 10 568 кв. м в Галилее около железнодорожной станции Аффула в

Ездrelонской долине подарен в 1913 г. Российскому Палестинскому Обществу Михаилом Сурском (бейрутский нотабль).

Купчая крепость на участок была составлена на имя Кезмы, начальника семинарии Палестинского Общества в Назарете. Земля относится к разряду мири. По постановлению Совета Палестинского Общества от 11 декабря 1913 г. было отпущено 8600 франков на постройку вокруг этого участка каменной стены. Чтобы земельный участок не перешел после смерти Кезмы его наследникам, 14 января 1914 г. Кезма дал письменное заявление Палестинскому Обществу о том, что записанный на него участок в Аффуле был куплен на средства Палестинского Общества и фактически принадлежит не ему, а Обществу. По сведениям от августа 1913 г. на участке Палестинское Общество предполагало построить приют для паломников. По случаю первой империалистической войны Общество не успело переписать участок с Кезмы на Российское правительство или на кого-либо из русских. В деле участка имеется незаверенная купчая крепость на турецком языке с русским переводом, а др«угих» документов, подтверждающих право собственности Палестинского Общества на участок, нет.

3. Земельный участок «Баб-Хотта» с двумя садами внутри стен Иерусалима и его северо-восточной части в квартале Баб-Хотта размером 193 391 кв. м приобретен Палестинской комиссией в 1850-1859 гг. у одного местного монаха Вассариона за 17 840 франков. В 1889 г. участок был передан в ведение Российского Православного Общества. До 1859-1860 гг. на участке никаких построек не было. Он ежегодно сдавался в аренду местному кустарю-кирпичнику. После 1896 г. на

участке построен двухэтажный дом-приют. Земля относится к разряду мюльк. В 1896-1897 гг. участок был переписан у русского консула в Иерусалиме на имя русского правительства, на что имеются два подлинных фирмана, которые хранятся в Архиве внешней политики. Кроме того, имеются две незаверенные копии с вышеупомянутых фирманов на французском и турецком языках и незаверенный план участка.

Масличная гора

4. Земельный участок «Гефсимания» с церковью Марии Магдалины приобретен за 14 000 франков на имя русского консула Васильева. Согласно плану размер его 10 112 кв. м, а по др«угим» документам 11 960 кв. м. Участок расположен за городской чертой в местности древнего Гефсиманского сада. На участке расположено Мариино-Магдалинское подворье, состоящее из двух каменных домов (приюты для паломников), художественной конструкции с мазанкой храма во имя Марии Магдалины, трех цистерн для воды и фруктового сада.

Израсходовано на строительство храма 240 000 франков, на дома 25 000 франков, на капитальную стену, окружающую все подворье, 36 000 франков. В 1897 г. 20 марта все это имущество было в кадастровом управлении Иерусалима переписано на имя русского правительства, на что был получен фирман турецкого султана, подлинник которого хранится в Архиве внешней политики. Кроме того, в делах НКИД имеется три незаверенных плана на все подворье. В 1897 г. все имущество оценивалось в 402 260 франков.

5. Земельный участок «Арз-Уль-Хабаель» на Масличной горе (на горе Елеон, или Малая Галилея)

около Малой Галилеи в местности Хабаель в деревне Альтур. Участок был приобретен Палестинской комиссией при Министерстве иностранных дел за 2300 франков на имя русского консула в Иерусалиме. Размер его – 99 223 кв. м. Кроме разрушенных замка и цистерны, на участке никаких построек не было. После ликвидации Палестинской комиссии участок был передан в ведение Палестинского Общества. В 1897 г. участок был переведен на имя Российского правительства. Для закрепления прав собственности на участок был получен фирман турецкого султана. Вследствие неиспользования участка, а также плохого наблюдения за ним со стороны Общества в 1908 г. от участка было отрезано 100 кв. м соседом Сулейманом Муакетом. В июле 1908 г. указанные 100 кв. м по требованию Российского генерального консула в Иерусалиме были отобраны местными властями у Сулеймана и возвращены Обществу. Вокруг участка построена кирпичная ограда. В 1897 г. стоимость участка определялась в 40 000 франков. Подлинник фирмана турецкого султана на участок хранится в Архиве внешней политики. Копии фирмана и плана земельного участка хранятся в НКВД.

6. Второй, или малый, земельный участок в Назарете «Огород-Шуруша» размером 1480 кв. м приобретен Палестинским Обществом 16 июня 1864 г. за 15 000 пиастров на имя русского консульского агента в Хайфе Константина Аверино у назаретских жителей Ильи Аббуда и Оде Хаммура. На Аверино была составлена купчая крепость, которая после смерти Аверино была потеряна. Новому консульскому агенту С.К. Хури на основании права десятилетней давности владения удалось переписать участок на свое имя в Назаретском кадастровом управлении в августе 1892 г. Незадолго до

своей смерти С.К. Хури выдал начальнику Назаретской учительской семинарии Общества Кезме доверенность на передачу участка председателю Православного Палестинского Общества «вел.»кн. Елизавете Федоровне. По архивным материалам от 1915 г. установлено, что Палестинскому Обществу переписать участок на имя Елизаветы Федоровны не удалось. Он по-прежнему в кадастровом управлении оставался записан на Селима Хури. Никаких документов на право собственности Общества на участок нет. Участок оспаривался греческой православной общиной, в результате чего он был разделен на две половины, часть в 1480 кв. м отошла Палестинскому Обществу и 1480 кв. м – греческой общине. В 1904 г. стоимость участка определялась в 979 франков.

7. «Третий Назаретский» земельный участок в квартале Эль-Айн размером 3361 кв. м был составлен из двух смежных участков: один из них был приобретен с аукциона местным жителем Михаилом Хури у назаретского жителя Хумиоса и второй принадлежал тому же Михаилу Хури. В 1891 г. оба участка были приобретены Палестинским Обществом у Михаила Хури за 105 французских золотых франков. В 1892 г. Палестинское Общество объединило оба участка в один, но купчие крепости за № 7 и 8 были составлены на каждый участок в отдельности. Кроме того, была составлена третья купчая крепость № 9 на фруктовый сад, находящийся на этих участках. Участок и сад в Назаретском кадастровом управлении были записаны на имя А.И. Якубовича – инспектора русских школ в Палестине. 10 сентября 1907 г. Якубович, уезжая из Палестины, выдал начальнику Назаретской учительской семинарии общества Кезме доверенность на управление

и передачу участка Палестинскому Обществу. По архивным материалам от 1915 г. установлено, что в 1913 г. Палестинское Общество пыталось переписать земельный участок на имя русского правительства, но ввиду Первой империалистической войны осуществить это не удалось, и участок оставался записанным на имя Якубовича. Документов, подтверждающих право собственности Палестинского Общества на участок, нет, так как купчая крепость хранилась в делах Галилейской инспекции. В делах участка имеется незаверенная копия плана земельного участка. В 1904 г. стоимость участка определялась в 6645 фр. плюс 3535 фр. – каменная стена вокруг участка.

8. Земельный участок «Старое подворье Московийе», или «русские постройки», размером 71 678 кв. м, из которых 23 142 кв. м были подарены султаном Абу-уль-Меджидом в 1855 г. вел. кн. Константину Николаевичу, и 48 536 кв. м были приобретены: 1) у графа Кушелева-Безбородко, 2) Г. Таннуса – местного жителя, 3) архимандрита Никифора, 4) банкира Бергхейма, 5) архитектора Пьеротти. Земля относится к разряду мюльк. На приобретение участка и на подготовку его к застройке было израсходовано в 1855-1860 гг. 154 951 франк. На участке расположены:

1. Дом в 3 426 кв. м б.«ывшего» генконсульства России с садом и огородом.

2. Дом для прислуги генконсульства.

3. Дом для кавваса и для консульской тюрьмы.

4. Дом для привратника.

5. Два дома-приюта III разряда для паломников и помещения некоторых служащих, всего на 600 человек.

6. Собор во имя Св. Троицы.
7. Дом Духовной миссии с домовою церковью.
8. Здание общей большой больницы.
9. Здание малой больницы для заразных больных.
10. Дом для магазина Палестинского Общества.
11. Большой бассейн.

На постройку зданий было израсходовано: правительством 500 000 руб. добровольно пожертвованных 270 000 руб. и подарено Российским обществом пароходства и торговли (РОПИТ) 30 000 руб. Всего 800 000 руб. или 2 703 000 франков.

Все здания сделаны из камня и расположены на возвышенном месте около шоссеиной дороги, проходящей из Иерусалима в Яффу. Все это имущество являлось самым крупным имуществом России в Палестине. В 1895 г. стоимость участка оценивалась в 1 250 000 франков и здания – свыше 3 млн. франков. В 1897 г. земельный участок и постройки были записаны на имя царского правительства и был получен султанский фирман, подлинник которого хранится в Архиве внешней политики. По имеющемуся незаверенному плану участка видно, что в зданиях, расположенных в Москобийе, находились три подворья: Елизаветинское женское, Мариинское мужское и Николаевское «смешанное».

Копия купчей крепости находится в деле за № 331 Священного Синода (Ленинградский архив).

9. Земельный участок «Деббота», или «Коптское городское место», внутри стен Иерусалима, недалеко от храма Гроба Господня, размером 1429 кв. м (по другим данным, 8 га). Составлен был из двух частей: первая

часть была куплена в 1859 г. русским консулом Доргобуджиновым у коптского священника Джирвиса и его брата Ризка за 28 159 франков и вторая часть была приобретена Доргобуджиновым у Магомета Али 26 сентября 1859 г. и у митрополита Петра Арвийского 5 июля 1861 г. русским консулом Соколовым за 15 820 франков. До 1887 г. на участке были развалины церкви Св. Марии Латинской и др«угих» древних христианских памятников. В 1887-1891 гг. на участке были построены русской духовной миссией: церковь Александра Невского, ценность которой заключается в высокохудожественных произведениях религиозного содержания лучших русских авторов, и каменный дом из 11 комнат для паломников;

Имеются в виду росписи храма Александра Невского, а также подлинные картины на библейские сюжеты И.Е. Репина, И.Н. Крамского, В.А. Серова и других великих русских художников, включая и «великокняжескую галерею» портретов в «каменном доме» – резиденции высокопоставленных паломников. – Прим. публик

на строительство церкви и дома было израсходовано 106 500 руб. золотом, или 319 000 франков. Все это имущество находилось в ведении Российского Православного Палестинского Общества. В 1895 г. стоимость всего имущества определялась в 570 000 франков.

10. Земельный участок «Вениаминовский приют» вблизи стен Иерусалима в местности Баб-эль-Халиль размером 1729 кв. м. В 1896 г. монахом российской духовной миссии в Иерусалиме Вениамином участок вместе с двухэтажным домом, фруктовым садом и другими надворными постройками был принесен в дар

Российскому Палестинскому Обществу на имя Михайлова, заведующего подворьями Палестинского Общества в Иерусалиме. В 1895 г. Михайлов путем дара перевел это имущество на имя вел. кн. Сергея Александровича. Подлинная купчая крепость на это имущество хранится в Архиве Внешней Политики в папке «Российское Посольство в Константинополе», отдел Константинопольское П«осольств»во, ед. хр. № 3359. Кроме того, в делах НК И Д имеется засвидетельствованная светокопия плана земельного участка и расположения построек подворья. В 1895 г. стоимость всего имущества определялась в 49 742 франка.

11. Земельный участок под названием «Згнеми», или «Хакурет-уль-Бераджие», расположен вблизи стен Иерусалима, около старых Дамасских ворот. Размер его 12 809 кв. м, приобретен в 1895 г. за 20 700 франков у Джебрала Гаргура на имя драгомана б«ывшего» Российского генконсульства в Иерусалиме Мехашери. Несмотря на то что покупка его производилась для постройки паломнического приюта, участок до 1886 г. не использовался, а имевшийся на нем дом был заброшен. В 1886 г. участок был сдан в аренду для посевов, а дом – под квартиру католикам, турецким подданным Несе Рофа и Джириэ Мадроссу за 16 турецких лир в год. Весь участок огорожен каменной стеной. Кроме площади для посева, на участке был еще небольшой фруктовый сад и две цистерны для воды. В 1888 г. по распоряжению губернатора г. Иерусалима от участка было отрезано 20 кв. м для проведения новой дороги. Участок был в ведении Палестинского комитета при МИД. В 1897 г. он был переведен на царское правительство и был передан в ведение Палестинского Общества. Официальным

документом на право собственности является султанский фирман от 1897 г. находящийся на хранении в Архиве внешней политики; кроме того, имеется незаверенная копия плана участка. По оценке 1897 г. стоимость участка определялась в 230 000 франков.

12. Земельный участок «Мамилла» (№ 1) размером 15 614 кв. м, а по имеющемуся заверенному плану – 15 565 кв. м, расположен недалеко от стен Иерусалима, против Мейдана, у пруда Мамилла, или Св. Вавилы (по пруду называется и земельный участок). Приобретен в 1857 г. у Коблан-Дахдеева графом Кушелевым-Безбородко за 28 500 пиастров. Кушелев продал его уполномоченному Палестинской комиссии Мансурову за 29 650 франков. Весь участок огорожен кирпичной стеной, но никаких построек на нем нет, кроме двух цистерн для воды. В 1897 г. участок оценивался в 140 000 франков и был переписан с Мансурова во владение Российского правительства. Подлинный фирман турецкого султана, доказывающий права собственности на участок бывш. царского правительства, находится на хранении в Архиве Внешней Политики. Кроме того, в НКИД имеется заверенный план участка.

13. Земельный участок «Мамилла» (№ 2) размером 4483 кв. м расположен рядом с участком «Мамилла» № 1, приобретен под кладбище в 1885 г. уполномоченным Палестинской комиссии Мансуровым на свое имя за 6000 франков. На участке имеется сад, построек нет. Вокруг участка – кирпичная стена. В 1897 г. участок был переписан с Мансурова на Российское правительство и оценен в 33 000 франков. Подлинный фирман турецкого султана, закрепляющий права собственности бывш. царского правительства, находится на хранении в Архиве

внешней политики. Кроме того, в НКИД имеется заверенный план участка.

14. Земельный участок «Эль Ати» в Вифлееме составлен из трех отдельных частей, купленных за 33 000 франков у трех местных жителей на имя генерал-майора Степанова. Общий размер участка – 795 537 кв. м. Построек на нем нет, он весь засажен деревьями и окружен каменной стеной, на постройку которой было израсходовано Палестинским Обществом 1300 франков. В 1898 г. участок путем дарения был переписан на вел. князя Сергея Александровича.

Стоимость участка определялась в 37 000 франков и стены – в 13 000 франков. Участок разделен общественной дорогой на две части. Подлинная купчая крепость, выданная Главным управлением кадастров на имя Сергея Александровича, хранится в Архиве внешней политики в папке «Российское Посольство в Константинополе», отд«ел» Констант«инопольское» П«осольст»во, ед. хр. № 359. Кроме того, в деле участка имеется незаверенная копия указанной купчей, светокопия подлинного плана участка и незаверенный план участка.

15. Земельный участок «Хомси», или «Мерси-уль-Асами», у новых ворот Иерусалима размером 3436 кв. м приобретен бывш. русским консулом в Иерусалиме Доргобуджиновым в 1859 г. у Юсеана Гейнема, драгомана русского генконсульства, за 1840 франков. По сведениям 1886 г. участок был не застроен и сдавался местным жителям под посевы. В 1893-1895 гг. на участке был построен русским генконсульством каменный дом для квартир чиновников генконсульства. На постройку дома было израсходовано 115 000 франков.

27 октября 1896 г. земельный участок был записан на имя русского правительства, на что имеется подлинный фирман турецкого султана, который хранится в Архиве внешней политики. Участок и дом находились в ведении Генерального консульства в Иерусалиме. В 1895 г. стоимость участка и построек на нем определялась в 176 000 франков. В делах НКВД имеется заверенный план вышеупомянутого дома.

16. Земельный участок «Москобийе-эль-Джедиде», или «Новое Сергиевское подворье», размером 4202 кв. м, недалеко от стен Иерусалима. Приобретен в 1886 г. Смышляевым у Мусы Соломана Тамнуса за 36 000 франков. На участке расположены: каменное здание приюта поклонников,

I, II, III разрядов «Поклонники» (паломники) в зависимости от стоимости «путевки» делились на три разряда; самому массовому, третьему разряду (крестьяне, казаки) в подворьях (приютах) предоставлялось место на двухэтажных нарах. – Прим. публик

каменный дом, занимавшийся квартирами должностных лиц Палестинского Общества, пекарня, баня, кухня, машинное отделение, склады и другие надворные службы. Это подворье являлось административным центром всех недвижимых имуществ Российского Палестинского Общества в Иерусалиме и в его окрестностях. На постройку зданий было израсходовано 540 000 франков. В 1895 г. все подворье оценивалось в 650 000 франков. 19 июня 1895 г. земельный участок и все здания были записаны на имя вел. кн. Сергея Александровича. Подлинная купчая крепость на это имущество хранится в Архиве внешней

политики в папке «Российское Посольство в Константинополе», отд. Констант «инопольское» П«осольств»во, ед. хр. № 3359.

Гор. Хеврон

17. Земельный участок «Баляд-эн-Насара» размером 265 000 кв. м находится в 3-4 км от г. Хеврона. Приобретен участок в разное время от разных лиц по частям на имя Хаммури, одного из арабских шейхов.

Из архивной переписки видно, что он был составлен из 34 маленьких клочков земли, и на них составлено 34 купчих крепости. Израсходовано на покупку всей земли 11 454 франка. На участке были развалины древней церкви, которая, по преданию, была построена Евсевием, епископом Кессарийским, на месте Маврийской рощи, вырубленной императором Константином. На участке никаких построек не было. Вся площадь была занята фруктовым садом. Почва участка относилась к разряду древнего вакуфа Тамим-эд-Дари, за которую ежегодно духовная миссия платила, кроме верги, вакуфный налог хикр. В последнее время вследствие своей древности вакуф утратил свой прежний характер и земля приобрела характер мюльк. После смерти архимандрита Антонина умер шейх, на которого был записан участок, поэтому по турецкому закону участок перешел по наследству во владение старшего сына шейха Ахмеда.

В 1896 г. умер и старший сын Хаммури Ахмед, и участок перешел во владение жен и детей умершего шейха Хаммури и жен и детей умершего старшего сына Хаммури Ахмеда.

В 1903 г. Российская Духовная Миссия пыталась полюбовно урегулировать вопрос о владении земельным участком с юридическими владельцами его, но

наследники умершего шейха отказались признать право собственности Духовной Миссии на участок. После этого Духовная Миссия учинила иск в Хевронском суде для перевода владений на имя Антонина, а затем на его наследников Капустиных. Хевронский суд 16 апреля 1905 г. вынес решение в пользу Духовной Миссии.

Документов, подтверждающих право собственности бывш. Русской Духовной Миссии на этот участок, нет. В 1895 г. стоимость всего земельного участка была 30 000 франков.

18. Земельный участок «Халлят-эль-Бутме» (в переводе на русский язык означает: узкая полоска земли с теревифовым деревом) размером 20 демюнов, или 18 000 кв. м, находится рядом с участком «Баляд-эн-Насара». Приобретен был архимандритом Антонином за 4-5 тыс. франков на имя Хевронского арабского шейха Ибрагима Хаммури, и на него была составлена временная купчая крепость. Земля участка относилась к разряду древнего вакуфа Тамим-эд-Дари, т.е. к той же категории, что и участок «Баляд-эн-Насара». Вследствие своей древности вакуф утратил прежний характер, и земля приобрела характер мюльк.

В 1895 г. не сделав перевода участка на имя Духовной Миссии, шейх И. Хаммури умер, и юридическое право собственности на участок перешло старшему сыну шейха Ахмеду. В 1896 г. Ахмед умер, и право собственности на участок перешло женам и детям умершего шейха и Ахмеда. Ввиду отказа наследников сделать перевод участка на имя архимандрита Антонина, а затем на его наследников Капустиных, Хевронский суд 16 апреля 1905 г. вынес решение в пользу Духовной

Миссии. В 1895 г. стоимость земельного участка определялась в 5000 франков. Сада и построек на участке не было. Документов, подтверждающих право собственности бывш. Русской Духовной Миссии на участок, нет.

Деревня Силоам

19. Земельный участок «Хакурет-уль-Баядер», или «Улие», размером 684 кв. м приобретен в 1878-1882 гг. от нескольких владельцев за 1740 франков. Кроме того, в 1898 г. было прикуплено несколько кв. м. На участке имеется скала, обсеченная с трех сторон и представляющая собой четырехугольную башню высотой 8 м. Верхняя половина скалы выдолблена в виде комнаты. У подножия восточной стороны башни имеется небольшая древняя цистерна. Кроме того, на участке были развалины древней церкви и несколько деревьев. С 1878 по 1889 г. купчая крепость была составлена на крестьянина Хюсейна Зияде. В 1898 г. после покупки последней части участка купчая крепость была составлена на имя двух крестьян – братьев Ава-Даллы и Мыслеха Дарвиша. 8 февраля 1900 г. в суде шариата участок был переведен на имя наследников архимандрита Антонина Капустина, и 29 августа 1900 г. весь участок был переписан на имя вел. кн. Сергея Александровича путем дара, на что 30 августа 1900 г. был получен временный владетельный акт на этот участок за № 22456/251, который также был заменен на две купчие за № 74 и 75 на деревья и цистерну. Вокруг участка была построена каменная стена стоимостью 1077 фр. В 1900 г. стоимость участка вместе с сооружениями определялась в 8237 франков. Незаверенные копии купчих крепостей на участок имеются при деле участка. Рядом с участком была приобретена гробница, купчая

крепость на которую находится в деле за № 331 Священного Синода (Ленинградский архив, 5).

20. Деревня Айн-Кярем (бывший Горний град Иудов)

Земельный участок «Карие-Дживари» около Иерусалима, у въезда в деревню Айн-Кярем (место Горнее), размером 6204 кв. м, приобретен в 1856-1859 гг. бывш. Палестинской миссией при Министерстве иностранных дел на имя драгомана бывш. Российского генконсульства в Иерусалиме Шейха-Шири за 2000 франков. После ликвидации Палестинской комиссии участок был передан в ведение Российского Палестинского Общества. Общественной дорогой участок разделен на две части, большую и малую. 20 марта 1897 г. участок был переписан на имя Российского правительства. Для закрепления прав собственности Российского правительства на обе части участка были получены два фирмана турецкого султана, подлинники которых хранятся в Архиве внешней политики. Кроме того, в делах НКВД имеется незавершенный план участка и незаверенные две копии вышеупомянутых фирманов на французском и русском языках. Земля относится к разряду мири.

Деревня Айн-Кярем

21. Земельный участок «Эль-Уара» в деревне Айн-Кярем размером 4 денюма, или 3600 кв. м, находится рядом с участком Уара-эль-Хас. Приобретен участок в 1890 г. на имя матери архимандрита Антонина за 460 франков. В 1891 г. участок был переписан на имя архимандрита Антонина. В 1894 г. после смерти Антонина участок был переписан на имя его племянников Капустиных, а затем Капустины принесли его в дар вел. кн. Сергею Александровичу, на которого была оформлена

купчая крепость. На участке расположены каменный дом в 9 комнат, дом из 3 комнат, склад, баня, цистерна, виноградник, масличные и другие деревья. В 1895 г. стоимость участка определялась в 3000 фр. построек – в 10 000 фр. Перед смертью архимандрит Антонин завещал этот участок с постройками и садом своей воспитаннице Апостолиади с правом передачи после ее смерти какой-либо женщине. После смерти последней все имущество должно перейти в собственность русской церкви в Айн-Кярем (Горнем). Никаких документов на право собственности бывш. Российского правительства на этот участок нет. С трех сторон участка построена кирпичная стена.

Деревня Айн-Кярем

22. Земельный участок «Хадфе», или «Хадере», размером 360 000 кв. м приобретен на имя архимандрита Антонина за 70 000 франков в 1889 г. Участок составляет часть вакуфа, учрежденного несколько сот лет тому назад Абу-Аедиан-эль-Гуси в пользу бедных марокканцев. На участке расположены: церковь Богородицы, два двухэтажных каменных дома – приют для поклонников. Кроме того, среди виноградных лоз, апельсиновых, лимонных и других фруктовых деревьев построен 41 небольшой домик, где проживают поклонницы, оставшиеся на жительство в Палестине, и расположены 27 цистерн для воды. Все домики построены на средства поклонниц и, согласно условиям, после их смерти должны перейти в собственность вакуфа архимандрита Антонина. В 1895 г. стоимость построек и участка определялась в 999 500 франков. Документов на право собственности Российской империи нет. Копия купчей

крепости находится в деле № 331 Священного Синода (Ленинградский архив).

Деревня Айн-Кярем, или Горнее (город Иудов)

23. Земельный участок «Уара-эль-Хас» размером 8 денюмов, или 7200 кв. м, приобретен в 1888 г. архимандритом Антонином на имя Халеби, драгомана Российской Духовной Миссии в Иерусалиме, за 752 франка. В 1891 г. участок был переписан на имя архимандрита Антонина. В 1894 г. после смерти Антонина участок был переписан на имя его наследников – племянников Капустиных, а затем Капустины приносят его в дар вел. кн. Сергею Александровичу, на которого была оформлена купчая крепость. На участке – фруктовый сад, построек нет.

На основании духовного завещания от 19 марта 1894 г. архимандрита Антонина участок передан во владение С.А. Апостолиади (воспитаннице архимандрита. – Прим. публик.), которая будет пользоваться им пожизненно, затем передаст своей наследнице, после смерти наследницы участок перейдет Палестинскому Обществу. Вокруг участка построена кирпичная стена. Документов на право собственности нет. Стоимость участка в 1895 г. определялась в 7000 франков.

Бейрут и окрестности

24. Земельный участок 2133 кв. м в г. Бейрут в квартале Ашрафие, ул. Дебек, бывш. Марий Митрий. Этот участок огорожен каменной оградой, внутри ограды находится старый одноэтажный каменный дом в пять-шесть комнат. Около дома колодец и бассейн для воды. Участок был куплен в 1897 г.; купчая крепость за № 433 на имя вел. кн. Сергея Александровича. За

участок было уплачено 84 000 турецких пиастров, ориентировочно 840 руб. золотом. Имеется русский перевод с копии купчей крепости, заверенный русским генконсулом в Бейруте, и план участка. В настоящее время участок передан СССР. В Отделе заграничного имущества «МИД СССР» имеются соответствующие документы.

25. Бейрут, квартал Мусайтбех, ул. Сен-Эли. Здесь имеется большой земельный участок, занесенный в кадастровую опись под № 1505, 1506, 1509, 2945, 2946, 2947, 2948 и 3203, площадью 11 266 пик (1 пик равен 75 кв. см), или 8449,5 кв. м. Участок обнесен каменной оградой. Внутри ограды – маленькая часовня, большой двухэтажный каменный дом и большое одноэтажное здание бывш. русской православной мужской школы-семинарии. Участок куплен начальницей русских православных школ в Бейруте Марией Черкасовой на средства Православного Палестинского Общества. Записан на имя помощницы Черкасовой, учительницы русских школ Афифы Абдо, хотя она была только фиктивным владельцем имущества.

В 1914 г. на это имущество турками был наложен секвестр, а после войны до 1924 г. оно было в руках Ливанского правительства. В 1922 г. Афифа Абдо возбудила судебное дело против Ливанского правительства по поводу этого имущества. Судом первой инстанции 6 мая 1922 г. (решение № 269) и апелляционным судом в 1924 г. Афифа Абдо была признана законной владелицей этого имущества. В судебном деле имеется ссылка на купчую крепость от июля 1900 г. № 8, но ни копии, ни оригинала ее в судебном деле нет. Теперь это имущество после смерти Афифы Абдо перешло к ее наследникам.

Судя по архивным материалам, в 1900 г. в Бейруте дамским попечительством из православных арабских женщин был основан православный женский учительский институт, известный как институт мадам Сюрзок. В собственность института был подарен участок земли с находящимся на нем большим двухэтажным каменным зданием института. Кроме того, Сюрзок купила участок земли (напротив института) с фруктовым садом и построила на нем институтскую церковь. Институт находился под попечительством Православного Палестинского Общества, но о принадлежности имущества института этому Обществу или какому-нибудь другому русскому подданному никаких сведений и документов еще не найдено. В отчетах о недвижимом имуществе и в сметах Палестинского Общества совершенно не упоминается это имущество.

Ливан

26. В селении Дур-эль-Шуэри (в 28 км от Бейрута в Ливанских горах) имеется участок земли около 10 десятин. Там расположен Сук-эль-Гарбский мужской православный монастырь. Обширные монастырские помещения в зимние месяцы пустуют, а летом сдаются бейрутским дачникам. В архивах не найдено никаких указаний и документов, подтверждающих наши права на этот участок. Он являлся и является до сих пор собственностью Антиохийского Патриарха.

По некоторым сведениям, в 1914-1918 гг. это имущество было приобретено Палестинским Обществом, и сделку с турками якобы оформлял бывший русский генконсул в Бейруте Батюшков.

Южнее Триполи, в горах Ливана, расположен мужской православный монастырь Бельментской

Божьей Матери. Монастырь имеет две мельницы и масличные рощи. В 1900 г. по инициативе Антиохийского Патриарха, при монастыре была основана православная духовная семинария, которая получала материальную поддержку от Палестинского Общества, в частности здание семинарии было построено на его средства настоящее время на территории монастыря и семинарии размещается крупный православный ливанский частный университет «Баламанд». В 1997 г. мне приходилось читать там лекции по-французски. – Прим. публик.

По архивным материалам, этот монастырь является собственностью Антиохийской патриархии.

Сирия

27. В местности Седнай, северо-восточнее Дамаска, расположен женский православный монастырь, якобы основанный еще при императоре Юстиниане, но главный храм и большинство келий построено в 1870-1872 гг. Антиохийским Патриархом Иерофеем на средства, собранные кружечным сбором по церквам России и среди православных арабов. Главным источником дохода монастыря является сдача на лето до 100 комнат дамасским дачникам. Монастырь владеет участком земли, не представляющим особой ценности ввиду его каменистой почвы. Между Иерусалимской Духовной Миссией и Антиохийским Патриархом шел спор о праве владения этим монастырем. Из архивной переписки не удалось установить результаты спора. Никаких документов и косвенных указаний относительно наших прав на этот монастырь в архивах не найдено.

Иерусалим и окрестности

28. Земельный участок размером 2796 кв. м в селении Рамал-Ла Иерусалимского мутассарифлика, в

местности «Айнуль-Мезариб». Участок был фиктивно продан за 455 франков, в действительности же подарен арабским священником Иовом, сыном Салеха-абу-Магба, управляющему русскими подворьями Палестинского Общества Михайлову Н.Г. в июле 1316 г. (1900 г.) по ильмухаберу № 93. Священник Иов и его сыновья позднее стали членами Православного Общества, и каждый получил за участок в подарок золотые часы с цепочкой от имени «Его высочества».

В 1317 г. (1901 г.) земельный участок был принесен в дар «вел. кн.» Сергею Александровичу, на что в ноябре 1901 года был выдан ильмухабер за № 70.

29. Участок земли размером 4 га с дубом Мамврийским. На участке имеется 2-этажный дом, храм Пресвятой Троицы и приют Русской Духовной Миссии. Здания построены в 1910-1913 гг. Дуб и участок были приобретены в собственность России в 1868 г. архимандритом Антонином (Капустиным). Копия купчей крепости находится в деле за № 331 Священного Синода (Ленинградский архив, ст. I).

30. Новый Назаретский земельный участок, или «Усадьба Назаретской семинарии», размером 49 321 кв. м приобретен Палестинским Обществом в конце 1913 или в начале 1914 г. у местного назаретского жителя Хажжи Салима Аунулла на имя начальника русской Назаретской учительской семинарии Кезма. Участок был приобретен для русской учительской семинарии в Назарете.

В Назаретском кадастровом управлении были составлены две купчие крепости на имя Кезма. Купчая крепость № 1 была получена в начале февраля 1914 г. но вследствие того, что она оказалась не вполне пригодна для обоснования прав собственности,

кадастровому управлению было заявлено, что купчая № 1 потеряна. 23 февраля Палестинское Общество получило взамен «утерянной» купчей крепости новую за № 85, которая была послана русскому посольству в Константинополе для перевода участка на имя русского правительства. Однако вследствие империалистической войны перевод участка на имя правительства не осуществлен. В деле участка (пакет № 17 Палестинского Общества) имеется: купчая крепость № 1, которая не может служить основанием для доказательства наших прав на участок, так как номер ее подчищен, и незаверенная копия купчей № 85 в русском переводе.

Тивериада

31. На берегу Генесаретского (Тивериадского) озера. В городе и около него имеются три земельных участка:

1) В самом городе, на берегу озера, рядом с местом Православной патриархии, так называемое «место со сводами» размером 1000 кв. пик, или 562,5 кв. м. На участке 5 древних полуразрушенных сводов и 5 колонн.

Участок был оформлен на имя архимандрита Антонина.

2) Так называемое «место с колоннами». Эти недвижимости относятся к разряду земель казенных (мири).

Участок находится в 5-6 минутах ходьбы к югу от города и почти на берегу озера.

Площадь участка 20 денюмов, или 18 000 кв. м, но на самом деле она равняется 82 500 кв. м. Купчая

крепость была составлена на имя С. Хури (по некоторым данным, была поддельная).

3) Земельный участок под названием «место бань», или «место горячих ключей». Земля мири. На участке имеются 7 горячих ключей. Размер его 4500 кв. м, но на самом деле 22 400 кв. м.

Купчая крепость была составлена на имя С. Хури (по некоторым данным, поддельная). Из этих трех участков неоспоримо принадлежит нам только участок со «сводами», остальные два Турция не признала за нами ввиду отсутствия подлинности их покупки (нота от 9 августа 1888 г. за № 459). Копия купчей крепости находится в «АВПРИ» в деле № 3435 посольства в Константинополе, с. 83.

32. Земельный участок в селе Кана-Галилейская (Канаель Джалиль) Бейрутского вилайета размером 900 кв. м.

Земельный участок куплен Антонином за 500 франков на имя С. Хури. По данному земельному участку был судебный спор между Хури и собственником соседнего участка, который заявил на него право. Судебное решение было вынесено в пользу соседа. Что было сделано дальше, выяснить не удалось.

Иерусалим, Яффа, Иерихон

33. Земельный участок в дер. Силоам в районе Мегаретуз Зунар, в 10-15 минутах ходьбы от Сионских ворот, к югу от Иерусалима, размером 450 кв. м.

На участке имеются 15 деревьев, развалины древней церкви, цистерна и пещера. Покупка была оформлена на имя двух крестьян, которые переписали

участок на Халеби в 1882 г. На участке был построен домик.

34. Земельный участок «Уаре-эд-Дуббак» с двумя пещерами, из которых большая называется Руммание, или Дейр-Эссиние.

Участок находится к юго-востоку от Иерусалима, в той части Кедронской долины, которая называется «долина Саухири», в 25 минутах ходьбы от Генерального консульства.

Согласно плану, снятому в июле 1899 г, размер участка составляет 2 493 кв. м. Большая часть земли и обе пещеры были куплены Антонином 15 ноября 1866 г. на имя крестьянина Хюсейна-Зияде, который в 1871 г. перевел покупку на имя Халеби.

20 августа 1872 г. к этому участку было прикуплено еще некоторое количество земли. 26 августа 1899 г. вся недвижимость была переведена на имя Халеби. В этот же день вся недвижимость была принесена Халеби в дар «вел. кн.» Сергею Александровичу и была записана на его имя.

35. Земельный участок под названием «Дарбатин-Дабита», или «Яффский сад», 22 300 кв. м, вблизи Яффы, в 10 минутах ходьбы от города. Участок состоит из фруктового сада, в котором находятся храм Петра и Тавифы и 7 каменных домов, из которых 3 служат приютом для паломников. Против сада с юга находится узкая небольшая полоса земли размером 79 кв. м под названием «Сикет-эс-Себиль», которая обозначена в общем плане Яффского сада и обнесена каменной оградой.

Земельный участок был приобретен Антонином 10 сентября 1889 г. у гр-на Халеби и гр-ки Капустиной, на имя которых он был раньше оформлен.

Копия купчей крепости находится в деле 4057 Архива Внешней Политики, стр. 511.

36. Земельный участок Бейу-эль-Хараба при входе в деревню Аната, в 1 часе пути к северо-востоку от Иерусалима, размером 370 кв. м, по другим данным – 450 кв. м.

Земельный участок был куплен 29 октября 1879 г. Халеби.

15 июня 1899 г. земельный участок Халеби передал в дар «вел. кн.» Сергею Александровичу, который и был записан на его имя. Копия купчей крепости находится в деле за № 572 Православного Палестинского Общества (Ленинградский архив, с. 14-17).

37. Земельный участок «Гарс-Хасан» на Масличной горе, по соседству с участком «Керм-уль-Бадд», в 270 шагах к юго-востоку от места «Вознесения» и церкви «Спасителя». Размер участка 2977 кв. м.

Земельный участок был куплен 9 января 1896 г. начальником Духовной Миссии на имя Халеби.

7 июня 1899 г. Халеби подарил земельный участок «вел. кн.» Сергею Александровичу, который был записан на его имя.

38. Земельный участок размером 15 375 кв. м в г. Иерихон на участке Эль-Бирке с фруктовым садом и двумя домами для паломников, посещавших Иордан и Мертвое море.

Земельный участок в июне 1887 г. был куплен на имя генерал-майора Степанова М.П. который 7 июня 1899 г. подарил его «вел. кн.» Сергею Александровичу, участок был записан на его имя. Копия купчей крепости находится в деле 331 Священного Синода (Ленинградский архив, 6).

39. Земельный участок «Керим-уль-Хараб», или «Кубур-эль-Эндия», с «пещерой пророков» на Масличной горе размером 1406 кв. м.

Земельный участок куплен 8 августа 1882 г. Антонином по частному документу, который был обменен им на официальный документ в марте 1890 г. В 1901 г. земельный участок был принесен в дар наследниками архимандрита Антонина «вел. кн.» Сергею Александровичу и был записан на его имя по ильмухаберу за № 73 в ноябре 1901 г.

Необходимо иметь в виду, что при оформлении этого участка было обусловлено, что сама «пещера пророков» является общественной собственностью и доступ в нее открыт беспрепятственно для всех.

Изложенное было подтверждено нотой Порты (Турция) 30 мая 1892 г. за № 1348/48.

40. Земельный участок на вершине горы Эмонской под названием «Керм-уль-Бадд» размером 6750 кв. м (по другим данным, 12 406 кв. м). Куплен на имя «вел. кн.» Сергея Александровича в 1889 г.

Рядом Антонином была куплена узкая полоса земли у кармелиток за 500 фр. Купчая была заверена во французском консульстве на имя Антонина. Копия купчей крепости находится в деле за № 331 Священного Синода, дело 3 (в Петербурге. – Прим. публик.).

41. Земельный участок «Эд-Дабби» на юго-восточном склоне Масличной горы размером 1011 кв. м, из которых 462 кв. м были отданы под общественную дорогу.

Одна треть этого участка была куплена в 1889 г. на имя Халеби, а две трети были приобретены 12 мая 1899 г. Рафаилом на имя «вел. кн.» Сергея Александровича, и в этот же день весь участок, согласно донесению Генерального консульства в Иерусалиме от 31 мая 1899 г. за № 560, был записан на имя Сергея Александровича.

Дом М.В. Миловидовой

42. 15 июля 1899 г. гр-ка Миловидова купила земельный участок за 50 000 франков размером 2490 кв. м, из которых 634 кв. м были заняты большим домом с разными постройками. Участок находится вне стен Иерусалима, напротив Вениаминовского приюта.

22 июля 1899 г. Миловидова перевела земельный участок и строения в дар Русской Духовной Миссии в Палестине. Копия дарственного акта находится в деле за № 4057 Архива Внешней Политики за № 422.

43. Земельный участок на месте «Джеваруль-Баляд», или «Джеварулькорие», в деревне Кфейер Бейрутского вилайета размером в 1 денюм, или 919 кв. м (по другим данным, 223 кв. м) приобретен в 1899 г. 13 ноября, за 4500 франков у турецкого подданного Хана сына Эсбира Михаила на имя вел. кн. Сергея Александровича. Весь участок занят садом из оливковых деревьев. В 1900 г. стоимость участка определялась в 10 000 франков. На участок имеется оригинал купчей крепости, который хранится в Архиве Внешней Политики в деле «Российское Посольство в Константинополе», Отдел Констант. «инопольское»

П«осольств»во, ед. хр. № 3359. Кроме того, имеется оригинал купчей крепости, хранящийся в НКВД (Ливан).

44. В г. Назарете, Бейрутского вилайета, Аккского санджака, так называемый 1-й участок, под подворьем Общества, мерой в 3134 кв. м, записан в крепостных документах на имя русского правительства.

45. В г. Назарете, бывший Абу Хамади и ханны Хамитса, под подворьем общества, записан в крепостных документах на имя жителя г. Назарета, турецкого подданного Салима Райеса, выдавшего на участок дарственную запись на имя П.П. Николаевского, бывшего инспектора Галилейских школ Палестинского Общества. Размер – 1000 кв. м.

46. В г. Назарете, рядом с подворьем общества, под домом, купленным у Магли, мерой около 270 кв. м, записан в крепостных документах на имя А.Г. Кезмы, начальника Назаретской мужской учительской семинарии Общества.

47. В г. Хайфе, Бейрутского вилайета, Аккского санджака, под подворьем имени Сперанского, «принадлежавшего» Обществу, в местности «Ва-уль-Касыр», мерой около 3600 кв. м, записан в крепостных документах на имя бывшего августейшего председателя Общества вел. кн. Сергея Александровича.

48. В г. Хайфе, на берегу моря, рядом с правительственным конаком (сараем), мерой 2015 кв. м, записан в крепостных документах на имя императорского Православного Палестинского Общества.

49. В с. Кафр-Кенна, Бейрутского вилайета, Аккского санджака, Насырской казы, мерой 2811 кв. м, записан в

крепостных документах на имя А.И. Якубовича, бывшего инспектора учебных заведений Общества.

50. В с. Раме, Бейрутского вилайета, Аккского санджака и казы, мерой 568 кв. м, записан в крепостных документах на имя А.И. Якубовича, бывшего инспектора учебных заведений Общества.

51. В г. Назарете, соседний с предыдущим, бывший братьев Салем эд-Дабы, мерой около 800 кв. м, записан в крепостных документах на имя А.Г. Кезмы, начальника Назаретской мужской учительской семинарии Общества.

По некоторым данным, Палестинскому Обществу принадлежали еще следующие участки:

1) На горе Елеонской, около Иерусалима, несколько домов для паломников, музей и т.д.

2) К востоку от Иерусалима по направлению к Иордану в Вифании участок земли с 2-этажным домом для паломников.

3) В Иерихоне участок земли с тропическим садом и несколько домов.

4) В Катамоне участок земли.

5) В Веб– Джале участок земли около «поля пастушков» и «поля Вооза».

6) В Веб– Захарию участок земли с большим садом и домом.

7) На горе Кармил участок земли с хвойным парком, храмом и домом.

8) Участок земли в туране и Муджедиле.

9) Большой сад в местечке Джаннии.

10) Зем. участок «Добрый Самаритянин» между Иерусалимом и Иерихоном и некоторые другие. История покупки этих участков подлежит уточнению, т.к. материалы о них крайне недостаточны и противоречивы.

Зав. отделом заграничных дел управления делами «МИД СССР» Прохоров 1949 г.

Архив внешней политики Российской империи МИД РФ.

3

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

17 февраля 1999 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ г-ну ПРИХОДЬКО
С.Э.

Объекты собственности ИППО в Святой Земле, Италии и России Документ передан в Экспертный совет секретариатом заместителя главы Администрации Президента РФ С.Э. Приходько 23 июня 1999 г. – Прим. публ

Уважаемый Сергей Эдуардович!

В связи с предстоящим рассмотрением в Российском комитете по подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства вопроса о восстановлении прав собственности российских организаций за рубежом. Совет Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) считает необходимым сообщить следующее.

Императорское Православное Палестинское Общество было зарегистрировано Минюстом России 14 января 1993 года как правопреемник дореволюционного Императорского Православного Палестинского Общества, созданного в 1882 г. и Российского Палестинского Общества при АН СССР, существовавшего с 1918 по 1992 г. В настоящее время Общество располагается в Москве на арендованных площадях. Устав Общества и свидетельство о его регистрации прилагаются.

За период своей деятельности Общество владело многочисленными ценными объектами недвижимости в России, Палестине, Сирии, Ливане, а также в Италии (г. Бари), что подтверждается документами, хранящимися в различных российских архивах и в Лондонском государственном архиве, именуемом «British Public Record Office», в Муниципальном архиве г. Иерусалима.

Среди объектов зарубежной недвижимости Общества наиболее важными и бесспорными с точки зрения реального их возвращения в российскую собственность являются Сергиевское подворье в г. Иерусалиме и церковь во имя Святого Николая Чудотворца с расположенным рядом подворьем для паломников в г. Бари (Италия).

Сергиевское подворье в виде большого каменного двухэтажного дома с хозяйственными постройками и двумя цистернами расположено в центре Иерусалима на земельном участке площадью 3405 кв. м и представляет собой памятник значительной архитектурной и исторической ценности. Земельный участок первоначально в 1886 г. был приобретен на имя одного из служащих Православного Палестинского Общества, а затем, в 1887 г. зарегистрирован на имя одного из членов этого Общества. Сооруженное на средства Общества здание подворья в 1898 г. было окончательно зарегистрировано на имя великого князя Сергея Александровича Романова, бывшего в то время Председателем Императорского Православного Палестинского Общества, в качестве дома для русских паломников.

До 1914 года 2500 кв. м Сергиевского подворья использовалось для размещения русских паломников, а

447 кв. м занимала администрация Общества по управлению имуществом ИППО в Палестине.

В период Британского мандата в Сергиевском подворье располагалась английская администрация. С прекращением мандата в 1948 году большую часть подворья заняли израильские власти, а на упомянутых 447 кв. м разместилось представительство Палестинского Общества из числа белоэмигрантов.

В соответствии с Распоряжением Совмина СССР № 15175-рс от 21 сентября 1950 года была возобновлена деятельность Российского Палестинского Общества и утверждены штаты представительства РПО в Израиле. По прибытии в Израиль работникам представительства удалось занять часть здания Сергиевского подворья, занятого ранее канцелярией белоэмигрантского Палестинского Общества, и постоянно обосноваться там. По поступившему из Иерусалима в 1952 году документу (копия прилагается Не публикуется. – Прим. публ) Представительство РПО занимало 15 служебных, жилых и подсобных помещений на первом этаже северо-западного крыла здания Сергиевского подворья общей площадью 447 кв. м.

Позднее, в 1955 году, представительство построило гараж во дворе Сергиевского подворья, в котором до сих пор хранится автомашина «Шевроле», принадлежавшая Представительству Общества. Эти помещения и находившееся в них имущество Общества были оставлены фактически без всякого присмотра в июне 1967 года в связи с разрывом дипломатических отношений с Израилем и выездом на Родину сотрудников Представительства РПО.

До настоящего времени эти помещения в Сергиевском подворье пустуют, они не пригодны для эксплуатации без проведения капитального ремонта, хотя и закрыты на замки, ключи от которых находятся в администрации Генерального опекуна Израиля.

Совет ИППО считает, что изложенные сведения являются достаточным основанием для возвращения Обществу всех помещений в Сергиевском подворье, занимавшихся Представительством РПО до июня 1967 года и признанных в этом статусе израильскими властями, именно сейчас, накануне празднования 2000-летия христианства, так как законное возобновление таким образом фактического постоянного присутствия ИППО в Иерусалиме как исконного собственника этой недвижимости значительно облегчит задачу возвращения России всего Сергиевского подворья.

Италия, провинция Апулия, г. Бари, улица Бенедетто Кроче, 130.

В 1911 г. на средства ИППО был приобретен земельный участок площадью 1,2 га, и на нем по проекту академика архитектуры А.В. Щусева, утвержденному императором Николаем II, были построены церковь во имя Св. Николая Чудотворца и двухэтажный дом для русских паломников площадью 2000 кв. м. Строительство этого комплекса было закончено в конце 1917 года и обошлось Обществу в 500 тыс. золотых рублей.

В 1937 году при активном содействии одного из членов дореволюционного Совета ИППО, эмигрировавшего из России в Италию, князя Н.Д. Жевахова, после ряда судебных разбирательств итальянским судом принадлежавшее ИППО недвижимое

имущество в г. Бари было передано с согласия Правительства СССР (копия акта о передаче имеется в архиве МИД РФ) во владение муниципальным властям, которые согласно заключенному тогда соглашению обязались не прекращать функционирования православного храма и выплачивать денежное содержание его настоятелю.

В октябре 1939 г. в знак проявления «дружбы» к лидерам держав «Оси» (Германия, Италия, Япония) по случаю заключения СССР с Германией 28 сентября 1939 г. договора «О мире и дружбе» по указанию из Москвы советский полпред в Италии Б.Е. Штейн, позднее известный историк дипломатии, подарил церковь Св. Николая Угодника и подворье Бенито Муссолини. После 1945 г. оба здания были возвращены муниципалитету г. Бари. – Прим. публ.

В 1991 и 1993 гг. делегации ИППО посещали Италию и имели встречи с руководством муниципалитета г. Бари, которое было информировано о желании ИППО совместно эксплуатировать странноприимный дом. В числе наших предложений высказывалось намерение организовать в этом доме Культурный центр, с отделением ИППО и представительством ряда российских туристических фирм, банков и коммерческих организаций. При этом подчеркивалось, что ИППО не настаивает на передаче нам права собственности. Российские организации могли бы использовать половину дома (1000 кв. м из 2000 кв. м), а вторая половина осталась бы в ведении муниципалитета. Было предложение подписать между ИППО и муниципалитетом г. Бари соответствующий протокол о намерениях, однако временные предвыборные сложности

внутриполитической обстановки в Бари не позволили положительно решить в то время этот вопрос.

По мнению Совета ИППО, следовало бы поручить МИД РФ совместно с представителями ИППО продолжить контакты с муниципалитетом г. Бари с целью достижения договоренностей о совместном использовании бывшего недвижимого имущества ИППО в Италии.

Важное значение для начала возврата зарубежной недвижимости ИППО имеет вопрос о возвращении принадлежавшей Обществу до 1917 года собственности в России.

Прежде всего речь идет о 4-этажном доме № 10/49 в Петербурге на углу 1-й Рождественской и Мытнинской улиц, который был куплен Обществом 11 декабря 1915 года за 175 тысяч рублей (Архив внешней политики Российской империи, оп. 873/3, дело 12-б, лист 41). В фонде Петроградского нотариального архива есть соответствующая запись на означенное недвижимое имущество Императорского Православного Палестинского Общества.

В этом здании размещались штаб-квартира Общества, библиотека на 20 тыс. томов, музей, архив, склад изданий книжной продукции и др.

В 1923 году решением НКВД СССР Общество было закрыто, а принадлежавший ему дом и все другое имущество было конфисковано.

Поскольку все послеоктябрьские годы до настоящего времени ИППО осуществляет свою уставную деятельность, арендуя помещения в Москве, Совет Общества считает закономерным и справедливым решить вопрос о признании его прав собственника на

принадлежавший дом № 10 по Мытнинской улице в Петербурге и, в порядке материальной компенсации, предоставлении Обществу в г. Москве соответствующего помещения для использования в качестве штаб-квартиры ИППО.

О результатах рассмотрения вопроса о зарубежной и российской собственности ИППО просим сообщить в Совет Общества.

Что касается других российских недвижимостей в Палестине, относившихся до революции к ведению ИППО (30 участков с находившимися на них подворьями и хозяйственными службами), вопрос об их судьбе требует дополнительного историко-архивного и юридического изучения.

С искренним уважением

Заместитель председателя Н.Н. Лисовой

Ученый секретарь В.А. Савушкин

4

СПРАВКА

О недвижимой собственности на территории Израиля и Палестины, проблемах перерегистрации ее на Российскую Федерацию и о вопросах размещения российского посольства и представительства России при Палестинской национальной автономии (ПНА) Документ передан в Экспертный совет секретариатом заместителя главы Администрации Президента РФ С.Э. Приходько 23 июня 1999 г;

I. О российской собственности в Израиле и Палестине

Объекты российской недвижимой собственности на территории Израиля в основном были приобретены во второй половине XIX века на средства императорского правительства, Русской Православной Церкви и Императорского русского Православного Палестинского Общества (ИППО), в том числе за счет специальных пожертвований населения (т.н. «кружечный сбор»). Общая площадь «русских земель» в исторической Палестине (включая Израиль, палестинские территории, Иорданию, Сирию и Ливан) к 1917 г. составляла ориентировочно 2 млн. кв. м.

В соответствии с действовавшими в то время на территории Палестины оттоманскими законами объекты собственности, которые приобретались для религиозных и общественных организаций, не могли быть зарегистрированы на имя этих учреждений, а

оформлялись как собственность частных лиц. Так, большинство земельных участков ИППО было зарегистрировано на имя его председателя – великого князя Сергея Александровича.

В период с 1914 г. по 1948 г. объекты русской собственности находились под контролем оттоманских (турецких) властей, британской администрации подмандатной Палестины, белоэмигрантских кругов. После образования Государства Израиль (1948 г.) часть русских земельных участков, расположенных на его территории, была перерегистрирована на Правительство СССР.

В 1960 г. израильская сторона заявила о готовности приобрести у Правительства СССР земельную собственность, в т.ч. и ту, которая не была зарегистрирована на имя советского правительства, признавая фактически его право собственности на эту недвижимость. 7 октября 1964 г. было подписано Соглашение о продаже советским правительством Израилю имущества, принадлежащего СССР. Сделка предусматривала продажу за 4,5 млн. долл. США 22 объектов общей площадью около 167 676 кв. м.

Так называемый «хрущевский апельсиновый гешефт». – Прим. публ.

Летом 1987 г. Консульская группа МИД СССР вручила израильской стороне перечень оставшихся после продажи трех объектов недвижимости, принадлежавших Правительству СССР. При этом было особо отмечено, что список может быть расширен в ходе работы на данном направлении.

В перечень были включены:

1. Участок по ул. Кинг Джордж V в Иерусалиме.

Площадь 3680 кв. м. Приобретен в 1885 г. в 1897 г. зарегистрирован на Российское правительство, в 1949 г. перерегистрирован на имя Правительства СССР.

С 1989 г. по настоящее время сдается в аренду под автостоянку израильской парковочной компании «Ямит» с ежемесячной арендной платой 15 тыс. ам. долл.

28 сентября 1994 г. в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 22 сентября 1994 г. был подписан договор с израильской компанией «Давар Пашут Лтд.» о его перерегистрации на Россию и передаче ей части участка по ул. Кинг Джордж V в долгосрочную аренду и возведении на другой его части за счет инвестиций израильской компании административно-жилого здания для размещения российского диппредставительства. По завершении срока аренды переданная фирме территория и выстроенные на ней строения должны быть возвращены Российской Федерации.

Несмотря на то что соглашение с «Давар Пашут Лтд.» было подписано в 1994 г. фирма до сего времени не приступила к строительству объектов на этой площадке, осуществив лишь перерегистрацию участка на Россию.

2. Здание Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме и собор Святой Троицы на «Русском подворье».

Общая площадь участков 5797 кв. м, приобретены в 1859 г. Зарегистрированы в 1949 г. как собственность Правительства СССР в качестве составной части «Русского подворья», большая часть которого была продана израильскому правительству в 1964 г. Собор

Святой Троицы (построен в 1872 г.) используется РДМ в Иерусалиме в качестве главного культового сооружения, в котором совершаются наиболее торжественные богослужения.

Здание РДМ (построено в 1863 г.) частично используется миссией в качестве резиденции. Большую же его часть на правах защищенного арендатора длительный период занимал Верховный суд Израиля, а в настоящее время – Мировой суд Израиля.

До разрыва дипломатических отношений в 1967 г. арендная плата вносилась на счет посольства СССР. Затем арендная плата (по оценке, около 200 тыс. ам. долл. в год) стала поступать на счет РДМ.

После распада СССР одной из приоритетных задач российского посольства в Израиле стала, несмотря на активное противодействие Украины, работа по переоформлению трех вышеупомянутых объектов недвижимости на Россию.

В результате многолетних настойчивых усилий 15 октября 1996 г. израильское правительство перерегистрировало три указанных объекта недвижимости в Иерусалиме на Правительство России. В основу этой процедуры был положен принцип, предусматривающий в случае документального подтверждения принадлежности того или иного объекта бывшему СССР его беспрепятственное переоформление на Россию.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 30 апреля 1993 г. здания Троицкого собора и РДМ при содействии МИД России предстоит оформить как собственность Русской Православной Церкви. Предварительная работа по этому направлению с

израильскими властями ведется ОВЦС Московского Патриархата и РДМ в Иерусалиме.

Второй этап переговоров по имущественной проблематике должен быть посвящен двум другим объектам русской собственности в Иерусалиме – участку у Дамасских ворот и Сергиевскому подворью.

В данном случае речь идет не об осуществлении перерегистрации собственности СССР на Россию, а о признании наших законных прав на эту недвижимость как непосредственных правопреемников (наследников) дореволюционной России.

3. Участок напротив Дамасских ворот Старого города в Иерусалиме.

Площадь – 12 411 кв. м (из них в настоящее время около 4000 кв. м занято дорогами и подъездными путями). Участок приобретен в 1885 г. в 1897 г. зарегистрирован на царское правительство. В 1917-1948 гг. находился под контролем русской эмиграции в Палестине. В результате арабо-израильской войны 1948 г. оказался в нейтральной зоне разъединения израильских и иорданских войск. Находившиеся на нем постройки были разрушены. В ответ на обращение советской стороны перерегистрировать участок на имя советского правительства МИД Израиля ответил в июне 1949 г. что «не может провести 4 изменения соответствующих записей ввиду того, что имущество расположено в той части Иерусалима, на которую власть Государства Израиль не распространяется».

После шестидневной войны 1967 года участок оказался на контролируемой израильянами территории Восточного Иерусалима. В 1970 г. был экспроприирован израильским правительством для общественных целей, а

затем продан частной израильской компании «Ханута». В 1971 г. компания обанкротилась, и сделка была аннулирована. В настоящее время в районе нашего участка построена транспортная развязка.

По мнению адвокатов, ранее привлекавшихся посольством России в Израиле, наиболее реальным мог быть вариант получения компенсации за использование части участка под общественные нужды. Однако для успеха этой работы нужно иметь серьезную документальную базу, подтверждающую наши права на этот объект недвижимости. Предпринимавшиеся попытки отыскать необходимые документы в архивах, в т.ч. бывшей Османской империи в Турции, успехом не увенчались.

В ноте от 1 сентября 1988 г. советская сторона заявила протест против актов экспроприации указанной собственности, выразив надежду, что израильские власти предпримут необходимые меры по отмене всех незаконных актов в отношении указанной собственности, дабы не нанести ущерб интересам Правительства СССР, являющегося единственным законным владельцем данной собственности. Ответа на эту ноту получено не было.

4. Сергиевское подворье в Иерусалиме.

Участок площадью 3405 кв. м с 1886 г. зарегистрирован на имя великого князя Сергея Александровича, бывшего в то время председателем Императорского российского православного палестинского общества. В 1892 г. на участке было построено здание, представляющее большую архитектурную и историческую ценность.

В 1949– 1952 гг. советской стороной ставился вопрос о перерегистрации данного объекта на Правительство СССР. В 1952 г. по решению израильского суда здание было передано Генеральному опекуну Израиля, в ведении которого оно находится по настоящее время. Большую часть подворья (за исключением нескольких комнат, где до разрыва дипотношений в 1967 г. размещалась квартира представителя Российского палестинского общества АН СССР), в настоящее время занимает отдел охраны природы Министерства сельского хозяйства Израиля, выплачивающее арендную плату Генеральному опекуну.

С 1987 г. наше требование признать право собственности Правительства СССР на Сергиевское подворье неоднократно ставилось перед израильской стороной по каналам МИД. В ходе состоявшихся в сентябре 1990 г. в Москве экспертных консультаций представителей МИД СССР и Израиля израильяне информировали о принятом на правительственном уровне решении рассмотреть возможность перерегистрации Сергиевского подворья на советское правительство. В январе-феврале и в декабре 1990 г. состоялись два раунда переговоров с представителями МИД и Минюста Израиля, в ходе которых израильяне предложили следующий путь переоформления Сергиевского подворья на Правительство СССР: израильское правительство экспроприирует данный объект, а затем передает его советскому правительству с соответствующей регистрацией. Передача будет оформлена двусторонним межправительственным соглашением. В свою очередь мы обязуемся в течение 99 лет не предпринимать мер по выселению защищенного арендатора, а также не выдвигать никаких финансовых

претензий на накапливаемую на счету Генерального опекуна, в том числе и за предыдущие годы, денежную сумму. Вместе с тем предполагалось, что арендатор будет выплачивать нам небольшую арендную плату, а мы сможем сразу начать использовать помещения, занимавшиеся представителем АН СССР до 1967 г. Однако, учитывая долгосрочный характер предложенного варианта возврата недвижимости (через 99 лет), реакция Правительства СССР была негативной.

При этом учитывался тот факт, что мы должны были отказаться от нескольких миллионов долларов США арендной платы, накопившихся на счету Генерального опекуна, в ведении которого находится Сергиевское подворье.

После переоформления трех объектов российской недвижимости в Иерусалиме в 1996 г. израильтяне взяли курс на затягивание предметного разговора с нами на эту тему, в неофициальном плане давая понять, что вариант с экспроприацией для них сегодня неприемлем. Направленное в МИД Израиля в марте 1997 г. предложение российского посольства о скорейшем возобновлении двусторонних переговоров по имущественной проблематике остается без ответа.

Предварительный зондаж показывает, что решение вопроса об участке напротив Дамасских ворот, видимо, могло бы быть найдено на компенсационной основе. По Сергиевскому подворью: можно было бы подумать над

идеей заключения соответствующего соглашения с возможными наследниками великого князя Сергея Александровича, которые после предъявления и удовлетворения их прав на Сергиевское подворье могли бы затем передать его Правительству России.

Предложение нереально, ибо вел. кн. Сергей Александрович и его супруга, сестра царицы, Елизавета Федоровна детей не имели. – Прим. публ.

С учетом сложности указанных вопросов и необходимости их специальной, прежде всего юридической, проработки, серьезного и углубленного изучения предмета будущих переговоров Министерство полагает целесообразным восстановить в полном объеме деятельность межведомственной рабочей группы из представителей МИД России, Минюста России, Мингосимущества России и иных заинтересованных государственных ведомств, а также Московского Патриархата с целью обеспечения должного уровня целенаправленного и регулярного взаимодействия. При этом контролирующими органами, на наш взгляд, должны выступать Мингосимущество России и МИД России.

Комиссия могла бы также уделить внимание российской собственности на территории ПНА, часть из которой уже передана администрацией Я. Арафата российскому правительству (участок «Эль-Бирке» в Иерихоне площадью 15 375 кв. м) и Московскому Патриархату (русский монастырь в Хевроне).

Наконец, комиссия могла бы начать предварительную проработку вопроса о возвращении России незаконно отторгнутой у нее и занятой зарубежной («Карловацкой») церковью собственности в

Восточном Иерусалиме: Елеонского и Гефсиманского монастырей, Александровского подворья, участка под названием «Могилы пророков» и др.

Используя имеющиеся архивы в Москве и Санкт-Петербурге, комиссия могла бы поручить произвести ревизию документально-архивной базы, касающейся русских объектов недвижимости на Святой Земле, прежде всего Сергиевского подворья и участка у Дамасских ворот. Поскольку при перерегистрации трех объектов российской собственности в Иерусалиме определяющее значение имело политическое решение израильского руководства, можно было бы и впредь побуждать израильтян к большему учету нашей позиции на предстоящих переговорах. В этой связи в контактах с израильской стороной, особенно на высоком уровне, было бы весьма важно энергично ставить имущественную проблематику, подтверждая наше твердое намерение восстановить исторические права на российскую собственность.

Данные об объектах недвижимой собственности Русской Православной Церкви в Израиле прилагаются (не публикуются. – прим. публ.).

II. О размещении Посольства России в Израиле

В настоящее время служебные помещения Российского посольства в Израиле размещаются в Тель-Авиве по ул. Хаяркон, 120, в арендованном в 1993 году сроком на 10 лет 6-этажном здании общей площадью 1060 кв. м, построенном на земельном участке площадью 560 кв. м.

Здание не отвечает действующим нормам по размещению российских диппредставительств, и дальнейшее его использование в качестве служебного,

по мнению всех заинтересованных ведомств, неприемлемо.

Консульский отдел посольства арендует помещения в офисном здании по ул. Бен Иегуда, 1.

Для проживания своих сотрудников и посла посольство арендует в Тель-Авиве 33 квартиры и здание резиденции.

Общая стоимость аренды служебных и жилых помещений составляет 1,2 млн. долл. США в год.

В соответствии с нормативными расчетами для размещения служебных и жилых помещений посольства необходимо построить комплекс зданий общей площадью 5500-6000 кв. м.

Для строительства зданий такого объема по израильским нормам необходим земельный участок минимальной площадью 3500 кв. м.

В случае решения вопроса о приобретении участка стоимость его составит 4,5-7,0 млн. долл. США.

Этих расходов можно было бы избежать в случае, если бы Русская Православная Церковь (РПЦ) согласилась передать МИД России под строительство комплекса неиспользуемую часть (ориентировочно 1 га) принадлежащего ей земельного участка в Яффо (т.н. «Русский сад»).

Однако переписка с Московским Патриархатом по этому вопросу пока не принесла желаемых результатов. В случае безвозмездной передачи указанной площадки Министерству (возможно на условиях долгосрочной, на 49 лет, аренды) стоимость строительства комплекса, включая расходы на проектирование, получение

разрешения на строительство, оплату посреднических и адвокатских услуг, оборудования зданий мебелью, составила бы ориентировочно 8,5 млн. долларов США. Таким образом, срок окупаемости затрат составил бы около 7 лет.

III. О размещении Представительства при ПНА

В настоящее время служебные помещения российского Представительства при ПНА размещаются в г. Газа в арендованном здании общей площадью 450 кв. м. Кроме этого, в городе арендуются 3 квартиры для сотрудников. Общая стоимость аренды составляет 160,0 тыс. долл. США в год.

Заместитель директора ДКСиСЗ МИД России В.Н. Мальцев

5

О РОЗЫСКЕ КОЛЧАКОВСКОГО ЗОЛОТА

Справка Архива ФСБ. 1995 г.

Передана в Экспертный совет 18 января 1995 г. секретариатом бывшего вице-преьера О.Д. Давыдова. – Прим. публ

4 января 1920 г. после занятия Иркутска большевиками Колчак перешел под охрану чехословацких войск и подписал отречение от поста Верховного правителя в пользу Семенова.

4 января того же года золотой запас Колчака был принят под охрану союзников на станции Нижнеудинск. При этом «представители населения настаивали на „перевеске всего золота“, но председатель приемочной комиссии Гашек (чех) на это не согласился; тогда представители населения уклонились от участия в комиссии, и 28 вагонов с золотом были проверены по описи, со вскрытием двух вагонов для пересчета ящиков и мешков».

5 января 1920 г. началась передача золотого эшелона под охрану чехословацких войск. Но попытка чехов полностью взять на себя «охрану» золотого эшелона успеха не имела, т.к. русские солдаты отказались оставить свои посты. Решение солдат поддержали Казановский, Кулябко и другие банковские сотрудники, бывшие в эшелоне. Золотой эшелон под

смешанной охраной медленно продолжал путь на восток. Утром 12 января на ст. Туреть/Тыреть (200 верст от Иркутска) пломбы у одного из груженых золотом вагонов оказались поврежденными. При вскрытии вагона и пересчете ящиков была обнаружена пропажа 13 ящиков с золотом.

При этом было отмечено, что у вагона, в котором произошла кража, ночью стоял русский (?) караул.

Дальнейшая судьба пропавших ящиков с золотом оставалась неизвестной долгое время.

Дело о розыске золота было заведено в 1940 г. на основании заявления эстонца А. Лехта, который через Советское консульство ходатайствовал о разрешении въезда на территорию СССР в район ст. Тайга с целью отыскания золота, якобы закопанного в 1919 г. отступавшими колчаковцами. Лехт А. в своем заявлении ссылаясь на эстонца Пуррока К.М. который служил старшим писарем в 21-м запасном Сибирском полку армии Колчака и принимал непосредственное участие в его захоронении. При отступлении армии Колчака в конце октября 1919 г. Пуррок К.М. вместе с двумя солдатами и командиром полка полковником Швагиным М.И. южнее ст. Тайга, от первой просеки по тракту, на пятой лесной дороге справа, зарыли в яму глубиной 2,5 метра 26 ящиков с золотом. При просмотре архивных документов было установлено, что такой полк существовал в колчаковской армии и что он действительно отступал в тот период через станцию Тайга.

В сентябре 1931 г. Пуррок вместе с Лехтом выезжали на ст. Тайга с целью найти место зарытого золота. В предполагаемом месте Пуррок заметил около

дороги вал длиной 3-4 метра и с помощью ножа извлек из земли комок истлевшего сукна. По найденному валу Пуррок определил и остальные две ямы с имуществом, а по ним установил и место нахождения золота (показания А.И. Лехта). Но в связи с утерей Пурроком паспорта и отсутствием денег они пробыли на ст. Тайга 10-15 часов и прекратили поиски в полной уверенности, что ящики с золотом на месте.

В марте 1940 г. Лехт А.И. и Пуррок подали заявление Генеральному консулу СССР в г. Таллине о разрешении въезда в СССР для новой попытки розыска захороненного золота. Эта просьба была удовлетворена.

С 13 по 23 июня 1941 г. на поиски золота на ст. Тайга выезжали оперативные работники 2-го Спецотдела НКВД СССР Кузьмин и Митрофанов совместно с Пурроком. Однако из-за давности времени (22 года) и изменения местности (старый лес спилен и вырос новый лес) Пуррок не смог указать место, где зарыто золото. Группа нашла пятую лесную дорогу справа от просеки, и параллельно дороге на расстоянии 14-16 метров были выкопаны 148 шурфов глубиной 1,75 метра, тогда как золото было зарыто на глубину 2,5 метра. Кроме того, на четвертой лесной дороге также было вырыто 100 шурфов, однако золото не обнаружено.

По возвращении из экспедиции Пуррок К.М. 5 июля 1941 г. был привлечен к уголовной ответственности по статье 169, часть II УК РСФСР, за злоупотребление доверием и обман органов власти, выразившиеся в том, что Пуррок не указал экспедиции точного места захоронения золота.

Допрошенный 10 июля 1941 г. в качестве обвиняемого Пуррок К.М. виновным себя не признал и

показал, что за давностью времени и из-за сильного изменения местности он не мог определить и указать точное место захоронения клада.

Особым совещанием при НКВД СССР 2 мая 1942 г. он был осужден за мошенничество на 5 лет. Находясь в заключении в Приволжском лагере МВД, 10 сентября 1942 г. Пуррок умер.

По справке МВД ЭССР от 12 апреля 1958 г. Лехт А.И. умер в 1950 г.

В июле 1954 г. сотрудники 5-го отдела УГКБ по Кемеровской области Кулдыркаев и Бяков также выезжали на ст. Тайга с заданием организовать розыск зарытого золота.

Кулдыркаев и Бяков нашли то место, где в 1941 г. Кузьмин и Митрофанов вместе с Пурроком производили раскопки, и пробрили 360 скважин глубиной 2,5 метра вдоль лесной дороги № 5, но золота не обнаружили. После чего были привлечены для нахождения места, где зарыто золото, геофизики Федоров М.М. и Грязнова М.К. с аппаратом для обнаружения железа в земле (магнитные весы Шмидта), т.к. из показаний Пуррока известно, что в районе зарытия золота, по распоряжению полковника Швагина, в три ямы были закопаны револьверы системы «наган», шинели, подметки, стальные подковы для лошадей, а в четвертую яму – золото. Когда ящики с золотом были засыпаны землей, сверху в яму положили убитую лошадь, чтобы отпугнуть тех, «кто вздумает раскопать яму».

Указанная группа поиски зарытого золота прекратила, считая, что Пуррок давал неправдоподобные показания о захоронении золота в районе ст. Тайга.

30 октября – 25 ноября 1958 г. в целях сбора дополнительных данных и определения участков работы по отысканию клада на ст. Тайга были командированы ст. оперуполномоченный ОБХСС ГУМ подполковник милиции А.Д. Данилин, оперуполномоченный ОБХСС ГУМ капитан милиции П.М. Майоров и ст. оперуполномоченный 3-го Спецотдела МВД СССР майор в/с Г.И. Кожеуров.

Данной оперативной группой была проведена работа по проверке показаний Пуррока и Лехта. Был установлен и опрошен большой круг лиц, проживающих в г. Тайга и его окрестностях, которые хорошо помнили период отступления колчаковских войск через ст. Тайга. На основании показаний свидетелей и исследования местности было сделано заключение о достоверности ориентиров, о которых указывали Пуррок и Лехт.

По мнению оперативной группы, местность, где в 1941 г. группой МВД СССР с участием Пуррока проводились поиски, является наиболее приближенной к месту, где могло быть зарыто золото.

В беседе с работником пожарной охраны Овчинниковым, который в 1941 г. привлекался к розыску клада, выяснилось, что поиски велись только путем шурфования почвы. Шурфы закладывались на глубину 1 метр на расстоянии 1-1,5 метра один от другого. Из материалов дела известно, что клад закопан на глубине до 2,5 метра. Следовательно, оперативная группа в то время, если даже и стояла на правильном пути в определении местонахождения клада, обнаружить его не могла, поскольку поиск производился не на той глубине.

Учитывая собранные дополнительные данные, оперативная группа сделала заключение о том, что «экспедиция в составе сотрудников 2-го Спецотдела

НКВД СССР... выезжавшая на ст. Тайга, и сотрудники 5-го отдела УКГБ по Кемеровской области Кулдыркаев и Бяков, выезжавшие на ст. Тайга в 1954 г. производили розыск золота от ст. Тайга в сторону Новосибирска, а золото, по агентурным донесениям... было зарыто от ст. Тайга в сторону Красноярска», т.е. экспедиции 1941 и 1954 гг. «искали клад в противоположной стороне от предполагаемого места захоронения золота, в силу чего оно, естественно, не могло быть ими обнаружено» (Справка по архивно-следственному делу № 0103375 от 31 марта 1958 г.), и, принимая во внимание, что розыском клада активно не занимались, отметили целесообразность возобновления поисковых работ летом 1959 г. с применением соответствующей аппаратуры.

На основании Заключения от 18 июня 1959 г. на имя Начальника 3-го Спецотдела МВД СССР полковника Н.Я. Баулина дальнейшие мероприятия по розыску золота в районе ст. Тайга были прекращены.

4 апреля 1992 г. в газете «Московский комсомолец» была опубликована статья Валерия Жукова «Золото Колчака искать на станции Тайга» с подзаголовком «Сенсационные признания руководителей сталинского Гохрана», в которой опять была поднята тема «колчаковского» золота и отмечалось, что «при современных методах разведки недр отыскать крупное скопление золота – это раз плюнуть! Может, рискнуть?».

6

СНОВА НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ РУМЫНСКОЕ ЗОЛОТО. ИНФОРМАЦИЯ ИТАР-ТАСС

(в российской печати не публиковалось. – Прим. публ)

Бухарест, 21 сентября 1995 г. (кор. ИТАР-ТАСС Николай Морозов). «Шокирующим, нахальным, ядовитым и безответственным» было названо в среду на пресс-конференции Партии национального единства румын (ПНЕР) недавнее предложение оппозиционной Демократической партии создать парламентскую комиссию для возвращения из России золотого запаса Румынии. Исполнительный секретарь ПНЕР, входящий в правящую коалицию, сенатор Валер Суян весьма сдержанно отнесся к идее создания подобной комиссии, которая, по его мнению, «не способна решить столь деликатную проблему». «Мы, однако, не имеем ничего против того, чтобы комиссия Демократической партии изучила этот вопрос на территории России, но при условии, что они не вернутся на родину без румынского золота», – заключил не без иронии В. Суян.

...Осенью 1916 г. Румыния, участвовавшая в Первой мировой войне на стороне Антанты, под угрозой оккупации страны германскими войсками приняла решение передать на хранение союзной царской России золотой запас Национального банка, драгоценности

королевы Марии, фонды музеев и церквей, документы академии и государственных архивов, а также состояния частных лиц. Согласно некоторым подсчетам, общая стоимость двух железнодорожных составов с румынскими ценностями, отправленных в Россию в 1916-1917 гг. достигает сегодня 38 млрд. долларов. Затем в России вспыхнули революция и Гражданская война, все хранившиеся в Кремле ценности, в том числе румынские, были эвакуированы в Сибирь, где следы их фактически теряются. По разным версиям, этим золотом поживились и адмирал Колчак, и атаман Семенов, и чешский экспедиционный корпус...

Румынская сторона не однажды поднимала этот вопрос, и часть ценностей была возвращена в Бухарест советским правительством в 1934 и 1956 гг. В последний раз «деликатная тема» была затронута на официальном уровне президентом И. Илиеску во время визита в Москву в 1991 г. Тогда М. Горбачев лаконично ответил, что он «не информирован, но поинтересуется»

В последний раз вопрос о «румынском золоте» фигурировал в официальных переговорах И. Илиеску и В.В. Путина в 2003 г. в Москве. Стороны договорились вынести проблему за рамки официальных переговоров, поручив специальной российско-румынской комиссии историков подготовить объективное элитное заключение. – Прим. публ.

В ходе ведущихся на протяжении десятилетий споров российская сторона выдвигает «контрпретензии». Дело в том, что после начала Октябрьской революции в 1917 г. румынская армия конфисковала имущество, принадлежавшее российским войскам, расквартированным на территории Румынии, – сотни

складов с оружием, военным снаряжением, обмундированием, продовольствием. Кроме того, Румыния не оплатила поставки боеприпасов, снаряжения и продовольствия, производившиеся частично из русских запасов до весны 1917 г. Разумеется, проблемы румынского золота и российского имущества должны быть урегулированы компетентными специалистами, сказал корреспонденту ИТАР-ТАСС видный российский историк, специалист в области российско-румынских отношений Владилен Виноградов, однако сделать это нужно так, чтобы не бросить тень на сегодняшние отношения между двумя странами.

Между тем этот аспект меньше всего заботит «непримиримую» румынскую оппозицию, которая в преддверии парламентских и президентских выборов энергично разыгрывает «антирусскую карту», спекулируя на непростых проблемах, обременяющих взаимную румыно-российскую историю. «Для восстановления экономики Румынии необходимо несколько десятков миллиардов долларов. Откуда их взять?» – спрашивает депутат Георге Горун от Демократической партии в сегодняшнем номере газеты «Кроника ромынэ». Ответ, подчеркивает он, приходит сам собой: «Сейчас идет работа над новым румыно-российским договором. Правительство Румынии должно упомянуть в этом документе проблему золотого запаса, и не только...»

По сути же, единственная цель румынской оппозиции – скомпрометировать нынешнее правительство, чтобы после выборов занять его место. Вот почему она ставит сложный вопрос о золотом запасе в нарочито нереалистичной и зачастую оскорбительной для партнеров форме, фактически блокируя пути к его решению. Ведь каждый успех кабинета – провал

оппозиции. Поэтому, даже если и удастся нащупать путь к компромиссу, можно не сомневаться, что оппозиция немедленно обрушит на правительство очередной поток обвинений в профессиональной некомпетентности, предательстве национальных интересов и «промосковской политике». Тем временем российские и румынские эксперты продолжают кропотливую работу по подсчету взаимных потерь и претензий, не теряя надежды на компромисс и стараясь держаться в тени, чтобы не навлечь на себя политических бурь.

7

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

Из книги: Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М.: ТОО «Гея». – 1996

В 1936 г. испанские республиканцы согласились сдать на хранение большую часть испанского золотого запаса общей стоимостью более полумиллиарда долларов в Москву. Осенью 1938 г. Агаянц прислал в Центр из Парижа телеграмму, в которой сообщал, что в Москву отослано далеко не все испанские золото, драгоценные металлы и камни. В телеграмме указывалось, что якобы часть этих запасов была разбазарена республиканским правительством при участии руководства резидентуры НКВД в Испании.

О телеграмме немедленно доложили Сталину и Молотову, которые приказали Берии провести проверку информации. Однако, когда мы обратились к Эйтингону, резиденту в Испании, за разъяснением обстоятельств этого дела, он прислал в ответ возмущенную телеграмму, состоявшую почти из одних ругательств. «Я, – писал он, – не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. Все запросы следует переадресовать к доверенным лицам руководства ЦК французской и испанской компартий Жаку Дюкло, Долорес Ибаррури и другим. При

этом надо понять, что вывоз золота и ценностей проходил в условиях боевых действий».

Телеграмма Эйтингона произвела большое впечатление на Сталина и Берию. Последовал приказ: разобраться во взаимоотношениях сотрудников резидентуры НКВД во Франции и Испании.

Я получил также личное задание от Берии ознакомиться со всеми документами о передаче и приеме испанских ценностей в Гохран СССР. Но легче было это сказать, чем сделать, поскольку разрешение на работу с материалами Гохрана должен был подписать Молотов. Его помощник между тем отказывался подавать документ на подпись без визы Ежова, народного комиссара НКВД, – подписи одного Берии тогда было недостаточно. В то время я был совершенно незнаком со всеми этими бюрократическими правилами и передал документ Ежову через его секретариат. На следующее утро он все еще не был подписан. Берия отругал меня по телефону за медлительность, но я ответил, что не могут найти Ежова – его нет на Лубянке. Берия раздраженно бросил:

«Это не личное, а срочное государственное дело. Пошлите курьера к Ежову на дачу, он нездоров и находится там».

Его непочтительный тон в адрес Ежова, кандидата в члены Политбюро, несколько озадачил и удивил меня. Вместе с курьером нас отвезли на дачу наркома в Озеры, недалеко от Москвы. Выглядел Ежов как-то странно: мне показалось, что я даю документ на подпись либо смертельно больному человеку, либо человеку, пьянствовавшему всю ночь напролет. Он завизировал бумагу, не задав ни одного вопроса и никак не высказав своего отношения к этому делу. Я тут же отравился в

Кремль, чтобы передать документ в секретариат правительства. Оттуда я поехал в Гохран в сопровождении двух ревизоров, один из которых, Берензон, был главным бухгалтером ЧК-НКВД еще с 1918 г. До революции он занимал должность ревизора в Российской страховой компании, помещение которой занял Дзержинский (ныне главное здание ФСБ на Лубянке. – Прим. публик.).

Ревизоры работали в Гохране в течение двух недель, проверяя всю имевшуюся документацию. Никаких следов недостачи ими обнаружено не было. Ни золото, ни драгоценности в 1936-1938 гг. для оперативных целей резидентами НКВД в Испании и во Франции не использовались. Именно тогда я узнал, что документ о передаче золота подписали премьер-министр Испанской республики Франциске Ларго Кабальеро и заместитель народного комиссара по иностранным делам Крестинский, расстрелянный позже как враг народа вместе с Бухариным после показательного процесса в 1938 г.

Золото вывезли из Испании на советском грузовом судне, доставившем сокровища из Картахены, испанской военно-морской базы, в Одессу, а затем поместили в подвалы Госбанка. В то время его общая стоимость оценивалась в 518 миллионов долларов. Другие ценности, предназначавшиеся для оперативных нужд испанского правительства республиканцев с целью финансирования тайных операций, были нелегально вывезены из Испании во Францию, а оттуда доставлены в Москву – в качестве дипломатического груза.

Испанское золото в значительной мере покрыло наши расходы на военную и материальную помощь

республиканцам в их войне с Франко и поддерживающими его Гитлером и Муссолини, а также для поддержки испанской эмиграции. Эти средства пригодились и для финансирования разведывательных операций накануне войны в Западной Европе в 1939 г.

Однако вопрос о золоте после разоблачений Орлова в 1953-1954 гг. получил новое развитие.

Судоплатов имеет в виду разоблачения чекиста-перебежчика Владимира Орлова, причастного к вывозу в 1937 г. испанского золота в СССР. Одновременно Орлов раскрыл всю европейскую сеть шпионов Коминтерна и ОГПУ в 20-х – первой половине 30-х гг. См.: Вл. Орлов. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. – М. 1998. – Прим. публ

Испанское правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей. О судьбе золота меня и Эйтингона допрашивали работники разведки КГБ в 1950-1960 гг. когда мы сидели в тюрьме. В итоге, как мне сообщили, «наверху» было принято решение в 1960-е гг. – компенсировать испанским властям утраченный в 1937 г. золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам.

8

СЧЕТНАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Справка. 1996 г. Передана в Экспертный совет в январе 1999 г. секретариатом Совета безопасности РФ. Публикуется с сокращениями. – Прим. публ.

В соответствии с «Положением» о Госкомимуществе России, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 4 декабря 1995 года № 1190, а также постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 1995 года № 14 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом» на Госкомимущество России возложены функции по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности, находящимися за рубежом, защите имущественных прав и интересов государства за рубежом, учету, поиску и оформлению прав собственности на федеральное имущество за рубежом, контролю за его сохранностью и использованием, а также контролю за поступлением средств в федеральный бюджет от использования государственной собственности. Реализация вышеупомянутых функций осуществляется главным образом Управлением собственности за рубежом и межгосударственных имущественных отношений (штатная численность 12 человек, фактическая численность 9 человек), а также по отдельным вопросам – Управлением приватизации предприятий оборонного комплекса и военного

имущества, Отделом приватизации предприятий торговли и сферы обслуживания, Управлением приватизации предприятий строительного комплекса.

В результате проверки установлено, что в работе Госкомимущества России, а также других федеральных органов исполнительной власти по выполнению вышеупомянутых задач имеется ряд существенных недостатков.

В частности, в Госкомимуществе России отсутствуют в имеющемся перечне недвижимых объектов за рубежом, являющихся федеральной собственностью, детализированные характеристики по каждому объекту: балансовая стоимость, время приобретения, основные технические характеристики и другая необходимая информация. Согласно данным Госкомимущества России, а также имеющейся в Комитете информации МИД России, МВЭС России, Росзарубежцентра, Минобороны России, ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», на балансе указанных министерств и организаций находятся 1509 объектов федеральной собственности в 112 странах мира, балансовая стоимость указанной недвижимости оценивается Госкомимуществом России в 3,24 млрд. долл. США.

В Госкомимуществе России практически отсутствует учет федеральной заграничной собственности в виде финансовых вложений – долей, паев, акций, ценных бумаг и т.д. юридических лиц, находящихся за рубежом. Запросы Госкомимуществом России в соответствующие организации по данному вопросу не направлялись, за исключением обращений в Банк России, Внешэкономбанк, Минфин России, РФФИ о предоставлении сведений о бывших совзагранбанках

(величине уставного капитала, долях акционеров и др.). Указанная информация от вышеупомянутых организаций Госкомимуществом России получена не была.

По данным Внешэкономбанка, по состоянию на 1 ноября 1996 года на балансе Банка значатся вложения в капиталы бывших совзагранбанков в размере около 4 трлн. руб. и в акции других банков и организаций – 64,5 млрд. руб. Центральный банк Российской Федерации фактически отказался предоставить информацию о финансовых активах за рубежом, являющихся собственностью Банка России.

До настоящего времени не существует автоматизированной системы учета и реестра федеральной заграничной собственности, создание которой постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 1995 года № 14 было поручено осуществить Госкомимуществу России совместно с Госкомстатом России, МИД России и МВЭС России до конца 1995 года. Работа указанных министерств по созданию системы учета и реестра федеральной собственности за рубежом была затянута в связи с тем, что, несмотря на неоднократные поручения Правительства Российской Федерации, Минфином России не выделены необходимые средства для финансирования указанных работ.

Госкомимуществом России и другими заинтересованными министерствами разработана (до настоящего времени не утверждена Правительством Российской Федерации) Методика, устанавливающая порядок оценки находящегося за рубежом и закрепленного за федеральными органами исполнительной власти, учреждениями и предприятиями Российской Федерации недвижимого и движимого

имущества, в том числе долгосрочных финансовых вложений, включая вклады предприятий Российской Федерации в доходные активы (акции, облигации и другие ценные бумаги) и уставные фонды зарубежных предприятий, что постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 1995 года № 1211 «Об инвентаризации собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом» было поручено осуществить в месячный срок. В то же время Госкомимущество России в декабре 1996 года обратилось в Правительство Российской Федерации с предложением об опытном применении Методики рядом министерств и организаций в отношении имеющегося у них на балансе имущества за рубежом (по отдельному списку стран).

В связи с отсутствием Методики невозможно оценить реальную (рыночную) стоимость недвижимости за рубежом с учетом износа. Кроме того, федеральными органами исполнительной власти, учреждениями и предприятиями не проведена инвентаризация собственности за рубежом на базе указанной Методики, что также было предусмотрено упомянутым постановлением Правительства Российской Федерации.

Авторы– аудиторы данной справки Счетной палаты забыли, однако, упомянуть, что методикой оценки до принятия 29 июля 1998 г. обеими палатами российского парламента федерального закона «Об оценочной деятельности в РФ» не обладало не только ГКИ, но и вообще ни одно российское министерство и ведомство, о чем также говорилось в июне 1997 г. на первой Всероссийской конференции «Оценка национальных богатств страны» в Москве. См.: Орехова И. Сколько

стоит богатство России? // Россия: власть на местах. -1997. – № 7 (июль). – С. 9-14. – Прим. публ.

Госкомимуществом России не исполняются надлежащим образом возложенные на Комитет Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 1518 «О порядке реализации и использования высвобождаемого военного имущества» и «Положением» о Госкомимуществе России функции по учету и контролю за использованием высвобождаемого военного имущества за рубежом. Госкомимуществом России не создан реестр недвижимого военного имущества за рубежом. Комитет не располагает данными о недвижимом военном имуществе, высвобожденном в ходе вывода российских войск из стран дальнего зарубежья и бывших республик Союза ССР, а также наличии недвижимого военного имущества за рубежом на балансе соответствующих министерств и организаций (за исключением зданий аппаратов военного атташе).

Госкомимущество России не обеспечило должный контроль за реализацией постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1994 года № 162, предусматривающего возможность использования военного имущества, высвобождаемого в связи с выводом Вооруженных Сил Российской Федерации из государств – бывших республик Союза ССР, путем создания совместных предприятий, продажи или передачи этого имущества в уставный капитал вновь создаваемых и действующих структур с определением доли России в их деятельности, а также передачи указанного имущества уполномоченным органам государства, на территории которого это имущество находится, с учетом его стоимости во взаимных расчетах между Россией и другой договаривающейся стороной.

Комитет не осуществляет проработку вопросов, связанных с созданием совместных предприятий в указанных странах на базе высвобождаемого недвижимого военного имущества. Что касается передачи высвобождаемого военного имущества странам СНГ для учета его стоимости во взаиморасчетах России с этими государствами, то указанными вопросами Госкомимущество России не владеет, поскольку, по имеющимся в Комитете данным, ими занимается Минобороны России.

Госкомимуществом России проводится определенная работа по поиску имущества бывшей Российской империи и СССР за рубежом: в период 1992-1996 гг. было выявлено 8 земельных участков, из них 5 – строениями в ФРГ, зарегистрированными в Германии как собственность, приобретенная бывшими МИД СССР, МВТ СССР и Советской армией.

Российскими организациями, управляющими недвижимыми объектами за рубежом, являющимися федеральной собственностью, не завершена работа по документальному оформлению правопреемства Российской Федерации на указанное имущество бывшего СССР. По имеющимся в Госкомимуществе России данным, к настоящему времени перерегистрированы на имя Российской Федерации объекты федеральной собственности, находящиеся на балансе МИД России, только в 68 странах.

Необходимо отметить, что признание прав собственности России на имущество бывшего СССР за рубежом сдерживается в связи с претензиями на часть указанной собственности Республики Украина, которая в июне 1992 года направила в зарубежные страны

соответствующие ноты. По этой причине, согласно информации Госкомимущества России, в Европе Россию признали единственным правопреемником бывшего СССР только Болгария, Венгрия, Исландия, Финляндия и Швеция. В связи с данной проблемой затруднено и оформление прав собственности на найденные в Германии недвижимые объекты бывшего СССР.

Достаточно сложно решаются вопросы о разграничении собственности между Россией и странами ближнего зарубежья в связи с распадом Советского Союза. Только с Республикой Украина требуется урегулировать права собственности на 300 объектов производственной и социальной сфер, расположенных на территории обеих стран. До настоящего времени отсутствует договорно-правовая база, регулирующая имущественные отношения со странами Балтии.

Согласно имеющейся в Госкомимуществе России информации, в период 1995-1996 гг. было принято 8 решений Правительства Российской Федерации, связанных со сделками по федеральному имуществу (купля, продажа, мена и т.п.), находящемуся в оперативном управлении МИД России и МВЭС России в Суринаме, Индии, Швейцарии, Финляндии, Индонезии, Австрии, Южной Корее, ФРГ. При этом Госкомимуществом России в ходе проверки не предъявлены документы, обосновывающие целесообразность осуществления указанных сделок, а также представления Госкомимущества России и упомянутых министерств, которые должны являться основаниями для принятия соответствующих решений Правительства.

В связи с выходом Указа Президента Российской Федерации от 2 августа 1996 года № 1135 «О мерах по улучшению использования недвижимого имущества, закрепленного за Министерством внешних экономических связей Российской Федерации», предусматривающего передачу МВЭС России Управлению делами Президента Российской Федерации в оперативное управление служебные здания, сооружения, жилые дома и другое недвижимое имущество, находящееся на балансах представительств России по торгово-экономическим вопросам в иностранных государствах, представители Госкомимущества России принимают участие в работе созданной Управлением делами Президента России комиссии по приему и передаче имущества. Следует отметить, что по вопросам реализации упомянутого Указа до настоящего времени не существует соответствующих распоряжений Правительства Российской Федерации, что противоречит Конституции Российской Федерации (ст. 114), возлагающей функции по управлению федеральной собственностью на Правительство Российской Федерации.

На противоречие указа № 1135 от 2 августа 1996 г. Конституции 1993 г. (ст. 114) в 1996-2003 гг. не раз указывали думские депутаты во время многочисленных «парламентских слушаний» о судьбе зарубежной собственности России. Упомянутое в справке Счетной Палаты «Распоряжение Правительства РФ» было издано премьером М.М. Касьяновым лишь семь лет спустя (!) после указа № 1135. – Прим. публ.

Госкомимуществу России необходимо усилить работу по контролю за сохранностью и эффективным использованием федеральной загрансобственности,

закрепленной на балансе госпредприятий и учреждений, в том числе и путем сдачи ее в аренду.

Госкомимущество России не располагает полными данными о сдаче в аренду имущества за рубежом, находящегося на балансе министерств и организаций. В Комитете имеется в наличии только часть договоров, заключенных М В Э С России и его загранпредставительствами, о сдаче в аренду недвижимого имущества за рубежом в 17 странах. Имеющиеся договоры аренды Госкомимуществом России не систематизируются и не учитываются в полной мере. Договоры аренды недвижимого имущества, закрепленного на балансе других российских учреждений и организаций, в Госкомимущество России не представлялись, как это предусмотрено постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 1995 года № 14.

Госкомимущество России не осуществляет систематический контроль за поступлением в федеральный бюджет средств от использования российскими организациями имущества, являющегося федеральной собственностью, и принятие необходимых мер для обеспечения этих поступлений, что предусмотрено «Положением» о Госкомимуществе России. Комитет не располагает исчерпывающими данными по получаемым министерствами и организациями доходам от использования федерального имущества за рубежом, в том числе от сдачи его в аренду, а также о поступлениях в федеральный бюджет средств от сделок с указанным имуществом, включая доходы по ценным бумагам, долям, паям, акциям.

Минфин России также не располагает данными о поступлении в 1995-1996 гг. в федеральный бюджет средств от использования собственности за рубежом, включая недвижимое имущество, кроме того, указанные доходы не предусматриваются проектом бюджета на 1997 год. В то же время только МВЭС России, согласно поступившей от министерства информации, в 1994-1995 гг. получено доходов от сдачи в аренду недвижимого имущества за рубежом в размере 15,3 млн. долл. США, перечислено в бюджет – 7,65 млн. долл. США.

Следует отметить, что согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 5 января 1995 года № 14 средства, вырученные в результате совершения сделок с федеральным имуществом за рубежом, должны целиком направляться в федеральный бюджет в порядке, определяемом Минфином России.

Как показали проверки МИДа России, МВЭС России, Росзарубежцентра и ИТАР-ТАСС по расходованию бюджетных валютных средств на международную деятельность, единый порядок перечисления средств в федеральный бюджет от использования загрансобственности Минфином России не разработан. Доходы от сдачи в аренду находящейся на балансе указанных организаций федеральной загрансобственности используются ими в порядке, устанавливаемом в каждом конкретном случае.

При этом часть доходов, полученных от сдачи в аренду рядом организаций, в частности МВЭС России, недвижимости за рубежом с разрешения Минфина России остается в распоряжении указанных организаций и не перечисляется в федеральный бюджет, что противоречит

постановлению Правительства Российской Федерации от 5 января 1995 года № 14.

Неэффективно осуществляется управление предприятиями за рубежом с федеральной долей собственности, большинство из которых работают убыточно и не перечисляют дивидендов в федеральный бюджет. Так, из 5 таких предприятий, в которых за Госкомимуществом России закреплены акции и доли в уставном капитале, являющихся федеральной собственностью, прибыльно работает только СП «Вьетсовпетро», Вьетнам (управление государственной долей осуществляется РВО «Зарубежнефть»).

До настоящего времени не разработан ряд нормативных документов, регулирующих вопросы управления, учета и поиска федеральной собственности, находящейся за рубежом.

В частности, Минфином России не разработано «Положение» о порядке финансирования работ Госкомимущества России по поиску, оформлению прав собственности Российской Федерации и управлению имуществом, находящимся за рубежом, а также защите имущественных интересов России за рубежом.

Минтрудом России не утверждено «Положение» о порядке привлечения, условиях работы и оплаты труда должностных лиц федеральных органов исполнительной власти и специалистов предприятий и учреждений, направленных для работы в органах управления находящихся за рубежом юридических лиц с российской долей участия.

В ходе выборочной проверки имеющихся в Госкомимуществе России документов по приватизации в 1992-1994 гг. государственных предприятий, в том числе

внешнеэкономических объединений, которые имели на своем балансе долгосрочные финансовые вложения находящихся за рубежом юридических лиц, а также недвижимость за рубежом, был выявлен ряд недостатков и нарушений действующего законодательства и нормативных актов по приватизации, в том числе в части оформления необходимых документов, контроль за которым возложен на Госкомимущество России.

В частности, были допущены ошибки при расчете уставного капитала внешнеэкономических объединений («Общешаэкспорт») и при пересчете долгосрочных финансовых вложений в иностранной валюте в рубли («Разноимпорт»). Отсутствуют полные комплекты документов по приватизации внешнеэкономических объединений «Стройматериалинторг» и «Техностройэкспорт».

При приватизации объединений «Внешинторг» и «Зарубежстрой» в уставные капиталы образованных акционерных обществ не были включены недвижимые объекты в КНДР и Монголии, которые находились на балансе указанных объединений на момент их акционирования. Права пользования АООТ «Внешинторг» и АООТ «Зарубежстрой» на указанные объекты до настоящего времени не урегулированы Госкомимуществом России. Данные объекты как федеральная собственность Госкомимуществом России за указанными акционерными обществами не числятся.

Следует также отметить, что приватизация государственных предприятий и организаций, имеющих на балансе собственность за рубежом, осуществлялась в соответствии с действующими в указанный период законодательными и нормативными актами, которые

предусматривали, что при определении величины уставного капитала создаваемых акционерных обществ средства предприятий в иностранной валюте, внесенные в виде паев (вкладов) и находящиеся у предприятия на балансе, принимаются при оценке в суммах, отраженных в балансе в рублевом выражении по состоянию на 1 июля 1992 года без проведения последующих переоценок основных фондов и валютных статей баланса и без учета изменения курсового соотношения за истекший период. Данное обстоятельство привело к значительному занижению фактической величины уставного капитала создаваемых акционерных обществ, которое только при приватизации компании «Нафта Москва» и ВО «Техснабэкспорт» составило около 33 млрд. руб. или 16,14 млн. долл. США, соответственно – занижению первоначальной цены продажи предприятий и, следовательно, существенным потерям для федерального бюджета средств от приватизации.

В целом следует отметить, что вопросам учета и контроля за использованием федеральной собственности за рубежом руководством Госкомимущества России уделяется недостаточное внимание, о чем свидетельствует то обстоятельство, что данные вопросы ни разу не рассматривались на заседаниях Коллегии Комитета.

Кроме того, штатная численность подразделений Госкомимущества России, ответственных за данные вопросы, и в первую очередь Управления собственности за рубежом и межгосударственных имущественных отношений, а также уровень оплаты труда сотрудников Комитета не позволяют в надлежащей мере осуществлять выполнение широкого круга задач по

поиску, управлению, учету и контролю за использованием федеральной собственности за рубежом.

Выводы:

Итоги проведенной проверки работы российских организаций по учету и контролю за использованием федерального имущества за рубежом показали в целом, что в этой работе имеются значительные недостатки, требующие принятия мер по их устранению, в частности:

- не созданы автоматизированная система учета и реестр объектов федеральной собственности за рубежом, практически полностью отсутствует учет федеральных вложений, а также недвижимого военного имущества за рубежом;

- недостаточно осуществляется контроль за сохранностью и эффективным использованием федеральной собственности за рубежом, а также высвобождаемого военного имущества;

- не осуществляется систематический контроль за поступлением в федеральный бюджет от российских организаций средств от использования собственности за рубежом и учет этих средств;

- не завершена работа по оформлению прав собственности Российской Федерации на имущество бывшего СССР за рубежом;

- неэффективно осуществляется управление предприятиями за рубежом с федеральной долей собственности;

- не разработан ряд нормативных документов, регулирующих вопросы управления и распоряжения федеральной собственностью за рубежом.

Проведенная проверка Госкомимущества России является первым этапом планируемой работы по комплексному анализу всех вопросов, связанных с использованием финансовых и имущественных вложений за рубежом, являющихся федеральной собственностью. В течение 1997 года предусматривается осуществить проверки ряда российских организаций, имеющих на балансе государственное финансовое и иное имущество за рубежом, по вопросам эффективности его использования.

1996 г.

9

СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1923-1992 гг.)

Справка Главного управления собственности за рубежом Госимущества РФ Передана в Экспертный совет в 1993 г. редакцией еженедельника «Аргументы и факты»

В Великобритании действуют следующие компании, учрежденные с участием государственных средств и имущества бывшего СССР:

1. А/К «Разноимпорт (Ю.К.) ЛТД». Создана в 1980 г. для торговли цветными металлами и каучуком. Акционерный капитал – 58 тыс. ф. ст. принадлежит российским внешнеторговым объединениям; 99% – В/О «Разноимпорт» и 1% – В/О «Промсырьеимпорт». Товарооборот А/К «Разноимпорт» – около 250 млн. ф. ст. в год.

Одновременно действует компания А/К «Разноимпорт Трейдинг (Ю.К.) ЛТД», которая осуществляет собственные посреднические операции. Акционерный капитал – 5 тыс. ф. ст. принадлежит в тех же долях В/О «Разноимпорт» и В/О «Промсырьеимпорт» (тот же штат, то же помещение).

2. «Техникал энд оптикал эквипмент (Лондон) ЛТД». Основана в 1967 г. и является агентом по реализации

различного рода аппаратуры и оборудования. Акционерный капитал «ТОЭ» составляет около 1,67 млн. ф. ст. и распределяется следующим образом: В/О «Техноинторг» – 87,3%, В/О «Техснабэкспорт» – 11,5%, В/О «Машприборинторг» – 0,6%, Московский народный банк – 0,6%.

3. «Разно энд К ЛТД». Основана в 1969 г. с капиталом 200 тыс. ф. ст. для экспортно-импортных операций. В настоящее время капитал составляет 370 тыс. ф. ст. и распределяется следующим образом: В/О «Разноэкспорт» – 297 101 ф. ст. В/О «Стройматериалинторг» – 54 665 ф. ст. В/О «Мебельинторг» – 20 000 ф. ст. (в настоящее время импорта нет).

4. «Юмо плант ЛТД». Основана в 1969 г. для продажи сельскохозяйственной техники на британском рынке. Акционерный капитал – более 1 млн. ф. ст. главный акционер – В/О «Трактороэкспорт» – 66,5% акций, остальные акции распределены по 6,7% между В/О «Автоэкспорт», «Машиноэкспорт», «Энергомашэкспорт», «Техмашэкспорт» и «Судоимпорт». Оборот – около 1,5 млн. ф. ст. в год.

5. «Русское лесное агентство». Зарегистрировано в 1923 г. Акционерный капитал – 462 тыс. ф. ст. распределяется следующим образом: В/О «Экспортлес» – 54,16%, британские лесные брокерские фирмы – 45,84%, ежегодный объем экспорта в Великобританию в последние годы колеблется в пределах 120-150 млн. ф. ст.

6. «Совфрайт (Лондон) ЛТД». Зарегистрирована в 1974 г. Акционерный капитал в 100 тыс. ф. ст. принадлежит В/О «Совфрайт».

7. Генеральное страховое общество «Блэкбалси». Зарегистрировано в 1925 г. Акционерный капитал – 3,1 млн. ф. ст. Держатель контрольного пакета акций (59,7%) – Ингосстрах. Другие акционеры – Внешторгбанк и общества группы Ингосстраха. А/О «Блэкбалси» имеет отделение во Франции. Страховые агентства как в Великобритании, так и в «третьих странах». Годовой оборот общества по страховым операциям в среднем составляет 10 млн. ф. ст.

8. Англо-советское пароходное общество (АСПО). Зарегистрировано в 1923 г. Под нынешним названием действует с 1929 г. АСПО является «холдинговой» компанией, в которую входит группа специализированных компаний в Великобритании. Акционерный капитал -1 млн. ф. ст. принадлежит В/О «Совфрахт». Годовой оборот АСПО – около 60 млн. ф. ст.

9. «Боминфлот ЛТД». Создана в 1982 г. на базе бункерного отдела АСПО. Имеет статус дочерней компании «К.Г. Боминфлот Бункер Гезельшафт Фюр Минерарол МБХ», Гамбург, оплаченный акционерный капитал – 500 тыс. ф. ст. Принадлежит «Боминфлот» (Гамбург). (По существу В/О «Совбункер» Минморфлота.) Оборот – 300-400 млн. ф. ст.

10. А/О «Нафта (Ю.К.) ЛТД». Создано в 1987 г. оплаченный акционерный капитал компании составляет 1 тыс. ф. ст. в т.ч. 999 ф. ст. принадлежат В/О «Союзнефтеэкспорт», 1 ф. ст. выписан на имя генерального директора. Собственные средства компании, образовавшиеся в результате коммерческой деятельности, составляют около 0,5 млн. ф. ст.

11. «Интурист Тревел ЛТД». Создана в 1989 г. Учредители ВАО «Интурист» и АСПО. Уставный капитал –

59 тыс. ф. ст. В настоящее время представляет собой группу компаний с главной конторой в Лондоне и отделениями в городах Великобритании, а также в Сиднее и Люксембурге. Оборот «Интурист Тревел» – около 10 млн. ф. ст. в год.

12. Московский народный банк (МНБ). Основан в Лондоне как британское акционерное общество с ограниченной ответственностью в 1919 г. Основными акционерами банка являлись Госбанк СССР и Внешэкономбанк СССР. МНБ имеет отделение в Сингапуре, представительство в Москве. На 1 января 1990 г. собственные средства Моснарбанка составляли 208,8 млн. ф. ст. баланс – 2,5 млрд. ф. ст. По объему операций банк занимает одно из ведущих мест среди иностранных банков в Великобритании.

13. А/О «Плодимекс Ю.К.». Создано 1 января 1992 г. размер уставного капитала – 100 тыс. ф. ст. основных средств у общества не имеется. Доля средств российского участника – ВАО «Союзплодоимпорт» составляет 1%, или 1 тыс. ф. ст.

14. «Машин тул эйдженсиз ЛТД» (МТА). Зарегистрирована в январе 1991 г. основным акционером компании является В/О «Станкоимпорт». Подробные данные руководство компании не представило.

15. «Промтранс трейдинг Ко ЛТД». Зарегистрирована в 1990 г. Уставный капитал составляет 150 тыс. ф. ст. Акционеры – В/О «Союзпромэкспорт» (60%) и британская фирма «Транскор ЛТД» (40%).

16. А/О «Си-Ти-Си лайн», учреждено как специализированная дочерняя компания АСПО. В настоящее время акции компании выкуплены у АСПО Черноморским пароходством и, как утверждает

руководство компании, среди ее акционеров нет российских участников.

Более подробная информация по каждому обществу может быть получена через российские компании и ведомства – учредители А/О в Великобритании.

10

ПРОЕКТ ДОКЛАДА ГЕНДИРЕКТОРА ЗАО «ИНТЕРПОИСК» Е.П. КАРАБАНОВА НА КОЛЛЕГИИ ГКИ О СОСТОЯНИИ РАБОТ ПО ПОИСКУ ИМУЩЕСТВА БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА РУБЕЖОМ

Копия представлена в Экспертный совет в январе 1999 г. В.П. Никифоровым, руководителем группы по поиску и оформлению военного имущества СССР, переданного по решениям Союзной контрольной комиссии в 1945-1946 гг. По неизвестным причинам доклад не состоялся. – Прим. публ

История вопроса, вынесенного сегодня на обсуждение, начинается в 1995 году, когда Постановлением Правительства РФ № 14 от 05.01.95 г. была активизирована работа по поиску и восстановлению прав собственности России на имущество бывшего СССР.

Одним из факторов улучшения экономического положения России, наполнения госбюджета и погашения

внешнего долга является эффективное использование российской собственности за рубежом.

В настоящее время, по данным ПРАЙМ-ТАСС, Российской Федерации принадлежит 1509 объектов недвижимости в 112 странах на общую сумму 3 млрд. 245 млн. долларов США. Около 90% этого имущества используется в интересах дипломатических и торговых представительств РФ.

В результате послевоенного урегулирования и на основании соответствующих соглашений между странами-победительницами бывший СССР стал собственником (с юридическим оформлением данного факта) большого количества имущества, в том числе и недвижимого, в Германии, Австрии, Финляндии, Венгрии, Болгарии, Румынии.

По оценкам российских и зарубежных экспертов, стоимость этого имущества оценивается в несколько десятков миллиардов долларов США.

Однако это только незначительная часть имущества бывшего СССР. В результате реорганизаций государственных органов управления советским имуществом за рубежом в период существования СССР, распада СССР и вывода войск из стран Восточной Европы был утерян контроль за значительной частью имущества бывшего СССР за рубежом.

В одной только Германии нашего имущества осталось на десятки миллиардов марок. В качестве трофеев, даже по немецким законам, к Советской армии перешла огромная часть имущества нацистских организаций. К сожалению, во многих случаях это не было документально оформлено надлежащим образом. В 1991-1994 гг. пожары, возникшие в немецких архивах,

уничтожили значительную часть документов, подтверждающих право владения СССР имуществом в Германии частности, 21 июня 1992 г. в гор. Потсдаме по не выясненным полицией причинам возник сильный пожар в здании германского федерального имущественного ведомства, которое полностью выгорело: в огне погибло более 5 тыс. документальных досье, юридически подтверждавших права собственности ЗГВ (Западной группы войск) по т.н. «оккупационному праву» на недвижимое имущество в бывш. ГДР. В ночь с 18 на 19 апреля 1993 г. аналогичным образом сгорела часть документов в центральном земельном архиве гор. Барби (Восточная Германия).

Судя по немецкой прессе, в обоих случаях речь шла об умышленном поджоге. – Прим. публ.

Кроме того, работа в российских архивах показала, что в них имеются документы, содержащие ссылки на владение царской Россией и СССР имуществом в Японии, Италии, США, странах Африки и т.д.

Необходимо проведение большого объема работ в российских и зарубежных архивах по выявлению документов, подтверждающих право собственности Российской Федерации на следующее имущество:

золото бывшей царской России, вывезенное за границу;

объекты недвижимости бывшего СССР, находящиеся на территории Германии и ее союзников по Второй мировой войне, полученные СССР по репарациям (на основании оккупационного права);

имущество и денежные средства бывшего СССР в ФРГ, конфискованные нацистской Германией в период Второй мировой войны;

имущество, ранее приобретенное, подаренное или перешедшее в наследство бывшей царской России или бывшему СССР в других странах мира.

Вся поисковая работа первые два года была сосредоточена на розыске документов в Государственном архиве экономики РФ.

К настоящему времени установлены адреса более 4 тысяч объектов недвижимости, предположительно являющихся собственностью бывшего СССР в этих странах. Работа в архиве экономики еще не завершена. Скопировано около 50 тыс. страниц материалов. Выявлено следующее количество объектов недвижимости, могущих по состоянию на сегодняшний день являться собственностью бывшего СССР:

Германия 838 Венгрия 1100 Австрия 2590 Болгария 1094 Румыния 466 Финляндия 340

При этом по Германии представлены списки недвижимости только бывших акционерных обществ (архивы МО РФ еще не обрабатывались). Обработка всех архивных материалов позволит значительно расширить перечень имущества, являющегося собственностью бывшего СССР.

Всего предстоит обработать более 65 тыс. томов дел, по 300 листов каждое, рассредоточенных в различных архивах России (МИД, МВЭС, МО и т.д. всего около 20). Чтобы завершить эту работу хотя бы за три года, потребуется посадить в архивы примерно 250-300 специалистов.

Кроме того, потребуется работа в архивах и кадастровых департаментах в странах местонахождения имущества, где могут работать исключительно местные юристы и адвокаты. Без их услуг невозможна также регистрация права собственности на выявленное в процессе поиска имущество.

По мнению крупнейших европейских юридических фирм, специализирующихся на вопросах недвижимости, с учетом длительности рассмотрения дел в странах в судах различных инстанций процесс восстановления права собственности даже после предъявления всех необходимых документов может занять несколько лет. Вступление во владение собственностью (решение организационных и финансовых вопросов с нынешними владельцами) также требует длительного времени.

Работу в странах, признавших Россию правопреемницей СССР, при наличии средств можно разворачивать уже сейчас на базе имеющихся материалов, параллельно с работой в архивах.

Наиболее активно в настоящее время ЗАО «Интерпоиск» работает в Венгрии. По заявлению венгерских, австрийских и немецких юристов, выполняющих работу в стране по поручению «Интерпоиска», суды могут рассматривать исковые заявления до 2-5 лет. Даже предварительная подготовка материалов занимает несколько месяцев. По первым трем объектам, где не потребовалось обращение в суд, получение выписок из кадастровых книг потребовало нескольких месяцев. Столь длительная проработка связана в том числе и с неоднократным переименованием улиц, искажениями названий при

переводах на венгерский-русский-венгерский, отсутствием старых карт города и т.п.

В то же время исследования показывают, что участки, предположительно являющиеся собственностью России, расположены в престижных районах и имеют достаточно высокую стоимость (до 1000 нем. марок за 1 кв. м участка).

Для восстановления прав России на владение имуществом в странах, не признавших Россию правопреемницей бывшего СССР, необходимо принципиальное решение Правительства РФ о правомочности претензий Украины и Грузии на их долевое участие во владении собственностью бывшего СССР за рубежом. Однако с этими странами можно начинать работу в случае подписания межправительственного соглашения о погашении долга бывшего СССР за счет передачи этим странам, например в Германии, найденного и восстановленного в правах имущества бывшего СССР. Однако при этом часть стоимости найденных объектов (до 15-25%) должна перечисляться «Интерпоиску» на компенсацию его расходов и развитие деятельности.

С учетом вышеизложенного, реальных поступлений средств в госбюджет следует ожидать не ранее 2000 года, поскольку от момента принятия решения о передаче объекта России до его реализации необходимо пройти несколько этапов (оценка объекта, подготовка документов в Правительстве РФ, принятие Правительством РФ решения об использовании объекта и кому он передается в эксплуатацию или на реализацию, перезапись в кадастровой книге, вступление во владение – смена титульного владельца – с решением всех

спорных вопросов со старым владельцем, подготовка объекта к реализации, организация тендера, продажа, перевод средств). Этот цикл можно значительно сократить, если распорядители имущества будут оговорены решением Правительства заранее. Это позволит избежать возможных арестов имущества местными органами за долги российских организаций.

Полномасштабное поступление средств начнется через 4-5 лет, когда практически будет завершена работа в архивах и начнется массовая передача дел в суды (через три года) и суды начнут принимать решения (еще год-два). Таким образом, следует ожидать плавного увеличения поступления средств от нескольких миллионов в 2000 году до примерно миллиарда американских долларов и более в 2005 году и далее в течение 5-6 лет. В случае передачи части объектов в управление российским организациям, перечисления средств в эти годы в госбюджет будут меньше, сроки поступления сдвинутся примерно на год (в связи с реконструкцией объектов), однако в конечном итоге общая сумма поступления будет значительно больше.

Следует ожидать, что в течение ближайших 10 лет, при условии активной работы, Россия может получить право на владение имуществом в этих странах на сумму не менее 10 млрд. долларов США. Таким образом, необходимость проведения этой работы не вызывает сомнения.

Успешное проведение этой работы возможно только при условии пересмотра ныне действующего агентского соглашения.

По условиям ныне действующего агентского соглашения между ГКИ РФ (МГИ РФ) и ЗАО «Интерпоиск»

№ 1-14/225 от 04.03.97 г. все расходы в России и за рубежом наше Общество оплачивает за свой счет. Оплата услуг Общества осуществляется только после восстановления права собственности России на конкретный объект (группу объектов), реализации имущества и поступления средств в госбюджет.

Таким образом, действующее агентское соглашение не позволяет Обществу найти партнеров, готовых вкладывать средства в его работу. Основными причинами этого являются:

отсутствие правительственных или иных гарантий на возврат вложенных партнерами средств;

неопределенные сроки выплаты агентского вознаграждения;

низкий процент отчислений за выполненную работу, не гарантирующий покрытие расходов ни Обществу, ни его партнерам и т.д.

Кроме того, приходится учитывать, что законодательство ряда стран местонахождения имущества позволяет производить арест найденного имущества за долги российских организаций, а также тот факт, что нет гарантий того, что Правительство РФ примет решение о передаче найденного имущества ему в хозяйственное ведение или на реализацию. Механизм невозврата Обществу средств в случае передачи найденного имущества другому юридическому лицу агентское соглашение не оговаривает.

Необходимо принятие решений, обеспечивающих ЗАО «Интерпоиск» и его партнерам не только гарантии возврата средств, но и их возврат в максимально короткие сроки.

Предлагается:

1. Учитывая невозможность в настоящее время финансирования работы Общества из федерального бюджета, Правительству РФ рассмотреть возможность и принять решение о предоставлении ЗАО «Интерпоиск» правительственных гарантий на то, что в течение 4-5 лет все найденное и восстановленное в правах имущество будет реализовано через Общество или передано ему в хозяйственное ведение с правом реконструкции/модернизации на срок не менее 49 лет. При этом решение о реализации или передаче имущества в управление принимает Правительство РФ, а управление осуществляется на основании договора с МГИ РФ. Оценка стоимости имущества в любом случае осуществляется независимой специализированной экспертной зарубежной фирмой, утвержденной МГИ России.

В Экспертном совете по материальным и культурным ценностям за рубежом уже давно лежат многочисленные предложения на такую независимую экспертную оценку, в частности, от британской фирмы «Пинкертон» (с 1993 г.), американской фирмы «Скадден» (с 1996 г.) и российского риэлторского АО ЮРИКОН (с 1998 г.). – Прим. публ

При этом в гарантиях Правительства России целесообразно было бы предусмотреть, что в течение этого периода не менее 10-15% найденного имущества должно быть реализовано, в т.ч. первые 5-8 объектов (за исключением уникальных), для покрытия первичных расходов Общества и наращивания работы. Средства от реализации первых объектов поступают только на счет Общества и возвращаются затем в госбюджет постепенно

из средств, причитающихся Обществу за последующие объекты.

2. Выдать ЗАО «Интерпоиск» доверенность от имени Правительства РФ на проведение работы за рубежом и в архивах с правом перезаписи найденного и восстановленного в правах имущества на себя, т.е. на ЗАО «Интерпоиск». Это позволит избежать возможного ареста имущества за долги российских внешнеторговых организаций со стороны местных властей. В то же время распоряжаться этим имуществом может только Правительство РФ, а его использование Общество будет осуществлять под контролем МГИ и на условиях подписанного договора.

3. Минфину и МГИ РФ рассмотреть возможность увеличения процентных отчислений Обществу до 10-15% от стоимости объекта, оцениваемого в долларах США, или в агентском соглашении отдельно оговорить компенсацию фактических затрат Общества и его партнеров и процент комиссионного вознаграждения за услуги.

4. Пересмотреть ныне действующее агентское соглашение ГКИ РФ с ЗАО «Интерпоиск», исходя из решений, принятых по настоящим предложениям Общества.

В заключение хочу сказать, что необходимость активизации работы по поиску российской недвижимости за рубежом давно назрела. Общество готово развернуть эту работу при условии решения поставленных в докладе проблем. Обществом подготовлено технико-экономическое обоснование необходимости пересмотра действующего агентского соглашения, расходной и доходной частей проекта, а также

необходимости и целесообразности принятия
перечисленных выше предложений.

Спасибо за внимание.

1998 г.

Е. Карбанов

11

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ У ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О.Д. ДАВЫДОВА

Поступил в Экспертный совет в феврале 1995 г. в порядке официальной рассылки 18 января 1995 г. № ОД-П6-П26-5

Присутствовали

Заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации – Панов А.Н.

Заместитель Министра внешних экономических связей Российской Федерации – Лисовский Н.А.

Заместитель Председателя Роскомдрагмета – Корнилов Ю.И.

Начальник главного управления Госкомимущества России – Шумаков В.П.

Заместитель руководителя департамента Минфина России – Сторчак С.А.

Заместитель начальника главного управления Банка России – Смирнов В.Н.

Начальник главного управления СВР России – Рябихин В.Ф.

Д и р е к т о р В с е р о с с и й с к о г о научно-исследовательского конъюнктурного института – Сарафанов М.А.

Представитель Института российской истории РАН – Черевко К.И.

Профессор Дипломатической академии МИД России – Сироткин В.Г.

Президент Международной ассоциации руководителей предприятий – Масарский М.В.

Ответственные работники Аппарата Правительства Российской Федерации.

О федеральной собственности Российской Федерации за рубежом

(Масарский, Сироткин, Рябихин, Сторчак, Шумаков, Лисовский, Корнилов, Панов, Давыдов)

1. Считать необходимым активизировать работу министерств и ведомств по поиску и оформлению прав собственности Российской Федерации на имущество бывшей Российской империи за рубежом.

2. Поручить МИДу России (А.Н. Панову), МВЭС России (Н.А. Лисовскому), Госкомимуществу России (А.И. Иваненко), Минфину России (А.П. Вавилову), Роскомдрагмету (Ю.И. Корнилову), Банку России (Т.В. Парамоновой), СВР России (Е.М. Примакову), Росархиву (Р.Г. Пихоя), ФСК России (С.В. Степашину) провести

поиск архивных материалов, подтверждающих права Российской Федерации на собственность за рубежом.

О ходе работ по поиску архивных материалов один раз в квартал докладывать в Правительственную комиссию по защите имущественных прав Российской Федерации за рубежом, создаваемую в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 26 октября 1994 № АЧ-П6-33648.

3. Минюсту России (В.А. Ковалеву) с привлечением Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Института частного права при Правительстве Российской Федерации осуществлять правовую экспертизу выявленных в архивах министерств, ведомств документов и документов профессора Дипломатической академии МИД России В.Г. Сироткина.

О. Давыдов

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Копия поступила в Экспертный совет из канцелярии Президента РФ в порядке официальной рассылки

Об управлении федеральной собственностью, находящейся за границей

В целях повышения эффективности управления федеральной собственностью, находящейся за границей, постановляю:

1. Согласиться с предложением Правительства Российской Федерации о создании в установленном порядке акционерных обществ на основе находящегося на территории иностранных государств имущества Российской Федерации, в том числе недвижимого имущества.

2. Установить, что при создании на территории иностранных государств акционерных обществ в соответствии с пунктом 1 настоящего Указа:

в состав имущества, на основе которого происходит формирование их уставного капитала, не включаются являющиеся собственностью Российской Федерации акции (паи, доли) находящихся на территории иностранных государств юридических лиц;

контрольный пакет их акций закрепляется в федеральной собственности.

3. Правительству Российской Федерации:

обеспечить внесение в уставный капитал создаваемых в соответствии с настоящим Указом акционерных обществ находящегося за границей имущества Российской Федерации по мере высвобождения его для коммерческого использования;

представить предложения о последующей передаче контрольных пакетов акций создаваемых в соответствии с настоящим Указом акционерных обществ федеральным государственным унитарным предприятиям для обеспечения эффективного управления акциями;

представить предложения о составе коллегии представителей государства, обеспечивающей управление закрепленными в федеральной собственности контрольными пакетами акций создаваемых в соответствии с настоящим Указом акционерных обществ.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль

29 июня 1998 года № 733

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Опубликовано в сборнике Постановления
Правительства РФ. – М. 1998. – С. 9292

5027. О Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации

В целях осуществления мер по упорядочению использования имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом, и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по защите имущественных интересов Российской Федерации за рубежом Правительство Российской Федерации постановляет т:

1. Образовать Межведомственную комиссию по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации (далее именуется – Комиссия).

2. Утвердить прилагаемое «Положение» о Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации

Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации.

3. Возложить на Министра государственного имущества Российской Федерации Газизуллина Ф.Р. обязанности председателя Комиссии.

Председателю Комиссии в недельный срок представить в Правительство Российской Федерации предложения по составу Комиссии.

Председатель Правительства Российской Федерации
Е. Примаков

Москва, 3 октября 1998 г. № 1154

ПОЛОЖЕНИЕ

О Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 1998 г. № 1154. Опубликовано в сборнике Постановления Правительства РФ. – М. 1998. – С. 9292 – 9294

1. Межведомственная комиссия по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации (далее именуется – Комиссия) является координационным органом, обеспечивающим разработку и осуществление мер по эффективному использованию находящейся за рубежом собственности Российской Федерации и надлежащей защите имущественных интересов Российской Федерации.

2. Комиссия в своей работе руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, а также международными договорами Российской Федерации и настоящим «Положением».

3. Основными задачами Комиссии являются координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и разработка предложений по:

а) повышению эффективности использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом;

б) поиску и оформлению прав собственности Российской Федерации на имущество, находящееся за рубежом, включая недвижимое имущество, вклады и акции в зарубежных компаниях, драгоценные металлы и иные ценности;

в) защите имущественных интересов Российской Федерации в судебных и иных инстанциях за рубежом.

4. Комиссия в целях выполнения возложенных на нее задач:

а) координирует работу по разработке государственной концепции управления федеральной собственностью, находящейся за рубежом, а также по подготовке предложений и заключений по вопросам государственной политики в области защиты имущественных интересов Российской Федерации за рубежом;

б) организует разработку и внесение федеральными органами исполнительной власти в Правительство Российской Федерации проектов федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации по вопросам, касающимся управления федеральной собственностью, находящейся за рубежом, а также защиты имущественных интересов Российской Федерации;

в) анализирует выполнение федеральных законов, решений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и готовит рекомендации по вопросам управления федеральной собственностью, находящейся за рубежом;

г) координирует проведение федеральными органами исполнительной власти проверок, ревизий и инвентаризации федеральной собственности, находящейся за рубежом, в целях обеспечения ее сохранности, использования по назначению и повышения эффективности ее использования, анализирует их результаты, а также рассматривает вопросы, связанные с изъятием и перераспределением этой собственности между пользователями, с учетом их реальной потребности и рационального использования имущества;

д) координирует проведение работы по определению критериев оценки эффективности использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом;

е) вносит в Правительство Российской Федерации предложения об изъятии и о перераспределении имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом, в случае выявления правонарушений и фактов его неправомерного использования, а при наличии признаков злоупотребления информирует об этом правоохранительные органы для принятия соответствующих мер;

ж) координирует осуществление мероприятий по отработке механизма проведения работ по поиску недвижимого и движимого имущества, принадлежавшего ранее Российской империи и бывшему СССР и находящегося за рубежом, по обеспечению правовой

защиты имущественных интересов Российской Федерации за рубежом, включая оформление прав собственности Российской Федерации на указанное имущество, а также выделение средств государственной поддержки на осуществление этой деятельности;

з) координирует проведение переговоров с соответствующими органами иностранных государств и их представителями по вопросам защиты прав собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом;

и) организует проведение в Российской Федерации и за рубежом симпозиумов, семинаров, «круглых столов» и конференций по проблемам, относящимся к информации, в целях обеспечения гласности и информирования населения Российской Федерации о политике государства в области защиты имущественных интересов Российской Федерации за рубежом.

5. Комиссия имеет право:

а) запрашивать в установленном порядке у федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и организаций относящиеся к компетенции Комиссии информацию, документы и материалы;

б) заслушивать на своих заседаниях руководителей федеральных органов исполнительной власти, а также представителей государства в хозяйственных товариществах и обществах (в том числе в зарубежных компаниях) по вопросам, связанным с использованием имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом.

6. Персональный состав Комиссии утверждается Правительством Российской Федерации.

Члены Комиссии принимают личное участие в заседаниях Комиссии без права замены.

7. Комиссия осуществляет свою деятельность в соответствии с планом работы, который принимается на заседании Комиссии и утверждается ее председателем.

Заседания Комиссии считаются правомочными, если на них присутствуют более половины ее членов.

Решения Комиссии принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Комиссии путем открытого голосования. В случае равенства голосов голос председателя является решающим.

8. Решения, принимаемые Комиссией в соответствии с ее компетенцией, являются обязательными для всех органов исполнительной власти, представленных в Комиссии, а также для организаций, действующих в сфере ведения этих органов.

9. Решения Комиссии оформляются протоколами, которые подписываются ее председателем или в его отсутствие – заместителем председателя. Копии протоколов рассылаются членам Комиссии. Принимаемые Комиссией решения доводятся до заинтересованных организаций в виде выписок из протоколов заседаний Комиссии.

Регламент работы утверждается Комиссией.

10. Для оперативной и качественной подготовки материалов и проектов решений Комиссия может создавать рабочие группы, состоящие из ее членов, а

также из привлеченных в установленном порядке специалистов и экспертов.

11. Организационно-техническое обеспечение деятельности Комиссии осуществляется Министерством государственного имущества Российской Федерации.

12. Комиссия имеет бланки со своим наименованием.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Поступила в Экспертный совет в феврале 1999 г. из секретариата Совета безопасности. – Прим. публ

Секретарю Совета безопасности РФ Н.Н. Бордюже

Предварительная проработка этого вопроса показала:

Проблема поиска, возвращения и оформления прав собственности на недвижимое имущество и драгоценные металлы (золото и серебро), принадлежавшие ранее Российской империи, царской семье и Временному правительству России, имеет исключительно важное значение, особенно в настоящий сложный для экономики страны период.

По оценкам некоторых российских и иностранных специалистов (британской фирмы «Пинкертон»), занимающихся этой проблемой, Россия могла бы претендовать на возврат 3600 тонн «царского» золота и других драгоценных металлов на сумму примерно 100 млрд. долларов и недвижимости на сумму 300 млрд. долларов. И хотя такие оценки представляются преувеличенными (например, стоимость 3600 тонн золота по текущим ценам не превышает 30 млрд. долларов), однако масштаб и глубина проблемы в любом случае довольно значительны.

Подобный подсчет «по весу», без учета набравших за 80 лет процентов, весьма типичен для «коридоров

власти» в современной России. Критику такого примитивного постсоветского подхода см. в гл. 7. – Прим. публик

Семь лет назад разработкой этой проблемы на общественных началах стал заниматься Международный экспертный совет по материальным и культурным ценностям при Российском фонде культуры.

Известный «державник» и словесный борец за православную духовность Н.С. Михалков в 2001 г. безжалостно вышвырнул наш Экспертный совет из здания правления РКФ на Гоголевском бульваре в Москве под предлогом экономии средств на аппарат управления (по слухам, в тот период он намеревался купить себе личный самолет). – Прим. публ

Председателем совета является профессор Дипломатической академии МИД России В.Г. Сироткин, а членами – А.И. Вольский, С.Е. Егоров (Президент Ассоциации российских банков), М.М. Прусак (губернатор Новгородской области), ответственные представители Госдумы, Счетной палаты, Мингосимущества и других российских организаций, а также иностранные граждане «русского происхождения» – потомки держателей частных архивов.

На основе сведений из различных источников. «Этот» Совет имеет банк данных (в том числе копии документов) по золоту и недвижимости б. Российской империи и Временного правительства и может составить реестр имущества.

В течение ряда лет Совет неоднократно докладывал руководителям Правительства Российской Федерации предложения по решению этой проблемы. Однако до настоящего времени в силу ряда причин серьезно и

последовательно этой проблемой не занимается ни одна из заинтересованных государственных организаций, хотя в Мингосимуществе России создано специальное подразделение по управлению госсобственностью за рубежом. Управление делами Президента Российской Федерации также организовало унитарное предприятие «Госзарубежсобственность» по эксплуатации объектов недвижимости некоторых торговых представительств России в иностранных государствах.

В частности, 18 января 1995 года этот вопрос рассматривался на совещании у б. заместителя Председателя Правительства Российской Федерации О.Д. Давыдова. Было поручено соответствующим министерствам и ведомствам активизировать работу по поиску и оформлению прав собственности Российской Федерации на имущество бывшей Российской империи за рубежом, провести поиск архивных материалов, подтверждающих права Российской Федерации на эту собственность, осуществить правовую экспертизу выявленных в архивах материалов. Однако поручения выполнены не были.

После обращения б. заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Б.Е. Немцова к Президенту Российской Федерации по этому вопросу Б.Н. Ельцин в начале 1998 года дал поручение Председателю Правительства Российской Федерации создать Межведомственную комиссию по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации.

Однако в связи со сменой составов правительства в прошедшем году такая комиссия была создана только в

октябре 1998 года (Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 1998 года № 1154. – См.: Приложения, док. 13).

По Положению о Комиссии одной из ее задач является поиск и оформление прав собственности Российской Федерации на имущество за рубежом, включая недвижимое имущество, вклады и акции в зарубежных компаниях, драгоценные металлы и иные ценности, в том числе принадлежавшие ранее Российской империи и бывшему СССР.

Однако в связи с отставкой б. министра государственного имущества Ф.Р. Газизуллина, на которого были возложены обязанности председателя комиссии, состав комиссии до сих пор не сформирован и комиссия не работает.

Как отмечалось выше (гл. 7), Президент в марте 1999 г. вернул Газизуллина к должности, последний ускорил окончательное формирование Межведомственной комиссии (хотя формально ее неполный список был утвержден кабинетом Е.М. Примакова еще в ноябре 1998 г.), и 7 апреля 1999 г. министр МГИ РФ провел первое полноценное заседание комиссии, на котором «зарубил» предложение П.П. Бородина о создании «третьей» естественной монополии – некоего РАО «Росзарубежсобственность». – Прим. публ.

В настоящее время Госдума Федерального Собрания Российской Федерации приняла только во втором чтении проект закона «О защите имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом» июне 1999 г.

Госдума приняла в окончательном варианте указанный закон, он был одобрен Советом Федерации, но Президент наложил на него «вето». – Прим. публ.

В целях ускорения решения вопросов по имуществу б. Российской империи представляется целесообразным провести в аппарате Совета безопасности Российской Федерации межведомственное совещание с участием руководителей МИД, Минфина, Банка России, Мингосимущества, Минюста, РФФИ, ФСБ, СВР, Росархива, Управления делами Президента, Архива Президента и некоторых других ведомств, на котором заслушать и обсудить доклад по данному вопросу председателя Международного экспертного совета по материальным и культурным ценностям В.Г. Сироткина.

Результатом совещания могло бы стать обращение к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину или Председателю Правительства Российской Федерации Е.М. Примакову, содержащее предложения по:

- ускорению назначения Председателем Правительства Российской Федерации председателя Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации, формированию состава Комиссии с включением в нее В.Г. Сироткина;

- проверке соответствующими министерствами, ведомствами и федеральными службами наличия в архивах оригиналов документов по реестру недвижимости и золота, составленному Международным экспертным советом;

– осуществлению Минюстом России правовой экспертизы имеющихся у Международного экспертного совета документов;

– разработке МИД России совместно с Минфином России, Мингосимуществом России и другими заинтересованными организациями с учетом национальных интересов России и общего комплекса состояния отношений России с той или иной страной, а также с Парижским и Лондонским клубами кредиторов общей стратегии и тактики действий при обсуждении с иностранными представителями вопросов возврата золота и имущества, принадлежавших б. Российской империи и Временному правительству;

– продолжению поиска документов по имуществу и драгоценным металлам, принадлежавшим б. Российской империи и Временному правительству и находящихся за границей;

– организации Мингосимуществом России оценки стоимости выявленной недвижимости и оформлению права собственности на него Российской Федерации;

– ускорению принятия законопроекта об имуществе Российской Федерации за рубежом;

– освещению в прессе работы государственных органов власти по поиску и выявлению недвижимости и драгоценных металлов, принадлежащих России.

На совещании можно было бы также обсудить вопрос о целесообразности создания специального органа (агентства при Правительстве или Президенте Российской Федерации) по поиску и защите имущественных интересов страны за рубежом, не имея в виду управление собственностью (выделено публик.).

Аппарату Совета безопасности Российской Федерации было бы целесообразно установить патронаж над решением данной проблемы.

Совещание было бы целесообразно провести под Вашим председательством, что позволит привлечь к его работе руководителей указанных министерств и ведомств.

Предварительная проработка проведена с участием М.И. Барсукова, В.А. Бобровникова и с привлечением председателя Международного экспертного совета по материальным и культурным ценностям за рубежом при Российском фонде культуры В.Г. Сироткина.

Для подготовки необходимых окончательных аналитических материалов и проекта решения совещания требуется некоторое время (2-3 недели).

За три дня до проведения предлагаемого в этой докладной записке заседания Совета безопасности генерал Н.Н. Бордюжа был освобожден Президентом от должности Секретаря СБ и Главы Администрации Президента. Сотрудники аппарата СБ сразу же потеряли всякий интерес к проблемам, на заседание Совета 22 марта 1999 г. первые лица также не явились, прислав вместо себя второстепенных чиновников, а принятое на нем решение больше напоминало «протокол о намерениях», нежели решение действенного высшего государственного органа. – Прим. публ.

Заместитель секретаря по вопросам экономической безопасности А.М. Московский февраль 1999 г.

16

ПРОТОКОЛ совещания руководителей министерств и ведомств по проблеме активов Российской империи и Временного правительства России за рубежом от 22 марта 1999 года

Получен публикатором как участником заседания Совета безопасности. Публикуется первоначальный вариант, без последующих изменений. – Прим. публ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАЛ заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации А.М. Московский

Присутствовали:

Руководители министерств и ведомств

От аппарата Совета безопасности Российской Федерации:

Барсуков М.И. Бобровников В.А. Жирнов А.М.
Михайлов Ю.П.

Совещание отмечает следующее.

Проблема поиска и возврата активов Российской империи, царской семьи и Временного правительства России (золото, другие драгоценные металлы, акции, недвижимость за рубежом), которые оцениваются отечественными и зарубежными экспертами в сотни миллиардов долларов, имеет существенное значение для экономики России и ее экономической безопасности, решения вопросов пополнения доходной части бюджета, укрепления переговорных позиций российских делегаций с иностранными представителями, в частности, по реструктуризации внешнего долга страны.

Несмотря на принятые руководством страны решения в этой области, создание Правительством Российской Федерации Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации, работа по поиску и возврату зарубежных российских активов продвигается крайне медленно.

В целях ускорения решения вопросов по поиску и возврату золота, других драгоценных металлов и недвижимости б. Российской империи и Временного правительства России совещание решило просить:

1. Председателя Правительства Российской Федерации поручить:

– МИД России, Минфину России, Росархиву, ФСБ России и другим заинтересованным министерствам и ведомствам провести в кратчайшие сроки поиск в государственных и ведомственных архивах страны оригиналов документов, подтверждающих принадлежность Российской империи и Временному правительству России активов за рубежом, в том числе с

использованием реестров, составленных Международным экспертным советом по материальным и культурным ценностям. Копии найденных оригиналов документов представить Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации;

– Мингосимуществу России совместно с МИД России и заинтересованными ведомствами организовать поиск оригиналов документов за рубежом с привлечением специалистов Международного экспертного совета по материальным и культурным ценностям;

– Минюсту России с участием заинтересованных министерств и ведомств осуществить правовую экспертизу найденных документов;

– Мингосимуществу России организовать оценку рыночной стоимости найденной недвижимости и оформление прав собственности на него Российской Федерации;

– МИД России, Минфину России совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами и по согласованию с Русской православной церковью и Банком России разработать стратегию и тактику действий с конкретными странами по возврату найденных активов, исходя из национальных интересов Российской Федерации и общего комплекса отношений с этой страной, а также с учетом переговоров с международными финансовыми организациями;

– ввести в состав Межведомственной комиссии по обеспечению эффективного использования собственности Российской Федерации, находящейся за

рубежом, и защите имущественных интересов Российской Федерации председателя Международного экспертного совета по материальным и культурным ценностям за рубежом В.Г. Сироткина (по согласованию).

«Согласование» шло довольно долго – с проф. Сироткиным беседовали помощник нового Главы Администрации Президента А.В. Аношкин, начальник управления внешних экономических связей УДП С.В. Чемезов и другие, пока тогдашний начальник экономического управления Администрации Президента А.В. Данилов-Данильян-младший окончательно не «зарубил» его кандидатуру как «писателя» и «фантазера» (см. гл. 7). – Прим. публ.

2. Просить Банк России провести поиск в своих архивах оригиналов документов, подтверждающих принадлежность золота и других драгоценных металлов Российской империи Временному правительству России, царской семье и передачу их иностранным государствам или банкам.

3. Просить Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации ускорить рассмотрение законопроекта об имуществе Российской Федерации за рубежом.

4. Считать нецелесообразным органам федеральной исполнительной власти освещать в средствах массовой информации, в том числе и электронных, ход работы по поиску документов до получения конкретных результатов поиска и разработки стратегии и тактики действий в отношении конкретных иностранных государств и банков.

Пункт 4 Протокола был внесен в первоначальный проект, предложенный В.Г. Сироткиным, ответственным сотрудником аппарата СБ РФ А.П. Михайловым, бывшим

советским торгпредом в Таиланде, готовившим документы к заседанию 22 марта 1999 г. С самого начала Михайлов был весьма скептически настроен по отношению к самой идее возвращения, настоял на изъятии из повестки обсуждения проблем советской недвижимости (особенно военной), вычеркнул ключевую мысль о создании Федерального агентства по защите имущественных интересов России за рубежом, содержащуюся в докладной записке его непосредственного начальника (см.: Приложения, док. 15), и вообще намекал на желательность засекречивания всего вопроса как якобы мешающего успешным переговорам с Парижским и Лондонским клубами. Поскольку члены Экспертного совета к числу чиновников органов федеральной исполнительной власти не относятся, сей противоречащий Закону о печати РФ запрет СБ их не касается. – Прим. публ.

ВЗАИМОПРЕТЕНЗИИ Франции и СССР по долгам (на февраль 1999 г.)

Вручена публикатору в Комиссии по государственному долгу Госдумы РФ в папке-досье как участнику очередного заседания экспертов

Справка финансовых претензий к б. СССР (данные Казначейства Франции), млрд. зол. фр.

1. Займы, выпущенные или гарантированные русским государством и котируемые во Франции, 15,0

2. Займы, выпущенные или гарантированные русским государством и не котируемые во Франции, 1,0

3. Займы русских городов, 0,5

4. Национализированное имущество в России, 2,5

5. Задолженность России французскому Казначейству по авансам за военное оборудование, 7,0

Итого: 26,0

Справка о финансовых претензиях Франции к бывшему СССР (данные Казначейства Франции). Источник: Приложение 1 к ответу правительства на запрос Госдумы РФ, 8 февраля 1999 г. Публикуется впервые.

СПРАВКА о финансовых претензиях СССР к Франции (данные Минфина б. СССР), млрд. зол. фр. «1 зол. фр. оценен был советской делегацией в размере 23,1 совр. фр. фр.»

1. Ущерб народного хозяйства от интервенции и блокады, 20,20, в т. ч. прямой ущерб, 9,80

2. Незаконченные банковские и коммерческие расчеты, 0,50

3. Расчеты военного времени (невыполненные обязательства по финансированию военных операций 1914-1918 гг.), 0,16

4. Претензии по золоту «"Брест-литовское" золото – 36,75 т, „колчаковское“ золото – 18,1 т.», 0,24

ИТОГО

Ущерб народного хозяйства от интервенции и блокады

«Таким образом, положительное в пользу Франции сальдо взаимных расчетов оценивается в размере 4,9 млрд. зол. фр. с учетом косвенного ущерба от интервенции и 15,3 млрд. зол. фр. без такого учета. 4,9 млрд. зол. фр. соответствует 113,2 млрд. совр. фр. фр. или примерно 23 млрд. долл. США.

15,3 млрд. зол. фр. соответствует 353,4 млрд. совр. фр. фр. или примерно 71 млрд. долл. США.»

в т. ч. без косвенного ущерба от интервенции, 10,70

Справка о финансовых претензиях бывшего СССР к Франции (данные Минфина СССР). Источник: Приложение 1 к ответу правительства на запрос Госдумы РФ, 8 февраля 1999 г. Публикуется впервые.

О ЗАРУБЕЖНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

27 марта 2003 г.

(аналитическая справка) Получена публикатором как участником «круглого стола» 27 марта 2003 г. на тему: «Проблемы совершенствования законодательства РФ по вопросам управления зарубежными активами РФ», проведенного Экспертным советом Комитета по международным делам Совета Федерации с участием представителей Счетной палаты, УДП, Мингосимущества и др. – Прим. публ.

После распада СССР Российская Федерация приняла на себя активы и пассивы СССР за рубежом. Масштабы собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, значительны. По данным Министерства государственного имущества Российской Федерации (МГИ), на начало 2002 г. на учете в Мингосимуществе находилось 3643 объекта недвижимого имущества, расположенных в 120 странах, площадь земельных участков – 600,2 миллиона квадратных метров, 70 долей участия в пакетах акций зарубежных компаний. Балансовая стоимость недвижимого имущества оценивается в 2,7 миллиарда долларов, долей участия – около 1,18 миллиардов рублей. Более 90 процентов объектов недвижимости предназначено для нужд

дипломатического корпуса, торговых представительств и представительств Российской Федерации по научному и культурному сотрудничеству. Общие доходы от сдачи в аренду части зарубежной собственности за последние два года в среднем составили около 15 миллионов долларов ежегодно, это около 470 миллионов рублей.

Рыночная стоимость зарубежной собственности соответственно высока, несмотря на большой разброс в ее оценке. Например, по оценкам Мингосимущества Российской Федерации, общая стоимость загрансобственности Российской Федерации составляет около 3,5 млрд. долл. Счетная палата оценила ее в 300 млрд. долл. Общественный экспертный совет по зарубежсобственности и английское частное агентство Pin-kertop дают еще большую цифру – 400 млрд. долл. Все три цифры, по утверждениям оценщиков, строго подтверждены соответствующими документами. Две последние суммы включают в себя стоимость спорного имущества.

По имеющимся данным, по прямому назначению, то есть в целях выполнения возложенных на соответствующие структуры задач и функций, используется около 80% общей площади объектов недвижимости за рубежом. При этом сдается в аренду примерно 11% площадей и 9% не используется. Следует также отметить, что после распада СССР в собственность Российской Федерации перерегистрировано около 70% дипломатических представительств.

В основе своей российская зарубежная собственность состоит из бывшей советской государственной собственности за рубежом, принадлежащей России как правопреемнице (включая

всю собственность царской России за рубежом), поскольку СССР признал себя правопреемником Российской империи. Кроме того, с 1992 г. Россия признала себя правопреемницей еще и всех правительств и режимов, существовавших на российской территории во время Гражданской войны. Помимо прочего, объемы зарубежной собственности Российской Федерации существенно увеличились в связи с прекращением существования СССР и образованием на постсоветском пространстве нескольких самостоятельных государств. Указанная собственность существует и принадлежит Российской Федерации по международному праву.

Российская государственная собственность за рубежом состоит из движимой и недвижимой частей.

Движимую собственность составляют активы в виде банковских вкладов, драгоценных металлов и различных ценных бумаг. Часть российской собственности за рубежом представлена такой ее формой, как акционерный капитал. Речь идет о собственности, существующей в виде различных компаний, учрежденных с участием государственных средств и имущества бывшего СССР, которые создавались и действовали на территории зарубежных государств. Акционерный капитал (контрольный пакет акций) в этом случае принадлежит (или принадлежал на момент создания компании) государству. При создании компаний государство представляли зачастую различные внешнеторговые объединения. Когда распался Советский Союз, активы акционерных обществ с госкапиталом начали постепенно переливаться в учрежденные ими дочерние и им подобные фирмы. «Переливаться» –

современный чиновничий эвфемизм, заменяющий слово разворовываться. – Прим.публ.

Недвижимость России за рубежом – земельные владения и строения – накапливалась в течение столетий. Это участки и здания (представительские резиденции и жилые дома) дипломатических и торговых представительств; предприятий с российским капиталом; гарнизонные и портовые сооружения для постоянных воинских команд, т.е. собственность военного характера и используемая в военных целях; собственность русской церкви; собственность российских граждан, которые передали ее при жизни или завещали после своей смерти государству. После Второй мировой войны в этот список добавилась недвижимость, полученная при репарации. Сюда же следует отнести собственность, составляющую часть культурного достояния государства или часть его архивов, расположенную на территории другого государства, не выставленную и не предназначенную для продажи.

В настоящее время порядок управления и распоряжения федеральной собственностью за рубежом регламентируется следующими подзаконными нормативными актами: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17.09.93 № 5727-1 «О собственности Союза ССР, находящейся за рубежом»; Постановление Правительства Российской Федерации от 05.01.95 № 14 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом»; Указ Президента Российской Федерации от 02.09.96 № 1135 «О мерах по улучшению использования недвижимого имущества, закрепленного за Министерством внешних экономических связей Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от

25.01.96 № 59 «О передаче Управлению делами Президента Российской Федерации полномочий по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности».

Следует обратить внимание на то, что первый нормативный акт Российской Федерации в отношении рассматриваемых объектов появился только в сентябре 1993 года. До этого сохранялся и действовал порядок, сложившийся в период существования СССР. Вопросы управления и распоряжения собственностью Советского государства за рубежом регулировались согласно Постановлению Совета Министров СССР «О порядке приобретения, отчуждения и аренды земельных участков, зданий и сооружений, находящихся за границей, и их регистрации и учета» от 25 ноября 1980 года.

Одним из последних был издан Указ Президента № 1771 от 23 октября 2000 года «О мерах по улучшению использования расположенного за пределами Российской Федерации федерального недвижимого имущества». Согласно указу вся зарубежная недвижимость России переходит на баланс МИДа и государственного унитарного предприятия при Управлении делами Президента «Госзагрансобственность». Только с их разрешения продаются, закладываются, меняются и дарятся здания и пакеты акций. Только они несут ответственность за управление, использование и обеспечение доходов от объектов российской недвижимости за рубежом, а также за размещение представительств федеральных органов за границей.

Авторы этой аналитической справки «забывают» упомянуть еще одного конкурента в «управлении»

зарубежной собственностью России – минэкономразвития и торговли Г.О. Грефа, через назначаемых им по-прежнему торгпредов активно влияющего на бюрократическую склоку МИДа и УДП под старым царским чиновничьим девизом – а кто главней? – Прим. публ.

Однако такой порядок, по мнению экспертов, является серьезной правовой ошибкой и ставит под угрозу ареста и отторжения национальную недвижимость.

По мнению специалистов, главным тормозом в процессе упорядочения российской заграничной собственности является отсутствие законодательной базы. Законопроекты на эту тему (всего их было 9) начали появляться с 1994 года. В июне 1999 года был принят и утвержден обеими палатами парламента Федеральный закон «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом». Но он не был подписан Президентом. В апреле 2001 года закон был снят с дальнейшего рассмотрения решением Совета Государственной думы в связи с отклонением Президентом Российской Федерации. В частности, Президент указал на то, что Федеральный закон не направлен на установление внутригосударственного порядка управления собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом, а претендует на всеобъемлющую регламентацию всего комплекса отношений (государственно-правовых, гражданско-правовых, международно-правовых), касающихся этой собственности; в Федеральном законе не нашел удовлетворительного разрешения вопрос об объекте регулирования; неясно, включается ли в понятие собственности Российской Федерации, находящейся за

рубежом, кроме федеральной собственности и собственность субъектов Российской Федерации, а также другие замечания.

Таким образом, несмотря на то что за пределами территории Российской Федерации находятся значительные объемы федеральной собственности Российской Федерации, ни в Гражданском кодексе, ни в каком-либо федеральном законе нет четкого механизма управления данным видом федеральной собственности. Отсутствие необходимых правовых норм в законодательстве Российской Федерации усложняет осуществление контроля за эффективностью использования и сохранностью этой собственности. Отсутствие в законодательстве Российской Федерации норм, предусматривающих ответственность физических и юридических лиц за деятельность, направленную на нарушение прав владения, пользования и распоряжения собственностью Российской Федерации за рубежом, также наносит определенный ущерб интересам Российской Федерации в этой области.

В целях совершенствования управления федеральной собственностью, находящейся за рубежом, необходимо. Во-первых, с учетом замечаний Президента возобновить работу над законопроектом «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом». Во-вторых, ускорить работы по созданию единого реестра по контролю за учетом доходов федерального бюджета от коммерческого использования госзагрансобственности. В-третьих, принять меры по защите интеллектуальной собственности, используемой за рубежом. В-четвертых, создать систему постоянного мониторинга федеральной собственности за рубежом. В-пятых, провести работы по совершенствованию

системы оценки федеральной собственности за рубежом. В-шестых, ускорить работы по подтверждению права собственности Российской Федерации, находящейся в дальнем и ближнем зарубежье.

В целом аналитическая справка отражает многолетние предложения Экспертного совета по материальным и культурным ценностям за рубежом, ибо основана на его фактическом материале (но без упоминания источника такой эрудиции. – См.: Краткая библиография; Публикации и интервью В.Г. Сироткина, с. 536-541). И приходится лишь сожалеть, что обсуждение этой аналитической справки 27 марта 2003 г. на расширенном заседании Экспертного совета Комитета по международным делам СФ вылилось в дежурное мероприятие, подобное заседанию 18 января 1995 г. на правительстве и 22 марта 1999 г. в Совете Безопасности РФ. – Прим. публ.

Начальник отдела экономического анализа
Аналитического управления аппарата федерального
Собрания РФ И.И. Харланов

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. – Екатеринбург, 1993.

Безродный И. Амур в огне (о золоте Колчака). – Владивосток, 1932.

Будберг А.П. барон. Дневник белогвардейца. – Л. 1925.

Васильева О.Ю. Кнышевский П.П. Красные конкистадоры. – М. 1994.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Т. 1-2. – Пекин, 1921.

Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. – Нью-Йорк-Москва, 1990.

Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. – М. 1998.

Гутман– Гун А. Россия и большевизм: материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. -Ч. I, 1914-1920. – Шанхай, 1921.

Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж». – М. 1993.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М. 1989.

Карр Э. История Советской России. – Т. 3, ч. V. Советская Россия и внешний мир. – М. 1989.

Кашиц В. Кровь и золото царя. – Киев, 1998.

Колчак А.В. Последние дни жизни. – Барнаул, 1991.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М. 1998.

Конт Ф. Революция и дипломатия (документальная повесть о Христиане Раковском). Предисл. В.Г. Сироткина. – М. 1991.

Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. – М. 1970.

Литвинов И.И. Из дневника 1922 г. // Неизвестная Россия. XX век. – М. 1993.

Милюков П.Н. Россия на переломе. – Т. 1-2. – Париж, 1927.

Павлов В. Упущен ли шанс? – М. 1995.

Петров П.П. Генерального штаба генерал-майор. Роковые годы, 1914-1920. – Калифорния, 1965.

Романова А.Н. Я, Анастасия Романова... – М. 2002.

Россия в Святой земле. Документы и материалы, т. 1-2. – М. 2000.

Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 3 (гос. Третьяковская галерея, гос. Русский музей). – М. 2000; Т. 11, кн. 1 (утраченные книжные ценности). – М. 2002.

Советско– японские дипломатические отношения (1917-1962 гг.). Каталог документов (по материалам АВПРИ). Состав. Чихару Инаба, т. 2. -М.-Токио, 1996.

Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика (на пути к твердой валюте). – М. 1991.

Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. – М. 1995.

Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в 1920-1925 гг. // Публ. С. Власова. – М. 1998.

Хаммер А. Мой век – двадцатый (пути и встречи). – М. 1988.

Черветти Дж. Золото Москвы. – М. 1995.

Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). Избранные статьи. – М. 1996.

Abrikosow D.I. Revelations of a Russian Diplomat. – Seattle, 1964.

Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. – L. 1994.

Fischer L. The Soviet in World Affairs. – Vol. 1-2. L. 1930.

Freymond J. Les emprunts russes. – Paris, 1995.

Gaida R. Moje pameti. – Praha, 1925.

Gorboff M. La Russie fantôme. – Lausanne, 1995.

Janin P.– М. гйн. Ma mission en Sibirie, 1918-1920. -Paris, 1933.

Krasin L. His Life and Work. – London, 1929.

Kudela J. Les legions tchecoslovaques et l'or russe. – Praha, 1922.

Millspaugh A.C. The American Task in Persia. – N.Y.-London, 1925.

Novitzky V. The Russian Gold Reserve before and during the World and Civil Wars (1883-1921) // Russian Gold Reserve. – New York, 1928.

Petroff S. Remembering a Forgotten War (Civil War in Eastern European Russia and Siberia, 1918-1920). – New York, 2000.

Smele Jh. Civil War in Siberia: Anti-bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920. – Cambridge, 1996.

Smele Jh.D. Collins D.N. Колчак и Сибирь: документы и исследования, 1919-1926. – New-ork, 1988 (издано на русском языке).

Smith A. Hitler's Gold. – Oxford. – N.Y.-Mьnhen, 1989.

Wildenstein D. Stavridis. Marchands d'art. – Paris, 1999.

Zabludoff S. Movements of Nazi Gold. – Washington, 1997.

Статьи

Алексеев А. Россия, которую можно вернуть (рец. на кн. В.Г. Сироткина «Золото и недвижимость России за рубежом». – М. 1997) // Коммерсантъ-Деньги. – 1998. – № 4 (февраль).

Алексеев В.В. Цареубийство: следствия и последствия // Мир истории. – 2003. – № 12 (июнь).

Абаринов В. Сокровища рейха: вопрос без окончательного решения // Известия. – 1998. – 2 дек.

Агафонов С. Кому достанется золото Колчака, если оно будет найдено? // Известия. – 1991. – 11 окт.

Башилов Н. Золото русской армии // Трибуна. – 1999. – 18 июля.

Беккер А. Российскую собственность за границей придется отсуживать // Сегодня. – 1995. – 4 июня.

Большаков В. Платить, судя по всему, придется, и Россия должна об этом знать // Правда. – 1994. – 6 июля.

Бойко Ю. Щедрая благотворительность (барон Ротшильд и русские учреждения на Лазурном берегу) // Независимая газета. – 2000. – 23 мая.

Будницкий О. Судьба «колчаковского золота» // Русская мысль. – 2001. – 1-7 февр.

Волкова Л. Золото России: царские долги и царские жесты // Российская газета. – 1994. – 28 дек.

Гак А.М. Дворянов В.Н. Папин Л.М. Как был спасен золотой запас России // История СССР. – 1960. – № 1.

Григорьев Е. Проблема нацистского золота обретает международный характер // Независимая газета. – 1997. – 30 июля.

Гузанов В. Уплывшее золото (русское золото в иностранных банках) // Самурай в России (исторические этюды). – М. 1999.

Гусейнов Э. Царское вознаграждение (только один из ста французов дождался компенсации за потери своих предков) // Известия. – 1999. – 16 апр.

Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Новая Юность. – 1997. – № 22-23.

Дроздов С. Почему Россия лишилась царского подарка? (о российской недвижимости за рубежом) // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Ефимкин А.П. Золото Республики // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Ефимкин А.П. Золото Республики // Волга (Саратов). – 1987. – № 11.

Идашкин Ю.В. Были ли большевики куплены на золото германского Генерального штаба? // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Ильинская Т. Российские владения в Риме // Эмиграция. – 1993. – № 23 (август).

Инглези Х. Как решить вопрос царских долгов? // Известия. – 1992. – 5 марта.

Казаков И. Вернется ли из Японии российское золото? // АиФ-Татарстан – 1997. – 9-15 окт.

Канаев Л. Дворцами не бросаются // Российская газета. – 1998. – 27 мая.

Кирсанов Е. Собирается ли Токио возвращать долг? // Независимая газета. – 1998. – 5 авг.

Кладт А.П. Кондратьев В.А. «Золотой эшелон» (возвращение золотого запаса РСФСР, март-май 1920) // Исторический архив. – 1961. – № 1 (публикация документов).

Коваленко Ю. Французы предлагают покрыть царские долги с помощью капиталов КПСС, упрятанных в парижских банках // Известия. – 1992. – 3 нояб.

Ковешников Ю. Золото. «Открытый урок» (еженедельное приложение к «Учительской газете»). – 1996. – № 31, 32.

Козлов Г. Супермузей для супервласти // Итоги. – 1998. – № 25. – 30 июня.

Коротков Л. История о «красном галеоне» // Амурская правда (Благовещенск). – 1992. – 1 авг.

Копосова Н. Золотая лихорадка (интервью с депутатом Госдумы В.А. Лисичкиным) // Российская газета. – 1995. – 31 янв.

Кузнецов И. Так кто же должник? // Сын Отечества. – 1991. – 8 февр.

Коллудон В. «Ленинское» золото во Франции // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Куперт Т. Щепоткин В. Долги России: когда же с ними разберемся? // Российская Федерация сегодня. – 2002. – № 1 (январь).

Кучеренко В. Как Владлен Сироткин Лондон взволновал // Российская газета. – 1999. – 18 марта.

Ланской В. Первый проблеск «нацистского золота»: почему молчит Россия? // Российская газета. – 1997. – 18 июля.

Лебедев Е. Что с возу упало (как возвратить увезенные на Запад капиталы?) // Трибуна. – 1998. – 30 янв.

Лившиц С.Г. Новое о «золотом эшелоне» // Алтай (Барнаул). – 1969. – № 4.

Лисанов Е. За российское золото стоит побороться // Парламентская газета. – 2000. – 17 авг.

Макаркин А. Где спрятано русское золото? (об этом – книга историка Владлена Сироткина) // Сегодня. – 2000. – 24 янв.

Манько А. Жизнь займы (из истории российских государственных долгов) // Век. – 1993. – № 24.

Масарский М.В. Золото «царское», «ленинское», «колчаковское», «семеновское» // Литературная газета. – 1997. – 26 нояб.

Масарский М.В. Сироткин В.Г. Долги России, или Игра в одни ворота // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Михеев В. Скосырев В. Царское золото спасло бы Россию // Известия. – 1999. – 18 марта.

Моравский Н.В. Страницы истории сибирского областничества в собраниях документов Гуверовского института и из архива моего отца В.И. Моравского // Культура российского зарубежья. Сб. статей. – М. 1995.

Настало время окончательно решить вопрос с российскими претензиями на недвижимость в Германии // Новая ежедневная газета. – 1994. – 28 июня.

Натаров В. Золотой след // Литературная газета. – 1995. – 24 мая.

Папилова Ю. Авгиевы конюшни // Коммерсантъ. – 1998. – 27 мая.

Папилова Ю. Калашнов Ю. Мингосимущество включилось в борьбу за зарубежную собственность // Коммерсантъ. – 1998. -21 мая.

Петраков Н. Едим сосиски из голландской коровы (зато французам исправно платим царские долги) // Россия. – 2003. – № 6. – 13-19 февр.

Петров С.П. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914-1920-х гг.? (доклад) // Дипломатический ежегодник. – М. 1995.

Петухов С. Третья естественная монополия (о книге проф. В. Сироткина) // Эксперт. – № 14. – 2000. – 10 апр.

(переп. в еженед. «Мир за неделю». – 2000. – № 13. – 8-15 апр.).

Попов Ю. Не было пороха в пороховницах? (интервью с химиком Л.В. Забелиным) // Труд. – 1998. – 29 сент.

Поспелова Н. Святыни, золото и конъюнктура (беседа с министром культуры Евг. Сидоровым) // Век. – 1995. – № 33.

Самойлова Н. ГКИ провело ревизию зарубежной собственности России // Коммерсантъ-Daily. – 1995. – 4 июля.

Седых И. Швейцарский след нацистского золота // Московские новости. – 1997. – 7-14 дек.

Смирнов А. Снова о золоте Колчака // Клады и сокровища. – 1999. – № 1-2.

Снегирев Ю. Кошелек на черный день // Известия. – 1999. – 15 мая.

Сосков В. Миллионер, умерший в нищете // VIP. – 1998. – № 11-12.

Список русских учреждений в Палестине и Сирии (1903 г.) // Дипломатический ежегодник. – М. 1992. – С. 260-268.

Суханов А. Тайна «золотого эшелона» // Modus Vivendi. – 1995. – 15 сент.

Тавобова Л. Скандал вокруг золота Трои // Московский комсомолец. – 1996. – 25 янв.

Хисамутдинов А. История «колчаковского» золота // Владивостокское время. – 1995. – 22 июля.

Холл У. Власти Швейцарии предотвратили международный бойкот своих банков // Финансовые известия. – 1997. – 21 янв.

Черепяхин В. Время собирать золото России // Независимая газета. – 1998. – 22 мая.

Черных Е. Злата Прага с русской позолотой // Комсомольская правда. – 1992. – 4 февр.

Черток С. (Иерусалим). Русские паломники в Палестине // Русская мысль. – 1996. – 11-17 янв.

Швыдкой М. Депутаты решают судьбу золота Шлимана // Независимая газета. – 1995. – 16 мая.

Шитьков С. О российском заграничестве // Международная жизнь. – 1999. – № 5.

Штекер Дж. Буранов Ю. Тайна Арманда Хаммера (знаменитый американский промышленник был агентом Коминтерна) // Известия. – 1992. – 10 июня.

Atoun H. Empunts russe: on reparle de remboursement // Le Quotidien de Paris. – 1995. – 12 avril.

Franchetti M. Russian takes claim to czar's London Gold // Sunday Times. – 1999. – 14 march.

Jacquin J.-B. Les derniers croyants de l'emprunt russe // L'Expansion. – 1995. – 14-27 avril.

Barron K. Golden digger // Forbes. – 2000. – 29 may.

Mafia russe (подборка материалов о русской мафии в Париже и на Лазурном берегу) // France-Soir. – 1998. – 14 avril.

Публикации и интервью В.Г. Сироткина

- От Гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. Сб. статей. – М. 1988.
- Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. Сб. статей. – М. 1990.
- Марк Масарский: путь вверх российского бизнесмена. – М. 1994.
- Золото и недвижимость России за рубежом. – М. 1997 (расширен. и дополн. переиздание в 2000 г.).
- Демократия по-русски. – М. 1999.
- Кто обворовал Россию? – М. 2003.
- Почему «слиняла» Россия? Кн. 1. – М. 2003.
- Шлейф «царских долгов» // Деловые люди. – 1991. – № 3 (март).
- Царские долги надо платить: весь вопрос в том – когда? // Известия. – 1992. – 14 марта.
- Вернется ли на Родину российское золото (послесловие М. Масарского) // Знамя. – 1992. – № 8.
- Государево золото // Неделя. – 1993. – № 16 (апрель).
- Куда ушло «российское золото»? // Аргументы и факты. – 1993. – № 17.
- Царское золото (интервью с Л. Оганджянцем) // Пульс. – 1993. – № 8 (август).
- Апельсиновый гешефт (интервью Вл. Щедрина с В.Г. Сироткиным) // Рабочая трибуна. – 1994. – 19 февр.
- Царский подарок у берегов Шотландии (о судьбе российского золота и недвижимости за рубежом) //

Недвижимость за рубежом (ежемесячный журнал). – 1994. – № 1 (август).

– Что с возу эпохи упало (интервью зам. главного редактора А. Черняка с проф. В. Сироткиным) // Правда. – 1994. – 12 авг.

– Русское золото находится во Франции, Японии, Чехии // Россия. – 1994. – 9-15 ноября.

– Длань Петра // Неделя. – 1994. – № 12.

– Еще 100 млрд. долларов. Кто и когда вернет их стране (о «царской» недвижимости за рубежом) // Россия. – 1994. – 7-13 декабря.

– Почему «государевым слугам» не требуется «государево золото»? // Неделя. – 1994. – № 32.

– Золото русских царей и борьба за власть в России // Панорама (Лос-Анджелес). – 1995. – 4-10 янв.

– Русское золото, или Кто кому должен? (интервью собкора в Париже В. Прокофьева с проф. В.Г. Сироткиным) // Труд. – 1995. – 16 июня.

– Щедрый подарки Парижу и Токио // Огонек. – 1995. – № 43 (октябрь).

– Рука Москвы (российской собственности за границей хватило бы на уплату всех наших долгов; и еще бы осталось) // Огонек. – 1995. – № 47 (ноябрь).

– Золото империи рассыпано по всему миру. Но нам оно не нужно (интервью Н. Бондаренко с В.Г. Сироткиным) // Общая газета. – 1995. – 16-22 ноября.

– Россия и Запад: кто кому должен? // Век. – 1995. – № 14.

– «Нулевой вариант» (как вернуть российское богатство, упавшее с воза истории?) // Век. – 1995. – № 29.

– «Век» выступил – Япония взволновалась (еще раз о скандальной ситуации вокруг российского золота) // Век. – 1995. – № 33.

– Долги наши царские // Век. – 1996. – № 47.

– Царское золото передавалось Японии не только под расписки (решению проблемы могло бы помочь создание совместного консорциума) // Независимая газета. – 1997. – 25 июля.

– В поисках российского золота и недвижимости (беседа Игоря Михайлова с профессором Владленом Сироткиным) // Русская мысль (Париж). – 1997. – 4-10 дек.

– А «ленинское» золото все-таки во Франции! // Литературная газета. – 1998. – 28 янв.

– Не золото КПСС, а золото России // Историческая газета. – 1998. – № 2. (март-апрель).

– Где наши 47 тонн золота? // Правда. – 1998. – 8 апр.

– Князь Оболенский и русская Ницца // Правда. – 1998. – 14 мая.

– Хобби профессора Сироткина (интервью с Михаилом Гохманом) // Версия. – 1998. – 16-23 июля.

– Закон сохранения недвижимости (интервью с Юрием Калашновым) // Коммерсантъ-Деньги. – 1998. – № 28. – 29 июля.

- Все еще русская Ницца // Коммерсантъ. – 1998. – 1 авг.
- Откуда деньги на займы? // Независимая газета. – 1998. – 8 авг.
- Запад должен России 400 млрд. долл. // Комсомольская правда. – 1998. – 14 авг.
- «Субтропический» капитализм и Россия // Независимая газета.
 - 1998.
 - 29 авг.
- А деньги у России – в тумбочке. Профессор Сироткин убедительно доказывает: «Запад должен нам 400 миллиардов долларов!» (интервью с Сергеем Шараевым) // Трибуна. – 1998. – 15 сент.
- За что нас порет история (заметки о генезисе российской власти за сто лет) // Независимая газета.
 - 1998. – 22 сент.
- Правительство взялось за зарубежную собственность // Коммерсант. – 1998. – 20 нояб.
- Дом Романовых заплатит по счетам. Правительство Евгения Примакова займется поиском царской недвижимости и золота за рубежом (интервью с Сергеем Шараевым) // Трибуна. – 1998. – 22 нояб.
- Золото и дипломаты // Международная жизнь. – 1999. – № 1.
- Долги России (что Россия должна другим странам и что другие страны должны России?) // Diplomat (изд. ГлавУПДК при МИД РФ). – 1999. – № 2, 3.

– По долгам России заплатит не Россия // Коммерсантъ. – 1999. – 12 февр.

– Царское золото вместо советских долгов (записала Юлия Малахова) // Российская газета. – 1999. – 26 февр.

– Золотой блеск туманного Альбиона (интервью с Сергеем Шараевым) // Трибуна. – 1999. – 17 марта.

– Россия – Запад: кто кому должен? // Финансовая Россия. – 1999. – № 20 (май).

– Плевков в колодец (экспертная оценка) // Коммерсант-Деньги. – 1999. – № 25. – 30 июня.

– Тернистый путь к Промпартии (заметки историка) // Промышленная правда (Московское отделение РСПП). – 2000. – 6 окт.

– Кажется, лед наконец тронулся (зарубежная собственность России может и должна обрести законного владельца) // Независимая газета. – 2000. – 11 апреля.

– Охота за забытым золотом (интервью Вл. Емельяненко с В. Сироткиным, А. Вольским и М. Масарским) // Московские новости. – 2000. – № 19. – 16-22 мая.

– Финансовые дороги на Западе – это не наши проселки (почему швейцарская Нога вдруг пнула Россию?) // Независимая газета. – 2000. – 24 июля.

– Сыграем ли мы с японцами в «золотой мяч»? (таким «мячом» могут стать ее права на «русское золото» в Японии, стоимость которого сегодня составляет 80 млрд. долл.) // Независимая газета. – 2000. – 26 сент.

– Россия озолотила весь мир, но стесняется попросить свое добро обратно (интервью с А. Илюхиным) // Общая газета. – 2001. – 22-28 янв.

– Русские козыри в чужом кармане (сколько у России собственности за рубежом?) // Российская газета. – 2001. – 13 апреля.

– Весь мир усыпан российским золотом (10% тому, кто вернет его обратно!) // ПМЖ (иллюстрированный журнал). – 2001. – сентябрь.

– МВФ живет на золото России (беседа с главным редактором информационного агентства «Мир новостей» ген. Н.Кружилиным) // В гостях у главного редактора (сб. интервью). – М. 2001.

– Бойтесь данайцев (о писаниях О. Будницкого) // Русская мысль. – 2001. – 1-7 июня.

– Наемный Будницкий (чьи деньги отрабатывает штатный «разоблачитель») // Россия. – 2002. – 11-17 июня.

– Евро поможет нам наконец-то соскочить с «долларовой иглы» (почему китайцы первые в очереди за новыми деньгами?) // Россия. – 2002. – 31 янв. – 6 февр.

– Из России в евро-Россию? // Наш современник. – 2002. – № 5 (май).

– Европе нужны Хельсинки-2. Иначе «долларовая игла» ее погубит // Вестник аналитики. – 2002. – № 2(8).

– Анастасия – значит «воскресшая» (отчет о пресс-конференции в агентстве «Мир новостей» с участием В.Г. Сироткина) // Крыша мира (журнал для семейного чтения). – 2002. – Октябрь.

– Чубайс дал команду «фас!» (лесневское Рен-ТВ выполняет заказ «координатора Семьи») // Россия. – 2002. – 25-31 июля.

– Золото Анастасии (телевизионный сценарий, в соавторстве с Д. Ольшанским) // Россия. – 2002. – №№ 39-43, 45-52; 2003. – № 1-3.

– Реституция к юбилею (о восстановлении Янтарной комнаты) // Литературная газета. – 2003. – 28 мая– 3 июня.

– Культура вместо революции (почему Россия как правопреемник СССР не справляется с ролью великой культурной державы) // Литературная газета. – 2003. – 4-10 июня.

– Рузвельт и Сталин: к истории создания МВФ и ВБ (в соавторстве с Д.С. Алексеевым, Саратов) // Философия хозяйствования. Альманах экономфака МГУ. – 2003. – № 2(26). – Март-апрель.

– Царево золото // Мир истории. – 2003. – № 12 (июнь).

– Россия – родина МВФ! («исторический компромисс» США и СССР мог сделать послевоенную картину мира совершенно иной). // Литературная газета. – 2003. – 3-9 сент.

– Russia owns \$300 bn worth of gold and real estate abroad // Diplomatic courier. – 1994. – 9 oct.

– Колчаковское золото в Японии (интервью) // Токио симбун. – 1995. – 3 дек. (на япон. яз.).

– La Russie «d'outre-mer» // Гйополитике (Paris). – 1996. –? 4.